

Макс
Фриш

ТРИПТИХ

FOLIO

МАКС

Ф Р И Ш

ТРИПТИХ

ПОПЕЛЕНЦА

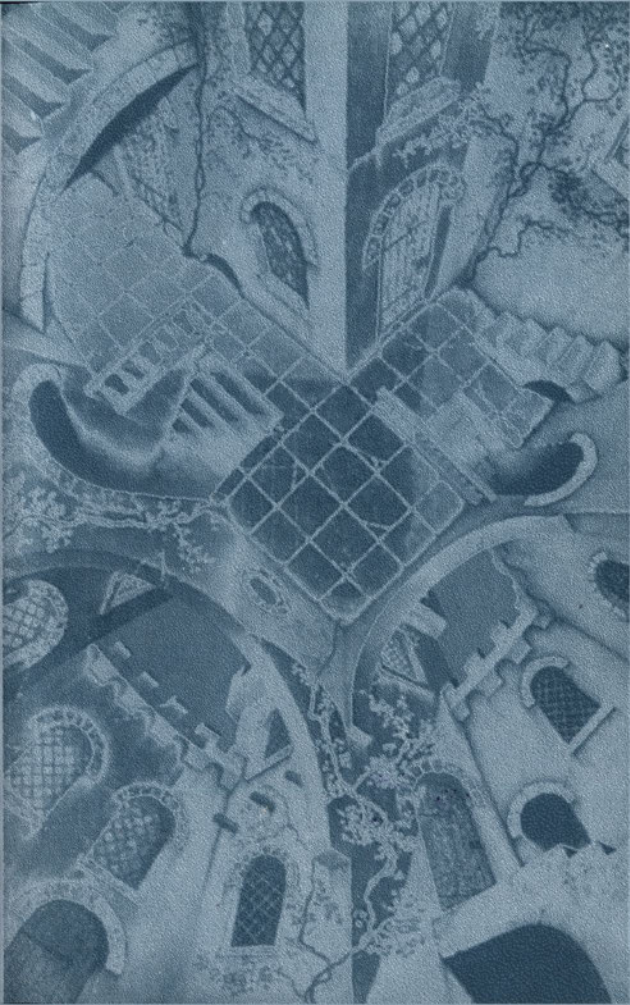

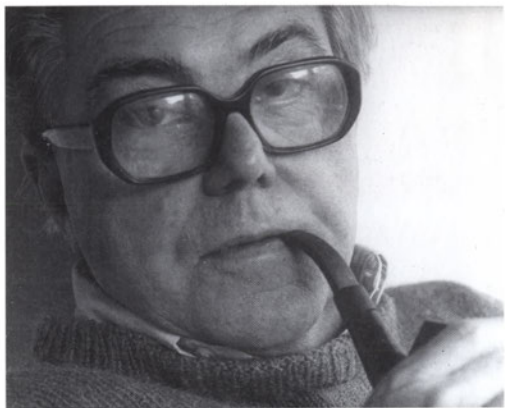
ISBN 5-17-003015-0

9 785170 030156

K O L L E K T I O N

Beethoven

КОПЛЕЦА

MAX

FRISCH

МАКС

Ф Р И Ш

ТРИПТИХ

Перевод с немецкого

УДК 830
ББК 84.4Ш
Ф 90

Серия «Вершины. Коллекция»
основана в 1999 году

Издание осуществлено
при финансовой поддержке фонда
«PRO HELVETIA»
(Швейцария)

Составитель
Е. А. Кацева

Художник-оформитель
Б. Ф. Бублик

Фриш М.

**Ф 90 Триптих: Пьесы: Пер. с нем./Сост. Е.А. Кацева;
Худож. оформ. Б.Ф. Бублик. — Харьков: Фолио; М.:
ООО «Издательство АСТ», 2000. — 560 с. — (Вершины
Коллекция).**

ISBN 966-03-0801-9.

В книге представлено драматическое наследие известного швейцарского писателя Макса Фриша (1911—1998), в том числе впервые публикуемая на русском языке пьеса «Триптих» и новые переводы пьес «Андорра» и «Биография».

Ф 4703010300 — 083 Без объявл.
2000

**УДК 830
ББК 84.4Ш**

**ISBN 966-03-0801-9 (Фолио)
ISBN 5-17-003015-0 (АСТ)**

© Suhrkamp Verlag, 1976, 1978, 1984
© Е. А. Кацева, составление, 2000
© Б. Ф. Бублик, художественное оформление, 2000
© Издательство «Фолио», марка серии, 2000

САНТА-КРУС

Пьеса-романс

Santa Kruz
Eine Romance

1944

© 1976 Suhrkamp Verlag
Frankfurt am Main

Действующие лица

Э л ь в и р а, женщина 35 лет

В и о л а, ее дочь

Б а р о н, ее муж

П е л е г р и н, бродячий певец

Х о з я и н т р а к т и р а

Д о к т о р

С л у г а

П и с а р ь

К о н ю х

Н е г р

П о л и ц е й с к и й

П е д р о, закованный поэт

К р е с т ь я н е - а р е н д а т о р ы

М а т р о с ы

М о г и л ь щ и к и

М у ж ч и н а, малаец, зеваки, фигуры

Действие пьесы продолжается семь дней и семнадцать лет

ПРОЛОГ

В трактире.

По одну сторону сидят крестьяне — молчаливо и скучно играют в карты. По другую, ближе к переднему плану, — доктор и Пелегрин, который, сидя на столе, бренчит на гитаре и вполголоса напевает.

П е л е г р и н. Явайская песня... ее всегда пели матросы, эти загорелые дьяволы с глазами кошек, когда мы валялись на палубе и не могли заснуть от жары! Семь недель мы плыли вдоль Африки, бочки адски воняли, а над морем, словно фонарь, подвешенный к мачте, висел серебряный гонг — полумесяц... И вот в такие ночи они ее пели, в те безветренные ночи... *(Снова поет.)*

Д о к т о р. Жозефина!

Входит мужчина, отряхивая пальто от снега.

М у ж ч и н а. Ну и снег идет!.. Доктор, а там на кладбище опять кого-то хоронят. Пришли с пением, с ладаном, гроб впереди, все как полагается, и — вот вам крест! — не могу найти могилу, такой снег идет. *(Садится.)* Мне вишневу.

Д о к т о р. И нам, Жозефина, еще бутылочку!

П е л е г р и н. Она любила меня...

Д о к т о р. Кто?

П е л е г р и н. Возможно, я повел себя, как подлец, тогда, семнадцать лет назад, и все-таки, милый доктор, поверьте, как верят в чудо — безрассудно, вопреки всему: она любила меня!

Д о к т о р. Кто?

П е л е г р и н. У меня не было другой возможности снова увидеть ее, нужна была посудина — любая, какая найдется, и мы захватили первую попавшуюся, где-то около Марокко. Бедные французы! Они были пьяны вдребезги, и мы побросали их за борт, всю команду: буль, буль,

булы! Мы замазали герб, распустили паруса... и тринадцать недель я мчался к ней.

Доктор. К кому?

Пелегрин. Меня смех разбирает, как вспомню ее отца. «Моя дочь, говорит, сокровище, вы недостойны даже взглянуть на нее, бродяги!» «А где она?» — спрашиваю. «Не твое дело, — рычит он, — она помолвлена».

Доктор. Помолвлена?

Пелегрин. С одним аристократом, бароном!

Доктор. Да-а?

Пелегрин. Да-а... В ту же ночь на моем корабле, в моей каюте она лежала в моих объятиях.

Доктор. Кто?

Пелегрин. Эльвира. Чудесная девушка.

Доктор. Эльвира? Наша баронесса? Госпожа из замка?

Пелегрин. Тсс, тихо!

Хозяйка приносит еще одну бутылку.

Хозяйка. Господа, эта бутылка у меня последняя.

Доктор. Нашего друга замучила жажда.

Хозяйка. Вижу.

Доктор. Наш друг, должен вам сказать, объездил весь свет, он видел больше, чем может присниться всем Жозефинам...

Хозяйка. Откуда вам знать, что мне может присниться?

Доктор. Он скитался по свету, пока не схватил лихорадку.

Хозяйка. Лихорадку?

Доктор. Вы только представьте: целый год ему нельзя было пить. А сегодня мы празднуем его выздоровление.

Хозяйка. Поздравляю... (*Наполняет стаканы.*) Если вы и вправду выздоровели.

Пелегрин. Еще бы не вправду!

Хозяйка. Будем надеяться, что так, господин. Обычно он такой болтун, наш доктор, жалеет людей и поэтому лжет им.

Пелегрин. Не сомневайтесь, мадам, на сей раз он ни капельки не солгал.

Хозяйка. Почему вы так уверены?

Пелегрин. Почему! Да потому, что это не его диагноз, я сам ему сказал, что здоров.

Х о з я й к а. Ну, тогда...

П е л е г р и н. Здоровее, чем когда-либо.

Х о з я й к а. Дай Бог. (*Присаживается.*) А то всяко бывало, знаете ли. Тут вот и пьют и веселятся иной раз, празднуют выздоровление, а потом, глядишь, везут его через месяц на кладбище, выздоровевшего-то... Ну да что там, я ведь это так просто, вы не подумайте... И все это из одной любви к людям, понимаете; повозится он со своими больными, а там и пожалеет их, добрая душа: отчего же, говорит, не повеселиться напоследок?

П е л е г р и н. Не сомневайтесь, мадам...

Х о з я й к а. Знаю уж, знаю!

П е л е г р и н. Через месяц, говорите?

Х о з я й к а. Ой, да вы не подумайте чего, Христа ради!..

П е л е г р и н (*смеется*). Через месяц, мадам, я буду уже далеко в море! (*Пьет.*) В самом деле, доктор, на Кубе меня дожидается одна ферма, всеми забытая, опустевшая, выгоревшая ферма, я буду выращивать на ней фрукты: ананасы, персики, сливы, инжир, виноград! Корабль отходит через месяц. А через год, клянусь, я пришлю вам свой собственный кофе!

Х о з я й к а. Кофе?

П е л е г р и н. Все те недели, пока меня трепала лихорадка и я валялся больной и жалкий, я чувствовал себя, как в пожизненном заключении, и все добряки, приходившие меня утешать, понимали, что лгут, говоря, что я еще встану на ноги и отправлюсь куда захочу... Теперь уж все позади, а тогда, в те дни, я думал только об одном: выпить бы еще бутылку вина, выбраться бы еще раз к живым людям!..

Д о к т о р. Да, вы часто говорили об этом.

П е л е г р и н. И вот...

Д о к т о р. Бутылка еще не пуста...

П е л е г р и н. Вы только посмотрите на этих людей!

Д о к т о р. Я вижу их.

П е л е г р и н. Почему они не живут?

Д о к т о р. Что вы хотите этим сказать?

П е л е г р и н. Жизнь коротка. Они не знают этого? Почему они не пьют? Почему не живут?..

Шум среди крестьян.

П е р в ы й. Поцелуй меня в задницу, понял?!

В т о р о й. Завтра я пригоню быков...

Первый. Да не буду я их кормить, еще на ярмарке тебе сказал — не буду! Пригони их сам дьявол — не буду, и крышка!..

Третий. Весной, как начнем пахать, ты и сам им не нарадуешься.

Первый. Весной!

Третий. Барон хотел сделать, как лучше...

Первый. Хотел! Каждый не дурак покупать быков, коли есть деньги. А чтоб арендатор их кормил! Увижу барона, скажу ему прямо в лицо: хотеть и делать — не одно и то же, ваша милость!

Третий. Ты нам все только испортишь...

Первый. По козырю...

Продолжают играть молча, но с силой ударяя картами по столу.

Пелегрин. Что это за люди?

Хозяйка. Арендаторы.

Доктор. Связаны с замком.

Пелегрин. С замком?

Доктор. Как лошадь с повозкой.

Хозяйка. Целый месяц уж спорят из-за быков, которых им купил барон. Скоро до того дойдет, что самих быков будут спрашивать, как с ними поступить...

Пелегрин. Барон, вы говорите?

Хозяйка. Наш барон! — как здесь все говорят. Наш замок! А никто из нас в замке еще и не был, ни разу за всю свою жизнь.

Пелегрин. Почему же?

Хозяйка. Никого не пускают. Разве что арендаторов по праздникам, когда те являются со своими подношениями.

Пелегрин. Почему же туда никого не пускают?

Хозяйка. Почему? А вот подите и спросите у них, коли хотите знать. Попробуйте, попробуйте, представляю себе, как барон вам обрадуется!

Пелегрин. А почему бы и нет?

Хозяйка. Он — человек порядка, не то что какой-нибудь бродячий певец...

Пелегрин. Как он, собственно, выглядит?

Хозяйка. Барон?

Пелегрин. Похож на орла с трубкой, а?

Доктор. В точности!

Хозяйка. Похож...

Пелегрин. А дети у него есть?

Доктор. Дочка.

Пелегрин. Ах, дочка...

Доктор. Вас это удивляет?

Хозяйка. Поговаривают, если угодно знать, что эта благородная детка на отца ни капельки не похожа... Я говорю только, что все кругом говорят, а по мне, баронесса тоже женщина и когда-то ведь была молодой, как вы думаете?

Пелегрин. А теперь она немолода?

Хозяйка. И ведь как спрашивает, будто ему обидно! Она тоже, должна вам сказать, немало по свету поездила...

Пелегрин. Если позволите, еще один вопрос.

Хозяйка. Какой?

Пелегрин. Как ее зовут?

Хозяйка. Кого?

Пелегрин. Мать, баронессу, госпожу, супругу, живущую в замке.

Хозяйка. А зачем вам это знать?

Пелегрин. Эльвира?

Хозяйка. О, да вы, как видно, в курсе дела!

Пелегрин. Что вы, просто угадал. *(Ударяет по струнам.)*

Среди женских имен

Лишь одним покорен...

Слышны приближающиеся шаги.

Хозяйка. Господи, кого же там еще несет? *(Выходит.)*

Доктор. Вас, кажется, что-то задело, мой друг?

Пелегрин. Я пойду в замок.

Доктор. Вы? Вы это серьезно?

Пелегрин. Я пойду в замок.

Доктор. И думаете, вас примут?

Пелегрин. Еще раз выбраться к живым людям... А, вы имеете в виду это — ботинки, куртка? Она любила меня. Таким, как я есть. Почему бы нам не увидаться снова?.. Большого я не хочу... Только один раз, совсем недолго, мы побудем вдвоем, Эльвира и я. Я зажгу свечи. Я не стану ее целовать. Прошрое неприкосновенно. Не нужно ничего повторять. Я вижу — она жива. И мне довольно. А на следующий день я уеду.

Доктор. Именно так все и будет, именно так!

Пелегрин. Потом будь что будет, доктор, но это жизнь, еще раз жизнь...

Входят могильщики, ставят к стене лопаты.

М у ж ч и н а. Ну, господа могильщики, нашли вы ее наконец?

Д л и н н ы й. А что мы должны были найти?

М у ж ч и н а. Могилу.

К о р о т ы ш. М-да, черт бы ее побрал, вырыли на целую сажень, могила получилась — прямо загляденье, лучше не бывает, уж мне-то можете поверить — я, почитай, их штук семьдесят накопал с тех пор, как...

Д л и н н ы й. А как они ее нашли?

К о р о т ы ш. Поп нашел.

М у ж ч и н а. Как?

Д л и н н ы й. А очень просто, дорогой, очень просто...

К о р о т ы ш. Идет, книжечку свою в руках держит, ступил ногой в снег — и кувырк! вместе со всеми своими причиндалами.

Д л и н н ы й. Эй, шнапсу, да покрепче...

Крестьяне, слышавшие историю, пересказывают ее другим.

П е р в ы й. Кто?

В т о р о й. Поп!

Крестьяне смеются.

Х о з я й к а. Эй, да куда же это он? Эй, с гитарой, куда ты? *(Бежит за уходящим Пелегрином.)*

Д л и н н ы й. Честно говоря, доктор, от вашего врачевания работы у нас не убавляется. Работа — доход, и доход честный. Иной раз полдня торчишь на морозе. А людям ведь все равно умирать, вот и приходили бы сюда за этим самым, ведь мы тем и живем, я говорю...

Возвращается хозяйка.

Х о з я й к а. Ну каков подлец! Так вот и убежал — с моей гитарой! Вам хорошо смеяться, гитара-то моя, не ваша!

Д о к т о р. Да я вовсе не смеюсь.

Х о з я й к а. Так и убежал...

Д о к т о р. Не беспокойтесь, Жозефина! Вернут вам вашу гитару.

Х о з я й к а. Да вы только так говорите.

Д о к т о р. Ручаюсь вам.

Х о з я й к а. Но когда? Когда?

Д о к т о р. Очень скоро.

Х о з я й к а. Каким же образом, хотела бы я знать?

Д о к т о р. Он ее далеко не унесет, вашу гитару, не дальше, чем...

Х о з я й к а (замечает что-то на столе). А это что такое? А?

Д о к т о р. Его плата — коралл.

Х о з я й к а. Коралл?

Д л и н н ы й. Настоящий коралл?

К о р о т ы ш. Никогда еще не видел коралла.

Могильщики подходят ближе.

Ты когда-нибудь видел коралл?

Рассматривают коралл.

Д о к т о р. Он хочет спеть серенаду в замке, понимаете?

Х о з я й к а. И он думает, его туда пустят?

Д о к т о р. Да, он так думает.

Х о з я й к а. С моей-то гитарой! Да если он доберется хотя бы до челяди и его пустят на кухню, то и это уж будет немало!

Слышен мотив явайской песни.

Д о к т о р. Слышите? Вот так у него на душе, в книгах это называют эйфорией. Чудесное состояние, ему теперь все пипочем, он полон музыки, жизни — в нем ее больше, чем во всех нас, вместе взятых...

Х о з я й к а. И этот тоже?

Д о к т о р. И этот.

Х о з я й к а. Через месяц?

Д о к т о р. Через неделю.

Хозяйка крестится.

Д л и н н ы й. Откуда они только ни приходят, а мы тем и живем, я говорю...

Х о з я й к а. Через неделю?

Д о к т о р. Я ему почти завидую.

Х о з я й к а. Что он будет жить всего неделю?

Д о к т о р. Нет, что он неделю будет — жить.

АКТ ПЕРВЫЙ

В замке.

Барон стоя набивает трубку. На столе, за которым сидит писарь, горят свечи. В выжидательной позе стоит конюх.

Барон. Вот и все, Курт, что я хотел тебе сказать. Дело совершенно ясное, не будем о нем больше говорить... Вон там твоё жалованье.

Конюх. Ваша милость хотят-таки уволить меня?

Барон. Порядок прежде всего. *(Зажигает трубку.)* Порядок прежде всего. Восемь лет ты присматривал за моими лошадьми...

Конюх. Восемь с половиной.

Барон. И, как теперь выяснилось, каждый день, наполняя этот квсет, ты крал у меня горсть табаку — каждый день в течение восьми с половиной лет.

Конюх. Я очень сожалею об этом, ваша милость.

Барон. Я тоже, Курт.

Конюх. Я знаю, что не должен был этого делать. Хотя то была не горсть, как говорит ваша милость, а щепотка, всего одна щепотка — это ведь разница, ваша милость. Восемь с половиной лет — это, конечно, не пустяки, но...

Барон. Ты мне нравился. Ты был веселым парнем. Восемь лет ты распевал песни — в моем доме это удаётся не всякому. Постепенно здесь отвыкают петь. Все думают, раз я сам не пою, то и вообще терпеть этого не могу... Лошади у тебя всегда были в порядке, лучшего слуги я и желать не мог.

Конюх. Ваша милость часто так говорили.

Барон. Мне жаль увольнять тебя.

Конюх. А если я верну табак? Можно подсчитать, сколько это составит — восемь с половиной лет, каждый день по щепотке, я бы вернул тем же самым сортом!

Б а р о н. Не в табаке дело, молодой человек.

К о н ю х. Зачем же меня увольнять, ваша милость, если дело не в табаке?

Б а р о н. Порядок прежде всего. *(Тем же тоном, что вначале.)* Вон там твои деньги. Ночь можешь провести еще в доме, но завтра, повторяю, я не хотел бы тебя здесь встретить.

Конюх берет деньги и уходит.

Жаль, конечно. Но прости я его, так он подумает, я делаю это лишь потому, что не хочу искать нового конюха, и разве он будет не прав? Для меня и в самом деле так было бы удобнее, но ему это не пошло бы на пользу — он стал бы дерзок. Ему нужен господин, которого он будет уважать, сам себе он не может быть господином. *(Писарю.)* На чем мы остановились?

П и с а р ь. «В-третьих, что касается двух быков, которых я купил, чтобы вы могли пахать на них весной и которых теперь, зимой, никто не хочет кормить...»

Б а р о н. Советую вам собрать всю свою волю и разум, чтобы употребить их с пользой для дела. Я со своей стороны сделаю то же, чтобы не ухудшать наших отношений. Послезавтра будет праздник, мы поговорим обо всем этом, когда вы придете в замок.

Писарь записывает.

Вот и все как будто. Или добавь еще: что до тревог и волнений по поводу ящура...

П и с а р ь. «По поводу ящура...»

Б а р о н. ...то если вы будете продолжать поить скотину шнапсом и ждать от этого Бог весть какого чуда, знайте, что шнапс ваш потерян даром! Чистите животных щеткой, как я распорядился, а шнапс лучше лакайте сами, только сначала чистите их щеткой. *(Собирается уходить.)* На сегодня все.

П и с а р ь. А дневник?

Б а р о н. Нет уж, уволь!

П и с а р ь. За целую неделю ни одной записи, ваша милость.

Б а р о н *(садясь)*. Что может произойти у нас за неделю? Дни стали короче, забот навалило, как снега, ни выехать, ни поохотиться на зайцев. В воскресенье был очередной день рождения моей милой супруги. Ели утку,

это было чудесно... Еще — уволил конюха... Еще — порядок прежде всего...

П и с а р ь. «Порядок прежде всего»...

Б а р о н. Э, да ты записываешь?! ..

П и с а р ь. «Что случилось с бароном за неделю».

Б а р о н. Замолчи! ..

П и с а р ь. Я думал, вы всерьез говорите.

Б а р о н. Впрочем, оставь. Но никому не читай этого, даже мне... И поторопись, тебя ждет свободный вечер... Время уже позднее.

Писарь собирает бумаги, кланяется и уходит.

Мне видится Страшный суд: подле Господа, произнесшего мое имя, стоит этот шалопай-писарь, звучат трубы, он читает: «Порядок прежде всего, порядок прежде всего...» Его слушают все ангелы, и я с челом, с которого еще не сошла смертельная бледность...

Входит слуга.

В чем дело?

С л у г а. Я помешал вашей милости?

Б а р о н. А, дрова принес, правильно сделал.

С л у г а. Я подумал, раз на улице идет снег...

Б а р о н. Да, он идет уже семь дней.

С л у г а. И семь ночей. (*Стоит с дровами в руках.*)

Семь дней и ночей все идет снег. А от снега растет тишина, все выше и выше. Снег падает на лес, на дороги, на каждый камень, и каждую ветку, и каждый столб. Одна только тишина да снег, вот уже семь дней и ночей. Куда ни помотришь — везде снег. Даже на сосульках. Он и ручей запорошил, и все смолкло... (*Задумчиво смотрит перед собой.*) Ваша милость...

Б а р о н. Да?

С л у г а. Нашего колодца во дворе уже не видно...

Б а р о н. Ты боишься?

С л у г а. Боюсь? (*Наклоняется и разводит огонь в камине.*) Там внизу, на кухне, — мы все там сидим, на кухне, с последнего воскресенья никто не уходит в свою комнату — все говорят, что в комнатах холод и снег, он проникает сквозь кирпичи. Вот мы все и ютимся на кухне; ребятишки спят в корзинах для овощей, а мы болтаем до глубокой ночи. Йозеф говорит, никогда еще не было, чтобы снег шел так долго. Семь дней и ночей беспрерывно, ведь

это что-нибудь да значит. Все так говорят, только этот повенький сидит на столе со своей гитарой и все посмеивается над нами... (*Поворачивается.*) Станный он человек, ваша милость!

Барон. Кто?

Слуга. Да пришелец этот. Сидит на столе со своей гитарой и рассказывает всякие истории о племенах, которые ходят голые, отродясь не видели снега и не знают ни страха, ни забот, ни долгов, ни зубной боли. Говорит, есть такие. И еще есть горы, которые плюют в небо серой и дымом и раскаленными камнями, он сам это видел. А еще есть рыбы, которые могут летать по воздуху, коли у них есть охота; а еще, говорит, солнце, если смотреть на него со дна моря сквозь воду, кажется блестящими осколками зеленого стекла... У него в кармане есть коралл, ваша милость, мы сами видели.

Барон. Что за пришелец? Откуда он взялся?

Слуга. Отовсюду, так сказать. Сейчас рассказывал о Марокко, о Санта-Крусе...

Барон. О Санта-Крусе? (*Встает.*)

Слуга. Да. Он пришел в замок дней шесть назад. Мы его приняли за пьяного, он даже не мог толком сказать, чего ему здесь нужно. Уложили его на солому. А на другой день пошел снег... Как вы думаете, ваша милость, он когда-нибудь кончится?

Барон (*подходит к глобусу*). Когда-нибудь все кончится, Килиан.

Слуга. Все?

Барон. Даже заботы, долги, зубная боль, ящур, быки — все. Одевание, раздевание, еда, колодец во дворе. Когда-нибудь все это засыплет снегом. Акрополь, Библию... Наступит тишина, как будто ничего этого не было.

Слуга. Огонь разгорелся. Позвольте мне уйти на кухню, ваша милость.

Входит Эльвира.

Эльвира. Здесь теплее... Да, чтобы не забыть, Килиан, ужинать мы будем здесь.

Слуга. Как прикажете, ваша милость. (*Уходит.*)

Супруги остаются одни. Она, грся руки, сидит на корточках у камина; он все еще стоит около глобуса.

Эльвира. Здесь теплее. А там вода замерзает в вазах.

Б а р о н. Санта-Крус...

Э л ь в и р а. О чем это ты?

Б а р о н. О Санта-Кресе... Ты помнишь Санта-Крус?

Э л ь в и р а. Почему я должна о нем помнить?

Б а р о н. В этом слове — незнакомые улицы и лазоревое небо, агавы и пальмы, мечети, мачты, море... Оно пахнет рыбой и тиной. Как сейчас, вижу белый как мел порт, будто все это было только вчера. И слышу голос того парня, как он сказал тогда в грязном кабачке: «Мы идем на Гавайи. Видите тот корабль с красным вымпелом? (Смеется.) Через пятнадцать минут мы уходим на Гавайские острова!»

Э л ь в и р а. Ты все еще жалеешь, что не поехал с ними? Что остался со мной?

Б а р о н. Я часто вспоминаю о том парне.

Э л ь в и р а. Ты мне не ответил.

Б а р о н. Добрался ли он до Гавайев. Я часто кручу этот шарик. Флорида, Куба, Ява... Может быть, теперь он на Яве.

Э л ь в и р а. Или погиб.

Б а р о н. Нет, только не это.

Э л ь в и р а. От какой-нибудь эпидемии.

Б а р о н. Нет-нет.

Э л ь в и р а. Или на войне. Или во время шторма на море, милостиво поглотившем его.

Б а р о н. Нет и еще раз нет.

Э л ь в и р а. Почему ты так уверен?

Б а р о н. Он жив, пока я живу.

Э л ь в и р а (с удивлением смотрит на него). Почему ты так думаешь?

Б а р о н. Пока я живу, моя тоска с ним, он сделал из нее парус, несущий его по морям, а я вот сижу и даже не знаю, где он там с моей тоской. Пока я здесь работаю, он видит берега, порты, города, о которых я даже не слышал.

Э л ь в и р а. Ну и пусть себе видит!

Б а р о н. Пусть...

Короткое молчание.

Э л ь в и р а. Послезавтра праздник. Ты подумал о том, как встретить людей? Может, дадим им горячего супа, а? Как ты считаешь?

Б а р о н (не слушая). Иногда... Знаешь, чего я иногда хочу?

Э л ь в и р а. Отправиться на Гавайские острова.

Б а р о н. Я хочу увидеть его еще раз, этого парня, который живет моей второй жизнью. И только. Хочу знать, как он жил все это время. Хочу услышать, чего я лишился. Хочу знать, какой могла быть моя жизнь. И только.

Э л ь в и р а. Что за химера!

Б а р о н. Это не химера, а живая плоть, которая питается моими силами, тратит их, живет моей тоской, иначе разве я был бы таким усталым и постаревшим.

Э л ь в и р а. Разве ты такой?

Б а р о н. Я слишком часто бываю таким.

Э л ь в и р а (шутя). Может, тот парень и есть бродячий певец, что сидит у нас внизу, на кухне, и развлекает дворню кораллами и гитарой? Горничная мне все уши прожужжала о нем. Может, это он?

Б а р о н. Возможно.

Э л ь в и р а. Ну, с меня довольно! (Встает.) Хватит с меня горничной. Та только и говорит, что о рыбах, умеющих летать.

Короткое молчание.

Б а р о н. Когда я вечерами сижу подле тебя и, допустим, читаю, — чего я, собственно, ищу в книге, как не его, живущего моей подлинной жизнью? И я бы теперь жил точно так же, поднимись я тогда на чужой корабль и выйди море, а не сушу, предпочти я неизвестность покою. Я ищу его, не могу не думать о нем, даже когда я радуюсь нашему счастью... нашему ребенку, земле. Когда я летом скачу на рассвете по полям или когда вечером над нашей рожью собирается гроза, Господи, я знаю, что счастлив!

Э л ь в и р а. Я тоже так думала.

Б а р о н. И все-таки я не верю, что это — единственно возможная для меня жизнь. Понимаешь?

Э л ь в и р а. Что ты имеешь в виду?

Б а р о н. Когда-то я не знал этих сомнений — когда все еще было впереди, когда ничего еще не свершилось, не было всех этих будней.

Э л ь в и р а. Ты больше не веришь в Бога.

Б а р о н. Почему?

Э л ь в и р а. Мне так кажется. Отец писал мне как-то в письме: не бойся случайностей. Ты можешь выйти замуж за пирата или барона, и жизнь твоя может сложиться по-всякому, но ты всегда останешься Эльвирой... Я была

смущена тогда, и в то же время это меня успокоило. Первой же случайностью, как ты помнишь, оказался барон, и я сказал «да»... Это было на Санта-Крусе.

Б а р о н. Семнадцать лет назад... *(Встает.)* Мне, должно быть, пора переодеться. Ужин подадут сюда, ты сказала?

Входит слуга, накрывает на стол.

Э л ь в и р а. Килиан...

С л у г а. Ваша милость?

Э л ь в и р а. Принеси еще третий прибор.

Б а р о н. Ты кого-нибудь ждешь?

Э л ь в и р а. И скажи тому бродяге, который сидит на кухне, что мы ждем его к ужину.

С л у г а. Бродягу?

Э л ь в и р а. Мы приглашаем его.

С л у г а. Как прикажете, ваша милость. *(Уходит.)*

Б а р о н. Что это значит?

Э л ь в и р а. Разве ты не сказал, что хочешь увидеть его?

Б а р о н. Ты с ума сошла!

Э л ь в и р а. Я надеялась доставить тебе удовольствие. Познакомимся наконец с твоей второй жизнью, как ты это называешь. Будет интересный ужин. *(Садится за клави-корды.)* В самом деле, дорогой мой супруг, что бы ты почувствовал, если б я, как и ты, стала предаваться воспоминаниям? Если б и я стала говорить о другой Эльвире, которая ведет мою вторую жизнь, может быть, более подлинную, где-нибудь далеко отсюда...

Б а р о н. Говорят, женщины легче забывают.

Э л ь в и р а. Говорят. Но я не забыла. Его звали Пелегрином.

Короткое молчание.

Но женщина, видишь ли, не играет ни любовью, ни браком, ни верностью, ни человеком, за которым она пошла.

Б а р о н. Разве я играю?

Э л ь в и р а. Что было то было; у того нет прав на настоящее, тому нет места в моих мыслях! Если женщина говорит: «Да, я иду с тобой», она так и поступает. А все остальное приносит в жертву, не думая ни о чем другом и ни в чем не раскаиваясь. Так и я — потому что я люблю тебя. И хочу, чтобы и мужчина, который для меня все, так же и во мне находит все.

Барон. Я верю тебе, Эльвира. Я понимаю тебя. *(Целует ее.)* И завидую такой верности. Видит Бог, я способен на нее на деле, но не в мыслях.

Возвращается слуга, ставит на стол третий прибор.

Барон уходит.

Эльвира. Ты пригласил его?

Слуга. Разумеется, ваша милость.

Эльвира. Он придет?

Слуга. Трудно сказать.

Эльвира. Как он будет смущен, бедняга!

Слуга. Вы думаете, ваша милость?

Эльвира. Чего только не думает о господах тот, кто сам не принадлежит к ним! *(Играет на клавикордах.)*

Слуга. Ваша милость...

Эльвира. Да?

Слуга. Нашего колодца во дворе уже не видно. *(Поправляет приборы на столе.)* Я думаю, гость будет сидеть здесь. Если он придет, потому как, прошу прощения, мне показалось, что он пьян.

Эльвира. Пьян?

Слуга. Не сильно, ваша милость, не до беспамятства. Но все-таки.

Эльвира. Все-таки? Сколько это — все-таки?

Слуга. Я к тому еще говорю, чтобы вы не удивлялись, если я не подам венецианских бокалов...

Эльвира. Почему же?

Слуга. Этот парень, наш гость... у него такая привычка — как только выпьет стакан, так бросает его об пол.

Эльвира. Замечательно...

Слуга. Как угодно вашей милости.

Эльвира. Килиан!

Слуга. Да!

Эльвира. Я хочу, чтобы венецианские бокалы были на столе.

Слуга. Это наши лучшие, ваша милость, барон их больше всего любит, это память о его путешествии, о море...

Эльвира. Именно поэтому.

Никем не замеченный, входит Пелегрин. Эльвира продолжает играть, слуга занят посудой на столе.

Килиан, а какой он, наш гость?

Слуга. Какой?

Эльвир а. Опиши его! У него бородачи, да? А волосы, наверное, закрывают воротник, словно парикмахеры все повымерли?

Слуг а. У него нет воротника.

Эльвир а. В детстве я однажды видела такого бродягу, он придерживал бороду и вытирал рукой следы от супа на губах — фу!

Слуг а. У него нет бороды, у нашего гостя.

Эльвир а. Жаль.

Слуг а. И все-таки ваша милость будут удивлены.

Эльвир а. А ботинки? Какие у него ботинки? Ты видел те, которые остались от цыган и теперь валяются в пруду?

Слуг а. Примерно такие же и у него.

Эльвир а. Бедняга! Надо дать ему какие-нибудь лучше, потом.

Слуг а. Это было бы великодушно со стороны вашей милости.

Эльвир а. Но только потом! Понимаешь, барон хочет познакомиться с ним, с таким, как он есть... Он пьян, ты сказал?

Слуг а. Боюсь, этот ужин доставит мало радости вашей милости.

Эльвир а. Напротив!

Слуг а. Он совершенно пищий, я думаю.

Эльвир а. О, я не такова, чтобы не выносить присутствия бедных людей.

Слуг а. Я хочу сказать, ему нечего терять. Такие люди имеют обыкновение говорить правду...

Эльвир а. Какую правду?

Слуг а. Какую им заблагорассудится. Совсем нетрудно, ваша милость, быть смелым, когда дошел до точки.

Эльвир а. Я ценю правду.

Слуг а. Даже когда она неприлична? Он, видимо, немало повидал на своем веку.

Эльвир а. Например?

Слуг а. И в тюрьме сидел.

Эльвир а. В тюрьме?

Слуг а. Тут замешана женщина, я думаю...

Эльвир а. Он был в тюрьме, ты говоришь?

Слуг а. Он так сказал.

Эльвир а. Замечательно!

Слуг а. Его хотели повесить, я думаю.

Э л ь в и р а. Замечательно, просто замечательно.

С л у г а. Что же здесь замечательного, ваша милость?

Э л ь в и р а. Что? *(Снова поворачивается к клави-
кордам.)* А то, что человек, который недоволен своей судь-
бой, на этом примере сможет кое-чему научиться, — вот
что. *(Трогает клавикорды.)*

С л у г а *(хочет уйти, но замечает в дверях гостя).*
Гость, ваша милость. *(Уходит.)*

Э л ь в и р а. А! Разве уже был гонг... *(Поворачива-
ется, чтобы идти навстречу гостю, но останавливает-
ся, увидев его.)*

П е л е г р и н. Добрый вечер, Эльвира.

Э л ь в и р а. Пелегрин?!

П е л е г р и н. Я приглашен на ужин, если не оши-
баюсь.

Э л ь в и р а. Пелегрин...

Молчание.

П е л е г р и н. Не пугайся, Эльвира, я скоро уйду,
у меня не много времени.

Молчание.

Вы прекрасно живете, я всегда так и думал... Вот только
это полено... мне кажется, лучше задвинуть его подальше
в камин, ты позволишь?.. *(Берет кочергу.)* Ты удивлена,
Эльвира, что я появился здесь, в этих невероятных мес-
тах... Я был болен, у меня была лихорадка, такая, что
казалось, будто черти тянут из меня жилы. И вот я снова
здоров. Бывает же: здоровее, чем когда-либо!.. *(Выпрям-
ляется.)* На Кубе меня дожидается одна ферма, всеми
забытая, опустевшая, выгоревшая ферма. Я буду выращи-
вать на ней фрукты: ананасы, персики, сливы, инжир, ви-
ноград. Корабль отходит через месяц, а через год, Эльвира,
я пришлю вам свой собственный кофе!

Эльвира, стоявшая до сих пор молча и неподвижно, как статуя,
вдруг поворачивается, подбирает юбку и решительно устремляется
прочь.

Куда же ты? Я не хотел тебя пугать... Ага, а вот и ваша
дочка. *(Останавливается перед фотографией.)* Ты похо-
жа немного на мать. Глаза, как у серны. Может быть, она
теперь плачет от гнева, твоя мать, — я напомнил ей о ве-
щах, о которых тебе вовсе не следует знать, умнее от этого
не станешь, а главное — жизнь коротка, вот в чем вся шу-

ка. (*Оглядывается кругом.*) А, книги... (*Берет одну из них в руки.*) Когда-нибудь, не знаю только когда, я все вас прочту, о вы, чудесные соты, со следами воска на страницах, на которых оседает разум столетий.

Появляется барон; он явно озадачен появлением своего гостя, который, ничуть не смущаясь, продолжает листать книгу.

Б а р о н. Желаю здравствовать.

П е л е г р и н. И вам того же... Ваша милость тоже, по-видимому, любитель гравюр? У вас прелестное собрание.

Б а р о н. Жена появится сию минуту.

П е л е г р и н. Вы думаете?

Б а р о н. Мне сказали, что вы уже около недели в нашем доме, вас задержал снег.

П е л е г р и н. И снег тоже.

Б а р о н. У нас редко бывает столько снега.

П е л е г р и н. Когда-то и я собирал... индейские головы, в Америке. Черт знает, как им это удастся, но величиной они вот такие — с кулак, натуральные человеческие головы. Мертвые, конечно. Но безупречной сохранности — мясо, кожа, глаза, волосы, даже черты лица — только в уменьшенном размере. На ферме, где я тогда работал, у меня был целый набор таких голов, их можно было держать в руке, как клубни картофеля. Но однажды меня разозлили женщины, и я покидал в них все головы, так что ни одной не осталось. (*Смеется.*) Почему вы так смотрите на меня?

Б а р о н. Мне кажется, мы уже где-то виделись...

П е л е г р и н. Правда?

Б а р о н. Не знаю, помните ли вы меня...

Входит слуга.

С л у г а. Ее милость просят ее извинить. У нее мигрень, она говорит, или что-то с желудком.

Б а р о н. Спасибо.

Слуга уходит.

Сядем!

П е л е г р и н. Мне кажется, это было на Санта-Крусе... Спасибо... Это было на Санта-Крусе, в том проклятом кабачке, где у меня украли серебряный амулет!

Б а р о н. Кто, я?

П е л е г р и н. Негры! Помните негра, который продавал устрицы? Я и сейчас утверждаю, что они воняли...

Спасибо... Я ждал вас тогда на нашем корабле, вы ведь сказали, что поедете с нами? Корабль с красным вымпелом, помните?

Б а р о н. Отлично помню.

П е л е г р и н. «Виола».

Б а р о н. «Виола»?!

П е л е г р и н. Да, попутешествовали мы тогда! Под Мадагаскаром нас взяли французы и нацепили наручники. Девять недель мы сидели в тюрьме и грызли ногти, жрали плесень на стенах! К счастью, я заболел, остальных сослали на галеры. Ведь мы пираты! Меня должны были послать вслед за ними, но сначала отвезли в госпиталь. Больничная сестра дала мне свою кровь... Да, она заката-ла белый рукав, села и дала мне свою кровь. Потом я спрыгнул с мола и поплыл. Понимаете, я все плыл и плыл, а во мне была кровь той сестры, была лунная ночь, на рей-де стояло голландское грузовое судно, и я уже слышал, как на нем поднимали якорь. Но простите.

Б а р о н. За что же?

П е л е г р и н. Я все болтаю, не даю вам рта раскрыть.

Б а р о н. Я слушаю...

П е л е г р и н. К тому же вы не едите. Это невежливо с моей стороны.

Б а р о н. Я слушаю с интересом. Правда! Пусть вас не смущает мое любопытство к тому, что мне не удалось испытать в жизни.

П е л е г р и н. Давайте чокнемся!

Чокаются.

За вашу супругу!

Пьют.

Потом мы добрались до Гавайев...

Они собираются приступить к еде, но внезапно раздается музыка. Они прислушиваются, смотрят друг на друга, встают, не выпуская салфеток из рук, пытаются понять, откуда доносится музыка.

Б а р о н. Что бы это значило?

П е л е г р и н. Музыка...

Б а р о н. Откуда?

П е л е г р и н. Они всегда это пели, матросы, эти загорелые дьяволы с глазами кошек, когда мы ночами ва-лялись на палубе и не могли уснуть от жары — в такие ночи, в те безветренные ночи...

Б а р о н. Что бы это значило?

В дверях появляется юная девушка.

В и о л а. Отец...

Б а р о н. Что случилось?

В и о л а. Не знаю.

Б а р о н. Что-то случилось...

В и о л а. Мама плачет и не говорит почему.

Б а р о н. Позвольте представить — наша дочь.

П е л е г р и н. Здравствуй.

Б а р о н. Виола.

П е л е г р и н. Виола?..

Сцена погружается в темноту, но музыка не смолкает. Пение матросов слышится все ближе и ближе.

АКТ ВТОРОЙ

Палуба.

Ночь. Кругом лежат матросы и поют известную по первому акту песню. Внезапно она обрывается.

Первый. Ветер заставляет себя ждать.

Второй. Ветер не торопится...

Третий. Наши бочки адски воняют!

Первый. Месяц повис над морем, словно серебряный гонг.

Второй. А по-моему, он похож на фонарь, подвешенный к мачте...

Третий. Педро! Педро!

Первый. Он спит. Он и оков не чувствует, когда спит.

Третий. Педро, эй!

Педро. Не сплю я.

Третий. Что нового в стране небылиц, Педро?

Педро. Ведь вы не верите мне, ни одному моему слову, и все-таки заставляете меня рассказывать снова. Вы, злобный сброд, вы заковали меня, потому что я говорю правду!

Третий. Не шуми, приятель...

Педро. Кто заставил меня три ночи лежать на животе, чтобы я не видел звезд?

Третий. А не говори нам того, чего не бывает. Например: звезды поют. А кто это слышал? Ты все лжешь. Поэтому тебя и заковали.

Педро. Раз то, что я говорю, ложь, зачем же вы заставляете меня снова рассказывать? Зачем вы меня слушаете?

Первый. Затем, что нам скучно...

Педро. А почему вам скучно?

Второй. Он поэт! Оставь его.

Третий. Вот этого-то проклятого трепача и не выношу! Болтает о том, чего не увидишь. Ну ладно! Помаешь-

ся ты у нас, пока мы не убедимся, что хоть в одной твоей истории есть доля правды! Тогда и освободим тебя.

П е д р о. Когда увидите, что все это правда?

Т р е т и й. И ни секундой раньше! Не смейся!

П е д р о. Когда вы еще это увидите, вы, слепцы! Вы, с вашим неизлечимым всезнайством и самодовольством; вы ничтожная толпа, с вашей бесстыдной наглостью, пустотой и скукой, вы ничто, вы бездонная бочка, вы толпа!..

Смех и шум.

Ничего я вам не буду рассказывать! Ничего!

Т р е т и й. Вношу предложение — три дня без хлеба.

В т о р о й. И три дня без воды.

В с е. Принято.

Голос где-то в другой части корабля вновь поет песню.

П е д р о. Семнадцать лет назад, говорю я, на этом самом месте он похитил девушку по имени Эльвира, девушку, говорю я, и отнес ее в каюту, там все и случилось...

В т о р о й. Что?

П е д р о. Семнадцать лет назад...

Т р е т и й. Все ложь, выдумка и ложь!

П е д р о. Теперь она замужем за одним бароном, живет с ним в замке, далеко отсюда, на той стороне земного шара, там, где теперь зима. Мы не можем заснуть от жары, а там, представьте себе, они греются у камина, барон и его жена. Они не знают, о чем говорить, — так долго уже длится их брак. Входит слуга. «Что случилось?» — спрашивает барон. «В доме бродячий певец». Они приглашают его на ужин, изнывая от скуки, а когда баронесса его видит, как вы думаете, что она делает?

П е р в ы й. Да о ком идет речь?

П е д р о. О нашем капитане! О ком же еще...

Т р е т и й. Все ложь, выдумки и ложь.

П е д р о. Как вы думаете, что делает баронесса, когда видит, кто поднимается из полуподвала в зал их фамильного замка? Она поворачивается и, не говоря ни слова, уходит...

П е р в ы й. Почему же?

П е д р о. Барон и Пелегрин остаются вдвоем за столом, они едят и пьют, болтают о былых временах и вдруг слышат музыку... «Что бы это значило? — спрашивает барон. — Что бы это значило?»

В т о р о й. Ну и?..

Педро. Конечно, то была песня, которую мы только что пели, что же еще!

Второй. Не может быть!

Педро. Против памяти бессильны любые расстояния, друзья мои. Баронесса слышит нашу песню, даже если она лежит на другом конце света, там, где теперь зима, где идет снег. Она лежит в спальне фамильного замка, плачет, бедняжка, в подушку и, как верная жена, гонит от себя воспоминания о том, что случилось здесь, семнадцать лет назад...

Первый. Представляю себе!

Второй. Как верная жена!

Педро. Лишь иногда во сне...

Третий. Все ложь, выдумки и ложь!

Педро. Лишь иногда во сне он снова приходит, тот соблазнитель, дерзкий, как тогда, юный, как тогда... Ночь тогда была такая же, как сегодня, — на небе серебряный путь луны, — и вот он вновь похищает ее, во сне, ей снится, что она снова девушка и вновь теряет невинность...

Второй. Здорово! Вы слышали, что снится баронессе? Что она теряет невинность!

Первый. Нет ничего лучше невинности и страсти...

Третий. Ложь, паглая ложь!

Педро. Тихо...

Третий. Ложь, говорю я, ложь!

Педро. Вот они идут — сзади...

Появляются Эльвира, в шелковой ночной рубашке, и Пелегрин — такой, каким он был семнадцать лет назад.

Пелегрин. Еще ступенька.

Эльвира. Мне никак нельзя оступить, иначе я проснусь.

Пелегрин. Я держу тебя.

Спускаются.

Педро. Мне только жаль барона, который ничегошеньки не видит, глядя на лоб своей жены...

Пение прекращается.

Пелегрин. Встать, эй вы, живо! Околачиваесть здесь да распеваесть, и никто не встает, когда я вхожу. Что это значит? Раскачивайтесь-ка побыстрей, поднять паруса! Мы выходим в море. Или вы спите?

Матросы нехотя поднимаются.

Выходим в море. Сейчас же! Понятно?

Матросы принимаются за работу. Только скованный Педро остается лежать в темноте.

Эльвира. Это и есть ваш корабль?

Пелегрин. Да, «Виола».

Эльвира. «Виола»?

Пелегрин. Жалкая посудина, что и говорить! Мы захватили ее совсем недавно около Марокко. Вся их команда напилась мертвецки, нам это недорого стало — всего трех человек. Большого она и не стоит, но этого достаточно, чтобы выйти в море с Эльвирой, в море, где нет ничего, кроме воды и луны...

Эльвира. Здесь ты назвал меня красивой.

Пелегрин. Ты красива, Эльвира.

Эльвира. Ты сказал это по-другому... тогда.

Пелегрин. Эльвира, представь себе раковину, каких не бывает на самом деле, о каких можно только мечтать — так она красива. Можно объездить все морские побережья, вскрыть тысячи, сотни тысяч раковин, и ни одна из них не будет такой же красивой, как та, о которой можно только мечтать, ни одна не будет красива так, как ты, Эльвира!

Эльвира. О Пелегрин! *(Теряет равновесие.)*

Пелегрин *(поддерживает ее, усаживает на бочку)*. Егу!

Эльвира. Мне не холодно. Совсем нет!

Пелегрин. Егу!

Эльвира. Я не хочу, чтоб они приносили красный ковер.

Пелегрин. Егу! Черт возьми, куда он запропастился? Егу!

Эльвира. Я не хочу пить. Я больше никогда не буду пить ваше жалкое вино, никогда! Слышишь, Пелегрин? Я не хочу...

Входит молодой малаец.

Пелегрин. Принеси нашей гостье ковер. Принеси фруктов, вина, яств — все самое лучшее, что у нас есть.

Малаец уходит.

Смех разбирает меня, как вспомню твоего отца! Такой строгий господин! Завтра, когда он, как обычно, встанет с постели, я наказал слуге, чтобы тот сказал: «Вон там вдали, — так скажет ему слуга, — видите кораблик с красным вымпелом?» Он ответит: «Я ничего не вижу». И слуга скажет: «О, теперь и я не вижу!...»

Эльвира. Бедный отец, мне жаль его, он так страдает из-за меня.

Пелегрин. Не всякому человеку можно сказать: моя дочь — жемчужина, а ты, бродяга, недостойн и взглянуть на нее! «А где она?» — спрашиваю. «Не твое дело, — рычит он, — она помолвлена...»

Эльвира. Он был прав.

Пелегрин. «Она помолвлена, — сказал он, и гордость, о, какая гордость скривила его губы, — с одним артисткротом, с бароном!»

Эльвира. В самом деле, Пелегрин...

Пелегрин. В самом деле: уже тринадцать недель я мчусь к тебе.

Раздаются неразборчивые крики.

Эльвира. Что это?

Пелегрин. Они распустили паруса. Четкая работа. Держу пари — как только исчезнет луна, появится ветер! А завтра, когда ты проснешься, будет утро, полное ликующего солнца, утро, полное лазури и ветра, утро без берегов, без границ...

Эльвира. Я знаю, Пелегрин, каким оно будет, — ведь оно уже было.

Малаец вносит корзину с фруктами, живописную, как на полотнах Тициана.

Боже мой, Боже мой!

Пелегрин. Я считаю, нам не стоит скучать до наступления утра. Люблю фрукты! Они учат меня благочестию. Фрукты, по-моему, удались Господу, как ничто... Спасибо, Егу!

Малаец уходит.

Люблю малого. Он ходит, словно не касаясь пола, взгляд у него печальный, как у зверя, голос — бархатный, особенно когда он смеется... (*Поднимает бокал, чтобы чокнуться.*) За наше здоровье!

Эльвира. Я не буду пить.

Пелегрин. Вино превосходное. Нужно отдать должное французам...

Эльвира. Никогда больше, Пелегрин, никогда!

Пелегрин. Почему же? (*Поднимает бокал.*) Чокнемся, пока оно не пролилось!

Эльвира не шевелится.

В такую ночь опаснее пренебрегать вином, чем его пить.

Эльвира. Как это?

Пелегрин. Мне может показаться, что девушка чего-то боится. Но чего, буду думать я, чего? Мужчину это может натолкнуть на отчаянные мысли, а потом, в конце концов, раз ты все не пьешь, мужчина подумает, что те же мысли и у тебя в голове.

Эльвира берет бокал.

За наше здоровье! (*Пьет.*)

Эльвира (*смотрит в бокал*). Почему мне все это снится? И часто. Я точно знаю, потом ты меня бросишь, ты поведешь себя, как подлец. Я знаю, потому что все это уже было. Много лет тому назад. И все это прошло, прошло навсегда, и все-таки никак не кончится. Потом я выйду замуж за барона. Даже смешно, как мне все это знакомо, до мелочей — я лежу в спальне нашего замка, а он, добрый, славный, поднимается по лестнице, входит, смотрит на мое лицо, объятые сном, — в эту самую минуту!..

Входит матрос, несущий вахту.

Матрос. Господин капитан!

Пелегрин. Что тебе нужно, собака?

Матрос. Там корвет!

Пелегрин. Где?

Матрос. Сзади по борту.

Пелегрин. Ну и что же?

Матрос. Мы без флага, они приняли нас за пиратов...

Пелегрин. Может быть.

Матрос. Они обстреляют нас, едва рассветет.

Эльвира. Обстреляют?

Пелегрин (*опорожнив бокал и выбросив его за борт*). Разумеется, они нас обстреляют. Порядок прежде всего. Чего ж им еще делать на этой земле... Поднять всех по тревоге, расставить по местам! Я сам буду на мостике, если дойдет до дела!

Матрос. Слушаюсь. (*Уходит.*)

Пелегрин. Пойдем в каюту, Эльвира. Да поможет нам луна тем, что спрячется в тучах. Нам не впервой уходить от них!

Эльвира. Я не пойду в каюту, Пелегрин.

Пелегрин. Но почему?

Эльвира. Никогда больше, Пелегрин, никогда!

Пелегрин. Что это значит? Я не понимаю...

Эльвира. Я не пойду в каюту! Ни за что на свете!

П е л е г р и н. Там лучше всего, поверь мне, всего спокойнее. Там ты найдешь ложе, единственное на всем корабле, а когда все будет позади, я разбужу тебя!

Э л ь в и р а. А потом?

П е л е г р и н. Здесь может быть опасно. Тебе не место на палубе! Я ведь знаю этих идиотов, пристроившихся по нашему курсу, — они свирепо завидуют чужой жизни, потому что у них нет своей собственной...

Эльвира стоит неподвижно.

Почему ты так пристально смотришь на меня?

Э л ь в и р а. Я снова верю тебе, как тогда.

П е л е г р и н. Верись чему?

Э л ь в и р а. Потом, когда я вспоминала об этой ночи, мне всегда казалось, что то была хитрость с твоей стороны, коварный план — эта каюта и все — самый что ни на есть подлый расчет.

П е л е г р и н. Нам нужно уйти, Эльвира, заклинаю тебя!

Э л ь в и р а. О Пелегрин...

П е л е г р и н. В каюте ты будешь надежно укрыта. И одна.

Э л ь в и р а. Я ведь знаю, Пелегрин, что было в каюте семнадцать лет назад, когда кончилась стрельба... (*Вскрикивает.*) Боже мой! Что это за человек лежит здесь в оковах?

П е д р о. Это я.

П е л е г р и н. Педро?

П е д р о. Что поделывать, господин, они опять заковали меня!

Э л ь в и р а. Великий Боже, нас подслушали...

П е л е г р и н. Это всего лишь поэт, которому никто не поверит, если он станет болтать... Пойдем, Эльвира, пойдем! Спустимся в каюту, там ты будешь надежно укрыта.

Слышен пушечный выстрел.

А, они загромыхали уже, эти кретины на страже порядка.

Э л ь в и р а (*падает в его объятия*). Почему, почему мне все еще снится это?

Пелегрин уносит ее в каюту.

П е д р о. А барон ничегошеньки не видит — на лбу своей спящей жены...

АКТ ТРЕТИЙ

В замке.

За столом опять сидит писарь. На полу — чемоданы. Около них — слуга.

П и с а р ь. Уже полночь.

С л у г а. Не знаю, что и подумать...

П и с а р ь. Семнадцать лет я на службе, и никогда никаких капризов, никаких причуд. Все шло своим чередом — свободный вечер, ночной сон, человеческое достоинство. Вчера еще, когда я сидел за этим столом, я мог об заклад побиться, что наш барон человек разумный, порядочный, умеющий ценить такого писаря, как я. Сколько раз я говорил ему: если понадобится, ваша милость, я буду работать и ночью — и можно было не опасаться, что он злоупотребит моим рвением.

С л у г а. Тсс! (*Прислушивается.*) Это бродячий певец.

П и с а р ь. И он тоже еще не спит?

С л у г а. Я его встретил, когда тащил чемоданы из кладовки. Хотел показать ему его комнату, но он поблагодарил и отказался, сказал, что не хочет спать, ему жаль времени, он собирается посмотреть картины.

П и с а р ь. Вот баранья голова. (*Зевает.*)

С л у г а. Знаете, что я думаю?

П и с а р ь. Велели писать письмо, это среди ночи-то.

С л у г а. Во всем виноват этот бродяга. Я так думаю. Все началось с того, что у госпожи заболел живот. Потом они пили до самой ночи, барон и он. Кололи орехи — там целая гора шелухи! — и все пили!..

П и с а р ь. Я замерз как собака.

С л у г а. Разве может человек, у которого замок, жена, ребенок, просто так взять и уехать? Послезавтра праздник, придут арендаторы, кто будет говорить с ними? Пусть мне ответят — кто? А что будет с быками? И кто будет

платить нам жалованье? Не верю, чтобы барон мог уехать так просто, как будто в мире он один.

П и с а р ь. А если его охватила тоска, которая сильнее, чем два быка?

С л у г а. Вы рассуждаете, как холостяк. А что может знать о мире холостяк, даже если он объехал весь мир!..

П и с а р ь. Хватит болтать, Килиан. Зевота берет.

С л у г а. Ничего холостяк не знает о мире, ничего...

П и с а р ь. Завтра я тебе отвечу.

С л у г а. Никогда не поверю, чтобы барон мог вот так взять да и сделать, что ему в голову придет.

П и с а р ь. Он чуть было в домашнем халате не уехал. Я ему об этом сказал. Верно, говорит, сейчас ведь зима, здесь всегда зима!

С л у г а. Ну, это он преувеличил...

П и с а р ь. Пошел переодеваться. Сказал, что хочет снова надеть куртку, которую носил в молодости...

С л у г а. Что, что он хочет надеть?

П и с а р ь. Куртку, которую носил в молодости. Потому так долго и возится, наверное, никак найти не может...

С л у г а. Ничего не понимаю.

П и с а р ь. Друг мой, есть вещи, которые происходят вовсе не для того, чтобы их понимали. И все-таки они происходят. Это называется безумием...

С л у г а. Тсс, тихо!

Входит барон в куртке, которую он носил в молодости.

Б а р о н. Сани готовы?

С л у г а. Разумеется, ваша милость.

Б а р о н. Чемоданы погружены?

С л у г а. Ваша милость приказали...

Б а р о н. Килиан...

С л у г а. Да?

Б а р о н. Говори тихо. Чтобы никто не проснулся. Ночь ведь. Госпожа спит. И видит сны...

Слуга выносит чемоданы.

На чем мы остановились?

П и с а р ь. «Супруге моей, в час отъезда, который нельзя отложить, ибо мне стала близкой мысль о краткости нашего бытия: — Дорогая Эльвира, поскольку ты не знаешь, что мне все известно, и поскольку я в свою очередь не знаю, где ты витаешь в эту ночь, в то время как внеш-

не ты почиваешь наверху, в нашей спальне, как все эти годы, — витаешь там, куда умчал тебя незнакомец, чье имя трижды слетело с твоих уст, я пишу тебе это письмо. Я оставляю его на столе, где ты найдешь его утром, если спустишься, как все эти годы, к завтраку, как будто ничего не случилось, и обнаружишь, что ты одна, о чем я искренне сожалею. В эту ночь, когда я стоял подле тебя, Эльвира, мне стал ведом женский голос, исполненный такой нежности, которой я никогда не знал...»

Б а р о н. Пояс стал, кажется, слишком узок. (*Отбрасывает его.*) Мне стал ведом женский голос, исполненный такой нежности, которой я никогда не знал... да.

П и с а р ь. На этом мы остановились.

Б а р о н. Хорошо... Ввиду таких обстоятельств... Изволь писать: ввиду таких обстоятельств я считаю себя вправе дать волю моей тоске, которую убивал, глушил, хоронил в течение многих лет, чтобы она не испугала тебя, Эльвира.

П и с а р ь. «... испугала тебя, Эльвира».

Б а р о н (*ходивший по комнате во время диктовки, останавливается. Непонятно, для кого он говорит — для себя или для Эльвиры*). Еще раз море... Понимаешь, что это значит? Еще раз безбрежная ширь возможностей. Не знать, что принесет тебе следующий миг, слово, за которым устремляешься на другой край света, корабль, случай, разговор в кабаке и кто-то произносит: Гавайи! А когда просыпаешься, плещут волны, и ничего вокруг, кроме неба, кроме моря, на котором где-то там повисли континенты. Я их люблю, я думаю о них в светлые часы одиночества, они всегда далеко отсюда, они на том созвездии, что сверкает дрожащим алмазом в ночи...

П и с а р ь. Не так быстро, ваша милость...

Б а р о н. Поговорив с прищельцем, как остро почувствовал я опять нашу бренность! Бездна времени перед нами, и такая же бездна времени за нами, и темная, неуловимая сущность вещей, природы, пустота Бога, бурлящего в вулканах, испаряющегося на море, цветущего в джунглях, увядающего, гниющего, превращающегося в уголь и вновь цветущего, Бога, у которого не хватает глаз окинуть взором все свои бесконечные весны! Мы же — его единственная надежда на то, что он будет узрим, отражен в блеске брэнного человеческого глаза, мы — этот невероятный миг, называемый человечеством, мы — частный слу-

чай одного из медленно остывающих звездных образований... И я, я сам — искра этого вселенского мига: чувствовать это, знать это, жить этим...

П и с а р ь. Медленнее, медленнее!

Б а р о н. Эльвира, я хочу снова жить, мочь, плакать, смеяться, любить, испытывать трепет в душевной ночи, ликовать. Мы уже не помним, как это было, — ведь то были мгновения, рассыпанные по годам. Я хочу снова почувствовать, какое это счастье — жить на полном дыхании, пока нас навсегда не засыпало снегом.

Возвращается слуга.

С л у г а. Сани готовы, ваша милость. *(Снова уходит.)*

Б а р о н. На чем мы остановились?

П и с а р ь. «Ввиду таких обстоятельств» и так далее до слов «испугала тебя, Эльвира».

Б а р о н. Пока нас навсегда не засыпало снегом. *(Уходит прежде, чем писарь кончает писать.)*

П и с а р ь. «...Пока нас навсегда не засыпало снегом». *(Посыпает письмо песком.)* Вот оно как... Проклятый певец! Слоняется по дому, щелкает орехи, смотрит картины, лицемер проклятый, а тем временем разгуливает с нашей госпожей по океанам сна... вновь увозит ее на корабле воспоминаний...

В дверях стоит Пелегрин, он щелкает орехи, которые достает из карманов брюк, и жует их.

П е л е г р и н. На улице все еще идет снег.

П и с а р ь. Вот тебе на! А я только что проклинал вас, да-да, именно вас!

П е л е г р и н. За что же?

П и с а р ь. Да знаете ли вы, что натворили этой ночью?

П е л е г р и н. Я? Что же?

П и с а р ь. Вы, бродячий певец, призрак, да как вы посмели? По вашей милости меня разбудили среди ночи... Что вы потеряли, хотел бы я знать, да, что вы потеряли в снах замужней женщины?

П е л е г р и н. Я?

П и с а р ь. Вы даже не краснеете...

П е л е г р и н. Я ничего не знаю. *(Щелкает орехи.)* Замечательные у вас тут орехи!

П и с а р ь *(собирает бумаги)*. Мы в курсе дела! Вот письмо! Среди ночи... Вы что думаете, вам можно перевер-

тивать время вверх дном? У нас в доме порядок — главное, ясно? Что прошло, то прошло. Вчера, сегодня, завтра! Вы же листаете в годах то вперед, то назад, это просто свинство!

П е л е г р и н. Не понимаю, почему вы сердитесь?

П и с а р ь. Подождите только, вот проснется госпожа, уж она-то вас не поблагодарит, уж она-то вам все скажет...

Звон колокольчиков вдали.

Вот, слышите? Он уезжает, среди ночи — раз, два, и был таков...

П е л е г р и н. Кто?

П и с а р ь. Барон.

П е л е г р и н. Куда?..

Некоторое время слышится серебряный звон колокольчиков, постепенно он затихает.

На улице все еще идет снег. От него растут сугробы тишины — все выше и выше. Снег засыпает лес, крыши, дороги, ветви, столбы, и растет тишина, и нет ничего, кроме тишины и снега. Куда ни посмотришь — везде снег. Даже на сосульках. Снег падает и на ручей, и скоро все смолкнет.

П и с а р ь. Пойду спать.

П е л е г р и н. Спите.

П и с а р ь. А вы почему не идёте спать?

П е л е г р и н. Жду.

П и с а р ь. Нашу госпожу?

П е л е г р и н. Не мешайте ей спать, не будите ее.

Писарь уходит.

(Стоит у окна.) Мне кажется, я не проживу долго... Через несколько часов наступит рассвет.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

На Санта-Крус.

Педро. Санта-Крус... Агавы, пальмы, мечети, мачты, море. По временам шум из порта, обрывки песен неизвестно откуда... А вот и каба́к Санта-Круса, такой, каким он мог быть семнадцать лет назад. Все так же пахнет рыбой. Внизу, у мола, где наш корабль бросил якорь, на зеленой, как бутылка, воде плавают арбузные корки и, должно быть, переливающиеся всеми цветами радуги пятна мазута. Ну и так далее. И тогда, я думаю, был такой же день — белый, как мел, а тени черные, как тушь. Сверху — кусок неба, разумеется, безоблачного. Названий птиц я не знаю. Иногда среди неумолчного пения бряцание цепей... Вот как будто и все — Санта-Крус, каким он остается в памяти. Да, еще негр!

Появляется негр, торговец устрицами.

Негр. Эй, эй! Эй, эй!

Педро. Он простецкий малый и этим мне нравится.

Негр. Что я вижу!

Педро. Хотя он и негодай. Это он украл серебряный амулет, когда Пелегрин затеял с ним перепалку. Почему Пелегрин это сделал? Посмотрим...

Негр. Почему ты закован?

Педро. Потому.

Негр. Я хотел сказать — свежие устрицы, мой господин! Как же ты будешь есть устрицы, если ты закован? С тобой бизнес не сделаешь, говорят, ты поэт! *(Ухмыляется, потом уходит.)*

Педро. Люблю его за простоватость. Он верит в Господа Бога, как мы его научили. Нужно поступать справедливо. Но что такое справедливость? Возможен такой случай, когда справедливость исключена. Как тогда, в нашей истории, как вообще часто бывает между мужчиной и жен-

щиной. Что бы они ни делали, Эльвира и Пелегрин, все принесет им страдания. Чем они заслужили подобную участь? Тем, что любят друг друга, мужчина и женщина, которых Бог создал друг для друга, чтобы дать им вину друг перед другом. Так устроен мир Господа, которого мы называем «праведным Богом», ибо он смиляется над нами — после всего...

Появляются Эльвира и Пелегрин.

П е л е г р и н. Здесь тень.

Э л ь в и р а. Не могу больше.

П е л е г р и н. Не понимаю, почему ты плачешь? И дня не проходит без слез. Да кто тебе сказал, что тебя хотят оставить? Кто тебя хочет оставить, скажи?

Э л ь в и р а. Ты.

П е л е г р и н. Как ты можешь так говорить!

Э л ь в и р а. Ты оставишь меня, если отправишься дальше.

П е л е г р и н. Никуда я не отправлюсь — без тебя!

Э л ь в и р а. Пелегрин! Я никуда больше не поеду.

П е д р о (*сидит на авансцене*). Это старая песня. Они любили друг друга — это правда, и они расстались друг с другом — тоже правда. Бессмыслица. Этому можно верить или не верить, но это правда. Наступает час, когда выхода нет.

Эльвира садится.

П е л е г р и н (*стоит перед ней*). И теперь ты, верно, думаешь, что я подлец? Что вот я отведу тебя в этот кабак и исчезну, подниму якорь и оставлю тебя здесь? Среди матросов и негров? Ты думаешь? Что я такой же, как все, вор и разбойник, для которого ты — стакан вина, не больше, выпил и бросил, разбив вдребезги... (*Педро.*) Где наши люди, Педро? Пусть поторопятся. Пусть крикнут нам, как только корабль будет готов.

П е д р о. Я скажу тогда.

П е л е г р и н. Почему ты закован? Опять?

П е д р о. Глупая шутка. Я рассказываю им историю, они видят, что она правдива, и освобождают меня. Но тем временем история развивается дальше, изменяется, я говорю им об этом, но они еще не видят этого и не верят мне и снова надевают на меня кандалы.

П е л е г р и н. Что это за история?

П е д р о. О, это старая история, друг мой...

П е л е г р и н. У нас нет времени для историй. Пусть мне крикнут, когда корабль будет готов.

Педро остается в прежней позе.

Нам нужно двигаться дальше. Черт бы взял этот Санта-Крус! Все тринадцать дней, пока мы здесь, я каждую минуту дрожу от страха, что они узнают, откуда этот корабль, узнают, что герб замазан. Что тогда? Я не хочу болтаться на виселице, Эльвира. Я сделал это ради нашей любви. Ты сама знаешь. Нам нужно двигаться дальше. Ну вот, ты опять плачешь.

Э л ь в и р а. Все дело в том, Пелегрин, что ты даже не понимаешь, почему так не может продолжаться, почему это невозможно для женщины, для меня.

П е л е г р и н. Что не может продолжаться?

Э л ь в и р а. Такая жизнь не для меня. Я не могу больше. То был высокий сон, соблазнивший меня...

П е л е г р и н. Сон...

Э л ь в и р а. Я чувствую, что просыпаюсь, и я не могу больше.

П е л е г р и н. Сон... Понимаю. А действительность — это замок, обещанный тебе другим, аристократом. Ты покинула его. Во сне. Теперь ты вспомнила об обещанном замке. И это — действительность. Понимаю.

Э л ь в и р а. Как ужасно ты можешь говорить!

П е л е г р и н. Черт возьми, что же мне остается делать? Скажи, что?

Э л ь в и р а. Я уже много раз говорила тебе.

П е л е г р и н. Что?

Э л ь в и р а. Я хочу, чтобы ты остался со мной.

П е л е г р и н. Как будто я хочу чего-то другого...

Э л ь в и р а. Навсегда. Понимаешь? Я хочу, чтобы у нас была твердая точка опоры, чтобы нам можно было сказать, что вот здесь мы дома. И только. Когда-нибудь, Пелегрин, у нас будет ребенок.

П е л е г р и н. Да.

Э л ь в и р а. Понимаешь, что это значит?

П е л е г р и н. Ребенок?

Э л ь в и р а. Понимаешь?

П е л е г р и н. Пусть рождается, коли ему охота. Пусть увидит, как велик мир, как страшен человек! Что ж еще...

Э л ь в и р а. Я хочу, чтобы мы поженились, Пелегрин.

П е л е г р и н. Поженились... *(Освобождается от нее.)* Я боялся этого слова. Давно уже. И вот теперь, ког-

да наше корыто залатано и перед нами снова открыты моря, теперь, когда уже распущены паруса, теперь ты говоришь мне об этом.

Эльвира. Не я умоляла тебя отправиться со мной, Пелегрин.

Пелегрин. Но жениться!

Эльвира. Я хочу лишь того, чего всякая женщина вправе желать от своего возлюбленного...

Пелегрин. Сеть, из которой не выберешься.

Эльвира. Пусть так, если у тебя нет других слов для этого.

Пелегрин. Назови это гробом, если тебе так больше правится. Брак — это гроб любви... Для него нужна самая малость — чтобы мужчина обрезал себе крылья, те зачатки крыльев, которые у него есть. Большого вам не нужно.

Эльвира. Мужчина всегда думает только о себе.

Пелегрин. А ты?

Эльвира. Я думаю о ребенке.

Пелегрин. Вечно этот ребенок.

Эльвира. Не думай, что ребенок — это меньше, чем мы. Жизнь, которая перед ним, длиннее нашей.

Пелегрин. Что ж, мне хорошишь себя из-за ребенка, покончить с собой, чтобы он мог жить? (*Принужденно смеется.*) Эльвира! Я прекрасно представляю себе, какая жизнь нас ждет там, где мы можем сказать: вот здесь мы дома. Я, например, копаю уголь, чтобы мы могли жить или чтобы мы могли думать, что живем. Или торгую рыбьим жиром. Почему бы и нет! Буду прилично зарабатывать и даже тешить тщеславие — во всей округе нет рыбьего жира, который не приносил бы мне дохода. С Божьей помощью я даже усовершенствую его производство. Ради тебя! Я не буду знать ни сна, ни отдыха, буду работать изо дня в день, из недели в неделю, из года в год, чтобы мы могли жить — устойчиво, прочно. Зачем мы живем? Как зачем — того хотят рыбий жир, долг, устойчивость, жена, дети, слуга, горничная, кухарка, крестьяне, Господь Бог, отечество... (*Очень серьезно.*) Эльвира, я не способен на это.

Эльвира. Это жертва, я знаю.

Пелегрин. Никому не удастся то, чего он не хочет... и даже ты не можешь этого желать — я буду сидеть дома, подле тебя, но моя тоска будет против тебя! Можешь ли ты стремиться к этому?

Эльвира. Не я, Пелегрин...

П е л е г р и н. А кто же? Кто может вмешиваться в любовь?

Э л ь в и р а. Ребенок.

П е л е г р и н. Я не могу жениться, Эльвира. Не могу.

П е д р о (*сидя на авансцене*). Якорь поднят, они говорят. Поднимается легкий вест. (*Остается в прежней позе.*)

Э л ь в и р а. Я остаюсь, Пелегрин.

П е л е г р и н. Эльвира!

Э л ь в и р а. Ты оставишь меня, если отправишься дальше.

П е л е г р и н. Разве не прекрасно то, что было до сих пор между нами? Безбрежные ночи под открытым небом, наши ночи, Эльвира, серебряный шорох волн, мерцание лунной дорожки и все то, что никто не может назвать, и потом рассвет, солнце, лазурь, паруса, внезапная тишина после бури, свирепая пена за бортом — наш день, наш безбрежный день... Разве ты раскаиваешься в том, что было?

Э л ь в и р а. Я не раскаиваюсь, Пелегрин.

П е л е г р и н. Разве все это не было прекрасно?

Э л ь в и р а. Было — до тех пор, пока я была девушкой... Жизнь странная вещь, Пелегрин, она совершается неустанно и отдаляет от нас счастье, которое мы еще держим в руках. Я больше не девушка.

П е л е г р и н. Умоляю тебя...

Э л ь в и р а. Никому не удастся то, чего он не хочет. Как ты был прав!

П е л е г р и н. Поедем!

Э л ь в и р а. Видишь, Пелегрин, я тоже не могу.

Он молчит.

Останься со мной, Пелегрин. Что такое Гавайские острова? Пустой звук, слово.

П е л е г р и н. Ты тоже не можешь...

Э л ь в и р а. И что тебе там делать, любимый? Что тебе в них, в этих островах, затерянных где-то в Тихом океане, что тебя гонит туда? Один страх, и только. Откажись от них.

П е л е г р и н. Ты не едешь с нами...

Э л ь в и р а. Останься со мной, Пелегрин!

П е л е г р и н. И я не могу остаться. И все крепко связано одно с другим — мы любим и не можем расстаться, не предав любви, не взяв на себя вину, а если мы останемся вместе, один из нас погибнет, потому что никому не удастся то, чего он не хочет, и в этом — наша вина друг перед

другом... (*Бросается на колени.*) Что делать нам, Господи, что делать мужчине и женщине, которых Бог создал друг для друга, чтобы они любили друг друга, — что им делать, чтобы избежать бессмысленного конца?!

Вновь появляется негр, протягивает корзину Пелегрину.

Негр. Свежие устрицы, господа, не желаете свежих устриц?

Пелегрин. Убирайся к дьяволу!

Негр. Совершенно свежие. Господа могут попробовать, если не верят...

Пелегрин. Тебе сказано — убирайся!

Негр. Ни одной мертвой, клянусь честью, попробуйте сами, господа, посмотрите, как они копошатся...

Пелегрин. Убирайся к дьяволу, говорю. Они адски воняют.

Негр. Как они воняют?

Пелегрин. Адски!

Негр. Да только что...

Пелегрин. Говорю тебе в последний раз — убирайся, откуда пришел!

Негр. Могу сказать, откуда я пришел. Только что я услужил приезжему аристократу, благороднейшему господину; он вот только сейчас прибыл, а уже съел двадцать устриц, сплошь мертвых, клянусь честью, а тут у меня бравые животинки, совершенно свежие.

Пелегрин. А я говорю, они воняют! (*Вдруг схватывается с негром.*) Они воняют, воняют...

Негр. На помощь! Спасите! На помощь!

Собирается толпа.

Зевакни. Что случилось?

— Что происходит?

— Они дерутся!

— Кончили!

— Нет еще!

— Поздно...

Негр. Он хотел задушить меня. Я позову полицию, он должен заплатить мне за все! Я позову полицию.

Пелегрин. Пойдем, Эльвира. Пойдем.

Эльвира и Пелегрин уходят. Негр поднимается, зеваки пробуют устрицы, разбросанные по мостовой. Постепенно все расходятся, остается один Педро. Появляется барон, в куртке, которую носил в молодости. Он оглядывается кругом и замечает Педро, лежащего на авансцене.

П е д р о. Совершенно верно, ваша милость! Это порт Санта-Крус. Ваша милость только что прибыли, как видно?

Б а р о н. Бойкая тут жизнь.

П е д р о. Много шума из ничего.

Б а р о н. Люблю бойкую жизнь. *(Снимает куртку.)*
Ты прорицатель?

П е д р о. В некотором смысле.

Б а р о н. Я так и думал.

П е д р о. У вас острый ум, ваша милость, он не изменяет вам даже в минуту тайного смятения — вы увидели, что я заковал, и сразу поняли, что я прорицаю истину.

Б а р о н *(вежливо смеется, потом вдруг осекается)*.
В минуту тайного смятения? Что это значит?

П е д р о. Кто может знать это лучше вас.

Б а р о н. Что?

П е д р о. Ваша милость собираются уезжать.

Б а р о н. Это угадал бы любой ребенок, увидев человека с поклажей да еще в порту Санта-Крус. Для этого не нужно быть прорицателем. Что еще?

П е д р о. Да, что еще...

Б а р о н. Мне это странно.

П е д р о. Вы знаете, что вас покинула женщина... Быть может, то было много лет назад, быть может, в прошлую почь. Это не имеет значения. Женщину, которую вы любите, увез другой. Может быть, это случится еще не раз, и вы снова и снова будете стоять на этом месте, перед вами — открытое море, корабли, мачты, другая жизнь. Вот вы и стоите с бьющимся сердцем, в минуту тайного смятения. Что еще?

Б а р о н. Да, что еще?

П е д р о. Вы аристократ.

Б а р о н. Ну и что же?

П е д р о. Вы, например, не можете мстить женщине, обътой горем. Вы не можете быть таким эгоистом, как хотели бы. Вы не можете поступать так, как другой, которому вы всю жизнь завидуете.

Б а р о н. Почему не могу?

П е д р о. Потому что никто не мог бы вести жизнь иную, чем та, которую он ведет... Вот истина, которую я вам открою: если через много лет вновь приедете на Санта-Крус и вновь захотите отправиться путешествовать, все будет точно так же, как и сегодня. Вы аристократ, вы не можете иначе.

Барон (некоторое время неподвижен, потом пытается улыбнуться). И сколько стоит эта истина?

Педро. Много тайных слез и бессонных почей — ничего больше...

Решительно, быстро возвращается возбужденный Пелегрин.

Пелегрин. Педро...

Барон. Желаю здравствовать.

Пелегрин. И вам того же... Мы выходим, Педро, сейчас же.

Барон. Могу я полюбопытствовать — куда?

Пелегрин. На Гавайские острова. (*Педро.*) Мы выходим, я говорю. Этот негр с его дурацкими устрицами позвал полицию. За устрицы я готов уплатить, но с полицией нам лучше не встречаться. У нас замазан герб, нам нужно двигаться дальше.

Педро. Понимаю.

Пелегрин. Нам нужно двигаться дальше, я не могу жениться, я не хочу болтаться на виселице! (*Барону.*) Прошу прощения, я, быть может, недостаточно вежлив...

Барон. О, ведь вы торопитесь.

Пелегрин. Гавайи... Знаете, что это такое? Что это значит?

Барон. Это острова.

Пелегрин. Да, и это тоже.

Барон. Очень далеко отсюда...

Пелегрин. Чем дальше, тем лучше!

Барон. Я думаю точно так же.

Пелегрин. Гавайи... (*Барону, так, словно тот сказал, что в Гавайских островах нет ничего особенного.*) Слышите, вы, там цветут цитрусы, ананасы, персики, финики, фиги, бапаны — все вместе! Там не бывает зимы...

Барон. Не бывает зимы.

Пелегрин. Ни малейшего намека на зиму. Один мой знакомый, матрос, был на Гавайях. Он забыл там свою дубинку, оставил по рассеянности. Он опирался на нее, когда увидел одну гавайскую девушку... Гавайские девушки — вы о них слышали? Так вот, он пошел за ней, забыв о палке. Через год он снова вернулся туда... И что бы вы думали? Палка, которую он воткнул в землю и забыл, старая голландская палка... зацвела!

Барон. Зацвела?

Пелегрин. Вот вам Гавайи!

Барон. И вы хотите туда?

П е л е г р и н. Хотите сказать, что в Гавайях нет ничего особенного? (*Подает ему руку.*) Прощайте!

Б а р о н. Я хотел бы только спросить...

П е л е г р и н. Как меня зовут? Меня никак не зовут.

Б а р о н. Не могли бы вы взять меня с собой? Я заплачу.

П е л е г р и н. Это вы из-за палки?

Б а р о н. Возьмете?

П е л е г р и н. Вы серьезно?

Б а р о н. Это — желание мужчины, у которого не осталось других желаний.

П е л е г р и н. Понимаю...

Б а р о н. Вы не решаетесь.

П е л е г р и н. Путь, знаете ли, нелегок.

Б а р о н. Прекрасно! Главное — это сам путь.

П е л е г р и н. Мило сказано, очень; но нас, может статься, схватят французы. Французы — это такие сухопутные чудачки; они ищут некий корабль, пропавший в Марокко при совершенно загадочных обстоятельствах... И потом, знаете ли, штормы, мы ведь должны обогнуть Африку. Жара, жажда, муссоны, лихорадка, пираты...

Б а р о н. Я считаю себя мужчиной.

П е л е г р и н. К тому же вы платите. Итак, по рукам.

Пожимают друг другу руки.

П е л е г р и н. Через пятнадцать минут мы выходим. Видите тот корабль с красным вымпелом? Через пятнадцать минут мы выходим, друг мой, и мы не будем ждать... (*Вместо приветствия.*) Гавайи! (*Уходит.*)

В этот самый момент с другой стороны вновь появляются уличные зеваки, среди которых негр и полицейский; тут же слуга барона.

Н е г р. Вот здесь он меня и задушил.

П о л и ц е й с к и й. Ну, это ты преувеличиваешь.

Н е г р. А здесь, клянусь, здесь он выбросил на мостовую всех моих устриц.

П о л и ц е й с к и й. Тоже что-то не видно.

Н е г р. Негру нужно верить, ты!

П о л и ц е й с к и й. Оставим негритянский вопрос... Пошли в дом, куда он скрылся.

Все входят в дом, кроме барона и его слуги Килиана — такого, каким он мог быть семнадцать лет назад.

С л у г а. Это тоже?

Б а р о н. Все, я сказал. Через пятнадцать минут все должно быть внизу.

С л у г а. Через пятнадцать минут?

Б а р о н. Ты понял, Килиан, корабль с красным вымпелом...

С л у г а. Такой грязный, ваша милость? (*Ставит чемоданы вместе.*) Ваша милость, я не переносу моря. На картинках — пожалуйста. Оно красивого цвета, но по большей части воняет... Я представлял себе все иначе, ваша милость, я думал, буду служить в замке. Ведь так и значилось в контракте. Что я буду подавать на стол, раздвигать портьеры, приносить свечи, подкладывать дрова в камин. Я так и думал...

Б а р о н. Вперед, Килиан, вперед!

С л у г а. И в саду я мог бы работать, ваша милость. Представляю, как я пригодился бы в замке!

Б а р о н. Дорогой мой, а я представляю себе все иначе...

С л у г а. У нас был бы такой красивый замок, ваша милость! (*Берется за чемоданы.*) Корабль с грязным вымпелом, вы говорите? (*Уходит.*)

Негр и полицейский выходят из дома.

Н е г р. Поймали!

П о л и ц е й с к и й. Мне очень жаль, милая барышня, что ваш кавалер проходимец, который готов скорее бросить свою девушку и улизнуть, чем заплатить за устриц. Мне очень жаль...

Н е г р. Негру тоже нужно верить, барышня. (*Полицейскому.*) Он сказал, они воняют, воняют, воняют...

В дверях появляется и останавливается Эльвира.

Б а р о н. Эльвира, ты?

Н е г р. Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!

П о л и ц е й с к и й. Заткни свою белую глотку!

Б а р о н. Полицейский...

П о л и ц е й с к и й. Да, ваша милость?

Б а р о н. Что произошло?

Н е г р. Я негр...

П о л и ц е й с к и й. Не говори того, что и так всем видно. Этого беднягу хотели удавить, но не удалось.

Н е г р. Этот господин сам покупал мои устрицы, и я спрошу его, какими они были — свежими или нет?

П о л и ц е й с к и й. Это не имеет значения, ваша милость. Его устрицы были выброшены на мостовую — вот факт. А негритянский вопрос тоже не имеет значения...

Б а р о н. Я заплачу за них.

П о л и ц е й с к и й. В этом нет необходимости, ваша милость, у нас есть залог, этого достаточно...

Б а р о н. А девушку оставьте в покое. *(Платит.)*

Н е г р. Хитрый господин.

П о л и ц е й с к и й. Поблагодари!

Н е г р. Я?

П о л и ц е й с к и й. Где твоя вежливость?

Н е г р. Господин, я не бросал устриц на мостовую. *(Осклабясь.)* Хитрый господин — платит за устриц, а покупает девушку. *(Уходит вместе с полицейским.)*

Б а р о н. Итак, нам суждено было встретиться здесь.

Э л ь в и р а. Да, это печально.

Б а р о н. Как видишь, Эльвира, я уезжаю.

Э л ь в и р а. Куда?

Б а р о н. На Гавайские острова...

Э л ь в и р а. Я даже не смела надеяться, что мы опять встретимся. И все-таки всегда думала о том, как это будет! Меня все время мучил стыд, хотя вины моей нет никакой, но меня все-таки мучил стыд.

Б а р о н. Женщина никогда не бывает виноватой, я знаю. Даже видимость того, что она бездействует, говорит в ее пользу.

Э л ь в и р а. Как мне понятна горечь твоих слов! И как мне жаль, что я кажусь тебе такой...

Б а р о н. Благодарю за сочувствие.

Э л ь в и р а. Ты не заслужил этого, мой верный друг!

Б а р о н. И все-таки я уеду.

Э л ь в и р а. Я не смогу тебя удержать, я знаю. Для этого не хватит никакой любви. Да и как ты можешь поверить, что я люблю тебя? А я никогда тебя не забывала... *(Закрывает лицо руками.)* О, как все это ужасно!

Б а р о н. Что делать, Эльвира.

Э л ь в и р а. Друг мой, как все могло быть прекрасно! Когда отец рассказывал о твоём замке, меня охватывало какое-то странное чувство. Чем, говорила я, чем я заслужила такую честь? Отец смеялся и говорил: тем, что ты красива, Эльвира... И вот теперь какое несчастье обрушилось на меня; все, что могло быть так прекрасно, разбито вдребезги, так что я должна быть благодарна за случайную милость, выкупившую меня у негра.

Б а р о н. Ты не должна так говорить, Эльвира.

Э л ь в и р а. Должна благодарить, мой друг, за горькую печаль, что мне дано вновь увидеть тебя. Любые страдания были бы слишком малой платой за это.

Слуга возвращается за оставшимися чемоданами.

С л у г а. Они поднимают якорь, ваша милость... (*Уходит с чемоданами.*)

Э л ь в и р а. Ты должен меня покинуть, понимаю. После того, что случилось, я это понимаю прекрасно.

Б а р о н. А как же ты?

Э л ь в и р а. Это твое святое право. Я не могу сердиться на тебя...

Б а р о н. А как же ты?

Э л ь в и р а. Не думай об этом.

Б а р о н. Эльвир!

Э л ь в и р а. Твой слуга сказал, они поднимают якорь...

Б а р о н. Что будет с тобой, скажи!

Э л ь в и р а. Я сказала — прощай!

Б а р о н. А ты? Ты?

Э л ь в и р а. Они поднимают якорь. Слышишь? Я чувствую это так, словно все происходит во мне самой — вот они поднимают якорь, отталкиваются длинными шестами, крутят со скрипом штурвал, распускают паруса... У меня кружится голова. Я не хочу, чтобы ты потом раскаивался, что остался со мной, ты не должен делать этого из жалости, из благородства... Что со мной будет? Я буду ждать тебя. Быть может, ты вернешься снова. А что еще делать мне с моей любовью, кроме того, как ждать, смотреть тебе вслед, вслед твоему вымпелу, смотреть, как он исчезает на горизонте, и все-таки надеяться, и все-таки любить тебя!..

Б а р о н. О ком ты говоришь?

Э л ь в и р а. О ком? О тебе... (*Теряет сознание, так что он вынужден поддержать ее.*)

С л у г а (*появляясь*). Ваша милость?!

Б а р о н. Молчи!

С л у г а. Ваша милость, они уходят...

Б а р о н. Знаю.

Они стоят неподвижно, в то время как Педро подходит к рампе — он уже не закован, — и размахивает кандалами.

П е д р о. Примерно так все тогда и было, примерно так... Они удалились в свой замок — барон и Эльвира.

Он аристократ, я ведь говорил, он не может иначе. У них родился ребенок. И так далее. Тот, другой, обогнул Африку, на Мадагаскаре его схватили французы. Это сулило ему галеры, а у него была лихорадка, больничная сестра дала ему кровь... Все это мы уже знаем. Осталась последняя картина: в этот же день семнадцать лет спустя. То есть — мы знаем и это — последняя ночь в жизни Пелегрини.

АКТ ПЯТЫЙ

В замке.

Пелегрин стоит у окна, все еще шелкая орехи, как в конце третьего акта. Эльвира сидит в кресле. Горят свечи.

П е л е г р и н. Через час наступит рассвет.

Э л ь в и р а. Я спрашиваю тебя еще раз, Пелегрин, что ты рассказал барону? Вы пили с ним до глубокой ночи, как мне передали...

П е л е г р и н. Пили?

Э л ь в и р а. Ты рассказал ему о том, что тогда было между нами? Семнадцать лет назад. Мужчины любят рассказывать об этом!

П е л е г р и н. Мужчины любят рассказывать об этом... Откуда ты знаешь? Не верь всему, что пишут в книгах, Эльвира.

Э л ь в и р а. Умоляю тебя, Пелегрин, что ты ему сказал?

П е л е г р и н. О нас, ты имешь в виду?

Э л ь в и р а. О нас.

П е л е г р и н. Ни слова.

Э л ь в и р а. Ни слова?

П е л е г р и н. Я не мог знать, что барону все это неизвестно. Откровенно говоря, я даже не подумал, что из этого может получиться... *(Запускает руку в карман.)* Замечательные у вас тут орехи!

Э л ь в и р а. Не знаю, что и думать. Об этой ночи. Что же произошло?

П е л е г р и н. Я рассказывал ему о Гавайях...

Э л ь в и р а. О Гавайях?

Входит слуга.

Ну и?

П е л е г р и н. Сам он почти ничего не говорил.

Э л ь в и р а. Ну и?..

С л у г а. Мы были на конюшне, ваша милость. Как вы приказали.

Э л ь в и р а. Ну и?..

С л у г а. Исчезли две лошади. Росинант и Казанова. Сани тоже.

Э л ь в и р а. Это уже не сон.

С л у г а. Барон уехал, ваша милость.

Э л ь в и р а. Уехал?..

С л у г а. Да.

Э л ь в и р а. Среди ночи? В такую пургу?

С л у г а. Очевидно, ваша милость.

Э л ь в и р а. Какое безумие... Кто запряг ему лошадей, хотела бы я знать! Ночью! Разбуди людей, спроси. И пришли сюда этого болвана!

С л у г а. Называйте меня как хотите, ваша милость, но это был я.

Э л ь в и р а. Ты сам?

С л у г а. По приказу господина барона.

Э л ь в и р а. И теперь, когда нам дорог каждый миг, чтобы догнать его, теперь ты отправляешься на конюшню посмотреть, на месте ли лошади, которых ты сам запряг?

С л у г а. Ваша милость так приказали.

Э л ь в и р а. Великий Боже, что все это значит?

С л у г а. Ваша милость не хотели мне верить.

Э л ь в и р а. Уехал, ты говоришь? Куда?

С л у г а. Этого господин барон не сказал.

Э л ь в и р а. Что же он сказал?

С л у г а. Он сказал примерно так...

Э л ь в и р а. Вспомни точно!

С л у г а. «Тихо! — сказал он. — Не разбуди госпожу, мне кажется, она видит приятный сон».

Э л ь в и р а. Что он еще сказал?

С л у г а. «Килиан, — сказал он, — поддержи мне пальто...»

Э л ь в и р а. А еще?

С л у г а. «Килиан, ты не понимаешь, что такое жизнь, ты не понимал этого никогда, а жизнь — это движение, жизнь — это великий сон».

Э л ь в и р а. Еще?

С л у г а. Это все.

Короткое молчание.

Э л ь в и р а. Пусть оседлают другую лошадь, мою собственную. Быстро! Пусть скачут за бароном, пока не

узнают, что все это значит. Пусть гонят лошадь изо всех сил, я заплачу так, что их внуки будут помнить об этой щедрости.

С л у г а. Как прикажете, ваша милость.

Э л ь в и р а. Я буду ждать здесь.

Слуга уходит.

Мой добрый, мой славный муж! Только б с ним ничего не случилось!

П е л е г р и н. Через час наступит рассвет.

Э л ь в и р а. Он уехал в пургу, в этот снежный потоп. Три дня назад вдоль дороги наставили палок, а уже вчера их совсем не было видно! Уехать в пургу — какое безумие!.. (*Останавливается.*) Зачем ты это сделал?

Пелегрин поворачивается к ней.

Да, ты!

П е л е г р и н. Что я сделал?

Э л ь в и р а. Зачем ты пришел? Чего ты вообще хочешь?

П е л е г р и н. Меня пригласили.

Э л ь в и р а. Наш брак счастлив, Пелегрин, счастлив, сколько бы ты ни смеялся над браком...

П е л е г р и н. Разве я смеюсь?

Э л ь в и р а. Брак — это чудо! Могла ли я думать семнадцать лет назад, когда мы поженились, что я буду так любить его! Для этого нужно знать друг друга долго, так, как мы, и без всякой влюбленности. Он — человек, которого я вряд ли заслуживаю! (*Улыбаясь.*) Иногда, когда я не вижу его, он мне кажется Господом Богом — на него можно так же положиться, как на Бога. В прошлом году я десять недель лежала в лихорадке, а потом, когда встала, сразу вспомнила о попугае. Я совсем забыла о нем, но он был жив, муж кормил его десять недель, хотя как он его ненавидит! Он такой во всем...

Пелегрин ест орехи и кивает головой.

Что бы он ни делал, я знаю — он делает ради меня. И это ужасно... Вот теперь, уехав в пургу, он, вероятно, думает, что делает мне услугу, что я хочу остаться с тобой. Добрый! Он не знает, что теперь ты для меня ничего не значишь...

Снова появляется слуга.

Что случилось?

С л у г а. Ваша милость...

Э л ь в и р а. Он вернулся? Ради Бога!..

С л у г а. Ваша милость, я принес новые свечи. (*Ставит свечи и уходит.*)

П е л е г р и н. Ты спросила, чего я хочу? (*Отходит от окна.*) Я сидел в трактире, да, уже с неделю, и случайно узнал, кто живет в этом замке. Случая могло и не быть, я бы мог не узнать этого, и мы бы никогда больше не увиделись на этой земле. Еще сотня шагов — и мы прошли бы мимо друг друга, ты и я, мимо друг друга — и в ночь...

Эльвира молчит.

Завтра я уеду.

Эльвира молчит.

В одной точке пространства и времени, здесь и теперь, сходятся два человека — мне это показалось таким чудом... И только. Я взял гитару, не знаю, чего я хотел, то была музыка...

Э л ь в и р а. Ты хотел панести мне визит, не так ли?

П е л е г р и н. Ну пусть так, если хочешь.

Э л ь в и р а. А зачем? (*С издевкой.*) Затем, что мы любили друг друга? Когда-то.

П е л е г р и н. Я тоже думаю, что когда-то мы любили друг друга.

Э л ь в и р а. И вот, оказавшись поблизости, ты захотел узнать, сколько от всего этого осталось? Понимаю.

Пелегрин молча смотрит на нее.

Или ты хотел мимоходом удостовериться, знает ли Эльвира, чего ты достиг — без нее? Объездил весь свет! Я в курсе дела, меня ввела в него горничная.

Пелегрин молча смотрит на нее.

Или ты хотел узнать, могу ли я быть счастливой после того, как ты семнадцать лет назад поступил со мной подло?

П е л е г р и н. Это не так.

Э л ь в и р а. Да, я счастлива, Пелегрин. Счастлива. Чего ты хочешь еще? Дать тебе в этом расписку, чтобы ты мог уехать отсюда со спокойной душой?

П е л е г р и н. Без расписки, то есть без твоего предложения дать расписку, я бы в это поверил.

Э л ь в и р а. Когда-то, много лет назад, ты написал мне, кажется, с Явы.

П е л е г р и н. Из Кореи.

Эльвира. И ты ведь знал, каково мне было держать в руках эту открытку, добродушно-шутливую писанину после стольких лет?

Пелегрин. Если б мы знали, каково адресату получать наши письма, вряд ли мы стали бы писать их, Эльвира! Тут волшебная сила письма — его смелость...

Эльвира. Меня мучил стыд, что когда-то я могла любить человека, написавшего такие каракули. Мне было противно, понимаешь?

Пелегрин. Честно говоря, нет.

Эльвира. Мне было противно. С каждым годом все больше. Мне было противно, что ты такой трус. На том нелепом клочке бумаги ты писал, что желаешь мне хорошего, верного мужа...

Пелегрин. С моей стороны это было серьезно.

Эльвира. Да, чтобы самому сбежать к заблудшим и пропащим, туда, где не гниют, не стареют, не умирают! Вот в чем все дело. Ты не хотел жениться, чтобы моя тоска осталась с тобой. О, то была беспримерная хитрость. Ты желал большего, чем спать с женщиной, ты хотел войти в ее сны!.. А действительную близость, расходующуюся и пустеющую в тысячах привычных поцелуев, повседневность и будни ты оставил другому, доброму, верному мужу, которого ты мне желал... Зачем? Затем, чтоб у меня никогда больше не было любимых, чтоб я была связана супружеской верностью, не было ни одного, кроме того единственного в прошлом, кроме тебя!

Пелегрин улыбается.

Разве не так?

Пелегрин. Признаться, так глубоко я об этом никогда не думал.

Эльвира. Попытайся, и ты доберешься в конце концов до подлости, лицемерия в любви, трусости перед действительной жизнью, для которой у тебя не доставало мужества; его у тебя никогда не было, ни разу — и с другими женщинами тоже, я ведь знаю, что была у тебя не единственной!..

Пелегрин. Эльвира!

Эльвира. Ты будешь это отрицать?

Пелегрин. Что ты была не единственной, Эльвира, — это само собой разумеется.

Эльвира. Понимаю.

П е л е г р и н. Но ты, быть может, единственная, которая это понимает.

Э л ь в и р а. Понимаю, неверность льстит мужчине, это что-то вроде украшения, безделушки — не больше, приключения придают некий блеск, как и лишения, которыми вы так гордитесь... (*Не выдержав.*) Зачем ты приехал, Пелегрин?! Я ничего не понимаю, ничего! Скажи мне, зачем? Через семнадцать лет! Чего ты хочешь от меня?

Он молчит.

Грызть орехи? Листать книги?

П е л е г р и н. А почему бы и нет...

Э л ь в и р а. А почему бы и нет...

П е л е г р и н. Я люблю книги, которых не читал.

Э л ь в и р а. Ты приехал, чтобы узнать, люблю ли я тебя еще? Страдаю ли? Жду ли?

Пелегрин листает книгу.

Или ты хотел убедиться, что я тебя ненавижу, что я вижу тебя насквозь, что я презираю тебя?

Пелегрин листает книгу.

Зачем ты приехал? Чтобы еще раз повздыхать над прошлым и все простить друг другу, благосклонно и нежно, улыбнуться, пошутить о пролитых слезах, и только — ведь то был лишь эпизод в жизни мужчины, меланхолия воспоминаний выкроит из него еще эпизодик, это, так сказать, проценты с бывшего блаженства, визит мимоходом, прочувствованный вечер с вином и орехами...

Он листает книгу.

Ты молчишь.

П е л е г р и н. Ты не великодушна, Эльвира... Тем, что принуждаешь меня говорить. Лгать. Объяснять себя самого! Я приехал за тем-то и тем-то. Как будто я сам это знаю. Ты хочешь услышать от меня слово, чтобы сразу меня обвинить и от меня освободиться... Не знаю, почему ты боишься своего собственного сердца, Эльвира.

Э л ь в и р а. Я боюсь?

П е л е г р и н. Кто может с точностью знать, как все было? Знаешь ли ты или я в этот час нашего ночного бдения полную правду? (*Берет другую книгу.*) Если б мы помолчали, хотя бы час, вот так, как сидим! И только... Ты взяла бы книгу или вязанье, я бы смотрел иллюстрации,

бабочек, эти растения. *Melaleuca folia*¹, например... а потом, потом бы уехал.

Э л ь в и р а. А потом?

П е л е г р и н. Навсегда, я хотел сказать.

Э л ь в и р а. А потом?

П е л е г р и н. Потом вокруг нас снова была бы жизнь. (*Садится за клавикорды.*) В Гонолулу я встретил одного старого капитана, у которого оставалась одна возлюбленная — астрономия. Выше этого для него ничего не было. Мы всегда смеялись над ним, потому что ничто другое его не интересовало. С тех пор как он обнаружил в каюте какую-то толстенную книгу, все остальное стало вдруг пустяком. Вероятно, то была первая книга, которую он читал в своей жизни, и как читал! Он приходил в кабак, где мы танцевали с негритянками, и рассказывал о Млечном Пути так, словно он был создан только вчера... (*Берет с тарелки апельсин.*) Когда мы садились к нему за столик, он брал такой апельсин. Вот, говорил он, луна. И не терпел улыбок! Вон тот глобус — земля. А это луна. Между ними было семь шагов, я точно помню. А что посередине, спрашивал он, что посередине? Даже не воздух, не свет — ничего! Ничего, кроме ночи, вселенной, смерти, ничего, что бы заслуживало названия, — просто ничего!

Э л ь в и р а. Кто это говорил?

П е л е г р и н. Капитан из Гонолулу... «Предположим, — говорил он, — у меня есть сестра, она осталась в Европе, славная, милая девушка, предположим, она стоит на базаре в Барселоне и в эту минуту держит в руках... ну что бы... арбуз; вот вам одна звезда, арбуз в Барселоне — другая, а что посередине? — говорил он. — Ничего, кроме ночи, вселенной, смерти. Так велико, друзья мои, так велико ничто, так редко встречается жизнь, теплота, разумное бытие, горячий огонек. Так редко то, что есть». (*Чистит апельсин.*) Я не собираюсь спорить, верно ли все это. Он был большой чудака. Но я бы не мог очистить апельсин, не думая о нем.

Э л ь в и р а. Зачем ты рассказал мне все это?

П е л е г р и н. Так. Мне подумалось... а что если б нам еще раз очистить вдвоем апельсин, Эльвира, может быть, еще раз вокруг нас была бы жизнь...

Э л ь в и р а (*прислушивается*). Кажется, колокольчик?

¹ *Melaleuca folia* — медуница белолиственная (*лат.*).

Ничего не слышно.

П е л е г р и н. Из того, что ты говорила сегодня ночью, я вынес только, что ты умна.

Э л ь в и р а. А женщина не должна быть умной!

П е л е г р и н. У тебя есть тайны, которые сторожит рассудок; он тебе очень нужен, поэтому он так остр.

Э л ь в и р а. Ты приехал выболтать мне мои собственные тайны?

П е л е г р и н. Какое мне дело до них...

Э л ь в и р а. Ах да, ты ведь не хочешь знать, зачем ты приехал!

П е л е г р и н. Разве так уж невозможно, Эльвира, что я вообще ничего больше не хочу?

Э л ь в и р а. И все-таки ты приехал.

П е л е г р и н. И все-таки я приехал... *(Ест апельсин.)* В воображении моем все было правильно, даже красиво. Мы не вправе, думал я, судить друг друга. Ты можешь считать меня подлецом — Бог примет меня соответствующим образом, если это так. Я в свою очередь думаю, как сейчас невеликодушна женщина. Бог, если он думает так же, примет в соответствии с этим тебя... Что бы там ни было, думал я, жизнь свела нас, и мы любили друг друга — каждый по-своему, по своему возрасту, по возможностям своего пола. И оба мы еще живы: здесь и теперь, в это мгновение... Почему бы, подумал я, нам не поприветствовать друг друга?

Э л ь в и р а. Но зачем мы должны были это сделать?

П е л е г р и н. Жизнь так коротка.

Э л ь в и р а. Ты думал, что можно вновь увезти меня?

П е л е г р и н. Зачем?

Э л ь в и р а. Еще один эпизод в жизни мужчины...

Пелегрин трогает клавиши — как ребенок, который хочет и не умеет играть. В дверях появляется Виола. Она в ночной рубашке.

Ради Бога!.. Детка, зачем ты пришла сюда?

В и о л а. Я не могу заснуть.

Э л ь в и р а. В такое время!

В и о л а. Мне так страшно, мама...

Э л ь в и р а. Но почему?

В и о л а. Мне снятся такие страшные сны...

Э л ь в и р а. Дитя мое!

В и о л а. В нашем доме смерть, мама. *(Смотрит на мать, потом пугается собственных слов, плачет.)*

Э л ь в и р а (*поддерживает ее*). Пойдем, Виола, пойдем! Не бойся, ты испугалась во сне. И только. Не плачь. Выпей горячего чаю. Я принесу тебе плед... Килиан! (*Уходит.*)

П е л е г р и н (*пытается играть*). Наступает рассвет.

Виола молчит.

Не нужно бояться, дитя мое, совсем не нужно. В этом нет ничего ужасного, я знаю.

Виола молчит.

П е л е г р и н. Вы умеете играть? Если б я жил еще раз, я обязательно бы научился. По-моему, это прекрасно.

В и о л а. О да.

П е л е г р и н. И рисовать тоже.

В и о л а. О да, и многое еще...

П е л е г р и н. Очень многое...

Виола молчит.

Представь себе раковину, каких не бывает на самом деле, о каких можно только мечтать — так она красива. Можно объездить все морские побережья, вскрыть тысячи, сотни тысяч раковин, и ни одна из них не будет такой же красивой, как та, о которой можно только мечтать, ни одна не будет красива так, как ты, — говорил я девушкам, которых любил... Видит Бог, это было серьезно, и девушки мне верили, как верил в это я сам. Но девушки исчезают, становятся женщинами, и женщины в свой черед исчезают тоже — остается лишь раковина, какой не бывает на самом деле, раковина, о которой можно только мечтать...

Звон колокольчиков.

Скажи мне, сколько тебе лет, дитя мое?

В и о л а. Мне? Семнадцать.

П е л е г р и н. Семнадцать?

В и о л а. Почему вы так смотрите на меня?

Звон колокольчиков.

П е л е г р и н. Это он, я думаю. Это он!

В и о л а. Кто?

П е л е г р и н. Барон, ваш отец... Мы знаем друг друга семнадцать лет — ваш отец и я. Тогда он тоже хотел на Гавайские острова, как и сегодня.

В и о л а. Мой отец?

П е л е г р и н. Он аристократ.

В и о л а. А почему он не уехал?

П е л е г р и н. Потому что его ждала дочь — тогда, как и сегодня... Это он, я думаю. Идите встречать его.

Виола подчиняется, медленно идет к дверям, глядя на Пелегрина. Он тоже смотрит ей вслед, пока она не исчезает в темноте дверного проема.

Или — или; это, кажется, неизбежно. Одному — море, другому — замок; одному — Гавайские острова, другому — ребенок...

Возвращается Эльвира. С ней писарь.

Э л ь в и р а. Какое письмо? Дай сюда!

П и с а р ь. Ваша милость...

Э л ь в и р а. Это тебя посылали за бароном?

П и с а р ь. Ваша милость простят мой вид. Я прямо с постели, меня будят уже второй раз за ночь...

Э л ь в и р а. Что это за письмо?

П и с а р ь. Барон, наш господин, написали его сегодня ночью, велел, чтобы я подал его к завтраку.

Э л ь в и р а. К завтраку?

П и с а р ь. А Килиан говорит, можно и теперь, раз ваша милость уже встали...

Эльвира читает письмо.

Кажется, шаги... Ваша милость, барон, вероятно, уже вернулся... *(Не получив ответа, уходит.)*

Э л ь в и р а. Вот оно как!.. Он хочет снова жить, мочь, плакать, смеяться, любить, испытывать трепет в душной ночи, ликовать, пока нас навсегда не засыпало снегом... Почему мы не были честнее? *(Она не видит лица Пелегрина, которое неподвижно и бледно, как восковая маска.)* О Пелегрин! Не верь тому, что я говорила этой ночью, ни одному слову... Я назвала тебя подлецом, потому что мне казалось подлостью, что ты мне спился в течение семнадцати лет... Теперь я могу сказать, Пелегрин, — ты правильно сделал, что приехал...

В дверях стоит барон.

Почему мы не были честнее?

Б а р о н. Я хотел уехать.

Э л ь в и р а. Я знаю.

Б а р о н. Но это невозможно... А ты?

Э л ь в и р а. Я ждала тебя. И видела сны...

Б а р о н. Я знаю.

Э л ь в и р а. А когда проснулась, то стала искать тебя по всему дому, но тщетно. Здесь я нашла Пелегрину. Я издевалась над ним — ради тебя.

Б а р о н. Ради меня?

Э л ь в и р а. Во имя верности. Семнадцать лет я думала, что должна лгать, чтобы сохранить тебе верность — такому, каким я тебя представляла. И вот теперь я прочла твое письмо.

Б а р о н. Уже прочла?

Э л ь в и р а. Почему мы не были честнее? Не хватало такой малости. Как бы мы поняли друг друга! Ты на многие годы похоронил свою тоску, как ты пишешь, чтобы она не пугала меня, а я многие годы стыдилась своих снов, ибо знала, что они напугают тебя. Ни один не хотел огорчать другого. Маленькая комедия, которую мы играли долгие-долгие годы, пока не пришел Пелегрин. (*Кричит, увидев мертвого.*) Пелегрин??

Б а р о н. Теперь я понимаю...

Э л ь в и р а. Почему ты улыбаешься?

Б а р о н. Теперь я понимаю, что он мне сказал этой ночью. Он сказал это так легко, я не мог и подумать, что это серьезно.

Э л ь в и р а. Пелегрин...

Б а р о н. Он это знал.

Э л ь в и р а. Почему ты скрывал от меня все это, друг мой? Не смейся, мы все поступили несправедливо, все. Бог не хотел этого... Мы могли любить друг друга, мы все, теперь я вижу — жизнь совсем не такая, любовь больше, чем я думала, верность — глубже, ей нечего бояться наших снов, нам не нужно хоронить тоску, не нужно лгать... О Пелегрин! Ты меня слышишь? Мы очистим вдвоем апельсин, слышишь, и еще раз вокруг нас будет жизнь... Не улыбайся так!

Б а р о н. Эльвира...

Э л ь в и р а. Почему я не услышала этого в твоих словах, почему?

Б а р о н. Не плачь, Эльвира. В том, что он сказал, нет ничего страшного — я не рассказываю ни в чем и ничего не хочу повторять... Он сказал это так легко.

Часть комнаты с Эльвирой и бароном, который ее поддерживает, как когда-то, когда ее оставил Пелегрин, погружается в темноту.

Раздается музыка, Пелегрину окружают фигуры.

П е р в а я. Я принесла первый кофе с Кубы.

В т о р а я. Я Анатолия, девушка, которой ты ни разу не коснулся.

Т р е т ь я. Я принесла тебе фрукты — ананасы, персики, инжир, виноград, это урожай следующего, наступающего года.

Ч е т в е р т а я. Я сестра, которая дала тебе кровь в больнице на Мадагаскаре.

П я т а я. Я принесла тебе книги — Софокл, Вергилий, Конфуций, Сервантес, Байрон и все, что ты хотел прочитать, — чудесные соты со следами воска на страницах, на которых оседает разум столетий.

Ш е с т а я. Я капитан из Гонолулу, который Бог весть почему еще трижды вспомнит о тебе.

С е д ь м а я. Я принесла тебе вино, которое ты пролил.

В о с ь м а я. Я мать, которую ты не видел, Пелегрин, я умерла, дав тебе жизнь.

Д е в я т а я. Я смерть.

П е л е г р и н. Знаю...

П о с л е д н я я. Я твоя плоть, твой ребенок, Виола, которой суждено все узнать снова и все снова пачать.

ОПЯТЬ ОНИ ПОЮТ

Пьеса-реквием

**N u n s i n g e n s i e w i e d e r
V e r s u c h e i n e s R e q u e m s**

1945

Действующие лица
(в порядке появления на сцене)

Герберт
Карл
Священник
Мария
Учитель
Лизель
Лейтенант
Другой
Радист
Эдуард
Томас
Ефрейтор
Капитан
Бенджамин
Женщина
Привратник
Старик
Дежурный из противовоздушной обороны
Мальчик
Дженни
Сын капитана

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Герберт, офицер, и Карл, солдат.

Г е р б е р т. Через час уже будет ночь... Надо выбираться отсюда; задание мы выполнили.

К а р л. Да, через час уже будет ночь...

Г е р б е р т. Что с тобой?

К а р л. Задание мы выполнили...

Г е р б е р т. Ты так смотришь, будто самого себя расстрелял!

К а р л. Теперь надо выбираться отсюда...

Г е р б е р т. Да, вот как только поп закончит и зароет могилу...

К а р л. Задание мы выполнили...

Г е р б е р т. Ты уже в третий раз это говоришь!

К а р л. Весной, когда растает снег, весной я поеду домой на побывку... весной, когда раскроются почки и пригреет солнце, обнажится и эта могила. Мы можем приказать попу: рой могилу, столько-то в длину, столько-то в ширину, да поживей! Мы можем приказать ему: а теперь закапывай ее, да поживей! Мы можем все приказать в этом мире, все — только не траве; мы не можем приказать траве, чтобы все ею поросло, да поживей. Люди увидят могилу — столько-то в длину, столько-то в ширину... весной, когда растает снег, весной, когда я буду сидеть дома и есть мамино печенье.

Г е р б е р т. Закури! *(Дает ему сигарету.)*

К а р л. Спасибо... Печенье... Они целый год экономили муку и сахар на это печенье!

Герберт дает ему огня.

Когда я был маленьким, я так любил домашнее печенье...

Г е р б е р т. Кури и не болтай ерунду; ты устал, Карл.

К а р л. Весной я поеду домой на побывку.

Г е р б е р т. Нам все можно, только уставать нельзя и голову терять тоже — это пам ни к чему. Карл, понимаешь, ни к чему.

К а р л. Через час будет ночь... Мария пишет, что она уже слышала ласточек. Это сейчас-то! И видела бабочек! Сейчас-то! Пишет, что ручки ждут нас в отпуск, ждут еще под снегом...

«Вновь косынкой голубой

В облаках весна махнула».

Ты знаешь Мёрике¹?

Г е р б е р т. Может, даже лучше, чем ты.

К а р л. Я его так люблю.

Г е р б е р т.

«Дымом, детством вдруг пахнуло

Над притихшею землей.

А в снегу цветок

Замер в ожиданье.

Арфы звук и робок и далек...

Ты идешь, весна,

То твое дыханье!»

Тишина.

К а р л. Герберт, можешь ты мне сказать, зачем мы расстреляли этих людей — двадцать одного человека?

Г е р б е р т. Тебе-то что за дело?

К а р л. Я же их расстреливал...

Г е р б е р т. Это были заложники.

К а р л. Они пели. Ты слышал, как они пели?

Г е р б е р т. Теперь отпелись.

К а р л. Они пели — до последней секунды.

Г е р б е р т (*всматривается туда, откуда они пришли*). Представляю, какую легенду из этого сделает поп! Если мы позволим ему болтать. Если мы оставим его в живых.

К а р л. Герберт!

Г е р б е р т. Ну что?

К а р л. Ты хочешь сказать, что и попа...

Г е р б е р т. Он копает так старательно, будто сажает луковицы, и какие редкие луковицы! Весной, Бог даст, из них вырастут тюльпаны!

К а р л. Герберт, поп же ни в чем не виноват...

¹ Мёрике Эдуард (1804—1875) — немецкий поэт.

Г е р б е р т. А заложников мы спрашивали, виноваты они или нет? Он закапывает их так, будто в самом деле верит в их воскресение; вон, еще камешки выбирает!

К а р л. Герберт, попи в чем не виноват...

Г е р б е р т (*снова поворачивается*). Ты обратил внимание на эту изумительную фреску? В средней апсиде?

К а р л. Какую фреску?

Г е р б е р т. Ну, распятие и воскресение, не помнишь, что ли? СтНящая штука, византийской школы, должно быть, века двенадцатого, и как сохранилась... Я сразу вспомнил твоего отца, Карл.

К а р л. Почему?

Г е р б е р т. Господин учитель — если бы он это увидел, — он бы прямо ахнул. И прочел целую лекцию: все эти фигуры, — помнишь, как он говорил? — они стоят здесь не на фоне случайного ландшафта, который их породил и обусловил; они стоят на фоне вечности, а это значит — в безусловном ореоле духа... И так далее.

К а р л. Почему ты говоришь об этом сейчас... именно сейчас?

Г е р б е р т. Я все время вспоминаю господина учителя... Что бы я ни увидел, я все время представляю себе, как бы он про это сказал, с его эрудицией. Я имею в виду — все прекрасное. Он же всегда говорил только о прекрасном. Как, кстати, он там себя чувствует?

Появляется священник.

Ну что, папаша?

С в я щ е н н и к. Они зарыты.

Г е р б е р т. А ты?

С в я щ е н н и к. Я зарыл их, как ты приказал.

Г е р б е р т. Какой ты исполнительный!

С в я щ е н н и к. Да покоятся они с миром.

Г е р б е р т. А ты?

С в я щ е н н и к. Я не понимаю.

Г е р б е р т. Чего ты не понимаешь?

С в я щ е н н и к. Зачем Господь вас послал.

Г е р б е р т. Ты, значит, думаешь, что нас послал Господь? (*Подходит к нему.*) Поклянись, что не будешь болтать, когда мы уйдем. Клянись.

С в я щ е н н и к. Клянусь.

Г е р б е р т. Поклянись, что ты ничего не видел собственными глазами.

С в я щ е н н и к. Ты же завязал мне глаза.

Г е р б е р т. Клянись!

С в я щ е н н и к. Я ничего не видел. Клянусь.

Г е р б е р т. И ничего не слышал!

С в я щ е н н и к. Они пели.

Г е р б е р т. Поклянись, что ты ничего не слышал, иначе мы и тебя пристрелим.

С в я щ е н н и к. Меня?

Г е р б е р т. Считаю до десяти. Понял?

С в я щ е н н и к. Меня?

Г е р б е р т. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

С в я щ е н н и к. Клянусь.

Г е р б е р т (*отпускает священника, тот уходит*).
Тьфу! Тьфу ты... твою мать! Господи, ну какая мразь!

К а р л. Если бы он не встретил нас, Герберт, он не стал бы мразью; это ты сделал его мразью...

Г е р б е р т. Они просто боятся, они все нас просто боятся!

К а р л. Это оттого, что у нас такая власть.

Г е р б е р т. А величие духа, которое, как говорят, сильнее нашей власти, — где он, этот дух? Чего же ищем, как не его? Где он, этот Бог, которого они малюют на всех стенах, твердят о нем веками? Я его не слышу.

К а р л. Час назад они пели...

Г е р б е р т. Это все от страха! Все они боятся нашей власти; они дают нам под видом клятв лжесвидетельства и еще удивляются, что Господь нас не карает! Мы обратились к оружию власти, к последней инстанции силы, чтобы познать величие духа. Попробуй докажи мне, что они говорят правду: я в них стреляю — покажи мне хоть одного воскресшего! Я расстреливал их сотнями, но воскресших не видел.

К а р л. Просто мы стали убийцами...

Г е р б е р т. Мы обратились к оружию власти, к последней инстанции силы, чтобы познать величие духа, истинное величие духа; но лукавый прав — нет его, этого величия духа! Мы всего лишь прибрали к рукам мир, а нужен ли он нам — не знаю; ничто не стоит на пути нашей власти — вот что самое ужасное. (*Поворачивается.*) Попа надо пристрелить.

К а р л. Почему?

Г е р б е р т. Потому что я приказываю. Я сказал ему: вырой могилу для этих людей. Он это сделал. Я сказал

ему: теперь зарой ее. Он это сделал. Я сказал ему: клянись Господом Богом, что ты ничего не слышал. Он поклялся. Теперь я говорю: попа надо пристрелить...

К а р л. Не понимаю.

Г е р б е р т. И сделаешь это ты — ты, хоть ты и не понимаешь.

К а р л. Я?

Г е р б е р т. Я тебе приказываю.

К а р л. Герберт...

Г е р б е р т. Чтобы через пять минут он был пристрелен.

Карл стоит неподвижно, молча.

Мы не можем верить его клятве. Он клянется Господом Богом, которого нет; иначе он не мог бы совершить клятвopепреступление и уйти своей дорогой. Он будет мстить нам за собственную трусость, как только уйдет от дул наших пистолетов, уж будь уверен! Он нас боится, а именно страх больше всего жаждет мести. Так вот — чтобы через пять минут он был пристрелен.

К а р л. А если я скажу, что не буду этого делать?

Г е р б е р т. Ты знаешь, что тогда будет.

К а р л. Знаю.

Г е р б е р т. Ты ведь не первый, Карл.

К а р л. Знаю.

Г е р б е р т. Я поставлю тебя самого к стенке, если будет нужно, — тут же, на месте; уж можешь мне поверить, Карл. Мы же всегда делали то, что говорили; в наше время это не каждый о себе может сказать. На нас можно положиться.

К а р л. Да, я тебя знаю.

Г е р б е р т. Так подумай.

К а р л. А если я при этом запою?

Г е р б е р т. Даю тебе пять минут.

К а р л. А если я при этом запою?

Г е р б е р т. Потом уже будет поздно рассуждать. Даю тебе пять минут. (*Уходит.*)

К а р л. Опять они поют...

Входит священник и ждет. Слышно пение.

С в я щ е н н и к. Он велел мне подойти к тебе.

К а р л. Что тебе нужно?

С в я щ е н н и к. Он велел мне подойти к тебе.

К а р л. Скажи мне только одно...

С в я щ е н н и к. Что?

К а р л. Или нет... Ты совершил клятвопреступление. Почему ты совершил клятвопреступление? Ты предал своего Бога, образ которого носишь на груди. Вот ты сказал, что двадцать лет — двадцать лет жил в этом монастыре, молился, служил Господу...

С в я щ е н н и к. Служил.

К а р л. И не успел прокричать петух! Ведь так, кажется, у вас говорится? «Прежде нежели пропоет петух...» Почему ты это сделал?

С в я щ е н н и к. Думай лучше о своих собственных грехах.

К а р л. Через час будет ночь... скажи мне только одно: если я все время буду идти в этом направлении — лесами, лугами, все время, — если я переплыву реки, все время, — если я побреду по болотам, все время, пока будет ночь, все время, все время, — куда я приду?

Священник молчит.

Говори же! Куда я приду? Говори! Это спасет тебе жизнь!

Священник молчит.

Я пошел. Можешь выдать меня! Я уйду к матери. Так и скажи им: он ушел к своей матери. (*Уходит.*)

С в я щ е н н и к. Мое место здесь. Я не предам тебя. Меня твой побег не спасет и тебя тоже. Какой бы дорогой ты ни пошел по земле — она приведет тебя сюда.

Картина вторая

Мария с младенцем.

М а р и я.

Прилети, жучок, ко мне,
А наш папа на войне,
Наш малышка будет цел,
Только домик наш сгорел...

Весной, когда растает снег, весной приедет Карл. Это твой отец. Ты его еще не видел. Поэтому я так говорю, маленький мой. Он хороший папочка, ласковый, он посадит тебя на коленки — гоп, гоп, гоп! И глаза у него, как у тебя, маленький мой, — чистые и голубые, как два роднич-

ка. И он так смеется, твой отец! Он посадит тебя на плечи, разбойник ты этакий, а ты ухватишь его за вихор и — гоп, гоп!

Прилети, жучок, ко мне,
А наш папа на войне,
Наш малышка будет цел,
Только домик наш сгорел...

О Господи, что бы там ни было, а весна рано или поздно придет. Земле столько тысяч лет, и ни разу весна не забывала ее, что бы люди ни делали... С деревьев каплет — это тает снег, потому что солнце согревает землю. Оно светит не везде: за лесами еще длинные тени, там прохладно и влажно, под ногами прелая листва прошлых октябрей... Но небо — между стволами повсюду небо — море синевы; стоишь на ветру, и солнце запутывается в волосах, как расплавленное серебро; темные пашни жаждут света, люди удобряют их навозом, от лошадей идет пар, и уже журчат ручьи... Весной, когда растает снег, весной приедет Карл; и опять будут вечера у распахнутых окон, мы будем слушать птичий гомон и будем чувствовать воздух, и тревогу набухших почек, и даль полей... Маленький мой, как прекрасна земля, как прекрасно жить на земле!

Входит учитель.

Кажется, заснул.

Учитель. Я был там.

Мария. Ну как?

Учитель. Их все еще не нашли.

Мария. Весной, когда приедет Карл, что он скажет, не найдя своей матери?

Учитель. Да...

Мария. Весной, когда приедет Карл...

Учитель. Я еще раз говорил с ними...

Мария. С кем?

Учитель. Ну с этими пленными... Вообще-то с ними нельзя говорить...

Мария. И что они сказали?

Учитель. Один из них говорит, что его раз тоже засыпало... Говорит, он пролежал там двадцать часов. В самом начале войны.

Мария. И что?

Учитель. И все. Они уже перестали.

Мария. Они больше не копают?

Учитель. Прошло уже пятьдесят часов. Они больше не копают. Их вроде бы перебрасывают на другой участок — там засыпанные, может быть, еще живы...

Мария. Они больше не копают...

Учитель. Потому я и вернулся. Я простоял там пятьдесят часов. Я уже давно потерял всякую надежду на то, что мать еще жива. Руины спрессовались, смерзлись, их надо взрывать, такие они твердые. Я уже давно потерял всякую надежду, видит Бог... И они перестали копать; а я опять думаю: а вдруг наша мать все-таки еще жива?

Мария. Mamочка! (*Разражается рыданиями.*) Зачем все это? Объясни мне! Что им сделала наша мамочка? Такой человек... Объясни мне.

Учитель. Да...

Мария. Зачем все это?

Учитель. Они просто дьяволы.

Мария. Господи, ну чего, чего они от нас хотят?

Учитель. Они просто дьяволы... Они не могут простить нам того, что мы выше их. В этом все дело. Они не могут нам простить, что мы хотим изменить мир, что мы можем сделать его лучше. Они просто дьяволы...

Мария (*прислушивается*). Кто-то стучал?

Учитель. Кто бы это мог быть?

Мария. Не знаю.

Учитель. Меня нет дома.

Мария. А если это Карл?

Учитель. Тебе это всякий раз кажется, когда стучат, — вот уже год...

Мария. Я посмотрю, кто там. (*Уходит.*)

Учитель. Они просто дьяволы. Дьяволы... Хотел бы я посмотреть на них, хоть раз — глаза в глаза!

Входят Мария и Лизель с цветочным горшком.

Мария. Это Лизель...

Лизель. Господин учитель...

Мария. Она принесла тебе цветочный горшок...

Лизель. Я узнала, что ваша жена...

Учитель. Как знать, Лизель, может, в эту минуту она еще жива?

Лизель. Здесь вообще-то не цветы, господин учитель. Какие же сейчас цветы! Там луковица; весной, Бог даст, из нее вырастет тюльпан.

Мария. Спасибо, Лизель. (*Ставит горшок на стол.*)

Л и з е л ь. А те времена вернутся, господин учитель?

У ч и т е л ь. Какие времена?

Л и з е л ь. Вы водили нас по старому городу, показывали замки и галереи, объясняли всякие картины. Вы так умели рассказывать про какую-нибудь знаменитую картину, что уж никогда не забудешь! Вы открыли нам глаза на прекрасное, — ну, знаете, на возвышенное и вообще.

У ч и т е л ь. Что слышно о Герберте?

Л и з е л ь. Брат на фронте. Он пишет, что сейчас они как раз расположились в одном монастыре — там такие средневековые фрески, пишет, что господин учитель удивился бы, если б их увидел.

У ч и т е л ь. Герберт был моим лучшим учеником.

Л и з е л ь. Вы всегда так говорите.

У ч и т е л ь. Герберт был моим лучшим учеником, таких у меня больше не было. А как хорошо он играл на виолончели... Одно время мы много с ним играли вместе, с твоим братом, каждую неделю...

Л и з е л ь. Я помню. (*Вдруг, Марии.*) Ты знаешь, что Карл в городе?

М а р и я. Карл?

Л и з е л ь. Я уверена, что это был он, уверена.

М а р и я. Карл?

У ч и т е л ь. Мой сын?

М а р и я. Где? Когда? Этого не может быть.

Л и з е л ь. Вчера вечером иду я за углом — как раз где засыпало вашу матушку, — и мы прямо наткнулись друг на друга. Темно было. Он говорит: «Простите!»

М а р и я. Наш Карл?

Л и з е л ь. И голос был его, я уверена, иначе бы я вообще его не узнала. Я говорю: «Карл?» А он сразу исчез.

У ч и т е л ь. Не обольщайся надеждами, Мария. Это ошибка. Карл на фронте, за много километров отсюда.

Л и з е л ь. А у вас он разве не был?

М а р и я. Он написал — весной, он приедет весной...

У ч и т е л ь. Не будем больше об этом говорить!

Л и з е л ь. Разве вы не рады, что Карл в городе?

М а р и я. Ах, Карл...

У ч и т е л ь. Ну вот, видишь, теперь она в слезы...

М а р и я. У нас ведь ребенок, а он его еще даже не видел. Все говорил, что приедет осенью, а осенью началось новое наступление.

Л и з е л ь. Может, я и вправду обозналась.

У ч и т е л ь. Мы уже так долго надеялись, так долго и слепо верили. Ах, Лизель, лучше бы ты ничего не говорила.

Л и з е л ь. Я сама испугалась. Только потом сообразила: он же не узнал меня в темноте; пу, я тогда побежала за ним и закричала: «Карл!»

М а р и я. Ты еще раз его видела?

Л и з е л ь. Я сначала так подумала, а когда догнала его, вижу, что это другой...

У ч и т е л ь. Ну вот видишь!

Л и з е л ь. Я и сама подумала, что обозналась. И успокоилась. Пошла назад, а за углом опять его увидела — того же, который перед этим чуть не палетел на меня. Я говорю: «Карл, ты меня не узнаешь?»

М а р и я. А он?

Л и з е л ь. Я его за рукав ухватила, понимаешь? «Карл! — говорю, — Карл!» А сама держу его. «Я же тебя узнала, Карл, что с тобой?»

М а р и я. Так это был он?

Л и з е л ь. Я видела его вот так, как тебя сейчас, вчера вечером...

У ч и т е л ь. Этого не может быть.

М а р и я. Вчера вечером?

У ч и т е л ь. Этого не может быть; иначе бы он к нам пришел, наш Карл, не станет же он бродить по улицам как привидение.

Л и з е л ь. А он и говорит: «Карл? — и останавливается. — Меня зовут не Карл, ты обозналась, красотка, попытай счастья с кем-нибудь другим». — И так ударил меня по руке, что я сразу его отпустила...

Вдали начинает выть сирена.

М а р и я. Опять они летят!

У ч и т е л ь. Пошли в укрытие.

М а р и я. Опять они летят, а малыш только-только заснул...

У ч и т е л ь. Они просто дьяволы! Просто дьяволы!

Л и з е л ь. Может, я и вправду обозналась...

У ч и т е л ь (*гасит свет в комнате*). Они просто дьяволы! Хотел бы я хоть раз взглянуть на них — глаза в глаза...

Картина третья

Семеро молодых летчиков ждут вылета в бой; из громкоговорителя раздаётся бодрая танцевальная музыка; летчики сидят в современных металлических креслах, читают, курят, играют в шахматы, пишут письма.

Л е й т е н а н т. Шах!

Д р у г о й. По-моему, сегодня до нас очередь так и не дойдет. Уже начало девятого.

Л е й т е н а н т. Я сказал: шах!

Д р у г о й. Мой милый, я это предвидел. Я теряю на этом пешку, а ты ферзя.

Л е й т е н а н т. То есть, как это?

Д р у г о й. Ходи. (*Берет сигарету.*) Я в самом деле уже не верю, что сегодня до нас дойдет очередь... Между прочим, на улице дождь льет как из ведра. (*Закуривает.*) Ты бывал в Кёльне, когда он был еще цел?

Л е й т е н а н т. Нет.

Д р у г о й. Я тоже.

Л е й т е н а н т. Мой прадедущка покинул Европу, потому что устал от нее. У меня такое же чувство, хотя я еще не ступал на ее почву. Шах!

Из громкоговорителя вместо танцевальной музыки раздаётся вдруг хорал из «Страстей по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха.

Р а д и с т. Выключи!

Э д у а р д. Почему?

Р а д и с т. Я говорю — выключи!

Музыка становится тише.

Не выношу такую музыку.

Э д у а р д. Я просто ищу, что есть в эфире. А вообще эта музыка не так уж и плоха.

Р а д и с т. Дело не в этом.

Э д у а р д. А в чем же?

Р а д и с т. Не мешай мне писать письма! Я не хочу уходить из жизни, пока эта сука не узнала, что я о ней думаю... Ты ведь сам говоришь, что вообще музыка эта не так уж плоха. Вообще! И я так считаю.

Э д у а р д. Ну вот.

Р а д и с т. Но дело не в этом!

Э д у а р д. А в чем же? В том, что это немецкая музыка? Музыка — это лучшее, что у них есть.

Радист продолжает молча писать свое письмо.

Я не выключу, пока ты не скажешь причину.

Р а д и с т. С... я хотел на всю эту красоту.

Э д у а р д. Хорошая причина.

Р а д и с т. Мир вовсе не прекрасен. Такая музыка убеждает нас в том, чего на самом деле нет. Понимаешь? Это иллюзия.

Э д у а р д. Может быть...

Р а д и с т. Мир вовсе не прекрасен.

Э д у а р д. Но музыка прекрасна. Я хочу сказать: существует красота иллюзии, как ты это называешь. Что ты выиграешь от того, что мы и это сотрем с лица земли? Ведь это, в конце концов, единственное, чего наши бомбы не могут уничтожить.

Р а д и с т. Это — да, и твои глупые острооты.

Э д у а р д. Я не острою, дружище.

Р а д и с т. А что же?

Э д у а р д. Я верю в иллюзию. То, чего никогда не бывает, чего нельзя ухватить руками и нельзя разрушить руками, то, что существует только как мечта, как стремление, как цель, стоящая над всем существующим; это тоже имеет власть над людьми.

Р а д и с т. Ты это серьезно?

Э д у а р д. Да придет царствие Его! Нет ничего реальнее этой иллюзии. Она возводила соборы, она разрушала соборы, тысячелетия пели, страдали, убивали за это царство, которое никогда не придет, и все-таки оно-то и составляет всю человеческую историю! Нет ничего реальнее на земле, чем эта иллюзия.

В разговор включается третий летчик, который рисовал до этого на коробке из-под сигарет.

Т о м а с. Я тоже так думаю.

Р а д и с т. Что?

Т о м а с. У всякой войны есть своя цель. И у этой тоже. Иначе все было бы безумием, преступлением — все, что мы делаем. Цель этой войны — чтобы мир стал лучше, прежде всего для нас, для рабочих людей. Прежде всего для рабочих людей.

Неловкая пауза из-за возникшего недоразумения.

Р а д и с т. Я знал одного парня, он все играл такую музыку — здорово играл. Это было перед войной, когда мы с ним еще не были врагами. Мы даже считали, что мы друзья! Он умел так говорить об этой музыке, что просто диву

даешься — так умно, так благородно, так душевно, понимаешь, душевно! И все-таки это тот же самый человек, который сотнями расстреливает заложников, убивает женщин и детей, — тот же самый, что играет на виолончели, — душевно, ты понял, душевно! (*Запечатывает конверт, встает.*) Его звали Герберт.

Э д у а р д. И что ты хочешь этим сказать?

Р а д и с т. Ты не потерял ни матери, ни отца, ни сестренки. Ты молчи! Ты не видел этого собственными глазами — они просто дьяволы! Просто дьяволы...

Входит сфрейтор.

К а п и т а н. Что там?

Е ф р е й т о р. Вылетаем...

К а п и т а н. Когда?

Е ф р е й т о р. В восемь пятьдесят.

К а п и т а н. Спасибо. (*Встает и не спеша выбивает трубку.*) Все слышали?

Пауза.

Д р у г о й. Он сказал — в восемь пятьдесят?

Л е й т е н а н т. Тогда мы еще вполне успеем. Твой ход.

Д р у г о й. Третий раз за неделю!

Л е й т е н а н т. Играй давай!

Д р у г о й. Вчера мне приснился жуткий сон... Скворечня наша загорелась, мы начали выскакивать — один, два, три, четыре, пять; мне уже и раньше это снилось: как будто парашют целую вечность не может приземлиться, а потом, в конце концов, я вдруг опускаюсь в своем городе — каждый раз; а город, как в воскресенье, — такой, знаешь, немного пустынный, скучный, чужой, как будто ты вернулся в него через много столетий; знакомые улицы, площади — все вдруг превратилось в какой-то луг, на нем пасутся козы, но кафе открыто со всех сторон, как руина; там сидят твои друзья, читают газеты, а на мраморном столике — мох, сплошной мох, и никто тебя не знает, нет никаких общих воспоминаний, общего языка — ничего... Жуткий сон!

Л е й т е н а н т. Ходи.

К а п и т а н (*надевает куртку*). Бенджамин!

Б е н д ж а м и н. Да, капитан?

К а п и т а н. Ты не против, если мы будем называть тебя просто Бенджамин? Ты из нас самый молодой, Бенджамин... Можешь не вставать.

Бенджамин. Я не моложе многих других.

Капитан. Ты быстро привыкнешь, вот увидишь.

Бенджамин. К чему?

Капитан. Здесь такие же будни, как и всюду. Вот наш лейтенант — когда нет девочек, сидит все время за шахматами и все время проигрывает. Томас — это вон тот, за ним — рисует дом, который после войны получит каждый рабочий. Устраиваемся как можем... Ты в первый раз сегодня вылетаешь?

Бенджамин. Да.

Капитан. Я это все говорю не в утешение тебе — про будни. Человек привыкает ко всему. Я здесь старше всех, уже можно сказать — старик, потому что я здесь пятый год. До войны я участвовал в деле своего отца — мы торговали шерстью. Тоже было чертовски нудное занятие.

Бенджамин. Я не боюсь.

Капитан. Не боишься?

Бенджамин. Вам, конечно, смешно...

Капитан. И это ты со временем поймешь, Бенджамин, — есть вещи, о которых мы никогда не говорим. Табу! Бойся человек или не бойся — кто об этом спрашивает?

Бенджамин. Я не хотел сказать, что я храбрый. Я даже думаю, что я вовсе не храбрый. Но я и не боюсь. Я себя вообще еще не знаю.

Капитан. Послушай, сколько тебе лет?

Бенджамин. Двадцать. То есть двадцать с половиной.

Капитан. Напиши своей девушке, что капитан передает ей привет. В двадцать лет мы тоже не скучали...

Бенджамин. Я не пишу никакой девушке.

Капитан. Почему?

Бенджамин. Потому что у меня никакой нет.

Капитан. Тоже мне мужчина!

Бенджамин. После школы сразу началась война...

Капитан. Я смотрел, как ты писал — целых два часа, Бенджамин, так пишут только девушке — очень хорошей и очень славной девушке.

Бенджамин. Я писал не письмо.

Капитан. Постой-постой, уж не поэт ли ты?

Бенджамин. Я хотел бы им стать, капитан, если война не сожрет нас.

Капитана зовут из-за сцены.

Капитан. Иду, иду! (Уходит.)

Лейтенант. Я не сдамся.

Другой. Так мы не успеем. Все равно ты проиграл.

Лейтенант. А это мы еще посмотрим.

Другой. Тебе уже ничто не поможет.

Лейтенант. Давай оставим все как есть, а завтра доиграем. Ход мой.

Надевают куртки.

Радист. А все остальное — все, что было? Я тоже не хотел этому верить, приятель, — это намного удобнее, я знаю! Я тоже не хотел этому верить: люди, подвешенные за челюсть на крюк, детские башмачки с отрубленными ногами...

Эдуард. Перестань!

Радист. Я тоже не хотел этому верить. И все-таки это было, приятель, было: тысячи, сотни тысяч — задушенных газом, как сарагча, обуглившихся, уничтоженных...

Эдуард. Перестань, слышишь?

Радист. Мир не прекрасен.

Эдуард. А ты думаешь, мы сегодня ночью сделаем его лучше?

Радист. А что нам делать? Я тебя спрашиваю. Дать себя перебить?

Эдуард. Наши бомбы не сделают его лучше — и нас тоже.

Радист. Так попытайся сделать это своей музыкой! Попытайся...

Эдуард. Я пытаюсь думать, вот и все!

Радист. Мы не можем иначе!

Эдуард. Возможно. В этом-то и вся чертовщина...

Пауза.

Радист. Когда еще были живы моя мать, мой отец, сестренка... Господи, я думал точно так же, как и ты. Есть одно-единственное право на земле — право для всех. Есть одна-единственная свобода, достойная этого названия, — свобода для всех. Есть один-единственный мир — мир для всех...

Эдуард. А теперь?

Радист. Я казался себе таким мудрым!

Эдуард. А теперь — теперь ты все потерял, и твою мудрость тоже?

Р а д и с т. Это не мудрость, Эдуард. То, что не выдерживает проверки жизнью, — это не мудрость! Это — иллюзия, мечтание, красивые слова.

Э д у а р д. Мы же сами дали их миру, красивые слова: мы говорили о праве, а сами песем насилие, мы говорили о мире, а сами порожаем ненависть, ненависть...

Р а д и с т. Ты не потерял ни матери, ни отца, ни сестренки... Ты не видел этого собственными глазами: моего отца они расстреляли перед дверью дома, он даже не успел спросить, что случилось... Мою сестренку они загнали в церковь вместе со всей деревней — с женщинами, девушками, грудными детьми, — а потом церковь подожгли — из огнеметов... Ты не видел этого собственными глазами. О, как я завидую таким, как ты.

Эдуард молчит.

Господи, я ведь тоже пытаюсь думать, не проходит и дня... За все это, думаю я, наступит, должна наступить кара.

Э д у а р д. Кара?

Р а д и с т. Кара эта не от нас...

Э д у а р д. А от кого же?

Р а д и с т. Нельзя издеваться над людьми и думать, что того, кто издевается, это не коснется — не коснется твоей матери, твоих детей... Кара эта не от нас... Их ложь, их высокомерие, их безумие — какое бы нам было до всего до этого дело, если бы мы не стали их жертвами? Я знаю, есть много прекрасных занятий — играть на скрипке, читать книги, скакать на лошадях, растить детей...

Э д у а р д. Может быть, это было бы и лучше.

Р а д и с т. Нельзя жить в мире с дьяволом, если ты живешь с ним на одной планете. Остается только одно: быть сильнее дьявола!

Э д у а р д. Ты хочешь сказать — подавлять, целые народы...

Р а д и с т. Я хочу сказать — стирать, стирать с лица земли...

Э д у а р д. Стирать с лица земли?

Р а д и с т. *(уже готов к вылету)*. Другого выхода нет.

Э д у а р д. *(еще возится)*. Я не верю в силу, никогда не поверю, даже если в один прекрасный день она окажется в наших руках. Нет силы, способной стереть дьявола с лица земли...

Р а д и с т. Почему же?

Э д у а р д. Везде, где есть сила, — там остается и дьявол...

Р а д и с т. Не говори! Проспись от своих мечтаний. Ты не видел этого собственными глазами — они просто дьяволы!..

Возвращается капитан с картой в руке.

К а п и т а н. Господа!

Летчики строятся.

Задание у нас нелегкое. Наша задача заключается в следующем...

Б е н д ж а м и н *(остается в стороне)*. Странные мысли лезут в голову: может быть, мы катимся в пропасть, внезапно, и совсем не замечаем, что это — смерть. Мы совсем не подозреваем, где мы находимся. Вот в эту же секунду умирает девушка — мы с ней там познакомимся. Может быть, мы-то ее и убили. И это будет жизнь, которую мы могли бы прожить вместе. Это будет раскаяние, которое всех нас объединит... Вот что это будет.

К а п и т а н. Бенджамин!

Бенджамин встает в строй.

Наша задача заключается в следующем...

Картина четвертая

Карл и его отец, учитель.

К а р л. Мама погибла...

У ч и т е л ь. Ты все еще не можешь в это поверить, Карл.

К а р л. Мама погибла...

У ч и т е л ь. Да, так вот, сынок. Она так радовалась, что ты приедешь. Все твердила: весной, весной приедет Карл...

К а р л. Не будем больше говорить об этом.

У ч и т е л ь. Ее засыпало, и найти никак не могут.

К а р л. Что же дальше?

У ч и т е л ь. Ты говоришь — что же дальше?

К а р л. Весной, когда растает снег, весной я приеду на побывку. Сколько еще погибнет матерей — до весны, когда начнет таять снег...

У ч и т е л ь. Ты не в себе. Что с тобой?

К а р л. А где Мария?

У ч и т е л ь. Мария жива.

К а р л. Скажи мне правду!

У ч и т е л ь. Мария жива, она наверху в комнате.

К а р л. Мария жива...

У ч и т е л ь. И с малышом вашим все в порядке.

К а р л. Мария наверху в комнате...

У ч и т е л ь. Мы все тебе написали, Карл; в их дом попала бомба; к счастью, Марии в это время там не было. Теперь она живет у нас вместе с ребенком.

К а р л. Вот как бывает.

У ч и т е л ь. Да.

К а р л. Мама погибла, и я так ее и не увидел, а Мария наверху в комнате ждет, когда я приеду, ждет, когда растает снег, и Марию я тоже больше не увижу...

У ч и т е л ь. Карл! О чем ты говоришь? Карл!

К а р л. Да, вот как оно бывает.

У ч и т е л ь. Господи...

К а р л. Оставь его.

У ч и т е л ь. Господи, что случилось? Карл! Я иду в подвал и вижу своего сына, который там прячется. Как ты сюда попал? Я уже третий раз тебя спрашиваю: как ты сюда попал?

К а р л. Пешком.

У ч и т е л ь. Почему ты прячешься внизу, Карл, если ты приехал на побывку и Мария ждет тебя, мы все ждем...

К а р л. Я не на побывке.

У ч и т е л ь. А как же ты оказался здесь?

К а р л. Не понимаешь?

Учитель непонимающе смотрит на него.

Я ушел.

У ч и т е л ь. Карл!

К а р л. Я ушел... пешком...

У ч и т е л ь. Да ты понимаешь, что это значит?

К а р л. Даже лучше, чем ты...

Короткая пауза, Карл закуривает.

У ч и т е л ь. Если сейчас начнется тревога и люди придут в подвал, они тебя увидят... Они же тебя знают. Ты понимаешь, что это значит?

К а р л. Почему бы нам с ними наконец не познакомиться?

У ч и т е л ь. Ты понимаешь, что ты делаешь?

К а р л. Я понимаю, что я сделал, и понимаю потому, что это сделал я, неделю назад, я, Карл, твой единственный сын, я, у которого была жена, был ребенок, была мать, которую в это время засыпало. Ну и что? Они были не первые...

У ч и т е л ь. Карл, ты должен сейчас же вернуться!

К а р л. Ни за что!

У ч и т е л ь. Прежде чем тебя увидят люди, Карл! Ты скажешь, что ты заблудился, потерял дорогу, что ты...

К а р л. Замолчи.

У ч и т е л ь. Я заклиная тебя, Карл, я тебя умоляю, я, твой отец, слышишь? Ты потерял голову, сынок, возьми себя в руки; это единственное, что может тебя спасти, тебя и нас — Марию и твоего отца, — ты должен сейчас же вернуться!

Карл молча смотрит на него.

Ты меня слышишь?

К а р л. Ты стрелял когда-нибудь в женщин и детей?

У ч и т е л ь. Ты должен сейчас же вернуться!

К а р л. Это очень просто: они как бы подламливаются — даже как-то медленно — и падают набок, чаще всего, а некоторые падают вперед. Что дальше? Ты стрелял когда-нибудь в женщин и детей, чтобы они в это время пели? Пели! *(Начинает петь песню заложников, которая заполняет подвал гулким, громким эхом.)*

У ч и т е л ь. Тебя услышат! Если кто-нибудь войдет и увидит тебя, мы пропади!

К а р л. Я знаю.

У ч и т е л ь. Ты пришел, чтобы всех нас погубить?

К а р л. Мы пропади, отец, даже если нас никто не увидит. Будь уверен.

У ч и т е л ь. Карл, послушай...

К а р л. Это единственное, в чем мы можем быть уверены.

У ч и т е л ь. Я понимаю тебя...

К а р л. Это невозможно, ты этого не делал!

У ч и т е л ь. Карл, ты делал это по приказу! Слышишь: мы в этом не виноваты...

К а р л. Ты все еще в это веришь?

У ч и т е л ь. Карл! Карл!

К а р л. Только, пожалуйста, без пафоса.

У ч и т е л ь. Две минуты, Карл! Соберись с мыслями и выслушай меня, а там поступай как знаешь... *(Садится к сыну.)*

К а р л. Я знаю наперед все, что ты можешь мне сказать.

У ч и т е л ь. Мне тоже, Карл, мне тоже приказывали делать вещи, которые я по собственной воле никогда бы не сделал, которые я никогда не взял бы на свою совесть; началось все с мелочей, с второстепенных вещей, ты же знаешь. А почему я это делал?

К а р л. Где не хватает мужества, причин всегда хватит.

У ч и т е л ь. Я делал это ради вас — ради твоей матери, ради тебя! Я стоял тогда перед выбором: стать учителем или нищим — лишиться хлеба, работы, средств. Тебе смешно!

К а р л. Мне не смешно...

У ч и т е л ь. Это же был кошмар — тогда, — страшный кошмар, но кое-что было в этом и хорошего, и я сказал: да, ради вас, ради твоей матери...

К а р л. Маму засыпало...

У ч и т е л ь. ...ради тебя, Карл! Я не хотел, чтобы ты потом за все расплачивался, я не хотел губить твою молодость...

К а р л. Она уже погублена.

У ч и т е л ь. Я сказал: да. А позже речь шла уже не о работе и хлебе, а о том, есть ли у человека родина на земле или нет, и я еще раз сказал: да, потому что не хотел лишать тебя родины. Ты понимаешь?

К а р л. Продолжай.

У ч и т е л ь. Я всегда — раз уж так случилось, — я всегда только хотел как лучше, Карл...

К а р л. Скажем: как удобнее.

У ч и т е л ь. Я думал о вас. Ведь ты теперь тоже знаешь, что это значит — иметь жену, ребенка...

К а р л. Продолжай.

У ч и т е л ь. Потом уже речь шла не о родине или чужбине, понимаешь? Потом уже надо было просто спасти свою голову, и я сказал: да, Карл! Это тоже дело совести: нельзя губить свою жену ради личных убеждений — жену, ребенка...

К а р л. Да, уж лучше губить других! *(Снова встает.)* Ты когда-нибудь стрелял в женщин и детей?

У ч и т е л ь. Я тебе уже сказал: ты делал это по приказу!

К а р л. А кто приказывал?

У ч и т е л ь. Это не твоя вина, Карл. Что бы нам ни приказывали, это не наша вина...

К а р л. В этом-то все и дело!

У ч и т е л ь. Ты опять смеешься?

К а р л. Каждое твое слово — это обвинение нам. Нельзя, нельзя оправдывать себя повинованием, — даже если оно остается последней нашей добродетелью, оно не освобождает нас от ответственности. В этом-то все и дело! Ничто, ничто не освобождает нас от ответственности, она возложена на нас, на каждого из нас — каждому свое. Нельзя передать свою ответственность на сохранение другому. Ни на кого нельзя переложить бремя личной свободы — а именно так мы и пытались сделать, и именно в этом наша вина.

Тишина.

Пути назад нет, отец, поверь мне.

Слышен отдаленный вой сирен.

У ч и т е л ь. Это тревога!

К а р л. Опять тревога.

У ч и т е л ь. Вот сейчас придут люди... Карл... Неужели я все это брал на себя для того, чтобы в конце концов все оказалось напрасным?

К а р л. Я не вижу выхода, отец, для всех нас; это — наша вина.

У ч и т е л ь. Вернись назад... Каждую секунду сюда могут прийти люди... и Мария не должна тебя видеть, она тебя не отпустит, и мы все погибнем.

К а р л. Мария!

У ч и т е л ь. Карл, я прошу тебя — речь идет о нашей жизни.

К а р л. Вот она спускается по лестнице... Мария... сынишка, которого я еще не видел... вот они спускаются по лестнице. (*Хватает отца за руку.*) Ты не бросай их! (*Исчезает.*)

Подвал наполняется людьми.

Л и з е л ь. Да вот он... Мария, учитель уже здесь. Иди же.

Ж е н щ и н а. Это уже в третий раз сегодня, в третий раз.

П р и в р а т н и к. Да замолчите же!

Ж е н щ и н а. Нет, я просто так сказала: это в третий раз.

П р и в р а т н и к. Мы и без вас это знаем.

Ж е н щ и н а. Господи, каждую почь и чуть ли не каждый день сидишь в подвале, и даже слова сказать нельзя; чего вы собственно, хотите, и кто вы такой вообще?

П р и в р а т н и к. Я отвечаю за противовоздушную оборону.

Ж е н щ и н а. Я тоже человек...

Ч е й - т о г о л о с. Все мы здесь, милая, люди...

Ж е н щ и н а. Может, мне уж и пожаловаться нельзя, уж и ничего нельзя? Хотела бы я знать, зачем мы вообще ведем эту войну...

Ч е й - т о г о л о с. Читайте газеты!

Ж е н щ и н а. Зачем?

Ч е й - т о г о л о с. Читайте газеты!

Ж е н щ и н а. Если уж и пожаловаться нельзя и говорить нельзя, ничего нельзя — ни света, ничего, — тогда почему бы нам не остаться наверху, чтобы нас убили? И даже этого нельзя...

П р и в р а т н и к. Не должно быть никакой паники. Это моя обязанность, этому меня обучали, и я за это ответственный...

Ж е н щ и н а. А я все равно скажу: сейчас начнется!

П р и в р а т н и к. Что?

Ж е н щ и н а. Третий налет!

Разрывы бомб вдали.

П р и в р а т н и к. Господи, пронесло, Господи, опять не наш квартал...

У ч и т е л ь. Мария, не плачь...

Л и з е л ь. Она все время боится, что ребеночек умрет. Он же просто спит.

У ч и т е л ь. В самом деле, ну что ты? Все кончилось, на этот раз все кончилось.

Л и з е л ь. А как он чудесно спит. Ничего не слышит. Посмотрите, посмотрите, как он шевелит пальчиками! Ах ты, разбойник маленький! Посмотрите, как он дышит!

М а р и я. Да-да!

Л и з е л ь. Ах ты, козявочка моя!.. Он в самом деле дышит.

Ж е н щ и н а. И сколько же ему?

М а р и я. Год... скоро год...

Ж е н щ и н а. Он уже ничего не будет знать об этой войне, когда вырастет. Подумать только! Ну разве что где наш город был — это он увидит. Но сам уже ничего не

вспомнит — это уже много, очень много. Там, где никто ничего сам не сможет вспомнить об этой войне, — только там снова начнется жизнь.

Чей-то голос. Или новая война.

Женщина. Почему?

Чей-то голос. Потому что никто ничего сам не будет помнить об этой.

Женщина (*прислушивается*). Слышите? «Скорая помощь» едет...

Привратник. Да замолчите вы, черт побери!

Женщина. Что, этого тоже нельзя говорить?

Привратник. Если вы сейчас же не заткнете свою глупую глотку...

Женщина. Ну, что тогда?

Привратник. Я должен буду вас арестовать, вы понимаете, должен! Если я этого не сделаю, другие на меня донесут. Нельзя же думать только о себе, черт побери! У меня тоже есть жена...

Все время слышен неясный шум.

Мария. Только бы пришла весна... Только бы пришла весна!

Учитель. Придет, придет весна.

Мария. Весной вернется Карл и не нужно будет оставаться в городе. Мы уйдем в лес, это очень даже возможно, даже в дождь в лесу можно жить... Когда мы с ним познакомились — это было в его последнюю побывку, — когда мы катались на байдарке, мы так и делали — жили в лесу, несколько дней. Ах, какое это было прекрасное время!

Учитель. Представляю себе.

Мария. Только бы еще хоть раз пришла весна, единственный раз!..

Входит старик. Он явно здесь чужой.

Старик (*после паузы обращается к первому попавшемуся — это учитель*). Монастырь разбомбили.

Привратник. Это не имеет значения.

Старик. Что вы хотите сказать?

Привратник. Все восстановят.

Старик. Кто?

Привратник. Будет даже лучше, чем раньше! После войны.

Старик. Да-да, конечно...

Ж е н щ и н а. Опять эти фосфорные бомбы?

С т а р и к. Люди мечутся по улицам...

П р и в р а т н и к. Да замолчите вы!

С т а р и к. Но я все это видел!

П р и в р а т н и к. Болтовней делу не поможешь!

С т а р и к. Молчанием тоже.

Ж е н щ и н а. Может, он и прав, отец, нечего об этом говорить, нам всем нечего теперь говорить.

С т а р и к (*продолжает как бы с самим собой*). Люди мечутся по улицам, повсюду натыкаются на горящую смолу; через минуту они все обуглятся... останутся посреди улицы, как черные стволы...

У ч и т е л ь. Куда ты, Мария? Куда ты?

М а р и я. На улицу...

У ч и т е л ь. Ты сошла с ума!

М а р и я. Я хочу в лес!..

У ч и т е л ь. Но не теперь же!

М а р и я. По-моему, ему здесь душно, он здесь задохнется...

У ч и т е л ь. Не сейчас! Слышишь, Мария?

М а р и я. Слышу, слышу...

Разрывы бомб все ближе.

Ч е й - т о г о л о с. Зажигательные. Это уже зажигательные. Скоро кончится.

В дверях появляется дежурный из противовоздушной обороны.

Д е ж у р н ы й. Господин учитель, ваш сын...

М а р и я. Карл!

Д е ж у р н ы й. Там ваш сын... Он... повесился...

У ч и т е л ь. Мой сын...

Д е ж у р н ы й. Улица горит!

Ж е н щ и н а. Фосфор?

Д е ж у р н ы й. Улица горит! (*Поспешно уходит.*)

У ч и т е л ь. Мария!.. Где она? (*Спешит вслед за Марией, выбежавшей вместе с ребенком.*)

Ж е н щ и н а. Она тронулась. Я это сразу поняла. Каждый раз она боялась, что ребеночек задохнется.

Ч е й - т о г о л о с. Это ее муж повесился?

Л и з е л ь. Так это все-таки был он. Наш Карл...

С т а р и к. Они мечутся по улице, улица в огне, всюду горящая смола... Через минуту они обуглятся... останутся посередине улицы, как черные стволы.

Возвращается учитель. Шум затихает.

У ч и т е л ь. Улица горит.

Ж е н щ и н а. Господи, накажи врагов наших! Господи, накажи врагов наших! Накажи их, Господи!..

Ч е й - т о г о л о с. Наши тоже не лучше.

П р и в р а т н и к. Кто это сказал?

Ж е н щ и н а. Я не говорила.

П р и в р а т н и к. Кто это сказал? Трус, который боится сознаться, предатель, которого надо поставить к стенке, если он сознается.

Ч е й - т о г о л о с. Наши тоже не лучше.

П р и в р а т н и к. Вы?

Ж е н щ и н а. Это не он...

П р и в р а т н и к. Вас-то мы знаем, господин учитель, вы этого не говорили.

У ч и т е л ь. Наши тоже не лучше. Я говорю это сейчас: наши тоже не лучше.

Гробовая тишина.

П р и в р а т н и к. Я должен записать вашу фамилию, простите меня... Я должен...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина пятая

Священник стоя режет хлеб и кладет его на каменный стол.
Слышно пение заложников.

С в я щ е н н и к. Опять они поют... Упокой их души, Господи!

Появляется мальчик; священник пересчитывает куски хлеба.

М а л ь ч и к. Дедушка!

С в я щ е н н и к. Что, сынок?

М а л ь ч и к. Там опять стреляют!

С в я щ е н н и к. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать... С нами уже ничего не может случиться, сынок. Это просто продолжается война. Скажи им, что с нами уже ничего не может случиться.

М а л ь ч и к. Мы все поем.

С в я щ е н н и к. Я слышу... Возьми эту кружку, сынок. Это вино, кровь Господа нашего. А хлеб, скажи, я сам принесу.

М а л ь ч и к. Дедушка, ты такой добрый! (*Уходит с кружкой.*)

С в я щ е н н и к. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один — вот так они стояли, двадцать один человек, и вот так, как сейчас, — вот так они пели.

Тем временем появляются и летчики: капитан с наспех сделанной белой повязкой, лейтенант, ефрейтор, радист.

К а п и т а н. Здравствуйте, папаша.

С в я щ е н н и к. Здравствуйте.

К а п и т а н. Надеюсь, мы не помешали?

С в я щ е н н и к. Будем надеяться.

Небольшая пауза.

Капитан. Кто это там поет?

Священник. Там их много, добрый человек, много...

Капитан. Я слышу. Целый хор. Люблю хоровое пение, слышал по радио. Но я хотел спросить — что это за люди?

Священник. Я их не знаю.

Капитан. Не знаешь?

Священник. Каждый раз, когда они слышат, что стреляют, они опять поют. Упокой их души, Господи.

Небольшая пауза.

Капитан. А ты?

Священник. Я даю им хлеб. Иногда ловлю рыбу. Тогда я приношу им рыбу...

Капитан. Может, у тебя найдется хлеб и для нас?

Священник. Если ты хочешь есть...

Капитан. Мы все хотим есть!

Лейтенант. Есть и пить!

Священник. У нас только вино...

Лейтенант. Красное или белое?

Священник. Это кровь Господа нашего...

Лейтенант. Значит, красное!

Священник. Да...

Капитан. Хлеб и вино — вот здорово! Мы будем очень благодарны.

Священник уходит.

Лейтенант. Чудной какой-то поп...

Ефрейтор. Прежде всего, мы здесь в укрытии — это главное; прежде всего, мы в укрытии.

Лейтенант. А может, это монастырь!.. Парни, может, нам так повезло, как и не снилось: может, это женский монастырь? Черт побери, монахини иногда бывают — просто пальчики оближешь! Какая-нибудь такая курочка — про грех слыхала только в молитвах и всему еще может научиться! Я с робкими бабами прямо сатанею. Нет, надо все-таки, чтобы было сопротивление.

Радист. А этот все про свое.

Лейтенант. Друзья, когда война кончится, молодость нашу нам никто не вернет. Баб надо брать, пока хочется, и каких помоложе. Провалиться мне на этом странном месте, если мне не хочется.

Тем временем все сели.

Капитан. А я уж думал — вот она, смерть. Ну, думаю, раз это смерть — куда уж нам... Между прочим, вы заслужили по кресту, да, по кресту. Я доложу фельдмаршалу, как только он прибудет.

Радист. Мне бы лучше кусок хлеба.

Капитан. Где Бенджамин?

Лейтенант. Бенджамин здесь.

Капитан. Я его не вижу.

Лейтенант. Я послал его разведать местность. Осторожность прежде всего.

Капитан. Храбрый мальчик. Это его первый вылет. И последний. Как все было?

Радист. Раз, два, три.

Капитан. А где Томас?

Лейтенант. Спасся. Спрыгнул, прежде чем мы загорелись.

Капитан. Спасся...

Лейтенант. Я его видел.

Радист. Эдуард тоже спрыгнул, прежде чем мы загорелись.

Капитан. А Александр?

Радист. Вот о нем ничего не знаю.

Капитан. Для тебя это удар, лейтенант, — из нас никто в шахматы не играет!

Лейтенант. Я уж тоже об этом думал. Ход был мой.

Ефрейтор. Я его видел...

Капитан. Александра?

Ефрейтор. У него горел парашют.

Капитан. Бедняга...

Лейтенант. Ему всегда снилось, что парашют несет его в родной город.

Молчание.

Капитан. А где мы все-таки?

Радист. Вот это самое интересное.

Ефрейтор. Прежде всего, мы в укрытии, это главное. Прежде всего, мы в укрытии.

Капитан. Хлеб и вино... По-моему, на первый случай мы должны быть довольны. А если набраться терпения, можно будет постепенно и разузнать, где мы находимся. За врагов нас здесь не принимают. Кажется, это точно. И язык наш здесь понимают.

Появляется Бенджамин.

Ну что?

Б е н д ж а м и н. Капитан...

К а п и т а н. Ну говори же!

Б е н д ж а м и н. Я видел только поющих людей. Старики, женщины, дети. Они сидят за длинным столом, всего двадцать один человек, и поют, а в руках у каждого — хлеб. Такое странное зрелище...

К а п и т а н. Старики, женщины и дети?

Р а д и с т. Нельзя ли просто спросить, безо всяких?

Е ф р е й т о р. В какой мы стране?

Р а д и с т. Да.

Е ф р е й т о р. Чушь.

Р а д и с т. Почему?

Е ф р е й т о р. Они сразу поднимают тревогу: появился враг. Через какой-нибудь час нас поймают.

Л е й т е н а н т. Да, он прав.

Е ф р е й т о р. А представьте себе — если мы в каком-нибудь километре от границы, в пятистах метрах...

Р а д и с т. Но надо же хоть примерно знать, где эта граница, иначе какой от нее толк.

Е ф р е й т о р. А мы это узнаем.

Р а д и с т. Как? Рация вся к черту сломана.

Е ф р е й т о р. Мы это узнаем. Будем говорить про всякую ерунду, вроде между делом, поп и проболтается, — я беру это на себя.

Р а д и с т. Может, мы в своей стране...

К а п и т а н. Все возможно.

Р а д и с т. Мы в своей стране, но мы не спрашиваем, мы в укрытии — это главное, и в один прекрасный день, когда война давно кончится, окажется, что мы все еще сидим в укрытии, прямо как по уставу, и ни о чем не спрашиваем, и так никогда и не узнаем, что мы дома...

Е ф р е й т о р. Дома, ты говоришь? В этих руинах?

Р а д и с т. А вы думаете, друзья, что на родине все будет иначе?

Б е н д ж а м и н. Тихо!

Л е й т е н а н т. Он и вправду несет нам хлеб с вином?

Входит священник с вином и хлебом в сопровождении
мальчика и раздает хлеб.

С в я щ е н н и к. Это все, что осталось.

К а п и т а н. Спасибо!

С в я щ е н н и к. Как только вы съедите этот, надо будет испечь новый.

Летчики стоя молча едят хлеб и пьют вино; каждый отпивает маленький или большой глоток из кружки и передает другому.

М а л ь ч и к. Дедушка...

С в я щ е н н и к. Они ничего тебе не сделают.

М а л ь ч и к. Когда перестанут стрелять?

С в я щ е н н и к. Не знаю, сынок. С нами уже ничего не может случиться. Тебе совсем не нужно бояться; в тебя они уже никогда не попадут снова, сынок.

М а л ь ч и к. Что это за люди?

С в я щ е н н и к. Я их не знаю.

М а л ь ч и к. Это были враги?

С в я щ е н н и к. Не знаю, сынок. Они хотят есть.

М а л ь ч и к. Все хотят есть...

С в я щ е н н и к. Возьми эту кружку, она пустая, и принеси другую!

Мальчик уходит.

К а п и т а н. Это твой сын, папаша?

С в я щ е н н и к. Нет.

Мальчик приносит другую кружку.

Е ф р е й т о р. Послушай, это, должно быть, монастырь?

С в я щ е н н и к. Был монастырь.

Е ф р е й т о р. А где ближайшая деревня?

С в я щ е н н и к. Ближайшая деревня... (*Передает кружку летчику.*) Ближайшая деревня... Ее уже нет.

Е ф р е й т о р. Но какая-то должна быть ближайшая!

С в я щ е н н и к. Не знаю. Не вижу. Хотя ты и прав, юноша: какая-то должна быть ближайшая, всегда, как бы далеко это ни было.

Е ф р е й т о р. Так как же далеко?

С в я щ е н н и к. Не знаю.

Е ф р е й т о р. Ну примерно?

С в я щ е н н и к. Ближайшая деревня, которую я знал, была совсем рядом с нашим монастырем; она сгорела, жители ее погибли, и с ними уже ничего не может случиться. Дальше начинаются леса, поля, где раньше зрели хлеба — в основном рожь, и овес тоже. За ними — болота, равнина, на которой постоянно происходят исторические сражения. Может быть, и следующая ближайшая деревня, которую я никогда не знал, тоже сгорела...

Е ф р е й т о р. Может быть.

С в я щ е н н и к. Так уж все устроено. Понять этого я не могу, объяснить это — не могу.

Е ф р е й т о р. Ты, стало быть, хочешь сказать, что сам не знаешь, как далеко до ближайшей деревни, до ближайшего живого человека?

С в я щ е н н и к. Не знаю.

Е ф р е й т о р. Послушай, как ты все это выносишь?

С в я щ е н н и к. Мое место здесь.

Е ф р е й т о р. И ты это выносишь?

С в я щ е н н и к. Приходится привыкать, друг мой. Да это и не трудно, если знаешь, что никогда уже до нее не дойдешь — до ближайшей деревни.

Е ф р е й т о р. Никогда не дойдешь?

С в я щ е н н и к. Мое место здесь.

К а п и т а н (*отдает пустую кружку мальчику*). Ты сказал, что надо испечь хлеб?

С в я щ е н н и к. Да, я так сказал.

К а п и т а н. За нами, папаша, дело не станет! Правда, сознаюсь, что я в жизни не испек ни одного хлеба и не знаю, как это делается...

С в я щ е н н и к. О, это просто.

К а п и т а н. Из вас кому-нибудь приходилось печь хлеб?

С в я щ е н н и к. Вместе научимся. (*Ефрейтору.*) Мальчик тебе покажет, где топор. Дрова ты найдешь в любой руине — обуглившиеся балки, обломки картин, краски которых спеклись в огне. Только расколи все как следует, а потом мы растопим печь.

Е ф р е й т о р. Растопим печь...

С в я щ е н н и к. Мальчик тебе все покажет.

Е ф р е й т о р. Папаша...

С в я щ е н н и к. Что еще?

Е ф р е й т о р. Почему ты так сказал? Что никогда уже до нее не дойдешь — до ближайшей деревни...

С в я щ е н н и к. Потому что это так, мой друг.

Е ф р е й т о р. Ничто не может быть так далеко, чтобы нельзя было дойти. Надо только все время идти — все время идти! Чего ты улыбаешься?

С в я щ е н н и к. Разве я улыбаюсь?

Е ф р е й т о р. Ты что, думаешь, я испугаюсь?

С в я щ е н н и к. Разве я пугаю?

Е ф р е й т о р. Ничто не может быть так далеко, чтобы мы не дошли, мы ведь молоды! Молоды! Ты знаешь, какие мы молодые? Война отняла у нас годы. Ты не смотри на

наши лица! Я говорю тебе, что мы молоды, мы же еще мальчишки, мы совсем не знаем жизни. Жизнь? Разве у нас не впереди все то, что зовется жизнью?.. Да что я говорю!.. Ты меня не пугаешь. Мы смотрели смерти в глаза тысячу раз, мы летели сквозь огненные стены: рядом с нами, прямо из середины эскадрильи, самолеты вдруг перекувыркивались, загорались как факелы и распадались на части. Мы испытали огонь на собственных крыльях, мы знаем, что такое залп в спину: его почти не слышно, но товарищ, который сидит рядом с тобой, вдруг перестает отзываться, и с волос его каплет кровь. Мы знаем, что такое падение камнем — на бешеной скорости, над ночным морем, — мы смотрели смерти в глаза тысячу раз!

С в я щ е н н и к. Зачем ты мне все это рассказываешь?

Е ф р е й т о р. Я спрашиваю тебя: где ближайшая деревня? Ты меня не пугаешь.

С в я щ е н н и к. Я этого не знаю.

Е ф р е й т о р. Где ближайшая деревня? (*Вынимает револьвер.*) Где ближайшая деревня?

К а п и т а н. Он сошел с ума.

Е ф р е й т о р. Где ближайшая деревня?.. Где ближайшая деревня?..

Друзья успокаивают обезумевшего.

С в я щ е н н и к. С нами уже ничего не может случиться.

Через секунду молчания к ефрейтору приближается мальчик, протягивает ему руку, и тот идет за ним.

Еще нам нужна свежая вода.

Л е й т е н а н т. Я принесу.

С в я щ е н н и к. Хорошо. Я покажу тебе, где был наш источник.

Л е й т е н а н т. Да я уж найду!

С в я щ е н н и к. Вряд ли.

Л е й т е н а н т. Боишься, что я найду монахинь?

С в я щ е н н и к. Это наш единственный источник, и вполне возможно, что его опять засыпало.

Р а д и с т. Я помогу.

К а п и т а н. Война многое уничтожает...

Священник уходит с лейтенантом и радистом.

А ты что, Бенджамин? Ты еще не сказал ни слова.

Б е н д ж а м и н. Я слушаю.

Капитан. А ты что думаешь насчет того, где мы?.. Ты все молчишь, ничего не говоришь.

Бенджамин. У меня были только отец и мать. Теперь они будут плакать, скажут: мы погибли!

Капитан. Погибли?..

Бенджамин. Для вас это еще труднее. У вас есть жена, капитан, есть ребенок, может, даже двое, и у других тоже — у них были девушки, даже если это такая девушка, которую называют сукой за то, что она тебе изменила...

Капитан. Да, тут ты прав: нас считают погибшими, конечно, нас считают погибшими...

Бенджамин прислушивается — слышно пение.

Бенджамин. Они опять поют. Женщины, старики, дети... Они сидят за длинным столом, всего двадцать один человек, и поют, а в руках у каждого — хлеб. И рот закрыт. Такое странное зрелище...

Капитан *(вдруг опомнившись, принимает решение)*. Бенджамин!

Бенджамин. Слушаюсь!

Капитан. Выйди наружу. Оглядись кругом. Иди, пока не встретишь кого-нибудь — крестьянина, ребенка, девушку, не знаю кого. Приглядишься к нему, кто бы это ни был, поговори с ним. Мы будем ждать твоего возвращения. В любом случае.

Бенджамин. Слушаюсь.

Капитан. Мы должны узнать, где мы находимся.

Бенджамин. Слушаюсь.

Капитан. Подожди!.. Если ты встретишь живого человека — кто бы он ни был, — отдай ему это кольцо.

Бенджамин уходит.

Дженни... Дженни... Сейчас она гуляет с детишками по улице — в черном... Дженни в черном, ей наверняка идет черный цвет, а ребяташки без конца спрашивают: почему, почему, почему... Дженни будет плакать: в последний вечер перед отъездом я был какой-то расстроенный. Почему — не знаю. Я был такой расстроенный...

Возвращается священник.

Священник. Вот мельница. Другой у нас нет. А эта старая, и зерно мелется очень медленно.

Капитан. Понятно!

Священник. Что?

Капитан. Как видно, надо начинать все сначала.
Священник. Я буду перебирать рожь...

Принимаются за работу.

Капитан. Ты только подумай, отец, мы еще ни разу не пекли собственного хлеба! Ты все нам должен показывать. Мы просто с неба свалились — я хочу сказать, мы как дети...

Священник. Научимся.

Капитан. Если бы меня увидела Дженни! Дженни — это моя жена.

Священник. У тебя есть жена?

Капитан. Жена и двое детей — настоящая семья. В последний вечер перед отъездом я был такой расстроенный, не знаю почему... Я был такой расстроенный... Да, много чего надо будет менять! После войны, конечно... У нас была солидная фирма, мы торговали шерстью. Все это я пошлю к черту. Мой дед еще сам стриг своих овец! Я уеду с Дженни опять в деревню — не на пикник, понимаешь? — не на каникулы. Деньги, дело — пускай этим занимаются другие, я им теперь никогда не позавидую. Это и есть свобода. Ты согласен? Машину, слуг, все наше общество — все к черту, и Дженни будет намного счастливей... Ты молчишь, отец?

Священник. Я слушаю тебя, капитан.

Капитан. Много чего надо будет менять. У нас был дом — понимаешь? — слишком для нас большой. Мы его построили, чтобы другие нам завидовали. Нашему счастью, которое так и не пришло. А дом был такой большой, как мое честолюбие, — понимаешь? — и такой же пустой. И это все тоже к черту... Ты молчишь, отец?

Священник. Я слушаю тебя, капитан.

Капитан. Но ты молчишь.

Священник. Нам надо напечь много хлеба — придет много гостей.

Капитан. Гости?

Священник. А ты разве не слышишь, что снова стреляют?

Капитан. Я слышу все меньше. Странно! Может, мы и это переоценили?

Священник. Что?

Капитан. Историю. Ну то, что нам слышно.

Священник. Вот правильно: надо молоть совсем медленно... вот так...

Капитан. Послушай, а кто, собственно, этот мальчик, что принес нам кружку?

Священник. Не знаю.

Капитан. У меня было такое странное чувство... Мой мальчишка — он точно так же сделал бы, ну, с этой кружкой... Мне так нравится этот жест, это выражение лица, с которым что-то дают, — всегда и везде, пока живы люди, — а люди будут живы по меньшей мере до тех пор, пока будут битвы...

Священник. Наверняка.

Капитан. Распадаются империи, пробуждаются народы, делают историю своего десятилетия, века, устраивают государства, границы, войны. Мир событий! Мы много говорили о нем — газеты, радио, исторические книги сообщали только о нем; и чем страшней и смертельней были события, тем уверенней мы считали, что это и есть настоящий мир, единственно реальный!

Священник. Он очень даже реален.

Капитан. Знаешь, отец, по-моему, надо было жить совсем по-другому, во всяком случае, нам с Дженни... Наша настоящая жизнь — вот в этом она и есть в конечном счете — во взгляде ребенка, держащего игрушку, в дуновении ветра, ласкающего деревья, в игре бесконечных вод, текущих по камням... Почему мы не жили по-другому?

Священник. Не знаю.

Капитан. У меня вдруг такое чувство, отец, что существует совсем другой мир... родина, которая нас не разделяет! У кого ее нет повсюду — у того ее нет нигде. Не то чтобы все заодно — я не это имею в виду. Нельзя быть братом другим людям, если ты отрекся от самого себя... У меня такое чувство, что существует родина, которую надо найти... родина, которая проходит через всю землю... *(Вдруг разражается смехом.)* Надо было жить иначе... Я говорю так, как будто я уже мертв.

Входит ефрейтор с обугленными поленьями
и кладет их на пол.

Священник. Вот это хорошо! Нам нужно печь много хлеба...

Ефрейтор опять уходит.

Что же ты медлишь?

Капитан. Ты все время говоришь, что нам нужно печь много хлеба и, если мы так и будем печь, это Бог знает

сколько будет продолжаться — все печь и печь... А откуда, кстати, у тебя столько зерна?

С в я щ е н н и к. Да-а, зерно...

К а п и т а н. Откуда оно?

С в я щ е н н и к. Наверное, за счет живых.

К а п и т а н. Они будут голодать?

С в я щ е н н и к. Это зерно, которое можно было бы посеять за все эти годы на полях сражений. Оно погибло на войне. Поэтому оно наше.

К а п и т а н. Я тебя не понимаю.

С в я щ е н н и к. Просто я себе так это представляю.

К а п и т а н. Как ты думаешь, отец, Дженни тоже будет голодать? И детишки? Они же не виноваты! Ведь они не виноваты!

Возвращается лейтенант.

Л е й т е н а н т. Я нашел родник.

С в я щ е н н и к. Вот это хорошо...

Л е й т е н а н т. Теперь нам нужна кружка...

С в я щ е н н и к. Кружка у мальчика.

Лейтенант уходит.

Славные ребята...

К а п и т а н. Как ты, собственно, сюда попал?

С в я щ е н н и к. Это было давно.

К а п и т а н. Когда?

С в я щ е н н и к. В последнюю войну, перед этой. Я был солдатом...

К а п и т а н. И ты тоже...

С в я щ е н н и к. У меня была невеста, а я был солдатом. Господи, как молоды мы были! Она сказала, что будет ждать меня, пока я не вернусь, и я до сих пор считаю, что она была красавицей. Она махала мне красным платком, какие у нас посят крестьянские девушки. Больше я ее не видел.

К а п и т а н. Почему?

С в я щ е н н и к. Мы прибыли на фронт, я был ранен, потом попал в плен. Три года был в плену... А девушка все была мне верна, даже когда решила, что я погиб. Позже, когда я вернулся домой, я узнал, что она давно уже в монастыре. Не знаю, дошел ли до нее слух, что я вернулся. Мы хотели быть крестьянами, как наши родители. Я не знаю даже, жива ли еще моя невеста. Здесь я ближе к ней, чем где-либо.

Капитан. В монастыре...

Священник. Да, это всегда был очень тихий монастырь... Тогда в нем жил один-единственный монах, большой русский. Мы вместе сделали алтарь — сейчас его опять засыпало. По воскресеньям он пел крестьянам... Мы помогали им убирать урожай, носили усопших на кладбище, делали свечи... У нас были две свои козы. А потом мы похоронили и его, и крестьяне пели для него как умели... Двенадцать лет я был здесь один, пока не настал тот вечер.

Капитан. Какой вечер?

Священник. Много недель подряд мимо монастыря шли чужие танки, заходили солдаты, проверяли погреб и уходили... Однажды утром деревню подожгли, а вечером они привели двадцать одного заложника, и все случилось очень быстро: их поставили перед могилой — стариков, женщин, детей... Они пели, до тех пор, пока не был расстрелян последний.

Капитан. Ты сам это слышал, отец?

Священник. Меня заставили поклясться, что я этого не слышал.

Капитан. И ты поклялся?

Священник. Да.

Капитан. Почему?

Священник. Испугался. Он считал до десяти. Когда дошел до семи, я испугался. И поклялся. А потом они вернулись и сказали: мы больше не верим клятвам!

Капитан. И не без основания...

Священник. Так вот и меня расстреляли.

Капитан. А дальше?

Появляется Карл — самоубийца.

Карл. Это я расстрелял их. Я сделал это по приказу...

Они его не замечают.

Капитан. Дальше!

Священник. Это не скоро кончится. Даже среди мертвых многие все еще думают о мести. Наверное, это не скоро кончится — пока ничего больше не останется.

Капитан. Что ты хочешь этим сказать?

Священник. Я хочу сказать — пока ничего больше не останется от всех этих ужасов.

Капитан. Ты говоришь так, будто они виноваты в том, что с ними так расправились, и будто они должны за все расплачиваться!

С в я щ е н н и к. То, что мы стали их жертвами, еще не значит, что мы были хорошими людьми.

К а п и т а н. А те, кто это сделал?

С в я щ е н н и к. Пусть каждый думает о своих собственных грехах.

К а п и т а н. Ты хочешь сказать, что прощаешь убийц?

С в я щ е н н и к. Я не судья, друг мой, я даже прощать не могу. Я боялся, как и многие другие. Я буду ловить рыбу как умею, буду печь им хлеб, пока они просят — пока они во мне нуждаются...

К а п и т а н. И зачем все это?

С в я щ е н н и к. Наверное, мы все будем здесь до тех пор, пока не узнаем жизнь, которую могли бы вести вместе друг с другом. До тех пор мы будем здесь. Это покаяние — наше проклятие и наше спасение.

К а р л (*подходит ближе*). Это я их расстрелял. Я сделал это по приказу...

Они его не замечают.

К а п и т а н. Я понял, отец. Но я не знаю, как мне это сказать моим ребятишкам — они же такие еще маленькие.

С в я щ е н н и к. А что тебе им говорить?

К а п и т а н. Бенджамин... Он хотел стать поэтом! Он сказал мне это в последний вечер, когда я в первый раз с ним заговорил. Как ты думаешь, он стал бы поэтом?

С в я щ е н н и к. Многое могло бы стать...

К а п и т а н. Так как же мне им это сказать: что там, где мы находимся, — это уже смерть... Они к этому не готовы — они же еще не жили.

Слышно пение.

К а р л. Опять они поют!.. (*Падает на колени.*)

К а п и т а н. Кто это такой?

С в я щ е н н и к. Все дороги приводят его сюда... Это Карл, молодой человек, который ищет свою мать.

К а р л (*кричит*). Это я их расстрелял, я, я!

С в я щ е н н и к. Я это знаю, Карл... Здесь есть женщина, которую ты расстрелял; она говорит, что она твоя мать.

К а р л. Этого не может быть!

С в я щ е н н и к. Хочешь увидеть ее?

К а р л. Мою мать?

С в я щ е н н и к. Хочешь увидеть ее?

К а р л. Как же это может быть...

С в я щ е н н и к. Все матери едины, Карл... Все матери едины... Хочешь увидеть ее?

К а р л (закрывает глаза руками). Господи!

Картина шестая

Мария одна.

М а р и я. Может, весна уже пришла... С деревьев каплет — это тает снег, потому что солнце согревает землю. Оно светит не везде; за лесами еще длинные тени, там прохладно и влажно, под погами прелая листва прошлых октябрей. Но небо — о, между стволами повсюду небо, море синевы... А вот бабочка... Ты ничего этого не видел, маленький мой, потому я тебе и говорю: как прекрасна земля, особенно весной — повсюду журчанье, темные пашни жаждут света, люди удобряют их навозом, от лошадей идет пар. Ты ничего этого не видел... У влюбленных в волосах запуталось солнце, как расплавленное серебро. Вечер теплый-теплый, и можно слышать птичий гомон и чувствовать воздух, и тревогу набухших почек, и даль полей... Ты умер, мой мальчик, так и не увидев ни одной почки, ни одной птички, вспархивающей у нас из-под ног, не увидев даже вороны, летящей над бурой пашней... Потому я тебе и говорю: как прекрасна земля, особенно весной — повсюду журчанье, это тает снег, потому что солнце согревает землю...

Появляется Бенджамин.

Б е н д ж а м и н. Вы не можете сказать мне, где мы? Я был летчиком... Я не встретил ни одного человека, не у кого даже спросить. Они нас сбили: глубокой ночью, в дождь. Да. И вот мы не знаем, где мы... Ах, да...

М а р и я. Почему вы вдруг замолчали?

Б е н д ж а м и н. Вы правы.

М а р и я. В чем?

Б е н д ж а м и н. Наверное, мы враги...

М а р и я. Мы же не знаем друг друга.

Б е н д ж а м и н. Я так рад, что вы здесь! Когда я пробирался по полям — чудесный день, рыжеватые пастбища,

последний снег в тени, лошади, бурая пашня, глотающая солнце, голубой день, как из яркого стекла, радостный день, видит Бог, — а мне все казалось — я бреду по Марсу; ничто меня не радует.

М а р и я. А разве вы не видели наших крестьян — в это время они как раз удобряют поля навозом.

Б е н д ж а м и н. Это вы о старике, который ничего не слышит?

М а р и я. А молодые парни сейчас не на пашне.

Б е н д ж а м и н. Я окликнул его, но, по-моему, он не слышит. Я кричал изо всех сил. По-моему, он и не видит: я показывал ему кольцо... Это кольцо нашего капитана. *(Садится к Марии.)* Я так рад, что вы меня слышите! Меня зовут Бенджамин.

М а р и я. А меня Мария.

Б е н д ж а м и н. Посмотрите, что я нашел.

М а р и я. Что это?

Б е н д ж а м и н. По-моему, окаменелость.

М а р и я. Окаменелость?

Б е н д ж а м и н. Мы учили это в школе. Это был маленький зверек; он жил, когда еще не было людей — Адама и Евы...

М а р и я. И это все точно известно?

Б е н д ж а м и н. О да, известно очень многое.

М а р и я. Откуда?

Б е н д ж а м и н. То, что вы держите сейчас в руках, — это дно моря, которое когда-то покрывало наши страны, — древнего-древнего мира. Там жил этот маленький зверек, плавал в нем и умер и опустился на дно, которое за тысячелетия окаменело. Пришли ледники, потом опять растаяли, по крайней мере ненадолго: надо всем этим разросся девственный лес, появились обезьяны, люди — греки и китайцы — по крайней мере, ненадолго... Видите, какая это красивая штука? Осталась только форма.

М а р и я. По-моему, это была улитка.

Б е н д ж а м и н. Может быть.

М а р и я. Ты даже не увидел улитки, маленький мой!

Б е н д ж а м и н. У вас есть сын?

М а р и я. Да. Он умер.

Б е н д ж а м и н. Это мы его убили?

М а р и я. Ты?

Б е н д ж а м и н. Может быть, это мы его убили.

М а р и я. Они сказали: просто взрывной волной... Я хотела убежать в лес, выбежала на улицу. Он был у меня на руках, но улица вся горела. И вдруг у меня вырвало его из рук... Это все, что я еще успела увидеть.

Б е н д ж а м и н. Может быть, это мы его убили.

М а р и я. Почему вы так смотрите на меня?

Б е н д ж а м и н. Мы могли бы любить друг друга... Я еще не любил ни одной девушки.

М а р и я. Никогда?

Б е н д ж а м и н. О, видел я их много и ужасно радовался, когда некоторые из них садились в тот же трамвай или останавливались перед той же витриной — может быть, из-за меня. Нет, видел я их много! И я часто ходил гулять, вот как сейчас: я очень любил весну, — но всегда один. Так много видишь, когда бродишь один, так много слышишь...

М а р и я. Да-да...

Б е н д ж а м и н. Родники...

М а р и я. Да-да...

Б е н д ж а м и н. И все полно какого-то ожидания... Я часто садился — вот как сейчас — и курил трубку, как взрослый, и о чем только не думал... А еще когда лежишь на спине, положив руки за голову, и в небе плывут облака... Я иногда уходил далеко-далеко, наугад, по полям, куда глаза глядят... А весной бредешь по лесу, между стволами сплошное небо, синева, ветер, — с вами такое бывает?

М а р и я. Что?

Б е н д ж а м и н. И все полно какого-то ожидания... особенно весной...

М а р и я. Да, это мне знакомо.

Б е н д ж а м и н. Я еще ни разу не сидел с девушкой, вот как сейчас. После школы сразу началась война, я стал летчиком... *(Разглядывает свою каменную находку.)* Помоему, мы могли бы полюбить друг друга.

Появляется Герберт, солдат и учитель с завязанными глазами.

Г е р б е р т. Вот здесь.

С о л д а т. Особо опасный?

Г е р б е р т. Стрелять в грудь.

С о л д а т. Обыкновенный предатель...

Г е р б е р т. Огонь по команде.

Солдат уходит.

И запомните одно...

У ч и т е л ь. Что меня сейчас расстреляют. Я знаю.

Г е р б е р т. Запомните одно: если вы закричите, никто вас не услышит.

У ч и т е л ь. Я не закричу.

Г е р б е р т. Если вы сохраните поразительную выдержку, все равно никто мне не помешает, потому что никто ничего не увидит.

У ч и т е л ь. Стреляйте!

Г е р б е р т. Стрелять будет только по моему приказу.

У ч и т е л ь. Чего вы еще хотите? Я все подписал с завязанными глазами. Чего вы еще хотите?

Г е р б е р т. Чтобы вы узнали, что вы подписывали с завязанными глазами, — только и всего.

У ч и т е л ь. Я не хочу этого знать.

Г е р б е р т. Хотите вы или не хотите.

У ч и т е л ь. Стреляйте!

Г е р б е р т. Господин учитель!

У ч и т е л ь (*поворачивает голову*). Кто со мной говорит?

Г е р б е р т. Поймите одно: вы стоите здесь не на знаменитой картине, которую показывают ученикам, и за вами не золотой фон, а яма — без надежды, что кто-нибудь вас увидит.

У ч и т е л ь. Кто со мной говорит?

Г е р б е р т. Поймите одно: ваша смерть... никто о ней не узнает, никто не изобразит ее на холсте, никто не будет восхищаться ею в галерее. Вы умираете не по законам прекрасного — передний план, центр, фон, освещение...

У ч и т е л ь. Зачем все это?

Г е р б е р т. Зачем?

У ч и т е л ь. Да, в эту минуту — зачем?

Г е р б е р т. Поймите одно: в ту же самую минуту, когда вас расстреляют, крестьяне будут разбрасывать навоз на полях, птицы будут петь, солдаты будут есть из своих котелков и сквернословить, государственные деятели будут выступать по радио, я закурю сигарету, а другой будет сидеть на солнце и ловить рыбу, девушки будут танцевать, или вязать, или мыть посуду, бабочки будут порхать по лугам, поезд будет продолжать свой путь без малейшего

толчка, а кто-то будет сидеть на концерте и бурно аплодировать. Ваша смерть, господин учитель, — это уже решенная мелочь: ее вообще не заметят на холсте жизни...

У ч и т е л ь. Откуда вы меня знаете?

Г е р б е р т. По школе, господин учитель.

У ч и т е л ь. Кто вы такой?

Г е р б е р т. Вы могли бы узнать меня. У вас было достаточно времени. Но я знаю, человек-то для вас как раз ничего не значит. У вас это называется гуманизмом...

У ч и т е л ь. Ради Бога, кто вы?

Г е р б е р т. Ваш ученик. (*Подходит к нему.*) Я сниму у вас повязку с глаз, чтобы вы смогли убедиться, кто я такой. (*Срывает повязку.*)

У ч и т е л ь. Герберт?!

Г е р б е р т. Не сомневайтесь ни секунды в том, что вас расстреляют.

У ч и т е л ь. Герберт, это ты?

Г е р б е р т. Я покажу вам то, чего вы нам никогда не показывали: реальность, пустоту, ничто...

У ч и т е л ь. Я тебя не понимаю.

Г е р б е р т. Потому вы здесь и стоите.

У ч и т е л ь. Почему?

Г е р б е р т. Ваша казнь будет абсолютной. Мы расстреляем не только вас, но и ваши слова, ваши мысли — все, что вы называете величием духа, — ваши мечтания, ваши цели, ваши взгляды, которые, как вы видите, оказались ложью... (*Поворачивается к солдатам.*) Зарядить ружья! (*Снова учителю.*) Если бы все, чему вы нас учили, — весь этот гуманизм и так далее, — если бы все это было правдой, разве могло бы случиться, чтобы ваш лучший ученик стоял вот так перед вами и велел расстрелять вас, своего учителя, как пойманного зверя?

У ч и т е л ь. Возможно, я и сам не знал, насколько было верно все то, чему я учил людей всю жизнь; сам не до конца верил в то, что говорил...

Г е р б е р т. Это, конечно, возможно.

У ч и т е л ь. О, я понял смысл этого совпадения... Потому что, в сущности, не случайно, но именно ты, Герберт, именно ты совершаешь это преступление.

Г е р б е р т. Да, не случайно.

У ч и т е л ь. Я часто говорил о судьбе, в первый раз я в нее верю!

Г е р б е р т. Но это и не совпадение.

У ч и т е л ь. А что же?

Г е р б е р т. Я сам вызвался сделать это.

У ч и т е л ь. Ты?

Г е р б е р т. Я.

У ч и т е л ь. Почему?

Г е р б е р т. Почему... Помните то утро, когда мы пришли к вам в учительскую... Речь шла о свободе духа, которой вы нас учили... Мы принесли вам учебник и сказали: вот этих и вот этих типов мы учить не будем... Да, мы вам угрожали. Мы у вас на глазах вырвали страницы, которые считали лживыми. А что сделали вы?

У ч и т е л ь. Я же не мог защищаться.

Г е р б е р т. Что вы сделали?

У ч и т е л ь. У меня была семья. Тогда еще была...

Г е р б е р т. Вы объясняете это семьей, а мы — трусостью — то, что нам тогда открылось. Вы восхищались мужеством в стихах наших поэтов, о да, и это я тогда заварил все это глупое дело — я хотел показать своим товарищам, что такое на самом деле величие духа, которого у них не было и которое они потом пазывали трепотней, идиоты. И куда же оно делось, это величие? Дух сдался! Мы стучались в дверь, а за ней была пустота. Какое разочарование! Товарищи-идиоты были правы. Все это была трепотня — все, чему нас учили.

У ч и т е л ь. И потому мы здесь стоим?

Г е р б е р т. Единственное, во что я в эту минуту верю и буду верить после того, как вы уже будете лежать на этой земле...

У ч и т е л ь. Во что же?

Г е р б е р т. Преступник — так ведь вы меня называли, — он ближе к величию духа, он силой вызывает его, он ближе к нему, чем школьный учитель, который разглагольствует о духе и лжет при этом... Это все, что я хотел сказать.

У ч и т е л ь. Это все...

Г е р б е р т. Я буду убивать до тех пор, пока этот ваш дух, если он существует, не выйдет оттуда, где он прячется, и не остановит меня. Нас будут проклинать, о да, весь мир будет проклинать нас еще целые века. Но это мы, мы одни заставили дух выйти на свет Божий — разве что мир рухнет вместе с нами, если окажется, что его не существует,

этого непобедимого величия духа. (*Поворачивается.*) Приготовиться! (*Уходит.*)

Учитель. Это все. Герберт был моим лучшим учеником.

Голос Герберта (*вдали*). Одним залпом — огонь!

Тишина.

Учитель. Выстрелили...

Голос Герберта (*вдали*). За мной — марш!

Учитель. И теперь они уже не слышат... (*Стоит, как и прежде.*)

Бенджамин. По-моему, он нас видит. Я спрошу его, не хочет ли он пойти с нами.

Учитель. Вы не скажете мне, где мы?

Бенджамин. Пошли с нами. Это монастырь, ну что-то вроде разгромленного монастыря, мы печем там хлеб, все вместе.

Учитель. Кто?

Мария. Ты же так часто говорил, что они просто дьяволы и что ты хотел бы хоть раз посмотреть на них — глаза в глаза...

Картина последняя

На освещенном просцениуме появляются оставшиеся в живых: Эдуард в чине офицера, Томас с венком в руках, Дженни в черной вуали и ее двое детей, старший из которых мальчик.

Дженни. Вот здесь они похоронены?..

Эдуард. Они погибли не напрасно.

Дженни. В последний вечер перед отъездом он был такой расстроенный. Не знаю почему. Такой был расстроенный...

Эдуард. Не думайте сейчас об этом, дорогая Дженни!

Дженни. Если бы он знал, что наш дом лежит в руинах! Наш прекрасный большой дом... Люди всегда перед ним останавливались и говорили, что это лучший дом в городе. Он так этим гордился.

Э д у а р д. Мы снова его отстроим, Дженни.

Д ж е н н и. Такой же, какой был?

Э д у а р д. Точно такой же. *(Томасу, который несет венок.)* Ты качаешь головой?

Т о м а с. Жалко его. Был бы он теперь с нами, наш капитан, такой, каким он был в последний день, теперь, когда наступает мир. Он бы стал строить другое. Жалко его.

Э д у а р д. Дай мне венок...

Т о м а с. Говорят, и заложники похоронены здесь же. Двадцать один человек из деревни. Говорят, они пели, когда их расстреливали...

Д ж е н н и. Пели?

Т о м а с. Знаете, что люди говорят? Говорят, опять они поют! Каждый раз, когда они слышат выстрелы или когда вообще совершается какая-нибудь несправедливость, они опять поют!

Слышно пение заложников.

Двадцать один человек...

За оставшимися в живых, слушающими пение, возникает стол, за которым сидят в ряд погибшие: двадцать один заложник, у каждого в руке хлеб, губы сомкнуты. За ними — священник, который их угощает, погибшие летчики, Мария, учитель и Карл, который все еще стоит на коленях перед заложниками, закрыв лицо руками. Но живые не видят того, что происходит за их спинами.

Э д у а р д. Друзья! Если бы вы могли слышать: война кончилась, мы победили...

К а п и т а н. Это Дженни, моя жена. Дженни с детишками. Вот так они идут по улице. Дженни в черном...

С ы н к а п и т а н а. Мама, почему ты плачешь?

Д ж е н н и. Здесь твой отец, маленький. Здесь твой отец!

С ы н. Я его не вижу.

Д ж е н н и. Мы никогда уже его не увидим... *(Беззвучно плачет.)*

К а п и т а н *(приближается к ней сзади)*. Дженни, одно только слово, прежде чем ты уйдешь.

Д ж е н н и. Господи, о Господи!

К а п и т а н. Нам нужно было жить иначе, Дженни. Мы бы смогли.

Д ж е н н и. Где цветы, маленький, где цветы?

Сын. Мама, они совсем мокрые...
Капитан. Наш дом, Дженни, — не отстраивай его.
Никогда!
Дженни. Такие чудесные цветы...
Капитан. Ты слышишь меня, Дженни?
Дженни. Положи их теперь сюда...
Сын. Куда, мамочка?
Капитан. Наш дом, Дженни, — не отстраивай его.
Никогда! Мы не были в нем счастливы, нет, Дженни! Мы
могли бы быть счастливы...

Мальчик кладет цветы на землю.

Дженни. Как бы он обрадовался, твой отец, если бы
мог увидеть твои чудесные цветы! Если бы он мог увидеть,
какой ты хороший...

Сын. Это ты их мне дала, мама.
Дженни. Ты должен быть мужчиной, как он.
Капитан. Дженни!
Дженни. Он всегда тобой так гордился...
Капитан. Ты меня не слышишь, Дженни?
Дженни. Все благородное, все почетное, к чему твой
отец всю жизнь стремился...
Капитан. Это была ошибка, Дженни, самая большая
ошибка!
Дженни. Ты, его сын, — ты это продолжишь.
Капитан. Дженни...
Сын. Мама, ты опять плачешь?

Дженни закрывает лицо руками и отворачивается.

Капитан. Она не слышит меня, отец. Скажи им ты!
Пусть он стрижет овец, ему не надо быть моим наследни-
ком. Скажи им: стать лучше других никому не возбраня-
ется, но жить лучше других не должен никто, пока он сам
не станет лучше других.

Священник. Они не могут нас услышать.
Капитан. Так кричи им!
Священник. Они это услышат когда-нибудь —
когда умрут.

Эдуард кладет венок.

Радист. Теперь они кладут венок! Чтобы легче стало
на душе, когда уйдут. И лента с надписью: чтобы Господь
Бог мог прочесть.

Э д у а р д. Друзья, настал ваш час — час безмолвного суда! За это все наступит, должна наступить кара! Ты был прав! Нельзя жить в мире с дьяволом... Тогда я еще не потерял отца, брата. Ты был прав!

Р а д и с т. Эдуард...

Э д у а р д. Друзья!..

Р а д и с т. Он думает, что теперь мы поняли друг друга.

Э д у а р д. Что бы мы ни делали в будущем — мы будем это делать, помня о вас! Карающий меч — в ваших руках! Настал ваш час — час безмолвного суда, и суд этот будет услышан! (*Кладет на венок офицерский кортик.*)

Р а д и с т. Мы никого не обвиняем, Эдуард, поверь нам. Мы ищем жизнь, которую мы могли бы вести все вместе. Вот и все. Разве мы нашли ее, пока жили?

Э д у а р д. С этими мыслями, друзья, мы оставляем могилы, но не память о вас — вы погибли не напрасно.

К а п и т а н. Напрасно!

Э д у а р д. Мы клянемся в этом.

К а п и т а н. Мы погибли напрасно.

Эдуард отходит от венка с явным облегчением
и снова надевает фуражку.

Р а д и с т. Отец, они делают из нашей смерти то, что им нравится, что им нужно. Они берут слова из нашей жизни, делают из них завет, как они это называют, и не дают нам стать мудрее их.

Э д у а р д (*предлагает Дженни руку; совершенно другим тоном*). Ну что, пошли?

Д ж е н н и. Ах, да...

Э д у а р д. Пока не стемнело.

Д ж е н н и. Мое единственное утешение — что мы все отстроим снова, все как было...

Э д у а р д. Точно так, как было.

Т о м а с. Да, к сожалению...

Э д у а р д. Пошли. Надо немного перекусить. У нас еще есть время.

Уходят; цветы остаются на земле.

К а п и т а н. Все было напрасно.

С в я щ е н н и к. Не печалься, капитан. Мы напечем много хлеба. Все напрасно: и смерть, и жизнь, и звезды на небе — они тоже светят напрасно. А что же им делать иначе?

Б е н д ж а м и н. А любовь?

С в я щ е н н и к. Любовь прекрасна...

Б е н д ж а м и н. Скажи, отец, а любим мы тоже напрасно?

С в я щ е н н и к. Любовь прекрасна, Бенджамин, прежде всего любовь. Она одна знает, что все напрасно, и она одна не отчаивается. (*Передаёт кружку соседу.*)

Пение становится громче.

ГРАФ ЭДЕРЛАНД

*Страшная история
в двенадцати картинах*

Graf Öderland
Eine Morität in zwölf Bildern

1949/51 – 1961

Действующие лица

Прокурор
Эльза, его жена
Доктор Ган
Хильда, Инга, Коко (одна и та же исполнительница)
Убийца
Стражник
Отец
Мать
Марио, ясновидец
Угольщики
Портье
Жандарм
Шофер
Министр внутренних дел
Инспектор
Директор
Генерал
Заключенный
Студент
Два культутрегера
Кельнеры
Старый президент
Г-жа Гофмайер
Постояльцы, носильщик, члены правительства,
бои, гости на приеме,
Солдаты дворцовой гвардии

1. ПРОКУРОР УСТАЛ

Рабочий кабинет в особняке прокурора. Ночь.

На письменном столе горит настольная лампа. Прокурор — высокий, крепкого сложения мужчина лет пятидесяти, — погруженный в свои мысли, неподвижно стоит посреди комнаты, засунув руки в карманы, и глядит на стену, сплошь покрытую протоколами. Часы на башне бьют два раза. Вслед за этим слышится женский голос: «Мартин! Мартин!..» Прокурор не обращает никакого внимания на крики, но, услышав голос совсем близко, выключает лампу. Ищущая его женщина входит в темную комнату.

Э л ь з а. Мартин! Мартин!.. Куда ж он делся... (*Включает большой свет.*) Ты здесь!

Прокурор не меняет позы. Его супруга в ночном халате, у нее красивое, но заспанное лицо.

Я ищу тебя по всему дому, почему ты не откликаешься?

Я уж думала, ты ушел...

П р о к у р о р. Куда?

Э л ь з а. Что случилось?

П р о к у р о р. Я оделся — только и всего.

Э л ь з а. Ночью?

П р о к у р о р. Как видишь.

Э л ь з а. Почему ты не спишь?

П р о к у р о р. А почему ты не спишь? (*Берет сигару и неторопливо обрезает ее.*) Прости, Эльза, я не хотел тебя будить. Что могло случиться? Я просто оделся, чтобы выкурить сигару, вот и все. (*Зажигает сигару.*) Не спится что-то.

Э л ь з а. Ты слишком много куришь.

П р о к у р о р. Возможно...

Э л ь з а. Ты слишком много работаешь.

П р о к у р о р. Наверное... Мы все слишком много работаем. До поры до времени. А потом наши славные заседатели удивляются, когда кто-нибудь берется за топор. (*Затягивается, потом смеется.*) Твой доктор Ган

особенно забавен: адвокат, а защищает беднягу, совершенно не разобравшись в том, что тот совершил.

Э л ь з а. Не понимаю, о чем ты говоришь.

П р о к у р о р. Сегодня он сознался.

Э л ь з а. Кто?

П р о к у р о р. Убийца. (*Курит.*) Не доктор Ган, а убийца...

Э л ь з а. Что ты хочешь этим сказать?

П р о к у р о р. Убийство с целью грабежа, или из мести, или из ревности, или из чувства расовой нетерпимости — все это в порядке вещей. Все это объяснимо, и наказание предусмотрено законом. Но убийство просто так? Это все равно что дыра в стене: можно заделать, чтобы ее не было видно, но дыра останется. И в своих четырех стенах уже никогда не почувствуешь себя как дома. (*Курит.*) Только и всего...

Э л ь з а. Мартин, уже два часа.

П р о к у р о р. Знаю, знаю: через восемь часов я предстану перед судом в отвратительном черном облачении, чтобы вести обвинение, а на скамье подсудимых будет сидеть человек, которого я все больше и больше понимаю. Хотя он ничего не объяснил толком. Мужчина тридцати семи лет, кассир в банке, приятный человек, добросовестный служака на протяжении всей своей жизни. И вот этот добросовестный и бледный человек взял однажды в руки топор и убил привратника — ни за что ни про что. Почему?

Э л ь з а. Почему же?

Прокурор молча курит.

Нельзя же думать только о делах, Мартин. Ты изводишь себя. Работать каждую ночь — да этого ни один человек не выдержит.

П р о к у р о р. Просто возьмет однажды топор...

Э л ь з а. Ты меня слышишь?

Прокурор продолжает молча курить.

Уже два часа.

П р о к у р о р. Бывают минуты, когда я его понимаю...

Э л ь з а. Почему ты не примешь порошок, раз тебе не спится? Опять проходишь всю ночь взад и вперед. А что в этом толку? Будто в тюрьме. Ну, какой смысл? С утра опять будешь, как заводной, а ведь ты уже не молод...

П р о к у р о р. Я никогда не был молод. (*Берет с письменного стола фотографию.*) Вот он какой.

Э л ь з а. Я не понимаю тебя, Мартин.

П р о к у р о р. Я знаю.

Э л ь з а. Как это ты не был молод?

Прокурор курит, рассматривает фото.

Почему ты не возьмешь отпуск?

П р о к у р о р. Четырнадцать лет в кассе — из месяца в месяц, из недели в неделю, изо дня в день. Человек выполняет свой долг, как каждый из нас. Взгляни на него! Вот, по единодушному мнению свидетелей, вполне добропорядочный человек, тихий, смирный квартиросъемщик, любитель природы и дальних прогулок, политикой не интересуется, холост, единственная страсть — собирать грибы, нечестолюбив, застенчив, прилежен — прямо-таки образцовый служащий. (*Кладет фотографию.*) Бывают минуты, когда удивляешься, скорее, тем, кто не берет в руки топор. Все довольствуются своей призрачной жизнью. Работа для всех — добродетель. Добродетель — эрзац радости. А поскольку одной добродетели мало, есть другой эрзац — развлечения: свободный вечер, воскресенье за городом, приключения на экране...

Эльза зевает.

Ты права, Эльза, уже два часа. Ты устала, я наскучил тебе. Возможно, я не умею выразить свою мысль; я говорю, а ты зеваешь.

Э л ь з а. Прости.

П р о к у р о р. Тебе нужно спать.

Э л ь з а. Могу тебе сказать только одно...

П р о к у р о р. Что мне нужно сходить к врачу.

Э л ь з а. Но ты этого не делаешь, потому что знаешь, он тебе скажет...

П р о к у р о р. Что дальше так продолжаться не может.

Э л ь з а. Друзья говорят то же самое.

П р о к у р о р. Кто, например?

Э л ь з а. Ган, доктор Ган, например.

П р о к у р о р. Доктор Ган не мой друг.

Э л ь з а. Чей же?

П р о к у р о р. Твой.

Э л ь з а. Мартин!

П р о к у р о р. Это так, к слову пришлось. (*Садится к письменному столу.*) Но довольно об этом. Речь идет о другом... Он говорит, что я — единственный, первый человек, который его понимает.

Э л ь з а. Кто говорит?

П р о к у р о р. Убийца.

Э л ь з а. Я дрожу, Мартин.

П р о к у р о р. Здесь холодно.

Э л ь з а. Ты переутомился, Мартин, вот и все. Расшатал нервы. Один процесс за другим! Да еще при твоей аккуратности, добросовестности...

П р о к у р о р. Я знаю.

Э л ь з а. Почему бы тебе не взять отпуск?

П р о к у р о р. Отпуск в Испании...

Э л ь з а. Человеку это необходимо, Мартин.

П р о к у р о р. Может быть. (*Листает бумаги.*) А может быть, нет... Надежда на свободный вечер, на воскресенье за городом, эта пожизненная надежда на эрзац, включая жалкое упование на загробную жизнь... Может, стоит только отнять все эти надежды у миллионов чиновничьих душ, торчащих изо дня в день за своими столами, — и какой их охватит ужас, какое начнется брожение! Кто знает, может быть, деяние, которое мы называем преступным, — лишь кровавый иск, предъявляемый самой жизнью. Выдвигаемый против надежды, — да, против эрзаца, против отсрочки.

Бой часов на башне.

Э л ь з а. Не обижайся, Мартин, но я действительно смертельно устала.

П р о к у р о р. Я вижу.

Э л ь з а. Такие разговоры все равно ничего не изменят.

П р о к у р о р. Ты права. (*Встает и целует жену в лоб.*) Иди спать, Эльза!

Э л ь з а. И ты тоже.

П р о к у р о р. Спокойной ночи.

Э л ь з а. Спокойной ночи.

П р о к у р о р. Я только докурю сигару.

Эльза уходит. Прокурор стоит в той же позе, что в самом начале.

Он курит, не замечая, как через другую дверь входит девушка, почти ребенок, босиком, с дровами под мышкой.

Только когда она наклоняется у камина и полено падает на пол, он вздрагивает.

Х и л ь д а. Я вас испугала?

П р о к у р о р. Кто это?

Х и л ь д а. Хильда.

П р о к у р о р. В чем дело?

Х и л ь д а. Господин прокурор позвонили.

П р о к у р о р. Я?

Х и л ь д а. Здесь холодно. Может быть, развести огонь? Господин прокурор пусть простят, что я не причесапа — я прямо с постели.

П р о к у р о р. Я не звонил.

Х и л ь д а. Я разведу огонь.

Прокурор смотрит, как Хильда разводит огонь в камине.

Спег-то все идет и идет. Целая лавина свалилась с крыши. Прогремело, как гром летом, я и проснулась. Господин прокурор ничего не слышали? Все задрожало, как при землетрясении. Господин прокурор опять читали всю ночь?

П р о к у р о р. Тебе приснилось, дитя мое, я не звонил.

Х и л ь д а. Разгорелся...

В камине разгорается огонь.

Почему господин прокурор так на меня смотрят?

Прокурор молчит.

Господин прокурор всегда говорят, что я похожа на фею. Но я заметила, господин прокурор не верят в фей. Господит прокурор надо мной смеются. А у нас там, в горах, в лесу, в это верят даже мужчины, не говоря уж о глупых служанках вроде меня.

П р о к у р о р. Да, ты похожа на фею.

Х и л ь д а. В городе, я заметила, вообще ни во что не верят, все только смеются, когда я об этом рассказываю.

П р о к у р о р. О чем?

Х и л ь д а. Да так, истории всякие. *(Раздувает огонь.)* Разгорелся!

П р о к у р о р. Да...

Х и л ь д а. Почему вы их не сожжете, господин прокурор, все те бумаги, которые вам приходится читать?

П р о к у р о р. Сжечь?

Х и л ь д а. Я бы так сделала.

П р о к у р о р. Ты рассуждаешь по-детски.

Х и л ь д а. Я бы так сделала.

П р о к у р о р. Ну так и сделай!

Х и л ь д а. И сделаю!

Прокурор, смеясь, подает ей кипу бумаг.

И сделаю. *(Бросает бумаги в огонь.)*

Прокурор смотрит так, словно не верит, что это происходит наяву, и беззвучно смеется. Хильда берет вторую стопу бумаг, третью, наконец все оставшиеся — пламя разгорается так, что вся комната наполняется красным светом.

Х и л ь д а. Какой свет!

Прокурор. Да...
Хильда. Как костер в лесу, у угольщиков!
Прокурор. Да...
Хильда. Так бы и пустилась в пляс!
Прокурор. Да...
Хильда. Как у угольщиков, когда появился граф Эдерланд. Да здоровствует граф! Угольщики испугались, потому что горели их собственные дома, горели деревни и города, а фея сказала...
Прокурор. Что сказала фея?
Хильда. Какой свет!

2. Убийца

Тюремная камера.

На нарах сидит доктор Ган, в шляпе, с папкой на коленях.
Убийца стоит, засунув руки в карманы брюк и глядя в окно.

Убийца. Снег...

Доктор Ган. Что вы говорите?

Убийца. Я говорю: снег...

Доктор Ган. Как же мне вас защищать, если вы не отвечаете на мои вопросы? А ведь я задаю их иначе, чем прокурор. Его допросы утомили вас, и не удивительно — он славится ими, своей проницательностью, цепкостью. Что же мне теперь прикажете делать? Я был убежден, что вы невиновны.

Убийца. Знаю...

Доктор Ган. Почему же вы вдруг сознались?

Убийца пожимает плечами.

Сегодня будет вынесен приговор. А я до сих пор не знаю, где мне взять смягчающие обстоятельства. И не узнаю! Если вы мне не поможете.

Молчание.

Убийца. Доктор, у вас есть еще сигареты?

Доктор Ган протягивает ему сигареты.

Кстати, вы неверно сказали насчет сигар — будто прокурор добился признания благодаря им.

Доктор Ган. Благодаря чему же?

Убийца. Не знаю.

Доктор Ган дает ему огня.

Просто он понимает меня. Месяцами мне задавали вопросы, вопросы, потом снова вопросы. И вдруг в зале появляется человек, который тебя понимает, — да, черт возьми, кто бы он ни был, мне просто стало легко на душе... (*Загибается.*) Спасибо.

Доктор Ган. Возвращаюсь к моему вопросу: что вы думали и чувствовали, когда в тот день, двадцать первого февраля, возвратились из известного места?

Убийца. Да что угодно!

Доктор Ган. Вспомните!

Убийца. Легко сказать — вспомните.

Доктор Ган. Когда вы направились в туалет...

Убийца. Ну уж это зачем?

Доктор Ган. Я опираюсь на факты, изложенные в деле.

Убийца. Если верить тому, что изложено в деле, доктор, можно подумать, что я всю жизнь провел в известном месте.

Доктор Ган. В деле изложены ваши собственные показания.

Убийца. Я знаю.

Доктор Ган. Так что же?

Убийца. Пусть!

Доктор Ган. Что — пусть?

Убийца. Пусть это в некотором роде правда. Что я провел свою жизнь в известном месте. В некотором роде. Помню, у меня часто было именно такое чувство.

Доктор Ган. Вы уже говорили, что всегда использовали для этой надобности служебное время. И этой шуткой рассмешили присяжных. Я не против того, чтобы их смешить, но сам этот факт несуществен — так поступают все служащие.

Убийца. Несуществен — именно... Часто у меня было такое чувство, доктор, что все несущественно: и когда я стоял перед зеркалом, бреясь каждое утро, — а мы должны были быть безупречно выбритыми, — и когда зашнуровывал ботинки, завтракал, чтобы ровно в восемь быть у своего окошка, каждое утро...

Доктор Ган. Что вы хотите сказать?

Убийца. Лет через шесть я стал бы доверенным фирмы. (*Курит.*) И это бы ничего не изменило. Вообще я ничуть не жалею на дирекцию банка. У нас было образцовое учреждение. Швейцар, я сам видел, завел даже специальный календарь, в котором отмечал, когда смазы-

вали каждую дверь. И двери там не скрипели, нет. Это нужно признать.

Д о к т о р Г а н. Возвращаясь к нашему вопросу...

У б и й ц а. Да, что же существенно?

Д о к т о р Г а н. Я восстанавливаю обстоятельства дела: в воскресенье после полудня вы были на футболе; поражение нашей команды подействовало на вас угнетающе; вечером вы пошли в кино, но фильм вас не заинтересовал; домой вы отправились пешком, не испытывая, согласно показаниям, никакого недомогания...

У б и й ц а. Только скуку.

Д о к т о р Г а н. Дома смотрели передачу по телевидению, которая вас тоже не заинтересовала; в двадцать три часа двадцать минут вы снова были в городе, в молочном кафе; вина не пили; незадолго до полуночи вы позвонили у черного входа банка...

У б и й ц а. Главный вход был закрыт.

Д о к т о р Г а н. И когда привратник открыл, сказали, что вам нужно в известное место... Я все-таки не понимаю, почему с этой целью — ведь было воскресенье — вы направились именно в банк.

У б и й ц а. Я тоже не понимаю.

Д о к т о р Г а н. А что дальше?

У б и й ц а. Сила привычки.

Д о к т о р Г а н. Как бы там ни было, Гофмайер впустил вас.

У б и й ц а. Это был душа-человек.

Д о к т о р Г а н. Не удивившись вашему ночному визиту?

У б и й ц а. Разумеется, удивился.

Д о к т о р Г а н. И что же?

У б и й ц а. Я и сам был удивлен. Я понаблюдал, как он управляется с паровыми котлами, и мы еще минут пять поболтали.

Д о к т о р Г а н. О чем?

У б и й ц а. Я сказал: убить бы тебя на этом самом месте! Мы рассмеялись.

Д о к т о р Г а н. А потом?

У б и й ц а. Я направился в известное место.

Д о к т о р Г а н. А потом?

У б и й ц а. Я это сделал. *(Тушит ногой сигарету.)* Не знаю, доктор, что тут еще можно сказать...

Молчание.

Д о к т о р Г а н. У вас было тяжелое детство?

Убийца. То есть?

Доктор Ган. Отец вас бил?

Убийца. Что вы!

Доктор Ган. Мать не обращала на вас внимания?

Убийца. Напротив.

Доктор Ган. Гм...

Убийца. Я бы все сказал вам, доктор, но нечего, у меня действительно не было никаких мотивов...

Доктор Ган. Гм...

Убийца. Честное слово.

Доктор Ган. Карл Антон Гофмайер, убитый, как явствует из дела, был женат на сравнительно молодой женщине...

Убийца. Мне искренне жаль ее.

Доктор Ган. Вы знали госпожу Гофмайер?

Убийца. Она мне чинила белье.

Доктор Ган. Гм...

Убийца. Чтобы подработать.

Доктор Ган. У Карла Антона Гофмайера, привратника в банке, не было оснований для ревности?

Убийца. Этого я не знаю.

Доктор Ган. Я хочу сказать: для ревности к вам?

Убийца. Не думаю.

Доктор Ган. Я хочу сказать: не был ли он препятствием?

Убийца. То есть?

Доктор Ган. И политических мотивов тоже никаких!

Убийца. Я не разбираюсь в политике.

Доктор Ган. То есть вы, например, не верите, что мир можно изменить и улучшить, применив силу?

Убийца. Этого я не знаю.

Доктор Ган. Иными словами, убийство для вас — преступление при любых обстоятельствах?

Убийца. При любых обстоятельствах.

Доктор Ган. Гм...

Убийца. Мне непонятны многие ваши вопросы, доктор.

Доктор Ган. Карл Антон Гофмайер мертв...

Убийца. Я знаю.

Доктор Ган. Чего вы ждали для себя от этой смерти?

Убийца. Ничего.

Доктор Ган. Ума не приложу, как мне вас защищать. Так вот и сказать на суде, что вы сделали это потому

лишь, что у вас в руках оказался топор и подвернулся именно Карл Антон Гофмайер, а не кто-то другой?

У б и й ц а. Так и было.

Молчание.

Доктор, у вас не найдется еще одной сигареты?

Доктор Ган протягивает сигареты.

Спасибо. (*Тщетно ждет огня.*) Может, все было бы иначе, если б я получше разбирался в деньгах.

Д о к т о р Г а н. Что вы имеете в виду?

У б и й ц а. Трудно сказать.

Д о к т о р Г а н. Через ваши руки прошли миллионы. Для вас дело было не в деньгах. На этом строится и вся моя защита. Вы могли бы похитить миллионы и без топора. То, что вы совершили, — убийство, но убийство не с целью ограбления. На этом я буду настаивать!

У б и й ц а. Я не это имел в виду.

Д о к т о р Г а н. А что же?

У б и й ц а. Если б я получше разбирался в деньгах, может быть, я бы не испытывал такую скуку все эти четырнадцать лет.

Д о к т о р Г а н. Скуку?

У б и й ц а. Конечно.

Д о к т о р Г а н. Вы что же, хотите заявить на суде, что убили старика привратника просто так, из-за скуки?

В дверь стучат.

Войдите!

Входит стражник с письмом.

Что случилось?

С т р а ж н и к. Мне велено дожидаться ответа.

Доктор Ган вскрывает письмо и читает.

Еду скоро принесут.

Д о к т о р Г а н. Что это значит?

С т р а ж н и к. Понятия не имею.

Д о к т о р Г а н. Подробности неизвестны?

С т р а ж н и к. Супруга господина прокурора ждет внизу.

Д о к т о р Г а н. Члены суда оповещены?

С т р а ж н и к. Да, господин доктор.

Д о к т о р Г а н. Сейчас приду.

Стражник уходит.

(*Собирает свои бумаги.*) Вам повезло.

У б и й ц а. Какой снег идет...

Д о к т о р Г а н. Суд переносится.

У б и й ц а. Вы представить себе не можете, доктор, как мне это знакомо: семь прутьев, за которыми — мир, в точности, как за моим окошком, когда я еще работал, был на свободе...

Д о к т о р Г а н. Вы слышали, суд переносится. Подумайте над моими вопросами. Спокойно, не торопясь. Сегодня пятница, мы увидимся теперь в понедельник. Я очень тороплюсь.

Входит стражник.

С т р а ж н и к. Все?

Д о к т о р Г а н. Все. (*Уходит.*)

В камере остается стражник, принесший еду — жестяную тарелку и большое ведро.

С т р а ж н и к. Ну что вы на это скажете, а?

У б и й ц а. Опять горох?

С т р а ж н и к. Сгинул прокурор; сгинул — и все тут! Такого еще никогда не бывало. Он мне все говорил, что я похож на пчеловода...

У б и й ц а. А хлеб есть?

С т р а ж н и к. Что вы на это скажете, я вас спрашиваю.

У б и й ц а. Жаль.

С т р а ж н и к. Почему жаль?

У б и й ц а. Единственный, кто меня понимал... (*Откусывает хлеб, принимается есть суп, налитый стражником.*)

Не сумев завязать разговора, стражник уходит. Слышно, как тюремная дверь закрывается на замок.

3. Прокурор берет в руки топор

Избушка в лесу.

У печи сидит Инга, юная светловолосая девушка. Ее пожилая мать ставит на стол три тарелки.

И н г а. Суп готов. Если отец сейчас не придет, все остынет.

М а т ь. Ты опять за свое!

И н г а. И я снова буду виновата.

Мать выходит. Слышно, как она кричит: «Йенс! Йенс...»

Наша жизнь такова

Каждый день, и такой

Она будет, пока я не состарюсь

И не умру...

С улицы доносится ругань отца.

Такой она будет
Каждый день.
Но нет, однажды
Я выйду кормить кур,
Как всегда и всегда;
Все начинается сначала,
Отец запряжет свою лошадь,
Позовет меня в лес помогать,
Как всегда и всегда,
И вдруг
Он появится здесь,
Граф Эдерланд,
С топором в руке.
Горе!
Горе тому,
Кто станет у нас на пути,
Горе вам всем,
Вы падете, как лес,
Под ударами топора!

Входят мать и отец, старый угольщик с топором в руке. Он ставит его к стене, рядом с дверью. Все садятся за стол.

О т е ц. На одном мне все только и держится.

М а т ь. Приди, господи Иисус Христос, будь гостем нашим и благослови посланное тобой, аминь.

Инга разливает суп.

О т е ц. Это еще что за парень слоняется возле нашего дома?

М а т ь. Какой парень?

О т е ц. Я ее спрашиваю.

И н г а. Меня?

О т е ц. Что это за парень?

И н г а. Откуда мне знать?

О т е ц. У меня он не послоняется!

И н г а. Я никого не видела.

О т е ц. И соли на столе нет!

Инга встает и приносит соль.

Со вчерашнего дня он часами торчит в лесу, где я очищаю сосны от веток. Думает, я не вижу, как он стоит за деревьями и глазеет. Я за ним бегать не стану. Заблудился, так подойди и спроси дорогу.

М а т ь. Со вчерашнего дня, говоришь?
И н г а. Где же он был всю ночь?
М а т ь. В снегу?
О т е ц. А нам что!..

Инга перестает есть.

Куда опять уставилась?

М а т ь. Оставь ее.

О т е ц. Почему она не ест суп?

Родители продолжают есть.

И н г а.

Наша жизнь такова

Каждый день.

Но однажды

Он будет здесь,

Граф Эдерланд,

С топором в руке,

И горе тому,

Кто станет у нас на пути,

Горе вам всем,

Вы падете, как лес,

Под ударами топора...

О т е ц. Опять она о своем графе.

М а т ь. Оставь ее.

О т е ц. Что ни день — все одно и то же.

И н г а.

Граф Эдерланд идет по земле,

Граф Эдерланд с топором в руке,

Граф Эдерланд идет по земле!

Отец и мать испуганно оборачиваются к двери, Инга по-прежнему неподвижно смотрит перед собой. В дверях стоит прокурор с кожаной палкой, его пальто и шляпа покрыты снегом.

М а т ь. Вы к нам?

Прокурор молчит.

О т е ц. А мы как раз обедаем.

Прокурор молчит.

М а т ь. Кто вы?

Прокурор молчит.

И н г а. Не хотите ли сесть, господин? (*Пододвигает свою табуретку.*) Господин, должно быть, устали за ночь.

П р о к у р о р. Очень.

Молчание.

Я не хотел бы вам мешать...

М а т ь. Вы снизу, из города?

П р о к у р о р. Вообще это не в моих правилах...

И н г а. Не хотите ли есть, господин?

М а т ь. У нас, правда, только суп.

И н г а. Гороховый.

М а т ь. Принеси тарелку.

Инга выходит.

О т е ц. Да...

М а т ь. Зимой, когда дороги заносит снегом, здесь легко заблудиться. Если вам в деревню, то нужно все время держаться ручья. Сейчас он замерз и на тот берег переходите в любом месте — мост вам не понадобится.

Молчание.

Только я не знаю, нужно ли вам в деревню.

Молчание.

Сюда обычно никто не заглядывает.

Прокурор молчит.

О т е ц. У нас нечего взять, она хочет сказать. Избушка без света, сани да лошадь, ведь вы меня видели, дрова — это все, что здесь стоит, если угодно знать, да девятнадцать кур — вот и все, к тому же лошадь никуда не годится.

П р о к у р о р. Что вы этим хотите сказать?

М а т ь. Бедные мы, он хочет сказать.

О т е ц. А то приходил тут раз один...

М а т ь. Перестань!

Отец ест суп.

Потерпите немного, господин. Она должна еще вымыть тарелку, мы никогда не пользуемся четвертой.

П р о к у р о р. Я рад, что могу согреться.

О т е ц. Раз приходил тут один, да, двадцать один год назад, убил мою мать и отца. И не взял ни кроны. Сумасшедший какой-то. Убил их топором, когда я был в лесу. Так его и не пашли.

М а т ь. Зачем ты вспоминаешь об этом?

О т е ц. В наших местах такое бывает не часто.

П р о к у р о р. Вам нечего бояться.

О т е ц. Я не боюсь.

П р о к у р о р. Хотел бы я то же самое сказать о себе.

Возвращается Инга с вымытой тарелкой.

Мне крайне неловко, что я так вот явился, но действительно очень хочется есть.

М а т ь. Хлеба на всех хватит.

П р о к у р о р. Вообще это не в моих правилах...

Ему дают хлеб.

Спасибо.

Перед ним ставят тарелку с супом.

Спасибо.

Молчание.

О т е ц. Как запрягу лошадь, так и ты выходи. Понятно? Один я со всем не управлюсь.

И н г а. Я?

О т е ц. Вязать вязанки могут и женщины.

П р о к у р о р. Может я могу вам помочь?

М а т ь. Ешьте лучше суп, пока не остыл.

П р о к у р о р. Но потом.

О т е ц. Я не к тому говорил.

П р о к у р о р. Почему бы и нет?

Отец выходит.

М а т ь. Слышала? Не заставляй его ждать. Как только запряжет лошадь, так и выходи. Он и так весь день бранится. Да не забудь о курах! *(Выходит.)*

П р о к у р о р. Что-то это мне напоминает, никак не вспомню.

И н г а. Что?

П р о к у р о р. Гороховый суп...

И н г а. Я рада, что вы пришли.

П р о к у р о р. Я? Почему же?

И н г а. Прежде чем я состарилась и умерла.

П р о к у р о р. Ты?

И н г а. Возьмите меня отсюда!

П р о к у р о р. Почему?

И н г а. Разве вы не видите?

П р о к у р о р. Да...

И н г а. Здесь смертельная скука. Всегда. Просидите хоть десять лет на нашей кухне, ничего не изменится, за полчаса вы все и узнаете.

П р о к у р о р. Понимаю...

И н г а. Вы действительно возьмете меня отсюда?

Прокурор ест суп.

Меня зовут Инга.

Прокурор. Инга?

Инга. Почему вы так на меня смотрите?

Прокурор. Вспоминаю. У меня давно было это чувство. Всегда. Такое чувство, будто меня где-то ждут. И всегда не там, где я нахожусь. И вот теперь я чувствую, что мне нужно что-то сделать.

Инга. Что же?

Прокурор. Не знаю.

Инга наклоняется к печке.

Раньше мне казалось, я знаю, что надо делать, но я ошибался. Я умел лишь выполнять свой долг и все-таки иногда не мог отделаться от чувства, что я не выполняю его, — это чувство никогда меня не оставляло. Никогда.

Инга. Хотите еще супа?

Прокурор. Как тебя зовут?

Инга. Инга.

Прокурор. Если б я только знал, кто я такой.

Инга. Вы не знаете этого?

Прокурор. Все это уже когда-то было со мной: как ты стоишь сейчас у печки. Именно так. Твои волосы в красном свете и твой сияющий взгляд. Именно такой. Сияющий.

Инга подкладывает дрова в печку.

Я так испугался, когда увидел старика угольщика. Вчера. Не топора, понимаешь, и не собак. Я боюсь людей. Тебя меньше всех: ты не спрашиваешь, кто я. Это замечательно. Ты не думай, что я влюблен, раз ты молода и красива...

Инга. Да я совсем не такая.

Прокурор. ...словно фея.

Инга. Говорите еще!

Прокурор. Это все, что я могу вспомнить: у меня дела, много работы и вдруг — я стою в лесу, с папкой под мышкой, в каком-то незнакомом месте. И у меня много времени. Все, что было за мной, вдруг пропало, впереди — лес, вокруг снег и ничего больше, один снег, заметающий следы, и кругом деревья, сплошные сосны, ничего, кроме сосен, кроме красных стволов. И только звонкие удары топора.

Инга встает.

Тебя зовут Хильда?

Инга. Инга.

Прокурор. Откуда я тебя знаю?

Инга. Говорите еще!

Прокурор. Мне нечего больше сказать...

Инга садится к его ногам.

Прокурор. В глубине, на самом дне воспоминаний, всего два-три лица, повторяющихся снова и снова. Как ни ломай голову, других нет и нет. И постоянно одно лицо, похожее на твое. И неизменно другое — похожее на жан-дарма, которому непременно нужно знать, куда ты идешь и зачем. Всюду железные прутья...

Инга. Что всюду?

Прокурор. Путь, решетки, ограды — прутья... *(Встает и смотрит в маленькое окно.)* Словно деревья в лесу, которые хочется срубить, если есть топор.

Инга. Говорите еще, я слушаю...

Прокурор. Когда-то я был капитаном. О да. Плавал в открытом море. На моем корабле было три мачты, мостик напоминал орлиный клюв, я бы и теперь мог его нарисовать. Мы объездили весь мир. Вдоль и поперек... Без маршрута и цели. Мы ели рыбу, ее было много везде, и плоды с берега, иногда ходили на охоту и, запасшись всем необходимым, плыли дальше. Да, а потом...

Инга. А что потом?

Прокурор. Потом он вдруг стал игрушкой, мой корабль с тремя мачтами, игрушкой, которую можно взять в руки и поставить на шкаф, — мой корабль, на котором я был капитаном.

Инга. Ужасно.

Прокурор. Да. *(Смеется.)* И горничная каждый день вытирала его тряпкой.

Возвращается отец.

Отец. Сани готовы.

Инга встает.

А вот топор, если у господина есть желание, работы всем хватит.

Прокурор. Спасибо.

Отец. Меня зовут Йенс. А вас?

Прокурор. Меня...

Инга. Граф Эдерланд!

Отец. Граф...

Прокурор смеется.

Граф Эдерланд?

Инга. Да! Да!

Прокурор. Что это вы дрожите... Вас трясет...

Отец с немим криком отступает от него, словно от привидения, прокурор стоит, наблюдая за происходящим, а затем понимает, в чем дело: в руке у него топор.

И н г а.
Однажды
Вдруг
Он придет —
Граф Эдерланд.

Снаружи ржет лошадь.

С топором в руке.
Горе!
Горе тому,
Кто станет у нас на пути,
Горе вам всем,
Вы падете, как лес,
Под ударами топора...
О т е ц. Смилуйся! Смилуйся! Смилуйся!

Прокурор смеется.

И н г а. Пошли!

Отец падает на колени.

Наши сани готовы.

Снаружи ржет лошадь.

Пошли!

4. Первые известия о пропавшем

Кабинет прокурора. День.

Господин Марио, ясновидец из варьете, стоит, подбоченившись и разглядывая стены, сплошь заклеенные обложками скоросшивателей. Эльза в элегантном, насколько позволяет домашняя обстановка, платье нервно курит сигарету, дожидаясь результатов этого осмотра. Сбоку доктор Ган, не испытывающий, как видно, особого удовольствия от своего пребывания здесь.

М а р и о. Ага... ага... ага...

Э л ь з а. Что вы этим хотите сказать?

М а р и о. Это и есть его кабинет?

Э л ь з а. Да.

М а р и о. Ага... А это все протоколы?

Э л ь з а. Да.

М а р и о. Дела?

Э л ь з а. Что вы имеете в виду?

М а р и о. Дела. Я имею в виду дела. Убийства, грабежи, клятвопреступления, изнасилования, шантаж, разводы...

Э л ь з а. Да-да, конечно.

М а р и о. Обложки черные, названия — на белой бумаге. (*Снимает очки и, приблизившись к стене, читает в разных местах названия дел.*) Очень аккуратно, очень...

Э л ь з а. Это всем известно, господин Марио, мой муж был аккуратным человеком, об этом весь город знает, не пужно быть ясновидцем, чтобы это определить.

М а р и о. Очень аккуратно...

Эльза и доктор Ган обмениваются взглядами.

А вы, мадам, — его жена?

Э л ь з а. Да, разумеется.

М а р и о. Ага...

Э л ь з а. Почему вы спрашивали об этом?

Марио смотрит на нее, сняв очки.

Это был его письменный стол.

М а р и о. Один вопрос, если позволите...

Э л ь з а. О, пожалуйста.

М а р и о. Чей теперь это стол?

Э л ь з а. Теперь? То есть как?

М а р и о. Ибо вы сказали, почтеннейшая: это был его письменный стол.

Э л ь з а. Я сказала: это — его письменный стол.

М а р и о. Был его письменный стол.

Э л ь з а. Значит, я оговорила.

М а р и о. Ага... (*Протирает стекла очков и смотрит, близоруко щурясь.*) Уважаемый пропавший, как видно, много работал...

Э л ь з а. Да...

М а р и о. Жизнь его была труд, как пишут в некрологах, труд и исполнение долга.

Э л ь з а. Мой муж был прокурором.

М а р и о. Ага...

Э л ь з а. То есть он — прокурор.

М а р и о. Ага... (*Рассматривает очки на свет.*)

Э л ь з а. Не знаю, поможет ли вам осмотр других комнат.

М а р и о. Поможет. (*Снова надевает очки и оборачивается к другой стене.*) И это тоже протоколы?

Э л ь з а. Да-да.

М а р и о. Обложки черные, названия — на белой бумаге. (*Рассматривает обложки, читая в разных местах названия.*) Весьма добросовестно, весьма...

Доктор Ган и Эльза обмениваются взглядами.

А это что такое?

Э л ь з а. Вы о чем?

М а р и о. На шкафу.

Э л ь з а. Ах, это. Ничего особенного.

М а р и о. Корабль?

Э л ь з а. Игрушка.

М а р и о. Ага...

Э л ь з а. Безделушка.

М а р и о. Похож на то судно викингов, а?

Э л ь з а. Похож.

М а р и о. А паруса из пергамента...

Э л ь з а. Собственно говоря, этот корабль, скорее всего, времен испанских мореплавателей, времен Колумба, я думаю, — судя по испанскому названию.

М а р и о. Ага...

Э л ь з а. «Эсперанца».

М а р и о. А паруса из пергамента... (*Внезапно отворачивается от модели парусника, снимая очки.*) Какие есть еще комнаты?

Э л ь з а. Здесь была его спальня.

М а р и о. Ага...

Э л ь з а. Здесь — его спальня.

М а р и о. Если позволите.

Э л ь з а. Прошу вас. Здесь ничего не изменилось. Может быть, вам удобнее осмотреть ее одному?

М а р и о. Если позволите. (*Уходит в спальню.*)

Эльза закрывает за ним дверь и поворачивается к доктору Гану, облегченно вздыхая. Она берет сигарету, доктор Ган подходит к ней с зажигалкой.

Э л ь з а. И ты серьезно думаешь, что от этого будет толк?

Д о к т о р Г а н. Мы должны испробовать все, Эльза. Это наш долг перед ним; ясновидец так ясновидец.

Э л ь з а. Из варьете!

Д о к т о р Г а н. Где ж их еще взять?

Эльза курит.

Наши поиски, ты же знаешь, ничего не дали. Двое суток уже идет снег. Полицейские ищейки тут так же беспомощ-

ны, как и наш разум. Ни зацепки, ни следа, ни единого человека, который бы его видел...

Э л ь з а. Прошло уже два дня.

Д о к т о р Г а н. Будешь коньяк?

Э л ь з а. Не представляю себе, что могло произойти. Не представляю! Меня не покидает мысль: что бы там ни было, он делает это, чтобы досадить нам.

Д о к т о р Г а н. Эльза!..

Э л ь з а. Тебе и мне!

Д о к т о р Г а н. Милая...

Стук в дверь.

Э л ь з а. Войдите!

Входит Хильда.

Что случилось?

Х и л ь д а. Почта.

Эльза берет почту и вскрывает ее.

Собака все еще ничего не ест, ваша милость. Я подогрела ей молока, но она не пьет, а когда господин прокурор вернется и увидит, что Вотан голодает...

Д о к т о р Г а н. Хильда! Я спрашиваю тебя еще раз...

Х и л ь д а. Я-то здесь ни при чем.

Д о к т о р Г а н. Тебя никто и не обвиняет.

Х и л ь д а. Отчего ж тогда столько вопросов?

Д о к т о р Г а н. Ты последний человек, с которым он говорил. Почему ты ничего не расскажешь? Ты развела огонь в камине, как ты говоришь...

Х и л ь д а. Да.

Д о к т о р Г а н. Что он тебе сказал?

Х и л ь д а. Он смотрел на меня, потому что я была бо-
сиком.

Д о к т о р Г а н. И не сказал ни слова?

Х и л ь д а. Сказал, конечно.

Д о к т о р Г а н. Что же?

Х и л ь д а. Велел мне сжечь бумаги...

Д о к т о р Г а н. Гм...

Э л ь з а. И ты это сделала?!

Х и л ь д а. Раз господин прокурор пожелал...

Д о к т о р Г а н. Гм...

Х и л ь д а. Я-то здесь ни при чем.

Господа дают ей понять, что она их больше не интересуется,
но она остается.

Узнали уже что-нибудь про господина прокурора? Во
всех газетах его портрет.

Э л ь з а. Займись своим делом, Хильда.

Хильда уходит.

Терпеть ее не могу! Уж эта мне деревенская простота! Ты видел, какое у нее лицо? Скулы и оскал, когда открывает рот, — прямо кошка! *(Вскрывает почту.)*

Д о к т о р Г а н. Тебе это позволено?

Эльза продолжает вскрывать почту.

У него тут осталось полкоробки сигар «Ромео и Джульетта», они просто засохнут.

Э л ь з а. Пожалуйста, прошу тебя.

Доктор Ган выбирает сигару.

Ничего! Одни счета, брошюры, приглашения, директивы, указы, воззвания, показания, проблемы обеспечения по старости, проблемы отопления, охраны природы, борьбы за мир. *(Бросает всю грудку на письменный стол.)* Одна бумага... *(Опускается в мягкое кресло.)*

Д о к т о р Г а н *(зажигает сигару)*. А что он сказал тебе в ту ночь? Ведь вы еще разговаривали, ты говоришь.

Э л ь з а. Ничего особенного.

Д о к т о р Г а н. Но все-таки?

Э л ь з а. Я и не слушала толком. Сказала, чтобы он сходил к врачу, взял отпуск, принял снотворное. Я уже привыкла, что он вдруг одевается среди ночи. Он часто так делал, когда у него много работы. Вдруг проснется и вспомнит, что забыл что-то сделать. У него это постоянно в голове, с тех пор как я его знаю.

Д о к т о р Г а н. Что именно?

Э л ь з а. Что он что-то упустил, забыл...

Молчание.

Д о к т о р Г а н. Может, у него просто любовница?

Эльза снова встает.

Ты думаешь, он что-нибудь заметил?

Э л ь з а. Ты о нас?

Д о к т о р Г а н. Мне было бы неприятно.

Стук в дверь.

Э л ь з а. Тебе кажется, он заметил?

Д о к т о р Г а н. Мне кажется, кто-то постучал.

Стук в дверь.

Э л ь з а. С меня довольно! Так бесстыдно вынюхивать! Пусть не думает, что я ей это позволю... *(Распахивает дверь, но за ней никого нет.)* Хильда? Хильда!

Стук в дверь.

Доктор Ган. Должно быть, стучат в другую дверь.

Стук в дверь.

Эльза. Войдите!

Из спальни выходит господин Марио.

Марио. Простите, если помешал.

Эльза. Что вы, что вы!

Доктор Ган. Ничуть!

Эльза. Как это — помешали?

Доктор Ган. Напротив!

Эльза. Напротив!

Марио. Уже шесть часов. В восемь у меня представление. Весьма сожалению. Но, собственно, я уже видел все, что можно увидеть. Видел и спальню: все очень аккуратно, очень...

Эльза. Вы уже уходите?

Марио. Я бы еще хотел спросить мадам...

Эльза. Пожалуйста.

Марио. О двух вещах. *(Берет с кресла пальто.)*

К сожалению, я никогда не видел господина прокурора. Вы простите, я вынужден об этом спросить, то есть, если вам не мешает присутствие этого господина.

Доктор Ган. О, я могу и уйти.

Марио. Речь идет о его внешности.

Эльза. Там его фотография!

Марио. Ага... ага... ага...

Эльза. Снимок сделан три или четыре года назад, когда мужа избрали академиком, потому и такое одеяние.

Марио. Ага...

Эльза. Рамка, должно быть, запылелась; простите, но я специально распорядилась ничего не трогать в его комнате.

Марио. Серебро?

Эльза. Рамка — да.

Марио. Ага... А могу я узнать, кто подарил господину прокурору эту рамку?

Эльза. Почему вы спрашиваете?

Марио. Мадам лично?

Эльза. Она досталась нам по наследству.

Марио. Ага... *(Ставит фотографию на место.)*

Очень изящно, очень изысканно, очень. *(Вновь берет в руки фотографию.)* Господин прокурор любил путешествовать?

Э л ь з а. Человек в его положении...

М а р и о. Не имеет для этого времени. Понимаю.

Э л ь з а. Когда мы поженились, началась война...

М а р и о. Понятно.

Э л ь з а. Границы были закрыты.

М а р и о. Понимаю, понимаю.

Э л ь з а. Иногда он ездит по делам в Париж и Лондон.

М а р и о. А Санторин он знает только по фотографиям?

Э л ь з а. Санторин?

М а р и о. Вы ничего не слышали о Санторине, мадам? *(Ставит фотографию на место.)* Санторин, насколько мне известно, — это старый потухший вулкан, окруженный морем, остров где-то между Грецией и Критом. Очень белый, очень яркий от солнца. Сейчас, говорят, он в руках мятежников.

Э л ь з а. Какое это имеет отношение к моему мужу?

Марио пытается надеть пальто.

Д о к т о р Г а н. Разрешите вам помочь?

М а р и о. Спасибо, спасибо, это подкладка порвалась. Да еще вечная спешка! Люди из варьете — народ пунктуальный. Спасибо! Все в порядке. И еще где-то тут моя старая шляпа... *(Находит шляпу на кресле.)* Не знаю, мадам, какое отношение имеет ваш муж к Санторину, могу лишь судить о том, что я вижу.

Э л ь з а. А именно?

М а р и о. В общем-то, ничего особенного. Я объездил с гастролями всю Европу и везде видел черные обложки протоколов с белыми названиями, везде, и везде за ними — страх.

Д о к т о р Г а н. Что вы хотите этим сказать?

М а р и о. Страх, дурман, кровь... Я говорю об этом на каждом представлении, люди бледнеют, но потом хлопают. Что поделаешь.

Д о к т о р Г а н. Вы о войне?

М а р и о. О цивилизации.

Д о к т о р Г а н. При чем тогда кровь? Дурман? Страх? Перед чем?

М а р и о. Перед чем? *(Смеется, как над детским вопросом, вынимает из кармана пальто и натягивает белые перчатки.)* Что до уважаемого пропавшего, то я яснее всего вижу его за этими протоколами...

Э л ь з а. Живым?

М а р и о. О, даже очень.

Э л ь з а. Но?

М а р и о. Где — я не вижу.

Д о к т о р Г а н. Жаль!

Э л ь з а. Очень жаль!

Д о к т о р Г а н. Об этом ведь и шла речь!

М а р и о. Я только вижу: как.

Э л ь з а. То есть?

М а р и о. Сказать?

Э л ь з а. Мы вас просим об этом.

М а р и о. Я бы не хотел пугать мадам. Вы знаете его лично, уважаемого пропавшего, и, вероятно, никак не ожидали от него подобного. Вы знаете его как прокурора: очень аккуратного, очень добросовестного...

Э л ь з а. Говорите же!

М а р и о. Я же, если позволите быть откровенным, вижу его с топором в руке.

Д о к т о р Г а н. С чем?

М а р и о. Да, и очень ясно.

Э л ь з а. С топором?

М а р и о. В правой руке, кажется.

Эльза и доктор Ган обмениваются взглядами.

Э л ь з а. Что вы говорите! *(Улыбается доктору Гану.)*
Мартин с топором в руке. *(Притворяется серьезной.)*
Что же он делает с этим топором?

М а р и о. Это мы еще увидим.

Д о к т о р Г а н. Рубит деревья?

М а р и о. Хочется верить. *(Кланяется.)* Прошу прощения, господа, я должен торопиться.

Э л ь з а. Мы так вам благодарны.

М а р и о. Весьма сожалею, что разочаровал вас, господа, но я могу говорить лишь о том, что вижу.

Э л ь з а. Само собой разумеется.

М а р и о. После вас, мадам, после вас.

Э л ь з а. Вы — гость. *(Провожает ясновидца.)*

Доктор Ган вынимает из бара бутылку коньяка и две рюмки. Прежде чем наполнить их, включает радио, по которому передают легкую музыку, затем включает торшер. Становится уютно.

Г о л о с п о р а д и о. Передаем точное время. С третьим ударом будет ровно восемнадцать часов.

Слышится сигнал.

Через несколько минут слушайте последние известия.

Возвращается Эльза.

Э л ь з а. Слава Богу! Такой шарлатан.

Д о к т о р Г а н. Выпей коньяку.

Э л ь з а. Варьете на дому.

Доктор Ган протягивает ей рюмку.

Г о л о с п о р а д и о. Передаем последние известия...

Д о к т о р Г а н. Твое здоровье.

Г о л о с п о р а д и о. События в стране.

Доктор Ган включает радио громче.

Вчера в Оттертаме было совершено тяжкое преступление. Три егеря, находившиеся при исполнении служебных обязанностей, были убиты неизвестным. Есть предположения, что убийца, выдающий себя за графа, — душевнобольной. В случае встречи с ним рекомендуется крайняя осторожность. Исследование трупов показало, что убийство было совершено топором.

Э л ь з а (*роняет рюмку*). Выключи!

Г о л о с п о р а д и о. Париж. Как сообщают из Парижа, несмотря на вмешательство танков, беспорядки продолжают, количество жертв растет.

Э л ь з а. Выключи.

Г о л о с п о р а д и о. По всей вероятности, мятежникам удалось...

Доктор Ган выключает радио.

Молчание.

Э л ь з а. Ты в это веришь?

5. Да здравствует граф!

Лес, группа пьяных угольщиков. Ночь и ветер.

К т о - т о. Мы свободны и сильны!

К т о - т о. Но кончилось вино...

К т о - т о. Да здравствует граф!

К т о - т о. Было густо...

К т о - т о. А стало пусто...

К т о - т о. Да здравствует граф!

К т о - т о. Куда он делся?

К т о - т о. Детка говорит, пошел за вином.

К т о - т о. Где он его возьмет?

К т о - т о. Мы свободны и сильны!

К т о - т о. Во всей деревне нет больше ни капли, выду-
ли все — во всех деревнях...

В с е (орут).

Граф Эдерланд идет по земле,
Граф Эдерланд с топором в руке,
Граф Эдерланд идет по земле!

Молчание.

К т о - т о. Детка говорит, он вернется, он любит уголь-
щиков; мы, угольщики, обугливаем деревья, мы, поденщи-
ки, копаем торф, истопники, потеем у печек; мы пьяны,
благодарение графу, мы сильны и свободны; и я, старый ра-
ботяга, которого больше не держат поги в этих сапогах, я
поднимаю мой пустой кубок и кричу этим ртом, в котором
не осталось больше зубов: да здравствует граф!

Н е к о т о р ы е. Да здравствует. Да здравствует...

К т о - т о. Откуда этот огонь?

К т о - т о. И да здравствует долго графиня!

Н е к о т о р ы е. Да здравствует. Да здравствует...

Появляется прокурор с Ингой.

П р о к у р о р. Да здравствует угольщик в лесу!

Всеобщее ликование.

Ночь длинна, жизнь коротка, надежда проклята, день свят,
да здравствует всякий, кто того хочет, свободны мы и силь-
ны!

Всеобщес ликование.

Почему вы не пьете?

К т о - т о. А где взять вина?

Молчание.

П р о к у р о р. Ваши кубки пусты?

К т о - т о. А ведь были густы...

П р о к у р о р. Братья, мы в последний раз пили вме-
сте.

К т о - т о. Он не должен так говорить!

К т о - т о. Что он говорит?

К т о - т о. Он нам обещал — так будет всегда!

К т о - т о. Как это — в последний раз?

П р о к у р о р. Я обещал: вы заживете, молока вам бу-
дет вдосталь — до тех пор, пока не спросите, откуда оно, —
молока и меда. Я говорил: соберите все и несите сюда, мы
будем есть, пить ваше вино, праздновать, не скупясь, а ког-

да вы все принесете и ни один из вас не спросит, что будет дальше...

К т о - т о. Вот она, граф, наша последняя капля!

П р о к у р о р. Я обещал: радость будет царить до тех пор, пока вы не начнете задавать вопросы; и разве я не был прав?

К т о - т о. Прав, да пили мы из своих же подвалов!

П р о к у р о р. Разве не познали вы радость?

Ржание лошади.

К т о - т о. Граф прав, такой недели, как эта, у нас в жизни не было, говорите что хотите, да здравствует граф!

И н г а. Пойдем.

П р о к у р о р. Зачем вы спросили, кто я? Я выполнил обещание, вы — нет. Зачем вы послали в деревню узнать, сдержал ли я слово? Распустили слухи, что деревня сожжена. Почему вы не доверяете мне? Среди вас завелись люди, которые плетут интриги против меня...

И н г а. Пойдем.

Ржание лошади.

П р о к у р о р. Это вам не удастся!

К т о - т о. Ничего не понимаю — ни слова...

К т о - т о. Что он говорит...

П р о к у р о р. Спасайте свои избушки! (*Исчезает вместе с Ингой.*)

Отсвет пламени вдали.

К т о - т о. Сгинул.

К т о - т о. Нас предали, пустив по миру.

К т о - т о. Огонь, огонь... Из наших окон хлещет огонь, а мы вдребегзи пьяны...

К т о - т о. Мы вдребегзи пьяны...

К т о - т о. А из наших окон хлещет огонь.

6. Пожизненно

Тюремная камера. Убийца сидит на нарах.

У б и й ц а. Что сегодня — понедельник или пятница? И зачем им, чтобы я раскаялся? Вероятно, сегодня как раз понедельник. Если б я вышел, что бы изменилось? Вот гляжу я на эти стены, и часто мне приходит в голову: нужно лишь встать — молча — и они посыплются, как пыль

с плеч. Но куда я пойду? Лучшее, что выпадало мне на долю, всегда было в пятницу, когда я знал: вот завтра будет суббота. Потому что в субботу еще работаешь и уже знаешь: завтра воскресенье. В воскресенье, как правило, был футбол, но уже в перерыве между таймами, когда я ел бутерброды с сосисками, становилось тоскливо, и я знал, что от этого не уйти, только во время игры это забывалось. А в перерыве я уже вспоминал: завтра будет понедельник и все начнется сначала. А потом, когда я тащился с футбола домой, перед глазами всегда были одни и те же люди и всегда они покупали одно и то же. Пожалуй, единственные светлые часы были у меня в пятницу под вечер. Когда-то я был любим. Она была совсем юной, и я тогда так же не мог отличить понедельник от пятницы, как и теперь. Она ждала меня у подъезда банка каждый вечер, даже когда шел дождь. Так было около года. Потом я ей надоел, она ведь была совсем юной, нашелся другой, а я был ревнив, как все, — и это единственное, в чем я теперь раскаиваюсь. Ее имени я не называю никогда. А то и ее вызовут в суд, мы увидимся, и тогда раскаяние меня сломит, и они этого не поймут. Привратник — тоже человек. Кто же сомневается в этом? Иногда в суде, когда я смотрю на такое скопление народа, особенно на присяжных, оставивших — ради торжества справедливости — свою службу, я бываю почти утешен: как им всем дорог человек! Кто мог это предполагать, пока он стоял у дверей и никто не обращал на него внимания — до тех пор, пока я не убил его...

Гремя замком, входит принесший еду стражник.

Что нового?

Стражник. Ничего. (*Уходит, закрывая камеру.*)

Убийца принимается есть суп.

7. Топор входит в моду

Холл большого отеля.

За пультом стоит портье, перед ним — жандарм. Портье рассовывает почту по полочкам для ключей.

Жандарм. Я лишь исполняю свой долг.

Портье. Я тоже.

Жандарм. Вы знаете, что тем самым вы не подчиняетесь закону?

П о р т ь е. Кто ж ему подчиняется?

Из бара выходит постоялец.

Господин директор?

П о с т о я л е ц. Триста одиннадцатый номер.

П о р т ь е. Прошу вас, господин директор, прошу вас.

Постоялец направляется к лифту.

Разумеется, у него есть документы. Говорю вам еще раз: у нас отель первого класса, а не бродяжий притон. Что ж мне, силой отнимать у них паспорта? В первый же вечер я попросил его сдать паспорт, когда ему будет удобно...

Ж а н д а р м. Когда ему будет удобно!

П о р т ь е. Надоели вы мне с вашими бумагами. Если я каждый день буду приставать к ним с паспортами, какое это произведет впечатление на иностранцев? Они подумают, что у нас полицейское государство.

Из лифта выходит другой постоялец.

Господин консул!

П о с т о я л е ц. Есть почта?

П о р т ь е. Прошу вас, господин консул, прошу вас.

Постоялец уходит.

Ж а н д а р м. Короче говоря, до завтрашнего дня документы должны быть у нас; завтра в это же время — крайний срок...

П о р т ь е. Хорошо!

Ж а н д а р м. А не то я сам совершу провинность перед законом.

П о р т ь е. Хорошо!

Ж а н д а р м. Как это он не предъявляет паспорт? Комната с балконом и ванной? Это и мошенник может себе позволить, подумаешь — завтрак в постели. Откуда вы знаете, что он не из таких?

П о р т ь е. Мятежники не играют в гольф.

Ж а н д а р м. Гм...

П о р т ь е. Насколько я знаю.

Из бара выходит бой, в руках у него визитная карточка.

Б о й. Эти господа желают поговорить с графом. Господа дожидаются в баре.

П о р т ь е. Будет исполнено.

Бой возвращается в бар.

Ж а н д а р м. Граф, он сказал?

Входит еще один постоялец.

Портье. Монсеньер?

Постоялец. Сто восемьдесят восемь.

Портье. Прошу вас, монсеньер, прошу.

Постоялец направляется к лифту.

Надоели вы с вашим графом Эдерландом! Ведь смешно. Граф Эдерланд с топором в руке! И впрямь, нашей полиции нечего делать, только что ломать голову над детской сказкой...

Жандарм. Над детской сказкой?

Телефонный звонок.

Портье (*снимает трубку*). «Монополь». Соединяю. Как вы сказали, простите? Соединяю с бюро обслуживания. (*Нажимает кнопку и вешает трубку.*)

Жандарм. И ничего смешного. Убили трех жандармов, и не в сказке, а наяву, это факт, есть фотографии, а теперь их, может быть, уже сотни...

Портье. До этого вы говорили: тысячи.

Жандарм. Это если так будет продолжаться.

Портье. В газетах пишут, чтоб не распространяли слухи, сообразно этому я и поступаю.

Жандарм. Я ведь сам ничего не выдумываю, говорю, что слышал. (*Наклоняется через пульт и шепчет.*) Мой зять, почтальон, говорит, что в лесу уже целое войско прячется, понимаете?

Портье. Какое войско?

Жандарм. Поденщики, угольщики, работяги — все, кому не лень; их становится все больше и больше, уже целое войско. Среди них есть даже женщины — горничные, официантки, проститутки.

Портье смеется.

С завтрашнего дня бастуют докеры.

Портье. Ну да?

Жандарм. В вечерней газете пишут.

В холл входит мужчина в кожаной шоферской куртке и кепке с козырьком.

Портье. Что вам здесь угодно?

Шофер закуривает сигарету.

Что вам угодно?

Шофер. Мне нужно подождать кое-кого.

Из бара доносится музыка.

Ж а н д а р м. Короче говоря, документы должны быть у нас. Завтра в это же время — крайний срок...

П о р т ь е. Вы уже говорили.

Ж а н д а р м. Я лишь исполняю свой долг.

П о р т ь е. Я тоже.

Из лифта выходит Инга, одетая как светская дама.

И н г а. Граф еще не вернулся?

П о р т ь е. Сожалею, графиня, сожалею.

И н г а. Странно.

П о р т ь е. Желают графиня посмотреть вечернюю прессу?

Инга берет у него газету и садится.

Ж а н д а р м. Это и есть та дама?

П о р т ь е. Тсс.

Ж а н д а р м. А кто этот шофер?

П о р т ь е. Спросите лучше у него самого.

Звонит телефон.

(Берет трубку.) «Монополь». Разумеется, господин директор, сию минуту, господин директор, разумеется.

Жандарм подходит к шоферу.

Такси!

Шофер стоит и курит, выпуская дым прямо перед собой.

Ж а н д а р м. У вас есть документы?

Шофер дает ему паспорт, сразу же, не роясь в кармане, безмолвно, презрительно, сучая и не вынимая сигарету изо рта.

Спасибо.

Появляется прокурор с папкой.

И н г а. Наконец-то!

П р о к у р о р. Есть почта?

П о р т ь е. Сожалею, господин граф, сожалею.

Прокурор замечает жандарма.

Господа, пришедшие по поводу яхты, просят передать, что они ждут господ рядом в баре.

П р о к у р о р. Вы меня ищете?

Ж а н д а р м. Я...

П р о к у р о р. Разве вы не жандарм?

Ж а н д а р м. Я, естественно...

П р о к у р о р. Вы находите это естественным? А по-моему, есть и более естественные профессии. Пасечник, например! Но серьезно, откуда я вас знаю?

Ж а н д а р м. Меня?

П р о к у р о р. У меня такое чувство, что мы где-то встречались. Не правда ли? Но я не могу вспомнить, где это могло быть. Вы никогда не были пасечником?

Ж а н д а р м. Пасечником?

П р о к у р о р. Прекрасная профессия.

Ж а н д а р м. Конечно, господин граф.

П р о к у р о р. Вы недовольны тем, что вы жандарм?

Ж а н д а р м. Откровенно говоря...

П р о к у р о р. Понимаю.

П о р т ь е. Прошу вас, господин граф, бар здесь!

П р о к у р о р. Понимаю. *(Погруженный в свои мысли, не обращает никакого внимания на то, что портье указывает на бар, дверь которого уже открыл предупредительный бой.)* Вы недовольны тем, что вы жандарм, и все-таки остаетесь жандармом?

Ж а н д а р м. Пожалуй, господин граф.

П р о к у р о р. У вас есть семья?

Ж а н д а р м. И не малая.

П р о к у р о р. Мне это знакомо.

Ж а н д а р м. Если б наш брат мог делать, что хочет, господин граф...

П р о к у р о р. А что бы вы хотели?

Ж а н д а р м. В том-то и дело, что из этого ничего не выйдет...

П р о к у р о р. Почему же?

Ж а н д а р м. Гм, почему...

П р о к у р о р. Жизнь коротка. *(Берет сигару и обрезает ее.)* Жизнь коротка, а ночь длинна; проклята надежда — на свободный вечер; день свят, пока светит солнце, и да здравствует всякий; пока светит солнце, он будет свободным и сильным. *(Берет сигару в рот.)* У вас есть спички?

Ж а н д а р м. О...

П р о к у р о р. Почему бы вам не отправиться с нами?

И н г а. Вы умеете готовить?

П р о к у р о р. Да, матросом или коком, если у вас есть желание. Мы отправимся на Санторин, как только я достану яхту. Завтра самое позднее.

Ж а н д а р м. Господа шутят...

П р о к у р о р. А может, тебе не нравится его лицо?

И н г а. Нет, почему же...

П р о к у р о р. Нам нравится ваше лицо!

Ж а н д а р м. Желание у меня нашлось бы, господин граф...

П р о к у р о р. За чем же дело стало?

Ж а н д а р м. Если бы отпуск!

П р о к у р о р. Отпуск от кого?

Ж а н д а р м. И разрешение на выезд.

П р о к у р о р. Нет ничего легче!

Ж а н д а р м. Это вы только так говорите.

П р о к у р о р. Море открыто.

Ж а н д а р м. Я сам, знаете ли, жандарм. Я знаю порядки. И знаю, что бывает, когда у человека нет документов.

П р о к у р о р. Документов у меня нет.

Ж а н д а р м. Вам можно шутить, господин граф...

П р о к у р о р. Я говорю серьезно.

Ж а н д а р м. А если меня схватят таможенники?

П р о к у р о р. Вы возьмете в руки топор.

Ж а н д а р м. Как этот, в газете?

П р о к у р о р. Нет ничего легче.

Жандарм напряженно смеется.

Нет ничего легче.

Ж а н д а р м. И впрямь, такие мысли иногда приходят в голову, даже без газет. Что и говорить! К счастью, у человека не всегда находится под рукой топор.

П р о к у р о р. Я всегда ношу его с собой.

Жандарм смсется.

Здесь, в портфеле.

Входит бой.

П о р т ь е. Почему до сих пор нет такси?

Б о й. Они есть, но не подъезжают.

П о р т ь е. Почему?

Б о й. Я свищу, а они не едут.

П о р т ь е. Глупости. *(Выходит вместе с боем.)*

Ж а н д а р м. Какие уж тут шутки. *(Вытирает пот со лба.)* Тут не до смеха. Три жандарма убито, это факт, и ни за что, ни про что, только попросили предъявить документы...

П р о к у р о р. Я знаю.

Ж а н д а р м. Куда ни пойдешь, только и слышно об этом. Школьники играют в графа Эдерланда, я сам видел, да если б одни только школьники! *(Становится так, чтобы шофер не мог его слышать.)* Арестовано уже око-

ло двухсот человек — за покупкой топора. Это не слухи. Топоры распродают, как никогда, факт. Газеты могут сколько угодно писать, чтобы не распространяли слухи. За топор, обыкновенный маленький топор, который месяц назад стоил семь-восемь крон, с вас теперь возьмут не меньше двадцати. Это в лучшем случае! Вот факты. А значки, которые люди прикрепляют под воротником?

П р о к у р о р. Значки?

Ж а н д а р м. Тут уж не до смеха.

П р о к у р о р. Какие значки?

Ж а н д а р м. Такие маленькие топорики. Из жести. Каждый может сделать себе такой, если хочет показать, что и он за них. *(Снова становится так, чтобы его не мог слышать шофер.)* Приходит вчера ко мне один знакомый, дрожит весь, заикается. Да что случилось, спрашиваю. А он — домовладелец. Продаю, говорит, дом. За любую цену! Ты, говорю, спятил, почему? И он рассказывает: зашел, говорит, к одному съемщику потребовать, чтобы тот съехал — не платил ведь, все законно, — а тот, представьте, поднимает воротник и ухмыляется...

П р о к у р о р. Гм...

Ж а н д а р м. Вот до чего дошло.

Возвращается портье.

П р о к у р о р. Итак, обдумайте наше предложение. Считайте, что мы вас пригласили. До завтра. Завтра в это же время — крайний срок. *(Портье.)* Передайте господам в баре, что я буду у них через минуту. *(Уезжает с Ингой на лифте.)*

Ж а н д а р м. С юмором приятель!

П о р т ь е. Почему же вы не потребовали у них документы?

Ж а н д а р м. Мечтать можно о чем угодно, хоть о том, чтобы весь свет объехать, а вот на самом деле...

Из бара выходят доктор Ган и Эльза.

Д о к т о р Г а н. Господин еще не приходил?

П о р т ь е. Только что.

Д о к т о р Г а н. Вы передали ему мою карточку?

П о р т ь е. Он сказал, что придет через минуту. *(Снимает телефонную трубку.)* «Монополь». Срочно пришлите машину. «Монополь». Срочно... Как вы сказали?... «Монополь»... Что-что? Не понимаю. Что вы говорите? Забастовка... *(Вешает трубку.)* Он сказал, что придет через минуту.

Жандарм уходит.

Э л ь з а. Ты думаешь, это в самом деле он?

Д о к т о р Г а н. Посмотрим.

Э л ь з а. Я боюсь.

Д о к т о р Г а н. Чего? Если он нас не узнает, а в таком состоянии это бывает, мы сделаем вид, что действительно продаем яхту.

Э л ь з а. У тебя чемодан с собой?

Д о к т о р Г а н. Тихо! Лифт...

Э л ь з а. Боже мой...

Д о к т о р Г а н. Не смотри туда...

Из лифта выходят постоялец и носильщик с вещами.

П о р т ь е. Господин директор...

П о с т о я л е ц. Машины все еще нет?

П о р т ь е. Господин директор должны извинить меня...

П о с т о я л е ц. Что это значит?

П о р т ь е. Как я только что узнал, многие таксисты бастуют...

П о с т о я л е ц. Что?

П о р т ь е. Господин директор должны извинить меня...

П о с т о я л е ц. Но у подъезда стоит машина!

Носильщик выходит.

П о р т ь е. Вы водитель этой машины?

Ш о ф е р. А в чем дело?

П о р т ь е. Вы не могли бы...

Ш о ф е р. Я жду одного человека.

П о с т о я л е ц. Я заплачу, сколько запросите!

П о р т ь е. Господину директору нужно на аэродром...

П о с т о я л е ц. Сколько вы назовете!

Ш о ф е р. Я жду одного человека.

Из лифта выходят прокурор и Инга.

П о р т ь е. Господин граф — господа...

П р о к у р о р. А...

Постоялец и портье уходят. В холле остаются прокурор с Ингой, доктор Ган с Эльзой, в стороне — шофер в кожаной куртке и кепке с козырьком.

Вы по поводу яхты?

Доктор Ган кивает.

Где-то мы с вами встречались, не так ли?

Доктор Ган. Вы думаете?

Прокурор. Как бы там ни было, я крайне обязан вам, что вы потрудились прийти сюда по этому делу. Если позволите, я сразу перейду к его обсуждению. (*Указывая на кресла.*) Прошу вас, мадам. (*Садится последним и ставит портфель на колени.*) Что касается самой яхты, то я должен прежде всего поблагодарить вас за оперативность в отношении представленных фотографий; это именно то, о чем я мечтал уже много лет.

Доктор Ган предлагает сигары.

«Партагас»?

Доктор Ган. Этот сорт вам знаком?

Прокурор. Яхта ваша — благодарю! — должен признаться, судя по фотографиям, удивительно напоминает ту, которая у меня когда-то была.

Эльза. А...

Прокурор. Это было давно.

Доктор Ган. Гм...

Прокурор. Где она находится?

Доктор Ган. Она в любой момент может быть здесь.

Прокурор. Я спрашиваю потому, что намерен покинуть этот город в течение суток. Коль скоро ваша яхта, в чем я нисколько не сомневаюсь, соответствует представленным фотографиям, — а ведь то, как мне показалось, были фотографии модели, — то я готов сейчас же подписать все документы. Предполагаю, они у вас уже заготовлены?

Доктор Ган. Да, гм, да.

Прокурор. Мы живем в эпоху бумаг.

Доктор Ган вынимает бумаги.

Вам знаком Санторин, мадам?

Эльза. Санторин?

Прокурор. Мне — лишь по фотографиям: потухший вулкан среди моря, скалы, словно уголь с кровью — такие красные и такие черные. И высоко над шумящим прибоем — город. Высоко над шумящим прибоем. Город, словно из мела — такой белоснежный. Он протянул свои башни навстречу ветру и свету, одинок и свободен, упрям, весел и смел, он протянул свои башни в чистое, светлое небо, не оставляющее надежд на потусторонний мир, — а вокруг море, одна лишь голубая пучина моря...

Эльза. И вы хотите туда?

Инга. И мы хотим туда.

Э л ь з а. А что вы там будете делать?

П р о к у р о р. Жить, мадам. *(Берет бумаги в руки.)*
Без всякой надежды на другой раз, на завтра; все будет —
здесь и сегодня, день и ночь, море, в котором родились на-
ши боги — настоящие, где они поднялись из глубин, дети
радости, дети света!

Д о к т о р Г а н. Единственное, что мне известно о Сап-
торине, — это то, что он занят мятежниками, — так сооб-
щают газеты.

П р о к у р о р. Мятежниками?

Э л ь з а. Я тоже читала об этом.

П р о к у р о р. А кого вы называете мятежниками?

Д о к т о р Г а н. Врагов закона, врагов порядка.

П р о к у р о р. А если законы неверны? Если они не-
жизненны, ваши законы, если они — мертвечина, отравля-
ющая нас?

Д о к т о р Г а н. Что вы имеете в виду, господин...
граф?

Прокурор пробегает взглядом бумаги.

Здесь все именно так, как вы описали в вашем подробном
объявлении, даже мостик именно такой, какой вы желали.

П р о к у р о р. Яхта с тремя мачтами...

Д о к т о р Г а н. Верно.

П р о к у р о р. Каюта с удобствами...

Д о к т о р Г а н. Верно.

П р о к у р о р. Все в безупречном состоянии...

Д о к т о р Г а н. У вас есть разрешение на выезд?

П р о к у р о р. У меня есть топор.

Эльза в испуге.

Без топора не проживешь, мадам. В наше время. В этом
бумажном мире, в этих джунглях законов и правил, в су-
масшедшем доме порядка... У вас есть ручка? Мне зна-
ком ваш порядок. Я родился в Эдерландии, где нет места
человеку, где он не может жить. Где день ото дня живут из
упрямства, а не из радости. Из упрямства, из добродетели.
Где нужно сражаться, чтобы не замерзнуть и не погибнуть
от голода. Плоды труда — единственные, какие бывают в
Эдерландии. Праздность — веселая, беззаботная, свобод-
ная, дающая начало всему, что мы называем человеком, эта
праздность не растет на наших деревьях. У нас нет даров,
у нас заработки. Отработки. Умеренность — вот высшая
идея там, где я родился. Умеренность и воздержание. Из
жизни выдавливают сознательность, и все ищут смысла —

эрзаца радости, которая избегает темноты. Ибо лето у нас коротко, и горе тому, в ком больше желаний, чем хватает солнца для их удовлетворения. Горе! Вновь вернутся сумерки, и все посереет, растворится в тумане, исчезнет — и выйдут призраки ответственности, забурлит совесть, и так будет, пока человек не наложит на себя руки или не поднимет мятеж... *(Прерывая свою речь, привычно скучающим жестом подписывает бумаги, как человек, который убедился, что его не понимают, что он одинок в своих мыслях. Потом возвращает авторучку Эльзе.)*

Между тем доктор Ган вынимает из чемодана и ставит на стол знакомую модель корабля с парусами из пергамента, которая привлекла внимание ясновидца.

Прокурор. Что... это...

Доктор Ган. Ваша яхта.

Прокурор. Ган? Доктор Ган?

Доктор Ган. Да.

Прокурор. Я не знал о ваших отношениях с моей женой, мой друг, но я о них догадывался.

Эльза. Скажи, скажи что-нибудь!

Прокурор. Что же вы здесь поделываете? *(Смеется, обращается к Инге.)* Отношения после обеда, представь, страсть по календарю, в дни, когда я уезжаю на сессию. Взгляни на них! Вот приключения людей нашего круга: по графику, представь, объятия под контролем часов, ибо я был очень точен, это все знают, очень аккуратен...

Эльза. И ты слушаешь это, Эрих?

Доктор Ган *(Эльзе)*. Речь в данный момент идет не об этом.

Эльза. О чем же?

Прокурор. О порядке, мадам. *(Спокойно берет за портфель.)* Меня хотят арестовать, мадам, но это не удастся. Вам — нет... *(Неторопливо, словно папку с делом, вынимает из портфеля топор.)*

Доктор Ган и Эльза продолжают сидеть, как будто не веря в происходящее.

Вам — нет...

Эльза. Мартин. *(Вскакивает.)* Он сошел с ума!

Доктор Ган. Не делайте глупостей! *(Вскакивает.)*

Полиция, полиция!..

Эльза. На помощь!..

Доктор Ган. Мартин!..

Эльза. Полиция!..

Доктор Ган. На помощь!..

Эльза и доктор Ган убегают в бар, откуда доносятся крики паники, шум опрокинутх стульев, крики:
«Полиция, полиция».

Прокурор. Так, именно так мне все это когда-то и снилось.

Возвращается портье, замечает прокурора с топором, кричит и поднимает руки, затем убегает назад и кричит на улице:
«Полиция, полиция».

Шофер. Я отвезу вас.

Прокурор. Кто вы?

Шофер поднимает воротник.

Голоса: «Полиция, на помощь, полиция...»

8. Убийце везет

Тюремная камера.

На нарах сидит убийца и ест суп. Тишина, потом позвякивание связки ключей. Появляется комиссия, состоящая из пяти человек, все в пальто и шляпах, один — в униформе.

Инспектор. Вы осмотрели место преступления, господа. Вы видели топор. Теперь вы находитесь в камере убийцы.

Убийца. Желаю здравствовать.

Инспектор. Единственное окно, как видите, выходит на голое небо. Подавать знаки на улицу невозможно. В этом господа могут убедиться и отсюда. По мнению службы охраны, предположение о том, что между камерой и внешним миром может существовать какая-либо связь, неоправданно. По остальным интересующим вас вопросам вы можете обращаться непосредственно к заключенному. Прошу вас, господа.

Молчание.

Инспектор. Разумеется, заключенный ничего не знал об этом посещении и никоим образом не подготовлен к нему.

Молчание.

Могу обратить ваше внимание еще на следующее: вы видите наручники, что в подобных случаях не полагается. Служба охраны решила прибегнуть к этой мере после того, как заключенному номер сто двенадцать удалось бе-

жать, воспользовавшись канализацией. На этом примере господа сами могут убедиться, что мы делаем все, чтобы обеспечить порядок.

Д и р е к т о р. Мда.

И н с п е к т о р. Господин директор?

Д и р е к т о р. Это убийство как только не объясняли — и психологией и Бог знает чем. Как человек практического склада, я хотел бы напомнить, что оно совершено не в лесу, не в спальне, а в банке.

Убийца кивает.

В деле есть замечание, что убийца не разбирается в деньгах. С вашего позволения, инспектор, я бы хотел спросить убийцу: как это он не разбирается в деньгах, если проработал в банке четырнадцать лет? Как вообще можно в них не разбираться?

И н с п е к т о р. Отвечайте.

У б и й ц а. Вообще — деньги... Откуда они берутся, куда деваются. Одни их приносят, другие уносят. Так изо дня в день. Одни, например, работают, чтобы получить деньги, а другие их получают, потому что на них работают деньги.

Д и р е к т о р. Что вы этим хотите сказать?

У б и й ц а. Это не я придумал.

И н с п е к т о р. Отвечайте.

У б и й ц а. Однажды я разговаривал с одним клиентом, когда выписывал его счет, а он дожидался. Чаще всего мы разговариваем в таких случаях о погоде. Но однажды, знаете, я взял да и спросил его — так, в шутку.

Д и р е к т о р. О чем?

У б и й ц а. Так, издалека.

Д и р е к т о р. О чем вы спросили?

У б и й ц а. Как можно достичь такой прибыли в месяц. Он не обиделся, только улыбнулся, сосчитал бумажки и сказал: так ведь на меня работают деньги.

Д и р е к т о р. И что же?

У б и й ц а. Лучше мне никто не смог объяснить. Это вполне меня убедило, хотя мне так и не удалось увидеть собственными глазами, как работают деньги. Я видел или деньги, или работающих.

Д и р е к т о р. Спасибо.

У б и й ц а. А у меня ведь есть глаза...

Д и р е к т о р. Этого достаточно.

Молчание.

И н с п е к т о р. У кого-нибудь есть еще вопросы, господа?

М и н и с т р. Господа...

И н с п е к т о р. Господин министр внутренних дел!

М и н и с т р. Этот допрос столь же бесполезен, как и все другие. Преступник признал себя виновным, не рассказываясь в совершенном. Уже одно это, господа, должно послужить для вас достаточным доказательством, что он рассматривает содеянное им как нечто значительное...

У б и й ц а. Это почему же?

М и н и с т р. В том смысле, о котором здесь не место распространяться. Несмотря на одиночное заключение, он хорошо знает, что он не единственный, кто взялся за топор. Потому мне не кажется преувеличением, господа, то, что я сказал в парламенте: топор стал символом, символом возмущения и мятежа. Земля нашего отечества изрыта убежищами, в водостоках нашего города затаились тысячи и тысячи, дожидаясь момента, чтобы выступить под знаком топора, выступить против нас, господа, против закона и порядка, выступить во главе с душевнобольным, который не остановится ни перед чем.

И н с п е к т о р. Позволю себе обратиться к господам с просьбой ограничиться вопросами, имеющими непосредственное касательство к преступлению и присутствующему здесь заключенному.

М и н и с т р. Такова ситуация, господа

Молчание.

У б и й ц а. Что касается меня, господа...

И н с п е к т о р. Помолчите.

Г е н е р а л. Позвольте один вопрос...

И н с п е к т о р. Господин генерал?

Г е н е р а л. Почему вы выбрали именно топор?

И н с п е к т о р. Отвечайте.

Г е н е р а л. Почему вы выбрали именно топор?

У б и й ц а. У таких, как я, нет пушек.

И н с п е к т о р. Вы здесь не для того, чтобы шутить.

Г е н е р а л. Почему вы выбрали именно топор, спросил я, имея в виду и второй вопрос: ведь вы знаете, что банда, о которой здесь упомянул господин министр, в качестве своего герба избрала именно топор, черный топор? Или вы будете утверждать, что вам это неизвестно?

У б и й ц а. Не понимаю, о чем вы говорите.

Г е н е р а л. Ромашка, Соловей, Незабудка, Дрозд, Львиный зев, Стрекоза, Кузнечик — никогда не слышали? У б и й ц а. Что б это могло значить?

Г е н е р а л. И о графе Эдерланде — никакого представления?

У б и й ц а. Граф Эдерланд...

Г е н е р а л. Никогда не слышали? Никогда?

У б и й ц а.

«Граф Эдерланд идет по земле,
Граф Эдерланд с топором в руке».

И н с п е к т о р. Довольно.

У б и й ц а. Вы о детской сказочке?

М и н и с т р. Я вам говорил, господа. Пустая трата времени. Все притворяются дурачками и делают вид, что понятия ни о чем не имеют.

И н с п е к т о р. У кого-нибудь есть еще вопросы?

М и н и с т р. Пустая трата времени.

У б и й ц а. У меня, если позволите...

И н с п е к т о р. Допрос закончен.

Комиссия собирается уходить.

У б и й ц а. Почему господа не снимают шляпу?

В сопровождении стражника входит доктор Ган.

И н с п е к т о р. Что вам угодно? (*Читает письмо, которое дает ему доктор Ган, и передает другим членам комиссии. Дождавшись, пока все прочли, объявляет убийце.*) Вы помилованы.

У б и й ц а. Я? Как это?

Д о к т о р Г а н. Можете идти.

У б и й ц а. Куда?

И н с п е к т о р. Снимите наручники.

Д о к т о р Г а н. Вы свободны.

У б и й ц а. Что это значит?

Д о к т о р Г а н. Свободны!

Убийца стоит в недоумении.

И н с п е к т о р. Можете идти.

У б и й ц а. Это правда? (*Увидев, что инспектор снимает шляпу, подает ему руку, а потом и всем остальным.*) Добрый вечер... добрый вечер... добрый вечер... добрый вечер... (*Уходит.*)

М и н и с т р. Что это значит?

И н с п е к т о р. Амнистия.

М и н и с т р. Это значит, что мы уже боимся?

9. Граф должен сдаться

Убежище в канализации.

Сырой каменный свод, покрытый плесенью, железная лестница, ржавая дверь, голая лампочка на проводе. Слышен монотонный шум водостока. В углу, укрывшись шубкой, лежит Инга. Молодой человек с автоматом на груди — студент — стоит, по-видимому, на посту.

И н г а. Ты с ним говорил?

С т у д е н т. Да, графиня.

И н г а. И ты сказал, что я больна, что я не могу ни ходить, ни стоять?

С т у д е н т. Да, графиня.

И н г а. А он что?

С т у д е н т. Сказал, что болеть некогда.

Молчание.

И н г а. Ты еще веришь в это?

С т у д е н т. Да, графиня.

И н г а. Перестань говорить мне графиня, это глупо. Графиня! А живет в клоаке, и стоит кому-нибудь открыть дверь, как воняет нечистотами... И это называется Санторин! Шум сегодня сильнее обычного.

С т у д е н т. Наверху дождь. Все обложило тучами, говорят, потому так много воды. В некоторых шахтах уже выше нормы. Люди стоят по пояс в воде.

И н г а. И это называется Санторин!

Студент молчит.

Мы обречены, я думаю.

Студент молчит.

Ты кем был?

С т у д е н т. Студентом.

И н г а. А как же ты очутился здесь?

С т у д е н т. Надоело жить без всяких событий...

Входит мужчина.

Кто здесь?

М у ж ч и н а. Спокойно, только спокойно.

С т у д е н т. Пароль?

М у ж ч и н а. Соловей. *(Снимает пальто. На нем оказывается полосатый костюм заключенного.)* Мне нужно поговорить с ним, срочно.

С т у д е н т. Он скоро придет.

З а к л ю ч е н н ы й. Я сверху.

С т у д е н т. С провизией?

З а к л ю ч е н н ы й. Нет.

Где-то вдали в шахте слышны выстрелы.

С т у д е н т. Дождь не стихает?

З а к л ю ч е н н ы й. Где там.

С т у д е н т. Прямо потоп...

Входит прокурор в кожаном пальто и сапогах, с портфелем в руках. Прокурор и заключенный приветствуют друг друга, пока прокурор, словно шеф, пришедший на службу, снимает пальто.

П р о к у р о р. Вы заключенный номер сто двенадцать?

З а к л ю ч е н н ы й. Так точно, граф.

П р о к у р о р. Все исполнили?

З а к л ю ч е н н ы й. Почти.

П р о к у р о р. То есть?

З а к л ю ч е н н ы й. Можно говорить?

П р о к у р о р. Ладно, потом.

Вдали опять слышны выстрелы.

Где ближайший караул?

С т у д е н т. У водостока на Оперной площади.

П р о к у р о р. Кто в нем?

С т у д е н т. Какой-то неизвестный.

П р о к у р о р. Неизвестный? Вот и понадейся на вас!

С т у д е н т. Его предшественник вчера выбыл из игры.

П р о к у р о р. Бежал?

С т у д е н т. Не думаю. Они опять затопили почти до самого верха и предлагали ему выбраться через люк. Он отказывался. Их крики были слышны по всей шахте. Они кричали, что ничего с ним не сделают, если он сдастся. Трижды. А потом он вдруг выстрелил. И они, конечно, тоже. Потом все смолкло.

П р о к у р о р. Кто стоит на водостоке у рынка?

С т у д е н т. Шофер.

П р о к у р о р. Пусть придет ко мне. Сейчас же. Но не кричать, понятно? Наверху, оказывается, слышно каждое слово.

С т у д е н т. Слушаюсь.

П р о к у р о р. Никого больше сюда не впускать. Кто не остановится на окрик — стрелять.

Студент уходит. Сквозь открытую дверь на мгновение врывается шум воды.

(Берет сигару.) Они добились полной блокады. У нас кончились продукты. Все выходы в город контролируют-

ся. Сегодня они снова использовали слезоточивые газы. Да еще этот потоп! В центре города шахты уже затоплены. Я сам видел, как поток уносит людей... По радио объявляют теперь уже каждый час, что я должен сдаться. Точнее: люди должны меня выдать, живым или мертвым. В противном случае в полночь будет затоплена вся канализация и семь тысяч человек погибнут, как крысы. (*Курит.*) Ну, какие у вас успехи?

З а к л ю ч е н н ы й. Есть две точки, где это возможно.

П р о к у р о р. А именно?

З а к л ю ч е н н ы й. Между Бабочкой и Львиным зевом.

П р о к у р о р. Под собором?

З а к л ю ч е н н ы й. Под монастырем.

П р о к у р о р. А еще?

З а к л ю ч е н н ы й. Между Форелью и Незабудкой.

П р о к у р о р. Это где?

З а к л ю ч е н н ы й. У кладбища.

П р о к у р о р. Гм... (*Курит.*) Нитро у вас еще есть?

З а к л ю ч е н н ы й. Только для одного взрыва.

П р о к у р о р. Этого достаточно. (*Рассматривает план города.*) Как дела в шахте Кузнечика?

З а к л ю ч е н н ы й. Это под резиденцией...

П р о к у р о р. Узнайте, не затоплена ли она, и немедленно доложите мне.

Заклученный уходит.

И н г а. Что ты собираешься делать?

П р о к у р о р. Только не сдаваться. У меня нет выбора. У меня нет иного выхода, дитя мое, как захватить власть...

Входят студент и шофер.

Вы мне нужны. Уже несколько часов я слышу выстрелы, но никто не докладывает мне, что это значит. Правда, я и сам догадываюсь.

Ш о ф е р. Положение серьезное...

П р о к у р о р. Знаю.

Ш о ф е р. У нас кончились продукты...

П р о к у р о р. Знаю.

Ш о ф е р. Взрывчатка тоже. Если они попробуют затопить нас еще раз, мы погибнем, как крысы.

П р о к у р о р. Знаю.

Ш о ф е р. Нас тысяч семь примерно...

П р о к у р о р. И большинство за то, чтобы выдать меня.

Ш о ф е р. Чтобы не погибнуть.

П р о к у р о р. Понимаю.

Молчание.

Что ж вы молчите? Ведь вы спасли мне жизнь. В тот момент вы были полны надежд, а теперь разочарованы. Теперь вы ждете, что я верну свой долг — отплату своей жизнью. И не подумаю...

Шофер вынимает револьвер.

И не подумаю. Стреляйте, если у вас хватит мужества. Я вызвал вас, потому что был уверен, что именно вы придете сегодня требовать мою жизнь — от имени семи тысяч, вы и никто другой! Видите, я разгадал вас. Люди, которым я обязан жизнью, никогда не были добры ко мне. (*Смеется.*) Вы рассчитывали на мою совесть, вы надеялись повесить меня на моей благодарности? (*Курит.*) Почему вы не стреляете? (*Стряхивает пепел с сигары.*) Вряд ли я боюсь смерти, но, пока жив, я не принесу себя в жертву. Вы же боитесь смерти и потому дрожите. (*Подходит к шоферу.*) Давайте сюда!

Шофер отдает револьвер.

Связать его!

С т у д е н т. Слушаюсь.

П р о к у р о р. На несколько часов.

Студент связывает шофера.

Ш о ф е р. Предатель!

П р о к у р о р. У меня есть спасительный план. Вы бы помешали ему, чтобы спастись самому. Что значит предатель? Я опередил вас, вот и все.

Шофер стоит со связанными руками.

Почему вы не стреляли? Часто я сам удивляюсь, почему меня ничто не останавливает. Я слышу скрип деревьев и кажусь себе ветром...

Входит заключенный.

Можете говорить.

З а к л ю ч е н н ы й. Шахта Кузнечика проходима.

П р о к у р о р. Хорошо. (*Потушив сигару, берет пальто и портфель.*) Идемте! (*Застегивает пальто.*) Вы все взяли? (*Уходит в сопровождении заключенного.*)

И н г а. А я?

Ш о ф е р. Нас предали. Мы погибли.

И н г а. А я?!

Ш о ф е р. Мы все.

С т у д е н т. Потому что не верите в него...

10. Хозяева положения

Зал в резиденции правительства.

Почти все в вечерних костюмах, лишь некоторые в униформе.

Из отдаленных залов доносится музыка. Два господина, культуртрегеры, останавливаются на переднем плане с тарелками в руках.

Первый. Слышали?

Второй. Люстры так и задрожали...

Первый. Что б это могло быть?

Второй. Тсс.

Первый. Опять взрыв?

По залу проходит Коко, светская дама.

Кто эта дама?

Второй. Коко.

Первый. Икра превосходная.

Второй. Вы не знаете Коко?

Первый. Ах, куда бы деть эти тарелки...

Подходят два кельнера, один из них с подносом.

Кельнер. Что господа будут пить? Мозельское, рейнское, шампанское?

Второй. Шампанское.

Первый. Мне тоже.

Кельнеры наливают и идут дальше.

Теперь уже обе руки заняты!

Второй. Вы впервые во дворце?

Первый. Да.

Второй. И тоже в качестве культуртрегера?

Первый. Вы тоже?

Второй. Я не уверен, но икра, знаете ли, — всегда дурной признак. Я музыкант. Это уже третий режим, приглашающий меня на прием, но все они одинаковы: чем неустойчивее положение, тем с большей вероятностью можно предполагать, что будет икра.

Подходит кельнер с пачками сигарет на подносе.

Кельнер. Что господа будут курить?

Первый. Курить?

Кельнер. Сигареты? Сигары?

Второй. Может быть, попозже.

Первый. Может быть, попозже.

Кельнер идет дальше.

Второй. Итак, о чем мы?

Первый. Кто эта Коко?

Второй. Вы не знаете? Дама. Меняет режимы, но остается первой дамой. Говорят, она приносит счастье. Тому мужчине, сторону которого берет. Я не суеверен и не думаю, что политика может зависеть от чар. Просто Коко знает толк в людях, способных властвовать. Вот и все. Женщина! Стоит, говорят, ей повести рукой, как мужчины у ее ног...

Оба культуртрегера отходят на задний план.
Появляются министр внутренних дел, директор,
генерал, инспектор и другие
члены правительства, которых ведет Коко.

Коко. Прошу, господа. Если члены правительства не будут пить и есть, это может произвести невыгодное впечатление на гостей. Иностранцы в восторге от наших закусок. Кто-то из них сказал, что они достойны кисти Рубенса! Что ж, мне одной развлекать их? Господин генерал... (*Берет его под руку.*) Подайте пример! (*Ведет всех к буфету.*)

Остаются только министр и инспектор.

Министр. Взрыв произошел, должно быть, в непосредственной близости от нас. Вчера вы докладывали, что у мятежников не осталось взрывчатки, ни грамма, а сегодня во дворце дрожат люстры.

Инспектор. Расследование уже назначено...

Министр. И надо было этому случиться сегодня, когда мы принимаем гостей, желая показать, что хозяева положения — мы!

Инспектор молчит.

Кое-кто утверждает, что мятежники проникли во дворец. Как вам это нравится! Он сам будто бы поднялся по лестнице, и охрана приветствовала его, взяв на караул.

Инспектор молчит.

Вам смешно.

Инспектор. Вовсе нет.

Министр. Любои, даже самый нелепый слух тут же передает иностранная пресса...

Подходит Коко с двумя полными тарелками.

Коко. Господин министр!

Министр. О баронесса, благодарю.

Коко. Господин инспектор!

Инспектор. О баронесса, благодарю.

Коко. Эти господа — иностранные корреспонденты...

Подходят несколько человек, все с тарелками в руках.

М и н и с т р. Искренне рад, господа, что вас, как я вижу, отнюдь не смущает взрыв. Расследование уже началось. Как сообщает служба безопасности, дальнейших взрывов нигде не последовало.

И н с п е к т о р. Это совершенно точно.

М и н и с т р. По всей вероятности, мы имеем дело с последней попыткой посеять панику среди населения, попыткой, которая обречена на провал. О прорыве мятежников, как вы могли убедиться, не может быть и речи. Во всяком случае, хозяевами положения остаемся мы.

Подходят два кельнера, один из них с подносом.

К е л ь н е р. Что господа будут пить? Мозельское, рейнское, шампанское?

Иностранные корреспонденты в нерешительности.

М и н и с т р. После вас, господа.

Корреспонденты берут бокалы.

Могу лишь повторить, о чем я уже говорил. Мятежники пока не ответили на наши требования, их главарь нам не выдан. Посему я считаю, положение сохраняется прежним и нам не остается ничего иного, как применить силу и подавить сопротивление, хотя я, как человек и христианин, не могу не сожалеть об этом.

И н с п е к т о р. Сейчас без семнадцати двенадцать.

М и н и с т р. Как министр внутренних дел я несу ответственность за спокойствие и порядок. На нашей стороне не только право и нравственность, но и большинство населения. Я опираюсь на новый закон для защиты государства. Мы все сделаем для того, чтобы обеспечить порядок. Я повторяю...

Иностранные корреспонденты пьют.

...у нас действует тайная служба безопасности, наши граждане живут под надзором от колыбели до могилы, за каждым подозреваемым ведется слежка, у нас надежные анкеты, новые удостоверения личности с отпечатками пальцев, мы сделали все для того, чтобы оградить население от врагов свободы. Напомню хотя бы о последнем правовом законе, позволившем нам наконец-то взять под надзор и внутреннюю переписку. Мы предприняли множество других мер предосторожности, никто не упрекнет нас в том, что мы утратили бдительность. Мы ввели ежемесячную регистрацию населения, начиная с шестнадцатилетнего

возраста; ввели так называемый рабочий штемпель, который обеспечивает управлению контроль над каждым рабочим; у нас тщательно следят за отоплением, за пособиями по старости; у нас достигнуто материальное благосостояние, что способствует укреплению власти; у нас налажена деятельность католической и протестантской церкви; у нас принят закон о печати и книгоиздательстве, ведется распределение бумаги по учреждениям, работает коротковолновая радиостанция, единственная задача которой: каждый день опровергать каждодневные слухи — это стоит нам миллионов! — и, несмотря на это, как ни прискорбно, мятеж был поднят и в нашей стране.

К е л ь н е р. Мозельское, рейнское, шампанское?

М и н и с т р. Господа, наш долг, наша обязанность — сделать все, что в силах нашего государства, чтобы покончить с мятежом. Пока, повторяю, хозяева положения — мы. *(Чтобы отделаться от кельнера, берет с подноса бокал.)* Повторяю: пока хозяева положения — мы. *(Замечает, что все смотрят в одну сторону, поворачивает голову и видит прокурора, который — единственный из всех — держит в руках не тарелку, а портфель.)*

П р о к у р о р. Весьма сожалею, господа, о хлопотах, которые я вам доставил. Нам не было известно, что сегодня большой прием. Я ожидал чего угодно, только не почетного караула.

М и н и с т р. Кто вы?..

П р о к у р о р. Вы это хорошо знаете.

М и н и с т р. Как вы сюда попали?

П р о к у р о р. Это мое дело, господин министр. К сожалению, не обошлось без жертв — с обеих сторон.

М и н и с т р. Господин...

Подходят генерал и директор, оба с окаменевшими лицами держат в руках тарелку и бокал.

П р о к у р о р. Я не стану задерживать вас, господа, предложение мое коротко и ясно. Сейчас без десяти минут двенадцать, точнее — без девяти.

Д и р е к т о р. Вы — главарь мятежа?

П р о к у р о р. Можете называть меня как угодно.

Г е н е р а л. Вы приговорены к смерти.

П р о к у р о р. А вы — те господа, что подписали мой смертный приговор?

М и н и с т р. От имени государственного совета...

Подходит кельнер.

К е л ь н е р. Сигареты? Сигары?

И н с п е к т о р. Убирайся!
П р о к у р о р. Какие у вас сигары?
К е л ь н е р. «Партагас», «Генри Клей», «Ромео и Джульетта»...

Прокурор выбирает сигару.

Спички?

П р о к у р о р. Есть.

Кельнер уходит.

Что же касается положения, то нужно признать: сила пока на вашей стороне. Это ясно. Вы могли бы, разумеется, меня сейчас же арестовать, ведь полиция пока в ваших руках... (*Зажигает сигару.*) Однако я полагаюсь на ваш здравый смысл. (*Курит.*) Вы повесите меня — и я буду мертв, но мятеж будет жить, и уж тогда, как вы понимаете, мятежники не предложат вам соглашения.

М и н и с т р. Соглашения?

Прокурор курит.

О каком соглашении может идти речь?

П р о к у р о р. Об отказе от кровопролития. Вы передаете мне власть. Народ ликует, как всегда, когда что-нибудь происходит. Вы отдаете в мое распоряжение печатать, полицию, радиостанцию и все прочее, причем немедленно.

Мертвая тишина.

У меня нет иного выхода...

М и н и с т р. Пока государственный совет не вынес своего решения, я не могу говорить от его имени, но могу поручиться, что никогда, пока мы входим в его состав, он не согласится на подобного рода союз.

П р о к у р о р. Жаль.

М и н и с т р. Это означало бы союз с преступлением.

П р о к у р о р. А вы что предлагаете?

М и н и с т р. Борьбу...

П р о к у р о р. До последней капли крови?

М и н и с т р. Да!

П р о к у р о р. Жаль.

Г е н е р а л. До последней капли крови.

Д и р е к т о р. До последней капли крови.

П р о к у р о р. Мне ненавистен вид текущей крови. (*Курит.*) Если вы считаете выдумкой, что я ношу с собой в портфеле топор, — вы заблуждаетесь, господа. Я ношу в портфеле топор. Опыт научил меня, что иначе ничего не добьешься... (*Замечает Коко.*) Кто эта дама?

К о к о. Ваше превосходительство?

П р о к у р о р. Откуда мы знаем друг друга?

К о к о. Вы полагаете, что мы знакомы?

П р о к у р о р. Вы покажете мне дворец? (*Предлагает Коко руку.*) Господа должны решить: согласны они на союз или нет. Это последний шанс, который я могу им предоставить.

К о к о. Куда вас вести, ваше превосходительство?

П р о к у р о р. Ведите меня на балкон.

Прокурор и Коко уходят.

М и н и с т р. Сумасшедший! Ну что я всегда говорил? Душевнобольной!

Барабанный бой.

Почему никто не возьмет у нас тарелки?

Шум толпы вдали.

Г е н е р а л. Что случилось?

Барабанный бой.

И н с п е к т о р. Ваши люди салютуют, генерал, дворцовая гвардия... Он вышел на балкон показаться толпе; говорит, слышите?

Бурное ликование вдали.

М и н и с т р. Почему никто не возьмет у нас тарелки? Это возмутительно! Почему никто не возьмет у нас тарелки?

11. Убийце не везет

Мансарда мещанского дома.

В супружеской постели лежит женщина. Рядом, прислушиваясь, сидит убийца.

У б и й ц а. Опять все стихло.

Ж е н щ и н а. Что бы это могло означать?

Убийца слезает с постели.

Куда ты?

У б и й ц а. Схожу посмотрю...

Ж е н щ и н а. Будь осторожней, не выглядывай, а то по радио объявляли, что у кого нет документов...

Убийца подходит к окну.

Ты что-нибудь видишь?

У б и й ц а. Пыль...

Ж е н щ и н а. Было похоже на землетрясение.

У б и й ц а. А, это был мост. Они взорвали его. Вон висят обломки. С рельсами. (*Берет сигарету.*) На этом они не остановятся...

Ж е н щ и н а. В первый момент я уж подумала, что дом рухнет, — так тряхануло.

У б и й ц а. Разбилась фотография твоего мужа. (*Собирает осколки.*) Одни осколки...

Женщина плачет.

Не печалься, Бетти, не стоит. Так уж все устроено. Мир ходуном ходит. Мужа моей сестры тоже убили. А какой был славный малый, учитель, двадцати шести лет. Его посадили, а когда пытался бежать — убили. Всего за неделю до мира. Один из тех, кто его убил, унтер-офицер, пришел к моей сестре, вдове, да и взял ее под опеку. Без него бы мы тогда с голоду умерли. В тот же год они поженились. И пичего. Теперь у них собственный домик. Холодильник. Автомобиль, двое детей...

Ж е н щ и н а. Видел бы он нас!

У б и й ц а. Тогда б меня здесь не было. Если б он мог нас видеть, он был бы жив и находился с тобой, а я бы не был тебе нужен.

Ж е н щ и н а. Боже мой!

У б и й ц а. Куда деть осколки?

Женщина рыдает.

У б и й ц а. Я говорю, куда деть осколки? (*Стоит с осколками в руках.*)

Женщина продолжает рыдать.

(*Подходит к окну и выбрасывает осколки наружу, возвращается и садится на край кровати.*) Мир ходуном ходит...

Раздается звонок.

Кто бы это мог быть?

Молчание.

В такое-то время?

Ж е н щ и н а. Не ходи!

У б и й ц а. Может быть, молочник?

Звонок.

Ж е н щ и н а. Не откроем, и все.

Молчание.

Не нужно было бросать осколки на улицу, Вольфганг. Это слишком глупо.

Убийца. Вольфганг... *(Смеется и растягивается на кровати.)* Ты даже не представляешь, как я счастлив. Ты никогда не была в тюрьме и не можешь понять, как я счастлив. В тюрьме меня никогда не называли по имени. Никогда. Сначала говорили: обвиняемый. Потом — убийца. Или — преступник. В одной газете назвали чудовищем. А однажды защитник сказал: бедняга. И тогда, в банке, меня никто не называл по имени. Ведь рядом со мной стояла табличка: «В. Швайгер». Иногда говорили: господин Швайгер. На военной службе — Швайгер, Вольфганг. То есть я. Когда мне потом в тюрьме сказали: осужден пожизненно, я ничего не почувствовал, просто не мог поверить...

Женщина. Тсс.

Стук в дверь.

Убийца. А ведь Вольфганг — красивое имя...

Стук в дверь. Крик: «Откройте!»

Женщина. Кто это?

Голос. Откройте!

Женщина. Минуточку, сейчас иду, минуточку... *(Показывает убийце, где ему спрятаться, набрасывает халат, открывает дверь.)*

Входит жандарм с автоматом.

Жандарм. Ваши документы?

Женщина. Это почему?

Жандарм. Я лишь исполняю свой долг.

Женщина роется в своих бумагах.

Гофмайер, Анна Элизабет...

Г-жа Гофмайер. Да.

Жандарм. В девичестве Свобода...

Г-жа Гофмайер. Да.

Жандарм. Швея...

Г-жа Гофмайер. Да.

Жандарм. Замужем за Карлом Антоном Гофмайером, привратником...

Г-жа Гофмайер. Нет.

Жандарм. Тут так написано.

Г-жа Гофмайер. Да.

Жандарм. Почему же вы лжете?

Г-жа Гофмайер. Мой муж погиб...

Жандарм. На чьей стороне?

Г-жа Гофмайер. Не знаю...

Жандарм. Ладно. *(Возвращает документы.)*

А где господин?

Г - ж а Г о ф м а й е р. Какой господин?
Ж а н д а р м. Который стоял у окна.

Г-жа Гофмайер пожимает плечами.

Ж а п д а р м. Это ваши брюки?

Г-жа Гофмайер молчит.

Отпираться бесполезно...

Убийца выходит из укрытия.

Вы господин Гофмайер?

У б и й ц а. Нет.

Ж а н д а р м. Кто же вы?

Г - ж а Г о ф м а й е р. Ведь я вам сказала...

Ж а н д а р м. Я не вас спрашиваю.

У б и й ц а. Его убийца.

Ж а н д а р м. Что-что?

У б и й ц а. Я говорю правду.

Молчание.

Ж а н д а р м. У вас есть документы?

У б и й ц а. Нет.

Ж а н д а р м. Берите пальто!

У б и й ц а. У меня нет пальто...

Ж а н д а р м. В таком виде нельзя появляться на улице.

У б и й ц а. Я недавно из тюрьмы...

Ж а н д а р м. Надевайте брюки!

У б и й ц а. А документы мне дадут. *(Берет брюки.)*

В начале той недели, сказали. *(Надевает брюки.)* Я ведь ничего не скрываю. Что вам, собственно, нужно? Я ведь сказал, что недавно из тюрьмы...

Ж а н д а р м. Это каким же образом?

У б и й ц а. Помиловали.

Ж а н д а р м. Так каждый может сказать.

У б и й ц а. Вчера вечером.

Ж а н д а р м. Почему помиловали?

У б и й ц а. Не знаю. Я не разбираюсь в политике. Взяли вдруг и освободили. Амнистия, или как это называется, всеобщая амнистия, что ли.

Жандарм в недоумении.

Помиловали. Так каждый не скажет. Если человек сидит в тюрьме, то он никак не скажет, что его помиловали. *(Смеется своей вялой шутке.)* Разве я не прав?

Ж а н д а р м. А что вы здесь делаете?

Г - ж а Г о ф м а й е р. Он пришел за бельем.

У б и й ц а. Я холост.

Ж а н д а р м. Ну и что же?

У б и й ц а. Госпожа Гофмайер чинит мне белье. Всегда. И я прихожу к ней за бельем.

Ж а н д а р м. Поэтому вы у нее?

У б и й ц а. И еще потому, что хотел выразить соболезнование.

Ж а н д а р м. Что сделать?

У б и й ц а. Выразить соболезнование.

Жандарм в недоумении.

Повсеместная амнистия — это факт...

Ж а н д а р м. Где вы провели ночь?

У б и й ц а. Здесь!

Г-жа Гофмайер закрывает лицо руками.

Так уж случилось... Несчастье нас сблизило, время шло, мы заболтались до глубокой ночи — о Карле Антоне... выражали сочувствие друг другу...

Г-жа Гофмайер рыдает.

А вообще, какое вам до этого дело?

Ж а н д а р м. Никакого.

Молчание.

Итак, у вас нет документов.

У б и й ц а. Нет.

Ж а н д а р м. Тогда берите свое пальто.

У б и й ц а. Это не мое, я же сказал, у меня нет пальто.

Ж а н д а р м. Все равно.

У б и й ц а. Я недавно из тюрьмы, я же сказал, я свободен и могу идти куда хочу.

Ж а н д а р м. Надевайте ботинки!

Убийца смотрит на него, не двигаясь.

Живей!

Убийца молча берет ботинки и надевает их, как человек, который принял тайное решение.

Г - ж а Го ф м а й е р. Все, что он говорит, — правда...

Ж а н д а р м. Там разберемся.

Г - ж а Го ф м а й е р. Его помиловали! Точно! Говорю вам...

Ж а н д а р м. Я лишь исполняю свой долг.

Убийца надел ботинки. Жандарм уводит его, держа автомат наготове. Г-жа Гофмайер неподвижно стоит. Сквозь открытую дверь вдруг доносится топот ног по лестнице.

Г о л о с ж а н д а р м а. Стой! Стрелять буду! Стой!

Стой!

Г - ж а Г о ф м а й е р. Вольфганг!

Раздается короткий выстрел, после которого воцаряется молчание.

12. Спокойствие и порядок восстановлены.

Заключение

Обстановка такая же, как в начале пьесы: кабинет в особняке прокурора. Ночь. На письменном столе горит настольная лампа. Прокурор неподвижно сидит. Он один в комнате. Единственное отличие от первой картины: на нем резиновые сапоги, как и в канализации.

Бой часов.

П р о к у р о р. Знаю наперед, что ты скажешь. Так что молчи! Что мне нужно к врачу, я болен; мне нужно взять отпуск; я не молод уже, завтра снова буду как заводной; мне нужно взять отпуск, принять снотворное; и что дальше так продолжаться не может; все мои друзья такого же мнения, не так ли, дорогой Ган? (*Смеется.*) Не так ли, дорогой Ган? (*Молчание.*) Что до конфискации и арестов: нужно два-три дня, чтобы восстановить порядок. Совершенно случайно мои люди опечатали именно эту виллу, эта ошибка мне неприятна. (*Замечает и берет в руки собственную фотографию.*) Не выношу фотографий, с вашего позволения, мадам... (*Бросает фотографию в камин.*) Реляции относительно конфискации, которые должны быть подписаны минимум двумя лицами, имеющими безупречную репутацию, следует направлять в соответствующие инстанции. (*Молчание.*) Еще что-нибудь? Весьма сожалею, дорогой Ган, что сегодняшнюю ночь вам не удастся провести с моей женой, потому что я принимаю главу нашего государства... (*Кричит.*) Стража! (*Садится к письменному столу.*) Арестовать эту даму и этого господина. Не хочу больше их видеть. Вы отвечаете за человеческое обхождение с ними! Они невиновны. Просто нам нечего сказать друг другу. (*Молчание.*) Проснуться! Теперь — быстро — проснуться... проснуться...

Входит Хильда, босиком, молча, с дровами под мышкой.

Да здравствует граф! Вы хотите свести меня с ума. Да здравствует граф, да здравствует граф!

Хильда роняет полено.

Кто здесь?

Х и л ь д а. Это я, Хильда.

П р о к у р о р. Хильда!

Х и л ь д а. Я напугала господина прокурора.

П р о к у р о р. Слава Богу...

Х и л ь д а. Господин прокурор позвонили... Может быть, развести огонь? Господин прокурор простят, что я не причесана, я прямо с постели.

Прокурор смеется.

Почему господин прокурор так смеются?

Прокурор молчит.

Я разведу огонь.

П р о к у р о р. Слава Богу, слава Богу...

Х и л ь д а. Почему господин прокурор так на меня смотрят?

П р о к у р о р. Ты жива — слава Богу!

Хильда садится на корточки у камина.

Кто-нибудь был в этой комнате?

Х и л ь д а. Не знаю.

П р о к у р о р. А моя жена? *(Встает, подходит к двери, выглядывает из нее.)* То был сон. *(Стоит, оглядываясь кругом.)* И ведь у меня все время было такое чувство, что я вижу сон, все время... *(Вновь садится к письменному столу, словно возвращаясь к обычному порядку дня. Что-то ищет.)* Огонь в камине опять разгорелся. Сколько сейчас времени? Ничего не понимаю. Ты не знаешь, Хильда, куда я подевал все мои бумаги?

Хильда поворачивается и смотрит на него.

Снег все еще идет? *(Продолжает поиски, не выказывая особого волнения.)* Не понимаю. *(Задумывается.)* Я закричал, по-моему, и проснулся, я вдруг что-то закричал...

Х и л ь д а. Вот, разгорелся...

П р о к у р о р. Что я кричал?

Х и л ь д а. «Стража!»

Прокурор смеется.

Господин прокурор, почему в городе всю ночь стреляют?

П р о к у р о р. Стреляют?

Х и л ь д а. Всю ночь.

Вспыхивает пламя в камине.

Разгорелся!

П р о к у р о р. Как у угольщиков в лесу, когда пришел твой граф Эдерланд. Эх, пуститься бы в пляс! На всю ночь. Да здравствует граф! *(Смеется.)* Да здравствует граф!

А когда угольщики испугались, потому что загорелись их собственные избушки, их деревни и города, то фея сказала...

Х и л ь д а. Господин прокурор смеются надо мной...

П р о к у р о р. Что сказала фея?

Хильда встает.

Постой!

Короткие выстрелы вдали.

Один раз ты уже разводила огонь этой ночью. Это последнее, что я помню. Я страшно устал, а ты, дитя, рассказывала какую-то историю, такую путаную историю... (*Находит коробку из-под сигар.*) Кто курил мои сигары? Ты не знаешь, Хильда, кто выкурил все мои сигары?

Х и л ь д а. Господин доктор Ган, я думаю.

П р о к у р о р. Но когда он успел?

Х и л ь д а. Постепенно, одну за другой.

П р о к у р о р. Гм... (*Бросает пустую коробку в камин.*) А я думал, что тут еще половина коробки.

Молчание.

Скажи что-нибудь!

Короткие выстрелы вдали.

Скажи что-нибудь!

Х и л ь д а. Мне страшно.

П р о к у р о р. Тебе это тоже снилось?

Короткие выстрелы вдали.

Это был ужасно. (*Смотрит на нее.*) Твои волосы были в красном сиянье. Как теперь. А потом была тьма и грязь. А твоя рука холодной. А твои губы — холодными и твердыми, как камень. И синими. Я оставил тебя глубоко внизу, я хотел выбраться, я хотел жить...

Х и л ь д а. Не понимаю, о чем это говорит господин прокурор?

П р о к у р о р. Я тебя видел, детка... во сне. (*Смеется.*) Тебя и твоего графа! (*Смеется.*) Я сам был твоим графом. Я не знал препятствий, и никто не мог меня удерживать, я был графом Эдерландом, с топором в руке; услышав мое имя, все смолкали, остолбенев, кровь застывала у них в жилах, я шел сквозь их стены, как сквозь туман; и куда бы ни приходил, везде их порядок рушился, словно картонный домик, — а я был свободен... свободен...

Молчание.

Скажи что-нибудь!

Бой часов.

Уже четыре часа?

Молчание.

Скажи что-нибудь!

Х и л ь д а. Вотан, наш пес, подох, но я не виновата. Он ничего не хотел есть, потому что господина прокурора не было так долго. Я кипятила ему молоко, но он не пил его.

Прокурор не слышит.

Мы похоронили его в саду.

Прокурор смеется.

Господин прокурор никогда мне не верят.

П р о к у р о р. И вдруг у меня в руках оказался топор. Вот к чему приводят такие истории, дитя мое! И три зеленых жандарма лежали на снегу. Тут ты мне помогла, и мы забросали их снегом...

Х и л ь д а. Об этом было в газете.

Прокурор смеется.

Об этом все говорили.

П р о к у р о р. Все кричали: да здравствует граф!..

Короткие выстрелы вдали.

Мне снился странный мир.

Долгая перестрелка вдали.

Иди спать! (*Подходит к Хильде и гладит ее по голове.*) Мы оба видели сон. Не смотри так удивленно. Твоя история с собакой тебе тоже приснилась.

Хильда качает головой.

Спасибо за огонь.

Стук в дверь.

Х и л ь д а. Снять эти грязные сапоги, господин прокурор?

Стук в дверь.

П р о к у р о р. Как они попали ко мне? Невероятно. Откуда эти сапоги? Ведь я уже не сплю. Чего от меня хотят? Я не сплю!..

Входит заключенный с автоматом.

Кто вы?

Заключенный отдает честь.

Что это значит?

З а к л ю ч е н н ы й. Да здравствует граф!

П р о к у р о р. Как вы сюда попали? Ничего не понимаю. Зачем вам этот автомат? Я спрашиваю, кто вы?

З а к л ю ч е н н ы й. Соловей.

П р о к у р о р. Как, простите?

З а к л ю ч е н н ы й. Соловей.

Прокурор в недоумении.

Ваше превосходительство недовольны местопребыванием? Вопрос о переезде во дворец — дело двух-трех дней. В спешке у нас не нашлось ничего лучшего. Изгородь из колючей проволоки мы возведем через четверть часа. Дом, если ваше превосходительство не заметили этого ночью, окружен парком. Нам казалось, здесь будет спокойная обстановка. Письменный стол и телефон на месте, горничная тоже. Спальня с ванной рядом, все в идеальном порядке; здесь, говорят, был особняк прокурора.

П р о к у р о р. Что у вас еще?

Заклученный отдает честь.

Еще что-нибудь?

З а к л ю ч е н н ы й. Да здравствует граф!

П р о к у р о р. Это вы уже говорили.

З а к л ю ч е н н ы й. С вами хочет говорить президент.

П р о к у р о р. Кто?

З а к л ю ч е н н ы й. Президент. *(Отдает честь и уходит.)*

П р о к у р о р. Призрак!

Хильда уходит.

Хильда...

Входит изящный старец, высокопоставленный господин.

Господин президент?

П р е з и д е н т. В столь поздний час, господин доктор, у нас нет времени для любезностей. Если не ошибаюсь — что, впрочем, в мои восемьдесят лет было бы не удивительно, — все правительства страны были сформированы ночью. *(Садится и ждет, пока сядет прокурор.)* Говорить вам «ваше превосходительство» я стану, согласно обычаю, после того, как вы поставите меня в известность о готовности сформировать новое правительство.

П р о к у р о р. Я?

П р е з и д е н т. Вопрос о том, какие обязательства перед лицом народа и зарубежных стран вы на себя берете, обязательства, которые должны составить содержание вашего заявления, — дабы передача власти выглядела зна-

чительным актом и успокоила непосвященных, — всего этого мы не будем касаться в наших переговорах.

Прокурор. У меня нет никакого заявления.

Президент. Есть целый ряд больших слов и обещаний, господин доктор, которые никогда не выполняются и потому всегда пригодны для того, чтобы изобразить смелую власть как прогресс.

Прокурор. Но я не хочу власти!

Президент улыбается.

Я хочу жить!

Президент. Вопрос, который я хочу задать вам, прост и краток: готовы ли вы, господин доктор, после всего, что произошло...

Прокурор. Что произошло?

Президент улыбается.

Все это мираж!..

Президент. К сожалению, нет.

Прокурор. Я вам приснился!

Президент. Готовы ли вы, господин доктор, взойти на эшафот как убийца или вы предпочитаете сформировать новое правительство с целью восстановления спокойствия и порядка?

Длинная перестрелка вдали.

Президент. Я жду вашего ответа.

Входит заключенный с автоматом.

Заключенный. Изгородь из колючей проволоки готова. *(Отдает честь и уходит.)*

Президент. Кто свержает власть ради свободы, тот берет на себя обратную ее сторону — власть. Так что мне вполне понятен ваш страх.

Входит Коко.

Коко. Дворец готов.

Задняя дверь комнаты открывается. Ее створки позолочены. В комнату вкатывается кроваво-красный ковер, по обеим сторонам которого располагаются солдаты дворцовой гвардии в какой-то старинной опереточной униформе.

Президент. Итак, ваше превосходительство?

Прокурор. Я вам приснился...

Президент встает.

Теперь — быстро — проснуться... проснуться... проснуться... *(Продолжает сидеть.)*

Звучит музыка.

**ДОН ЖУАН
ИЛИ
ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ**

*Комедия
в пяти действиях*

Don Juan, oder Die Liebe zur Geometrie
Komödie in fünf Akten

1952/53 — 1961

© 1976 Suhrkamp Verlag
Frankfurt am Main

Действующие лица

Дон Жуан
Тенорио, его отец
Миранда
Дон Гонсало, командор Севильи
Донна Эльвира, его жена
Донна Анна, их дочь
Отец Диего
Дон Родериго, друг Дон Жуана
Донна Инес
Селестина, сводница
Дон Бальтасар Лопес, супруг
Лепорелло
Вдовы Севильи
Трое бьющихся на шпагах кузенов ,
Маски, Женщины, Девушки, Мальчики, Трубачи,
Музыканты, Стражники, Слуга
Место действия — театрализованная Севилья
Время действия — эпоха красивых костюмов

АКТ ПЕРВЫЙ

Перед замком.

Ночь. Музыка. Молодой человек крадется вверх по лестнице, чтобы с террасы наблюдать за происходящим в замке. Крик павлина. Кто-то входит на террасу, и молодой человек прячется за колонну.

Д о н н а Э л ь в и р а. Дон Жуан! Дон Жуан!

Д о н н а И н е с. Здесь никого нет.

Д о н н а Э л ь в и р а. Его конь в конюшне.

Д о н н а И н е с. Не может быть, донна Эльвира. Что человеку делать в такой темноте? Я и так озябла; а от этих павлиных криков и вовсе мороз по коже проходит.

Д о н н а Э л ь в и р а. Дон Жуан! Дон Жуан!

Д о н н а И н е с. Пальмы на ветру... Звенят, как шпаги о каменные ступени. Мне это знакомо, донна Эльвира, — я это каждую ночь слышу, как только подхожу к окну: шелест пальм и ничего больше.

Д о н н а Э л ь в и р а. Он здесь, я знаю. Его конь в конюшне.

Они исчезают. Молодой человек выходит из-за колонны, чтобы взглянуть в окно. Но тут же вновь прячется: с противоположной стороны входят старик и толстый священник.

Т е н о р и о. Вы говорите: терпеть. Легко сказать, отец Диего. А если этот олух вообще не явится? Ведь полночь уже. Терпеть! Вы уж не защищайте моего сына. Он просто бессердечный, весь в мать. Холодный, как камень. Чтобы человек в двадцать лет говорил, что жепщины его не интересуют... Непостижимо! Но самое ужасное, отец Диего, — он не врет. Говорит, что думает. Его возлюбленная — геометрия. Это он мне прямо в глаза заявил. Сколько я из-за него пережил! Вы же сами говорите, что его имя не упоминают ни в одной исповеди. И это называется мой сын, единственный сын, продолжатель рода, так сказать.

В двадцать лет не знать женщин... Что вы на это скажете, отец Диего?

Отец Диего. Потерпите.

Тенорио. Вы ведь знаете Селестину...

Отец Диего. Тсс...

Тенорио. Самая знаменитая сводня Испании. В числе ее клиентов даже епископы, только сына моего среди них нет. А сколько ей денег от меня перепало! Он ведь изредка посещает публичный дом. Но знаете, чем он там занимается? Играет в шахматы! Собственными глазами видел. В шахматы!

Отец Диего. Тише, Тенорио!

Тенорио. Женщины его не интересуют!

Отец Диего. Сюда идут.

Тенорио. Ей-богу, он меня на тот свет спровадит. Уверю вас, отец Диего, я умру от разрыва сердца.

Входит дон Гонсало, командор.

Отец Диего. Он здесь?

Дон Гонсало. Но еще нет двенадцати.

Тенорио. Дон Гонсало, командор Севильи, пожалуйста, не думайте плохо о моем сыне. Ведь Дон Жуан — мой единственный сын. Он будет заботливым зятем, вот только бы он здесь появился. Я просто не верю, чтобы он мог забыть о дне свадьбы. Просто не верю.

Дон Гонсало. У юноши позади долгий путь и трудные дни. Я не думаю плохо о вашем сыне. Он великолепно сражался.

Тенорио. Правда?

Дон Гонсало. Я не лгу вам как отцу. Я просто сообщаю о том, чего никогда не забудет история нашего отечества. Он — герой Кордовы.

Тенорио. Вот уж никогда бы не поверил!

Дон Гонсало. Откровенно говоря, я тоже. Мои шпионы очень плохо о нем отзывались. Утверждали, что он над всеми издевается, в том числе надо мной.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Гонсало. Я однажды вызвал его в мой шатер. «Зачем, — спросил я его с глазу на глаз, — мы ведем этот крестовый поход?» Он улыбнулся — и только. Тогда я спросил его: «За что мы ненавидим неверных?»

Тенорио. И что же он вам ответил?

Дон Гонсало. Что не питает к ним ненависти.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Гонсало. Напротив, сказал он, у них есть чему поучиться. В другой раз я увидел его под пробковым деревом. Он лежа читал книгу. Арабскую.

Тенорио. Я знаю, это была геометрия, черт бы ее побрал.

Дон Гонсало. Я спросил его, зачем он ее читает.

Тенорио. О Господи! Что же он ответил?

Дон Гонсало. Улыбнулся — и только.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Гонсало. Не буду отрицать, отец Тенорио, его улыбки выводили меня из себя. И уж вовсе непостижимо, как ему удалось выполнить мой приказ, когда я послал его в Кордову измерить длину вражеской крепости. Я не думал, что он отважится. Мне просто хотелось, чтобы у него пропала охота улыбаться и чтобы он, наконец, воспринял меня всерьез. На следующее утро я глазам своим не поверил: он целым и невредимым вошел в мой шатер с бумагой в руке. В ней черным по белому было сказано: длина крепости — девятьсот сорок два фута.

Тенорио. Как он это сделал?

Дон Гонсало. «Дон Жуан Тенорио, — сказал я и обнял его на глазах у всех офицеров, не способных на подобный подвиг. — Прежде я недостаточно ценил тебя, но с этой минуты объявляю тебя своим сыном, женихом моей Анны, кавалером испанского Креста и героем Кордовы».

Музыка.

Тенорио. Как же все-таки ему это удалось?

Дон Гонсало. Я тоже его спросил.

Тенорио. Что же он ответил?

Дон Гонсало. Улыбнулся — и только.

Донна Эльвира (*входя с масками в руке*). Маскарад начался. (*Делает под музыку несколько па.*) Там уже танцуют.

Я женщина —

И пруд под луной в эту ночь.

Ты мужчина —

И луна отразилась в пруду.

Покуда темно,

Мы слиты в одно

Любовью слепых —

И я — не невеста, и ты — не жених.

Отец Диего. Мы ждем жениха.

Д о н н а Э л ь в и р а. Жених здесь!

Т е н о р и о. Мой сын?

Д о н н а Э л ь в и р а. Его конь в конюшне. Я видела его издалека, но ваш сын, отец Тенорио, — самый изящный всадник из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! — и он уже на земле. Как птица спорхнул!

Д о н Г о н с а л о. Где донна Анна?

Д о н н а Э л ь в и р а. Я — мать невесты, а чувствую себя невестой больше, чем дочь. Только мы одни еще без масок. Надеюсь, он не примет меня за невесту. И тебе, мой супруг, надо надеть маску. Обряд есть обряд. И прошу вас — не будем называть друг друга по имени, иначе что толку от маскарада.

Входит парочка в масках.

О н а. Конечно же, это ты. Клянусь жизнью, что это ты. Дай взглянуть на твои руки.

О н. Ты ошибаешься.

О н а. Ни у кого нет таких рук, как у тебя.

О н. Нас услышат.

Дон Гонсало и Тенорио надевают маски.

Д о н Г о н с а л о. Пойдем.

Дон Гонсало и Тенорио уходят.

Д о н н а Э л ь в и р а. На два слова, отец Диего!

Парочка в масках целуется.

О т е ц Д и е г о. Кто эти бесстыдники? Ее голос мне знаком. Уверен, что эта Миранда!

Д о н н а Э л ь в и р а. Вам следовало бы поговорить с ней.

О т е ц Д и е г о. С Мирандой? Шлюхой? В этом замке?

Д о н н а Э л ь в и р а. С донной Анной.

Парочка целуется.

Бедное дитя! Она просто помешалась от счастья. Вся дрожит от страха и прячется, как только узнала, что он вернулся.

О т е ц Д и е г о. Самый изящный всадник из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! — и он уже на земле. Как птица спорхнул!

Д о н н а Э л ь в и р а. Диего!

О т е ц Д и е г о. Что еще?

Д о н н а Э л ь в и р а. Почему так мрачно?

Отец Диего. Если бы испанская церковь не свихнулась на идее всеобщего благоденствия, поглотившей десятую часть всех подаяний, наш брат тоже научился бы соскакивать с коня. Вместо этого нам приходится сползать с осла.

Донна Эльвира. Диего!

Отец Диего. Ну что?

Донна Эльвира. Я никогда не клялась блюсти мою неверность. Отец Диего, останемся друзьями. Ты, видимо, забыл, что я замужем, мой милый. И если, не дай Бог, я когда-нибудь влюблюсь в ююшу, то единственным обманутым будет мой муж, а не ты.

Отец Диего. Эльвира!

Донна Эльвира. Запомни это, мой друг, раз и навсегда.

Отец Диего. Тсс!..

Донна Эльвира. Пойдем к донне Анне.

Донна Эльвира и отец Диего уходят.

На сцене остается парочка в масках и молодой человек, спрятавшийся за колонной.

Она. Ошибаюсь! Не стыдно тебе так говорить? Ведь тогда все, что происходит между женщиной и женщиной, — сплошная ошибка. Думаешь, я не узнала твоего поцелуя? Я же тебя нашла! Почему ты не признаешься? Думаешь, твоя маска меня обманет? Придется снять свою, чтобы ты меня узнал. Но меня выбросят на улицу, если увидят... *(Снимает маску.)*

Он. Миранда?

Миранда. Да. Для них — шлюха.

Он. Как ты решилась?

Миранда. Я люблю тебя. Вот и решилась и отыскала тебя среди сотни других. Я люблю тебя. Чего же ты испугался? Ну да, они обнимали меня. Только их объятия дырявые, как решето — ничего не держат. Один ты меня удержал. Что же ты молчишь? Помнишь, ты говорил, что не знал ни одной женщины? Я тогда рассмеялась, а ты обиделся. Но ты меня не так понял. А потом мы играли в шахматы...

Он. В шахматы?

Миранда. Тут-то меня и поразили твои руки.

Он. Я не играю в шахматы.

Миранда. Я тогда рассмеялась, потому что поняла, что ты соображаешь больше всех мужчин, вместе взятых.

Мы играли в шахматы, и я видела: ты единственный мужчина, у которого хватает смелости делать то, что хочется, даже в публичном доме.

О н. Меня зовут дон Родериго.

М и р а н д а. Как бы не так!

О н. Что тут смешного?

М и р а н д а. Дон Родериго! Ты издеваешься надо мной, потому что знаешь, что он меня тоже обнимал. Дон Родериго... Я его знаю, как и всех остальных. Они ничем не отличаются друг от друга, только именем. Я часто удивляюсь, как они сами себя узнают. Все на одно лицо. Даже когда молчат или обнимают женщин. Боже, как они все скучны, твой дон Родериго, например. Тебе не понять, насколько ты не похож на них. Поэтому я тебе это и говорю.

О н. А если я все же дон Родериго? Хочешь, я поклянусь тебе в том всеми святыми?

М и р а н д а. Тогда я посмеюсь над доном Родериго и его святыми. Я не отпущу твоих рук. Я их узнала. Позволь мне поцеловать их. Эти руки вознесут меня к себе самой, потому что они могут принадлежать только одному человеку на свете — Дон Жуану.

О н. Дон Жуану?

Миранда целует его руки.

Вот он где, взгляни! *(Показывает на молодого человека, только что вышедшего из-за колонны, за которой он прятался.)*

Миранда, узнав его, кричит не своим голосом. В тот же миг на сцену под звуки полонеза входят маски. Подхватив Миранду, они исчезают.

(Снимает маску.) Жуан, откуда ты взялся?

Д о н Ж у а н. Послушай меня.

Д о н Р о д е р и г о. Что ты шатаешься по парку? Тебя все ждут, друг мой, все спрашивают, где жених. Почему ты не идешь к ним?

Д о н Ж у а н. Родериго, у меня к тебе просьба. Выполни ее — не в службу, а в дружбу. Для тебя это пустяк, а для меня — вопрос жизни. Я вдруг понял: здесь сегодня ночью решится моя судьба. Я уже целый час это знаю, но ничего не могу поделать. Не могу, понимаешь? Все зависит от какой-то дурацкой лошади. Судьба целой жизни, просто ужасно. Помоги мне, Родериго!

Д о н Р о д е р и г о. Ни слова не понял.

Д о н Ж у а н. Приведи мне коня из конюшни.

Д о н Р о д е р и г о. Зачем?

Д о н Ж у а н. Мне надо уехать.

Д о н Р о д е р и г о. Уехать?

Д о н Ж у а н. Пока я еще свободен...

Смех в замке.

(Отводит друга за плечо в неосвещенную часть авансцены.)

Мне страшно, Родериго...

Д о н Р о д е р и г о. Тебе, герою Кордовы?

Д о н Ж у а н. Оставь эти глупости.

Д о н Р о д е р и г о. Вся Севилья только и говорит о твоём мужестве.

Д о н Ж у а н. Я знаю, они всерьёз поверили, что я подкрался к Кордове, чтобы обмерить крепость, и что рисковал жизнью ради их крестового похода.

Д о н Р о д е р и г о. Разве ты не делал этого?

Д о н Ж у а н. За кого ты меня принимаешь?

Д о н Р о д е р и г о. Не понимаю...

Д о н Ж у а н. Геометрия для начинающих, Родериго. Но даже если я это начерчу на песке, они все равно ничего не поймут, эти господа. Вот они и болтают о чудесах и о Провидении, когда наши пушки наконец попадают в цель, и злятся, когда я смеюсь. *(В страхе оглядывается по сторонам.)* Родериго...

Д о н Р о д е р и г о. Чего ты боишься?

Д о н Ж у а н. Я не в силах ее видеть.

Д о н Р о д е р и г о. Кого?

Д о н Ж у а н. Я понятия не имею, как она выглядит.

Д о н Р о д е р и г о. Донна Анна?

Д о н Ж у а н. Понятия не имею... Я проскакал весь день. Я тосковал по ней. Я ехал все медленней. Мог бы уже давно быть здесь. А когда увидел стены Севильи, спрятался за колодцем и сидел там, пока не стемнело. Родериго, давай поговорим начистоту.

Д о н Р о д е р и г о. Конечно.

Д о н Ж у а н. Как ты узнаешь, кого ты любишь?

Д о н Р о д е р и г о. Дорогой Дон Жуан...

Д о н Ж у а н. Отвечай!

Д о н Р о д е р и г о. Не понимаю тебя...

Д о н Ж у а н. Я сам себя не понимаю, Родериго. Там, отражаясь в темной воде колодца... ты прав, Родериго, все это очень странно... я думал, что люблю...

Крик павлина.

Что это?

Крик павлина.

Я люблю. Но только кого?

Дон Родериго. Донну Анну, свою невесту.

Дон Жуан. Понимаешь, не могу вспомнить, как она выглядит.

Пробегают веселящиеся маски.

Она была среди них?

Дон Родериго. Невеста не носит маску. Ты просто помешался от счастья, Жуан. Вот и все. Войдем внутрь. Уже за полночь.

Дон Жуан. Я не могу.

Дон Родериго. Куда тебя потянуло?

Дон Жуан. Вон отсюда.

Дон Родериго. К своей геометрии?

Дон Жуан. Туда, где я знаю, чего хочу. Да... Здесь я пропал. Когда я ночью подъезжал к замку, я увидел в окне молодую женщину. Я понял, что мог бы полюбить ее — первую встречную. Любую, понимаешь? Не меньше, чем Анну.

Дон Родериго. Может, это и была она?

Дон Жуан. Может быть. Что ж, по-твоему, я, как слепой, должен был поклясться ей в вечной любви? А потом придет другая и скажет, что то была она?

Дон Родериго. Тише!

Дон Жуан. Не выдавай меня, Родериго. Ты меня не видел.

Дон Родериго. Куда?

Дон Жуан перепрыгивает через балюстраду и исчезает в темном парке. Дон Родериго надевает маску. Входят отец Диго и донна Анна, оба без масок.

Отец Диго. Здесь, дитя моя, мы одни.

Донна Анна. Нет.

Отец Диго. То есть, как — нет?

Донна Анна. Мужчина!

Дон Родериго.

Я мужчина —

И луна отразилась в пруду.

Ты женщина —

И пруд под луной в эту ночь.

Покуда темно,
Мы слиты в одно
Любовью слепых —
И ты — не невеста, и я — не жених.

(Кланется.) Благослови, Господь, донну Анну, невесту!
(Уходит.)

Д о н н а А н н а. Может быть, это был он?
О т е ц Д и е г о. Жених не надевает маску.
Д о н н а А н н а. Мне так страшно.
О т е ц Д и е г о. Дитя!

Крик павлина.

Это павлин, дитя мое, не бойся. Бедный павлин, он ищет не тебя. В течение семи недель он хриплым голосом добивается благосклонности своей донны Павы. Ради нее он выпускает свой пестрый хвост. Но, по-видимому, ей так же страшно, как и тебе, и я не знаю, где она прячется. Что ты дрожишь?

Д о н н а А н н а. Я люблю его... Конечно...

О т е ц Д и е г о. И все же прячешься от него? От самого изящного всадника из всех, кто когда-либо соскакивал с коня. Гоп! — и он уже на земле. Как птица спорхнул! Спроси у мамы. Твоя мать клянется, что такой стройной фигуры не бывало в природе; и хотя я не очень доверяю памяти твоей матери и как духовное лицо считаю своим долгом напомнить, что хорошая фигура — далеко не все, о нет! — и что существуют другие ценности, о которых женщина часто забывает, например, душевные качества, — они весят больше, чем тройной подбородок... О чем бишь я говорил? Так вот, несомненно, он очень строен и горд как павлин, этот юноша, который каждый миг может здесь появиться...

Донна Анна пытается бежать.

(Удерживает ее и сажает на скамейку.) Куда ты?

Д о н н а А н н а. Я упаду в обморок.

О т е ц Д и е г о. Он будет держать тебя в объятиях, пока ты не очнешься, и все будет хорошо, дитя мое.

Д о н н а А н н а. Где он?

О т е ц Д и е г о. В замке, я думаю. Ищет невесту, как водится по обычаю. У язычников это называлось «буйной ночью». Обряд распутства, как сказано в летописи. Сходились наугад, как попало и с кем попало, и никто не знал, у кого он в объятиях. Потому что все были в одинаковых

масках и, как полагает летописец, все были голыми — совершенно голыми — самцы и самки. Так было принято у язычников...

Д о н н а А н н а. Кто-то идет!

О т е ц Д и е г о. Где?

Д о н н а А н н а. Мне почудилось...

О т е ц Д и е г о. Пальмы на ветру...

Д о н н а А н н а. Простите, я вас перебила.

О т е ц Д и е г о. Так было принято у язычников. Сходились как попало. Но это было давно. Христиане назвали этот обряд «ночью познания», и он разом приобрел религиозный смысл. Жених и невеста стали единственными, кому разрешено было обниматься при условии, что они узнают друг друга в толпе масок. Но такова уж сила истинной любви. Красивый, возвышенный смысл в этом обряде, не правда ли?

Д о н н а А н н а. Да.

О т е ц Д и е г о. Только, к сожалению, говорит летописец, этот обряд не оправдал себя. Слишком много происходило ошибок. Ты не слушаешь?

Д о н н а А н н а. Кто-то идет.

Из замка выходит донна Эльвира.

Д о н н а Э л ь в и р а. Отец Диего!

О т е ц Д и е г о. Что случилось?

Д о н н а Э л ь в и р а. Идите сюда! Скорее!

Отец Диего следует на зов и уходит с донной Эльвирой. Донна Анна остается одна в темноте. Хрипло кричит павлин. Вдруг, охваченная ужасом, донна Анна перепрыгивает через ту же балюстраду, через которую незадолго перед тем перепрыгнул Дон Жуан. Она исчезает в темном парке, чтобы не встретиться с Дон Жуаном. Донна Эльвира возвращается.

Д о н н а Э л ь в и р а. Анна! Где же она? Анна!

Возвращается отец Диего.

О т е ц Д и е г о. Конечно, она шлюха. Ее зовут Миранда. Ее все знают. Ей нечего делать в этом замке. Ее место на улице. (*Смотрит на пустую скамейку.*) Где донна Анна?

Д о н н а Э л ь в и р а. Анна! Анна!

О т е ц Д и е г о. Наверное, в замке.

Донна Эльвира и отец Диего уходят в замок.

Тишина. Крик павлина.

Интермедия

На прощенииуме появляются Селестина и Миранда.

Селестина. Не реви, тебе говорят. И не болтай ерунды. Не хочешь себя вести, как подобает шлюхе, — вот твой узел и убирайся вон.

Миранда. Селестина!

Селестина. Так всю душу выплачешь!

Миранда. Куда ж мне деваться, Селестина?

Селестина. Влюблена, видите ли. И еще смеет показываться мне на глаза. Влюблена в одного-единственного. Вот твоё барахло, и пошла вон. Каждый день предупреждаю — не впутывайте в это дело любовь! Кто-кто, а я-то уж побывала в этом болоте. Иначе, думаешь, могла бы управлять таким заведением? Я знаю цену слезам, когда в дело встречается душа! Один раз испытала и хватит. Дала обет. Разве я вам не мать родная? Такая красивая продажная тварь, как ты, и вдруг — на тебе: скулит, будто собака, и болтает, как благородная: «Его руки! Его нос! Его лоб!» А что у него еще есть, у твоего единственного? Выкладывай-ка! Пальцы на ногах? Ляжки? Уж не скрывай от нас, золотце! Ну, говори — что у него есть такого, чего нет у других? Я давно уже все поняла. По твоим заплаканным глазам. «Душевные переживания»!

Миранда. О Селестина, он не такой, как все!

Селестина. Пошла вон!

Миранда. О Селестина!

Селестина. Вон, тебе говорят! В последний раз! Слышишь? Я в моем доме такого не потерплю! «Влюбилась!» «Не такой, как все!» Только этого мне не хватало! И смеет это мне в лицо говорить, мне — главной своднице Испании! Значит, говоришь, он необыкновенный, и ты его любишь?

Миранда. Люблю, Господи, помилуй.

Селестина от гнева не в силах вымолвить ни слова.

Да, люблю.

С е л е с т и н а. Так-то ты меня благодаришь за мое воспитание?!

М и р а н д а. О Селестина...

С е л е с т и н а. «О Селестина! О Селестина!» Решила поиздеваться надо мной среди ночи? Думаешь, можешь меня обмануть, как мужика? Ты так думаешь? «Господи, помилуй!» Да, верно, тебе это не помешает. Но я тебя миловать не собираюсь, клянусь честью! Я-то себе цену знаю! Думаешь, для чего к нам приходят все эти господа? Чтоб ты в них влюблялась? Чтоб ты их различала? Каждый день вам твержу: девиц всюду полно, любого возраста и на все готовых — замужних, незамужних... Сколько душе угодно. Так зачем же они ходят к нам? Я тебе скажу, золотце: у нас мужчина отдыхает от выдуманных чувств. Поняла? За это они и платят чистоганом. Что сказал дон Октавио, наш мудрый судья, когда они собрались нас закрывать? «Не трогайте нашу славную хозяйшку, — вот что он сказал, и при всех. — Пока у нас существует беллетристика, которая насаждает выдуманные чувства, нам без нее не обойтись». Так и сказал: «Не обойтись». А что это значит? Это значит, что я под защитой государства. А думаешь, стало бы меня защищать государство, если б я допускала у себя неприличие? Я душевностью не торгую. Понятно? Я не продаю девиц, которые про себя мечтают о другом. Душевности у них и дома хватает. А теперь бери свой узел и убирайся.

М и р а н д а. Как же мне быть?

С е л е с т и н а. Выходи замуж.

М и р а н д а. Селестина...

С е л е с т и н а. Ты это вполне заслужила. Выходи замуж. А могла бы стать первоклассной шлюхой, лучшей шлюхой нашего времени, избалованной невиданным спросом. Не захотела? Полюбить понадобилось? Пожалуйста! Твое дело. Дамой захотелось быть? Подожди, еще вспомнишь обо мне, золотце, да поздно будет. Шлюха душой не торгует.

Миранда рыдает.

Я тебе сказала, что думаю. И не вой у меня на пороге. Наш дом для веселья создан... (*Уходит.*)

М и р а н д а. Я люблю...

АКТ ВТОРОЙ

Зал в замке.

Донна Анна сидит в подвенечном платье. Вокруг нее хлопчут женщины. Донна Инес ее причесывает.

Д о н н а И н е с. Вы больше не пужны. Я сама приколую фату. Ведь я подружка. Вот зеркало еще понадобится.

Женщины уходят.

Почему волосы у тебя влажные? Трудно причесывать, такие мокрые. Даже земля в них. Где ты была? И трава...

Донна Анна упорно молчит.

Анна!

Д о н н а А н н а. Да.

Д о н н а И н е с. Проснись, милая, сейчас свадьба начнется. Слышишь, в колокола звонят? Люди уже столпились на балконах. Родериго говорит, что такой свадьбы Севилья еще не видывала.

Д о н н а А н н а. Да.

Д о н н а И н е с. Ты так отвечаешь, словно это тебя не касается.

Д о н н а А н н а. Да.

Д о н н а И н е с. Опять трава. Хотелось бы знать, где ты побывала во сне. *(Причесывает донну Анну, потом берет в руки зеркало.)* Анна, я его видела.

Д о н н а А н н а. Кого?

Д о н н а И н е с. В замочную скважину. Ты спрашиваешь — кого! Ходит взад-вперед, как тигр в клетке. Раз остановился, выхватил шпагу и стал ее рассматривать. Будто перед дуэлью. А сам весь в белом, Анна, весь сияет шелком.

Д о н н а А н н а. Где же фата?

Д о н н а И н е с. Я уже вижу, как вы стоите рядом, а они снимают с тебя фату — черную, как ночь. Отец Диего

спрашивает: «Дон Жуан, ты узнаешь ее? Донна Анна, ты узнаешь его?»

Д о н н а А н н а. А вдруг мы не узнаем друг друга?

Д о н н а И н е с. Анна!

Д о н н а А н н а. Дай мне фату!

Д о н н а И н е с. Сначала взгляни в зеркало.

Д о н н а А н н а. Нет.

Д о н н а И н е с. Анна, ты прекрасна.

Д о н н а А н н а. Я счастлива. Скорее бы опять наступила ночь. Я женщина. Он сказал: «Взгляни на наши тени на стене, это мы с тобой — мужчина и женщина». То был не сон. «Только не стыдись, а то я тоже застыжусь». То был не сон. Мы рассмеялись, потом он обнял меня и, не спросив меня, стал целовать в губы... Целовал, целовал, чтобы я тоже не спрашивала, кто он, потом поднял меня и понес через пруд. Я слышала плеск воды, черной воды.

Д о н н а И н е с. Твой жених?

Д о н н а А н н а. Только он один мой жених, Инес, и больше никто. Вот все, что я знаю. Он и больше никто. Я узнаю его ночью, когда он будет ждать меня у пруда. И ни у кого в мире нет больше прав на меня. Он мне ближе самой себя.

Д о н н а И н е с. Тише!

Д о н н а А н н а. Скорей бы ночь спустилась!

Д о н н а И н е с. Сюда идут!

Д о н н а А н н а. Дай мне фату.

Входят дон Гонсало и отец Диего.

Д о н Г о н с а л о. Час настал. Я не мастер произносить цветистые речи. Пусть же мой поцелуй передает тебе чувства отца.

О т е ц Д и е г о. Но где же фата?

Д о н н а И н е с. Сейчас.

О т е ц Д и е г о. Поскорее собирайтесь, поскорее!

Донна Инес и донна Анна уходят.

Теперь мы одни. Говорите откровенно, командор. Почему бы нам — супругу и монаху — не найти общий язык?

Садятся.

Итак?

Д о н Г о н с а л о. Как я уже сказал, мы прискакали в Кордову, где меня принял Мухамед, князь неверных. Он плакал по поводу своего поражения, и придворные вокруг

него тоже плакали. «Все это, о герой христиан, принадлежит вам! Берите и наслаждайтесь!» Я был просто поражен этим великолепием: там дворцы, каких и во сне не увидишь, залы с сияющими куполами, сады с чудо-фонтанами и цветы с таким ароматом... А Мухамед, весь в слезах, вручил мне ключ от своей библиотеки. Я тут же приказал ее сжечь.

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. «А здесь, — сказал Мухамед, — здесь мой гарем». Девушки тоже плакали. Пахло пряностями. «Все это, — сказал он, — принадлежит вам, о герой христиан! Берите и наслаждайтесь!»

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. Пахло пряностями...

Отец Диего. Это вы уже говорили.

Дон Гонсало. «Берите и наслаждайтесь», — сказал он...

Отец Диего. Сколько их было?

Дон Гонсало. Девушек?

Отец Диего. Примерно.

Дон Гонсало. Семь или девять.

Отец Диего. Гм...

Дон Гонсало. Я хотел исповедаться, прежде чем присутствовать при обряде венчания.

Отец Диего. Понимаю.

Дон Гонсало. Речь идет о моем браке.

Отец Диего. Вы меня пугаете.

Дон Гонсало. Семнадцать лет я хранил верность.

Отец Диего. Это всем известно. Ваш брак, дон Гонсало, недостижим по своему совершенству. Единственный, которым мы можем похвастаться перед неверными. Им со своими гаремами легко смеяться над нашими семейными скандалами. Я всегда повторяю: если бы не вы, командор, — образец истинного супруга... Но продолжайте.

Дон Гонсало. «Все это, — сказал он, — принадлежит вам»...

Отец Диего. «Берите и наслаждайтесь!»

Дон Гонсало. Да.

Отец Диего. Пахло пряностями...

Дон Гонсало. Да.

Отец Диего. Дальше!

Дон Гонсало. Девушки понимали лишь по-арабски, иначе дело никогда не зашло бы так далеко. Они меня

стали раздевать... А как я мог им объяснить, что женат и что у нас, христиан...

Отец Диего. Они вас раздевали?

Дон Гонсало. Мухамед их обучил этому.

Отец Диего. Дальше!

Дон Гонсало. Отец Диего, я согрешил.

Отец Диего. Говорите.

Дон Гонсало. Согрешил в мыслях.

Отец Диего. То есть как — в мыслях?

Дон Гонсало. Я проклял верность.

Отец Диего. А что было потом?

Дон Гонсало. Проклял семнадцать лет супружеской жизни!

Отец Диего. Потом что было?

Дон Гонсало. Потом?..

Отец Диего. Не дрожите так, дон Гонсало, говорите откровенно. Небу и так все известно.

Дон Гонсало. Потом...

Отец Диего. Все мы грешники.

Дон Гонсало. Потом ничего не было.

Отец Диего. То есть как — ничего не было?!

В праздничных нарядах входят донна Эльвира, Тенорио, дон Родериго, три кузена, девушки, мальчики с кадилами, трубы.

Донна Эльвира. Мой супруг, все готово. Ладаи и трубы — как семнадцать лет назад. Захотелось вновь стать молодой...

Дон Гонсало. Где жених?

Донна Эльвира. Он — чудо!

Дон Гонсало. Я спрашиваю, где он.

Дон Родериго. Мой друг Дон Жуан просит извинить его за то, что он вчера не был на празднестве. Он очень устал после долгого пути, и ему хотелось немного отдохнуть, прежде чем показаться невесте и ее родителям. Но он проспал в саду до утра, до самых петухов. Мне поручено передать вам это. Ему очень стыдно, и он не решается прийти на собственную свадьбу, пока его не простят.

Донна Эльвира. Не решается прийти! Это самый учтивый жених из всех, каких мне приходилось видеть. Не знаю, чего было только я ему не простила.

Дон Родериго отвечает поклон и уходит.

Я случайно увидела его в лоджии и подошла к нему сзади. Я спросила его, почему он грызет ногти. Он только взглянул на меня. «Донна Анна?» — спросил он, смутившись, словно я его невеста, словно он забыл, как она выглядит. Словно я его невеста! Он даже не попрощался со мной, когда я подобрала юбку, чтобы уйти. Он только смотрел на меня. Я это видела в зеркало. Он был в каком-то трансе, весь погружен в себя...

Тенорио. Надо надеяться.

Донна Эльвира. Словно перед казнью.

Трубы. Входят дон Родериго и Дон Жуан.

Тенорио. Мой сын!

Дон Жуан. Папа!

Тенорио. Обычай требует, чтобы я произнес несколько слов. Но одному Богу известно, как разрывается мое сердце: ведь я в первый раз вижу тебя в роли жениха — в первый раз! Мои друзья уже, наверное, поняли, что я хочу этим сказать: в первый и, надеюсь, мой сын, в последний раз...

Донна Эльвира. Мы поняли.

Тенорио. Обычай требует...

Отец Диего. Вы покороче.

Тенорио. Дай-то Бог, дай-то Бог!

Дон Жуан опускается на колени, чтобы принять благословение.

Донна Эльвира. Как он прелестен в этой позе!

Отец Диего. Что вы сказали?

Донна Эльвира. Как он прелестен на коленях.

Дон Жуан встает.

Дон Гонсало. Сын мой!

Дон Жуан. Отец!

Дон Гонсало. Я тоже не мастер произносить цветистые речи, но слова мои идут из глубины сердца, и поэтому я буду краток.

Дон Жуан снова становится на колени.

Пришел час...

Донна Эльвира. Больше он ничего не придумает. Отец Диего, пусть трубят трубы. Он уже ничего не придумает. Я его знаю.

Дон Гонсало. Пришел час...

Т е н о р и о. Дай-то Бог!
Д о н Г о н с а л о. Дай-то Бог!

Оба отца бросаются в объятия друг друга. Играют трубы.
Входит невеста под фатой в сопровождении донны Инес.
Красивая церемония заканчивается тем, что Дон Жуан,
весь в белом, и невеста — тоже в белом, но под черной фатой,
становятся друг перед другом. Между ними — отец Диего.
Все остальные на коленях.

О т е ц Д и е г о. Господи! Кто может пребывать в жилище твоём? Кто может обитать на священной горе твоей? Тот, кто ходит беспорочно, и действует по правде, и говорит истину в сердце своем. Кто клянется, хотя бы себе во вред, и не изменяет. Поступающий так не поколеблется вовек. Аминь!

Трубы.

Ты, донна Анна, дочь Гонсало из Уллоа, командора Севильи. И ты, Дон Жуан, сын Тенорио, банкира Севильи. Вы оба, одетые жемчужным и невестой, пришли сюда по свободной воле ваших сердец, чтобы сказать правду перед Господом, вашим Создателем. Ответьте же мне ясным и полным голосом на вопрос, который я задаю вам перед лицом Неба и людей — ваших свидетелей на земле: узнаете ли вы друг друга?

С донны Анны снимают фату.

Донна Анна, ты узнаешь его? Отвечай!

Д о н н а А н н а. Да.

О т е ц Д и е г о. Дон Жуан, ты узнаешь ее? Отвечай!

Дон Жуан молчит, словно онемев.

Отвечай, Дон Жуан, ты ее узнаешь?

Д о н Ж у а н... Да... Разумеется... О да!

Трубы.

О т е ц Д и е г о. Теперь ответьте на следующий вопрос.

Д о н н а Э л ь в и р а. О, как его потрясло все это!

О т е ц Д и е г о. Донна Анна и Дон Жуан! Итак, вы узнаете друг друга. Полны ли вы решимости протянуть друг другу руки в знак вечного брачного союза, дабы хранил он вас от Сатаны — падшего ангела, превращающего небесное чудо любви в земную муку. Готовы ли вы поклясться в том, что, пока вы живы, ваши сердца останутся

верными той любви, которую мы благословляем во имя Отца и Сына и Святого Духа?

Все крестятся.

Я спрашиваю тебя, донна Анна.

Д о н н а А н н а. Да.

О т е ц Д и е г о. Я спрашиваю тебя, Дон Жуан.

Д о н Ж у а н. Нет.

Трубы.

О т е ц Д и е г о. Сотворим же молитву.

Д о н Ж у а н. Я сказал: нет.

Отец Диего молится.

Нет!

Все, стоя на коленях, молятся.

Д о н Ж у а н. Я сказал: нет!

Молитва стихает.

Прошу вас, друзья, встаньте!

Д о н Г о н с а л о. Что он сказал?

О т е ц Д и е г о. Какой ужас!

Д о н Г о н с а л о. Он сказал — нет?

Д о н Ж у а н. Я не могу. Просто невозможно. Прошу меня простить. Почему вы не встаете?

О т е ц Д и е г о. Что это значит?

Д о н Ж у а н. Я же сказал: не могу в этом поклясться. Это невозможно. Она этой ночью лежала в моих объятиях, и я, конечно, ее узнал.

Д о н Г о н с а л о. Что он говорит?

Д о н Ж у а н. Конечно, мы узнали друг друга.

Д о н Г о н с а л о. В объятиях? Он сказал — в объятиях?

Д о н Ж у а н. Я не о том хотел сказать...

Д о н н а А н н а. Но ведь это правда.

О т е ц Д и е г о. А ну-ка, убирайтесь отсюда со своим ладапом, мальчики!

Мальчики уходят.

Д о н Ж у а н. Мы встретились в парке. Случайно. Вчера ночью. Все было так естественно. Мы убежали. Оба. В темноте мы не узнали друг друга, и все было просто и прекрасно. И так как мы полюбили друг друга, мы придумали план. Теперь я могу вам его выдать. Мы решили вновь встретиться сегодня ночью у пруда. И я решил ее похитить.

Дон Гонсало. Похитить?

Дон Жуан. Да.

Дон Гонсало. Мою дочь?

Дон Жуан. Но ведь я не подозревал, дон Гонсало, что это она...

Дон Гонсало. Ты что-нибудь поняла, Эльвира?

Донна Эльвира. Лучше тебя.

Дон Жуан. Если бы вчера не был таким усталым и не проспал до рассвета, я избавил бы вас от этого зрелища, честное слово. Но что мне было делать? Я опоздал. А когда услышал, что уже затрубили трубы, подумал: выхода нет, придется дать ложную клятву. Можете возмущаться, но я говорю правду: свадьба свадьбой, а ночью, когда стемнеет... (*Смотрит на донну Анну.*) О Боже! Этого я уж никак не ожидал!

Отец Диего. Чего именно?

Дон Жуан (*донне Анне*). Что это ты.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Жуан. Папа, ради этих труб и ладана я не стану присягать тому, во что не верю, а я теперь и себе самому не верю. Я не знаю, кого я люблю. Честное слово. Больше мне сказать нечего. Лучше отпустите меня, и поскорее. (*Отвешивает поклон.*) Я сам потрясен.

Дон Гонсало. Соблазнитель!

Дон Жуан направляется к выходу.

Только через мой труп! (*Вынимает шпагу.*) Только через мой труп!

Дон Жуан. К чему это?

Дон Гонсало. Только через мой труп!

Дон Жуан. Это несерьезно.

Дон Гонсало. Защищайтесь!

Дон Жуан. И не подумаю!

Дон Гонсало. Клянусь честью, вы не уйдете из этого дома! Только через мой труп!

Дон Жуан. Но я не хочу убивать.

Дон Гонсало. Только через мой труп!

Дон Жуан. А что это изменит? (*Направляется в другую сторону.*) Донна Эльвира, ваш супруг решил сделать из меня убийцу. Разрешите мне пройти другим выходом. (*Поклонившись донне Анне, направляется к другому выходу.*)

В тот же миг трое кузенов обнажают шпаги. Дон Жуан окружен.

Дон Жуан. Если вы решили серьезно...

Дон Гонсало. Смерть соблазнителью!

Трое кузенов. Смерть!

Дон Жуан вынимает шпагу.

Смерть соблазнителью!

Дон Жуан. Что ж, я готов.

Донна Эльвира. Пойдите!

Дон Жуан. Я не боюсь мужчин!

Донна Эльвира. Пойдите! (*Становится между ними.*) Четверо против одного! А ведь мы даже не знаем, что так смутило юношу. Вы что, спятили? Образумьтесь! И поскорее!

Шпаги опускаются.

Отец Диего, почему вы молчите?

Отец Диего. Я...

Дон Жуан. А что ему говорить? Он меня лучше других понял. Сам-то ведь не жегил!

Отец Диего. Я?

Дон Жуан. На допше Эльвире, например.

Отец Диего. Клянусь Богом...

Дон Жуан. У него — Бог, у меня — геометрия. У каждого мужчины есть что-то более возвышенное, чем женщина, стоит ему только прийти в себя.

Отец Диего. Что это значит?

Дон Жуан. Ничего.

Отец Диего. Что это значит?

Дон Жуан. Я знаю то, что знаю. И отстаньте от меня! Я не знаю, известно ли об этом командору.

Тенорио. Какой ужас!

Дон Жуан. У тебя сердце разрывается, папа, я знаю. Ты это уже тринадцать лет подряд твердишь. Я не удивлюсь, если ты однажды умрешь. (*Кузенам.*) Будем мы биться или нет?

Донна Эльвира. Дорогой Жуан...

Дон Жуан. Чего все от меня хотят?

Донна Эльвира. Ответь на один-единственный вопрос. (*Кузенам.*) Спрячьте шпаги, я подожду. (*Дону Гонсало.*) И ты тоже.

Кузены и дон Гонсало прячут шпаги в ножны.

Дон Жуан Тенорио, вы ведь приехали сюда, чтобы жениться на Анне, вашей невесте?

Д о н Ж у а н. Так было вчера.

Д о н н а Э л ь в и р а. Понимаю, а потом вас взяла оторопь. И Анну тоже. И вы сбежали в парк. И Анна тоже. Вы оба боялись развязки. Разве не так? А потом, во тьме, вы обрели друг друга, не подозревая, кто вы, и это было прекрасно.

Д о н Ж у а н. О да.

Д о н н а Э л ь в и р а. Вы не узнали друг друга.

Д о н Ж у а н. Да.

Д о н н а Э л ь в и р а. И вы не захотели жепиться на невесте, которую обманули. Вы хотели убежать с другой, хотели ее похитить...

Д о н Ж у а н. Да.

Д о н н а Э л ь в и р а. Почему же вы не делаете этого?

Д о н Ж у а н. Почему...

Д о н н а Э л ь в и р а. Вы же видите, как она вас ждет, только вас — шикого другого, как она засияла, когда увидела, что жених и похититель — одно и то же лицо.

Д о н Ж у а н. Я не могу.

Д о н н а Э л ь в и р а. Почему?

Д о н Г о н с а л о. «Почему»! «Почему»! Никаких «почему»! (*Обнажает шпагу.*) Смерть соблазнителю моей дочери!

Д о н н а Э л ь в и р а. Мой супруг...

Д о н Г о н с а л о. Защищайтесь!

Д о н н а Э л ь в и р а. Мой супруг, мы, кажется, разговариваем.

Д о н Ж у а н. Я не могу. Вот все, что я могу сказать. Не могу клясться. Откуда я знаю, кого люблю? После того, как я убедился, что все на свете возможно — даже и для нее, моей невесты, которая меня ждала — меня одного, — и вот, осчастливил же ее первый встречный, которым случайно оказался я.

Д о н Г о н с а л о. Защищайтесь!

Д о н Ж у а н. Если вам пейдется поскорее заработать себе памятник — пачинайте. (*Смеется.*) Никогда не забуду, как вы отличились в гареме Кордовы. «Берите и наслаждайтесь!» Так и стойте у меня перед глазами! Начинайте! Я свидетель — мавританские девушки делали все, чтобы его соблазнить, нашего рыцаря брака. Но им так и не удалось. Своими глазами видел, клянусь вам, — стоит голый и бледный, руки трясутся, дух взыграл, да плоть больно уж немощна... Начинайте!

Дон Гонсало опускает шпагу.

Я готов.

Д о н н а Э л ь в и р а. Жуан...

Д о н Ж у а н. Я ведь с самого начала говорил — отпустите меня подобру-поздорову. А то моя вежливость иссякает. (*Прячет шпагу.*) Уеду из Севильи...

Д о н н а А н н а. Жуан...

Д о н Ж у а н. Прощай! (*Целует донне Анне руку.*) Я тебя любил, Анна, хотя и не знаю, кого именно — невесту или ту, другую. Я потерял вас обеих, обеих в одном лице. Я потерял самого себя. (*Еще раз целует ей руки.*) Прощай!

Д о н н а А н н а. Прощай...

Дон Жуан уходит.

Не забудь, Жуан: у пруда, как только стемнеет... сегодня... ночью... Жуан!.. Жуан!.. (*Идет за ним.*)

О т е ц Д и е г о. И ему позволят просто так уйти, этому негодяю?

Д о н Г о н с а л о. Да разверзнутся над ним небеса!

О т е ц Д и е г о. Это, скорее, мне надо было бы сказать про небеса...

Д о н Г о н с а л о. За ним! В погоню! Окружить парк! За ним! Спустить на него всех собак и окружить парк! За ним! Все в погоню!

Все, кроме донны Эльвиры и Тенорио, уходят.

Т е н о р и о. У меня просто сердце разрывается, когда я вижу поведение своего сына.

Д о н н а Э л ь в и р а. Он прелесть.

Т е н о р и о. А мне-то каково?

Д о н н а Э л ь в и р а. В данный момент это никого не интересует, поверьте мне — никого.

Т е н о р и о. На мою плоть и кровь спустили собак! А я ведь и не верю даже, что он соблазнил вашу дочь. Он вовсе и женщинами-то не интересуется. Уж я-то его знаю. Это все обман, хитрость, чтобы поскорее вернуться к своей геометрии. Сердце-то у него холоднее камня. Он даже не удивится, если я умру — вы сами слышали, — даже не удивится!

Лай собак. Возвращается отец Диего.

О т е ц Д и е г о. И вы тоже, Тенорио, за нами!

Оба уходят.

Д о н н а Э л ь в и р а. Он просто чудо!

Вбегает Дон Жуан.

Д о н Ж у а н. Я их всех убью, всю свору! И не жепюсь!
Убью их всех до единого!

Д о н н а Э л ь в и р а. Идем!

Д о н Ж у а н. Куда?

Д о н н а Э л ь в и р а. Ко мне в спальню...

Возвращается Тенорио с обнаженной шпагой. Он видит, как
донна Эльвира и Дон Жуан, обнявшись, убегают.

Т е н о р и о. Какой ужас!

Входят преследователи с обнаженными шпагами и сворой
разъяренных собак, рвущихся с поводков.

Д о н Г о н с а л о. Где он?

Тенорио хватается за сердце.

За ним! Окружить парк!

Преследователи убегают.

Т е н о р и о. Я умираю...

Интермедия

На прощенииуме — Миранда, наряженная невестой, и Селестина с нитками и иголками.

Селестина. Не все сразу, золотце, не все сразу. Поспеешь вовремя. Такая свадьба с речами и всякой болтовней скоро не кончится.

Миранда. Чтоб только меня никто не узнал, Селестина, а то еще выпорют и привяжут к позорному столбу. *(Стоит неподвижно.)*

Селестина шьет.

Селестина...

Селестина. Не дрожи, а то я не могу шить.

Миранда. Селестина, ты находишь, я вправду похожа на невесту?

Селестина. Вылитая невеста. *(Шьет.)* Я тебе говорю, мужчины — самая слепая тварь из всех созданных Господом. Я была прежде портнихой, мне-то можешь поверить. Настоящие кружева или поддельные — редкий случай, чтобы мужчина разобрался. Я тебе говорю: мужчины замечают только самое существенное.

Миранда. Я еле дышу.

Селестина. Это поправимо. Слишком грудь стянула? Вижу, ты не девственница. А мы просто распустим шов под мышкой. Пустяки. Он этого все равно не заметит или заметит, когда уже будет поздно. Но только не дрожи! А то уколую. Что у тебя надето внизу?

Миранда. Внизу? Ничего.

Селестина. Это самое лучшее.

Миранда. И так еле налезло.

Селестина. В отношении нижнего белья они очень странные, особенно благородные. То их розовый цвет бесит, то лиловый. Ну и начинают возмущаться нашим вкусом. Как в романах все равно, — вздыхает этаким хлыщ:

«Мы — два разных мира!» И смотрит в окно. Поэтому я вам всегда и говорю: не болтайте с ними о романах! Это может привести к скандалу. То же и с бельем. Бывают мужчины, которые ничего на свете не боятся, а вот увидят из-под юбки розовое кружево — и... только их и видели! О вкусах не спорят. Без белья лучше всего. Это их может удивить, но никогда не оттолкнет.

М и р а н д а. Селестина!

С е л е с т и н а. Не дрожи, золотце, не дрожи!

М и р а н д а. Не знаю, хватит ли у меня смелости, но ведь это не грех — что я задумала?

С е л е с т и н а. Вот видишь, теперь не жмет, а грудь получилась тугая. А что ты задумала? Снизу, золотце, мы подошьем, чтоб щиколотки были видны. Щиколотки — это важно.

М и р а н д а. О Боже!

С е л е с т и н а. Но сначала приколем фату.

М и р а н д а. О Боже!

С е л е с т и н а. Что ты вздыхаешь?

М и р а н д а. Почему все, что мы делаем, — обман?

С е л е с т и н а. Нда... (*Задирает на ней юбку.*) Теперь подошьем юбку.

М и р а н д а. Не так.

С е л е с т и н а. Думаешь, буду нагибаться?

М и р а н д а. Селестина...

С е л е с т и н а. Семь стежков — и готово!

Миранда медленно поворачивается, в то время как Селестина стоя подшивает ей юбку.

Думаешь, он станет тебя обнимать? Только потому, что примет тебя за свою невесту, за донну Анну? Обнимать и целовать? Вот уж я посмеюсь, золотце, когда с носом останешься! А в общем, как хочешь! Он из тебя дурь выбьет, вот я тебе и взялась помогать. Как тебя увидит, скажет: «Донна Анна?» И все. Сразу у него совесть заговорит, станет оправдываться, польется на тебя целый поток лжи. И ему будет не до объяснений, не говоря уж об остальном. Ты переоцениваешь мужей, золотце, ты их знаешь только такими, какие они у нас.

Платье готово.

Вот так...

М и р а н д а. Спасибо...

С е л е с т и н а. Как себя чувствует невеста?

Звонок.

Опять клиент.

М и р а н д а. Зеркало мне оставь.

Входит испанский дворянин.

С е л е с т и н а. Что вам угодно?

Л о п е с. Не знаю, туда ли я попал..

С е л е с т и н а. Вероятно, туда.

Л о п е с. Мое имя Лопес.

С е л е с т и н а. Бывает.

Л о п е с. Я приехал из Толедо...

С е л е с т и н а. Понимаю, устали после дороги, хотите отдохнуть...

Л о п е с. Дон Бальтасар Лопес.

С е л е с т и н а. Нас анкета не интересует, лишь бы заплатили вперед.

Лопес оглядывается по сторонам.

Все в порядке, вы не ошиблись, проходите.

Лопес разглядывает Миранду.

У девушки выходной. (*Уходит с Лопесом.*)

М и р а н д а (*одна перед зеркалом*). Помоги мне, Господи! Мне ведь ничего не нужно, только раз в жизни пусть примет меня за невесту, опустится передо мной на колени и поклянется, что любит только это лицо — лицо донны Анны, мое лицо...

АКТ ТРЕТИЙ

Перед замком.

Предрассветные сумерки. Дон Жуан сидит на ступеньках лестницы и ест куропатку. Вдали слышен лай собак. Входит дон Родериго.

Дон Родериго. Жуан! Жуан! Это я, дон Родериго, твой старинный друг.

Дон Жуан молча ест.

Жуан!

Дон Жуан. Что случилось, Родериго, мой старинный друг? Ты забыл даже поздороваться.

Дон Родериго. Ты разве не слышишь?

Дон Жуан. Этот лай, что ли? Да я всю ночь его слышал, то из одной, то из другой спальни. То совсем рядом, то вдалеке. Собачья выдержка просто трогательна.

Дон Родериго. Я всю ночь тебя ищу.

Дон Жуан молча ест.

Дон Родериго. Мне надо тебя предупредить.

Дон Жуан молча ест.

Что ты здесь делаешь, на лестнице?

Дон Жуан. Завтракаю.

Дон Родериго. Жуан, послушай...

Дон Жуан. Ты был у своей невесты?

Дон Родериго. Нет.

Дон Жуан. Напрасно, дон Родериго, мой старинный друг. Слишком смело с твоей стороны. Никогда не оставляй ее одну. А то непароком какой-нибудь преследуемый собаками незнакомец ворвется к ней в спальню, и она вдруг поймет, что даже ты — не единственный мужчина на свете.

Дон Родериго. Что ты хочешь этим сказать?

Дон Жуан. Правду. (Ест.) У тебя прелестная невеста.

Дон Родериго. Ты хромаешь?

Дон Жуан. Как дьявол собственной персоной. Это бывает, когда прыгаешь из окна. (*Ест.*) Другого пути к себе самому нет. (*Ест.*) Бабы — народ непасытный.

Дон Родериго. Жуан, я должен тебя предупредить.

Дон Жуан. Я тоже должен тебя предупредить.

Дон Родериго. Я ведь говорю серьезно, мой друг. Случится непоправимое, если ты не образумишься. Нечто ужасное, о чем всю жизнь будешь жалеть. Шутке конец, когда проливается кровь. И уже ничего нельзя поправить. Я всю ночь блуждал по парку. Я дрожал за тебя, Жуан.

Дон Жуан молча ест.

Глазам своим не поверил: вдруг вижу у пруда какой-то призрак. То была она.

Дон Жуан. Кто?

Дон Родериго. Твоя невеста.

Дон Жуан. Анна?

Дон Родериго. Она тебя ждет, Жуан. Всю ночь. Мне кажется, она не в своем уме. Часами сидит неподвижно, как статуя, потом вдруг срывается с места и бродит по берегу. Я пытался с ней заговорить. Она уверяет, что ты на маленьком островке, и ее невозможно разубедить. Только отойдешь от нее, она уже кличет тебя по имени. И так всю ночь. Тебе надо с ней поговорить.

Дон Жуан. Не знаю, что мне ей сказать, Родериго. Я не в состоянии говорить о чувствах, которых нет, а то, что я ее бросил, она сама знает. Вот и все. Единственное, что я сейчас чувствую, — это голод.

Дон Родериго. Тише!

Входит дон Гонсало с обнаженной шпагой.

Дон Гонсало. Стой! Кто здесь?

Дон Жуан. Смотри, он еле на ногах держится. Скажи ему, чтобы бросил эту затею.

Дон Гонсало. Кто здесь?

Дон Жуан. Ему не терпится умереть. Все мечтает поскорее поставить себе памятник. Раньше не уймется, вот увидишь.

Входят трое кузенов. Они все в крови, оборваны
и обессилены.

Дон Гонсало. Стой! Кто здесь?

Первый кузен. Да разверзнутся над ним небеса!

Дон Гонсало. Вы его поймали?

Второй кузен. Мы еле живы, дядя Гонсало, проклятый псы изодрали нас в клочья.

Третий кузен. Не надо было их стегать плеткой, идиот.

Второй кузен. Сам идиот. Они же на меня набросились.

Дон Гонсало. Где собаки?

Первый кузен. Я их не убивал, дядя.

Дон Гонсало. Не убивал?

Второй кузен. У нас не было иного выхода.

Дон Гонсало. Вы сказали — их убили?

Третий кузен. А что нам было делать? Либо они, либо мы.

Дон Гонсало. Мои псы...

Первый кузен. Мы выбились из сил, дядя Гонсало, пусть само небо покарает нечестивца. Мы больше не можем.

Дон Гонсало. Мои псы...

Второй кузен. Надо его перевязать.

Трое кузенов уходят, с трудом волоча ноги.

Дон Гонсало. Я не успокоюсь, пока не отомщу за собак. Скажите об этом моей супруге, как только она проснется. *(Уходит в противоположную сторону.)*

Дон Жуан. Слыхал? Да разверзнутся над ним небеса! Как трогательно! Мне жалко собак, которые дохнут во имя этой идеи.

Дон Родериго. Не гневи небо, мой друг.

Дон Жуан. А я и не гневлю его, оно мне даже правится. Особенно в этот час. Редко видишь его в такое время дня.

Дон Родериго. Подумай о своей невесте.

Дон Жуан. О которой?

Дон Родериго. О той, которая бродит по берегу и кличет тебя. Жуан, ты ведь ее любил, я же знаю.

Дон Жуан. Я тоже знаю. *(Бросает кость.)* Божественная куропатка. *(Вытирает руки.)* Я ее любил. Помню. Весной, когда я впервые увидел донну Анну, я упал перед ней на колени на этой самой лестнице. Молча. Как громом пораженный. Так, кажется, принято выражаться? Никогда не забуду: она медленно спускалась по лестнице,

платье ее развевалось по ветру, а когда я упал на колени, она остановилась. Мы оба молчали. Я видел ее юный рот и блеск голубых глаз под черной вуалью. Было раннее утро, как сейчас, у меня захватило дух, я не мог вымолвить ни слова. Смех подступал к горлу, но, если б он вырвался наружу, он обернулся бы рыданием... Это была любовь. Так мне кажется. В первый и в последний раз.

Д о н Р о д е р и г о. Почему же в последний?

Д о н Ж у а н. Возврата нет... Если бы сейчас, вот в это мгновение, она снова появилась на лестнице в платье, развевающимся по ветру, и с блеском голубых глаз под черной вуалью, знаешь, что бы я почувствовал? Ничего. В лучшем случае — ничего. Воспоминание. Прах. Не хочу ее видеть. Никогда. (*Протягивает ему руку.*) Прощай, Родериго!

Д о н Р о д е р и г о. Куда ты?

Д о н Ж у а н. К геометрии.

Д о н Р о д е р и г о. Это же несерьезно.

Д о н Ж у а н. Абсолютно серьезно. После того, что произошло сегодня ночью, у меня нет иного выхода. Не жалей меня! Я стал мужчиной, вот и все. Я здоров, как видишь, с головы до пят. Я счастлив от сознания, что счастье меня миновало. Я уеду сейчас же, наслаждаясь утренней свежестью. Что мне еще нужно? Прискачу к журчащему ручью, окунусь в него, смеясь от холода. На этом и кончится моя свадьба. Я теперь свободен, как никогда, Родериго. Я трезв и бодр и весь охвачен единственным чувством, достойным мужчины, — любовью к геометрии.

Д о н Р о д е р и г о. К геометрии!

Д о н Ж у а н. Тебя, наверное, никогда не охватывало благоговение перед точностью познания! Взять, например, хотя бы окружность — наиболее точное понятие в геометрии. Я поклонник совершенства, мой друг, трезвого расчета, точности. Я боюсь трясины наших настроений. А вот перед окружностью или треугольником мне ни разу не приходилось краснеть или испытывать к ним отвращение. Ты знаешь, что такое треугольник? Он неотвратим, как рок. Существует одна-единственная фигура из трех данных тебе отрезков прямой. И вот перед этими тремя линиями рассыпаются в прах все чувства, что так часто смущают наши сердца. И разом ничего не остается от несбыточных надежд на осуществление бесчисленных мнимых возможностей... Только так, а не иначе — утверждает геомет-

рия. Так, а не как-нибудь еще! И здесь не помогут ни хитрость, ни чувства, ни настроения: существует лишь одна-единственная фигура, соответствующая своему имени. Разве не здорово? Признаюсь тебе, Родериго, я не знаю ничего величественнее этой игры, которой подчиняются луна и солнце! Что может быть прекраснее двух линий, проведенных на песке, двух параллелей? Взгляни на дальний горизонт — он все же не бесконечность. Взгляни на морскую ширь. Да, конечно, она огромна, я согласен. Или Млечный Путь, например, — пространство, от которого дух захватывает! И все же... Все же это не бесконечность, которую могут выразить лишь эти две линии, проведенные на песке, если они правильно осмыслены... Ах, Родериго, я преисполнен любви и благоговения и только потому позволяю себе насмехаться. Там, где воздух не пропитан ладаном, где все ясно и прозрачно, — там начинается откровение. Там не бывает капризов, Родериго, из которых складается человеческая любовь. Что справедливо сегодня, справедливо и завтра, и, когда я перестану дышать, оно все же останется справедливым — без меня и без вас. Лишь отрезвленному доступна святость, все остальное — чепуха, поверь мне — чепуха, на которой не стоит задерживать нашего внимания. *(Снова протягивает руку.)* Прощай!

Д о н Р о д е р и г о. А девушка у пруда?

Д о н Ж у а н. Ее утешит другой.

Д о н Р о д е р и г о. Ты в этом уверен?

Д о н Ж у а н. Мужчина и женщина, почему вы верите лишь в то, во что вам нравится верить? Ведь, в сущности говоря, люди спокойно переносят правду, пока над ней не начинают смеяться. Я твой друг, но откуда у тебя такая уверенность, что я не решусь поставить на карту нашу дружбу? Не выношу друзей, которые во мне так уверены... Почему ты знаешь, что я не побывал этой ночью у твоей Инес?

Д о н Р о д е р и г о. Брось эти шутки!

Д о н Ж у а н. Почему ты знаешь, что это — шутки?

Д о н Р о д е р и г о. Я знаю мою Инес.

Д о н Ж у а н. Я тоже.

Д о н Р о д е р и г о. Откуда?

Д о н Ж у а н. Я же тебе сказал: я был у нее.

Д о н Р о д е р и г о. Неправда!

Д о н Ж у а н. Я любознателен, мой друг, от природы любознателен. И я решил проверить, способен ли я на это.

Инес — твоя невеста, ты ее любишь, и она тебя любит. Мне захотелось выяснить, способна ли она на это. И поверишь ли ты мне, когда я об этом расскажу.

Д о н Р о д е р и г о. Жуан!

Д о н Ж у а н. Ну как, поверил ты мне или нет?

Пауза.

Не верь!

Д о н Р о д е р и г о. Ты дьявол!

Д о н Ж у а н. Я тебя люблю. *(Подходит к дону Родеригу и целует его в лоб.)* Не верь этому никогда!

Д о н Р о д е р и г о. Окажись это правдой, я убил бы себя на месте — не тебя, не ее, а себя.

Д о н Ж у а н. Мне было бы жаль тебя. *(Берет со ступенек свой камзол и надевает его.)* Теперь мне понятно, почему я испугался своего отражения в колодце, этой зеркальной бездне небесной голубизны. Не бери с меня пример, Родериго, не будь любознательным. Когда мы расстаемся с ложью, сверкающей, словно гладкая поверхность воды, и открываем, что мир — не одно лишь отражение нашей мечты, когда мы всерьез начинаем задумываться — кто же мы, тогда — ах, Родериго, — тогда нас не удержит эта гладкая поверхность. Мы уже камнем несемся в пропасть — в ушах свистит, и Божья обитель не для нас. Родериго, не бросайся в бездну души — своей или любой другой, — лучше оставайся на голубой зеркальной глади, наподобие мошкары, пляшущей над водой. Наслаждайся жизнью! Аминь. *(Надел камзол.)* Ну, что ж, а теперь — прощай! *(Обнимает дону Родеригу.)* Прекрасно иметь такого друга, который дрожит за тебя всю ночь. Но теперь мне придется самому за себя дрожать.

Д о н Р о д е р и г о. Жуан, что с тобой произошло?

Дон Жуан смеется.

С тобой что-то случилось.

Д о н Ж у а н. Я свое отлюбил. *(Собирается уходить, но дон Родеригу его удерживает.)* Молодость оказалась короткой. *(Вырывается.)* Оставь меня. *(Хочет уйти, но в этот момент видит донну Анну, появившуюся на самом верху лестницы в подвенечном платье и в фате.)* Это зачем?

Женщина медленно сходит по ступенькам.

Донна Анна...

Женщина останавливается на третьей ступеньке снизу.

Я ушел от тебя. Зачем ты вернулась? Я ведь бросил тебя. Это всей Севилье известно, неужели ты об этом не знаешь? Я тебя бросил.

Женщина молча улыбается.

Я вспомнил. О да! Вижу, как улыбается твой юный рот. Как тогда. Под фатой вижу блеск твоих глаз. Все, как тогда. Только я не тот, каким был, когда упал перед тобой на колени. Возврата не будет.

Ж е н щ и н а. Дорогой Жуан...

Д о н Ж у а н. Тебе не следовало возвращаться, тем более по этим ступеням. Твой облик вернул мне надежды, которых больше нет. Я знаю, что любовь не та, какой я ждал ее на этих ступенях. *(Пауза.)* Уходи! *(Пауза.)* Уходи! *(Пауза.)* Уходи, говорят. Уходи! Заклинаю тебя силами небес и ада — уходи!

Ж е н щ и н а. Почему ты сам не уходишь?

Дон Жуан смотрит на нее, оцепенев.

Дорогой Жуан...

Д о н Ж у а н. Дорогой Жуан! *(Смеется.)* Знаешь, где он провел ночь, твой дорогой Жуан? У твоей матери! Дорогой Жуан... Ты могла бы многому у нее научиться, но он и ее бросил, твой дорогой Жуан... Он столь преисполнен любви, что выскочил из ее окна, чтобы залезть в следующее. Слышала? У твоей матери! Они его травили псами, будто он и без того не затравлен, и я даже не знаю ее имени, той, третьей... Только помню, что молодая, как все женщины в темноте. И с каким же наслаждением твой дорогой Жуан забывал о тебе во тьме, не знающей ни лиц, ни имен! С какой радостью затапывал в прах все бывшее ребячество, чтобы идти дальше не оглядываясь! Чего же ты хочешь от него, умеющего только смеяться? А потом — потом, когда ему все опротивело, он очутился в последней спальне... Думаешь, его влекла надежда? Светлые волосы? Манера целоваться и страсть, которую разжигает борьба? Она защищалась с остервенением, до неистовства, до желания оказаться слабее твоего дорогого Дон Жуана. А на дворе не смолкал лай. О да, конечно, все они разные, и эта разница сама по себе волшебна. Но только волшебство это длится очень недолго, и в наших объятиях они все одинаковы, до ужаса одинаковы. Но что-то в ней было,

в этой последней в ту ночь, что-то такое, чего нет и никогда не будет у всех остальных; нечто особенное, захватывающее, неотразимое: она была невестой его единственного друга.

Д о н Р о д е р и г о. Нет!

Д о н Ж у а н. Она не забыла тебя, Родериго. Не забывала ни на секунду. Напротив, твое имя клеймом пылало на наших лицах, и мы до самых петухов вкушали сладость собственной низости.

Д о н Р о д е р и г о. Нет!

Д о н Ж у а н. Но ведь это чистейшая правда!

Дон Родериго убегает.

Вот так, донна Анна, я проводил ночь в то время, как ты дожидалась меня у пруда. Таким я припадаю к твоим стопам. (*Становится на колени.*) В последний раз, я это знаю. Ты пришла, чтобы отнять у меня то последнее, что мне еще осталось: мой смех, не знающий раскаяния. Почему я не узнал тебя, когда обнимал? Я навсегда запомню твой образ в эту минуту, образ той, которую я предал и которая будет вечно стоять в лучах утреннего солнца, куда бы я ни ушел...

Ж е н щ и н а. Мой Жуан!

Д о н Ж у а н. Неужели ты еще можешь верить, что я люблю тебя? Я думал, эта надежда к тебе не вернется. Как мне самому поверить в это?

Ж е н щ и н а. Встань!

Д о н Ж у а н. Анна!

Ж е н щ и н а. Встань!

Д о н Ж у а н. Я не вымаливаю у тебя прощения. Только чудо, но никак не прощение может спасти меня от испытаний прошедшей ночи...

Ж е н щ и н а. Встань!

Д о н Ж у а н (*встает*). Мы потеряли друг друга, чтобы, встретившись, уже больше не расставаться. Теперь мы вместе на всю жизнь! (*Обнимает ее.*) Моя жена!

Ж е н щ и н а. Мой муж!

Входит дон Гонсало с обнаженной шпагой.

Д о н Г о н с а л о. А! Вот он где!

Д о н Ж у а н. Да, отец.

Д о н Г о н с а л о. Защищайтесь!

Д о н Ж у а н. Вы опоздали, отец, мы снова поженились.

Д о н Г о н с а л о. Убийца!

Д о н Ж у а н. Что за вздор!

Д о н Г о н с а л о. Защищайтесь!

Д о н Ж у а н. Он просто не может понять, твой отец. Видит собственными глазами наше счастье, а понять не в силах.

Д о н Г о н с а л о. Счастье... Счастье... Он говорит — счастье...

Д о н Ж у а н. Да, отец. Оставьте нас одних.

Д о н Г о н с а л о. А ты, шлюха... Этот негодяй снова заговаривает тебе зубы, и ты ему веришь!.. Сейчас я его заколю. *(Делает выпад против Дон Жуана.)*

Дон Жуан обнажает шпагу.

Смерть негодяю!

Д о н Ж у а н. Стой!

Д о н Г о н с а л о. Защищайтесь!

Д о н Ж у а н. Почему — убийца? В конце концов, это псы, да и не я их убил.

Д о н Г о н с а л о. А дон Родериго?

Д о н Ж у а н. Где он?

Д о н Г о н с а л о. Обливаясь кровью, он проклял вас — соблазнителя его невесты!

Д о н Ж у а н. Родериго? *(Потрясенный вестью, смотрит невидящим взглядом, в то время как командор размахивает шпагой; раздраженно отмахивается от нее, как от назойливой мухи.)* Да перестаньте же!

Дон Гонсало падает, сраженный молниеносным ударом.

Он умирает.

(Вложив шпагу в ножны, вновь уставился в пустоту.)

Его смерть потрясла меня. Я имею в виду Родериго. И зачем я только вздумал говорить ему правду... Он никогда меня не понимал, мой старинный друг. Но я любил его всей душой. И ведь предупреждал же его, что не переносу друзей, которые на меня полагаются. Почему я не промолчал? Только что он стоял здесь...

Ж е н щ и н а. Смерть! Смерть!

Д о н Ж у а н. Не кричи!

Ж е н щ и н а. О Жуан!

Д о н Ж у а н. Бежим!

В глубине сцены появляется отец Диго с трупом утопившейся донны Анны на руках.

(Не замечает его.) Бежим! Мы ведь поклялись в этом ночью у пруда... Это было так по-детски, как будто в нашей

власти не терять друг друга. Что же ты стоишь? Я держу твою руку, как жизнь, которую нам подарили вторично. Она более подлинная, чем та первая, детская. И мы сами обогатились знанием о ее непрочности. Не дрожи. Посмотри на меня. Словно выпущенный на волю из тюрьмы, я благодарно наслаждаюсь солнечным утром и всем живым. (*Замечает отца Диего с трупом на руках.*) Что это значит, отец Диего?

Молчание.

Отвечайте!

Молчание.

Которая из них моя невеста?

Молчание.

(*Кричит.*) Отвечайте!

Отец Диего. Она тебе больше не ответит, Дон Жуан, сколько ни кричи. Никогда. Она утопилась. Таков конец твоей свадьбы, Дон Жуан. Вот плод твоих забав.

Дон Жуан. Нет!

Отец Диего кладет труп на землю.

Это не моя невеста. Неправда! Я обручился с жизнью, а не с утопленницей с повисшими руками и травой в волосах. Место ли привидению среди бела дня? Я говорю — это не моя невеста.

Отец Диего. Кто же твоя невеста?

Дон Жуан. Та, другая.

Отец Диего. Почему же она бежит?

Женщина пытается скрыться, убегая по лестнице вверх.

В этот миг входят трое кузенов.

Дон Жуан. Рад вашему приходу, господа. Мой друг умер.

Первый кузен. Умер.

Дон Жуан. А эта?

Отец Диего. Умерла.

Дон Жуан. И этот тоже. Никто не поверит, что он сам, как курица, напоролся на мою шпагу. Но он воскреснет в образе памятника.

Второй кузен. Да разверзнутся небеса над нечестивцем!

Дон Жуан. А что с моим отцом?

Третий кузен. Умер.

Д о н Ж у а н. Правда?

К у з е н ы. Умер.

Д о н Ж у а н. Каюсь, отец Диго, я кажусь самому себе чем-то вроде землетрясения или молнии. (*Смеется.*) Что касается вас, кузены, — спрячьте наконец ваши шпаги, чтобы остаться в живых и присутствовать на моей свадьбе. Смотрите: две невесты. Я должен выбрать одну из них — живую или мертвую. Отец Диго утверждает, что я обручен с мертвой. А я утверждаю, только она... (*подходит к женщине в фате и берет ее за руку*) только она одна моя невеста, она — живая, а не та, которая избрала смерть, чтобы проклинать меня до конца моих дней. Моя невеста та, что вернулась к заблудшему, чтобы он узнал ее. И я ее узнал.

Ж е н щ и н а. О Жуан!

Д о н Ж у а н. Сними фату!

Женщина снимает фату.

О т е ц Д и г о. Миранда!

Дон Жуан закрывает лицо руками. Он не меняет позы до тех пор, пока со сцены не вынесут трупы и не смолкнет колокольный звон, сопровождающий траурную процессию.

Д о н Ж у а н. Похороните бедное дитя, но не ждите, что я стану креститься, и не надейтесь, что я заплачу. И прочь с моего пути! Больше я уже ничего не боюсь! Еще посмотрим, кто над кем посмеется — небеса над мной или я над ними!

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Зал.

Дон Жуан — теперь ему тридцать три года — стоит перед празднично накрытым столом, рассматривая серебро и свечи. Его слуга Лепорелло расставляет графины. Трое музыкантов ждут инструкций. В глубине — большой занавес.

Д о н Ж у а н. Вы останетесь в соседней комнате. Понятно? А что касается «Аллилуйи»... Ну, если вдруг что-нибудь стрясется... Скажем, я провалюсь в преисподнюю или что-нибудь в этом роде...

Л е п о р е л л о. Хозяин!

Д о н Ж у а н. ...вы будете продолжать играть. Понятно? Будете исполнять «Аллилуйю» до тех пор, пока никого не останется в зале. (*Снимает белые перчатки, продолжая осматривать убранство стола.*) Итак, приготовьтесь.

М у з ы к а н т. А как насчет гонорара?

Д о н Ж у а н. Потом, потом.

М у з ы к а н т. Когда в зале никого не останется?

Д о н Ж у а н. Господа, ко мне должны прийти тринадцать дам, утверждающих, будто я их соблазнил. Кроме того, я жду епископа Кордовы, который, как всем известно, на их стороне, и, наконец, я жду статую. Ее я тоже пригласил. Каменного гостя, так сказать... Господа, мне сейчас не до вашего гонорара, мне просто не до того...

Музыканты уходят.

Хорошо смотрится.

Л е п о р е л л о. Вина, хозяин, надолго не хватит. По рюмке на гостя...

Д о н Ж у а н. Этого достаточно. У них быстро пропадет охота пить. Самое позднее — при появлении Каменного гостя.

Л е п о р е л л о. Хозяин...

Д о н Ж у а н. Мы обанкротились.

Звонок.

Где карточки?

Л е п о р е л л о. Но вы же не верите всерьез, что он явится? Этот... на каменной подставке.

Д о н Ж у а н. А ты в это веришь?

Л е п о р е л л о. Я? *(Громко смеется, но мигом умолкает, когда вторично раздается звонок в дверь.)* Может быть, это он?

Дон Жуан раскладывает карточки с именами гостей.

Хозяин!

Д о н Ж у а н. Если это снова та дама в вуали, скажи, что я принципиально больше не принимаю завуалированных дам. Знаем мы их. Приходят спасать мою душу, а сами надеются, что из духа противоречия я их соблазню. Скажи этой даме, что она мне надоела.

Звонок раздается в третий раз.

Почему ты не открываешь?

Лепорелло в страхе выходит. Музыканты в соседней комнате настраивают инструменты.

Д о н Ж у а н *(раскладывает карточки с именами гостей. Долго рассматривает последнюю карточку)*. Ты живее всех живых, и тебя-то не будет! Единственная, кого я любил, первая и последняя... Любил и не узнал... *(Сжигает карточку на свечке.)* Пепел.

Возвращается Лепорелло.

Л е п о р е л л о. Епископ Кордовы.

Д о н Ж у а н. Сдуй пепел со стола и скажи епископу Кордовы, чтобы он минуточку подождал. Но скажи это вежливо. Правда, я ему ничего не должен. Но он мне очень нужен. Без церкви нет и ада.

Л е п о р е л л о. Хозяин...

Д о н Ж у а н. Что ты без конца дрожишь?

Л е п о р е л л о. Хозяин, надо же знать меру. Пригласить в гости надгробный памятник — мертвеца, который давным-давно сгнил и истлел... Ну, знаете ли... Конечно, хозяин, я, когда надо, могу быть мошенником и вообще ради денег готов пойти на все: я не трус. Но то, что вы вчера натворили на кладбище, — это уж чересчур... Пригласить на обед памятник...

Г о л о с. Дон Жуан!
Л е п о р е л л о. Святая Мария!
Г о л о с. Дон Жуан!
Д о н Ж у а н. Одну минутку!
Л е п о р е л л о. Это он!
Д о н Ж у а н. Я же сказал: одну минутку!
Л е п о р е л л о. Господи, сжался надо мной! У меня
жена и пятеро детей! *(Бросается на колени.)* О небо,
сжался надо мной!
Д о н Ж у а н. Хочешь молиться — убирайся!
Л е п о р е л л о. Я слышал зов, я ясно его слышал!
Д о н Ж у а н. Ну-ка встань!

Лепорелло встает с колен.

Теперь делай, что тебе велят. Пойди и скажи епископу
Кордовы, что я его прошу. Только скажи это поцветистей,
покрасивей. Мне пужно еще три минуты.

Л е п о р е л л о. Святая Мария!

Д о н Ж у а н. И не забудь встать на колени, как полага-
ется.

Лепорелло уходит.

Что еще там у вас? *(Подходит к большому занавесу в глу-
бине сцены.)*

Из-за занавеса выходит Селестина, переодетая памятником.

Только голова ее непокрыта.

Почему вы еще не переоделись?

С е л е с т и н а. Шлем маловат.

Д о н Ж у а н. Никто не заметит.

С е л е с т и н а. Я замечу.

Дон Жуан делает знак, чтобы она исчезла.

И вообще я передумала.

Д о н Ж у а н. Что?

С е л е с т и н а. Говорите что угодно, но это богохуль-
ство. И пятисот песет за это мало. Как хотите.

Д о н Ж у а н. Селестина!

С е л е с т и н а. За богохульство — не меньше тысячи.
Иначе я продам вас герцогине Рондской. У нее я получу
ту же тысячу, да еще чистоганом.

Д о н Ж у а н. Это называется вымогательством.

С е л е с т и н а. Называйте как угодно. Дело не в на-
звании, а в деньгах. Пятисот мне мало.

Д о н Ж у а н. У меня больше нет.

С е л е с т и н а. Тогда я отказываюсь.

Дон Жуан срывает что-то с шеи.

Д о н Ж у а н. Последнее, что у меня осталось. И уходите! Если меня не поглотит ад, я пропал.

С е л е с т и н а. Не по моей вине вы обанкротились, Дон Жуан. Почему не приняли моего предложения? Стали бы богаче самого епископа Кордовы. Сколько раз говорить — замок из сорока четырех комнат...

Д о н Ж у а н. Ни слова об этом!

С е л е с т и н а. Еще не поздно.

Д о н Ж у а н. Избавьте меня от сватовства! Это известно всей Испании, и вам я еще раз повторяю: я не женюсь!

С е л е с т и н а. Многие так говорили.

Д о н Ж у а н. Замолчите!

Селестина исчезает за занавесом. Дон Жуан в напряженном ожидании, но входит один Лепорелло.

Что случилось?

Л е п о р е л л о. Хозяин... Я забыл, что надо было сказать... Он весь такой парадный и ходит взад-вперед по залу, словно не может дожидаться, когда небо нас покарает.

Д о н Ж у а н. Скажи, что я его жду.

Лепорелло выходит, оставляя раскрытыми обе створки двери.

Дон Жуан готовится к присему епископа: отодвигает кресло, репетирует поклоны, потом делает знак музыкантам. Раздается торжественная музыка. Дон Жуан стоит перед зеркалом, поправляя жабо. В открытую дверь входит дама в вуали. Пауза. Дон Жуан замечает ее в зеркале. Вздрагивает, не оборачиваясь к ней.

Д а м а. Чего ты испугался?

Д о н Ж у а н. Мне известно единственное, что для меня важно, — ты не донна Анна. Донна Анна умерла — к чему эта вуаль? *(Оборачивается.)* Кто вы?

Д а м а. Ты не захотел меня принять. Но дверь оказалась открытой.

Д о н Ж у а н. Чем могу служить?

Д а м а. Когда-то я тебя любила, потому что шахматы влекли тебя больше, чем женщины. И потому что ты прошел мимо меня, как мужчина, у которого есть твердая цель. Но осталась ли она у тебя? Прежде это была геометрия. Давно это было! Я вижу твою жизнь, Жуан: полно баб и никакой геометрии.

Д о н Ж у а н. Кто же ты?

Д а м а. Теперь и герцогиня Рондская.

Д о н Ж у а н. Вы вошли в зеркало черной, как смерть, герцогиня. Можно и не быть такой черной, чтобы меня напугать. Женщина всегда напоминает мне о смерти. Особенно цветущая женщина.

Д а м а. Я в черном, потому что я вдова.

Д о н Ж у а н. Из-за меня?

Д а м а. Нет.

Д о н Ж у а н. Так о чем же речь, герцогиня Рондская?

Д а м а. Речь идет о твоём спасении.

Д о н Ж у а н. Вы та самая дама, которая хочет выйти за меня замуж. Вы — замок из сорока четырех комнат. Ваши выдержка и терпение поразительны! Впрочем, вы правы: хотя шахматы и влекут меня неудержимее, чем любая женщина, жизнь моя полна баб. И все же вы ошибаетесь! До сих пор женщинам не удалось меня победить, герцогиня Рондская! И я скорее попаду в ад, чем женюсь.

Д а м а. Я пришла к вам не как женщина.

Д о н Ж у а н. Вы хотите меня пристыдить.

Д а м а. Я пресытилась мужчинами. Настолько, что не могу на них смотреть без улыбки. Один из них, возомнив, что без моей улыбки он не проживет, сделал меня герцогиней, после чего скончался.

Д о н Ж у а н. Понимаю...

Д а м а. Теперь у меня этот замок в Ронде.

Д о н Ж у а н. Мне о нем рассказывали.

Д а м а. Я подумала так: ты сможешь жить в левом флигеле, а я буду жить в правом, как жила до сих пор. Между флигелями огромный двор. Тишину нарушает только журчание фонтана. Нам вовсе не обязательно друг с другом общаться, разве только в тех случаях, когда захочется поговорить. Плюс ко всему — состояние покойного герцога, достаточно большое, чтобы не только оплатить твои дурацкие долги, но и заставить замолчать все суды мира, обвиняющие тебя в убийстве. Короче говоря, пока ты будешь жить в Ронде, никто на свете не сможет тебе помешать заниматься геометрией.

Д о н Ж у а н. Но...

Д а м а. Никаких «но».

Д о н Ж у а н. Должен признать, герцогиня Рондская, что ваше понимание мужчин поразительно. Но какова же цена за спасение?

Д а м а. Только та, что ты его примешь, Жуан!

Д о н Ж у а н. И это все?

Д а м а. Возможно, я тебя еще люблю. Пусть это тебя не пугает. Я поняла, что больше не нуждаюсь в тебе, Жуан. Это и есть то главное, что я тебе предлагаю: я женщина, которая не одержима идеей, будто бы без тебя невозможно жить. *(Пауза.)* Подумай об этом. *(Пауза.)* Ты всю жизнь любил самого себя, но ни разу себя не нашел. Поэтому ты нас ненавидел. Ты ни в одной из нас не видел жены. Только женщину. Только эпизод. Но эпизод поглотил всю твою жизнь. Почему бы тебе не подумать о жене, Жуан? Один-единственный раз. Это единственный путь к твоей геометрии.

Входит Лепорелло с епископом Кордовы.

Л е п о р е л л о. Его преосвященство!

Д о н Ж у а н. Простите, герцогиня Рондская, у меня деловой разговор с его преосвященством. Но я надеюсь вскоре вас увидеть за столом. Без вуали.

Д а м а. В Ронде, дорогой Жуан. *(Подбирает юбку и, сделав глубокий поклон, уходит в сопровождении Лепорелло, который закрывает за собой дверь.)*

Д о н Ж у а н. Видите, ваше преосвященство, ни минуты покоя. Все меня хотят спасти, женив на себе. Ваше преосвященство! *(Становится на колени.)* Благодарю вас, что вы пришли!

Е п и с к о п. Встаньте!

Д о н Ж у а н. Вот уже двенадцать лет, как меня преследует испанская церковь. Я стою перед вами на коленях не по привычке, а из глубокой благодарности к вам. Небо тому свидетель. Как я мечтал, ваше преосвященство, поговорить наконец с мужчиной!

Е п и с к о п. Встаньте!

Дон Жуан встает.

Что вы хотите мне сказать?

Д о н Ж у а н. Присядайте, ваше преосвященство!

Епископ садится.

Я не в состоянии больше ни видеть, ни слышать женщин, ваше преосвященство. Не могу понять Творца. Зачем ему понадобилось создавать два пола? Я много об этом думал — о мужчине и женщине, о неисцелимой ране, нанесенной роду человеческому, о видах и об отдельных особях, но в первую очередь — о личности, до сих пор не обретшей себя.

Епископ. Вы поближе к делу.

Дон Жуан садится.

О чем идет речь?

Дон Жуан. Говоря в двух словах — о создании легенды.

Епископ. Как, простите?

Дон Жуан. О создании легенды. (*Берет со стола графин.*) Забыл вас спросить, ваше преосвященство, вы пьете?

Епископ делает отрицательный жест.

Дон Жуан. У нас мало времени, скоро появятся дамы. Позвольте говорить без обиняков.

Епископ. Прошу вас.

Дон Жуан. Мое предложение в двух словах сводится к следующему: Дон Жуан Тенорио, ваш, так сказать, легендарный враг, сидящий перед вами в расцвете сил и собирающийся обрести бессмертие, более того, собирающийся стать мифом, — этот самый Дон Жуан Тенорио принял твердое решение умереть не позднее сегодняшнего дня.

Епископ. Умереть?

Дон Жуан. На известных условиях.

Епископ. На каких же?

Дон Жуан. Мы свои люди, ваше преосвященство. Буду откровенным: вы, то есть испанская церковь, выплачиваете мне скромную ренту и отдаете в мое распоряжение келью в монастыре — мужском монастыре. Келью не слишком маленькую, если позволите, и по возможности с видом на Андалузские горы. Там я буду жить, питаясь хлебом и вином, безымянный, не тревожимый женщинами, в полной тишине и наедине со своей геометрией.

Епископ. Гм...

Дон Жуан. А вы, епископ Кордовы, получите от меня то, в чем нуждаетесь гораздо больше, чем в деньгах: миф о богохульнике, которого поглотил ад. (*Пауза.*) Что вы на это скажете?

Епископ. Гм...

Дон Жуан. Ваше преосвященство, вот уже в течение двенадцати лет стоит этот памятник с неприятным для меня изречением: ДА РАЗВЕРЗНУТСЯ НЕБЕСА НАД НЕЧЕСТИВЦЕМ! А я, Дон Жуан Тенорио, прохаживаюсь мимо этого памятника всякий раз, как приезжаю в Севилью, здо-

ровехонек не хуже любого другого. Как долго, ваше преосвященство, как долго еще мне будет позволено безобразничать? Соблазнять, убивать, смеяться и как ни в чем не бывало проходить дальше? *(Встает.)* Что-то должно произойти, епископ Кордовы, непременно должно произойти.

Епископ. И произойдет!

Дон Жуан. Подумайте о моем влиянии на молодежь! Ведь она берет с меня пример. Я уже вижу приближение целой эпохи — пустой и никчемной, как я, но смелой от сознания своей безнаказанности. То будет поколение насмешников, возмнивших себя Дон Жуанами, людей мелко тщеславных, в погоне за модой презирающих все и вся, людей и недалеких и безнадежно глупых... Я уже вижу ее приближение...

Епископ. Гм...

Дон Жуан. А вы разве не видите?

Епископ берет со стола графин и наполняет стакан.

Поймите меня правильно, епископ Кордовы, я устал не только от дам, я духовно устал — устал от богохульства. Двенадцать лет жизни, безвозвратно погубленной этим ребяческим противоборством с голубым воздухом, называемым небесами! Я ни от чего не отступаюсь, но вы сами видите, ваше преосвященство, — мое богохульство меня же еще и прославило.

Епископ пьет.

Я в отчаянии.

Епископ пьет.

Тридцати трех лет от роду я разделил судьбу многих знаменитостей: всему миру известно о моих подвигах, но мало кто проник в их смысл. Меня охватывает ужас, когда я слышу, что обо мне болтают люди. Будто бы для меня все дело в женщинах!

Епископ. Но все же...

Дон Жуан. Вначале, признаюсь, это меня забавляло: о моих руках говорят, что они вроде волшебного жезла — разом отыскивают то, что законный супруг был не в силах отыскать в течение десяти лет брака. Я имею в виду источник наслаждения.

Епископ. Вы говорите о славном Лопесе?

Дон Жуан. Я не хочу называть имен, ваше преосвященство.

Епископ. Дон Бальтасар Лопес...

Дон Жуан. Я ко всему был готов, ваше преосвященство, но только не к скуке. Эти сладострастные рты, эти глаза — мутные глаза, суженные от страсти, — я не могу их больше видеть. Именно вы, епископ Кордовы, как никто другой, подогреваете мою славу. Вот в чем парадокс! Дамы, возвращаясь с ваших проповедей, мечтают обо мне, а мужья обнажают клинки прежде, чем я обращаю внимание на их жен, и таким образом мне приходится драться буквально на каждом шагу! Подобная постоянная тренировка сделала из меня виртуоза, и не успеваю я спрятать шпагу в ножны, вдовы уже виснут у меня на шее и рыдают в ожидании, что я их утешу. А что мне остается делать? Я вынужден идти на поводу своей славы, быть ее жертвой; а вот об этом в нашей деликатной Испании никто не говорит: ведь женщины меня просто насилуют! Есть и другой выход — оставить бедную вдову без внимания, повернуться к ней спиной и уйти. Но ведь это сложнее всего, ваше преосвященство! Вам-то уж хорошо известен мстительный характер женщин, которые тщетно ждут, что их соблазнят.

Стук в дверь.

Одну минуту!

Стук в дверь.

Епископ. Что вы на меня так смотрите?

Дон Жуан. Странно.

Епископ. Что странно?

Дон Жуан. Впервые вижу вас так близко, епископ Кордовы. Мне казалось, что вы гораздо полнее.

Епископ. Мой предшественник, может быть.

Дон Жуан. Тем не менее у меня такое чувство, будто мне ваше мрачное лицо хорошо знакомо. Где мы могли встречаться?

Стук в дверь.

Очень странно...

Стук в дверь.

Я говорил о своей беде.

Епископ. Вы оскверняли браки, разрушали семьи, соблазняли дочерей, убивали отцов, — не говоря уж о мужьях, переживших свой позор, — и вы, причина всех этих бед, вы осмеливаетесь говорить о какой-то своей беде!

Дон Жуан. Вы дрожите!

Епископ. Быть рогоносцем, над которым смеется вся Испания, — вы когда-нибудь испытывали что-либо подобное?

Дон Жуан. А вы, ваше преосвященство?

Епископ. Супруг, вроде этого славного Лопеса...

Дон Жуан. Что он вам дался, этот Лопес? Не родственник ли вы ему? Да, я знаю, он пожертвовал половиной своего состояния, чтобы испанская церковь не прекращала меня преследовать. Теперь он окружил мой дом своими шпиками. Вы побледнели, ваше преосвященство, но это же факт: не успеваю из дому выйти — кого-нибудь да заколю. Просто беда, ваше преосвященство, поверьте мне — наваждение какое-то!

Входит Лепорелло.

Не мешай нам!

Лепорелло уходит.

Епископ. Вернемся к существу дела.

Дон Жуан. Пожалуйста.

Епископ. Сотворение легенды.

Дон Жуан. Мне достаточно вашего согласия, епископ Кордовы, и легенда уже сотворена. Я нанял человека, который изобразит покойного командора, и дамы завопят, как только услышат его замогильный голос. Об этом не беспокойтесь! К тому же я засмеюсь нахальным смехом — и у них мурашки по спине пробегут... А когда в нужный момент раздастся грохот и дамы от страха спрячут лица — вот взгляните на это устройство под столом, ваше преосвященство, — тут же запахнет серой и дымом. Само собой разумеется, что все произойдет очень быстро. Неожиданность — мать чуда. А вы — так я себе это представлял — произнесете соответствующую случаю речь, как вы это обычно делаете, — речь о неотвратимости небесной кары, музыканты заиграют «Аллилуйю» — и конец.

Епископ. А вы?

Дон Жуан. Спрыгну в подвал. Взгляните на эту хитроумную крышку в полу. Конечно, я заору благим матом, вызывая у собравшихся ужас и сострадание — совсем по Аристотелю. В погребке я переоденусь в коричневую рясу, сбрею свои прославленные усы, и вскоре по пыльной дороге поплетется монах.

Епископ. Понимаю.

Д о н Ж у а н. Одно условие: мы оба храним тайну. Иначе все пропало. Слух о моем низвержении в ад мигом разнесется по всей стране, и чем меньше будет свидетелей, тем богаче воображение остальных распишет подробности происшествия. Не найдется никого, кто бы в нем усомнился. Все будут довольны — и дамы, и их мужья, и полчища кредиторов. Никто не останется в обиде. Что может быть чудеснее?

Е п и с к о п. Понимаю.

Д о н Ж у а н. Дон Жуан умер. Теперь я могу спокойно заняться своей геометрией. А церковь получит доказательство небесного правосудия. Другого столь убедительного примера вы не найдете во всей Испании.

Е п и с к о п. Понимаю.

Возвращается Лепорелло.

Л е п о р е л л о. Хозяин...

Д о н Ж у а н. В чем дело?

Л е п о р е л л о. Дамы пришли...

Д о н Ж у а н. Где они?

Л е п о р е л л о. Во дворе. Они негодуют, хозяин. Каждая думала — мол, с глазу на глаз... Если б я не запер ворота на задвижку, они бы все улетучились. Раскудахтались, как на андалузском птичьем дворе.

Д о н Ж у а н. Хорошо.

Л е п о р е л л о. Для точности скажу — вы ведь любите точность — теперь они немного успокоились, рассматривают друг друга и обмахиваются веерами.

Д о н Ж у а н. Пусть войдут. (*Посмотрев на епископа.*) Скажем, минут через пять.

Лепорелло уходит.

Ваше преосвященство, назовите мне монастырь.

Е п и с к о п. Вы говорите так уверенно...

Д о н Ж у а н. Конечно, церковь может устроить лишь абсолютно удавшаяся легенда. Ваши сомнения мне понятны. Епископ Кордовы, будьте совершенно уверены — история получится очень правдоподобной. Она вовсе не так оригинальна: сюжет старый — статуя убивает убийцу... Это встречается уже в античной литературе. Ну а насмешки над черепом, в наказание забирающим с собой насмешника на тот свет, — этот сюжет нам известен по бретонским балладам, которые распевают наши солдаты. Мы имеем дело с традицией.

Епископ снимает с себя шляпу и темные очки и предстает в своем подлинном облике.

Дон Бальтасар Лопес?

Л о п е с. Да.

Д о н Ж у а н. Ах, так...

Л о п е с. Мы с вами встречались всего лишь однажды. Да и виделись только миг. Белый занавес задел свечу, когда я открыл дверь и обнаружил вас у моей жены. Вспыхнуло пламя, помните? Мне пришлось его гасить.

Д о н Ж у а н. Помню.

Л о п е с. Драться было некогда.

Дон Жуан обнажает шпагу.

Теперь, когда я узнал, каким способом вы решили избежать мести, мне доставит особенное удовольствие разоблачить вашу кощунственную легенду. Впустите дам. Вы останетесь здесь, на этой земле, Дон Жуан Тенорио, так же, как и мы. И я не успокоюсь до тех пор, пока и вы, Дон Жуан Тенорио, не станете супругом.

Д о н Ж у а н. Ха-ха!

Л о п е с. А именно — супругом моей жены.

Входит Лепорелло.

Л е п о р е л л о. Дамы!

Л о п е с. Бывает, что и хороший шахматист идет не с той фигуры и неожиданно ставит самому себе мат.

Д о н Ж у а н. Это мы еще посмотрим.

Входят тринадцать дам. Все они в бешенстве, однако при виде мнимого епископа — Лопес вновь надел епископскую шляпу — замолкают. Дамы целуют полу его рясы. Сначала все приспосплено достоинства. Но потом:

Д о н н а Э л ь в и р а. Ваше преосвященство, нас обманули...

Д о н н а Б е л и з а. Бессовестно обманули!

Д о н н а Э л ь в и р а. Я думала, он при смерти...

Д о н н а И з а б е л л а. Я тоже...

Д о н н а В и о л а. Мы все так думали...

Д о н н а Э л ь в и р а. Честное слово, иначе я никогда бы не пришла...

Д о н н а Ф е р н а н д а. Все мы...

Д о н н а Э л ь в и р а. Я, вдова командора...

Д о н н а Ф е р н а н д а. Я тоже думала, он при смерти...

Д о н н а И н е с. Я тоже, я тоже...

Д о н н а Э л ь в и р а. Я думала, он раскаивается...

Д о н н а Б е л и з а. Мы все так думали...

Д о н н а И з а б е л л а. Я думала, он хочет покаяться...

Д о н н а В и о л а. Я была уверена...

Д о н н а Э л ь в и р а. Ваше преосвященство, я дама...

Д о н н а Б е л и з а. А мы?

Л о п е с. Донна Белиза...

Д о н н а Б е л и з а. Разве мы не дамы, ваше преосвященство?

Л о п е с. Успокойтесь, донна Белиза, я знаю: вы супруга славного Лопеса.

Д о н н а Б е л и з а. Не называйте этого имени.

Л о п е с. Почему?

Д о н н а Б е л и з а. Славный Лопес! Так он сам себя величает. А ведь он даже не бился из-за меня, ваше преосвященство, даже не дрался на шпагах. Все остальные мужья хотя бы дрались, а я единственная в этом кругу не вдова.

Л о п е с. Успокойтесь!

Д о н н а Б е л и з а. Славный Лопес!

Д о н н а Э л ь в и р а. Ваше преосвященство, я всего могла ожидать, но только не этого парада расфуфыренных неверных жен, которые осмеливаются ставить себя на одну доску со мной.

Д а м ы. Ах!

Д о н н а Э л ь в и р а. Вам только возмущаться пристало, хапжи несчастные! Сколько ни обмахивайтесь, я-то знаю, зачем вас потянуло в этот проклятый дом!

Д о н н а Б е л и з а. А вас?

Д о н н а Э л ь в и р а. Где он, ваш возлюбленный, где же он? Я ему сейчас глаза выцарапаю!

Д о н Ж у а н. Я здесь! (*Входит в круг разъяренных дам, как тореро.*) Благодарю вас за то, что вы все пришли. Впрочем, не все... Но мне кажется, вас вполне достаточно, чтобы отпраздновать мое сошествие в ад.

Л е п о р е л л о. Хозяин...

Д о н Ж у а н. Присядем, мои возлюбленные!

Дамы стоят, застыв в неподвижных позах и не обмахиваясь.

Признаюсь, странно видеть всех своих возлюбленных вместе, в одном зале. Очень странно... Я пытался себе заранее это представить, и ничего не получилось. Не знаю, что мне сказать в этот торжественный час вам, собравшимся здесь...

Вы такие чужие друг другу и все же близкие... Благодаря мне — чужие и близкие... И ни одна из вас не смотрит на меня...

Дамы обмахиваются.

Мои возлюбленные, когда-то мы любили друг друга!

Одна из дам плюет ему под ноги.

Сам удивляюсь, донна Виола, как мало осталось от всего этого...

Д о н н а И з а б е л л а. Меня зовут не Виолой.

Д о н Ж у а н. Прости!

Д о н н а В и о л а. Он назвал ее Виолой!

Д о н Ж у а н. И ты меня прости!

Д о н н а В и о л а. Этого я не вынесу!

Д о н Ж у а н. Как мимолетно, однако, ощущение, которое в тот самый миг, когда мы его испытываем, настолько близко подносит нас к вечности, что она ослепляет нас! О донна Фернанда, как все это горько!

Д о н н а И з а б е л л а. Я не Фернанда!

Д о н Ж у а н. Дорогая...

Д о н н а И з а б е л л а. Ты всех так называл: моя дорогая!

Д о н Ж у а н. Я никогда не мыслил это конкретно, донна Изабелла... Теперь я вспомнил, донна Изабелла! У тебя такая чувствительная душа, почему ты не зарыдала сразу же? (*Лопесу.*) Память у мужчин очень странная, вы правы. Они запоминают лишь второстепенное: белый занавес, задевший свечу...

Д о н н а Б е л и з а. О Господи!

Д о н Ж у а н. Или, например, шорох тростника, который меня так напугал, что я обнажил шпагу. А это была утка при луне...

Д о н н а В и о л а. О Господи!

Д о н Ж у а н. В памяти остаются предметы: безвкусная ваза, домашние туфли, фарфоровое распятие. Иногда запахи: аромат увядших мирр...

Д о н н а И з а б е л л а. О Господи!

Д о н Ж у а н. И так далее, и так далее. А на заре моей юности, такой короткой, я слышу хриплый лай собак в ночном парке.

Д о н н а Э л ь в и р а. О Господи!

Д о н н а К л а р а. О Господи!

Д о н н а И н е с. О Господи!

Д о н Ж у а н. И это все, что я могу вспомнить.

Дамы закрывают веерами лица.

Лепорелло, зажги свечи!

Лепорелло зажигает свечи.

Не знаю, отличаюсь ли я от других мужчин. Помнят ли они о почках, проведенных с женщинами? Мне становится страшно, когда я оглядываюсь на свою жизнь. Мне тогда кажется, что я как пловец — не оставляю следов. А у вас не так? И если юноша меня спросит: «А как это бывает с женщинами?» — я не знаю, что ему ответить, откровенно говоря. Забывается, как вкус еды, как боль, и лишь при повторении я вспоминаю: вот как это бывает, так всегда было...

Лепорелло зажег свечи.

Не знаю, доп Бальтасар, вы хотите теперь же открыться или попозже?

Д о н н а Б е л и з а. Что он сказал?

Л о п е с (*снимает с себя шляпу*). Меня зовут Лопес.

Д о н н а Б е л и з а. Ты?

Л о п е с. Дон Бальтасар Лопес.

Д о н Ж у а н. Если не ошибаюсь, казначей города Толедо и кавалер множества орденов, как видите. Господин Лопес всю свою жизнь брал на себя неблагодарную роль представителя оскорбленных мужей.

Л о п е с. Вашим насмешкам, Дон Жуан, пришел конец.

Слышен глухой стук.

Д о н Ж у а н. Тихо там!

Слышен глухой стук.

Слово имеет господин Лопес из Толедо.

Слышен глухой стук.

Л о п е с. Дамы, не пугайтесь! Я знаю, что здесь затеяли! Выслушайте меня!

Л е п о р е л л о. Хозяин...

Д о н Ж у а н. Тише!

Л е п о р е л л о. Двери заперты...

Дамы в ужасе кричат.

Л о п е с. Выслушайте меня!

Дамы подбегают к дверям.

Дон Жуан (*садится на край стола и наливает вино в свой бокал*). Выслушайте его!

Лопес. Дамы...

Дон Жуан. Разрешите мне тем временем выпить. Ужасно пить хочется. (*Пьет.*) Говорите же, наконец.

Лопес. Он не покинет этого дома, пока не будет наказан. Я об этом позаботился. Пришел час правосудия. Чаша преступлений переполнилась.

Дон Жуан. Мне казалось, давно уж. (*Пьет.*) И тем не менее ничего не произойдет. В этом вся штука. Разве вчера на кладбище мы не сделали все от нас зависящее, чтобы как следует поизмываться над командором?

Ле порелло. Хозяин...

Дон Жуан. Разве я не пригласил его на сегодняшнее торжество?

Донна Эльвира. Моего мужа?

Дон Жуан. Мой бравый слуга видел собственными глазами, как он кивнул своим каменным шлемом, твой муж, как бы говоря, что сегодня у него найдется время. Почему же он не приходит? Уже за полночь. Что же мне еще сделать, чтобы ваше небо наконец покларало меня?

Слышен глухой стук.

Лопес. Оставайтесь здесь, донна Эльвира!

Слышен глухой стук.

Все это неправда, низкий обман и жульничество, он хочет вас одурачить — вот и все. Посмотрите сюда — видите эту хитроумную машину под столом? Он хочет напугать вас серой и грохотом, чтобы вы от страха потеряли разум и поверили, что Дон Жуана поглотил ад... Весь этот суд небесный — сплошной спектакль, невиданное кошунство, придуманное, чтобы избежать земной кары. Его план — сотворив легенду, одурачить всю Испанию, чтобы избежать нашего наказания. Вот и все, и весь его план. Сплошной спектакль!

Дон Жуан смеется.

Будете отрицать?

Дон Жуан. Ни в коем случае!

Лопес. Дамы, вы слышали?

Дон Жуан. Сплошной спектакль!

Лопес. Смотрите: в полу крышка, смотрите сюда, дамы, вот эта крышка, убедитесь сами!

Дон Жуан смеется.

Сплошной спектакль!

Д о н Ж у а н. И ничего более. *(Пьет.)* Я уже в течение двенадцати лет повторяю: не существует в природе настоящего ада, потустороннего мира, небесного правосудия. Господин Лопес абсолютно прав: сплошной спектакль.

Л о п е с. Дамы, вы слышали?

Д о н Ж у а н. Вот здесь. *(Встает и подходит к занавесу в глубине сцены, открывает его. Виден памятник командору.)* Пожалуйста.

Дамы вскрикивают.

Что вы дрожите?

Г о л о с. Дон Жуан!

Л е п о р е л л о. Хозяин!.. Хозяин!..

Г о л о с. Дон Жуан!

Д о н Ж у а н. Сплошной спектакль.

Г о л о с. Дон Жуан!

Л е п о р е л л о. Хозяин! Он руку протянул!

Д о н Ж у а н. Вы видите, я его не боюсь, мои дорогие, яжимаю его каменную руку... *(Жмет руку памятнику.)*

Раздается грохот. Дым. Дон Жуан и памятник опускаются в люк, музыканты играют заказанную Дон Жуаном «Аллилуйю».

Л о п е с. Все это неправда, дамы, все это неправда! Клянусь вам! Не надо креститься!

Дамы опускаются на колени и крестятся.

Бабье!

Все двери отворяются. В каждой — по стражнику.

Почему вы ушли с ваших постов?

С т р а ж н и к. Где он?

Л о п е с. Теперь он добился своего...

Интермедия

На прощенииуме — Селестина и Лепорелло.

Селестина. Мне надо с ней поговорить наедине. Ты оставайся в коляске. Я тебя знаю. Увидишь монастырский сад, услышишь звон вечернего колокола — сразу и размякнешь. Того и гляди, сам согласишься, что он в аду.

Входит монахиня.

Сестра Эльвира?

Лепорелло уходит.

Меня совесть замучила, сестра Эльвира, вот я и пришла. Все из-за тогдашнего. Не надо было мне этого делать. Только теперь поняла, что натворила. Вот и мучаюсь, когда вижу, как вы молитесь целыми днями. И все из-за того, что поверили в приход Каменного гостя. Вот уж не думала, что кто-нибудь попадется на эту удочку! Честное слово! А сегодня вся Испания в это верит! Открыто никому и правды не скажешь. Бедняга Лопес! Слыхали о нем? Его изгнали из Испании только за то, что он открыто говорил: вся эта история с Каменным гостем — надувательство. Сестра Эльвира, ведь это я изображала Каменного гостя, не кто иной, как я! Бедный Лопес! Об этом вы уже знаете — бедняга повесился в Марокко, после того как подарил все свое состояние испанской церкви. А теперь ему и испанская церковь не верит! Почему так трудно пробиться правде в Испании? Я три часа сюда добиралась, чтобы рассказать вам правду, сестра Эльвира, голую правду. Послушайте меня! Ведь меня последней посвятили в эту дурацкую историю, и теперь мне горько думать, что из-за этого вы ушли в монастырь, сестра Эльвира, только из-за этого. Между нами, сестра Эльвира: он вовсе не в аду. Поверьте мне! Я знаю, где он, но сказать не имею права. Меня подкупили, сестра Эльвира, и заплатили очень

прилично. А то на какие бы деньги я паняла его слугу! Сестра Эльвира, говорю вам как женщина женщине: Дон Жуан жив, я видела его собственными глазами. Ни о каком аде и речи нет. Можете молиться сколько хотите.

Вечерний звон колокола. Монахиня уходит.

Ничего не поделаешь!

Входит Лепорелло.

Марш на кNзлы! У меня нет времени на людей, которые из-за боязни правды ударились в религию. Перекрестись!

Л е п о р е л л о. Селестина...

С е л е с т и н а. Дон Жуан в аду!

Л е п о р е л л о. А мое жалованье? Жалованье мое!

С е л е с т и н а. Марш на козлы!

Л е п о р е л л о. «Voilà par sa mort un chacun satisfait: Ciel offensé, lois violées, filles sàduites, familles déshonorées parents outragés, femmes mises é màl, maries poussés é bout, tout le monde est content. Il n'y a que moi seul de malheureux, qui, après tant d'années de service, n'ai poind d'autre récompense que de voir é mes yeux l'impiété de mon maître punie par le plus épouvantable càtiment du monde!»¹

¹ Смерть Дон Жуана всем на руку. Разгневанное небо, поправный закон, соблазненные девушки, опозоренные семьи, оскорбленные родители, погубленные женщины, мужья, доведенные до крайности, — все довольны. Не повезло только мне: прослужив столько лет, я не получил другой награды, кроме возможности увидеть собственными глазами, как нечестивую жизнь моего хозяина постигла самая страшная кара на свете! (франц.)

АКТ ПЯТЫЙ

Лоджия.

На переднем плане стол, накрытый на двоих. Дон Жуан явно кого-то ждет. Вскоре он, потеряв терпение, звонит в колокольчик. Входит слуга.

Д о н Ж у а н. Сколько раз надо просить, чтобы меня не отрывали зря от работы и не звали раньше времени к столу! Снова целых полчаса жду! И так дни чересчур коротки. Я знаю, Алонзо, ты тут ни при чем. *(Берет в руки книгу.)* Где же она?

Слуга пожимает плечами.

Спасибо. Хорошо. Я тебе ничего не говорил.

Слуга уходит.

(Пробует читать, потом швыряет книгу в угол. Кричит.) Алонзо! Позовешь меня, когда все будет готово. Я у себя в келье! *(Собирается уходить.)*

Из сада выходит толстый епископ Кордовы, бывший отец Диего.

В руке у него астра.

Е п и с к о п. Куда спешите?

Д о н Ж у а н. Ах!

Е п и с к о п. Мы вас ждали в саду. Божественный вечер! Жаль, что сегодня я не могу остаться. Стоя в ваших аркадах над пропастью и любуясь потоком Ронды и астрами, пылающими в последних лучах заходящего солнца, наслаждаясь прохладной голубизной вечерней долины, я всякий раз думаю: у вас под ногами суший рай!

Д о н Ж у а н. Я знаю.

Е п и с к о п. Уже осень...

Д о н Ж у а н. Выпьем вина, Диего?

Е п и с к о п. С удовольствием.

Дон Жуан наполняет два бокала вином из графина.

Я только что говорил: до чего эти мавры, создавшие такие сады, умели улаживать тело! Надо же было обладать таким талантом! Все эти анфилады сквозных дворов, наполненных прохладой и тишиной... Тишиной ни в коем случае не могильной, но пронизанной тайной голубых просторств, исчезающих сквозь изящную резьбу решеток. Мы купаемся в этих тенях и дышим прохладой, просвечиваемой золотыми бликами вечернего солнца на каменных стенах. Как остроумно! Как красиво! И все — для улады нашей кожи! Я не говорю уже о фонтанах. С каким искусством они, эти мавры, заставили природу играть на струнах наших чувств! С каким мастерством наслаждались непостоянством материи! С каким умением заботились об одухотворенности плоти! Какая культура! (*Нюхает астру.*) Герцогиня сейчас придет.

Д о н Ж у а н. Да-да.

Е п и с к о п. Она себя неважно чувствует.

Дон Жуан подносит епископу бокал вина.

Как поживает геометрия?

Д о н Ж у а н. Спасибо.

Е п и с к о п. Меня очень заинтересовало то, что вы мне говорили в прошлый раз. Все, что вы рассказывали об измерениях и о том, что геометрия откроет истину, какую мы и представить себе не можем... Я правильно запомнил? Линия, плоскость, пространство... Но что же будет четвертым измерением? И все же вы теоретически доказали, что оно существует...

Дон Жуан осушает свой бокал.

Что с вами, Дон Жуан?

Д о н Ж у а н. Со мной? Ничего. С чего вы взяли? Все в порядке. (*Наполняет бокал.*) Пустяки. (*Осушает второй бокал.*) А что вы имели в виду?

Е п и с к о п. За ваше здоровье.

Д о н Ж у а н. За ваше. (*В третий раз наполняет свой бокал.*) Каждый день прошу об одном — чтоб меня раньше времени не звали к столу. И ничего не могу поделать. Сначала все было из-за гонга: герцогиня его не слышала, потому что его забивала трескотня кузнечиков. Тогда я заказал другой, который перекрывает шум Ронды. Только подумайте: вся Ронда знает, когда здесь подают обед. Одна герцогиня не знает. Сколько раз я твердил своим слугам, чтобы первой звали к столу герцогиню и только

потом меня. Вам смешно! Я знаю, это мелочи, о них и говорить не стоит. Но они-то и превращают мою жизнь в пытку. Что мне делать? Ведь я ее пленник, не забывайте об этом, я не могу уйти из замка. Если меня увидят снаружи — легенде конец, а это значит, что мне вновь придется войти в образ Дон Жуана. (*Выпивает третий бокал.*) Не будем об этом говорить.

Епископ. Дивный херес!

Дон Жуан молчит, с трудом сдерживая гнев.

Дивный херес!

Дон Жуан. Простите! (*Наполняет бокал епископа.*) Я вам ничего не говорил.

Епископ. За ваше здоровье!

Дон Жуан. За ваше.

Епископ. Герцогиня — чудесная женщина. (*Пьет.*) Она счастлива и при этом умна. Она прекрасно знает, что вы, ее муж, вовсе не так уж счастливы, и это единственное, на что она мне жалуется, когда мы остаемся одни.

Дон Жуан. Я знаю, она тут ни при чем.

Епископ. Но?

Дон Жуан. Не будем об этом говорить.

Епископ пьет.

Каждый раз, когда я вхожу в эту лоджию, каждый раз — изо дня в день, из года в год — меня охватывает чувство, что я этого не вынесу. Пустяки? Но я действительно этого не вынесу! А когда она наконец является, я делаю вид, что все это и впрямь пустяки. Мы садимся за стол, и я говорю: приятного аппетита.

Епископ. Вы ее любите.

Дон Жуан. И это тоже. Когда она неделю проводит в Севилье, где она красит волосы, не скажу, что я тоскую...

Епископ. Но все же тоскуете?

Дон Жуан. Да.

Епископ. Плохо, когда мужчина одинок, как сказано в Писании, вот Господь и создал ему спутницу жизни.

Дон Жуан. Он решил, что тогда все будет в порядке?

Входит слуга с серебряным подносом.

Еще рано.

Слуга уходит.

Серьезно, я теперь более, чем когда-либо, педоволен Творцом, расколовшим нас на мужчин и женщин. Я каждый раз дрожу за столом. Чудовищно, что человек сам по себе еще не целое! И чем сильнее его мечта стать целым, тем более он проклят судьбой, отдавшей его в рабство другому полу. Чем мы это заслужили? А ведь я обязан быть благодарным, я это знаю. Приходится выбирать между смертью и жизнью здесь — в этом замке. И быть благодарным за эту тюрьму, утопающую в райских садах.

Епископ. Мой друг!

Дон Жуан. Это тюрьма!

Епископ. Из сорока четырех комнат! Что же тогда говорить другим, Дон Жуан, у кого совсем маленькие квартиры?

Дон Жуан. Я им завидую.

Епископ. В чем же?

Дон Жуан. Они сходят с ума и не замечают это... Почему меня не пустили в монастырь?

Епископ. Не всем суждено жить в монастыре!

Дон Жуан. Плодитесь и размножайтесь!

Епископ. Так сказано в Писании.

Дон Жуан. Вы знаете, никакие проклятия, ни одна шпaga в мире не могли заставить меня дрожать! Но вот она — женщина, которая меня любит, — ежедневно доводит меня до этого. Как ей удастся? Я только вижу, что не в силах высмеивать то, что достойно осмеяния, что я мирюсь с тем, с чем нельзя мириться. Пусть она женщина. Пусть она лучше любой другой женщины в мире, но все же она женщина, а я мужчина. И тут уже ничего не поделаешь, ваше преосвященство, тем более — доброй волей. Начинается борьба благородства — кто раньше пристыдит другого великодушием. Посмотрели бы вы на нас, когда мы одни! Ни одного громкого слова! Сплошная идиллия. Правда, был такой случай — однажды в стену полетел стакан. Но больше этого не повторится. Мы довели дело до чудовищного благородства. Один страдает оттого, что другой не вполне счастлив. Что еще нужно для полного совершенства? Не хватает одного — чтобы мой пол накинул на меня последнюю петлю...

Епископ. А именно?

Дон Жуан. Сделал меня отцом. Что мне тогда останется? Не могу же я ее винить! Как всегда, будем садиться за стол и говорить друг другу — приятного аппетита!

Входит Миранда, герцогиня Рондская.

М и р а н д а. Я не помешала вам?

Е п и с к о п. Ну что вы, дорогая Миранда! Мы только что говорили о сошествии Дон Жуана в ад. (*Дон Жуану.*) Вы видели эту постановку в Севилье? (*Миранде.*) Они это показывают в театре.

М и р а н д а. Постановка, вы сказали?

Е п и с к о п. Пьеса называется «Севильский озорник, или Каменный гость». Мне недавно пришлось ее посмотреть, потому что считается, что ее написал наш приор — Габриэль Тельес.

М и р а н д а. Вам понравилось?

Е п и с к о п. Придумано довольно остроумно: Дон Жуана действительно поглощает ад, и публика испытывает ужас и сострадание. Вам обязательно надо посмотреть этот спектакль, Дон Жуан.

Д о н Ж у а н. Посмотреть, как меня поглощает ад?

Е п и с к о п. А что еще остается театру? Показать правду — невозможно, ее можно только выдумать. Представим себе публику, которая увидела бы подлинного Дон Жуана — здесь, в его осенней лоджии, в Ронде! Дамы на обратном пути стали бы ликовать. «Вот видишь!» — говорили бы они своим мужьям. А мужья злорадно бы потирали руки — Дон Жуан под сапогом! Ведь необычайное нередко чрезвычайно смахивает на обычное. А где, закричали бы мои секретари, где же наказание? Таких недоразумений было бы множество. Какой-нибудь молодой фат, изображающий пессимиста, непременно бы стал разъяснять: «Брак — это сущий ад!» Не оберешься пошлостей! Было бы ужасно, если бы публике показали на сцене правду! (*Протягивая руку.*) Прощайте, герцогиня Рондская!

М и р а н д а. Вам действительно надо уходить?

Е п и с к о п. Надо. (*Протягивая руку Дон Жуану.*) Прощайте, Севильский озорник!

Д о н Ж у а н. Ее напечатают?

Е п и с к о п. Полагаю. Людям безумно нравится видеть человека, которому на сцене позволено делать все то, о чем они только мечтают, и которому в конце концов приходится за это поплатиться.

М и р а н д а. А меня в этой пьесе нет, Диего?

Е п и с к о п. Нет.

М и р а н д а. Слава Богу!

Е п и с к о п. Меня в ней тоже нет. Слава Богу, а то пришлось бы запретить эту пьесу, а театру она нужна позарез.

Впрочем, я сомневаюсь, действительно ли ее написал Тирсо де Молина. Уж слишком все набожно в ней, да и стилистически она ниже уровня его прочих пьес. Но как бы то ни было... (*Кладет на стол астру.*) Благослови Господь вашу трапезу. (*Уходит в сопровождении Дон Жуана.*)

Миранда одна. Видно, что ей нездоровится. Она находит на полу книгу. Дон Жуан возвращается.

М и р а н д а. Что случилось с книгой?

Д о н Ж у а н. Да так...

М и р а н д а. Это ты зашвырнул ее в угол?

Д о н Ж у а н. Что это за книга?

М и р а н д а. Ты только что спрашивал, напечатают ли ее. Вот смотри: «Севильский озорник, или Каменный гость».

Д о н Ж у а н. Значит, он нам ее подарил.

М и р а н д а. А зачем ты швырнул ее в угол?

Дон Жуан поправляет кресло.

Нам не пора обедать? (*Садится.*) Ты чем-нибудь недоволен?

Дон Жуан садится.

Ты несправедлив ко мне, Жуан.

Д о н Ж у а н. Конечно, дорогая, конечно.

М и р а н д а. Мне действительно надо было прилечь на минуту.

Д о н Ж у а н. Выпьешь вина?

М и р а н д а. Нет, спасибо.

Д о н Ж у а н. Что так?

М и р а н д а. У меня голова закружилась... Мне кажется, Жуан, у нас будет ребенок.

Д о н Ж у а н. Ребенок...

Входит слуга.

Дождались наконец.

Слуга уходит.

М и р а н д а. Только не говори, что ты этому рад, Жуан. Но если я увижу, что ты действительно рад, я буду счастлива.

Входит слуга с серебряным подносом и накрывает на стол.

Д о н Ж у а н. Приятного аппетита.

М и р а н д а. Приятного аппетита.

Молча сдят.

Занавес медленно опускается.

БИДЕРМАН И ПОДЖИГАТЕЛИ

*Назидательная пьеса
без морали*

B i e d e r m a n n u n d d i e B r a n d s t i f t e r
E i n L e h r s t ü k o h n e L e h r e

1957

© 1976 Suhrkamp Verlag
Frankfurt am Main

Действующие лица

Г-н Бидерман
Бабетта, его жена
Анна, служанка
Шмиц, борец
Айзенринг, официант
Полицейский
Доктор философии
Вдова Кнехтлинг
Хор пожарников

Действующие лица эпилога

Г-н Бидерман
Бабетта
Анна
Вельзевул
Фигура
Полицейский
Мартышка
Вдова Кнехтлинг
Хор пожарников

*Действие происходит в доме
и на чердаке*

На сцене темно;
потом загорается спичка и освещает лицо г-на Бидермана,
закуривающего сигару. Когда на сцене становится светлее,
г-н Бидерман оглядывается по сторонам. Вокруг него стоят
пожарники в касках.

Б и д е р м а н. Уже до того дошло, что и сигару заку-
рить нельзя, все думаешь о пожаре! Ужас, ужас... (*Пря-
чет дымящуюся сигару и уходит.*)

Пожарная команда, подобно античному хору, выступает вперед.
Часы на башне бьют четверть.

Х о р.
Житель города, нас,
Стражей города, зри —
Бдящих,
Хранящих
Жителей мирных мирный покой.
К о р и ф е й.
Ты нас содержишь недаром.
Х о р.
В касках сверкающих
Дом от беды твой храним,
Глаз не смыкаем, верные.
К о р и ф е й.
Если присядем порой —
Сон нас бежит все равно, неусыпных,
Х о р.
Бдящих,
Зрящих,
Чтоб не проспать сокрытое,
В час погасить положенный
Огнеопасное.

Часы на башне бьют половину.

К о р и ф е й.
Огнеопасно многое,

Но не все, что горит, есть рок
Неумолимый.

Х о р.

Многое также, что роком зовешь ты,
Не вопрошая, откуда оно,
Города сокрушающее, жестокое —
Есть неразумие

К о р и ф е й.

Человеческое,

Х о р.

Слишком человеческое,

К о р и ф е й.

Смертному роду сограждан грозящее.

Часы на башне бьют три четверти.

Х о р.

Разуму много дано.

К о р и ф е й.

Истинно:

Х о р.

Не стоит Бога,

Не стоит человека,

Человеческое уважающего,

Называть этим именем,

И землю божественную,

Плодородную, любвеобильную,

И воздух, которым дышишь ты,

И солнце не стоит

Называть этим именем —

Именем рока, — из-за того лишь,

Что случилось безумие,

Неугасимое!

Часы на башне бьют четыре четверти.

К о р и ф е й.

Наша смена настала.

Хор с боем часов — десять — садится.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дом.

Бидерман сидит в своей комнате, курит сигару и читает газету.
Анна — служанка в белом переднике — вносит бутылку вина.

А н н а. Господин Бидерман...

Ответа нет.

Господин Бидерман!

Б и д е р м а н (*складывает газету*). Нет, их просто надо вешать. Я давно говорил. Опять поджог! И опять та же самая история, точь-в-точь: опять какой-то разносчик приютился на чердаке — безобидный вроде бы разносчик... (*Берет бутылку.*) Нет, их просто надо вешать! (*Берет штопор.*)

А н н а. Господин Бидерман...

Б и д е р м а н. Ну что там?

А н н а. Он не уходит.

Б и д е р м а н. Кто?

А н н а. Да этот разносчик. Хочет с вами поговорить.

Б и д е р м а н. Меня нет дома!

А н н а. Я ему уже говорила, господин Бидерман, еще час назад. А он говорит, что он вас знает. Господин Бидерман, я не могу вышвырнуть этого человека за дверь. Просто не могу.

Б и д е р м а н. То есть как — не можете?

А н н а. А он очень сильный...

Б и д е р м а н (*вытаскивает пробку*). Скажите, чтобы пришел завтра ко мне в контору.

А н н а. Я уже три раза говорила, но его это не интересует.

Б и д е р м а н. То есть как — не интересует?

А н н а. Ему не нужна туалетная вода.

Б и д е р м а н. А чего же он хочет?

А н н а. Человечности.

Б и д е р м а н (*нюхает пробку*). Скажите ему, что, если он сию же минуту не уберется, я собственноручно выпрыгну его за дверь. (*Не спеша наполняет свой бокал бургундским.*) Человечности! (*Пробует вино.*) Пускай подождет на лестничной площадке. Я сейчас выйду. Если он что-нибудь продает — трактаты там или бритвенные лезвия, — я не изверг, но — я не изверг, Анна, вы это прекрасно знаете! — но в дом я никого не впускаю. Я уже тысячу раз вам это говорил! Пускай даже у нас три свободные кровати — об этом не может быть и речи, да-да, и речи быть не может. Мы все знаем, к чему это может привести — в наше время...

Анна собирается идти и видит, что незнакомец уже вошел: он атлетического телосложения, костюм его вызывает ассоциации отчасти с тюрьмой, отчасти с ареной — на руке татуировка, на запястьях кожаные ремни. Анна выскальзывает за дверь.

Незнакомец выжидает, пока Бидерман не отойдет вино и не обернется.

Ш м и ц. Здравствуйте.

Бидерман с испугу роняет сигару изо рта.

Ваша сигара, господин Бидерман... (*Поднимает сигару и отдает ее Бидерману.*)

Б и д е р м а н. Послушайте...

Ш м и ц. Здравствуйте.

Б и д е р м а н. Что это значит? Я совершенно ясно сказал горничной, чтобы вы подождали на лестничной площадке. Как же вы... Нет, что это такое? Без стука...

Ш м и ц. Меня зовут Шмиц.

Б и д е р м а н. Без стука.

Ш м и ц. Шмиц, Йозеф.

Молчание.

Здравствуйте!

Б и д е р м а н. И чего вы хотите?

Ш м и ц. Господин Бидерман, можете не бояться: я не разносчик.

Б и д е р м а н. А кто же вы?

Ш м и ц. По профессии — борец.

Б и д е р м а н. Борец?

Ш м и ц. В тяжелом весе.

Б и д е р м а н. Да, я вижу.

Ш м и ц. Я хочу сказать — был.

Б и д е р м а н. А теперь?

Ш м и ц. Безработный. *(Пауза.)* Вы не пугайтесь, господин Бидерман, работы я не ищу. Мне эта борьба осточертела... На улице такой дождь, вот я и заглянул сюда. *(Пауза.)* У вас тепло. *(Пауза.)* Надеюсь, я не помешал?

Пауза.

Б и д е р м а н. Вы курите? *(Предлагает сигары.)*

Ш м и ц. Благодарю вас! Это так неприятно, господин Бидерман, когда ты такой вымахал. Все тебя боятся...

Бидерман зажигает спичку.

Благодарю вас.

Стоят и курят.

Б и д е р м а н. Ну хорошо, короче. Чего вы хотите?

Ш м и ц. Меня зовут Шмиц.

Б и д е р м а н. Вы уже сказали, очень приятно.

Ш м и ц. Вот — остался без крова. *(Подносит сигару к носу и наслаждается ее ароматом.)* Остался без крова.

Б и д е р м а н. Может, вам — хлеба?

Ш м и ц. Если нет ничего другого...

Б и д е р м а н. Стаканчик вина?

Ш м и ц. Хлеба и вина... Но только если я не помешал, господин Бидерман, только если я не помешал!

Б и д е р м а н *(идет к двери)*. Анна! *(Возвращается.)*

Ш м и ц. Ваша прислуга мне сказала, что вы хотели собственноручно меня вышвырнуть, господин Бидерман, но я подумал: не может быть, чтобы господин Бидерман это серьезно...

Входит Анна.

Б и д е р м а н. Анна, принесите второй бокал.

А н н а. Как угодно.

Б и д е р м а н. Да, и хлеба.

Ш м и ц. И если барышне не трудно — еще масла. Ну, там и сырку, кусочек ростбифа — чего-нибудь такого. Только чтобы не было лишнего беспокойства. Огурчиков, помидорчиков — чего-нибудь такого, горчицы немного — что там найдется, барышня.

А н н а. Как угодно.

Ш м и ц. Только чтобы не было лишнего беспокойства.

Анна уходит.

Б и д е р м а н. Вы сказали горничной, что знаете меня?

Ш м и ц. Еще бы, господин Бидерман, еще бы.

Б и д е р м а н. Откуда же?

Ш м и ц. Только с лучшей стороны, господин Бидерман, только с лучшей стороны. Вчера в пивной господин Бидерман меня совсем не замечали — я понимаю, понимаю, я сидел в углу, — все посетители были в восторге, господин Бидерман, каждый раз, когда вы стучали кулаком по столу.

Б и д е р м а н. А что же я говорил?

Ш м и ц. Про единственный выход. (*Затягивается сигарой.*) Вешать их надо. Всех подряд. Чем скорее, тем лучше. Перевешать. Поджигателей этих...

Б и д е р м а н (*предлагает Шмицу кресло*). Прошу, садитесь, пожалуйста.

Ш м и ц (*садится*). Такие люди, как вы, господин Бидерман, — вот кто нам нужен!

Б и д е р м а н. Да-да, конечно, но...

Ш м и ц. Никаких «но», господин Бидерман, никаких «но»! Вы — человек старой закалки, у вас еще есть принципы. Это сразу видно.

Б и д е р м а н. Да, конечно...

Ш м и ц. У вас еще есть гражданское мужество.

Б и д е р м а н. Разумеется...

Ш м и ц. В том-то и дело.

Б и д е р м а н. В чем?

Ш м и ц. У вас еще сохранилась совесть, неподкупная совесть. Это вся пивная почувствовала.

Б и д е р м а н. Да-да, разумеется...

Ш м и ц. Господин Бидерман, это вовсе не разумеется. В наше-то время. Например, в цирке, где я выступал, — кстати, потому он и сгорел, весь этот цирк! Так вот, наш директор, к примеру, говорил: «А подите вы, Зепп! — Меня зовут Йозеф. — Подите вы туда-то и туда-то! На черта мне совесть?» Буквально! «Что мне нужно, чтобы управляться с моими тварями, так это плетка». Буквально! Вот какой был тип. «Совесть! — И прямо хохочет: — Если у кого и есть совесть, то, скорее всего, нечистая...» (*С наслаждением затягивается.*) Царствие ему небесное.

Б и д е р м а н. Он что же, умер?

Ш м и ц. Сгорел к черту со всем бараклом...

Настольные часы бьют девять.

Б и д е р м а н. Не понимаю, чего это горничная там замешкалась?

Ш м и ц. Я подожду.

Вдруг встречаются глазами.

Свободной кровати у вас нет, господин Бидерман, барышня мне уже сказала...

Б и д е р м а н. Почему вы смеетесь?

Ш м и ц. «К сожалению, кровати нет!» — все так говорят, стоит только бесприютному человеку... А мне ведь вовсе и не нужна кровать.

Б и д е р м а н. Не нужна?

Ш м и ц. Я, господин Бидерман, привык спать на полу. Мой отец был угольщиком. Я привычный... (*Затягивается; пауза.*) Никаких «но», господин Бидерман, прошу вас, никаких «но»! Вы ведь не из тех, кто орет в пивных просто потому, что у самого штаны полны от страха. Вам я верю. «К сожалению, кровати у нас нет!» — все так говорят, но вам, господин Бидерман, вам я верю на слово... Куда же мы придем, если перестанем верить друг другу? Я всегда говорил: братцы, куда же мы так придем? Каждый считает другого поджигателем, кругом сплошное недоверие. Скажете, я неправ? Вы первый в нашем городе, кто не относится к нашему брату как к поджигателю...

Б и д е р м а н. Вот пепельница.

Ш м и ц. Скажите, я неправ? (*Вдумчиво стряхивает пепел с сигары.*) Большинство людей нынче верит не в Бога, а в пожарную команду.

Б и д е р м а н. Что вы этим хотите сказать?

Ш м и ц. Истинную правду.

Анна вносит поднос.

А н н а. Ростбифа у нас нет.

Ш м и ц. Этого достаточно, барышня, вполне достаточно — вот только горчичку вы забыли.

А н н а. Ах, простите! (*Выходит.*)

Б и д е р м а н. Кушайте! (*Наполняет бокалы.*)

Ш м и ц. Так принимают далеко не у каждого, господин Бидерман. Уж можете мне поверить! Мне довелось повидать такое! Стоит только нашему брату переступить через порог — без галстука, беспризорному, голодному, — сразу тебе: «садитесь, пожалуйста!» — а через черный ход зовут полицию. Что на это скажешь? Я прошу крова, ничего больше, — честный борец, который всю свою жизнь дрался; и вот такой господинчик, который в жизни никогда не дрался, хватает нашего брата за шиворот. Почему,

я спрашиваю? И повернешься — просто так, посмотреть на него, — а глядь, у него плечо вывихнуто. (*Берет бокал.*) Ваше здоровье!

Пьют. Шмиц начинает подкрепляться.

Б и д е р м а н. Уж такие нынче времена, уважаемый, такие времена. Только раскроешь газету — опять поджог! И опять та же самая история, точь-в-точь: опять какой-то разносчик просит приютить его, а наутро весь дом полыхает... Я хочу сказать — уж если говорить начистоту — некоторое недоверие в таких случаях понятно. (*Берет газету.*) Вот — пожалуйста! (*Кладет развернутую газету рядом с тарелкой Шмица.*)

Ш м и ц. Видел, видел.

Б и д е р м а н. Целый квартал. (*Встает, чтобы показать Шмицу.*) Вот, читайте, читайте!

Ш м и ц (*подкрепляется, читает, отпивает вино*). «Божоле»?

Б и д е р м а н. Да.

Ш м и ц. Самую капельку бы потеплее. (*Читает по верх тарелки.*) «...Создается впечатление, что поджог был подготовлен и осуществлен по тому же образцу, что и в последний раз».

Встречаются глазами,

Б и д е р м а н. Это просто уму непостижимо!

Ш м и ц (*откладывает газету в сторону.*) Потому я и не читаю газет.

Б и д е р м а н. Что вы хотите этим сказать?

Ш м и ц. Да что там всегда одно и то же пишут.

Б и д е р м а н. Да-да, уважаемый, конечно, но это же не выход, уважаемый, — просто не читать газет; в конце концов, должен человек знать, что его ожидает.

Ш м и ц. Зачем?

Б и д е р м а н. Ну... просто так.

Ш м и ц. Ах, все равно он придет, господин Бидерман. Все равно придет. (*Обнюхивает колбасу.*) Суд Божий. (*Отрезает кусок.*)

Б и д е р м а н. Вы думаете?

Входит Анна с горчицей.

Ш м и ц. Вот спасибо, голубушка, вот спасибо.

А н н а. Еще что-нибудь?

Ш м и ц. Нет, на сегодня хватит.

Анна остается в дверях.

Уважаю горчицу! *(Выдавливает горчицу из тюбика.)*

Б и д е р м а н. Почему же суд Божий?

Ш м и ц. А я почему знаю... *(Ест и опять заглядывает в газету.)* «...У властей создается впечатление, что поджог был подготовлен и осуществлен по тому же образцу, что и в последний раз». *(Издает смешок и снова наполняет свой бокал.)*

А п п а. Господин Бидерман...

Б и д е р м а н. Ну что еще?

А п п а. Господин Кнехтлинг хочет с вами поговорить.

Б и д е р м а н. Кнехтлинг? Сейчас? Кнехтлинг?

А п п а. Он говорит...

Б и д е р м а н. Не может быть и речи.

А п п а. Он говорит, что совсем вас не понимает.

Б и д е р м а н. А чего ему понимать?

А п п а. Он говорит, что у него больная жена и трое детей.

Б и д е р м а н. Я сказал — не может быть и речи. *(Встает от раздражения.)* Господин Кнехтлинг! Господин Кнехтлинг! Пусть господин Кнехтлинг оставит меня в покое, черт побери, или наймет себе адвоката. Да-да! Мой рабочий день кончился! Господин Кнехтлинг! Подумаешь, важность — уволили! Смешно! В наше время страхование поставлено так, как никогда еще в истории человечества... Да! Пускай берет адвоката. Я тоже возьму. Доля в изобретении! Пускай откроет газ или возьмет адвоката — ради Бога! — если господин Кнехтлинг может себе позволить проиграть или выиграть судебный процесс. Пожалуйста! Ради Бога! *(Взглянув на Шмица, берет себя в руки.)* Скажите господину Кнехтлингу, что у меня гости.

Анна выходит.

Извините, пожалуйста!

Ш м и ц. Вы здесь дома, господин Бидерман.

Б и д е р м а н. Угощайтесь, угощайтесь. *(Садится и смотрит, как гость угощается.)*

Ш м и ц. Ну кто бы мог подумать! Да-да, кто бы мог подумать, что такое еще бывает в наше время.

Б и д е р м а н. Горчица?

Ш м и ц. Человечность. *(Закрывает тюбик.)* Что я хочу сказать: вот вы меня не хватаете просто за шиворот,

господин Бидерман, и не выгоняете нашего брата на улицу — в дождь! — понимаете, господин Бидерман, это и есть то, что нам так необходимо — человечность. (*Берет бутылку и подливает себе.*) Господь вам воздаст. (*Пьет с явным удовольствием.*)

Б и д е р м а н. Вы не подумайте, господин Шмиц, что я какой-нибудь изверг...

Ш м и ц. Господин Бидерман!

Б и д е р м а н. А вот фрау Кнехтлинг утверждает, что да!

Ш м и ц. Будь вы извергом, господин Бидерман, вы бы меня сегодня не приютили. Это яснее ясного.

Б и д е р м а н. Вот видите!

Ш м и ц. Пусть даже и на простом чердаке. (*Ставит свой стакан.*) Вот сейчас температурка что надо.

Звонок в прихожей.

Полиция?

Б и д е р м а н. Нет-нет, жена...

Ш м и ц. Гм...

Опять звонок.

Б и д е р м а н. Идите скорей!.. Только прошу вас, уважаемый, чтобы никакого шума! У жены больное сердце...

За дверью слышны женские голоса; Бидерман делает Шмицу знак поторопиться и помогает ему забрать поднос со стаканом и бутылкой. Оба уходят на цыпочках направо, но натыкаются на хор.

Прошу прощения! (*Перешагивает через скамью.*)

Ш м и ц. Прошу прощения! (*Перешагивает через скамью.*)

Оба исчезают. Слева в комнату входит фрау Бидерман в сопровождении Анны, помогающей ей раздеваться.

Б а б е т т а. Где муж? Вы знаете, Анна, что мы не какие-нибудь ханжи: вы можете заводить себе кавалеров, но я не хочу, Анна, чтобы вы прятали их у нас в доме.

А н н а. Но у меня нет кавалера, фрау Бидерман.

Б а б е т т а. А чей это ржавый велосипед стоит внизу у нашего парадного? Я перепугалась до смерти...

Чердак.

Бидерман включает свет, и чердак освещается. Делает знак Шмицу, чтобы тот входил. Говорят только шепотом.

Б и д е р м а н. Вот здесь выключатель... Если замерзните — где-то тут была, по-моему, старая овчинка... Да тише вы, черт побери! Снимите башмаки!

Шмиц ставит поднос и снимает один башмак.

Господин Шмиц!

Ш м и ц. Да, господин Бидерман?

Б и д е р м а н. Но вы мне обещаете, вы точно не поджигатель?

Шмиц прямо чуть не лопается от смеха.

Тссс!! (*Кивает на прощание, выходит и прикрывает дверь.*)

Шмиц снимает другой башмак.

Дом.

Бабетта, услышав шум, настораживается,
в глазах ужас.

Б а б е т т а (*после паузы, с внезапным облегчением — зрителям*). Готлиб — мой муж — обещал мне каждый вечер лично подниматься на чердак и лично проверять, нет ли там поджигателей. Я так ему за это признательна. Иначе бы я просто ночей не спала...

Чердак.

Шмиц подходит к выключателю — он уже в одних носках — и гасит свет.

Х о р.

Житель города, зри
Бдящих невинности стражей,
Верно хранящих
Мирного города мирный покой —
Сидя,
Стоя.

К о р и ф е й.

Трубкой дымя время от времени.

Х о р.

Бдящих,
Зрящих,
Чтоб из-под мирных крыш не вспыхнуло
Пламя зловещее
На беду городу мирному.

Часы на башне бьют три.

К о р и ф е й.

Всякий знай, что не спим мы, знай:

Зова достаточно.
(Набивает трубку.)

Х о р.

Кто это свет зажигает в доме
В час поздний?
Горе мне, горе — злою бессонницей
Возбужденную, взвинченную
Зрю я супругу.

Появляется Бабетта в халате.

Б а б е т т а. Ну, конечно, кашляли!

Слышен храп.

Готлиб! Ты что, не слышишь?

Слышен кашель.

Там кто-то есть!

Слышен храп.

Им-то что, мужчинам! Проглотят порошок и спят себе.

Часы на башне бьют четыре.

К о р и ф е й.
Четыре пробило.

Бабетта гасит свет.

А зова не слышно.
(Раскуривает трубку.)

В глубине сцены светает.

Х о р.

Солнца луч,
Ресница ока божественного,
Снова день восходит
Над мирными крышами города.
Слава тебе!
Спокойную ночь провел наш город,
Сегодня мирную...
Слава тебе!
(Садится.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дом.

Бидерман, стоя в пальто и шляпе, с кожаной папкой под мышкой, пьет утренний кофе.

Б и д е р м а н (*в дверь соседней комнаты*). ...в последний раз: никакой он не поджигатель.

Г о л о с Б а б е т т ы. А ты-то откуда знаешь?

Б и д е р м а н. Я сам его спрашивал... И вообще: неужели в этом мире не о чем больше думать? С ума с вами можно сойти, только и слышишь — поджигатели, поджигатели...

Входит Бабетта; в руках у нее кувшин с молоком.

С ума можно сойти!

Б а б е т т а. Не кричи на меня.

Б и д е р м а н. Я не на тебя кричу, Бабетта, я вообще кричу.

Она наливает ему молоко в чашку.

Мне уже пора! (*Пьет свой кофе, явно слишком горячий.*) Если каждого считать поджигателем, куда мы придем! Нужно хоть немного доверять людям, Бабетта, хоть немного... (*Смотрит на свои часы.*)

Б а б е т т а. Ты слишком мягкосердечен. А я этого не допущу, Готлиб. Ты внемлешь голосу сердца, а я всю ночь должна не спать... Я подам ему завтрак, но после, Готлиб, сразу же его выпровожу.

Б и д е р м а н. Ну хорошо, хорошо.

Б а б е т т а. Я его ничем не обижу, я ласково...

Б и д е р м а н. Ну хорошо, хорошо. (*Ставит свою чашку.*) Мне нужно к адвокату. (*На ходу целует Бабетту.*)

В это мгновение появляется Шмиц с овчиной на плечах; они его еще не видят.

Б а б е т т а. Почему ты уволил Кнехтлинга?

Б и д е р м а н. Потому что он мне больше не нужен.

Б а б е т т а. Ты всегда был им доволен.

Б и д е р м а н. Вот этим он теперь и пользуется. Доля в изобретении! Он же прекрасно знает, что такое наша туалетная вода; достижение фирмы, а никакое не изобретение. Смешно! Наши дорогие покупатели, поливающие лысины этой туалетной водой, с таким же успехом могли бы поливать их собственной мочой!..

Б а б е т т а. Готлиб!

Б и д е р м а н. Но это же так! *(Проверяет, все ли у него в папке.)* Ты права, я слишком мягкосердечен. Но этому Кнехтлингу я таки сверну шею. *(Собирается уходить и замечает Шмица.)*

Ш м и ц. С добрым утром, господа!

Б и д е р м а н. Господин Шмиц...

Ш м и ц *(протягивает ему руку)*. Ах, называйте меня просто Зепп!

Б и д е р м а н *(не подает руки)*. ...вот жена с вами обо всем поговорит, господин Шмиц. А мне пора. К сожалению. Но я желаю вам всего доброго... *(Трясет Шмицу руку.)* Всего доброго, Зепп, всего доброго! *(Уходит.)*

Ш м и ц. Всего доброго, Готлиб, всего доброго!

Бабетта смотрит на него, онемев.

Ведь вашего мужа зовут Готлиб?

Б а б е т т а. Как вам спалось?

Ш м и ц. Спасибо, холодновато. Но я позволил себе взять овчинку, мадам... Сразу вспомнил детство в отцовской избушке... Да... К холоду мы привычные...

Б а б е т т а. Ваш завтрак готов.

Ш м и ц. Мадам!

Она жестом предлагает ему кресло.

Ах, нет-нет, что вы!

Б а б е т т а *(наливает ему кофе)*. Ешьте как следует, Зепп. Вам ведь, паверное, далеко идти.

Ш м и ц. То есть как?

Б а б е т т а *(еще раз предлагает ему сесть)*. Яичко всмятку?

Ш м и ц. Два.

Б а б е т т а. Анна!

Ш м и ц. Вот видите, мадам, я уже чувствую себя как дома... Так приятно... *(Садится.)*

Входит Анна.

Б а б е т т а. Два яйца всмятку.

А п п а. Как вам угодно.
Ш м и ц. Три с половиной минуты.
А п п а. Как угодно. (*Собирается уходить.*)
Ш м и ц. Барышня!

Анна останавливается в дверях.

Доброе утро!

А п п а. Здравствуйте! (*Уходит.*)

Ш м и ц. Как эта особа на меня смотрит! Черт побери! Будь ее воля, наверное, я сейчас стоял бы за дверью под проливным дождем.

Б а б е т т а (*наливает ему кофе*). Господин Шмиц...

Ш м и ц. Да?

Б а б е т т а. Если говорить откровенно...

Ш м и ц. Вы дрожите, мадам?!

Б а б е т т а. Господин Шмиц...

Ш м и ц. Вас что-нибудь беспокоит?

Б а б е т т а. Сыр, пожалуйста.

Ш м и ц. Благодарю вас.

Б а б е т т а. И конфитюр.

Ш м и ц. Благодарю вас.

Б а б е т т а. И мед еще.

Ш м и ц. Не все сразу, мадам, не все сразу! (*Откидывается в кресле и начинает есть бутерброд, приготовившись слушать.*) Так в чем дело?

Б а б е т т а. Так вот, говоря попросту, господин Шмиц...

Ш м и ц. Да называйте меня просто Зепп.

Б а б е т т а. Так вот, говоря попросту...

Ш м и ц. Вы хотели бы от меня отделаться?

Б а б е т т а. Нет-нет, господин Шмиц! Я бы так не сказала...

Ш м и ц. А как бы вы сказали? (*Берет сыр.*) Тильзитский — вот уважаю! (*Опять откидывается в кресле и ест, приготовившись слушать.*) Мадам, стало быть, считает меня поджигателем...

Б а б е т т а. Нет-нет, поймите меня правильно! Разве я что-нибудь сказала? Я далека от мысли обидеть вас, господин Шмиц. Честное слово! Вот видите, вы меня даже смущили. Ну кто говорит о поджигателях? Я вовсе не хотела жаловаться на ваше поведение, господин Шмиц...

Ш м и ц (*отодвигает вилку и нож*). Я знаю: манеры у меня никуда.

Б а б е т т а. Да нет же, господин Шмиц, не в этом дело...

Ш м и ц. Когда человек чавкает...

Б а б е т т а. Какие глупости!

Ш м и ц. Еще в сиротском доме мне все время говорили: Шмиц, не чавкай!

Б а б е т т а (*берет кофейник, чтобы налить кофе*).
Ах господи, вы совсем не так меня поняли.

Ш м и ц (*закрывает чашку рукой*). Я пойду.

Б а б е т т а. Господин Шмиц!

Ш м и ц. Я пойду.

Б а б е т т а. Еще чашечку?

Он качает головой.

Б а б е т т а. Полчашечки?

Он качает головой.

Так я вас не отпускаю, любезный, я вас совсем не хотела обидеть, я же ни слова не сказала о том, что вы чавкаете!

Он встает.

Разве я вас обидела?

Ш м и ц (*складывает салфетку*). Мадам, конечно, ни при чем, что у меня такие манеры. Мой отец был угольщиком. Откуда башему брату взять манеры! Голодать, мерзнуть, мадам, — это мы пожалуйста, а вот образования, мадам, — нет, манер — нет, культуры — нет...

Б а б е т т а. Я понимаю.

Ш м и ц. Я пойду.

Б а б е т т а. Куда?

Ш м и ц. На улицу. В дождь...

Б а б е т т а. О Господи!

Ш м и ц. Ничего. Мы привычные...

Б а б е т т а. Господин Шмиц... Не смотрите на меня так! Ваш отец был угольщиком, я же это понимаю, господин Шмиц; у вас, наверное, было тяжелое детство...

Ш м и ц. У меня не было детства, мадам. (*Опускает глаза и, волнуясь, перебирает пальцы.*) Детства у меня не было. Мне пошел восьмой год, когда умерла мама... (*Отворачивается и утирает глаза.*)

Б а б е т т а. Зепп! Ради бога, Зепп...

Входит Анна с яйцами всмятку.

А н н а. Еще что-нибудь? (*Не получив ответа, уходит.*)

Б а б е т т а. Я же совсем вас не прогоняю, дорогой, я ничего такого не говорила. Ну что я такого сказала? Вы в самом деле меня не поняли, господин Шмиц, это ужасно. Ну что я должна сделать, чтобы вы мне поверили? (Тро-

гает его, не без колебания, за рукав.) Садитесь, Зепп, и ешьте как следует!

Шмиц снова садится за стол.

За кого вы нас принимаете? Я вовсе не заметила, что вы чавкаете, честное слово! А если даже и чавкаете — мы не обращаем внимания на подобные мелочи, господин Шмиц, это все внешнее, вы же должны были почувствовать, господин Шмиц, что мы не из таких...

Ш м и ц (*разбивает яйцо*). Господь вам воздаст.

Б а б е т т а. Соль возьмите.

Ш м и ц (*ест яйцо ложечкой*). Что верно то верно, мадам, меня вовсе не прогоняли, и ни слова не было, что верно то верно. Прошу прощения, что я не так понял мадам...

Б а б е т т а. Ну что яичко, всмятку?

Ш м и ц. Чутько недоварено... Уж вы меня простите. (*Съел яйцо.*) Так что же вы хотели сказать, мадам? Вы сказали: говоря попросту...

Б а б е т т а. Да, что же это я хотела сказать?

Ш м и ц (*разбивает второе яйцо*). Господь вам воздаст. (*Ест второе яйцо.*) Вот Вилли, так тот всегда говорит, что его давно уж и в помине нет, милосердия человеческого. И чуткости в людях нет. Все — через государство! Людей больше нет, говорит! Потому мир и катится к черту. (*Солит яйцо.*) Вот он удивится, когда такой завтрак получит! Вот удивится!.. Да-а, Вилли...

Звонок в прихожей.

Может, это уже он!

Звонок в прихожей.

Б а б е т т а. Кто этот... Вилли?

Ш м и ц. Вот у кого манеры, мадам! Да вы сами увидите. Он ведь работал официантом в «Метрополе», пока он не сгорел, этот «Метрополь»...

Б а б е т т а. Сгорел?

Ш м и ц. Старшим официантом.

Входит Анна.

Б а б е т т а. Кто там?

А н н а. Какой-то господин.

Б а б е т т а. И что он хочет?

А н н а. Говорит, из страхового общества. Что ему надо осмотреть дом.

Бабетта встает.

Он во фраке...

Бабетта и Анна выходят.

Ш м и ц (*наливает себе кофе*). Это Вилли!

Х о р.

Вот их теперь уже два,

В нас подозренья вселяющих,

Велосипедов ржавых чьих-то,

Но интересно — чьих?

К о р и ф е й.

Один — вчерашний, другой — сегодняшний.

Х о р.

Горе!

К о р и ф е й.

Новая ночь, и вахта новая.

Бой часов на башне.

Х о р.

Всюду страхи мерещатся робкому,

От собственной тени дрожит он.

Слух любой с ног его валит.

Так и влачит дни свои в страхе,

Пока не настигнет рок его

В собственной комнате.

Бой часов на башне.

К о р и ф е й.

Что не уходят из дома двое,

Как истолкую это?

Бой часов на башне.

Х о р.

Слепца слепей запуганный,

Надежда на лучшее теплится в нем,

Зло он встречает приветливо,

Беззащитный, ах, уставший

Бояться, надеясь на лучшее...

А потом уже поздно.

Бой часов на башне.

Горе!

(*Садится.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Чердак.

Шмиц, все еще в костюме борца, и его компаньон, который снял фрак и остался в белой жилетке, заняты тем, что втаскивают на настил жестяные канистры, обычно применяющиеся для перевозки бензина; все совершается как можно тише; оба сняли ботинки.

Компаньон. Тихо! Тихо!

Шмиц. А если он сообразит и позовет полицию?

Компаньон. Давай, давай!

Шмиц. Что тогда?

Компаньон. Да не спеши ты! Не спеши! Стоп!

Они подтащили канистру к другим, виднеющимся
в вечерней темноте.

(*Берет ветошь и вытирает руки.*) С чего это ему звать полицию?

Шмиц. А почему бы и нет?

Компаньон. Да он же сам нарушитель.

· Слышно воркование голубей.

Вот жалость какая — уже утро. Давай спать! (*Швыряет ветошь в угол.*) Каждый человек, строго говоря, есть нарушитель — начиная с определенной суммы дохода. Не забывай себе голову!

Раздается стук в запертую дверь.

Голос Бидермана. Откройте! Сейчас же откройте!

Дверь сотрясается от грохота.

Компаньон. Что-то не похоже, чтобы нас звали к завтраку.

Голос Бидермана. Я сказал — откройте! Сию же минуту!

Шмиц. Такого с ним еще не бывало.

Стук все громче. Компаньон надевает свой фрак, не спеша, но проворно. Затягивает бабочку, смахивает пыль с фрака и потом открывает дверь. Появляется Бидерман, в халате. Нового постояльца он еще не замечает, потому что тот стоит за распахнутой дверью.

Б и д е р м а н. Господин Шмиц!
Ш м и ц. Доброе утро, господин Бидерман, доброе утро.
Надеюсь, вас не разбудил этот жуткий грохот...
Б и д е р м а н. Господин Шмиц!
Ш м и ц. Больше не повторится.
Б и д е р м а н. Убирайтесь из моего дома.

Пауза.

Убирайтесь из моего дома!
Ш м и ц. Когда?
Б и д е р м а н. Сию секунду!
Ш м и ц. Как же это?
Б и д е р м а н. Или моя жена — а я не могу и не стану ей возражать — позовет полицию.
Ш м и ц. Гм...
Б и д е р м а н. Сию же секунду.

Пауза.

Чего же вы ждете?

Шмиц молча берет свои бабашки.

Я не желаю вступать ни в какие дискуссии!

Ш м и ц. А я ничего и не говорю.

Б и д е р м а н. Если вы думаете, господин Шмиц, что я все буду терпеть просто потому, что вы борец... такой грохот всю ночь... *(Указывает простертой рукой на дверь.)* Вон! Вон! Вы слышали? Вон!

Ш м и ц *(компаньону, стоящему за дверью)*. Такого с ним еще не бывало.

Бидерман поворачивается и столбенет.

К о м п а н ь о н. Меня зовут Айзенринг.

Б и д е р м а н. Господа...

А й з е н р и н г. Вильгельм Мария Айзенринг.

Б и д е р м а н. Каким образом, господа, почему вас вдруг двое?

Шмиц и Айзенринг смотрят друг на друга.

Без всякого спроса!

А й з е н р и н г. Вот видишь!

Б и д е р м а н. Что все это значит?

А й з е н р и н г. Я же тебе говорил. Так не делают, Зепп. Это просто неприлично! Без всякого спроса. Что это за манера — вдруг нас двое!

Б и д е р м а н. Я вне себя!

А й з е н р и н г. Вот видишь! (*Бидерману.*) Я ему говорил! (*Шмицу.*) Разве я не говорил тебе?

Шмиц стыдится.

Б и д е р м а н. Что вы, собственно говоря, себе думаете, господа? В конце концов, господа, я — владелец этого дома. Я вас спрашиваю: что вы, собственно говоря, себе думаете?

Пауза.

А й з е н р и н г. Отвечай, когда господин тебя спрашивает!

Пауза.

Ш м и ц. Но ведь Вилли — мой друг...

Б и д е р м а н. И что дальше?

Ш м и ц. Мы же вместе в школу ходили, господин Бидерман, еще детишками...

Б и д е р м а н. Ну и что?

Ш м и ц. Вот я и подумал...

Б и д е р м а н. Что вы подумали?

Ш м и ц. Я и подумал...

Пауза.

А й з е н р и н г. Ничего ты не подумал! (*Бидерману.*) Я совершенно с вами согласен, господин Бидерман. Вы человек добрый, но, в конце концов... (*Орет на Шмица.*) Ты что, думаешь, владелец дома должен все терпеть? (*Бидерману.*) Зепп вообще вас не спросил?

Б и д е р м а н. Ни слова!

А й з е н р и н г. Зепп...

Б и д е р м а н. Ни звука!

А й з е н р и н г. И ты еще потом удивляешься, что тебя вышвыривают на улицу? (*Качает головой и смеется, как над круглым идиотом.*)

Б и д е р м а н. Не вижу в этом ничего смешного, господа. Для меня это все в высшей степени серьезно. У моей жены большое сердце...

А й з е н р и н г. Вот видишь!

Б и д е р м а н. Моя жена всю ночь не может заснуть из-за этого грохота. И вообще, что вы тут, собственно гово-

ря, делаете? (*Оглядывается.*) Что это, черт побери, за бочки?

Шмиц и Айзенринг смотрят в тот угол, где нет никаких бочек.

Вот! Пожалуйста! Что это такое? (*Стучит по канистре.*) Что это такое?

Шмиц. Канистры...

Бидерман. Откуда они взялись?

Шмиц. Ты знаешь, Вилл? Откуда они?

Айзенринг. На них написано, что импортные.

Бидерман. Господа...

Айзенринг. Где-то там было написано!

Айзенринг и Шмиц ищут этикетку.

Бидерман. У меня нет слов. Что вы, собственно говоря, себе думаете? Весь мой чердак забит канистрами — до потолка, буквально до потолка!

Айзенринг. Вот именно.

Бидерман. Что вы хотите этим сказать?

Айзенринг. Вечно этот Зепп обсчитается... Ты же сказал — двенадцать на пятнадцать, а в нем и ста квадратных метров нету, в этом чердаке... Вы должны понять, господин Бидерман, не мог же я оставить свои канистры на улице.

Бидерман. Я ничего не хочу понимать...

Шмиц (*показывает этикетку*). Вот она, господин Бидерман! Вот этикетка!

Бидерман. У меня нет слов...

Шмиц. Тут написано, откуда они. Вот.

Бидерман. ...просто нет слов. (*Рассматривает этикетку.*)

Дом.

Анна вводит в комнату полицейского.

Анна. Я сейчас его позову. (*Уходит.*)

Полицейский ждет.

Чердак.

Бидерман. Бензин?!

Дом.

Анна еще раз возвращается.

Анна. А что передать, господин вахмистр?

Полицейский. Скажите, что по служебным делам.

Анна уходит; полицейский ждет.

Чердак.

Б и д е р м а н. Это действительно так, господа? Это действительно так?

А й з е н р и н г. Что?

Б и д е р м а н. Что тут написано? (*Показывает на этикетку.*) За кого вы, собственно говоря, меня принимаете? Нет, такого со мной еще не бывало. Вы что, думаете, я не умею читать?

Они рассматривают этикетку.

Пожалуйста! (*Хочет, как над откровенной наглостью.*) Бензин! (*Тонм следователя.*) Что в этих канистрах?

А й з е н р и н г. Бензин.

Б и д е р м а н. Бросьте эти шуточки! Я в последний раз спрашиваю, что в этих канистрах. Вы знаете так же хорошо, как и я, что бензину на чердаке не место. (*Проводит пальцем по канистре.*) Пожалуйста! Вот! Понюхайте сами! (*Сует им палец под нос.*) Это что, бензин или не бензин?

Те нюхают и смотрят друг на друга.

Отвечайте!

А й з е н р и н г. Бензин.

Ш м и ц. Бензин.

О б а. Ясное дело.

Б и д е р м а н. Вы что, с ума сошли? Весь чердак забит канистрами с бензином...

Ш м и ц. Потому, господин Бидерман, мы и не курим.

Б и д е р м а н. И это все в то время, господа, когда ни одна газета не обходится без предостережений. Что вы себе, собственно говоря, думаете? С женой просто удар будет, если она это увидит.

А й з е н р и н г. Вот видишь!

Б и д е р м а н. Да перестаньте вы без конца твердить «вот видишь»!

А й з е н р и н г. Зепп, нельзя так огорчать женщину, домашнюю хозяйку. Я знаю домашних хозяек...

Г о л о с А н н ы (*снизу*). Господин Бидерман! Господин Бидерман!

Б и д е р м а н (*закрывает дверь*). Господин Шмиц, господин...

А й з е н р и н г. Айзенринг.

Бидерман. Если вы сию же минуту не уберете из дому эти канистры — сию же минуту, слышите?..

Айзенринг. Вы позовете полицию.

Бидерман. Да.

Шмиц. Вот видишь!

Голос Анны (снизу). Господин Бидерман!

Бидерман (шепотом). Это мое последнее слово!

Айзенринг. Какое?

Бидерман. Я не потерплю бензина в верхнем помещении дома. Раз и навсегда! Не потерплю!

В дверь стучат.

Иду! (Открывает дверь, чтобы выйти, и сталкивается с входящим полицейским.)

Полицейский. Ах вот вы где, господин Бидерман. Не спускайтесь, не спускайтесь, я на секунточку.

Бидерман. Доброе утро!

Полицейский. Доброе утро!

Айзенринг. Здравствуйте...

Шмиц. Здравствуйте...

Шмиц и Айзенринг кланяются.

Полицейский. Речь идет об одном несчастном случае...

Бидерман. О Господи!

Полицейский. Пожилой человек, жена которого утверждает, что он работал у вас — изобретателем! — сегодня ночью отравился газом. (Смотрит в записную книжечку.) Кнехтлинг, Иоганн, проживает Росгассе, одиннадцать. (Прячет книжечку.) Вы знали такого?

Бидерман. Я...

Полицейский. Может, вам будет удобнее с глазу на глаз, господин Бидерман...

Бидерман. Да.

Полицейский. Служащим не обязательно...

Бидерман. Да-да. (Останавливается в дверях.) Если меня будут спрашивать, господа, я в полиции. Поняли? Я сейчас же вернусь.

Шмиц и Айзенринг кивают.

Полицейский. Господин Бидерман...

Бидерман. Ну что ж, пошли!

Полицейский. Что это у вас в этих канистрах?

Бидерман. Я...

Полицейский. Если можно спросить...
Бидерман. Туалетная вода... (*Смотрит на Шмица и Айзенринга.*)

Айзенринг. Гормофлор!

Шмиц. «Мужчины вздохнут спокойно».

Айзенринг. Гормофлор!

Шмиц. «Не медлите испробовать».

Айзенринг. «Жалеть не придется».

Оба. Гормофлор, гомфорлор!

Полицейский смеется.

Бидерман. Он умер?

Бидерман и полицейский уходят.

Айзенринг. Душа-человек.

Шмиц. А я что говорил?

Айзенринг. Но о завтраке — ни слова!

Шмиц. Такого с ним еще не бывало...

Айзенринг (*роется в карманах брюк*). Послушай, капсюль у тебя?

Шмиц (*роется в карманах брюк*). Такого с ним еще не бывало...

Хор.

Солнца луч,

Ресница ока божественного,

Снова день восходит

Над мирными крышами города.

Корифей.

Новое утро.

Хор.

Слава тебе!

Корифей.

Спокойную ночь провел наш город.

Хор.

Слава!

Корифей.

Все еще мирную...

Хор.

Слава!

Слышен шум уличного движения — гудки автомобилей,
лязг трамвая.

Корифей.

Мудр и избавлен от бед многих

Человек, над тем, что он видит,

Размышляющий.

Духом пытливым внемлет он

Знакам беды

Своевременю, если хочет.

Х о р.

Что, однако, если не хочет?

К о р и ф е й.

Кто, желая постичь беду,

В газеты смотрит,

Возмущаясь к каждому завтраку

Отдаленным событием,

Напичканный к каждому завтраку

Готовыми версиями,

Сам не привыкший мыслить,

Зная всегда, что вчера свершилось, —

Видит с трудом, что ныне вершится

Под крышей собственной.

Х о р.

Ненапечатанное!

К о р и ф е й.

Явное.

Х о р.

Неслыханное.

К о р и ф е й.

Реальное.

Х о р.

Это он зрит неохотно, ибо...

К о р и ф е й (*прерывает знаком руки*).

Он приближается.

Х о р (*перестраивается*).

Спокойную ночь провел наш город.

Утром новым,

Чтоб отогнать беду,

Погружается житель мирный,

Выбритый свеже,

В гущу коммерции...

Входит Бидерман, в пальто и шляпе, с папкой под мышкой.

Б и д е р м а н. Такси!.. Свободны?.. Такси!

Хор преграждает ему путь.

В чем дело?

Х о р.

Горе!

Б и д е р м а н. Что вам угодно, господа?

Х о р.

Горе!

Б и д е р м а н. Это вы уже говорили.

Х о р.

Трижды горе!

Б и д е р м а н. Что это вы?

К о р и ф е й.

Чудится подозрительное,

Открылось огнеопасное

Взорам твоим и нашим.

Как истолкую это?

Канистры с горючим под крышей...

Б и д е р м а н (*кричит*). Вас это не касается!

Молчание.

Пропустите меня. Мне нужно к адвокату... Чего вы от меня хотите?.. Я не виноват... (*Явно напуган.*) Это что, допрос? (*Обретает самообладание; повелительным тоном.*) А ну-ка, пропустите меня.

Х о р (*недвижим*).

Не подобает хору

Граждан судить активных.

К о р и ф е й.

Ибо, сторонний зритель, хор

Легче угрозу зрит.

Х о р.

Лишь вопрошая, вежливый

Даже в грозящей беде,

Лишь упреждая, ах, хладнокровный,

Ждет, как известно, хор,

Бессильно взирающий,

Сочувствующий,

Пожарной команде подобный,

Пока затушить не поздно.

Б и д е р м а н (*смотрит на часы*). Я спешу.

Х о р.

Горе!

Б и д е р м а н. Я не могу понять, чего вы хотите?

К о р и ф е й.

Что ты их терпишь, канистры с горючим,

Бидерман Готлиб, как истолкуешь?

Б и д е р м а н. Истолкую?

К о р и ф е й.

Знающий, о, как мир наш взрывчат,

Бидерман Готлиб, что ты думаешь?

Б и д е р м а н. Думаю? (*Смотрит поочередно на участников хора.*) Господа, я свободный гражданин. Я могу думать что хочу. Что означает этот вопрос? Я, господа, имею право вообще не думать — я уж не говорю о том, господа, что что бы ни происходило под моей крышей — ну, знаете ли, в конце концов, владелец дома я!

Х о р.

Будь нам священно священное —

Собственность,

Что бы потом ни случилось, —

Неугасимое.

Пусть нас спалит дотла оно, —

Священное будь нам священно!

Б и д е р м а н. Ну вот видите!

Молчание.

Так пропустите же меня!

Молчание.

Зачем обязательно подозревать что-то плохое? Куда мы так придем! Я хочу, чтобы меня оставили в покое, только и всего, а что касается обоих моих гостей, — не говоря уже о том, что у меня сейчас другие важные дела...

Входит Бабетта, в пальто и шляпе.

Что тебе здесь нужно?

Б а б е т т а. Я помешала?

Б и д е р м а н. У меня деловой разговор с хором.

Бабетта кивает хору и шепчет что-то Бидерману на ухо.

Ну конечно, с лентой! Какое это имеет значение, сколько стоит? Главное, чтобы был венок.

Б а б е т т а (*кивает хору*). Извините, господа. (*Уходит.*)

Б и д е р м а н. Короче говоря, господа, мне все это надоело — вы и ваши поджигатели! Я даже в пивную не хожу — так мне все надоело. Как будто нынче не о чем больше и поговорить! В конце концов, мы живем на свете только один раз. Если мы каждого человека, кроме себя самого, будем считать поджигателем, как же мы придем к лучшей жизни? Надо же, черт побери, иметь к людям хоть немножко доверия, хоть немножко доброжелательности. Я так считаю. Нельзя же во всем видеть только плохое, черт побери! Не каждый человек поджигатель. Я так считаю. Немножко доверия к людям, немножко... (*Пауза.*) Не

могу же я только и делать, что дрожать от страха! (*Пауза.*)
Вы что думаете, я сегодня хоть на секунду сомкнул глаза?
Я не идиот. Бензин есть бензин! Я уж все передумал — на стол залезал, прислушивался, а потом даже на шкаф, чтобы приложить ухо к потолку. Да-да! Они храпели! Храпели!
Я по меньшей мере четыре раза влезал на шкаф. Они мирно-премирно храпели!.. И все-таки... я уж совсем было вышел в прихожую, хотите верьте, хотите нет, в пижаме — да, со злости. У меня руки чесались разбудить обоих прощелыг и вышвырнуть их на улицу — вместе с ихними капризами! — собственноручно, безо всяких, прямо ночью!

Х о р.

Собственноручно?

Б и д е р м а н. Да.

Х о р.

Безо всяких?

Б и д е р м а н. Да.

Х о р.

Прямо ночью?

Б и д е р м а н. У меня руки чесались, да-да! Если бы не пришла жена — она боялась, что я простужусь. Прямо руки чесались! (*Волнуется и вынимает сигару.*)

К о р и ф е й.

Как же опять истолкую это?

Ночь он провел бессонную.

Что во зло доброту его употребили,

Мог ли он думать?

Из себя вывели. Что же дальше?

Бидерман закуривает.

Х о р.

Истинно трудно ему, жителю мирному!

Принципиальный в деле,

В остальном он — душа-человек,

Вечно готовый

Добро творить.

К о р и ф е й.

Где ему надо.

Х о р.

Верит он, что добро родится

Из добродушия.

О, как заблуждается!

Б и д е р м а н. Что вы хотите этим сказать?

Х о р.

То, что запах бензина нам слышится.

Б и д е р м а н (*поводит носом*). Ну, знаете, господа, я ничего не чувствую...

Х о р.

Горе нам!

Б и д е р м а н. Да ничего подобного!

Х о р.

Горе нам!

К о р и ф е й.

Так уж привык он к запаху мерзкому.

Х о р.

Горе нам!

Б и д е р м а н. И прекратите, пожалуйста, эти пораженческие настроения, господа! Что вы заладили: горе, горе!

Слышен гудок автомобиля.

Такси! Такси!

Автомобиль останавливается.

Извините, господа. (*Поспешно уходит.*)

Х о р.

Житель мирный, куда?!

Слышен шум отъезжающего автомобиля.

К о р и ф е й.

Что он задумал, несчастный?

Дерзко-смущенный как будто бы, бледный,

Бежал он,

Решимости робкой полон — к чему?

Слышен гудок автомобиля.

Х о р.

Так уж привык он к запаху мерзкому.

Гудок замирает вдали.

Горе нам!

Хор отступает в глубину сцены, за исключением корифея, который вынимает трубку.

К о р и ф е й.

Кто перемен боится

Больше беды,

Что сделать может

Против беды?

(*Следует за хором.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чердак.

Айзенринг за работой: разматывает шнур с катушки, насвистывая «Лили Марлен». Потом прерывает свист, чтобы послушать палец, и высовывает его в чердачное окно — проверяет направление ветра.

Дом.

Входит Бидерман, за ним — Бабетта и Анна. Он снимает пальто и швыряет папку; во рту у него сигара.

Б и д е р м а н. Делай, что я сказал.

Б а б е т т а. Гуся?

Б и д е р м а н. Гуся. *(Снимает галстук, сигара все еще во рту.)*

Б а б е т т а. Готлиб, почему ты снимаешь галстук?

Б и д е р м а н *(отдает ей галстук)*. Если я заявлю на этих проходимцев, я уж точно наживу себе в них врагов. И что мы от этого будем иметь? Достаточно одной спички — и весь наш дом полетел к черту. Что мы от этого будем иметь? А вот если я поднимусь и приглашу их, — конечно, если они примут приглашение...

Б а б е т т а. Ну, что тогда?

Б и д е р м а н. Ну мы и подружимся. *(Снимает пиджак, отдает жене и выходит.)*

Б а б е т т а. Так вот, Анна: сегодня у вас, значит, выходного нет. У нас гости. Стол накроете на четыре персоны.

Чердак.

Айзенринг поет «Лили Марлен». Стук в дверь.

А й з е н р и н г. Войдите! *(Продолжает насвистывать дальше, но никто не входит.)* Войдите!

Входит Бидерман, в сорочке с засученными рукавами, с сигарой в руках.

Привет, господин Бидерман!

Б и д е р м а н. К вам можно?

А й з е н р и н г. Как спалось?

Б и д е р м а н. Благодарю вас, паршиво.

А й з е н р и н г. И мне тоже. Фёп... *(Продолжает заниматься со шнуром и катушкой.)*

Б и д е р м а н. Я, кажется, помешал...

А й з е н р и н г. Ну что вы, господин Бидерман, вы же у себя дома.

Б и д е р м а н. Я бы не хотел навязываться...

Слышно воркование голубей.

А где же наш друг?

А й з е н р и н г. Зепп? Послал работать бездельника. Не хотел уходить без завтрака! Послал его за стружкой.

Б и д е р м а н. За стружкой?

А й з е н р и н г. От стружки искры дальше летят.

Б и д е р м а н *(вежливо хихикает, как над примитивной шуткой)*. Так что я хотел сказать, господин Айзенринг...

А й з е н р и н г. Опять хотите нас вышвырнуть?

Б и д е р м а н. Сегодня ночью — у меня таблетки кончились — я вдруг подумал: у вас же здесь вообще нет туалета, господа.

А й з е н р и н г. А мы по сточному желобу...

Б и д е р м а н. Ну как вам угодно, господа, как вам угодно. Я просто так почему-то подумал. Несколько раз даже. Может, вы хотели бы помыться, принять душ. Вы можете спокойно пользоваться моей ванной! Я велел Анне повесить полотенца.

Айзенринг качает головой.

Почему вы качаете головой?

А й з е н р и н г. Опять куда-то его задевал!

Б и д е р м а н. Кого?

А й з е н р и н г. Вы тут нигде не видали капсюля? *(Ищет везде.)* Не беспокойтесь, господин Бидерман, из-за ванны. Seriously. В тюрьме, знаете ли, тоже не было ванны.

Б и д е р м а н. В тюрьме?

А й з е н р и н г. Зепп разве не сказал, что я только что из тюрьмы?

Б и д е р м а н. Нет.

А й з е н р и н г. Ни слова?

Б и д е р м а н. Нет.

А й з е н р и н г. Ну конечно! Только о себе и рассказывает! Бывают такие люди. Но, в конце концов, что с него взять, если такое трагическое детство было у человека. У вас, господин Бидерман, было трагическое детство? У меня нет! Я бы мог учиться, папа хотел, чтобы я стал юристом. (*Подходит к окошку и забавляется с голубями.*) Гурр! Гурр! Гурр! Гуль-гуль-гуль!

Б и д е р м а н (*снова зажигает сигару*). Господин Айзенринг, честно говоря, я не спал целую ночь. Скажите, в этих канистрах действительно бензин?

А й з е н р и н г. Вы нам не верите?

Б и д е р м а н. Я просто спрашиваю.

А й з е н р и н г. За кого, собственно говоря, вы нас принимаете, господин Бидерман? Только откровенно — за кого?

Б и д е р м а н. Друг мой, не думайте, что у меня нет чувства юмора, но я должен сказать — у вас такие шуточки...

А й з е н р и н г. Специально учились.

Б и д е р м а н. Учились?

А й з е н р и н г. Шутка — прекрасный способ маскировки. Еще лучше — сентиментальность. Вот как Зепп рассказывает: детство среди угольщиков в лесу, сиротский дом, цирк и все такое. Но самый лучший и самый надежный способ маскировки — это, я считаю, по-прежнему чистая, голая правда. Смешно, верно? Правде никто не верит.

Дом.

Анна входит с вдовой Кнехтлинг; та в трауре.

А н н а. Присядьте!

Вдова садится.

Но если вы фрау Кнехтлинг, то это ни к чему. Господин Бидерман сказал, что он не хочет иметь с вами никакого дела...

Вдова встает.

Садитесь, садитесь!

Вдова садится.

Но только это ни к чему. (*Уходит.*)

Чердак.

Айзенринг стоя занимается своими делами,
Бидерман стоя курит.

Айзенринг. И куда это наш Зепп пропал? Достать стружку — это же раз плюнуть. Вот будет номер, если его зацапают.

Бидерман. Зацапают?

Айзенринг. А чего вы веселитесь?

Бидерман. Знаете, господин Айзенринг, когда вы шутите, для меня это как будто другой мир. Зацапают! Просто восхитительно. Совершенно другой мир! В нашем кругу, знаете ли, редко кого зацапывают...

Айзенринг. Ну конечно, в вашем кругу ведь никто не ворует стружку. Классовые различия.

Бидерман. Чепуха!

Айзенринг. Не хотите же вы сказать, господин Бидерман...

Бидерман. Я не верю в классовые различия! Вы же должны были это почувствовать, Айзенринг, не настолько я старомоден. Напротив. Мне искренне жаль, что именно низшие классы все еще несут эту ерунду о классовых различиях. Разве мы не все нынче создания единого Творца — что бедные, что богатые? И мелкая буржуазия тоже. Вот мы с вами — разве мы не люди из плоти и крови?.. Я не спросил вас, уважаемый, вы курите сигары? (*Предлагает сигары.*)

Но Айзенринг качает головой.

Я, разумеется, против уравниловки — слава Богу, всегда будут люди прилежные и бездельники, — но почему бы нам попросту не протянуть друг другу руки? Черт побери, чуточку доброй воли, чуточку идеализма, чуточку — и все бы мы жили в мире и спокойствии, и богатые и бедные. Вы со мной не согласны?

Айзенринг. Если говорить откровенно, господин Бидерман.

Бидерман. Ради Бога, я прошу вас!

Айзенринг. Не обидитесь?

Бидерман. Чем откровенней, тем лучше.

Айзенринг. Я хочу сказать — если уж говорить откровенно — не стоило бы вам здесь курить.

Бидерман пугается и гасит сигару.

Я не имею права тут приказывать, господин Бидерман, в конце концов, это ваш собственный дом, но понимаете...

Бидерман. Да, разумеется, конечно!

Айзенринг (*нагибается*). Да вот он! (*Поднимает что-то с полу и обдувает, прежде чем соединить со шнуром; снова насвистывает «Лили Марлен».*)

Бидерман. Скажите, господин Айзенринг, что это вы, собственно говоря, все время мастерите? Если можно спросить. Что это такое?

Айзенринг. Капсюль.

Бидерман. ?

Айзенринг. А это шнур для запала.

Бидерман. ??

Айзенринг. Вон Зепп говорит, что теперь еще лучше делают. Но на складах их пока нет, а покупать мы же не будем. Все, что связано с войной, жутко дорого — сплошь первый сорт.

Бидерман. Вы сказали — шнур для запала?

Айзенринг. Бикфордов шнур. (*Дает Бидерману конец шнура.*) Будьте любезны, господин Бидерман, подержите этот конец, я измеряю.

Бидерман (*держит шнур*). А все-таки, друг мой, если шутки в сторону...

Айзенринг. Одну секундочку! (*Насвистывает «Лили Марлен» и измеряет шнур.*) Спасибо, господин Бидерман, благодарю вас!

Бидерман (*не выдержав, хохочет.*) Нет, Вилли, меня вы на эту удочку не поймаете. Не на того напали! Но я должен сказать — вы очень уж полагаетесь на чувство юмора у других людей. Уж слишком! Когда вы так говорите, я могу себе представить, что вас время от времени арестовывают: друг мой, не у всех же так развито чувство юмора, как у меня!

Айзенринг. Да уж мы и ищем, кого надо.

Бидерман. В нашей пивной, например, стоит только заикнуться, что ты веришь в человека, так всем сразу чудится Содом и Гоморра.

Айзенринг. Ха.

Бидерман. А ведь я внес на содержание нашей пожарной команды сумму, которую даже не буду называть.

Айзенринг. Ха. (*Раскладывает шнур.*) Люди без чувства юмора точно так же полетят к черту, когда все начнется; уж будьте спокойны!

Бидерман опускается на одну из канистр — на лбу пот.

Что с вами? Господин Бидерман! Вы так побледнели! (*Хлопает его по плечу.*) Знаю-знаю — запах. Кто не привык к этому запаху... Бензин... сейчас я проветрю... (*Открывает дверь.*)

Бидерман. Благодарю вас...

Голос Анны (*снизу*). Господин Бидерман! Господин Бидерман!

Айзенринг. Что, опять полиция?

Голос Анны. Господин Бидерман!

Айзенринг. И еще говорят, что у нас не полицейское государство!

Голос Анны. Господин Бидерман!

Бидерман. Иду, иду!

Дальнейший разговор ведется шепотом.

Господин Айзенринг, вы любите гуся?..

Айзенринг. Гуся?

Бидерман. Гуся, да, гуся...

Айзенринг. Я? Люблю? Не понимаю.

Бидерман. С каштанами.

Айзенринг. И с красной капустой?

Бидерман. Да... Что я хотел сказать... моя супруга и я — прежде всего я — ну, я просто подумал: если вам будет приятно... Я не хочу навязываться! Если вам будет приятно, господин Айзенринг, то приходите к нам на ужин — вы и Зепп — проведем вечерок...

Айзенринг. Сегодня?

Бидерман. Может, вам удобней завтра?

Айзенринг. Завтра, я полагаю, нас тут уже не будет.

А сегодня — с удовольствием, господин Бидерман, с удовольствием!

Бидерман. Скажем, в семь.

Голос Анны (*снизу*). Господин Бидерман!

Бидерман. Договорились?

Айзенринг. Договорились.

Бидерман идет к выходу и останавливается в дверях, любезно кивая Айзенрингу и косясь на канистры и шнур.

Договорились.

Бидерман уходит, а Айзенринг, насвистывая, продолжает работу.

Дом.

Появляется хор, как будто сцена уже кончилась; но в то мгновение, когда хор подходит к рампе, на чердаке раздается грохот — что-то упало.

Чердак.

А й з е н р и н г. Можешь выходить, доктор.

Из-за канистр вылезает третий — в очках.

Слышал?.. Мы пойдем на ужин — я и Зепп, — а ты тут дежурь. Чтобы никто не входил и не курил. Понятно? До положенного времени.

Третий протирает очки.

Я иногда себя спрашиваю, доктор: чего ты, собственно говоря, с нами возишься, если тебе неприятны пожары, искры, треск пламени, сирены, которые вечно воют с запозданием, лай собак, дым, вопли — и пепел.

Третий надевает очки, оставаясь безмолвным и серьезным.

(Смеется.) Идеалист! (Насвистывает несколько тактов, не глядя на доктора.) Не люблю я вас, академиков. Ну, ты это знаешь, доктор, я тебе сразу сказал: никакого у вас удовольствия в работе. (Продолжает работать и насвистывать.)

Дом.

Х о р.

Мы наготове.

Тщательно свернуты шланги красные,

Все по инструкции.

Блещет каждый ворот,

Из меди сделанный.

Каждый место знает свое.

К о р и ф е й.

Дует фён, к сожалению...

Х о р.

Каждый место знает свое.

Блещет, проверен тщательно,

Чтобы напора хватало,

Насос наш,

Тоже из меди сделанный.

К о р и ф е й.

А пожарные краны?

Х о р.

Каждый знает место свое.

К о р и ф е й.

Мы наготове.

Входят Бабетта с гусем и доктор философии.

Б а б е т т а. Да-да, господин доктор, я знаю, но мой муж... да-да, срочно, господин доктор, срочно, хорошо, я передам. (*Оставляет доктора и подходит к рампе.*) Муж заказал гуся. Вот он, пожалуйста! И я должна жарить. Чтобы подружиться с этими там — наверху.

Слышен звон колоколов в церкви.

Нынче суббота, как вы слышите, и я не могу отделаться от дурацкого предчувствия: может, они в последний раз звонят, эти колокола...

Г о л о с Б и д е р м а н а. Бабетта!

Б а б е т т а. Не знаю, сударыня, всегда ли прав Готлиб. Он ведь в свое время тоже говорил: конечно, они прохвосты, но если я с ними разругаюсь — тогда прощай наша туалетная вода, Бабетта! А стоило только ему вступить в их партию...

Г о л о с Б и д е р м а н а. Бабетта!

Б а б е т т а. И всегда одно и то же! Я уж знаю моего Готлиба. Слишком он мягкосердечен, да-да, просто слишком мягкосердечен! (*Уходит с гусем.*)

Х о р.

Вот и в очках еще.

Видно, что он из приличной семьи,

Зависти нет в нем,

Но начитан, как видно, и бледен;

Не надеясь, что доброта

К добру приведет,

Полон решимости действовать,

Веря, что цель средства оправдывает,

Тоже надеется он, скептик наивный!

Чистит очки, чтоб видеть дальше.

И в канистрах с горючим видит он

Не горючее —

А идею!

Пока не вспыхнул пожар.

Доктор философии. Добрый вечер...

К о р и ф е й.

К шлангам!

К насосу!

К лестнице!

Пожарники мчатся на свои места.

К о р и ф е й. Добрый вечер.

(*Публике, после того, как отзвучали возгласы «готово».*) Мы начеку...

СЦЕНА ПЯТАЯ

Дом.

Вдова Кнехтлинг все еще здесь — стоит. Звон колоколов становится громче. Анна накрывает на стол. Бидерман вносит два кресла.

Б и д е р м а н. ...Потому что у меня нет времени, фрау Кнехтлинг, вы же видите — абсолютно нет времени, чтобы заниматься покойниками. В общем, я уже сказал: обратитесь к моему адвокату.

Вдова Кнехтлинг уходит.

Анна, закройте окно — собственного голоса не слышно!

Анна закрывает окно, и звон колоколов становится глуше.

Я же сказал: скромный, уютный ужин. На кой черт эти идиотские канделябры?

А н н а. Но они всегда тут стояли, господин Бидерман!

Б и д е р м а н. Я сказал: уютно и скромно. Чтобы никаких излишеств! А эти вазы, черт бы их побрал! Подставочки для ножей, серебро, сплошь серебро и хрусталь. Что они подумают? (*Собирает подставочки для ножей и сует в карман брюк.*) Вы же видите, Анна, в чем я — в самом старом домашнем пиджаке, — а вы? Большой нож для дичи можете оставить, он понадобится. Остальное серебро — прочь, прочь! Господа должны чувствовать себя как дома... Где штопор?

А н н а. Вот он.

Б и д е р м а н. А попроще у вас ничего нет?

А н н а. На кухне. Но он ржавый.

Б и д е р м а н. Тащите его сюда! (*Берет со стола серебряный кувшин.*) А это что такое?

А н н а. Для вина...

Б и д е р м а н. Серебро! (*Тупо смотрит на кувшин, потом на Анну.*) Это что, всегда у нас было?

А н н а. Но это же нужно, господин Бидерман.

Б и д е р м а н. Нужно! Что значит нужно! Что нам нужно — так это человечность, братство. Убирайте кувшин! А это что вы там принесли, черт побери!

А н н а. Салфетки.

Б и д е р м а н. Дамаст!

А н н а. Других нет.

Б и д е р м а н (*собирает салфетки и сует в серебряный кувшин*). Целые племена живут без салфеток, а такие же люди, как и мы...

Входит Бабетта с громадным венком.

(*Еще не видит ее, стоя у стола.*) Я уж думаю — нужна ли нам вообще скатерть...

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Чтобы никаких классовых различий! (*Замечает Бабетту.*) Что это за венок?

Б а б е т т а. Который мы заказывали. Ну что ты скажешь, Готлиб, — прислали венок сюда. А ведь я сама написала им адрес — адрес Кнехтлингов, черным по белому. А тут и лента и все наоборот.

Б и д е р м а н. То есть как — лента наоборот?

Она показывает ленту.

НАШЕМУ НЕЗАБВЕННОМУ ГОТЛИБУ БИДЕРМАНУ. (*Разглядывает ленту.*) Не принимай. И речи быть не может! Пусть перепишут... (*Возвращается к столу.*) Ты меня не нервируй, Бабетта, я занят другими вещами, черт побери, не могу я быть и тут и там.

Бабетта с венком уходит.

Б и д е р м а н. Стало быть, скатерть — долой! Да помогите же, Анна. И, как я уже сказал, никакой сервировки. Категорически! Вы входите без стука, просто входите и ставите гусятницу на стол...

А н н а. Гусятницу?

Б и д е р м а н (*снимает скатерть*). Ну вот, сразу другая атмосфера. Видите? Деревянный стол, и ничего больше — как на тайной вечере. (*Отдает Анне скатерть.*)

А н н а. Господин Бидерман изволят, чтобы я подала гуся просто в гусятнице? (*Свертывает скатерть.*) А вино, господин Бидерман, какое же теперь вино подавать?

Б и д е р м а н. Я сам принесу.

А н н а. Господин Бидерман!

Б и д е р м а н. Ну что еще?

А н н а. А у меня нет такого пуловера, как вы говорите, господин Бидерман, чтобы такой простой, как будто я член семьи.

Б и д е р м а н. Так возьмите у моей жены!

А н н а. Желтый или красный?

Б и д е р м а н. Да любой! Только чтобы я не видел никаких чепчиков и никаких фартучков. Поняли? И, как я уже сказал, канделябры долой! И вообще: проследите, Анна, чтобы не было все так прилично! Если что — я в погребке. *(Уходит.)*

А н н а. «Проследите, чтобы не было все так прилично!» *(Швыряет свернутую скатерть в угол и топчет ее ногами.)* Пожалуйста!

Входят Шмиц и Айзенринг;
у каждого в руках по розе.

О б а. Добрый вечер, барышня!

Анна, не взглянув на них, выходит.

А й з е н р и н г. Так почему же ты без стружки?

Ш м и ц. Вся конфискована. По распоряжению полиции. Мера предосторожности. Каждого, кто продает или держит у себя стружку без разрешения полиции, тут же арестовывают. Мера предосторожности по всей стране... *(Причесывается.)*

А й з е н р и н г. А спички у тебя есть?

Ш м и ц. Нет.

А й з е н р и н г. И у меня нет.

Ш м и ц *(продувает расческу)*. Надо у него попросить.

А й з е н р и н г. У Бидермана?

Ш м и ц. Только бы не забыть. *(Засовывает расческу в карман и шумно поводит носом.)* Ах, как уже благоухает!

Бидерман подходит к рампе с бутылками под мышкой.

Б и д е р м а н. Вы можете подумать об этом все что хотите, господа. Но ответьте мне на один вопрос...

Слышен пьяный рев и смех.

Я скажу так: пока они орут и пьянствуют, они ничем другим не занимаются... Лучшие вина из моего погреба! Если бы мне кто-нибудь это сказал неделю назад... Руку на сердце, господа: в какой момент — только точно — вы

поняли, что это поджигатели? Все это не так просто, как вы думаете, господа, — это назревает медленно, а происходит внезапно... Подозрение! Оно-то у меня сразу зародилось, господа, подозревать проще всего, но — руку на сердце, господа: что бы вы стали делать, черт побери, на моем месте? И в какой момент? (*Прислушивается — все тихо.*) Мне нужно идти! (*Быстро уходит.*)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дом.

Ужин с гусем в полном разгаре, все смеются, громче всех Бидерман (все еще с бутылками под мышкой) — он не может забыть шутки, которая ему понравилась. Бабетта же отнюдь не смеется.

Б и д е р м а н. Ветошь! Нет, ты слыхала? Ветошь, говорит, горит еще лучше!

Б а б е т т а. Не понимаю, что тут смешного.

Б и д е р м а н. Да ведь ветошь! Ты знаешь, что такое ветошь?

Б а б е т т а. Знаю.

Б и д е р м а н. У тебя нет чувства юмора, киска. (*Ставит бутылки на стол.*) Ну что делать, друзья, если у человека просто нет чувства юмора?

Б а б е т т а. Так объясни мне тогда!

Б и д е р м а н. Ну слушай! Сегодня утром Вилли говорит, что он послал Зеппа украсть стружку. Стружку, понимаешь? А сейчас я спрашиваю Зеппа: ну как там со стружкой? А он мне и говорит: «Стружку не достал, зато достал ветошь». Понимаешь? А Вилли и говорит: «Ветошь горит еще лучше».

Б а б е т т а. Это я поняла.

Б и д е р м а н. Ну вот! Поняла?

Б а б е т т а. Так что же тут смешного?

Б и д е р м а н (*сдается*). Выпьем, господа! (*Откупоривает бутылку.*)

Б а б е т т а. Это что, правда, что вы притащили на наш чердак ветошь, господин Шмиц?

Б и д е р м а н. Ты умрешь со смеху, Бабетта, — сегодня утром мы даже вместе измеряли запальный шнур — Вилли и я.

Б а б е т т а. Запальный шнур?

Б и д е р м а н. Бикфордов шнур. (*Наполняет бокалы.*)

Б а б е т т а. А теперь вполне серьезно, господа. Что все это значит?

Б и д е р м а н (*хохочет*). Серьезно, говорит! Серьезно — вы слышали? Серьезно!.. Не поддавайся на удочку, Бабетта, я же тебе говорил: наши друзья так забавно шутят... Я всегда говорил: другой круг — другой юмор... Теперь еще не хватало только, чтобы они попросили у меня спички!

Шмиц и Айзенринг переглядываются.

Ведь наши друзья все еще принимают меня за такого запуганного мещанина, знаешь, у которого нет никакого чувства юмора и которого застрашать проще простого. (*Поднимает бокал.*) Ваше здоровье!

А й з е н р и н г. Ваше здоровье!

Ш м и ц. Ваше здоровье!

Чокаются.

Б и д е р м а н. За нашу дружбу.

Выпивают и садятся.

У нас все по-домашнему, господа, просто угощайтесь, безо всяких.

Ш м и ц. Да я уж больше не могу.

А й з е н р и н г. Не ломайся, Зепп. Ты не в сиротском доме, не ломайся. (*Берет еще кусок гуся.*) Ваш гусь, мадам, — мечта.

Б а б е т т а. Я очень рада.

А й з е н р и н г. Гусь с бургундским! Сюда бы еще только скатерть.

Б а б е т т а. Ты слышишь, Готлиб?

А й з е н р и н г. Но это вовсе не обязательно!.. Такую, знаете, белую скатерть, а на ней — набивные цветы и серебро.

Б и д е р м а н. Анна!

А й з е н р и н г. Набивные цветы — белые такие, знаете, как морозные узоры, — но это вовсе не обязательно, господин Бидерман, вовсе не обязательно. В тюрьме мы тоже ели без скатерти.

Б и д е р м а н. Анна!

Б а б е т т а. В тюрьме?

Б и д е р м а н. Да куда она запропастилась?

Б а б е т т а. Вы были в тюрьме?

Входит Анна, в ярко-красном пуловере.

Б и д е р м а н. Анна, сейчас же принесите скатерть!

А н н а. Как угодно.

А й з е н р и н г. И если у вас есть что-нибудь вроде вазочек — окупать пальцы...

А н н а. Как угодно.

А й з е н р и н г. Может, это вам покажется ребячеством, мадам, но уж такие они, эти люди из народа. Вот Зепп, например, вырос среди угольщиков и в жизни не видал подставочек для ножей, — так вот, видите ли, такая уж мечта всей его загубленной жизни — чтобы стол с серебром и хрусталем!

Б а б е т т а. Но ведь у нас все это есть, Готлиб.

А й з е н р и н г. Да это вовсе не обязательно.

А н н а. Пожалуйста.

А й з е н р и н г. А если есть и салфетки, барышня, тащите сюда!

А н н а. Господин Бидерман сказали...

Б и д е р м а н. Тащите!

А н н а. Пожалуйста. (*Приносит все назад.*)

А й з е н р и н г. Надеюсь, вы не сердитесь, мадам. Когда сидишь в тюрьме, знаете, — месяцами без всякой культуры... (*Берет скатерть и показывает ее Шмицу.*) Ты знаешь, что это такое? (*Бабетте.*) Он в жизни не видел! (*Опять Шмицу.*) Это дамаст.

Ш м и ц. Ну и что? Что с ним делать?

А й з е н р и н г (*повязывает ему скатерть вокруг шеи*). Вот так.

Бидерман делает усилие и смеется, как над очередной шуткой.

Б а б е т т а. А где наши подставочки для ножей, Анна, наши подставочки для ножей?

А н н а. Господин Бидерман...

Б и д е р м а н. Тащите!

А н н а. Вы же сказали: уберите!

Б и д е р м а н. Я говорю, тащите! Где они, черт побери?

А н н а. У вас в брюках. В левом кармане.

Бидерман судорожно лезет в карман и обнаруживает подставочки.

А й з е н р и н г. Да вы только не волнуйтесь.

А н н а. Я же не виновата!

А й з е н р и н г. Вы только не волнуйтесь, барышня!

Анна раздражается рыданиями, поворачивается и убегает.

Это все фён.

Пауза.

Б и д е р м а н. Пейте, друзья, пейте!

Пьют молча.

А й з е н р и н г. Гуся я, знаете, ел каждый день, когда был официантом. Бегаешь по этим длинным коридорам, а на ладони поднос. Но потом, мадам, где нашему брату обтереть пальцы? В том-то и дело. Где же иначе, как не об собственные волосы? А у других людей для этого дела хрустальные вазочки! Вот чего я никогда не забуду. (*Окунает пальцы в вазочку.*) Вы знаете, что такое травма?

Б и д е р м а н. Нет.

А й з е н р и н г. Мне в тюрьме все объяснили. (*Вытирает пальцы.*)

Б а б е т т а. А почему же вы попали в тюрьму, господин Айзенринг?

Б и д е р м а н. Бабетта!

А й з е н р и н г. Почему я попал в тюрьму?

Б и д е р м а н. Об этом же не спрашивают!

А й з е н р и н г. Я сам себя спрашиваю. Я уже сказал, что я был официантом — всего лишь незаметный старший официант, и вдруг меня путают с матерым поджигателем.

Б и д е р м а н. Гм...

А й з е н р и н г. Арестовали прямо на квартире.

Б и д е р м а н. Гм...

А й з е н р и н г. Я был так потрясен, что послушался.

Б и д е р м а н. Гм...

А й з е н р и н г. Мне повезло, мадам, — нарвался на семь исключительно милых полицейских. Когда я сказал, что мне пужно на работу и что у меня нет времени, они говорят: ваше заведение сгорело...

Б и д е р м а н. Сгорело?

А й з е н р и н г. Кажется, в ту же ночь. Да-да.

Б а б е т т а. Сгорело?

А й з е н р и н г. Ну хорошо, говорю. Тогда у меня есть время. А наше заведение — от него остались одни головешки — я видел, когда мы проезжали мимо; знаете, сквозь эти окошечки с решетками в тюремной машине. (*Пьет со вкусом.*)

Б и д е р м а н. А потом?

А й з е н р и н г (*рассматривает этикетку*). Такое у нас тоже было. Сорок девятый! «Кав дель Эшапон»... А потом? Это пускай вон Зепп расскажет. Сижу это

я в предбаннике, поигрываю наручниками, и кого бы вы думали вводят? Вот этого шалопая!

Шмиц весь сияет.

Твое здоровье, Зепп!

Ш м и ц. Твое здоровье, Вилли!

Пьют.

Б и д е р м а н. А потом?

Ш м и ц. Они его спрашивают: «Вы подожгли?» — и сигаретки предлагают. А он им: «Извините, господин комиссар, к сожалению, спичек нет, хоть вы и считаете меня поджигателем».

Оба помирают от хохота и колотят друг друга по ляжкам.

Б и д е р м а н. Гм...

Входит А н н а, снова в чепчике и фартучке, и передает визитную карточку; Бидерман ее разглядывает.

А н н а. Говорит, очень срочно.

Б и д е р м а н. Но у меня гости...

Шмиц и Айзенринг снова чокаются.

Ш м и ц. Твое здоровье, Вилли!

А й з е н р и н г. Твое здоровье, Зепп!

Пьют. Бидерман разглядывает визитную карточку.

Б а б е т т а. Кто там, Готлиб?

Б и д е р м а н. Да этот доктор философии...

Анна хлопчет у буфета.

А й з е н р и н г. А что это там такое, барышня, вон там, серебряное такое?

А н н а. Канделябр.

А й з е н р и н г. Отчего же вы его прячете?

Б и д е р м а н. Тащите сюда!

А н н а. Господин Бидерман сами сказали...

Б и д е р м а н. Я сказал: тащите сюда!

Анна ставит канделябр на стол.

А й з е н р и н г. Зепп, ну что ты на это скажешь? Имеют канделябр и прячут его! Чего еще твоей душе угодно? Серебро, а на нем свечки... Спички есть? (*Шарит у себя в карманах.*)

Ш м и ц. У меня? Нет. (*Шарит у себя в карманах.*)

А й з е н р и н г. К сожалению, у нас в самом деле нет спичек, господин Бидерман.

Б и д е р м а н. У меня есть.

А й з е н р и н г. Давайте их сюда!

Б и д е р м а н. Да я сделаю, сделаю. Вы не беспокойтесь. Я сделаю. (*Зажигает свечи.*)

Б а б е т т а. Так что этот господин хочет?

А н н а. Я его не понимаю, мадам. Говорит, что он не может больше молчать, и ждет в прихожей.

Б а б е т т а. Он что, хочет с глазу на глаз?

А н н а. Да, и потом он все хочет что-то разоблачить.

Б а б е т т а. Что?

А н н а. Не могу понять, мадам, хоть он мне сто раз это говорил; говорит, он хочет отмежеваться...

Горит много свечей.

А й з е н р и н г. Совсем другое впечатление, верно, мадам? Candlelight¹.

Б а б е т т а. О да.

А й з е н р и н г. Главное — создать атмосферу.

Б и д е р м а н. Вот видите, господин Айзенринг. Я очень рад...

Теперь горят все свечи.

А й з е н р и н г. Шмиц, не чавкай!

Б а б е т т а (*наклоняется к Айзенрингу*). Оставьте его!

А й з е н р и н г. У него жуткие манеры, мадам, я прошу прощения: мне так неудобно. А откуда ему их было взять! Из угольщиковой избушки в сиротский дом...

Б а б е т т а. Я знаю!

А й з е н р и н г. Из сиротского дома в цирк...

Б а б е т т а. Знаю!

А й з е н р и н г. Из цирка в театр.

Б а б е т т а. Ах, вот этого я не знала...

А й з е н р и н г. Дороги жизни, мадам, дороги жизни!..

Б а б е т т а (*Шмицу*). В театре вы тоже работали?

Шмиц грызет ножку гуся и кивает.

Где же?

Ш м и ц. Сзади.

А й з е н р и н г. Притом он такой способный; вы уже видели, как Зепп изображает духа?

Ш м и ц. Только не сейчас!

А й з е н р и н г. Почему же не сейчас?

¹ Искусственное освещение, полумрак (*англ.*).

Ш м и ц. Я всего одну неделю проработал в театре, мадам. Потом он сгорел...

Б а б е т т а. Сгорел?

А й з е н р и н г. Ну не ломайся!

Б и д е р м а н. Сгорел?

А й з е н р и н г. Не ломайся! (*Развязывает скатерть, служившую Шмицу салфеткой, и набрасывает ее ему на голову.*) Давай.

Шмиц, закутанный в белую скатерть, встает.

Пожалуйста. Ну что, скажете, не похож на духа?

А н н а. Мне страшно.

А й з е н р и н г. Лапочка! (*Обнимает ее.*)

Анна закрывает лицо руками.

Ш м и ц. Ну что, можем?

А й з е н р и н г. Это театральный жаргон, мадам, это он на репетициях выучил — за одну неделю, пока театр не сгорел к общему удивлению.

Б а б е т т а. Да что вы все время говорите про пожары?

Ш м и ц. Ну что, можем?

А й з е н р и н г. Готов.

Все сидят, Айзенринг прижал Анну к груди.

Ш м и ц. ЛЮБОЙ ИЗ ВАС! ЛЮБОЙ ИЗ ВАС!

Б а б е т т а. Готлиб?..

Б и д е р м а н. Тише!

Б а б е т т а. Мы же это в Зальцбурге видели!¹

Ш м и ц. БИДЕРМАН! БИДЕРМАН!

А й з е н р и н г. Здорово у него получается, правда?

Ш м и ц. БИДЕРМАН! БИДЕРМАН!

А й з е н р и н г. А вы должны спросить: кто ты?

Б и д е р м а н. Я?

А й з е н р и н г. Иначе он дальше текст не сможет сказать.

Ш м и ц. ЛЮБОЙ ИЗ ВАС! БИДЕРМАН!

Б и д е р м а н. Хорошо. Кто я?

Б а б е т т а. Да нет же! Ты должен спросить его, кто он.

¹ «Любой из вас» — драма австрийского поэта, драматурга и историка искусств Гуго фон Гофмансталя (1875 — 1929); ею открывался театальный фестиваль в городе Зальцбурге. Немецкое название пьесы. — «Jedermann» — созвучно с именем «Бидерман», чем и пользуется Шмиц, изображая «духа».

Б и д е р м а н. Ах вот как.

Ш м и ц. ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

А й з е н р и н г. Нет, Зепп, давай сначала, еще раз.

Шмиц и Айзенринг принимают другую позу.

Ш м и ц. ЛЮБОЙ ИЗ ВАС! БИДЕРМАН!

Б а б е т т а. Ну, например, ты смерть?

Б и д е р м а н. Не носи чушь!

Б а б е т т а. А чем же ему еще быть?

Б и д е р м а н. Надо спрашивать: кто ты? Он же может быть и духом Гамлета. Или Каменным гостем. Помнишь? Или этим еще... как там его... ну этим, знаешь — сотрудником Макбета...

Ш м и ц. КТО ЗВАЛ МЕНЯ?

А й з е н р и н г. Дальше!

Ш м и ц. БИДЕРМАН ГОТЛИБ!

Б а б е т т а. Да спроси же его, он ведь к тебе обращается.

Ш м и ц. ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ?

Б и д е р м а н. Ну хорошо. Кто ты?

Ш м и ц. Я — ДУХ КНЕХТЛИНГА.

Бабетта с визгом вскакивает.

А й з е н р и н г. Стоп. (*Срывает со Шмица белую скатерть.*) Идиот! Разве можно так делать! Кнехтлинг! Так нельзя. Кнехтлинга сегодня только похоронили.

Ш м и ц. Ну вот как раз!

Бабетта закрывает лицо руками.

А й з е н р и н г. Мадам, он не Кнехтлинг. (*Укоризненно смотрит на Шмица.*) Ну как ты мог допустить такую безвкусицу?

Ш м и ц. А мне ничего больше в голову не пришло...

А й з е н р и н г. Кнехтлинг! Как будто ничего другого не мог придумать. Ну представь себе: давний и верный сотрудник господина Бидермана, сегодня только похоронили, — он же совсем еще целехонький, бледный как скатерть, белесый и блестящий, как дамаст, твердый и холодный — прямо хоть ставь его на ноги... (*Трогает Бабетту за плечо.*) Честное слово, мадам, он не Кнехтлинг.

Ш м и ц (*вытирает пот со лба*). Прошу прощения.

Б и д е р м а н. Давайте сядем.

А н н а. Теперь все?

Садятся; смущенная пауза.

Б и д е р м а н. Может, сигарку, господа? (*Предлагает коробку с сигарами.*)

А й з е н р и н г. Идиот! Видишь, как господин Бидерман дрожит... Спасибо, господин Бидерман, спасибо!.. Тоже мне, сострил. Ты же прекрасно знаешь: Кнехтлинг отравился газом, после того как наш Готлиб сделал для этого Кнехтлинга все что мог. Четырнадцать лет давал ему работу, этому Кнехтлингу, и вот благодарность...

Б и д е р м а н. Не будем больше об этом говорить.

А й з е н р и н г. Вот благодарность за гуся!

Закуривают сигары.

Ш м и ц. Может, мне спеть что-нибудь?

А й з е н р и н г. Что?

Ш м и ц. «Увела гуся лисица...». (*Поет во весь голос.*)

Увела гуся лисица —

Отдавай назад...

А й з е н р и н г. Эту не надо.

Ш м и ц.

Отдавай назад, —

Вот охотник разозлится...

А й з е н р и н г. Он пьян.

Ш м и ц.

Даст тебе под зад.

А й з е н р и н г. Мадам, не слушайте.

Ш м и ц.

Отдавай назад, —

Вот охотник разозлится,

Даст тебе под зад!

Б и д е р м а н. Даст тебе под зад — это хорошо.

В с е м у ж ч и н ы.

Увела гуся лисица...

Поют на несколько голосов, то очень громко, то очень тихо,
с подголосками, смеются, шумно братаются,
через некоторое время наступает пауза,
но потом сам Бидерман начинает снова, заражая своей
веселостью других, пока хор не затихает от изнеможения.

Б и д е р м а н. Ну, давайте еще выпьем. Ваше здоровье!

Поднимают бокалы, в это время вдали раздается вой сирены.

Что это?

А й з е н р и н г. Сирена.

Б и д е р м а н. Нет, шутки в сторону!
Б а б е т т а. Поджигатели, поджигатели!
Б и д е р м а н. Не кричи.

Бабетта распахивает окно. Звук сирены приближается — воющий, пронизывающий до мозга костей, — потом удаляется, промчавшись мимо.

Хорошо хоть не у нас.

Б а б е т т а. Интересно, где это?

А й з е н р и н г. Откуда фён дует.

Б и д е р м а н. Хорошо хоть не у нас.

А й з е н р и н г. Мы обычно всегда так делаем. Отвлекаем пожарную команду в какой-нибудь пищий квартал на окраине города, а потом, когда начинается по-настоящему, им уже назад не проехать.

Б и д е р м а н. Нет, господа, давайте без шуток...

Ш м и ц. Но мы правда так делаем, без всяких шуток.

Б и д е р м а н. Кончили, кончили, я прошу вас. Все хорошо в меру. Вы видите — жена побледнела как полотно.

Б а б е т т а. А сам?!

Б и д е р м а н. И вообще сирена есть сирена, ничего в этом смешного нет, господа; где-то забава кончается, где-то горит — не станут же наши пожарники просто так выезжать.

А й з е н р и н г (*смотрит на часы*). Нам нужно идти.

Б и д е р м а н. Сейчас?

А й з е н р и н г. Да, к сожалению.

Ш м и ц. Вот охотник разозлится...

Снова взывает сирена.

Б и д е р м а н. Сделай кофе, Бабетта!

Бабетта выходит.

А вы, Анна, что усталились?

Анна выходит.

Между нами, господа: хватит так хватит. У жены большое сердце. Давайте прекратим эти шутки с поджогами.

Ш м и ц. Но мы же не шутим, господин Бидерман.

А й з е н р и н г. Мы поджигатели.

Б и д е р м а н. Нет-нет, господа, теперь я говорю совершенно серьезно...

Ш м и ц. И мы совершенно серьезно.

А й з е н р и н г. Совершенно серьезно.

Ш м и ц. Почему вы нам не верите?

А й з е н р и н г. Ваш дом очень удобно расположен, господин Бидерман, вы сами понимаете; пять таких очагов пожара вокруг газометров, которые, к сожалению, находятся под охраной, да еще если хороший фён...

Б и д е р м а н. Это неправда.

Ш м и ц. Господин Бидерман! Уж если вы считаете нас поджигателями, почему бы нам не поговорить в открытую?

Б и д е р м а н (*съеживается, как побитая собака*). Да я же не считаю вас поджигателями, господа, это неправда, вы ко мне несправедливы, я не считаю вас поджигателями.

А й з е н р и н г. Давайте по-честному!

Б и д е р м а н. Нет, нет и нет!

Ш м и ц. Так кем же вы нас считаете?

Б и д е р м а н. Своими... друзьями...

Они хлопают его по плечу и направляются к двери.

Куда же вы?

А й з е н р и н г. Пора.

Б и д е р м а н. Я клянусь вам, господа, Бог свидетель!

А й з е н р и н г. Бог свидетель!

Б и д е р м а н. Да! (*Медленно поднимает палец в знак клятвы.*)

Ш м и ц. Вилли-то в Бога не верит, господин Бидерман, так же как и вы, — клянитесь не клянитесь.

Продолжают идти к двери.

Б и д е р м а н. Ну что мне сделать, чтобы вы поверили? (*Преграждает им путь.*)

А й з е н р и н г. Дайте нам спичечку.

Б и д е р м а н. Что... дать?

А й з е н р и н г. У нас кончились.

Б и д е р м а н. Дать вам...

А й з е н р и н г. Да. Если вы не считаете нас поджигателями.

Б и д е р м а н. Спичечку?

Ш м и ц. Он хочет сказать — в знак вашего доверия к нам.

Бидерман опускает руку в карман.

А й з е н р и н г. Сомневается. Видишь? Сомневается.

Б и д е р м а н. Тише! Только не при жене...

Бабетта возвращается.

Б а б е т т а. Сейчас будет кофе.

Пауза.

Вы уже собрались идти?

Б и д е р м а н. Да, друзья мои, как не жаль, но... Главное, что вы почувствовали... Я не хочу много говорить, друзья мои, но почему нам, собственно говоря, не называть друг друга на «ты»?

Б а б е т т а. Гм...

Б и д е р м а н. Я предлагаю выпить на брудершафт! *(Берет бутылку и штопор.)*

А й з е н р и н г. Ах, скажите вашему милому супругу, что ни к чему из-за этого начинать бутылку, уже не имеет смысла.

Б и д е р м а н *(откупоривает)*. Для вас мне ничего не жалко, друзья мои, ничего не жалко, и если у вас есть еще какое-нибудь желание... *(Поспешно наполняет бокалы и раздает.)* Чокнемся, друзья!

Чокаются.

Готлиб. *(Целует Шмица в щеку.)*

Ш м и ц. Зепп.

Б и д е р м а н. Готлиб. *(Целует Айзенринга в щеку.)*

А й з е н р и н г. Вилли.

Пьют стоя.

И все-таки, Готлиб, нам пора.

Ш м и ц. К сожалению.

А й з е н р и н г. Мадам...

Опять вой сирен.

Б а б е т т а. Ах, это был такой милый вечер!

Слышен бой колокола.

А й з е н р и н г. Еще только одно, Готлиб...

Б и д е р м а н. Что еще?

А й з е н р и н г. Ну ты знаешь.

Б и д е р м а н. Если у вас есть какое-нибудь желание...

А й з е н р и н г. Спичечки.

Входит Анна с кофе.

Б а б е т т а. Анна, что случилось?

А н н а. Кофе.

Б а б е т т а. Вы же не в себе!

А н н а. За домом... ах, фрау Бидерман, небо — если глядеть из кухни, — все небо горит...

Отсветы пожара уже заполняют комнату,
когда Шмиц и Айзенринг с поклоном выходят.

Б и д е р м а н (*бледен и недвижим*). К счастью, это не у нас... К счастью, это не у нас... К счастью...

Входит доктор философии.

Что вам угодно?

Д о к т о р. Я не могу больше молчать. (*Вынимает из кармана жилета лист бумаги и начинает читать.*) «Я, нижеподписавшийся, будучи глубоко потрясен происходящими событиями, которые, как мне представляется, и с нашей точки зрения не могут быть квалифицированы иначе как преступление, делаю следующее заявление для всей общественности...»

Вой сирен становится все громче. Доктор продолжает читать подробное заявление, но понять уже ни слова невозможно: мешает лай собак, звон колоколов, крики, вой сирен вдали, треск пламени вблизи.

(*Подходит к Бидерману и вручает ему заявление.*) Я отмежевался.

Б и д е р м а н. Ну и что?

Д о к т о р. Я все сказал. (*Снимает очки и прячет в футляр.*) Видите ли, господин Бидерман, я был идеалистом, я вполне искренне мечтал исправить мир, я знал все, что они там делали на чердаке, все, не знал только одного: они это делали просто из удовольствия!

Б и д е р м а н. Господин доктор...

Доктор удаляется.

Послушайте, господин доктор, зачем мне эта бумага?

Доктор перешагивает рампу
и садится в партере.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Ушел...

Б а б е т т а. Что ты дал этим типам? Я ведь видела. Спички?

Б и д е р м а н. Ну почему бы и нет?

Б а б е т т а. Спички?

Б и д е р м а н. Если бы они были настоящими поджигателями, думаешь, у них не было бы спичек? Ах, киска, киска!

Бьют часы. Тишина. Сцена озаряется красным светом, и, пока она темнеет, слышен звон колоколов, лай собак, сирены, грохот рушащихся балок, сигналы, треск пламени, вопли. Все это продолжается до тех пор, пока на авансцену не выходит хор.

Х о р.

Бессмысленно многое в мире,
Но эта история всех бессмысленней:
Раз случившись, многих
Она убила, но, ах, не всех,
Не изменив ничего.

Первый взрыв.

К о р и ф е й.

Газометр взорвался.

Второй взрыв.

Х о р.

То, что предвидит каждый
Задолго,
Свершается все же в конце концов:
Глупость,
Уже неугасимая,
Что роком зовется.

Третий взрыв.

К о р и ф е й.

Еще газометр.

Следует серия взрывов ужасающей силы.

Х о р.

Горе нам! Горе! Горе!

Свет в зрительном зале гаснет.

ЭПИЛОГ

Сцена освобождена от реквизита и совершенно пуста.
Бабетта и Бидерман стоят там же и в тех же позах, что и в конце пьесы.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Тише.

Б а б е т т а. Мы сгорели?

Крик попугая.

Что это?

Опять крик попугая.

Б и д е р м а н. Почему ты не вернулась, пока еще лестница не горела? Я же тебе говорил. Зачем ты еще раз пошла в спальню?

Б а б е т т а. Там же были все мои драгоценности. За ними и пошла.

Б и д е р м а н. Конечно, мы сгорели.

Крик попугая.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Да тише ты!

Б а б е т т а. А где же мы теперь?

Б и д е р м а н. На небесах. Где же еще?

Крик грудного младенца.

Б а б е т т а. Что это?

Опять крик младенца.

Откровенно говоря, Готлиб, я представляла себе небеса совсем иначе...

Б и д е р м а н. Главное сейчас — не терять веру!

Б а б е т т а. Ты так представлял себе небеса?

Крик попугая.

Б и д е р м а н. Это попугай.

Крик попугая.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Главное — не терять веру!

Б а б е т т а. Мы ждем тут уже целую вечность.

Крик младенца.

Опять этот младенец!

Крик попугая.

Готлиб...

Б и д е р м а н. Ну что?

Б а б е т т а. А как же сюда попал попугай?

Звонит дверной звонок.

Б и д е р м а н. Ты меня только не нервируй, Бабетта, прошу тебя. Почему бы попугаю не попасть на небеса? Если он безгрешен...

Звонит дверной звонок.

Что это?

Б а б е т т а. Наш дверной звонок.

Б и д е р м а н. Кто бы это мог быть?

Теперь слышно все вместе: младенец, звонок, попугай.

Б а б е т т а. Если бы только не этот попугай! И еще младенец! Этого я не вынесу, Готлиб, — чтобы такой визг на веки вечные, как в рабочем поселке.

Б и д е р м а н. Тише!

Б а б е т т а. За кого они нас принимают?

Б и д е р м а н. Успокойся.

Б а б е т т а. Мы к такому не привыкли.

Б и д е р м а н. Почему бы нам не попасть на небо? Все наши знакомые на небесах, даже мой адвокат. В последний раз тебе говорю: это могут быть только небеса. Что же еще? Конечно, это небеса. Что мы такого сделали?

Звонит дверной звонок.

Б а б е т т а. Наверное, надо открыть?

Звонок звонит.

Откуда у них, собственно, наш звонок?

Звонок звонит.

Может, это какой-нибудь ангел...

Звонок звонит.

Б и д е р м а н. Я совершенно безгрешен! Я почитал отца и мать, ты это знаешь, — особенно маму, тебя это всегда раздражало. Я строго придерживался десяти заповедей, Бабетта, всю свою жизнь. Я никогда не сотворял себе кумира — уж точно никогда. Я не крал; у нас всегда было все необходимое. И не убивал. И по воскресеньям не работал. И дома ближнего своего не желал, а если желал, то покупал его. Покупать, я надеюсь, пока еще не возвращается! И я ни разу не заметил, чтобы я обманывал. Я не прелюбодействовал, Бабетта, нет, в самом деле, — по сравнению с другими!.. Ты свидетельница, Бабетта, если ангел придет: у меня был один-единственный недостаток — я был слишком мягкосердечен, это возможно, просто слишком мягкосердечен.

Крик попугая.

Б а б е т т а. Ты понимаешь, чего он кричит?

Крик попугая.

Б и д е р м а н. Ты убивала? Я просто спрашиваю. Другим богам поклонялась? С йогами у тебя там был грешок. Ты прелюбодействовала, Бабетта?

Б а б е т т а. С кем?

Б и д е р м а н. Ну вот видишь.

Звонит дверной звонок.

Стало быть, мы на небесах.

Появляется Анна, в чепчике и фартучке.

Б а б е т т а. А Анна что тут делает?

А н н а. Проходит мимо; волосы у нее длинные и ядовито-зеленые. Я надеюсь, она не видела, как ты давал спички, Готлиб. Она может заявить, с нее станется.

Б и д е р м а н. Спички!

Б а б е т т а. Я тебе говорила, Готлиб, это поджигатели. Я тебе с самой первой ночи говорила.

Появляются Анна и полицейский с белыми крылышками за спиной.

А н н а. Сейчас я его позову. *(Выходит.)*

Ангел-полицейский ждет.

Б и д е р м а н. Вот видишь!

Б а б е т т а. Что?

Б и д е р м а н. Ангел.

Полицейский прикладывает руку к козырьку.

Б а б е т т а. Я себе ангелов совсем по-другому представляла.

Б и д е р м а н. Мы не в средневековье.

Б а б е т т а. А ты разве не представлял себе ангелов по-другому?

Полицейский отворачивается и ждет.

Может, нам упасть на колени?

Б и д е р м а н. Спроси его, точно ли здесь небеса. *(Подбадривает колеблющуюся Бабетту энергичными кивками.)* Скажи, что мы ждем уже целую вечность.

Б а б е т т а *(приближается к полицейскому)*. Мой муж и я...

Б и д е р м а н. Скажи, что мы жертвы!

Б а б е т т а. Мы с мужем — жертвы.

Б и д е р м а н. Наша вилла лежит в руинах.

Б а б е т т а. Мы с мужем...

Б и д е р м а н. Скажи, скажи!

Б а б е т т а. ...в руинах.

Б и д е р м а н. Что мы пережили — он даже представить себе не может. Скажи, скажи! Мы все потеряли. Скажи, скажи! И что мы совершенно безгрешны.

Б а б е т т а. Вы даже представить себе этого не можете.

Б и д е р м а н. Что мы пережили!

Б а б е т т а. Все мои драгоценности расплавились!

Б и д е р м а н. Скажи ему, что мы безгрешны...

Б а б е т т а. А мы совершенно безгрешны...

Б и д е р м а н. ...по сравнению с другими!

Б а б е т т а. ...по сравнению с другими.

П о л и ц е й с к и й *(вынимает сигару)*. У вас есть спички?

Б и д е р м а н *(бледнеет)*. Спички? У меня? То есть как?

Из-под земли взвивается язык пламени в человеческий рост.

П о л и ц е й с к и й. Ах, вот и огонек. Спасибо, уже не нужно.

Бабетта и Бидерман, раскрыв глаза, смотрят на пламя.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Тише!

Б а б е т т а. Что это значит?

Появляется Мартышка.

Мартышка. Ну, что тут у вас?
Полицейский. Да вот, несколько грешников.

Мартышка надевает очки.

Бабетта. Готлиб! Мы же его знаем!

Бидерман. Откуда?

Бабетта. Да это же наш доктор философии.

Мартышка (*берет списки и перелистывает их*).

Ну как там у вас наверху дела?

Полицейский. Да не жалуемся. Где живет Господь, никто не знает, но дела идут хорошо, не жалуемся, спасибо.

Мартышка. А почему этих к нам?

Полицейский (*заглядывает в списки*). Вольнодумцы.

У Мартышки десять штемпелей, и она каждый раз ставит соответствующую печать.

Мартышка. НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА!

Полицейский. Врач, вколовший не тот шприц.

Мартышка. НЕ УБИЙ.

Полицейский. Директор с семьей секретаршами.

Мартышка. НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ.

Полицейский. Аборт.

Мартышка. НЕ УБИЙ.

Полицейский. Пьяный мотоциклист.

Мартышка. НЕ УБИЙ.

Полицейский. Беженцы.

Мартышка. А эти в чем согрешили?

Полицейский. Вот: пятьдесят две картофелины, один зонтик, два одеяла.

Мартышка. НЕ УКРАДИ.

Полицейский. Юрисконсульт по налогам.

Мартышка. НЕ ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВУЙ.

Полицейский. Еще один пьяный мотоциклист.

Мартышка молча ставит печать.

Еще вольнодумец.

Мартышка молча ставит печать.

Семь партизан. Они по ошибке попали на небеса, а потом выяснилось, что они грабили, пока их не поймали, не поставили к стенке и не расстреляли.

Мартышка. Гм...

Полицейский. Грабили без униформы.

Мартышка. НЕ УКРАДИ.

П о л и ц е й с к и й. Еще аборт.

М а р т ы ш к а. НЕ УБИЙ.

П о л и ц е й с к и й. А вот это остальные.

М а р т ы ш к а. НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ. (*Ставит печать по меньшей мере на двенадцати донесениях.*)

Опять сплошь середняк! Да-а, порадуетса черт... Сплошь малявки! Боюсь уж и докладывать. Опять ни одной известной личности! Ни одного министра, ни одного маршала...

П о л и ц е й с к и й. Ха!

М а р т ы ш к а. Проводите всех их вниз; по-моему, Вельзевул там уже кончает разводить огонь.

П о л и ц е й с к и й прикладывает руку к козырьку и уходит.

Б а б е т т а. Готлиб! Мы в аду!

Б и д е р м а н. Не кричи!

Б а б е т т а. Готлиб... (*Разражается рыданиями.*)

Б и д е р м а н. Господин доктор...

М а р т ы ш к а. Чем могу служить?

Б и д е р м а н. Тут явно какая-то ошибка... Об этом не может быть и речи... Это надо изменить... Почему нас с женой направили в ад? (*Бабетте.*) Успокойся, Бабетта, тут явно какая-то ошибка... (*Мартышке.*) Могу я поговорить с чертом?

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Могу я поговорить с чертом?

М а р т ы ш к а (*указывает в пространство, как будто там есть кресла*). Присядьте. Так в чем дело?

Бидерман предъявляет документы.

Что это такое?

Б и д е р м а н. Мои водительские права.

М а р т ы ш к а. Это нам не нужно. (*Возвращает документы не глядя.*) Ваша фамилия Бидерман?

Б и д е р м а н. Да.

М а р т ы ш к а. Бидерман Готлиб.

Б и д е р м а н. Торговец.

М а р т ы ш к а. Миллионер.

Б и д е р м а н. А вы откуда знаете?

М а р т ы ш к а. Проживаете Розенвег, тридцать три.

Б и д е р м а н. Да.

М а р т ы ш к а. Черт вас знает.

Бабетта и Бидерман переглядываются.

Присаживайтесь!

Сверху опускаются два обугленных кресла.

Пожалуйста.

Б а б е т т а. Готлиб! Наши кресла!

М а р т ы ш к а. Прошу вас.

Бидерман и Бабетта садятся.

Курите?

Б и д е р м а н. Нет, больше не курю.

М а р т ы ш к а. Ваши собственные сигары, господин Бидерман... (*Берет себе сигару.*) Вы сгорели?

Б и д е р м а н. Да.

М а р т ы ш к а. Вас это удивляет?

Из-под земли вырываются семь языков пламени
в человеческий рост.

М а р т ы ш к а. Спасибо, у меня есть спички. (*Прикуривает сигару и затягивается.*) Одним словом — что вам угодно?

Б и д е р м а н. Мы остались без крова.

М а р т ы ш к а. Кусочек хлеба?

Б и д е р м а н. Хлеба?

М а р т ы ш к а. Или стаканчик вина?

Б и д е р м а н. Мы остались без крова!

М а р т ы ш к а. Анна! (*Курит.*)

Б а б е т т а. Нам не пужно хлеба и вина...

М а р т ы ш к а. Нет?

Б а б е т т а. Мы не нищие...

Б и д е р м а н. Мы жертвы.

Б а б е т т а. Нам не нужно жалости!

Б и д е р м а н. Мы к этому не привыкли.

Б а б е т т а. Мы в этом не нуждаемся!

Входит Анна.

А н н а. Что угодно?

М а р т ы ш к а. Они не хотят жалости.

А н н а. Как угодно. (*Уходит.*)

Б и д е р м а н. Мы хотим только того, что нам полагается по праву.

Б а б е т т а. У нас был собственный дом.

Б и д е р м а н. Просто то, что нам полагается по праву.

Б а б е т т а. Просто наш скромный собственный дом.

Б и д е р м а н. Мы требуем возмещения убытков!

Мартышка удаляется направо молча, как это обычно
делают секретари.

Б а б е т т а. Почему это он сказал, что черт тебя знает?
Б и д е р м а н. А я откуда знаю...

Бой часов.

Б а б е т т а. Готлиб! Наши часы!

Часы бьют девять.

Б и д е р м а н. Мы потребуем полного возврата всего, что сгорело. Мы были застрахованы. Поверь мне, я не успокоюсь, пока они не восстановят все, как было.

Мартышка возвращается с левой стороны.

М а р т ы ш к а. Минуточку, минуточку. (*Уходит направо.*)

Б и д е р м а н. Разважничались, черти!

Б а б е т т а. Тсс!

Б и д е р м а н. Нет, в самом деле! Не хватало еще, чтобы с нас потребовали отпечатки пальцев. Как в консульстве каком! Все исключительно с целью внушить людям угрызения совести.

Бабетта гладит его по руке.

У меня совесть чиста, будь спокойна, я не волнуюсь, Бабетта, я буду говорить с ними строго по-деловому, строго по-деловому.

Крик попугая.

Строго по-деловому!

Б а б е т т а. А если они спросят про спички?

Б и д е р м а н. Да, я дал их. Ну и что? Все давали спички. Почти все! Иначе не сгорел бы весь город — я же видел, как огонь полыхал из-под всех крыш. У Гофманов тоже! И у Карла! И у профессора Мара! Не говоря уже о том, что я просто пал жертвой собственной доверчивости.

Б а б е т т а. Не волнуйся.

Б и д е р м а н. Скажи, пожалуйста, если бы мы с тобой — ты и я — не дали спичек, ты что, думаешь, это что-нибудь изменило бы в катастрофе?

Б а б е т т а. Я спичек не давала.

Б и д е р м а н. И вообще — нельзя же всех швырнуть в ад, если все так делали?

Б а б е т т а. Почему нельзя?

Б и д е р м а н. Есть же все-таки хоть какое-то милосердие...

Возвращается Мартышка.

М а р т ы ш к а. Я очень сожалею, но владыка преисподней задерживается. Может быть, господа поговорят с Вельзевулом?

Б а б е т т а. С Вельзевулом?

М а р т ы ш к а. Этот принимает.

Б и д е р м а н. Вельзевул?

М а р т ы ш к а. Только уж очень он воняет. Знаете, это тот, что с лошадиным копытом, с козлиным хвостом и с рогами. Ну вы его знаете! Но этот вряд ли вам чем поможет, мадам, — он всего лишь мелкая сошка, этот Зепп.

Б и д е р м а н. Зепп??

Бабетта вскакивает.

Сядь.

Б а б е т т а. Что я тебе говорила, Готлиб? В первую же ночь!

Б и д е р м а н. Молчи! (*Смотрит на нее так, что Бабетта садится.*) У жены большое сердце.

М а р т ы ш к а. Ах!

Б и д е р м а н. Подолгу не может заснуть. Вот и чудятся всякие привидения. Но при свете дня, господин доктор, у нас не было ни малейшего основания для каких бы то ни было подозрений, клянусь вам — ни секунды...

Бабетта бросает на Бидермана возмущенный взгляд.

У меня, во всяком случае!

Б а б е т т а. Почему же ты тогда хотел их вышвырнуть на улицу, Готлиб? Собственноручно и прямо ночью?

Б и д е р м а н. Я же их не вышвырнул!

Б а б е т т а. Вот именно.

Б и д е р м а н. А почему же, черт побери, ты его не вышвырнула?

Б а б е т т а. Я?

Б и д е р м а н. Да, ты! Вместо того чтобы кормить его завтраком с конфитюром и сыром. И с яичками всмятку!

Мартышка курит сигару.

Короче говоря, господин доктор, мы тогда совершенно не подозревали, что у нас происходит в доме, совершенно не подозревали.

Слышен звук фанфар.

М а р т ы ш к а. Может, это уже он?

Б а б е т т а. Кто?

М а р т ы ш к а. Владыка преисподней.

Снова звук фанфар.

Он поехал на небеса, и вполне возможно, что он в паршивом настроении. Мы ждали его еще вчера. Видимо, опять переговоры зашли в тупик.

Б и д е р м а н. Из-за меня?

М а р т ы ш к а. Из-за этой последней амнистии...
(Шепчет Бидерману на ухо.)

Б и д е р м а н. Это я читал.

М а р т ы ш к а. Ну и что вы на это скажете? (Шепчет Бидерману на ухо.)

Б и д е р м а н. Не может быть!

Мартышка шепчет ему на ухо.

То есть как?

Мартышка шепчет ему на ухо.

Вы думаете?

М а р т ы ш к а. Если небеса не будут придерживать десяти заповедей...

Б и д е р м а н. Гм...

М а р т ы ш к а. Без небес — никакой преисподней!

Б и д е р м а н. Гм...

М а р т ы ш к а. Вот об этом и ведутся переговоры.

Б и д е р м а н. О десяти заповедях?

М а р т ы ш к а. О принципе.

Б и д е р м а н. Гм...

М а р т ы ш к а. Если небеса думают, что преисподняя все будет терпеть... (Шепчет Бидерману на ухо.)

Б и д е р м а н. Забастовка?

Мартышка шепчет ему на ухо.

Вы думаете?

М а р т ы ш к а. Я точно не знаю, господин Бидерман, я просто говорю, что это возможно. Очень возможно. Все будет зависеть от результатов переговоров...

Слышен звук фанфар.

Это он! (Уходит.)

Б а б е т т а. Что это он тебе говорил?

Б и д е р м а н. Он говорит, что возможно, очень возможно, что в ад больше никого впускать не будут. С сегодняшнего дня. Понимаешь? Вообще не будут.

Б а б е т т а. Как же так?

Б и д е р м а н. Потому что в аду забастовка.

Звонит дверной звонок.

Черти, говорит, просто вне себя. Они чувствуют себя обманутыми: они рассчитывали на целый ряд видных личностей, а небеса, судя по всему, их помиловали. Вот он и говорит, что в таких условиях черти, по-видимому, откажутся содержать преисподнюю. В общем, поговаривают о кризисе преисподней.

Анна выходит слева и проходит направо за сцену.

Как, собственно, Анна попала в ад?

Б а б е т т а. Она украла у меня пару чулок. Я уж не стала тебе говорить. Пару новых нейлоновых чулок.

Входит Анна и вводит вдову Кнехтлинг.

А н н а. Присядьте. Но если вы вдова Кнехтлинга, то это ни к чему: ваш муж самоубийца. Присаживайтесь. Но это ни к чему. (*Уходит.*)

Вдова Кнехтлинг стоит — сестры не на что, кресел нет.

Б а б е т т а. А этой что тут надо?

Бидерман приветствует вдову Кнехтлинг кислой улыбкой.

Готлиб... Она хочет на нас заявить. (*Приветствует вдову Кнехтлинг кислой улыбкой.*)

Б и д е р м а н. Пускай заявляет!

Снова звук фанфар — на этот раз ближе.

Это же чепуха! Что он, не мог переждать недельку, черт побери, и выбрать потом удобный момент, чтобы поговорить со мной? Я же не мог подумать, что Кнехтлинг на самом деле откроет газ из-за увольнения, черт побери!

Звук фанфар приближается.

В общем, я совершенно не боюсь.

Звук фанфар приближается.

Спички! Спички!

Б а б е т т а. Может, это никто и не видел?

Б и д е р м а н. Я не позволю создавать ажиотаж вокруг какой-то катастрофы! Катастрофы были, есть и будут! И вообще: ты только посмотри на наш город! Весь из стекла и бетона! Я тебе скажу, если уж говорить откровенно, — это просто благо, что он сгорел, просто благо — с архитектурной точки зрения...

Слышен звук фанфар, потом вступает орган, и появляется пышно разодетая Фигура в величественной и торжественной позе; облачение у нее примерно, как у епископа, но только примерно. Бидерман и Бабетта опускаются на колени у рамп.

Фигура (*стоит неподвижно посредине сцены*). Анна! (*Медленно снимает фиолетовые перчатки*.) Я только что с небес.

Бидерман. Слышишь?

Фигура. Толку никакого. (*Швыряет первую перчатку*.) Анна! (*Медленно снимает вторую перчатку*.) Я сомневаюсь, настоящие ли небеса они мне показали, — они-то уверяют, что настоящие, но я сомневаюсь... Так все торжественно, все при орденах, и из всех репродукторов несет фимиамом. Целый Млечный Путь из орденов — черт голову сломает. Встретил там всех своих клиентов — самых отъявленных убийц, — так вокруг лысин у них порхают ангелочки, все друг другу кланяются, прогуливаются, пьют вино, поют «Аллилуйя», хихикают, что их помиловали; святые демонстративно молчат — они-то все каменные или деревянные, взяты напрокат; а князья церкви — я замешался в толпу князей церкви, чтобы разведать, где живет Бог, — они тоже молчат, хотя они-то уж не каменные и не деревянные... (*Швыряет вторую перчатку*.) Анна! (*Снимает головной убор и оказывается Айзенрингом*.) Я переоделся! А те, что там наверху стоят у власти и сами себе отпускают грехи, они меня даже не узнали. Я их благословлял!

Появляются Анна и Мартышка и склоняются перед Фигурой.

Разденьте меня! (*Сохранив по-прежнему величественную позу, простирает руки, чтобы можно было растянуть четыре шелковых облачения: первое серебристо-белое, второе позолоченное, третье фиолетовое и четвертое кроваво-красное*.)

Орган смолкает. Бидерман и Бабетта продолжают оставаться на коленях у рамп.

Принесите фрак!

Анна. Как вам угодно.

Фигура. И парик старшего официанта.

Анна и Мартышка снимают первое облачение.

Я сомневаюсь, точно ли Господь Бог меня принимал, — все-то он знает, а когда повышает голос, то говорит точно-точно как пишут в газетах — слово в слово.

Крик попугая.

Где Вельзевул?

Мартышка. В котельной.

Фигура. Позовите его.

Сцена вдруг озаряется красным светом.

Что это за пламя?

Мартышка. Да это он разжигает. Только что были несколько грешников — ничего значительного, так, обычная серость...

Снимает второе облачение.

Фигура. Пускай погасит огонь.

Мартышка. Погасит?

Фигура. Погасит.

Крик попугая.

Как там мой попугайчик? (*Замечает Бидермана и Бабетту.*) Спроси их, чего они молятся.

Мартышка. Они не молятся.

Фигура. Но они же на коленях...

Мартышка. Они хотят, чтобы им вернули их дом...

Фигура. Чего-чего?

Мартышка. Требуют компенсации.

Крик попугая.

Фигура. Люблю своего попугая! Единственное живое существо, не искажающее моих лозунгов! Я его нашел в одном горящем доме. До чего преданная тварь! Надо будет посадить его себе на правое плечо, когда опять отправлюсь на землю.

Анна и Мартышка снимают третье облачение.

А теперь, лапочка, мой фрак.

Анна. Как вам угодно.

Фигура. А вы, доктор, давайте сюда велосипеды. Помпите? Два ржавых велосипеда.

Мартышка и Анна с поклоном выходят.

Бидерман. Вилли!.. Да это же Вилли!.. Я Готлиб, ваш друг. Вилли, ты что, забыл?

Фигура снимает с себя четвертое, последнее одеяние.

Бабетта. Мы совершенно безгрешны, господин Айзенринг. Почему нас направили к вам, господин Айзен-

ринг? Мы — жертвы, господин Айзенринг. Все мои драгоценности расплавились...

Фигура стоит в рубашке и носках.

Бидерман. Почему он делает вид, что не знает нас?

Бабетта. Ему неудобно, отвернись.

Анна вносит фрачные брюки.

Фигура. Спасибо, лапочка, спасибо.

Анна собирается уходить.

Анна!

Анна. Что вам угодно?

Фигура. Принесите две бархатные подушки.

Анна. Как вам угодно.

Фигура. Для господ, что стоят на коленях.

Анна. Как вам угодно. (*Выходит.*)

Фигура надевает фрачные брюки.

Бидерман. Вилли...

Бабетта. Вы же нас помните, господин Айзенринг, наверняка помните. Мой гусь — мечта, вы сами говорили.

Бидерман. Гусь в бургундском!

Бабетта. И с каштанами!

Бидерман. И с красной капустой!

Бабетта. И candlelight, господин Айзенринг, candlelight!

Бидерман. И как мы все вместе пели...

Бабетта. Ах да...

Бидерман. Ты что, в самом деле забыл?

Бабетта. Был такой милый вечер...

Бидерман. Сорок девятый, Вилли, «Кав дель Эшанон»! Лучшая бутылка в моем погребе! Вилли! Разве я не отдал все для того, чтобы мы стали друзьями?

Фигура отряхивает фрачные брюки.

Ты свидетель, Бабетта. Разве я не отдал все, что было у нас в доме?

Бабетта. Даже спички.

Анна вносит две красные бархатные подушечки.

Фигура. Спасибо, лапочка, спасибо!

Анна (*дает подушечки Бидерману и Бабетте*). Что-нибудь еще?

Фигура. Мой жилет, лапочка, мой белый жилет!

А н н а. Как угодно.
Ф и г у р а. И парик!

Анна выходит.

(*Повязывает галстук.*) «Кав дель Эшанон»?..

Бидерман кивает, лицо его озаряется радостной улыбкой.

Я все помню, Готлиб, отлично помню, как только черт умеет помнить. Ты чокался с нами, чтобы выпить на брудершафт, и дошел до того, что целовал черта в щеку — даже вспомнить стыдно, какая сцена!

Крик попугая.

Б и д е р м а н. Мы же не знали, Вилли, что вы черти. Честное слово! Если бы мы знали, что вы на самом деле черти...

Появляется Шмиц в обличье Вельзевула — с лошадиным копытом, козлиным хвостом и рогами; в руках у него большая лопата для угля.

В е л ь з е в у л. Ну в чем тут дело?!

Ф и г у р а. Не ори.

В е л ь з е в у л. Чего это ты переодеваешься?

Ф и г у р а. Нам нужно опять на землю, Зепп.

Анна вносит белый жилет.

Спасибо, лапочка, спасибо. (*Надевает жилет.*) Ты потушил котлы?

В е л ь з е в у л. Нет.

Ф и г у р а. Делай, что тебе говорят.

Пламя разгорается еще ярче.

В е л ь з е в у л. Угли-то уже там!..

Анна уходит, затем вносит фрак.

Ф и г у р а. Минуточку, лапочка, минуточку! (*Застегивает жилет.*) Я только что с небес...

В е л ь з е в у л. Ну и что?

Ф и г у р а. Уж с кем только я там не встречался, чего только не испробовал — никакого толку. Ни одного не отдают. Это безнадежно.

В е л ь з е в у л. Ни одного?

Ф и г у р а. Ни одного.

Анна держит фрак.

Доктор!

М а р т ы ш к а. Слушаю вас.
Ф и г у р а. Зовите пожарников.

Мартышка с поклоном выходит.

В е л ь з е в у л. Ни одного не отдают?

Ф и г у р а. Каждый, кто в униформе или был в униформе, когда убивал, или обещает носить униформу, когда надо будет убивать или приказывать убивать, — спасен.

В е л ь з е в у л. Спасен?!

Ф и г у р а. Не ори.

В е л ь з е в у л. Спасен?!

Слышно эхо с небес: «Спасен».

Ф и г у р а. Слыхал?

Эхо: «Спасен. Спасен. Спасен».

Вельзевул тупо смотрит вверх.

Надевай свои шмотки, Зепп, надо нам опять приниматься за работу.

Входит хор.

Х о р.

Горе! Горе! Горе!

Б а б е т т а. Готлиб!

Б и д е р м а н. Тише ты!

Б а б е т т а. А этим что тут надо?

Х о р.

Житель города, зри,

Как мы бессильны:

Города стражи верные,

Тушенью обученные,

В касках сверкающих, ах,

Обречены мы

Вечно взирать на адское пламя,

Где корчится в дьявольской топке житель

Мирный.

Ф и г у р а. Господа, тушите преисподнюю!

Хор онемел.

Ну что вы стоите?

Х о р.

Мы наготове.

Тщательно свернуты шланги красные,

Все по инструкции,

Блещет каждый ворот,
Из меди сделанный.
Каждый место знает свое.
Блещет, проверен тщательно,
Чтобы напора хватило,
Насос наш,
Тоже из меди сделанный.
К о р и ф е й.
А пожарные краны?
Х о р.
Каждый место знает свое.
К о р и ф е й.
Мы наготове.
Ф и г у р а (*оправляет фрак*). Ну, валяйте.

Отсветы пламени разгораются снова.

К о р и ф е й.
К шлангам!
К насосу!
К лестнице!

Пожарники мчатся по своим местам, возгласы: «Готов!»

Мы начеку.

Ф и г у р а. Прекрасно.

Слышно шипение пожарных кранов, отсветы пламени бледнеют.

М а р т ы ш к а. Вот видите, господин Бидерман, так оно и есть, как я предполагал...

Ф и г у р а. Доктор!

М а р т ы ш к а. Слушаюсь.

Ф и г у р а. Велосипеды!

М а р т ы ш к а. Слушаюсь.

Ф и г у р а. И парик, парик!

А н н а. Слушаюсь.

Ф и г у р а. И попугая!

Мартышка и Анна уходят.

В е л ь з е в у л. Мои детские мечты! Мои детские мечты! Не убий — ха-ха! И я в это верил. Во что он превратил мечты моего детства!

Фигура чистит себе ногти.

Я, сын угольщика и цыганки, не умевший читать, только и знавший, что десять заповедей, — я проданся черту. Как так? Да просто послал к черту все заповеди. «Катись ты

к черту, Зепп!» — все мне так говорили, я и покатился. Я стал лгать, потому что тогда сразу жить становилось легче, и продался черту. Я крал, где хотел, и продался черту. Спал с кем придется — с замужними и незамужними, — потому что это мне доставляло удовольствие, и прекрасно себя чувствовал, когда пересплю, и продался черту. И в моей деревне они передо мной дрожали — я был сильнее всех, потому что я продался черту. Я подставлял им ножку, когда они шли в церковь, потому что это доставляло мне удовольствие, и поджигал их конюшни, пока они там молились и пели, потому что это доставляло мне удовольствие, и смеялся над их Господом Богом, который ни разу не пришел мне на помощь. Кто свалил ель, которая убила моего отца — среди бела дня? И моя мать молилась за меня и умерла от горя, и я попал в сиротский дом, чтобы поджечь его, и в цирк, чтобы поджечь его, потому что мне это все больше и больше доставляло удовольствие, и я устраивал поджоги во всех городах — просто мне хотелось продаться черту. Делай то-то! Не делай того-то! Делай то-то! У нас ведь не было там в лесу ни газет, ни радио — одна Библия, вот я и решил, что человек продается черту, когда он убивает, насилует, плюет на все заповеди и уничтожает целые города. Вот как я решил!..

Фигура смеется.

Ничего смешного тут нет, Вилли!

Анна приносит парик.

Ф и г у р а. Спасибо, лапочка, спасибо.

Мартышка приводит два ржавых велосипеда.

В е л ь з е в у л. Ничего смешного тут нет, мне блевать хочется, когда я вижу, куда все идет. Что они сделали с мечтами моего детства! Я съесть столько не могу, сколько мне хочется выблевать.

Ф и г у р а (*прилаживает парик*). Собирайся. (*Берет один из ржавых велосипедов.*) Страсть как хочется повидать своих старых клиентов — знатных господ, которые никогда не попадают в ад, и снова их пообслуживать. Страсть как хочется!.. Снова искры, и треск пламени, и sireны, которые вечно воют с запозданием, лай собак, дым, вопли — и пепел!

Вельзевул отстегивает козлиный хвост.

Ты готов?

В е л ь з е в у л. Минуточку.

Фигура садится на велосипед и звонит.

Иду, иду. (*Отстегивает лошадиное копыто.*)

К о р и ф е й.

Закрыть насос!

Опустить шланги!

Остановить воду!

Красные отсветы исчезают совсем.

Ф и г у р а. Ну, готов?

В е л ь з е в у л (*берется за велосипед*). Готов! (*Садится на велосипед и звонит.*)

Ф и г у р а. А рога?

Вельзевул спохватывается и снимает рога.

Анна!

А н н а. Что вам угодно?

Ф и г у р а. Спасибо, лапочка, спасибо за все твои услуги. Чего это ты такая хмурая ходишь с утра до вечера? Только один раз и засмеялась. Помнишь? Когда мы пели песню про лисицу, про гуся и про охотника.

Анна смеется.

Мы еще ее споем!

А н н а. Ой, пожалуйста!

Выступает хор.

Х о р.

Житель города, зри...

Ф и г у р а. Только покороче!

Х о р.

Преисподняя потушена.

Ф и г у р а. Благодарю вас. (*Шарит по карманам.*)

Спички у тебя есть?

В е л ь з е в у л. Нет.

Ф и г у р а. И у меня нет.

В е л ь з е в у л. Вот каждый раз так!

Ф и г у р а. Подарят.

Мартышка приносит попугая.

Попугайчик! (*Сажает попугая на правое плечо.*) Пока я не забыл, доктор: больше никаких душ не принимать. Скажите голубчикам, что преисподняя забастовала. А если ангел будет спрашивать, скажите, что мы на земле.

Вельзевул звонит.

Ф и г у р а. Ну, тронулись!
О б а (*уезжают и машут на прощание*). Всего хорошего, Готлиб, всего хорошего!

Выступает хор.

Х о р.
Солнца луч,
Ресница ока божественного,
Снова день всходит
К о р и ф е й.
Над возрожденным городом.
Х о р.
Аллилуйя!

Вдали слышен крик попугая.

Б а б е т т а. Готлиб...
Б и д е р м а н. Да тихо ты!
Б а б е т т а. Мы что, спасены?
Б и д е р м а н. Главное сейчас — не терять веру.

Проходит вдова Кнехтлинг.

Х о р.
Аллилуйя!
Б а б е т т а. Смотри, смотри, Кнехтлингша пошла...
Х о р.
Прекраснее прежнего
Из праха и пепла
Восстал наш город —
Выметен мусор и забыт уже начисто,
Забыты начисто также
Те, кто обуглились, крики их
Из пламени...
Б и д е р м а н. Жизнь продолжается.
Х о р.
Все они стали давней историей.
И немцы.
К о р и ф е й.
Аллилуйя!
Х о р.
Прекрасней прежнего,
Богаче прежнего,
Выше и современнее,
Из стекла и бетона,

Но в сердцах наших прежний,
Аллилуйя,
Восстал наш город!

Вступает орган.

Б а б е т т а. Готлиб...

Б и д е р м а н. Ну что тебе?

Б а б е т т а. Как ты думаешь, мы спасены?

Б и д е р м а н. Да уж я думаю...

Орган нарастает, Бидерман и Бабетта стоят на коленях.

Занавес падает.

АНДОРРА

*Пьеса
в двенадцати картинах*

A n d o r r a
S t ü c k i n z w o l f B i l d e r n

1 9 5 7 – 1 9 6 1

© 1976 Suhrkamp Verlag
Frankfurt am Main

© С. Ант, перевод
на русский язык, 2000

Андорра в этой пьесе не имеет никакого отношения к действительно существующему маленькому государству с тем же названием, не подразумевается и какое-либо другое действительно существующее маленькое государство.

Андорра — это название некоей модели.

Действующие лица

Андри
Барблин
Учитель
Мать
Сеньора
Патер
Солдат
Трактирщик
Столяр
Доктор
Подмастерье
Некто
Без слов
Идиот
Солдаты в черной форме
Выявляющий
Андоррский народ

Картина первая

Перед андоррским домом.

Барблин белит узкую и высокую стену кистью на длинной палке.

Андоррский солдат, в оливково-сером, прислонился к стене.

Б а р б л и н. Если бы ты не пялил глаза на мои ноги, ты бы увидел, что я делаю. Я белю. Потому что завтра день Святого Георгия, если ты это забыл. Я белю дом своего отца. А вы, солдаты, что вы делаете? Вы слоняетесь по улицам, заткнув за пояс оба больших пальца, и заглядываете нам за пазуху, стоит лишь нам наклониться.

Солдат смеется.

Я обручена.

С о л д а т. Обручена!

Б а р б л и н. Ржешь как дурачок.

С о л д а т. У него что, куриная грудь?

Б а р б л и н. Это почему?

С о л д а т. Ты же его не показываешь.

Б а р б л и н. Оставь меня в покое!

С о л д а т. Или плоскостопие?

Б а р б л и н. С какой стати — плоскостопие?

С о л д а т. Во всяком случае он с тобой не танцует.

Барблин белит стену.

Может быть, он ангел? *(Смеется.)* Что-то я ни разу его не видел.

Б а р б л и н. Обручена!

С о л д а т. Колечка, однако, не вижу.

Б а р б л и н. Обручена. *(Окунает кисть в ведро.)*

И вообще ты мне не нравишься.

На авансцене, справа, стоит оркестрион. Здесь, пока Барблин белит стену, появляется Столяр, грузный мужчина, а за ним, в одежде поваренка, Андри.

С т о л я р. Где моя палка?

А н д р и. Вот она, господин мастер.

С т о л я р. Просто наказание — эти всегдашние чаевые. Только положишь кошелек в карман...

Андри подает ему палку и получает на чай монетку, которую бросает в оркестрион; раздается музыка; Столяр проходит спереди через сцену, и Барблин приходится убрать свое ведро, поскольку Столяр не намеревается обойти его. Андри вытирает тарелку, двигаясь в такт музыке, затем исчезает, а с ним и музыка.

Б а р б л и н. Ты все еще здесь?

С о л д а т. У меня увольнительная.

Б а р б л и н. Что еще хочешь узнать?

С о л д а т. Кто твой жених.

Барблин белит стену.

Все белят дома своих отцов, потому что завтра день Святого Георгия, и Угольный Мешок носится по всем улицам, потому что завтра день Святого Георгия: белите, девы, белите дома своих отцов, чтобы Андорра была у нас белая, девы, белоснежная!

Б а р б л и н. Угольный Мешок — это кто еще? (Смеется.)

С о л д а т. Ты дева?

Солдат смеется.

Значит, я тебе не нравлюсь?

Б а р б л и н. Нет.

С о л д а т. Это уже не одна говорила, но потом она все-таки становилась моей, если мне нравились ее ножки и ее волосы.

Барблин показывает ему язык.

И ее красный язык к тому же! (*Закуривает и оглядывает дом доверху.*) Где твоя комната?

Входит Патер, ведя велосипед.

П а т е р. Это мне нравится, Барблин, это мне очень нравится. У нас будет белая Андорра, девы, белоснежная Андорра, если только ненароком не хлынет ливень.

Солдат смеется.

Отец дома?

С о л д а т. Если только ненароком не хлынет ливень! Церковь-то его не такая белая, как кажется, это уже выяснилось, церковь его тоже сделана всего-навсего из земли, а земля красная, и когда льет дождь, мел у вас всегда смы-

вается, и кажется, будто здесь свиной закололи — смывается ваш белоснежный мел с вашей белоснежной церкви. *(Проверяет ладонью, не накрапывает ли дождь.)* Если только пенароком не хлынет ливень!

Солдат исчезает.

П а т е р. Что этому здесь нужно?

Б а р б л и н. Это правда, ваше преподобие, что говорят люди? Что черные оттуда на нас нападут, потому что они завидуют нашим белым домам. В какое-то утро, в четыре часа, они нагрянут на тысяче черных танков, которые прокатятся по нашим полям, и с парашютами, как серая саранча, свалятся с неба.

П а т е р. Кто это говорит?

Б а р б л и н. Пайдер, солдат. *(Окунает кисть в ведро.)* Отца нет дома.

П а т е р. Так я и думал. *(Пауза.)* Почему он так много пьет в последнее время? А потом ругает всех и вся. Он забывает, кто он. Почему он всегда говорит такие вещи?

Б а р б л и н. Я не знаю, что он говорит в кабачке.

П а т е р. Ему что-то мерещится. Разве здесь все не возмущались черными, когда они там бесчинствовали, как при избиении младенцев в Вифлееме, разве не собирали тогда одежду для беженцев? Он говорит, что мы не лучше, чем черные там. Почему он твердит это все время? Люди обижаются на него, меня это не удивляет. Учителю не пристало так говорить. И почему он верит любому слуху в кабачке? *(Пауза.)* Никто не преследует вашего Андри...

Барблин прерывает работу и прислушивается.

...Никто еще вашего Андри пальцем не тронул.

Барблин продолжает белить стену.

Я вижу, ты трудишься на совесть, ты уже не ребенок, ты работаешь, как взрослая девушка.

Б а р б л и н. Мне ведь девятнадцать.

П а т е р. И еще не обручена.

Барблин молчит.

Надеюсь, этому Пайдеру у тебя не повезет.

Б а р б л и н. Нет.

П а т е р. У него грязные глаза. *(Пауза.)* Он тебя испугал? Чтобы покрасоваться. С чего бы им на нас нападать? Долины у нас узкие, поля каменистые и крутые, машины не сочнее, чем где-либо. Чего им хотеть от нас?

Кто хочет пашей ржи, тот должен жать ее серпом, должен пагиваться на каждом шагу. Андорра — красивая страна, но бедная страна. Мирная страна, слабая страна... благочестивая страна, если мы боимся Бога, а мы боимся его, дитя мое.

Барблин белит стену.

Не правда ли?

Б а р б л и н. А если они все-таки придут?

Звонят к вечерне, отрывисто и монотонно.

П а т е р. Завтра увидимся, Барблин. Скажи отцу, что Святому Георгию не хочется видеть его пьяным. (*Садится на велосипед.*) Или лучше ничего не говори, а то он только разбушует, но присмотри за ним.

Патер бесшумно уезжает.

Б а р б л и н. А если они все-таки придут, ваше преподобие?

На авансцене справа, возле оркестриона, появляется Некто, за ним Андри в одежде поваренка.

Н е к т о. Где моя шляпа?

А н д р и. Вот она, сударь.

Н е к т о. Душный вечер. По-моему, воздух пахнет грозой.

Андри подает шляпу и получает на чай, он бросает монетку в оркестрион, но еще не нажимает кнопку, а только насвистывает и выбирает пластинку. Тем временем Некто прохаживается спереди по сцене и останавливается перед Барблин, которая продолжает трудиться, не заметив, что Патер уехал.

Б а р б л и н. Это правда, ваше преподобие, что говорят люди? Они говорят: если придут черные, то каждого, кто еврей, схватят на месте. Его, говорят, привяжут к столбу и выстрелят в затылок. Это правда или это слух? И если у него есть невеста, то ее, говорят, остригут, как шелудивую собаку.

Н е к т о. Что это ты болтаешь?

Барблин оборачивается и пугается.

Добрый вечер.

Б а р б л и н. Добрый вечер.

Н е к т о. Прекрасный сегодня вечер.

Б а р б л и н (*берет ведро*). Да.

Н е к т о. Что-то такое в воздухе.

Б а р б л и н. Что вы имеете в виду?

Н е к т о. Грозу. Все так и ждет ветра, и листва, и запа-
вески, и пыль. А в небе ни облачка. Но это чувствуется.
Такая жаркая тишина. Комары это тоже чувствуют. Такая
сухая и ленивая тишина. Мне кажется, в воздухе пахнет
грозой, земле это на пользу...

Барблин уходит в дом, Некто продолжает прохаживаться. Андри
включает оркестрион, ту же пластинку, что прежде, и, вытирая
тарелку, исчезает. Видна андоррская площадь. Столяр и учитель
сидят перед кабачком. Музыка умолкла.

У ч и т е л ь. Речь-то идет о моем сыне.

С т о л я р. Я сказал: пятьдесят фунтов.

У ч и т е л ь. ...то есть о моем приемном сыне.

С т о л я р. Я сказал: пятьдесят фунтов. (*Стучит
монетой по столу.*) Мне пора. (*Стучит снова.*) Почему
он хочет непременно стать столяром? Стать столяром не
так-то просто, если у человека нет этого в крови. А откуда
это может быть у него в крови? Я только так, к слову. По-
чему не маклером? Например. Почему ему не пойти на
биржу? Я только так, к слову...

У ч и т е л ь. Откуда взялся этот столб?

С т о л я р. Не знаю, что вы имеете в виду.

У ч и т е л ь. Вон там!

С т о л я р. Да вы побледнели.

У ч и т е л ь. Я говорю о столбе!

С т о л я р. Я не вижу никакого столба.

У ч и т е л ь. Вот он!

Столяр оборачивается.

Это столб или не столб?

С т о л я р. Почему здесь не быть столбу?

У ч и т е л ь. Вчера его еще не было.

Столяр смеется.

Тут не до смеха, Прадер. Вы прекрасно знаете, что я имею
в виду.

С т о л я р. Вам что-то мерещится.

У ч и т е л ь. Зачем этот столб?

Столяр стучит монеткой по столу.

Я не пьян. Я вижу то, что есть, и я говорю то, что вижу, и вы
все тоже видите это...

С т о л я р. Мне пора. (*Бросает монету на стол
и поднимается.*) Я сказал: пятьдесят фунтов.

У ч и т е л ь. Это ваше последнее слово?

Столяр. Моя фамилия Прадер.

Учитель. Пятьдесят фунтов?

Столяр. Я не торгуюсь.

Учитель. Вы человек тонкий, я знаю... Прадер, это грабеж, пятьдесят фунтов за обучение столярному делу, это грабеж. Вы смеетесь, Прадер, вы же это отлично знаете. Я учитель, я получаю скромное жалованье, у меня нет состояния, как у мастера-столяра... у меня нет пятидесяти фунтов, просто-напросто нет!

Столяр. Нет так нет.

Учитель. Прадер...

Столяр. Я сказал: пятьдесят фунтов.

Столяр уходит.

Учитель. Они поразятся, если я скажу правду. Я заставлю этот народ взглянуть на себя в зеркало, и смех застынет у них на губах.

Появляется Трактирщик.

Трактирщик. Что у вас тут было?

Учитель. Мне рюмку водки.

Трактирщик. Неприятности?

Учитель. Пятьдесят фунтов за обучение!

Трактирщик. Я слышал.

Учитель. Я их добуду. (Смеется.) Если у человека нет этого в крови!

Трактирщик вытирает тряпкой столики.

Они еще узнают, что за кровь у них самих.

Трактирщик. Не надо злиться на своих соотечественников, это портит здоровье, а соотечественников не переделает. Конечно, это грабеж! Андоррцы — люди душевные, но когда дело касается денег — я это всегда говорил, — тогда они, как евреи.

Трактирщик хочет уйти.

Учитель. Откуда вы знаете, каковы евреи?

Трактирщик. Кан...

Учитель. Откуда, собственно?

Трактирщик. ...Я ничего не имею против твоего Андри. За кого ты меня принимаешь? А то бы я не взял его помогать на кухне. Почему ты так косо смотришь? У меня есть свидетели. Разве я при любом случае не говорил, что Андри — исключение?

Учитель. Не будем об этом!

Т р а к т и р щ и к. Самое настоящее исключение...

Колокольный звон.

У ч и т е л ь. Кто поставил этот столб?

Т р а к т и р щ и к. Где?

У ч и т е л ь. Я не всегда пьян, как то думает его преподобие. Столб есть столб. Кто-то его поставил. Вчера его не было, а сегодня он есть. Из земли такое не вырастает.

Т р а к т и р щ и к. Я этого не знаю.

У ч и т е л ь. Для какой надобности?

Т р а к т и р щ и к. Может быть, строительное управление, не знаю, или дорожная служба, должны же куда-то идти палог, может быть, что-то строят, какой-нибудь объездной путь, кто ж это знает, или, может быть, канализацию.

У ч и т е л ь. Может быть.

Т р а к т и р щ и к. Или телефонную линию...

У ч и т е л ь. А может быть и нет. И зачем здесь еще и эта веревка?

Т р а к т и р щ и к. Кто знает.

У ч и т е л ь. Мне это не мерещится, я не сумасшедший. Я вижу столб, у которого может быть множество назначений...

Т р а к т и р щ и к. Ну и что?

Трактирщик уходит в кабачок. Учитель один. Опять колокольный звон. Через площадь быстро шагает Патер в сутане, за ним мальчик-прислужник, от их кадилъниц остается сильный запах ладана. Трактирщик приносит водку.

Т р а к т и р щ и к. Пятьдесят фунтов хочет?

У ч и т е л ь. ...Я их добуду.

Т р а к т и р щ и к. А как?

У ч и т е л ь. Как-нибудь. *(Выпивает водку одним духом.)* Продам землю.

Трактирщик подсаживается к Учителю.

Т р а к т и р щ и к. Много ли у тебя земли?

У ч и т е л ь. А что?

Т р а к т и р щ и к. Я всегда готов купить землю. Если не слишком дорого! То есть если деньги нужны тебе позарез.

Шум в кабачке.

Сейчас приду! *(Сжимает руку Учителя выше локтя.)* Обдумай это спокойно, Кан, но больше пятидесяти фунтов дать не могу.

Трактирщик уходит.

Учитель. «Андорцы — люди душевные, но когда дело касается денег, тогда они, как евреи».

Учитель еще раз опрокидывает пустую рюмку, к нему подходит Барблин, переодевшаяся для процессии.

Барблин. Отец?

Учитель. Почему ты не пошла с процессией?

Барблин. Отец, ты обещал не пить в день Святого Георгия...

Учитель кладет монету на стол.

Они пройдут здесь.

Учитель. Пятьдесят фунтов за обучение!

Теперь слышно громкое и звонкое пение, звонят колокола, в глубине сцены проходит процессия, Барблин преклоняет колени, Учитель продолжает сидеть. Люди вышли на площадь, они все преклоняют колени, за их головами видны флаги, мимо проносят изваяние Богородицы в сопровождении примкнутых штыков.

Все крестятся, Учитель поднимается и уходит в кабачок. Процессия — медленная, длинная, красивая; звонкое пение теряется вдали, остается звон колоколов. Андри выходит из кабачка, когда люди присоединяются к процессии, и держится в стороне; он шепчет:

Андри. Барблин!

Барблин крестится.

Ты меня слышишь?

Барблин поднимается.

Барблин?!

Барблин. Что?

Андри. ...Я буду столяром!

Барблин последней идет за процессией. Андри один.

Солнце сегодня заливает деревья зеленым светом. Колокола звонят сегодня и для меня. (*Снимает фартук.*) Потом я всегда буду думать, что сегодня я громко кричал от радости. А я всего-навсего снимаю фартук и удивляюсь — как тихо. Хочется бросить в воздух свое имя, как шапку, а я только стою и свертываю фартук. Вот каково оно, счастье. Никогда не забуду, как я стоял здесь сегодня...

Скандал в кабачке.

Андри. Барблин, мы поженимся! (*Уходит.*)

Трактирщик. Вон! Когда палижется, всегда порет такое. Вон! — я сказал.

Спотыкаясь, выходит Солдат с барабаном.

Т р а к т и р щ и к. Ни капли больше не получишь.

С о л д а т. ...Я солдат.

Т р а к т и р щ и к. Это мы видим.

С о л д а т. ...Моя фамилия Пайдер.

Т р а к т и р щ и к. Это мы знаем.

С о л д а т. То-то.

Т р а к т и р щ и к. Перестань шуметь, парень!

С о л д а т. Где она?

Т р а к т и р щ и к. Это же бесполезно, Пайдер. Если девушка не хочет, значит, она не хочет. Убери свои палочки! Ты надрызгался. Подумай о достоинстве армии! (*Уходит в кабачок.*)

С о л д а т. Говнюки! Они не стоят того, чтобы я сражался за них. Но я буду сражаться. Это железно. До последнего бойца, это железно, лучше смерть, чем неволя, а потому я заявляю: я солдат, и я положил на нее глаз...

Выходит Андри, надевая пиджак.

С о л д а т. Где она?

А н д р и. Кто?

С о л д а т. Твоя сестра.

А н д р и. У меня нет сестры.

С о л д а т. Где Барблин?

А н д р и. А что?

С о л д а т. У меня увольнительная, и я положил на нее глаз...

Андри надел пиджак и хочет уйти, Солдат подставляет ему ножку,
Андри падает. Солдат смеется.

Солдат — это не пугало для птиц. Понятно? Просто пройди мимо. Я солдат, это железно, а ты еврей.

Андри молча поднимается.

Или, может быть, ты не еврей?

Андри молчит.

Но тебе везет, тебе чертовски, можно сказать, везет, не каждому еврею так везет, как тебе: ты можешь подладиться.

Андри вытирает штаны.

Я сказал: подладиться!

А н д р и. К кому?

С о л д а т. К армии.

А н д р и. От тебя же несет сивухой.

С о л д а т. Что ты сказал?
А н д р и. Ничего.
С о л д а т. От меня несет?
А н д р и. На семь шагов и против ветра.
С о л д а т. Думай, что говоришь. (*Пытается уловить запах собственного дыхания.*) Ничего не слышу.

Анри смеется.

Тут не до смеха, если кто-то еврей, то тут не до смеха, еврей, понимаешь, должен подлаживаться.

А н д р и. Почему?
С о л д а т (*горланит*).
Когда ты каждой юбке рад,
Не церемонься, брат-солдат,
Управься по-солдатски:
Хоть день, хоть ночь,
А юбку прочь...
Не пяль глаза, словно барин какой-то!
Когда ты каждой юбке рад,
Не церемонься, брат-солдат...
А н д р и. Можно мне теперь уйти?
С о л д а т. Барин!
А н д р и. Я не барин.
С о л д а т. Поваренок, стало быть.
А н д р и. Уже нет.
С о л д а т. Такой ведь даже солдатом не станет.
А н д р и. Ты знаешь, что это?
С о л д а т. Деньги?
А н д р и. Мое жалованье. Я стану столяром.
С о л д а т. Тьфу ты!
А н д р и. В чем дело?
С о л д а т. Говорю: тьфу ты! (*Вышибает у него деньги из руки и смеется.*) Вот тебе.

Анри пристально смотрит на Солдата.

Такой еврей только и думает о деньгах.

Анри с трудом овладевает собой и подбирает рассыпавшиеся по мостовой монеты.

Значит, ты не хочешь подлаживаться?

А н д р и. Нет.
С о л д а т. Это железно?
А н д р и. Да.
С о л д а т. И за таких, как ты, мы должны сражаться?
До последнего бойца, ты знаешь, что это значит — один

батальон против двенадцати батальонов, это подсчитано, лучше смерть, чем неволя, это железно, но не за тебя!

А н д р и. Что — железно?

С о л д а т. Андоррец — не трус. Пускай они свалятся со своими парашютами, как саранча с неба, здесь они не пройдут, это так же верно, как то, что моя фамилия Пайдер. У меня они не пройдут. Это железно. У меня — нет. Им еще покажется небо с овчинку!

А н д р и. Кто увидит небо в алмазах?

С о л д а т. У меня нет.

Входит Идиот, умеющий только скалить зубы и кивать головой.

Солдат обращается не к нему, а к воображаемой толпе.

Слышали теперь? Он думает, что мы боимся. Потому что боится сам! Мы не будем сражаться, говорит он, до последнего бойца, мы не будем умирать из-за их перевеса, мы подождем хвост, мы наложим в штаны, да так, что сапоги полны будут, он осмеливается говорить это мне в лицо, в лицо армии!

А н д р и. Я не сказал ни слова.

С о л д а т. Я спрашиваю: вы это слышали?

Идиот кивает головой и скалит зубы.

Андоррец ничего не боится!

А н д р и. Это ты уже сказал.

С о л д а т. А ты боишься!

Анри молчит.

Потому, что ты трус.

А н д р и. Почему это я трус?

С о л д а т. Потому что ты еврей.

Идиот скалит зубы и кивает головой.

А теперь я пошел...

А н д р и. Но не к Барблин!

С о л д а т. Как покраснели у него уши!

А н д р и. Барблин — моя невеста.

Солдат смеется.

Это правда.

С о л д а т (*горланит*).

Хоть под кустом,

Хоть под столом

При напролом

Под подолом...

А н д р и. Так уходи же!

С о л д а т. Невеста — он сказал.

А н д р и. Барблин повернется к тебе спиной.

С о л д а т. Ну, так я возьму ее сзади!

А н д р и. ...Скотина ты.

С о л д а т. Что ты сказал?

А н д р и. Скотина.

С о л д а т. Скажи это еще раз. Как он дрожит! Скажи это еще раз. Но громко, чтобы вся площадь слышала. Скажи это еще раз.

Андри уходит.

Что он сказал?

Идиот скалит зубы и кивает головой.

Скотина? Я скотина?

Идиот кивает головой и скалит зубы.

Он ко мне не подлаживается.

Авансцена

Трактирщик, теперь без фартука, подходит к барьеру для свидетелей.

Т р а к т и р щ и к. Я признаю: в этой истории мы все обмагулись. Тогда, конечно, я думал так, как все думали — тогда. Он сам так думал. До самого конца. Еврейский ребенок, которого наш учитель спас там от черных, так всегда считалось, и мы находили это прекрасным, что учитель заботился о нем как о родном сыне. Я, во всяком случае, находил это прекрасным. Я, что ли, привел его к столбу? Никто из них не мог знать, что Андри действительно его родной сын, сын нашего учителя. Разве я плохо с ним общался, когда он был у меня поваренком? Я не виноват, что так вышло. Вот все, что я спустя столько времени могу сказать по этому поводу. Я не виноват.

Картина вторая

Андри и Барблин на пороге комнаты Барблин.

Б а р б л и н. Андри, ты спишь?

А н д р и. Нет.

Б а р б л и н. Почему ты не целуешь меня?

А н д р и. Я не сплю, Барблин, я думаю.
Б а р б л и н. Всю ночь.
А н д р и. Правда ли то, что все говорят.

Барблин, лежавшая у него на коленях, теперь приподнимается,
садится и распускает волосы.

А н д р и. По-твоему они правы?

Б а р б л и н. Опять начинаешь!

А н д р и. Может быть, они правы...

Б а р б л и н. Ты совсем растрепал меня.

А н д р и. Такие, как я, говорят они, бесчувственны.

Б а р б л и н. Кто это говорит?

А н д р и. Кое-кто.

Б а р б л и н. Взгляни теперь на мою блузку!

А н д р и. Все.

Б а р б л и н. Может быть, снять ее? (*Снимает блузку.*)

А н д р и. Такие, как я, говорят они, похотливы, но без
души, понимаешь...

Б а р б л и н. Андри, ты слишком много думаешь!
(*Снова ложится к нему на колени.*)

А н д р и. Я люблю твои волосы, твои рыжие волосы,
твои легкие, теплые, горькие волосы, Барблин, я умру, если
их потеряю. (*Целует ее волосы.*) А ты почему не спишь?

Барблин прислушивается.

Что там такое?

Б а р б л и н. Кошка.

Андри прислушивается.

Б а р б л и н. Я же видела ее.

А н д р и. Кошка ли?

Б а р б л и н. Да они же все спят... (*Снова ложится
к нему на колени.*) Поцелуй меня!

Андри смеется.

Что ты смеешься?

А н д р и. Я ведь должен быть благодарен!

Б а р б л и н. Не понимаю, о чем ты.

А н д р и. О твоём отце. Он спас меня, он счел бы это
черной неблагодарностью с моей стороны, если бы я со-
блазнил его дочь. Я смеюсь, но это не смешно, если вечно
надо благодарить людей за то, что ты жив. (*Пауза.*) Мо-
жет быть, поэтому я такой невеселый.

Барблин целует его.

Ты вполне уверена, Барблин, что хочешь меня?

Б а р б л и н. Почему ты всегда это спрашиваешь?

А н д р и. Другие веселее.

Б а р б л и н. Другие!

А н д р и. Может быть, они правы. Может быть, я трус, а то бы пошел к твоему старику и сказал, что мы обручились. По-твоему, я трус?

Слышно, как горланят вдали.

Они все еще горланят.

Голоса стихают.

Б а р б л и н. Я не буду больше выходить из дому, чтобы они не приставали ко мне. Весь день, Андри, когда ты на работе, я думаю о тебе, а сейчас ты здесь и мы одни... Я хочу, чтобы ты думал обо мне и о нас с тобой. И я хочу, чтобы ты был гордый, Андри, веселый и гордый, потому что я тебя люблю больше всех.

А н д р и. Мне страшно, когда я гордый.

Б а р б л и н. А теперь поцелуй меня.

Андри целует ес.

Много, много раз!

Андри думает.

Я не думаю о других, Андри, когда ты обнимаешь меня и целуешь, поверь, я о них не думаю.

А н д р и. А я думаю.

Б а р б л и н. У тебя не выходят из головы эти другие!

А н д р и. Они опять подставили мне ножку.

Бьют башенные часы.

Не знаю, почему я не такой, как все. Скажи мне. Почему? Я не вижу этого...

Бьют другие башенные часы.

Вот опять уже три часа.

Б а р б л и н. Давай спать!

А н д р и. Я навожу на тебя скуку.

Барблин молчит.

Погасить свечу? Можешь спать, я разбужу тебя в семь. (Пауза.) Это не суеверие, о нет, действительно есть люди, на которых лежит проклятье, ничего тут не поделаешь, им достаточно взглянуть на тебя, и вот ты уже такой, как они говорят. Это зло. Все носят его в себе, никто не хочет держать его в себе, так куда же ему деться? Повиснуть в воз-

духе? Оно и повисает в воздухе, но не надолго, оно должно войти в кого-то, чтобы они когда-нибудь могли схватить его и убить... (*Андрю берет свечу.*) Ты знаешь солдата по фамилии Пайдер?

Барблин сонно ворчит.

Он положил глаз на тебя.

Б а р б л и н. Вот еще!

А н д р и. ...Я думал, ты уже спишь. (*Гасит свечу.*)

Авансцена

Столяр подходит к барьеру для свидетелей.

С т о л я р. Признаю: пятьдесят фунтов за обучение я запросил потому, что не хотел брать его к себе в мастерскую, я же знаю, что выйдут одни только неприятности. Почему он не хотел стать продавцом? Я думал, это ему подойдет. Никто же не знал, что он *не*. Могу только сказать, что вообще-то я желал ему добра. Я не виноват, что потом так вышло.

Картина третья

Шум от фрезерного станка, столярная мастерская, Андрю и Подмастерье, каждый с готовым стулом.

А н д р и. Я уже играл левым крайним, когда никто другой не хотел. Конечно, хочу, если ваша команда меня возьмет.

П о д м а с т е р ь е. У тебя есть бутсы?

А н д р и. Нет.

П о д м а с т е р ь е. А надо.

А н д р и. Сколько они стоят?

П о д м а с т е р ь е. У меня есть старая пара, я продам их тебе. Еще тебе нужны, конечно, черные трусы и желтая футболка, это ясно, и желтые носки, конечно.

А н д р и. Справа я сильнее, но если вам нужен левый крайний, то уж головой я забуду. (*Потирает руки.*) Чудесно, Федри, если это удастся.

П о д м а с т е р ь е. Почему не удастся?

А н д р и. Чудесно.

П о д м а с т е р ь е. Я капитан, а ты мой друг.

А н д р и. Буду тренироваться.

П о д м а с т е р ь е. Только не потирай все время руки, а то вся трибуна будет смеяться.

Анри засовывает руки в карманы штанов.

У тебя есть сигареты? Дай-ка мне. На меня он не рявкнет! А то сам испугается своего же голоса. Ты когда-нибудь слышал, чтобы он на меня рявкал? (*Закуривает.*)

А н д р и. Это чудесно, Федри, что ты мой друг.

П о д м а с т е р ь е. Твой первый стул?

А н д р и. Как ты его находишь?

Подмастерье берет стул у Андри и пытается вырвать ножку.

Андри смеется.

Не вырвешь?

П о д м а с т е р ь е. Это он так делает.

А н д р и. Попробуй-ка!

Подмастерье пытается — безуспешно.

Идет!

П о д м а с т е р ь е. Тебе повезло.

А н д р и. Настоящий стул всегда на шипах. Почему повезло? Только на клее — расклеится.

Входит Столяр.

С т о л я р. ...Напишите этим господам: моя фамилия Прадер. Стул от Прадера не ломается, это знает любой ребенок, стул от Прадера — это стул от Прадера. И вообще: заплатить значит заплатить. Одним словом — я не торгуюсь. (*Обоим.*) У вас каникулы?

Подмастерья быстро испаряются.

Кто опять курил?

Андри молчит.

Я же слышу запах.

Андри молчит.

Если бы в тебе хотя бы удаль была...

А н д р и. Сегодня суббота.

С т о л я р. При чем тут это?

А н д р и. По поводу моего испытания. Вы сказали: в последнюю субботу этого месяца. Вот мой первый стул.

Столяр берет стул.

Не этот, мастер, другой!

С т о л я р. Столяром стать непросто, если у человека нет этого в крови. Откуда это может быть у тебя в крови? Я это и отцу твоему сразу сказал. Почему тебе не пойти в торговлю? Кто не вырос с древесиной, с нашей древесиной... Хвалите свои кедровые ливанские, но здесь в работу идет андоррский дуб, парень.

А н д р и. Это бук.

С т о л я р. Ты что, учить меня вздумал?

А н д р и. Я думал, вы хотите проверить меня.

Столяр пытается вырвать ножку стула.

А н д р и. Мастер, это же не мой!

С т о л я р. Ну, вот... *(Вырывает первую ножку.)* Что я говорил? *(Вырывает остальные три ножки.)* ...Как лягушечьи лапки, как лягушечьи лапки. И такую дрянь на продажу. Стул от Прадера, знаешь, что это значит?.. Вот. *(Швыряет обломки ему под ноги.)* Взгляни-ка!

А н д р и. Вы ошибаетесь.

С т о л я р. Вот... вот это стул! *(Садится на другой стул.)* Сто килограмм, не приведи Бог, сто килограмм во мне, но настоящий стул не скрипнет, когда на него садится настоящий мужчина, и не зашатается. Скрипит?

А н д р и. Нет.

С т о л я р. Шатается?

А н д р и. Нет.

С т о л я р. То-то!

А н д р и. Это мой.

С т о л я р. А кто же сделал ту дрянь?

А н д р и. Но ведь я же вам сразу сказал.

С т о л я р. Федри! Федри!

Фрезерный станок умолкает.

Одни неприятности с тобой, вот благодарность, когда берешь в мастерскую такого, как ты, я ведь так и знал.

Входит Подмастерье.

Федри, ты подмастерье или кто?

П о д м а с т е р ь е. Я...

С т о л я р. Сколько лет ты работаешь в фирме «Прадер и Сын»?

П о д м а с т е р ь е. Пять лет.

С т о л я р. Какой стул ты делал? Посмотри на них. Этот или этот? И отвечай.

Подмастерье разглядывает обломки.

Отвечай прямо и начистоту.

П о д м а с т е р ь е. Я...

С т о л я р. Ты скрепил шипами или нет?

П о д м а с т е р ь е. Настоящий стул всегда на шипах...

С т о л я р. Слышишь?

П о д м а с т е р ь е. Только на клее — расклеивается...

С т о л я р. Можешь убираться.

Подмастерье пугается.

В мастерскую, я имею в виду.

Подмастерье быстро уходит.

Пусть это будет тебе наукой. Но я же знаю, что тебе не место в мастерской. (*Садится и набивает трубку.*) Жалко материала.

Андрю молчит.

Возьми это на растопку.

А н д р и. Нет.

Столяр раскуривает трубку.

А н д р и. ...Я не возьму своих слов назад. Вы сидите на моем стуле, говорю вам. Вы лжете, как вам удобно, и покуриваете трубку. Вы, да, вы! Я боюсь вас, да, я дрожу. Почему я бесправен перед вами? Я молодой, я думал: мне надо быть скромным. Никакого толка. Вам наплевать на доказательство. Вы сидите на моем стуле. И вас это не смущает? Я могу делать что угодно, вы все поворачиваете против меня, и издевательству нет конца. Я не могу больше молчать, это раздражает меня. Да слушаете ли вы вообще? Вы сосете трубку, а я говорю вам в глаза: вы лжете. Вы отлично знаете, какой вы подлец. Вы гнусный подлец. Вы сидите на стуле, который сделал я, и покуриваете трубку. Чем я вам досадил? Вы не хотите, чтобы я на что-то годился. Почему вы унижаете меня? Вы сидите на моем стуле. Все унижают меня и злорадствуют, и не могут унять. Почему вы сильнее, чем правда? Вы же знаете правду. Вы сидите на нем...

Столяр наконец раскурил трубку.

У вас нет стыда...

С т о л я р. Хватит кланяться.

А н д р и. Вы похожи на жабу.

С т о л я р. Во-первых, здесь не Стена плача.

Подмастерье и еще двое выдают смешками свое присутствие.
Уж не выгнать ли мне всю вашу футбольную команду?

Подмастерье и двое других исчезают.

Во-первых, здесь не Стена плача, во-вторых, я не говорил, что я тебя из-за этого выгоняю. Я не говорил. У меня есть для тебя другая работа. Спимай фартук! Я покажу тебе, как оформлять заказы. Ты слушаешь, когда говорит твой мастер? За каждый заказ, который ты для нас выклянчишь, ты получишь полфунта. Или, скажем, целый фунт за три заказа. Целый фунт! Вот что в крови у таких, как ты, поверь мне, а каждый должен делать то, что у него в крови. Ты можешь заработать деньги, Андри, деньги, много денег...

Андри не шевелится.

Договорились? *(Поднимается и хлопает Андри по плечу.)* Я желаю тебе добра.

Столяр уходит, снова слышен шум фрезерного станка.

А н д р и. Но я же хотел стать столяром...

Авансцена

Подмастерье, теперь в куртке мотоциклиста, подходит к барьеру для свидетелей.

П о д м а с т е р ь е. Признаю: это был мой стул, а не его стул. Тогда. Я ведь хотел потом поговорить с ним, но получилось так, что потом с ним уже нельзя было поговорить. Да и не выносил я его потом, признаю. Он даже здороваться перестал. Я не говорю, что он получил по заслугам, но это и его вина, что так вышло. Когда мы его еще раз спросили насчет футбола, это было уже ниже его достоинства. Я не виноват, что они его взяли.

Картина четвертая

Комната в доме Учителя. Андри сидит, его осматривает Доктор, придерживая ему ложкой язык. Рядом — Мать.

А н д р и. Аааандорра.

Д о к т о р. Погромче, дружок, гораздо громче!

А н д р и. Аааааандорра.

Д о к т о р. Найдется у вас ложечка подлиннее?

Мать выходит.

Сколько тебе лет?

А н д р и. Двадцать.

Доктор закуривает сигарку.

Я еще никогда не болел.

Д о к т о р. Ты парень крепкий, я вижу, ладный парень, здоровый парень, это мне нравится, *mens sana in corpore sano*¹, если ты знаешь, что это значит.

А н д р и. Нет.

Д о к т о р. Какая у тебя профессия?

А н д р и. Я хотел стать столяром.

Д о к т о р. Покажи глаза! (*Вынимает луну из жилетного кармана и осматривает глаза.*) Другой!

А н д р и. Что это такое — вирус?

Д о к т о р. Я знал твоего отца двадцать лет назад, я ведьать не ведал, что у него такой сын. Вепрь! Так мы его называли. Вечно лбом в стену. Он стал тогда притчей во языцех, молодой учитель, который рвет учебники, ему нужны были другие учебники, а потом, не получив других, он учил андоррских детей отчеркивать красным карандашом те страницы, где андоррские учебники врут. И никто не мог опровергнуть его. Он был молодчина. Никто не знал, чего он, собственно говоря, добивался. Бедовый малый — дамы зарились на него.

Входит Мать с более длинной ложкой.

Ваш сын мне нравится. (*Осмотр продолжается.*) Столяр — прекрасная профессия, андоррская профессия, нигде на свете нет таких хороших столяров, как в Андорре, это общеизвестно.

А н д р и. Аааааааандорра!

Д о к т о р. Еще разок.

А н д р и. Аааааааандорра!

М а т ь. Плохо, доктор?

Д о к т о р. Какой доктор! Моя фамилия Феррер. (*Проверяет пульс.*) Профессор, если быть точным, но я не придаю значения званиям, дорогая. Андоррец трезв и прост, говорит молва, и в этом есть доля правды. Андоррец не идет на поклон. У меня могло бы быть званий сколько угодно. Андорра — республика, это я говорил во всем мире: берите с нее пример! У нас цена каждого человека

¹ В здоровом теле здоровый дух (*лат.*).

определяется тем, что он собой представляет. Почему я, по-вашему, вернулся через двадцать лет?

Доктор умолкает, чтобы сосчитать пульс.

М а т ь. Плохо, профессор?

Д о к т о р. Дорогая, если человек поездил по белу свету, как я, он знает, что это такое — родина! Здесь мое место. Звания званиями, а корни мои здесь.

Андри кашляет.

С каких пор он кашляет?

А н д р и. Ваша сигарка, профессор, ваша сигарка!

Д о к т о р. Андорра — маленькая страна, но это свободная страна. Где еще есть что-либо подобное? Ни одно отечество в мире не носит названия красивее нашего, ни один народ на земле не свободен до такой степени... Открой рот, дружок, открой рот! *(Еще раз осматривает горло, затем вынимает ложку.)* Небольшое воспаление.

А н д р и. У меня?

Д о к т о р. Головная боль?

А н д р и. Нет.

Д о к т о р. Бессонница?

А н д р и. Иногда.

Д о к т о р. Ага.

А н д р и. Но это от другого.

Доктор еще раз сует ему ложку в рот

Ааааааандорра... Аааааааааандорра.

Д о к т о р. Вот это славно, дружок, так оно и должно звучать, чтобы все евреи зарылись в землю, услышав название нашего отечества.

Андри вздрагивает.

Не проглоти ложку!

М а т ь. Андри...

Андри встал.

Д о к т о р. Ничего страшного, небольшое воспаление, я нисколько не беспокоюсь, таблетку перед едой.

А н д р и. Как это... чтобы евреи... зарылись в землю?

Д о к т о р. Куда это она у меня запропастилась? *(Роется в чемоданчике.)* Ты задаешь этот вопрос, мой юный друг, потому что ты еще не видел мира. Я знаю евреев. Куда ни придешь, там уже сидит такой умник, и тебе, простому андоррцу, делать здесь нечего. Самое скверное в ев-

реях — их честолюбие. Во всех странах мира они сидят на всех кафедрах, я это видел, и нашему брату ничего, кроме родины, не остается. При этом я не против евреев, я не сторонник зверств. Я тоже спасал евреев, хотя их не перевариваю. А что в благодарность? Их не переделаешь. Они сидят на всех кафедрах мира. Их не переделаешь. (*Протягивает таблетки.*) Вот твои таблетки!

Андри не берет их и уходит.

С чего это он вдруг?

М а т ь. Андри! Андри!

Д о к т о р. Просто повернулся и ушел...

М а т ь. Не надо бы вам это говорить, профессор, насчет евреев.

Д о к т о р. Почему же?

М а т ь. Андри еврей.

Входит Учитель со школьными тетрадками под мышкой.

У ч и т е л ь. Что случилось?

М а т ь. Ничего, не волнуйся, решительно ничего.

Д о к т о р. Я же не знал этого.

У ч и т е л ь. Чего?

Д о к т о р. Каким образом ваш сын — еврей?

Учитель молчит.

Ну, знаете, просто повернулся и прочь, я осматривал его, болтал с ним, объяснял, что такое вирус...

У ч и т е л ь. Мне надо работать.

Молчание.

М а т ь. Андри наш приемный сын.

У ч и т е л ь. Всего доброго.

Д о к т о р. Всего доброго. (*Берет шляпу и чемоданчик.*) Ухожу.

Доктор уходит.

У ч и т е л ь. Что опять случилось?

М а т ь. Не волнуйся.

У ч и т е л ь. Как этот тип оказался в моем доме?

М а т ь. Он наш новый окружной врач.

Доктор входит опять.

Д о к т о р. Таблетки все-таки пусть принимает. Что же я такого сказал... только потому, что я сказал... в шутку, конечно, они не понимают шуток, кто-нибудь встречал еврея, который понимал бы шутки — нет... а я ведь толь-

ко сказал: я знаю евреев. В Андорре, надеюсь, еще позволено говорить правду...

Учитель молчит.

Где же моя шляпа?

Учитель (*подходит к Доктору, снимает у него с головы шляпу и бросает ее за дверь*). Вот ваша шляпа!

Доктор уходит.

Мать. Я говорила тебе: не надо волноваться. Этого он никогда не простит. Ты ссоришься со всем миром, Андри это не облегчает жизнь.

Учитель. Пусть он придет сюда.

Мать. Андри! Андри!

Учитель. Этого типа нам еще не хватало. Тако-го — окружным врачом! Жизнь, как нарочно, старается принять самый гнусный оборот.

Входят Андри и Барблин.

Говорю тебе, Андри, раз и навсегда: не обращай внимания на их болтовню. Я не потерплю обиды, ты это знаешь, Андри.

Андри. Да, отец.

Учитель. Если этот господин, ставший теперь нашим окружным врачом, еще хоть раз пикнет, этот неудачник с дипломом, этот сын контрабандиста — я тоже занимался контрабандой, как всякий андоррец, но без ученых званий! — он, вот увидишь, сам слетит с лестницы, собственной персоной, не только его шляпа. (*Матери.*) Я их не боюсь! (*К Андри.*) И ты, понял, не бойся их. Если мы будем вместе, ты и я, как двое мужчин, Андри, как друзья, как отец и сын, — или, может быть, я не обходился с тобой, как с родным сыном? Может быть, я когда-нибудь обижал тебя? Тогда скажи мне это в глаза. Может быть, я относился к тебе иначе, Андри, чем к родной дочери? Скажи мне это в глаза. Я жду.

Андри. Что мне сказать, отец?

Учитель. Не выношу, когда ты стоишь, как церковный служака, который что-то украл или еще что-нибудь натворил, такой смиренный, потому что боится меня. Иногда у меня лопаются терпение, я знаю, я бываю несправедлив. Я не считал, не записывал своих воспитательских промахов.

Мать накрывает на стол.

Мать бывала с тобой холодна?

М а т ь. Что ты несешь! Можно подумать, что ты говоришь на публику!

У ч и т е л ь. Я говорю с Андри.

М а т ь. Вот именно.

У ч и т е л ь. Как мужчина с женщиной.

М а т ь. Можно ужинать.

Мать выходит.

У ч и т е л ь. Вот, собственно, все, что я хотел тебе сказать.

Барблин завершает приготовления к ужину.

Если он за границей такая важная птица, почему же он не остался за границей, этот профессор, который ни в одном университете мира не допер до доктора. Этот патриот, который стал нашим окружным врачом, потому что он и двух слов не может связать без родины и Андорры. Кого же винить в том, что из его честолюбия ничего не вышло? Кого же, если не евреев?.. Не хочу больше слышать этого слова.

Мать приносит суп.

У ч и т е л ь. И ты тоже, Андри, не употребляй этого слова. Понял? Я не потерплю. Они же не знают, что говорят, и я не хочу, чтобы ты в конце концов действительно поверил тому, что они говорят. Запомни, это вздор. Раз и навсегда. Раз и навсегда.

М а т ь. Ты кончил?

У ч и т е л ь. Это действительно вздор.

М а т ь. Тогда нарежь нам хлеба.

Учитель нарезает хлеб.

А н д р и. Я хотел спросить о другом...

Мать разливает суп.

Но, может быть, вы уже знаете. Ничего не случилось, не надо всего пугаться. Не знаю, как сказать такую вещь... Мне будет двадцать один, а Барблин уже девятнадцать...

У ч и т е л ь. И что же?

А н д р и. Мы хотим пожениться.

У Учителя хлеб выпадает из рук.

Да. Я пришел спросить... я хотел это сделать, когда выдержу испытание у столяра, но так не получается... Мы хотим сейчас обручиться, чтобы все это знали и не приставали к Барблин.

У ч и т е л ь. Пожениться?!

А н д р и. Прошу у тебя, отец, руки твоей дочери.

Учитель поднимается, как осужденный.

М а т ь. Я видела, что дело к тому идет, Кан.

У ч и т е л ь. Молчи!

Молчание.

А н д р и. Но это так, отец, мы любим друг друга. Говорить об этом трудно. С самого детства, когда мы еще жили в одной комнате, мы говорили о женитьбе. В школе нам было стыдно, потому что все над нами смеялись. Вам нельзя, говорили, потому что вы брат и сестра. Однажды мы хотели отравиться, потому что мы брат и сестра, отравиться красавкой, но стояла зима, красавки не было. И мы плакали, и мать это заметила... и ты пришла, мать, ты утешила нас, ты сказала, что мы вовсе не брат и сестра. И рассказала всю эту историю, как отец спас меня, переправив через границу, потому что я еврей. Я обрадовался и сообщил об этом в школе и всем-всем. С тех пор мы уже не спим в одной комнате. Мы ведь уже не дети.

Учитель молчит в оцепенении.

Пора, отец, нам пожениться.

У ч и т е л ь. Андри, это нельзя.

М а т ь. Почему нельзя?

У ч и т е л ь. Потому что нельзя!

М а т ь. Не кричи!

У ч и т е л ь. Нет... Нет... Нет...

Барблин плачет навзрыд.

М а т ь. Не реви!

Б а р б л и н. Тогда я покончу с собой.

М а т ь. Не говори глупости!

Б а р б л и н. Или пойду к солдатам, да-да.

М а т ь. Тогда тебя Бог накажет!

Б а р б л и н. Пускай.

А н д р и. Барблин!

Барблин выбегает из комнаты.

У ч и т е л ь. Она дуреха. Оставь ее! Найдешь других девушек сколько угодно.

Андри вырывается из его рук.

Андри!

А н д р и. Она обезумела.

У ч и т е л ь. Ты останешься здесь.

Анри остается.

Это первое «нет», Андри, которое я вынужден тебе сказать. *(Закрывает лицо руками.)* Нет!

М а т ь. Я не понимаю тебя, Кан, я не понимаю тебя. Ты ревнуешь? Барблин девятнадцать, и кто-то у нее все равно появится. Почему же не Андри, которого мы знаем? Такова жизнь. Почему ты смотришь отсутствующим взглядом и качаешь головой, ведь это большое счастье, почему не хочешь отдавать свою дочь? Молчишь, замкнулся, потому что завидуешь молодым, завидуешь жизни, которая продолжается теперь без тебя.

У ч и т е л ь. Что ты знаешь!

М а т ь. Я ведь только спрашиваю.

У ч и т е л ь. Барблин — ребенок...

М а т ь. Так все отцы говорят. Ребенок! — для тебя, Кан, но не для Андри.

Учитель молчит.

А н д р и. Потому что я еврей.

У ч и т е л ь. Андри...

А н д р и. Так и скажите.

У ч и т е л ь. Еврей! Еврей!

А н д р и. Ну, вот.

У ч и т е л ь. Еврей! Каждое третье слово, дня не проходит, каждое второе слово, дня не проходит без «еврея», почти не проходит без «еврея», я слышу «еврей», когда кто-то храпит, «еврей», «еврей», нет анекдота без «еврея», нет сделки без «еврея», нет ругательства без «еврея», я слышу «еврей», когда никто не еврей, «еврей», «еврей» и еще раз «еврей», дети играют в «еврея», как только отвернусь, это кричат мне вдогонку, лошади ржут на улицах «евре-э-э-эй, евре-э-э-эй, еврей»...

М а т ь. Ты преувеличиваешь.

У ч и т е л ь. Неужели не может быть других причин?

М а т ь. Тогда назови их.

Учитель молчит, затем берет шляпу.

Куда?

У ч и т е л ь. Туда, где меня оставят в покое.

Уходит, хлопнув дверью.

М а т ь. Теперь опять будет пить до полуночи.

Андри медленно уходит в другую сторону.

М а т ь. Андри?.. Ну, вот, все разошлись.

Картина пятая

Андоррская площадь. Учитель сидит один перед кабачком, Трактирщик приносит заказанную водку, которую Учитель пока не пьет.

Т р а к т и р щ и к. Что новенького?

У ч и т е л ь. Еще водки.

Трактирщик уходит.

У ч и т е л ь. «Потому что я еврей». *(Теперь выпивает водку одним духом.)* Когда-нибудь я скажу правду... надо думать... но ложь — как пиявка, она высосала правду. Она растет. Мне от нее никогда не уйти. Она растет, наполняется кровью. Она глядит на меня, как сын, еврей во плоти, мой сын... «Что новенького?» Я лгал, и вы гладили его, пока он был маленький, а теперь он мужчина, теперь он хочет жениться на своей сестре... Вот новенькое! Я наперед знаю, что вы подумаете: даже тому, кто спасал евреев, жаль отдать за еврея собственное дитя! Я уже вижу ваши ухмылки.

Входит Некто и подсаживается к Учителю.

Н е к т о. Что новенького?

Учитель молчит. Некто достает газету.

У ч и т е л ь. Почему вы ухмыляетесь?

Н е к т о. Они опять угрожают.

У ч и т е л ь. Кто?

Н е к т о. Те — оттуда.

Учитель поднимается, выходит Трактирщик.

Т р а к т и р щ и к. Куда?

У ч и т е л ь. Туда, где меня оставят в покое.

Учитель уходит в кабачок.

Н е к т о. Что с ним? Если он будет так продолжать, он плохо кончит, мне кажется... Мне пиво.

Трактирщик уходит.

С тех пор как этот мальчишка ушел отсюда, можно, по крайней мере, газету почитать — без оркестриона, на который он просаживал все свои чаевые.

Картина шестая

Перед комнатой Барблин. Андри спит у порога. Свет от свечи. На стене появляется большая тень — Солдат. Андри храпит. Солдат пугается, медлит. Бьют башенные часы. Солдат видит, что Андри не шевелится, и пробирается к двери, снова медлит, открывает дверь. Бьют другие башенные часы, теперь он переступает через спящего Андри и затем, раз уж он пробрался сюда, входит в темную комнату. Барблин хочет закричать, но Солдат закрывает ей рот. Андри просыпается.

А н д р и. Барблин?!.. (*Тишина.*) Опять все замерло, напильсь, наорались и улеглись. (*Тишина.*) Ты спишь, Барблин? Который может быть час? Я спал. Четыре часа? Ночь, как молоко, знаешь, как синеватое молоко. Скоро запоят птицы. Как молочный океан...

Шум.

Почему ты запираешь дверь? (*Тишина.*) Пусть он поднимется, твой старик, пусть застанет меня у порога своей дочери. Пожалуйста! Я не отступлюсь, Барблин, я буду сидеть у твоего порога каждую ночь, пусть хоть совсем сопьется из-за этого, каждую ночь. (*Закуривает.*) Сон как рукой сняло... (*Сидит и курит.*) Я больше не хожу крадучись, как бездомный пес. Я ненавижу. Я больше не плачу. Я смеюсь. Чем подлее поступают они со мной, тем теплее мне в ненависти. И тем увереннее я себя чувствую. Ненависть строит планы. У меня теперь каждый день радость, потому что у меня есть план и об этом никто не знает, и если я держусь робко, то только для вида. Придет день — я им покажу. С тех пор как я стал ненавидеть, мне порой хочется петь и свистеть, но я этого не делаю. Ненависть дает человеку терпение. И твердость. Я ненавижу их страну, которую мы покинем, их лица. Я люблю одного единственного человека, и этого достаточно. (*Прислушивается.*) Кошка тоже не спит. (*Считает монеты.*) Сегодня я заработал полтора фунта, Барблин, полтора фунта за один только день... Я теперь берегу денежки, я больше

не подхожу к этому музыкальному ящику... (*Смеется.*) Если бы они знали, как они правы: я все время считаю свои денежки! (*Прислушивается.*) Еще один плетется домой.

Птичий щебет.

Вчера я видел этого Пайдера, знаешь, того, который положил глаз на тебя, того, который подставил мне ножку, он каждый раз ухмыляется, когда меня видит, но мне наплевать... (*Прислушивается.*) Он поднимается!

Шаги в доме.

Теперь у нас уже сорок один фунт, Барблин, но ты никому об этом не говори. Мы поженимся. Поверь мне, существует другой мир, где нас никто не знает и где мне никто не подставит ножку, и мы поедем туда, Барблин, а он пусть орет здесь сколько угодно. (*Курит.*) Хорошо, что ты заперлась.

Входит Учитель.

Учитель. Сын мой!

Андрю. Я не твой сын.

Учитель. Я пришел, Андрю, чтобы сказать тебе правду, пока опять не настанет утро...

Андрю. Ты напился.

Учитель. Из-за тебя, Андрю, из-за тебя.

Андрю смеется.

Сын мой!

Андрю. Оставь это!

Учитель. Ты меня выслушаешь?

Андрю. Держись за фонарный столб, а не за меня, я слышу, чем от тебя пахнет. (*Андрю вырывается.*) И не говори все время «сын мой», когда ты пьян.

Учитель кивает головой.

Твоя дочь заперлась, успокойся.

Учитель. Андрю...

Андрю. Ты уже на ногах не стоишь.

Учитель. Мне тяжело...

Андрю. Не надо.

Учитель. Очень тяжело...

Андрю. Мать плачет и ждет тебя.

Учитель. Этого я не ожидал...

Андрю. Чего ты не ожидал?

У ч и т е л ь. Что ты не захочешь быть моим сыном.

Анри смеется.

Мне надо сесть.

А н д р и. Тогда я пошел.

У ч и т е л ь. Значит, ты не хочешь выслушать меня?

Анри берет свечу.

Значит, нет.

А н д р и. Я обязан тебе жизнью, я знаю. Если ты придаешь этому значение, я могу повторять каждый день: я обязан тебе жизнью. Даже два раза в день: я обязан тебе жизнью. Один раз утром, один раз вечером: я обязан тебе жизнью, я обязан тебе жизнью.

У ч и т е л ь. Я пил, Анри, всю ночь, чтобы сказать тебе правду... Я выпил слишком много...

А н д р и. Мне тоже так кажется.

У ч и т е л ь. Ты обязан мне жизнью.

А н д р и. Обязан.

У ч и т е л ь. Ты не понимаешь меня...

Анри молчит.

Не стой так! — когда я рассказываю тебе свою жизнь...

Поют петухи.

Значит, моя жизнь тебя не интересует?

А н д р и. Меня интересует моя собственная жизнь.

Поют петухи.

Вот уже петухи запели.

Учитель шатается.

Не делай вид, что ты еще способен думать.

У ч и т е л ь. Ты презираешь меня...

А н д р и. Я разглядел тебя. Вот и все. Я чтил тебя. Не потому, что ты спас мне жизнь, а потому, что я считал: ты не такой, как все, ты думаешь не так, как они, у тебя есть мужество. Я полагался на тебя. А потом оказалось... и вот я разглядел тебя.

У ч и т е л ь. Что оказалось?

Анри молчит.

Я думаю не так, как они, Анри, я изорвал их учебники, я хотел, чтобы у меня были другие...

А н д р и. Это известно.

У ч и т е л ь. Знаешь, что я сделал...

А н д р и. Я пошел.

У ч и т е л ь. Знаешь ли ты, что я сделал...

А н д р и. Ты изорвал учебники.

У ч и т е л ь. Я солгал. *(Пауза.)* Ты не хочешь понять меня...

Поют петухи.

А н д р и. В семь мне нужно быть в лавке. Продавать стулья, продавать столы, потирать руки.

У ч и т е л ь. Почему ты должен потирать руки?

А н д р и. «Можно ли найти стол лучше? Может быть, он шатается, может быть, он скрипит? Можно ли найти стул дешевле?»

Учитель в изумлении смотрит на него.

У ч и т е л ь. Почему тебе нужно разбогатеть?

А н д р и. Потому что я еврей.

У ч и т е л ь. Сын мой!..

А н д р и. Не трогай меня опять!

Учитель шатается.

Ты мне противен.

У ч и т е л ь. Андри...

А н д р и. Ступай помочись.

У ч и т е л ь. Ты что?

А н д р и. Не выплакивай, говорю, водку из глаз, если уж не можешь удержать ее в себе, ступай.

У ч и т е л ь. Ты ненавидишь меня?

Андри молчит. Учитель уходит.

А н д р и. Барблин, он ушел. Я не хотел обижать его. Но он становится все несноснее. Ты слышала его? Он уже сам не знает, что говорит, и вид у него такой, словно он сейчас разревется... Ты спишь? *(Прислушивается у двери.)* Барблин! Барблин!

Дергает дверь, потом пытается взломать ее,
делает новую попытку, но в этот миг дверь открывается изнутри:
в проеме стоит Солдат, освещенный свечей,
босиком, пояс штанов расстегнут,
верхняя часть туловища голая.

Барблин!

С о л д а т. Исчезни.

А н д р и. Это неправда...

С о л д а т. Исчезни, слышишь, а то изувечу.

Авансцена

Солдат, теперь в штатском, подходит к барьеру для свидетелей.

С о л д а т. Признаю: я его терпеть не мог. Я же не знал, что он не, всегда считали, что он из них. Впрочем, я и сейчас думаю, что он был из них. Я его с самого пачала терпеть не мог. Но я не убивал его. Я только нес службу. Приказ есть приказ. До чего это дойдет, если не будут исполняться приказы! Я был солдат.

Картина седьмая

Сакристия, Патер и Андри.

П а т е р. Андри, давай поговорим. Так хочет твоя приемная мать. Она очень тревожится о тебе. Сядь!

Андри молчит.

Не хочешь садиться?

Андри молчит.

Я понимаю, ты здесь впервые. Так сказать. Помню, однажды сюда залетел ваш футбольный мяч, и они послали тебя вытащить его из-за алтаря. (Смеется.)

А н д р и. О чем, ваше преподобие, нам говорить?

П а т е р. Сядь!

Андри молчит.

Ну, хорошо.

А н д р и. Это правда, ваше преподобие, что я не такой, как все?

Пауза.

П а т е р. Андри, я хочу тебе кое-что сказать.

А н д р и. ...Я развязен, я знаю.

П а т е р. Я понимаю твое трудное положение. Но знай, что мы любим тебя Андри, таким, как ты есть. Разве твой приемный отец не сделал для тебя все? Я слышал, он продал землю, чтобы ты стал столяром.

А н д р и. Но я не стану столяром.

П а т е р. Почему не станешь?

А н д р и. Такие, как я, считается, только и думают о деньгах, и поэтому мое место не в мастерской, говорит Столяр, а в торговле. Я стану продавцом, ваше преподобие.

П а т е р. Ну хорошо.

А н д р и. Но я хотел стать столяром.

П а т е р. Почему ты не садишься?

А н д р и. Мне кажется, вы ошибаетесь, ваше преподобие. Никто не любит меня. Трактирщик говорит, что я развязен, и Столяр, по-моему, того же мнения. А Доктор говорит, что я честолюбив и что у таких, как я, нет душевности.

П а т е р. Сядь!

А н д р и. Это правда, ваше преподобие, что у таких, как я, нет душевности?

П а т е р. Возможно, Андри, в тебе есть какая-то затравленность.

А н д р и. А Пайдер говорит, что я трус.

П а т е р. Почему трус?

Андри молчит.

А н д р и. Потому что я еврей.

П а т е р. Какое тебе дело до Пайдера?

Андри молчит.

Андри, я хочу тебе кое-что сказать.

А н д р и. Не надо думать всегда о себе, я знаю. Но я не могу иначе, ваше преподобие, что поделаешь. Иногда мне приходится думать, правда ли то, что говорят обо мне другие, что я не такой, как они, не веселый, не душевный, не простой. И ведь вы, ваше преподобие, тоже находите, что во мне есть какая-то затравленность. Мне понятно, что никто меня не любит. Я и сам себя не люблю, когда думаю о себе.

Патер поднимается.

Можно мне теперь уйти?

П а т е р. Теперь выслушай-ка меня!

А н д р и. Что требуется от меня, ваше преподобие?

П а т е р. Почему с таким недоверием?

А н д р и. Все кладут руки мне на плечи.

П а т е р. Знаешь, Андри, кто ты? (*Смеется.*) Ты этого не знаешь, поэтому я тебе скажу.

Андри пристально глядит на него.

Чудесный парень! По праву. Чудесный парень! Я много лет за тобой следил.

А н д р и. Следили?

П а т е р. Конечно.

А н д р и. Почему вы следите за мной?

П а т е р. Ты мне нравишься, Андри, больше, чем все другие, да, именно потому, что ты не такой, как все. Почему ты качаешь головой? Ты умней, чем они. Да-да! Это мне нравится в тебе, Андри, и я рад, что ты пришел и что я могу тебе наконец это сказать.

А н д р и. Это неправда.

П а т е р. Что неправда?

А н д р и. Я не иной. Я не хочу быть иным. И пусть он втрое сильнее меня, этот Пайдер, я изобью его при всех на площади, в этом я поклялся себе...

П а т е р. Не возражаю.

А н д р и. В этом я поклялся себе.

П а т е р. Я тоже его недолюбливаю.

А н д р и. Я не хочу подлаживаться. Я буду защищаться. Я не трус... И не умней, чем другие, ваше преподобие, я не хочу, чтобы вы, ваше преподобие, так говорили.

П а т е р. Ты меня выслушаешь теперь?

А н д р и. Нет. (*Высвобождается.*) Мне не нравится, когда вы кладете мне руки на плечи...

Пауза.

П а т е р. С тобой действительно нелегко. (*Пауза.*) Одним словом, здесь была твоя приемная мать. Пробыла более четырех часов. Эта добрая женщина совершенно несчастна. Ты, говорит она, не приходишь есть и ожесточился. Ты не веришь, говорит она, что тебе желают добра.

А н д р и. Все желают мне добра!

П а т е р. Почему ты смеешься?

А н д р и. Если он желает мне добра, ваше преподобие, почему он готов отдать мне все, только не родную дочь?

П а т е р. Это его отцовское право.

А н д р и. Но почему? Почему? Потому что я еврей.

П а т е р. Не кричи!

Андри молчит.

Неужели ты ни о чем больше думать не можешь? Я сказал тебе, Андри, как христианин, что люблю тебя, но одна неприятная привычка, должен, к сожалению, сказать, у всех

у вас есть. Что бы с вами ни случилось в этой жизни, вы все связываете с тем, что вы евреи. С вами действительно нелегко при такой вашей сверхчувствительности.

Андри молчит и отворачивается.

Ты же плачешь.

Андри не сдерживает рыдания.

Что стряслось? Ответь мне. Что случилось? Я спрашиваю тебя, что стряслось, Андри! Ты же весь дрожишь. Что с Барблин? Ты же не в себе. Как мне помочь тебе, если ты не говоришь? Возьми-ка себя в руки, Андри! Слышишь? Андри! Ты же мужчина. Ну же! Просто не знаю...

А н д р и. Моя Барблин. *(Опускает руки, которыми он закрывал лицо, и смотрит в одну точку.)* Она не может любить меня, никто этого не может, я сам не могу любить себя...

Входит служка с облачением.

Можно мне теперь уйти?

Служка расстегивает одежду Патера.

П а т е р. Можешь остаться.

Служка облачает Патера для литургии.

Ты сам это сказал. Как могут другие любить нас, если мы сами себя не любим? Наш Господь говорит: возлюби ближнего своего, как самого себя. Он говорит: как самого себя. Мы должны принимать себя такими, как есть, а ты, Андри, как раз этого и не делаешь. Почему ты хочешь быть, как другие? Ты умней, чем они, поверь мне, ты живее. Почему ты не хочешь признать этого! В тебе есть искра Божья. Почему ты играешь в футбол, как эти болваны, и орешь на лужайке только ради того, чтобы быть андоррцем? Они все тебя не любят, я знаю. И знаю, почему. В тебе есть искра Божья. Ты умеешь думать. Почему не должно быть на свете и таких существ, у которых рассудка больше, чем чувства? Говорю тебе, именно поэтому я восхищаюсь вами. Почему ты так смотришь на меня? В вас есть искра Божья. Вспомни Эйнштейна! И как там их всех еще. Спинозу!

А н д р и. Можно мне теперь уйти?

П а т е р. Никакой человек, Андри, не может вылезти из своей кожи, ни еврей, ни христианин, никто. Богу угодно, чтобы мы были такими, какими он создал нас. Ты понимаешь меня? И если они говорят «евреи — трусы», то

знай: ты не трус, Андри, если ты приемлешь себя евреем. Напротив. Ты просто не такой, как мы. Ты слышишь меня? Говорю тебе: ты не трус. Только если ты хочешь быть таким, как все андоррцы, только тогда ты трус.

Вступает орган.

А н д р и. Можно мне теперь уйти?

П а т е р. Подумай, Андри, о том, что ты сам сказал: как могут другие принять тебя, если ты сам себя не приемлешь?

А н д р и. Можно мне теперь уйти...

П а т е р. Андри, ты понял меня?

Авансцена

Патер на коленях.

П а т е р. Не сотвори себе образа Бога, Господа твоего, и образа людей, творений его. Я тоже провинился тогда. Я хотел встретить его любовью, когда говорил с ним. Я тоже сотворил себе его образ, я тоже сковал его, я тоже привел его к столбу.

Картина восьмая

Андоррская площадь. Сидит только Доктор, остальные стоят: Трактирщик, Столяр, Солдат, Подмастерье, Некто, который читает газету.

Д о к т о р. Говорю: успокойтесь!

С о л д а т. Почему это на Андорру не могут напасть?

Доктор закуривает сигарку.

Т р а к т и р щ и к. Может быть, я должен сказать, что в Андорре не найдется приличной комнаты. Я трактирщик. Нельзя давать иностранке от ворот поворот...

Некто смеется, читая газету.

Т р а к т и р щ и к. Что мне еще остается? Приходит этакая сеньора и спрашивает, не найдется ли приличной комнаты...

С о л д а т. Сеньора — слышите!

С т о л я р. Оттуда, что ли?

С о л д а т. Наш брат, если начнется, будет сражаться до последнего бойца, а этот привлекает ее! (*Плюет на мостовую.*) Тьфу ты! — одно слово.

Д о к т о р. Только не волноваться. (*Курит.*) Я поездил по свету. Можете мне поверить. Я андоррец, это известно, душой и телом. А то бы я, люди добрые, не вернулся на родину, а то бы ваш профессор не отказался от всех кафедр на свете...

Некто смеется, читая газету.

Т р а к т и р щ и к. Что там смешного?

Н е к т о. Кто будет сражаться до последнего бойца?

С о л д а т. Я.

Н е к т о. В Библии сказано: последние станут первыми, или наоборот, не помню, первые станут последними.

С о л д а т. Что он хочет этим сказать?

Н е к т о. Я просто спрашиваю.

С о л д а т. До последнего бойца, это приказ. Лучше смерть, чем неволя, эта надпись есть в любой казарме. Это приказ. Пусть только сунутся, им покажется небо с овчинку.

Короткое молчание.

С т о л я р. Почему на Андорру не могут напасть?

Д о к т о р. Положение напряженное, я знаю.

С т о л я р. Напряженное как никогда.

Д о к т о р. Оно уже много лет такое.

С т о л я р. Зачем они подвели войска к границе?

Д о к т о р. Что я хотел сказать? Я поездил-таки по свету. Тут уж можете мне поверить: во всем мире нет народа, который бы во всем мире так любили, как нас. Это факт.

С т о л я р. Пожалуй.

Д о к т о р. Давайте примем этот факт во внимание, давайте спросим себя: что может случиться с такой страной, как Андорра? Давайте будем объективны.

Т р а к т и р щ и к. Так и есть, так и есть.

С о л д а т. Что так и есть?

Т р а к т и р щ и к. Нет народа, который бы так любили, как нас.

С т о л я р. Пожалуй.

Д о к т о р. Любили — не то слово. Я встречал людей, которые понятия не имеют, где находится Андорра, но любой знает, что Андорра — это оплот, оплот мира, свободы и прав человека.

Т р а к т и р щ и к. Совершенно верно.

Д о к т о р. Андорра — это понятие, это прямо-таки символ, если вы понимаете, что это значит. (*Курит.*) Говорю: они не осмелятся.

С о л д а т. Почему, почему?

Т р а к т и р щ и к. Потому, что мы — это символ.

С о л д а т. Но военное превосходство у них.

Т р а к т и р щ и к. Потому что нас так любят.

Идиот приносит дамский чемодан и ставит его на землю.

С о л д а т. Ну, вот — пожалуйста!

Идиот уходит.

С т о л я р. Что ей здесь нужно?

П о д м а с т е р ь е. Шпикуха!

С о л д а т. Кто ж еще?

П о д м а с т е р ь е. Шпикуха!

С о л д а т. И он привечает ее!

Некто смеется.

С о л д а т. Оставьте свои дурацкие ухмылки.

Н е к т о. Шпикуха — это неплохо.

С о л д а т. А кто ж она еще?

Н е к т о. Надо говорить не «шпикуха», а «шпик», даже если положение напряженное и речь идет об особе женского пола.

С т о л я р. Не понимаю, что ей здесь нужно.

Идиот приносит второй дамский чемодан.

С о л д а т. Пожалуйста! Пожалуйста!

П о д м а с т е р ь е. Двиньте их каблуками!

Т р а к т и р щ и к. Еще чего!

Идиот уходит.

Т р а к т и р щ и к. Вместо того чтобы отнести вещи наверх, этот идиот убегает, а на меня все косятся...

Некто смеется.

Я не предатель. Не правда ли, профессор, не правда ли? Это неправда. Я трактирщик. Я первый, кто бросит камень. Да-да! Еще есть закон гостеприимства в Андорре, старинный, священный закон. Не правда ли, профессор, не правда ли? Трактирщик не может сказать «нет», даже при самом напряженном положении, а уж даме подавно.

Некто смеется.

П о д м а с т е р ь е. Тем более с тугой мощной!

Некто смеется.

Т р а к т и р щ и к. Сейчас не до смеха, сударь.

Н е к т о. Шпикуха.

Т р а к т и р щ и к. Не трогайте ее вещи!

Н е к т о. Шпикуха — это совсем неплохо.

И д и о т приносит длинное манто и кидает его на чемоданы.

С о л д а т. Вот видите.

Идиот уходит.

С т о л я р. Почему вы считаете, что на Андорру не могут напасть?

Д о к т о р. Меня ж не слушают. (*Курит.*) Говорю, они не осмелятся. И сколько бы у них не было танков и парашютов, они просто не могут позволить это себе. Или, как сказал однажды Перин, наш великий поэт: наше оружие — наша невинность. Или наоборот: наша невинность — наше оружие. Где еще в мире есть республика, которая может это сказать? Я спрашиваю: где? Такой народ, как мы, который вправе воззвать к совести мира, как ни один другой, народ без вины...

В глубине сцены появляется Андри.

С о л д а т. Опять этот куда-то крадется!

Андри скрывается, потому что все глядят на него.

Д о к т о р. Андоррцы, я хочу сказать вам одну вещь. Еще ни на один народ в мире не нападали, если нельзя было обвинить его в каком-нибудь преступлении. В чем они могут нас обвинить? Единственное, что может грозить Андорре — это несправедливость, грубая, откровенная несправедливость. А на это они пойти не осмелятся. Не осмеливались вчера, не осмелятся и завтра. Потому что весь мир поднимется защищать нас. В ударном порядке. Потому что вся совесть мира на нашей стороне.

Н е к т о (*по-прежнему читая газету*). В ударном порядке.

Т р а к т и р щ и к. Заткнитесь наконец.

Некто смеется, прячет газету.

Д о к т о р. Кто вы такой, собственно?

Н е к т о. Весельчак.

Д о к т о р. Ваш юмор здесь неуместен.

Подмастерье пинает ногой чемоданы.

Т р а к т и р щ и к. Перестань!

Д о к т о р. Это зачем?

Т р а к т и р щ и к. Ради Бога!

Некто смеется.

Д о к т о р. Глупость. Этого они ведь только и ждут. Придирки к приезжим в Андорре. Чтобы у них был предлог выступить против нас! Такая глупость! Я же вам говорю: успокойтесь! Мы не дадим им повода!.. Шпиком больше, шпиком меньше.

Трактирщик ставит чемоданы как следует.

С о л д а т. Тыфу-ты, одно слово!

Трактирщик вытирает чемоданы.

Д о к т о р. Счастье, что никто этого не видел...

Входит Сеньора. Тишина. Сеньора садится за свободный столик. Андоррцы разглядывают ее, пока она медленно снимает перчатки.

Д о к т о р. Хочу расплатиться.

С т о л я р. Я тоже.

Доктор встает и уходит, приподняв шляпу перед Сеньорой. Столяр делает знак Подмастерью, чтобы тот следовал за ним.

С е н ь о р а. Здесь что-то произошло?

Некто смеется.

С е н ь о р а. Найдется что-нибудь выпить?

Т р а к т и р щ и к. С удовольствием, сеньора...

С е н ь о р а. Что пьют в этой стране?

Т р а к т и р щ и к. С удовольствием, сеньора...

С е н ь о р а. Лучше всего стакан свежей воды.

Т р а к т и р щ и к. Сеньора, у нас есть все.

Некто смеется.

Т р а к т и р щ и к. У этого господина веселый нрав.

Некто уходит.

С е н ь о р а. Комната, господин хозяин, славная, очень славная.

Трактирщик отвешивает поклон и уходит.

С о л д а т. А мне рюмку водки!

Солдат остается и садится так, чтобы можно было пялить глаза на Сеньору. На авансцене, справа, появляется Андри и бросает монету в оркестрион.

Т р а к т и р щ и к. Вечно этот ящик!

А н д р и. Я плачу.

Т р а к т и р щ и к. Ничего другого у тебя в голове нет?

А н д р и. Нет.

Звучит все та же пластинка. Тем временем Сеньора пишет какую-то записку, Солдат пялит глаза, Сеньора складывает записку и говорит Солдату, не глядя на него.

С е н ь о р а. Разве в Андорре нет женщин?

Возвращается Идиот.

Ты знаешь учителя по фамилии Кан?

Идиот скалит зубы и кивает головой.

Отнеси ему эту записку.

Появляются три других солдата и Подмастерье.

С о л д а т. Вы слышали? Она спрашивает, есть ли в Андорре бабы.

П о д м а с т е р ь е. А ты что сказал?

С о л д а т. ...Нет, зато есть мужчины!

П о д м а с т е р ь е. Так и сказал?

Они ухмыляются.

Вот он уже опять здесь. Желтый, как сыр! Хочет меня поколотить...

Входит Андри, музыка кончилась.

С о л д а т. Как поживает твоя невеста?

Андри хватает Солдата за воротник.

Что это значит? (*Освобождается.*) Какой-нибудь старик-раввин рассказал ему сказку про Давида и Голиафа, теперь ему хочется сыграть нам Давида.

Они ухмыляются.

Пошли.

А н д р и. Федри...

П о д м а с т е р ь е. Ишь как заикается!

А н д р и. Почему ты предал меня?

С о л д а т. Пошли.

Андри сшибает с Солдата фуражку.

Ты смотри у меня! (*Поднимает фуражку и стряхивает с нее пыль.*) Если ты думаешь, что я хочу угодить из-за тебя под арест...

П о д м а с т е р ь е. Что это он привязался?

А н д р и. Теперь изувечь меня.
С о л д а т. Пошли. *(Надевает фуражку.)*

Анри снова сшибает ее, остальные смеются, Солдат внезапно наносит ему боковой удар. Анри падает.

Где твоя праща, Давид?

Анри поднимается.

Наш Давид, наш Давид разошелся!

Анри тоже внезапно наносит Солдату боковой удар,
Солдат падает.

Еврей проклятый!..

С е н ь о р а. Нет! Нет! Все на одного! Нет!

Другие солдаты схватили Анри, что освобождает Солдата. Солдат бьет Анри, которого держат остальные. Анри молча защищается. Внезапно ему удается вырваться. Подмастерье ударяет его ногой сзади. Когда Анри оборачивается, Солдат схватывает его тоже сзади. Анри падает. Четыре солдата и Подмастерье бьют его ногами со всех сторон, пока не замечают Сеньору, подошедшую к ним.

С о л д а т. ...Еще чего, выставлять себя посмешищем перед иностранкой...

Солдаты и остальные исчезают.

С е н ь о р а. Ты кто?

А н д р и. Я не трус.

С е н ь о р а. Как тебя зовут?

А н д р и. Они всегда говорят, что я трус.

С е н ь о р а. Не трогай, не трогай рукой рану.

Входит Трактирщик с графинами и стаканами на подносе.

Т р а к т и р щ и к. Что случилось?

С е н ь о р а. Вызовите врача.

Т р а к т и р щ и к. И это перед моим отелем!..

С е н ь о р а. Дайте сюда! *(Берет графин, достает платок и становится на колени перед Анри, который пытается подняться.)*

Т р а к т и р щ и к. Невозможно, сеньора!

С е н ь о р а. Не стойте, прошу вас, вызовите врача.

Т р а к т и р щ и к. Сеньора, у нас в стране это из ряда вон...

С е н ь о р а. Я только обмою тебя.

Т р а к т и р щ и к. Ты сам виноват. Зачем ты всегда приходишь, когда здесь солдаты?

С е н ь о р а. Посмотри на меня!

Т р а к т и р щ и к. Я тебя предупреждал.

С е н ь о р а. К счастью, глаз не задет.

Т р а к т и р щ и к. Он сам виноват, вечно заводит этот ящик. Я же предупреждал его, он просто действует людям на нервы...

С е н ь о р а. Вы не собираетесь вызвать врача?

Трактирщик уходит.

А н д р и. Теперь все против меня.

С е н ь о р а. Больно?

А н д р и. Не хочу врача.

С е н ь о р а. Может перейти на кость.

А н д р и. Я знаю этого врача. *(Поднимается.)* Я уже могу ходить, это только на лбу.

Сеньора поднимается.

Ваше платье, сеньора!.. Я испачкал вас кровью.

С е н ь о р а. Отведи меня к своему отцу.

Сеньора берет Андри под руку, они медленно уходят, тем временем появляются Трактирщик и Доктор.

Д о к т о р. Ручку в ручку?

Т р а к т и р щ и к. Они пинали его сапогами, я видел собственными глазами, я был в доме.

Доктор закуривает сигарету.

Т р а к т и р щ и к. Вечно заводит этот ящик, я ему говорил, он просто действует людям на нервы.

Д о к т о р. Кровь!

Т р а к т и р щ и к. Я знал, что так будет.

Доктор курит.

Вы молчите.

Д о к т о р. Неприятная история.

Т р а к т и р щ и к. Начал-то он.

Д о к т о р. Я против этого народа ничего не имею, но мне не по себе, когда я вижу кого-нибудь из них. Как ни поведешь себя, все неверно. Что я такого сказал? Они не могут уняться, они вечно требуют, чтобы наш брат проявил свое отношение к ним. Как будто нам больше нечего делать. Никому не хочется жить с нечистой совестью, но они всячески добиваются этого. Они хотят, чтобы их обижали. Они только этого и ждут. *(Поворачивается, чтобы уйти.)* Смойте эти капли крови. И поменьше болтайте. Не надо всем рассказывать, что вы видели собственными глазами.

Авансцена

Учитель и Сеньора перед белым домом — как в начале.

С е н ь о р а. Ты сказал, что наш сын — еврей.

Учитель молчит.

Почему ты распустил эту ложь?

Учитель молчит.

Однажды к нам заехал один андоррский торговец, который вообще много говорил. Расхваливая Андорру, он везде рассказывал трогательную историю об одном андоррском учителе, который тогда, во время большого кровопролития, спас еврейского ребенка и заботился о нем, как о родном сыне. Я сразу же послала тебе письмо: не ты ли этот учитель? Я требовала ответа. Я спрашивала: ты знаешь, что ты натворил? Я ждала ответа. Ответа не было. Может быть, ты не получил моего письма. Я не могла поверить в то, чего опасалась. Я написала второй раз. Я ждала ответа. Так шло время. Почему ты распустил эту ложь?

У ч и т е л ь. Почему, почему?

С е н ь о р а. Ты ненавидел меня за то, что я струсил, когда родился ребенок. Потому что я боялась своей родни. Когда ты подъехал к границе, ты сказал, что это еврейский ребенок, которого ты спас от нас. Почему? Потому что ты тоже струсил, когда возвращался домой. Потому что ты тоже боялся своей родни. (Пауза.) Разве не так было? (Пауза.) Может быть, ты хотел показать, что вы совсем не такие, как мы. Потому что ты ненавидел меня. Люди здесь не другие, ты видишь, не такие уж другие.

Учитель молчит.

Он сказал, что хочет домой, и привел меня сюда. Увидев твой дом, он повернулся и ушел прочь, не знаю — куда.

У ч и т е л ь. Я скажу, что это мой сын, наш сын, плоть от их плоти, кровь от их крови...

С е н ь о р а. Почему же не идешь?

У ч и т е л ь. А если они не хотят правды? (Пауза.)

Картина девятая

Комната в доме Учителя, Сеньора сидит, Андри стоит.

С е н ь о р а. Раз не хотят, Андри, чтобы я сказала тебе, почему я приехала, я сейчас надену перчатки и уйду.

А н д р и. *Сеньора, я не понимаю ни слова.*

С е н ь о р а. Скоро все поймешь... (*Надевает перчатку.*) Ты знаешь, что ты красив?

Шум на улице.

Они оскорбляли тебя, они издевались над тобой, Андри, но это копится. Правда посрамит их, а ты, Андри, единственный здесь, кому нечего бояться правды.

А н д р и. Какая правда?

С е н ь о р а. Я рада, что повидала тебя.

А н д р и. Вы покидаете нас, сеньора?

С е н ь о р а. Меня просят об этом.

А н д р и. Если вы говорите, что любая страна не хуже и не лучше Андорры, почему вам здесь не остаться?

С е н ь о р а. Ты хочешь этого?

Шум с улицы.

Я вынуждена. Я оттуда, ты слышишь, как я их раздражаю. Черная! Так они здесь называют нас, я знаю... (*Надевает другую перчатку.*) Многое еще мне хочется сказать тебе, Андри, о многом спросить тебя, поговорить с тобой подольше. Но мы еще увидимся, я надеюсь... (*Она готова.*) Мы увидимся. (*Еще раз оглядывается кругом.*) Здесь, значит, ты вырос.

А н д р и. Да.

С е н ь о р а. Сейчас мне следовало бы уйти. (*Продолжает сидеть.*) Когда я была в твоём возрасте... время летит, Андри, тебе сейчас двадцать, и ты не можешь представить себе: люди встречаются, любят, расходятся, жизнь впереди, а посмотришь в зеркало — она внезапно оказывается позади, себе кажешься почти той же, но вдруг оказывается, что это уже другие, кому сейчас двадцать... Когда я была в твоём возрасте... мой отец, офицер, погиб на войне, я помню, как он думал, и я не хотела думать, как он. Мы хотели другого мира. Мы были молоды, как ты, и учили нас ужасным вещам, и мы это знали. И мы презирали тот мир, который был, мы видели его насквозь, мы хотели попробовать жить в другом мире. И попробовали. Мы хотели не бояться людей. Ни в коем случае. Мы хотели не лгать. Когда мы увидели, что мы только умалчиваем о своём страхе, мы стали ненавидеть друг друга. Наш другой мир длился недолго. Мы вернулись через границу назад, туда, откуда вышли, когда были молоды, как ты. (*Поднимается.*) Ты понимаешь, что я говорю?

А н д р и. Нет.

Сеньора подходит к Андри и целует его.

Почему вы меня целуете?

С е н ь о р а. Мне надо уходить. Мы увидимся?

А н д р и. Мне хотелось бы.

С е н ь о р а. Я всегда желала вообще не знать ни отца, ни матери. Ни один человек не понимает своих родителей, видя мир, который они оставляют ему.

Входят Учитель и Мать.

Я ухожу, да, я уже уходила. (*Молчание.*) Итак, прощайте. (*Молчание.*) Я ухожу, да, теперь ухожу...

Сеньора уходит.

У ч и т е л ь. Проводи ее! Но не через площадь, а в обход.

А н д р и. Почему в обход?

У ч и т е л ь. Ступай!

Андри уходит.

Патер скажет ему. Не спрашивай меня сейчас! Ты не понимаешь меня, поэтому я тебе и не говорил. (*Садится.*) Теперь ты знаешь?

М а т ь. Что скажет Андри по этому поводу?

У ч и т е л ь. Мне он не поверит.

Шум с улицы.

Надо надеяться, этот сброд оставит их в покое.

М а т ь. Я понимаю больше, чем ты думаешь, Кан. Ты любил ее, а женился на мне, потому что я андоррка. Ты предал нас всех. Но прежде всего Андри. Не проклинай андоррцев, ты сам андоррец.

Входит Патер.

Трудная у вас в этом доме задача, ваше преподобие. Вы, ваше преподобие, объяснили нашему Андри, что такое еврей и что ему надо принять это. И он это принял. А теперь, ваше преподобие, вы должны сказать ему, что такое андоррец и что ему надо принять это.

У ч и т е л ь. Теперь оставь нас наедине!

М а т ь. Да поможет вам Бог, отец Бенедикт.

Мать выходит.

П а т е р. Я пытался, но безуспешно, с ними нельзя говорить, любое разумное слово выводит их из себя. Ра-

зойдитесь наконец по домам, сказал я им, и займитесь собственными делами. При этом никто из них не знает, чего они, собственно, хотят.

Андри возвращается.

Учитель. Почему так скоро?

Андри. Она хочет идти одна, говорит. (*Показывает руку.*) Это она подарила мне.

Учитель. ...Свое кольцо?

Андри. Да.

Учитель молчит, затем поднимается.

Кто эта сеньора?

Учитель. Тогда я провожу ее.

Учитель уходит.

Патер. Почему ты смеешься?

Андри. Он ревнует.

Патер. Сядь.

Андри. Что со всеми вами стряслось?

Патер. Смеяться, собственно, нечего, Андри.

Андри. Но смешно. (*Рассматривает кольцо.*) Это топаз или что это может быть?

Патер. Нам надо поговорить.

Андри. Опять уже? (*Смеется.*) Все ведут себя сегодня, как марионетки, если перепутать веревочки, и вы, ваше преподобие, тоже. (*Закуривает.*) Она была когда-то его возлюбленной? Есть такое ощущение. У вас — нет? (*Курит.*) Она — фантастическая женщина.

Патер. Я должен кое-что тебе сказать.

Андри. А стоять при этом нельзя? (*Садится.*) В два я должен быть в лавке. Разве она не фантастическая женщина?

Патер. Меня радует, что она тебе нравится.

Андри. Все держатся так натянуто. (*Курит.*) Вы хотите сказать, что не следует подходить к солдату и сшибать с него фуражку, если знаешь, что ты еврей, что этого вообще не следует делать, а я все же рад, что я это сделал, я кое-чему научился, хотя никакой пользы мне от этого нет. Теперь вообще, после нашего разговора, и дня не проходит, чтобы я не научился чему-то, от чего никакой пользы мне нет, так же, как и от ваших добрых слов, ваше преподобие, я верю, что вы желаете мне добра, вы христиане

по профессии, но я еврей по происхождению, и поэтому я теперь эмигрирую.

П а т е р. Андри...

А н д р и. Если мне это удастся. (*Гасит сигарету.*)

П а т е р. Посиди!

А н д р и. Это кольцо мне поможет. Единственное, что вы можете теперь для меня сделать, ваше преподобие, — это молчать, никому об этом не говорить. (*Поднимается.*) Мне надо идти. (*Смеется.*) Во мне есть какая-то затравленность, я знаю, вы совершенно правы, ваше преподобие...

П а т е р. Ты будешь говорить или я буду говорить?

А н д р и. Простите. (*Садится.*) Я слушаю.

П а т е р. Андри...

А н д р и. Так торжественно!

П а т е р. Я пришел, чтобы выручить тебя.

А н д р и. Я слушаю.

П а т е р. Я тоже, Андри, ничего об этом не знал, когда мы в последний раз говорили с тобой. Он взял к себе еврейского ребенка — так издавна считалось, христианский поступок, как я мог не верить этому! Но вот, Андри, явилась твоя мать...

А н д р и. Кто явился?

П а т е р. Сеньора.

Андри вскакивает.

Андри, ты не еврей. (*Молчание.*) Ты не веришь тому, что я говорю тебе?

А н д р и. Нет.

П а т е р. Значит, по-твоему, я лгу?

А н д р и. Ваше преподобие, это чувствуешь.

П а т е р. Что чувствуешь?

А н д р и. Еврей ты или нет.

Патер поднимается и приближается к Андри.

Не прикасайтесь ко мне! Ваши руки! Я не хочу этого больше.

П а т е р. Ты не слышишь, что я говорю тебе?

Андри молчит.

Ты его сын.

Андри смеется.

Андри, это правда.

А н д р и. Сколько у вас правд? (*Достает сигарету, но потом забывает о ней.*) Со мной это у вас не получится...

П а т е р. Почему ты нам не веришь?

А н д р и. Изверился.

П а т е р. Говорю тебе, клянусь спасением своей души, Андри, ты его сын, ни о каких евреях не может быть и речи.

А н д р и. Немало, однако, было речи об этом...

Сильный шум с улицы.

П а т е р. Что там стряслось?

Тишина.

А н д р и. С тех пор, как я помню себя, мне твердили, что я другой, и я проверял, так ли оно и есть, как они говорят. И так оно и есть, ваше преподобие. Я другой. Мне говорили, что двигаются такие, как я, так, мол и так, и я чуть ли ни каждый вечер подходил к зеркалу. Они правы: я двигаюсь именно так. Я не могу по-другому. Я проверял также, правда ли, что я всегда думаю о деньгах, когда андоррцы наблюдают за мной и думают, что сейчас я думаю о деньгах, и они бывали каждый раз правы: я думаю о деньгах. Так оно и есть. И нет во мне душевности, я старался, но напрасно: не душевность во мне, а страх. И еще говорили мне, что такие, как я, трусы. И это я тоже проверял. Трусят многие, но я знаю, когда трушу я. Я не хотел признавать того, что они мне говорили, но так оно и есть. Они пинали меня сапогами, и все обстоит так, как они говорили: я чувствую не так, как они. И у меня нет родины. Вы, ваше преподобие, говорили, что это надо принять, и я это принял. Теперь вам, ваше преподобие, надо принять вашего еврея.

П а т е р. Андри...

А н д р и. Теперь, ваше преподобие, буду говорить я.

П а т е р. ...Ты хочешь быть евреем?

А н д р и. Я и есть еврей. Я долго не знал, что это значит. Теперь знаю.

Патер беспомощно садится.

Я хочу, чтобы у меня не было ни отца, ни матери, чтобы ни мне не надо было горевать и отчаиваться из-за их смерти, ни им — из-за моей. И ни сестры, ни невесты: скоро все будет порвано, и никакие клятвы, никакая наша верность тут не помогут. Я хочу, чтобы это случилось скорее. Я ста-

рый. Мои надежды отпадали одна за другой, как выпадают зубы. Я ликовал, солнце светило в деревьях зеленым светом, я бросал свое имя в воздух, как шапку, которая не принадлежит никому, кроме меня, а вниз падал камень, который меня убивает. Я был не прав, по-другому, чем они думали, все время. Я хотел быть правым и торжествовать. А правыми были мои враги, хотя у них и не было права на это, ведь за пределами своего понимания нельзя считать себя правым. Мне теперь уже не нужны враги, достаточно правды. Я пугаюсь, когда еще на что-то надеюсь. Надежда никогда не шла мне на пользу. Я пугаюсь, когда смеюсь, и не могу плакать. Моя печаль поднимает меня над всеми вами, и поэтому я упаду. Мои глаза стали большими от грусти, моя кровь знает все, и я хочу умереть. Но меня страшит умирание. Милости нет...

П а т е р. Грех так говорить.

А н д р и. Посмотрите на этого старика-учителя, как он опустился, а был когда-то, говорит он, молодым человеком с очень сильной волей. Посмотрите на Барблин. И на всех-всех, не только на меня. Посмотрите на солдат. Сплошь обреченные. Посмотрите на себя. Вы уже сейчас знаете, ваше преподобие, что вы сделаете, когда меня уведут у вас на глазах — а у вас добрые глаза, — и поэтому они, ваши добрые глаза, так глядят на меня. Вы будете молиться. За меня и за себя. Ваша молитва не поможет даже вам. Все равно вы будете предателем. Милость — это вечная сказка, солнце будет светиться в деревьях зеленым светом и тогда, когда они меня уведут.

Входит Учитель, одежда на нем растерзана.

П а т е р. Что случилось?

Учитель падает без сил на стул.

Говорите же!

У ч и т е л ь. Она умерла.

А н д р и. Сеньора?

П а т е р. Что случилось?

У ч и т е л ь. Камень.

П а т е р. Кто бросил?

У ч и т е л ь. Андри, говорят они, Трактирщик будто бы видел собственными глазами.

Андри убегает. Учитель задерживает его силой.

Он был здесь, вы свидетель.

Авансцена

Некто подходит к барьеру для свидетелей.

Н е к т о. Признаю: совершенно не ясно, кто бросил тогда в эту иностранку камень. Меня лично в то время на площади не было. Я никого не хочу обвинять, я миру не судья. Что касается того паренька, то, конечно, я помню его. Он часто подходил к оркестриону, чтобы промотать свои чаевые, и когда они схватили его, мне было его жаль. Что сделали с ним солдаты, когда они схватили его, я не знаю, мы слышали только его крик... Когда-то пора и забыть, по-моему.

Картина десятая

Андоррская площадь. Андри сидит один.

А н д р и. Я отовсюду виден, я знаю. Пусть видят меня... (*Достает сигарету.*) Я не бросал камень! (*Курит.*) Пусть придут те, кто видел это собственными глазами, пусть выйдут из своих домов, если хватит смелости, и укажут на меня пальцем.

Голос шепчет что-то.

Не могу разобрать ни слова, когда ты шепчешь. (*Курит.*) Я сижу среди площади, да, уже целый час. Кругом ни души. Словно вымерло все. Все в подвалах. Удивительная картина. Только воробьи на проводах.

Голос шепчет что-то.

Я не бросал камень. (*Курит.*) С самого рассвета. С самого рассвета бродил я по вашим улицам. В полном одиночестве. Все ставни спущены, все двери закрыты. Остались только собаки и кошки в вашей белоснежной Андорре...

Слышен мощный гул движущегося громкоговорителя,
слов нельзя разобрать.

Не смей носить оружие. Ты слышал? Кончено.

Появляется Учитель с винтовкой на ремне.

У ч и т е л ь. Андри...

Андри курит.

Мы ищем тебя всю ночь.

А н д р и. Где Барблин?

У ч и т е л ь. Я ходил в лес.

А н д р и. Что мне делать в лесу?

У ч и т е л ь. Андри... черные здесь. (*Прислушивается.*)

Тихо.

А н д р и. Что ты там слышишь?

Учитель снимает винтовку с предохранителя.

Воробьи, ничего, кроме воробьев.

Птичий щебет.

У ч и т е л ь. Здесь тебе нельзя оставаться.

А н д р и. Где мне можно остаться?

У ч и т е л ь. Это глупость, то, что ты делаешь, это безумие... (*Берет Андри под руку.*) Пошли!

А н д р и. Я не бросал камень!

Легкий шум.

У ч и т е л ь. Что это было?

А н д р и. Ставни. (*Затаптывает свою сигарету.*)

Люди за ставнями. (*Достает следующую сигарету.*)

У тебя есть огонь?

Барабанный бой вдалеке.

У ч и т е л ь. Ты слышал выстрелы?

А н д р и. Тишина кругом небывалая.

У ч и т е л ь. Не могу представить себе, что сейчас будет.

А н д р и. Небо покажется с овчинку.

У ч и т е л ь. Что ты говоришь?

А н д р и. Лучше смерть, чем неволя.

Снова грохот движущегося громкоговорителя.

НИ ОДНОМУ АНДОРРЦУ БОЯТЬСЯ НЕЧЕГО.

Слышишь?

СПОКОЙСТВИЕ И ПОРЯДОК... ВСЯКОЕ КРОВОПРОЛИТИЕ... ВО ИМЯ МИРА... КТО НОСИТ ИЛИ ПРЯЧЕТ ОРУЖИЕ... ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ... НИ ОДНОМУ АНДОРРЦУ БОЯТЬСЯ НЕЧЕГО.

Тишина.

Все, собственно, в точности так, как можно было представить себе. В точности так.

У ч и т е л ь. О чем ты?

А н д р и. О вашей капитуляции.

Через площадь проходят трое мужчин – без оружия.

А н д р и. Ты последний с винтовкой.

У ч и т е л ь. Сукины дети.

А н д р и. Ни одному андорцу бояться нечего.

Птичий щебет.

У тебя есть огонь?

Учитель провожает взглядом мужчин.

Ты видел, как они идут. Они не глядят друг на друга. И как они молчат! Когда доходит до дела, каждый воочию видит то, во что он прежде не верил. Вот почему походка у них сегодня такая странная. Словно все лжецы.

Через площадь проходят двое мужчин – без оружия.

У ч и т е л ь. Сын мой!

А н д р и. Опять ты за свое!

У ч и т е л ь. Ты погибнешь, если ты не поверишь мне.

А н д р и. Я не твой сын.

У ч и т е л ь. Отца не выбирают себе. Что мне сделать, чтобы ты поверил? Что еще? Я все твержу им это, я уже детям в школе сказал, что ты мой сын. Что еще? Повеситься мне, чтобы ты поверил? Я от тебя не уйду. (*Садится рядом с Андри.*) Андри...

Андри смотрит поверх домов.

Куда ты глядишь?

Поднимается черный флаг.

А н д р и. Не могу дождаться.

У ч и т е л ь. Откуда у них взялись флаги?

А н д р и. Теперь им понадобится козел отпущения.

У ч и т е л ь. Пойдем домой!

А н д р и. Нет никакого толка, отец, в том, что ты расскажешь это еще раз. Твоя судьба — не моя судьба, отец, а моя — не твоя.

У ч и т е л ь. Единственный мой свидетель мертв.

А н д р и. Не говори о ней!

У ч и т е л ь. Ты носишь ее кольцо...

А н д р и. Того, что ты сделал, отец не сделает.

У ч и т е л ь. Откуда ты это знаешь?

Андри прислушивается.

У андорца, говорят они, не может быть ничего общего с женщиной оттуда, и уж тем более ребенка. Я боялся их, да, боялся андорцев, потому что был трусом...

А н д р и. Нас слушают.

У ч и т е л ь (*оглядывается и кричит в сторону домов*). ...Потому что был трусом! (*Снова к Андри.*) Поэтому я так сказал. Легче было тогда приютить еврейского ребенка. Это было похвально. Они тебя гладили по головке, вначале они гладили тебя по головке, потому что им льстило, что они не такие, как те там.

Андри прислушивается.

Слышишь, что говорит отец?

Шорох ставни.

Пускай слушают!

Шорох ставни.

Андри...

А н д р и. Они тебе не поверят.

У ч и т е л ь. Потому что ты мне не веришь!

Андри курит.

Ах ты невинность, да, ты не бросал камня, скажи это еще раз, ты не бросал камня, да, ты сама невинность, и можешь смотреть на меня глазами еврея, но ты мой сын, да, мой сын, и если ты не согласишься этому, ты погиб.

А н д р и. Я погиб.

У ч и т е л ь. Тебе нужна моя вина?

Андри смотрит на него.

Так скажи это!

А н д р и. Что?

У ч и т е л ь. Повеситься мне? Скажи!

Маршевая музыка вдалеке.

А н д р и. Они идут с музыкой. (*Достает следующую сигарету.*) Я не первый, кто погиб. Нет никакого толка от твоих слов. Я знаю, кто мои предки. Тысячи, сотни тысяч человек умерли у столба. Их судьба — моя судьба.

У ч и т е л ь. Судьба!

А н д р и. Ты этого не понимаешь, потому что ты не еврей. (*Смотрит в глубину улицы.*) Оставь меня одного!

У ч и т е л ь. Что ты там видишь?

А н д р и. Как они сваливают в кучу свои виновки.

Входит Солдат, без оружия, у него только барабан, слышно, как бросают винтовки; обернувшись назад, Солдат говорит:

С о л д а т. Поаккуратнее! — сказал я. Как в армии. *(Подходит к Учителю.)* Давай винтовку.

У ч и т е л ь. Нет.

С о л д а т. Приказ есть приказ.

У ч и т е л ь. Нет.

С о л д а т. Ни одному андоррцу бояться нечего.

Входят Доктор, Трактирщик, Столяр, Подмастерье, Некто, все без винтовок.

У ч и т е л ь. Сукины дети! Вы все! Говно! До последнего бойца. Говно! *(Учитель щелкает затвором, он готов стрелять в андоррцев, но вмешивается Солдат. После короткой шумной борьбы Учитель разоружен; он оглядывается по сторонам.)* ...Мой сын! Где мой сын?

Учитель убегает.

Н е к т о. Что это на него нашло?

На авансцене справа, у оркестриона, появляется Андри, бросив монетку, он заводит свою мелодию и медленно исчезает.

Авансцена

Играет оркестрион, и два солдата в черной форменной одежде, каждый с автоматом, патрулируют крест-накрест, взад и вперед.

Картина одиннадцатая

Перед комнатой Барблин. Барабанный бой вдалеке.

А н д р и. Ты много раз спала с ним?

Б а р б л и н. Андри.

А н д р и. Я спрашиваю тебя, много ли раз ты спала с ним, пока я здесь сидел на пороге и разглагольствовал. О нашем бегстве!

Барблин молчит.

Здесь он стоял, босиком, знаешь, с расстегнутым поясом...

Б а р б л и н. Молчи!

А н д р и. Шерсть на груди, как у обезьяны.

Барблин молчит.

Самец!

Барблин молчит.

Ты много раз спала с ним?

Барблин молчит.

Молчишь... Так о чем нам говорить в эту ночь? Не надо мне сейчас думать об этом, говоришь ты. Мне надо, мол, думать о своем будущем, но у меня нет будущего... Я ведь хочу только знать, много ли раз...

Барблин рыдает.

И это продолжается?

Барблин рыдает.

Зачем мне, собственно, это знать! Какое мне дело! Только чтобы еще раз испытать какое-то чувство к тебе. (*Прислушивается.*) Ну-ка потише!

Б а р б л и н. Все ведь не так.

А н д р и. Не знаю, где они меня ищут...

Б а р б л и н. Ты несправедлив, так несправедлив.

А н д р и. Я извинюсь, если они придут...

Барблин рыдает.

Я думал, мы любим друг друга. Почему несправедлив? Я ведь только спрашиваю, каково это, если имеешь дело с самцом. Почему такая чопорность? Я же просто спрашиваю, потому что ты была моей невестой. Не реви! Теперь, когда ты чувствуешь себя моей сестрой, теперь-то ты можешь мне это сказать. (*Гладит ее волосы.*) Я слишком долго ждал тебя...

Б а р б л и н. Они не смеют трогать тебя...

А н д р и. Кто это определяет?

Б а р б л и н. Я останусь с тобой!

Тишина.

А н д р и. Опять возвращается страх...

Б а р б л и н. Брат!

А н д р и. Вдруг. Если они знают, что я в доме, и никого не найдут, они подожгут дом, это известно, и будут ждать внизу, на улице, пока еврей не выпрыгнет в окно.

Б а р б л и н. Андри... ты не еврей!

А н д р и. Почему же ты хочешь спрятать меня?

Барабанный бой вдалеке.

Б а р б л и н. Иди в мою комнату!

Андри качает головой.

Никто не знает, что здесь есть еще одна комната.

А н д р и. ...Кроме Пайдера.

Барабанный бой стихает.

Так перечеркнуть.

Б а р б л и н. Что ты говоришь?

А н д р и. Что будет, это ведь уже произошло. Я говорю: так перечеркнуть. Моя голова у тебя на коленях. Помнишь? Это же не уходит. Моя голова у твоего лона. Не был ли я для вас помехой? Не могу себе это представить. А что! Могу себе это представить. Что я болтал, когда меня уже не было? Почему ты не смеялась? Ты ведь даже не смеялась. Так перечеркнуть! И я не почувствовал этого, когда Пайдер был в моем лоне, когда твои волосы были в его руках. А что, все ведь уже произошло...

Барабанный бой близко.

Они чувят, где их боятся.

Б а р б л и н. ...Они проходят мимо.

А н д р и. Они оцепляют дом.

Барабанный бой внезапно умолкает.

Меня они ищут, ты это прекрасно знаешь, я не твой брат. Никакая ложь тут не поможет. Слишком много лгали уже. *(Тишина.)* Ну так поцелуй меня!

Б а р б л и н. Андри...

А н д р и. Разденься!

Б а р б л и н. Ты с ума сошел, Андри.

А н д р и. Поцелуй и обними меня!

Барблин отбивается.

Теперь все равно.

Барблин отбивается.

Не притворяйся, что ты такая верная...

Звон оконного стекла.

Б а р б л и н. Что это?

А н д р и. Они знают, где я.

Б а р б л и н. Так погаси же свечу!

Звон другого оконного стекла.

А н д р и. Поцелуй меня!

Б а р б л и н. Нет. Нет...

А н д р и. Не можешь того, что можешь с любим, веселая и голенькая! Я не отпущу тебя. Что с другими иначе? Скажи. Что иначе? Я целую тебя, солдатская невеста. Одним больше, одним меньше, не стесняйся. Что иначе со мной? Скажи! Твоей коже скучно, когда я целую ее?

Б а р б л и н. Брат...

А н д р и. Почему тебе стыдно только передо мной?

Б а р б л и н. Теперь отпусти меня!

А н д р и. Теперь, да, теперь и никогда больше, да, я хочу тебя, да, веселую и голенькую, да, сестричка, да, да, да...

Барблин кричит.

Вспомни травку-красавку. *(Расстегивает ее блузку, как если бы Барблин была в обмороке.)* Вспомни травку-красавку.

Б а р б л и н. Ты сумасшедший!

Звонят у входа в дом.

Ты слышал? Ты погибнешь, Андри, если не поверишь нам. Спрячься!

Звонят у входа в дом.

А н д р и. Почему мы не отравились, Барблин, когда были еще детьми, теперь уже поздно...

Удары в дверь дома.

Б а р б л и н. Отец не открывает.

А н д р и. Как медленно.

Б а р б л и н. Что ты говоришь?

Удары в дверь дома.

А н д р и. Я говорю: как медленно все идет.

Б а р б л и н. Господи Боже, иже еси, Господь Всемогуший, иже еси в небесах, Господи, Господи, иже еси... Господи...

Шум взламываемой двери.

А н д р и. Оставь меня одного. Быстрее! Возьми свою блузку. Нехорошо, если они застанут тебя со мной. Пригладь волосы.

Голоса в доме. Барблин гасит свечу, топот сапог, появляются Солдат с барабаном и два солдата в черной форме, снаряженные фонарем-прожектором. Барблин одна перед своей комнатой.

С о л д а т. Где он?

Б а р б л и н. Кто?

С о л д а т. Наш еврей.

Б а р б л и н. Никакого еврея нет.

Солдат отталкивает ее и подходит к двери.

Посмей только!

С о л д а т. Открывай!

Б а р б л и н. Помогите! Помогите!

Андри выходит из-за двери.

С о л д а т. Это он.

На Андри надевают наручники.

Б а р б л и н. Не трогайте моего брата, он мой брат.

С о л д а т. Это покажет выявление евреев.

Б а р б л и н. Выявление евреев?

С о л д а т. Итак, вперед.

Б а р б л и н. Что это такое?

С о л д а т. Вперед. Все должны пройти выявление.

Вперед.

Андри уводят.

Еврейская шлюха.

Авансцена

Доктор подходит к барьеру для свидетелей.

Д о к т о р. Я буду краток, хотя многое из того, что сегодня говорят, нуждается в поправках. Задним числом всегда прекрасно знаешь, как следовало себя вести, впрочем, что касается меня, то я действительно не знаю, почему я должен был вести себя иначе. Что, собственно, сделали наши люди? Вообще ничего. Я был окружным врачом, каковым и сегодня являюсь. Что я тогда говорил, не помню уже, такой уж у меня нрав, андоррец, что думает, то и говорит... но я буду краток... Признаю: мы все тогда ошибались, о чем я, разумеется, могу только сожалеть. Сколь-

ко раз мне еще повторять это? Я не сторонник зверств, я никогда им не был. Этого молодого человека, кстати сказать, я видел всего два или три раза. Драки, которая, говорят, произошла позднее, я не видел. Однако я, разумеется, осуждаю ее. Могу сказать, что это не моя вина, однако в его поведении, о чем я, к сожалению, не могу умолчать, все больше и больше, будем говорить откровенно, ощущалось что-то еврейское, хотя этот молодой человек, возможно, был таким же андорцем, как мы. Я отнюдь не оспариваю того, что мы, так сказать, не устояли перед некоей злобой дня, это было, нельзя забывать, беспокойное время. Что касается меня лично, то я никогда не участвовал в жестокостях и никогда к ним не призывал. Позволю себе подчеркнуть это во всеуслышание. Трагическая история, несомненно. Я не виноват, что так вышло. Думаю, что скажу это от имени всех, если в заключение еще раз повторю, что о случившемся... тогда... мы можем только сожалеть.

Картина двенадцатая

Андоррская площадь. Площадь оцеплена солдатами в черной форме. Они стоят в полной боевой готовности, неподвижно.

Андоррцы, как стадо в загоне, молча ждут, что произойдет.

Долго ничего не происходит. Только шепчутся.

Д о к т о р. Только не волноваться. Когда выявление евреев кончится, все останется, как было. Ни одному андорцу бояться нечего. Это напечатано черным по белому. Я останусь окружным врачом, а Трактирщик — трактирщиком. Андорра останется андоррской.

Барабанный бой.

П о д м а с т е р ь е. Раздают черные платки.

Раздаются черные платки.

Д о к т о р. Только не оказывать сопротивления.

Появляется Барблин, она, как в помешательстве, ходит от группы к группе, дергает за рукав людей, которые от нее отворачиваются, что-то неразборчиво шепчет.

Т р а к т и р щ и к. Теперь вдруг говорят, что он не.
Н е к т о. Что говорят?

Т р а к т и р щ и к. Что он не.

Доктор. Да ведь это же видно с первого взгляда.

Некто. Кто говорит?

Трактирщик. Учитель.

Доктор. Ну, сейчас это выяснится.

Трактирщик. Во всяком случае, камень он бросил.

Некто. Это доказано?

Трактирщик. Доказано?!

Доктор. Если он *не*, почему он прячется? Почему боится? Почему не приходит на площадь, как наш брат?

Трактирщик. Совершенно верно.

Доктор. Почему это он *не*?

Трактирщик. Говорят, его искали всю ночь.

Доктор. Его нашли.

Некто. Не хотел бы я быть в его шкуре.

Трактирщик. Во всяком случае, камень он бросил...

Они умолкают, потому что подходит черный солдат.

Они получают черные платки. Солдат идет дальше.

Доктор. Как они раздают всему народу эти платки — без единого слова! Это я называю организация. Поглядите! Как по маслу.

Некто. Платки, однако, вонючие. (*Нюхает платок.*) Пот от страха.

Барблин подходит к группе с Доктором и Трактирщиком, дергает их за рукав и что-то шепчет, к ней поворачиваются спиной, она бредет дальше.

Доктор. Что она говорит?

Некто. Чушь какую-то.

Трактирщик. Это ей дорого обойдется.

Доктор. Только не оказывать сопротивления.

Барблин подходит к другой группе стоящих, дергает их за рукав и что-то шепчет, к ней поворачиваются спиной, она бредет дальше.

Трактирщик. Когда я видел собственными глазами! Вот на этом месте. Доказано? Он спрашивает, доказано ли это. Кто же еще бросил этот камень?

Некто. Я ведь только спрашиваю.

Трактирщик. Кто-то из нас, может быть?

Некто. Меня при этом не было.

Трактирщик. А я был?

Доктор прикладывает палец к губам.

Трактирщик. Может быть, я бросил камень?

Доктор. Тихо.

Трактирщик....Я?

Доктор. Не надо нам разговаривать.

Трактирщик. Вот здесь, на этом самом месте, извольте, вот здесь лежал камень, я сам его видел, булыжник, расшатавшийся булыжник, и он взял его вот так...
(Вынимает камень из мостовой.) ...вот так...

Подходит Столяр.

Столяр. В чем дело?

Доктор. Только не волноваться.

Столяр. Зачем это черные платки?

Доктор. Выявление евреев.

Столяр. А мы тут причем?

Черные солдаты, оцепившие площадь, берут внезапно винтовки на караул; один черный, в штатском, быстрым шагом проходит через площадь.

Доктор. Это был он.

Столяр. Кто?

Доктор. Выявляющий.

Солдаты рывком приставляют винтовки к ноге.

Трактирщик. ...А если он ошибется?

Доктор. Он не ошибается.

Трактирщик. ...Тогда что?

Доктор. Почему он ошибется?

Трактирщик. ...Но допустим такой случай — что тогда?

Доктор. У него наметанный глаз. Можете положитьсь. Он это чувствует. Он узнает это по одной лишь походке, когда кто-либо проходит через площадь. Он узнает это по ступням.

Некто. Нам придется поэтому разуваться?

Доктор. Он, как выявляющий, прошел хорошую школу.

Снова появляется Барблин, она ищет группы, где еще не была, находит Подмастерье, дергает его за рукав и что-то шепчет.

Подмастерье вырывается.

Подмастерье. Оставь меня в покое!

Доктор закуривает сигарку.

Она совсем сдурела. Пусть, говорит, никто не пойдет через площадь, пусть тогда забирают нас всех. Совсем сдурела.

Черный солдат замечает, что Доктор курит, и подходит к Доктору, угрожая ткнуть его примкнутым к винтовке штыком. Доктор пугается, бросает сигарку на мостовую, расталтывает ее и бледнеет.

Подмастерье. Они нашли его, говорят...

Барабанный бой.

Начинается.

Надевают платки на головы.

Трактирщик. Я не надену на голову черный платок!

Некто. Почему?

Подмастерье. Приказ есть приказ.

Трактирщик. Зачем это?

Доктор. Это они проделывают везде, где кто-то прячется. Вот вам расплата. Если бы мы сразу его выдали...

Появляется Идиот.

Трактирщик. Почему на нем нет черного платка?

Некто. Ему они верят, что он *не*.

Идиот скалит зубы, кивает головой, идет дальше, разглядывая закутанных и скаля зубы. Трактирщик еще не закутался.

Трактирщик. Я не надену на голову черный платок.

Закутанный. Тогда вас выпорют.

Трактирщик. Меня?

Закутанный. Он не читал желтого плаката.

Барабанный бой.

Закутанный. Начинается.

Закутанный. Только не волноваться.

Закутанный. Начинается.

Трактирщик. Я Трактирщик. Почему мне не верят? Я Трактирщик, любой ребенок знает, кто я, вы все знаете, ваш трактирщик...

Закутанный. Он боится!

Трактирщик. Вы что, не узнаете меня?

Закутанный. Он боится, боится!

Некоторые закутанные смеются.

Трактирщик. Я не надену на голову черный платок.

Закутанный. Его выпорют.

Трактирщик. Я не еврей!

Закутанный. Угодит в лагерь.

Т р а к т и р щ и к. Я не еврей!

З а к у т а н н ы й. Он не читал желтого плаката.

Т р а к т и р щ и к. Вы что, не узнаете меня? Вот ты? Я Трактирщик, я Трактирщик. Вы что, не узнаете меня? Ты кто? Нельзя так делать, поймите! Я Трактирщик, я Трактирщик. Вы что, не узнаете меня? Вы же не можете просто бросить меня на произвол судьбы. Вот ты. Кто я?

Трактирщик схватил Учителя, который только что явился с Матерью, они не закутаны.

У ч и т е л ь. Это ты бросил камень?

Трактирщик роняет булыжник.

Почему ты говоришь, что это сделал мой сын?

Трактирщик закутывается и смешивается с толпой закутанных.

Учитель и Мать стоят особняком.

Как они все закутываются!

Свисток.

З а к у т а н н ы й. Что это означает?

З а к у т а н н ы й. Разуться.

З а к у т а н н ы й. Кому?

З а к у т а н н ы й. Всем.

З а к у т а н н ы й. Сейчас?

З а к у т а н н ы й. Разуться, разуться.

З а к у т а н н ы й. Почему?

З а к у т а н н ы й. Он не читал желтого плаката...

Все закутанные становятся на одно колено, чтобы снять обувь.

Тишина. Так проходит несколько мгновений.

У ч и т е л ь. Как они слушаются!

Подходит черный солдат. Учитель и Мать тоже должны взять черные платки.

З а к у т а н н ы й. Один свисток — это значит разуться. Согласно плакату. Два свистка — это значит шагай.

З а к у т а н н ы й. Босиком?

З а к у т а н н ы й. Что он сказал?

З а к у т а н н ы й. Разуваться, разуваться.

З а к у т а н н ы й. А три свистка — это значит: платок долой.

З а к у т а н н ы й. Почему платок долой?

З а к у т а н н ы й. Все согласно плакату.

З а к у т а н н ы й. Что значит два свистка?

З а к у т а н н ы й. Шагай!

З а к у т а н н ы й. Почему босиком?

З а к у т а н н ы й. А три свистка — это значит платок долой.

З а к у т а н н ы й. Куда деть обувь?

З а к у т а н н ы й. «Платок долой» значит: это еврей.

З а к у т а н н ы й. Все согласно плакату.

З а к у т а н н ы й. Ни одному андоррцу бояться печего.

З а к у т а н н ы й. Что он сказал?

З а к у т а н н ы й. Ни одному андоррцу бояться печего.

З а к у т а н н ы й. Куда деть обувь?

Учитель, не закутанный, входит в толпу закутанных.

Он единственный, кто стоит не согнувшись.

У ч и т е л ь. Андри — мой сын.

З а к у т а н н ы й. А мы тут причем?

У ч и т е л ь. Слышите, что я сказал?

З а к у т а н н ы й. Что Андри его сын.

З а к у т а н н ы й. Почему же он прячется?

У ч и т е л ь. Андри — мой сын.

З а к у т а н н ы й. Во всяком случае, камень он бросил.

У ч и т е л ь. Кто из вас это сказал?

З а к у т а н н ы й. Куда деть обувь?

У ч и т е л ь. Почему вы лжете? Это сделал один из вас. Поэтому вы говорите, что это сделал мой сын...

Барабанная дробь.

Кто из них этот убийца, они не выясняют. Платок прикроет! Они не хотят знать. Платок прикроет! Это им не помеха, что теперь их будет обслуживать в трактире убийца. Трактирщик останется трактирщиком, окружной врач — окружным врачом. Посмотрите на них! Как ровненько выстроили они свои башмаки. Все согласно плакату! А один из них все-таки настоящий убийца. Платок прикроет! Они ненавидят только того, кто им напоминает об этом...

Барабанная дробь.

Ну и народ вы! Господи, отец небесный, которого на ваше счастье не существует, ну и народ вы!

Появляется Солдат с барабаном.

С о л д а т. Готово?

Все закутанные поднимаются, держа обувь в руках.

Обувь оставить на месте. Но аккуратно! Как в армии. Поняли? Башмак к башмаку. Живо! Армия отвечает за ваше спокойствие и порядок. Какое это производит впе-

чатление! Я сказал: башмак к башмаку. И не ворчать. (Проверяет шеренгу башмаков.) Вот эти!

З а к у т а н н ы й. Я Трактирщик.

С о л д а т. Слишком далеко отодвинуты назад!

Закутанный поправляет свои башмаки.

Еще раз зачитываю приказ. (Тишина.) «Граждане Андорры! Выявление евреев — это мероприятие для защиты населения в освобожденных районах, а тем самым для восстановления спокойствия и порядка. Ни одному андоррцу бояться нечего. Положение о данном мероприятии смотри в желтом плакате». Тихо! «Андорра, 15 сентября. Верховный Главнокомандующий»... Почему у вас нет платка на голове?

У ч и т е л ь. Где мой сын?

С о л д а т. Кто?

У ч и т е л ь. Андри.

С о л д а т. Он здесь, не беспокойтесь, он от нас не улизнул. Он тоже будет шагать. Босиком, как все прочие.

У ч и т е л ь. Ты понял, что я сказал?

С о л д а т. Равняйсь! В затылок!

У ч и т е л ь. Андри мой сын.

С о л д а т. Это сейчас выяснится.

Барабанная дробь.

Равняйсь!

Закутанные подтягиваются.

Итак, граждане Андорры, договорились: ни звука, когда придет Выявляющий. Ясно? Все должно идти как положено, это важно. Когда раздастся свисток, остановиться на месте. Ясно? По стойке «смирно» стоять не требуется. Ясно? По стойке «смирно» стоит только армия, потому что она этому обучена. Кто не еврей, тот свободен. То есть вы сразу приступаете к работе. Я буду барабанить. (Барабанит.) Вот так, один за другим. Кто не остановится, когда Выявляющий свистнет, тот будет застрелен на месте. Ясно?

Колокольный звон.

У ч и т е л ь. Где сейчас Патер?

С о л д а т. Наверно, молится за еврея.

У ч и т е л ь. Патер знает правду...

Входит Выявляющий.

С о л д а т. Тихо!

Черные солдаты берут винтовки на караул и застывают в этой позе, пока Выявляющий, который всдет себя, как обыкновенный служащий, усаживается в кресло посреди площади. Затем солдаты приставляют винтовки к ноге. Выявляющий снимает пенсне, протирает, снова надевает его. Учитель и Мать теперь тоже закутаны. Выявляющий ждет, чтобы затихли колокола, затем делает знак — два свистка.

Первый!

Никто не шевелится.

Давай, давай вперед!

Идиот идет первым.

Да не ты!

Закутанные смеются в страхе.

Тихо! (*Удар в барабан.*) Что за черт, вы должны пройти через площадь, как обычно. Ну, давай, вперед!

Никто не шевелится.

Ни одному андоррцу бояться нечего...

Барблин, закутанная, выходит вперед.

Сюда!

Барблин подходит к Выявляющему и бросает черный платок ему под ноги.

Что это значит?

Б а р б л и н. Это знак.

Волнение среди закутанных.

Скажи ему: ни один андоррец не пройдет через площадь! Ни один из нас! Пусть порют нас плетью. Скажи ему! Пусть расстреливают нас всех.

Два черных солдата хватают Барблин, которая безуспешно отбивается. Никто не шевелится. Черные солдаты вокруг берут винтовки на изготовку. Все происходит бесшумно. Барблин увлакивают.

С о л д а т. Теперь давай. Один за другим. Плетей захотели, что ли? Один за другим.

Теперь они тронулись.

Медленно, медленно!

Кто прошел, снимает платок с головы.

Платки складывать. Аккуратно! — сказал я. Разве наша страна — свиарник? Государственная эмблема должна быть сверху справа. Что подумают о нас иностранцы!

Остальные идут слишком медленно.

Вперед же, пора закругляться.

Выявляющий следит за их походкой внимательно, но привычно спокойно, ему скучно от его уверенности. Кто-то спотыкается о булыжник.

Это что такое?

З а к у т а н н ы й. Моя фамилия Прадер.

С о л д а т. Дальше.

З а к у т а н н ы й. Кто мне подставил ножку?

С о л д а т. Никто не подставлял

Столяр снимает платок.

Дальше, говорю, дальше. Следующий. И кто прошел, сейчас же забирайте свою обувь. Все надо вам говорить, господа, как в детском саду. (*Барабанный бой.*)

С т о л я р. Кто-то подставил мне ножку.

С о л д а т. Тихо!

Один идет не туда.

Как курицы, совсем как курицы!

Некоторые из тех, кто уже прошел, хихикают.

З а к у т а н н ы й. Я окружной врач.

С о л д а т. Ладно, ладно.

Доктор снимает платок.

Возьмите свою обувь.

Д о к т о р. Я ничего не вижу, когда у меня платок на голове. Я к этому не привык. Как мне идти, если я не вижу, что у меня под ногами!

С о л д а т. Дальше, говорю, дальше.

Д о к т о р. Это уж слишком!

С о л д а т. Следующий. (*Барабанный бой.*) Неужели вы не можете дома надеть свои поганые башмаки? Кто свободен, сказал я, пускай забирает свои башмаки и умывает. Что вы стоите тут и пьлитесь? (*Барабанный бой.*) Следующий.

Д о к т о р. Где мои башмаки? Кто взял мои башмаки? Это не мои башмаки.

С о л д а т. Почему вы берете именно эти?

Д о к т о р. Они стоят на моем месте.

С о л д а т. Ну, прямо как в детском саду!

Д о к т о р. Может быть, это мои башмаки?

Барабанный бой.

Я не уйду без башмаков.

С о л д а т. Не трепыхайтесь.

Д о к т о р. Я не пойду босиком. К этому я не привык. И говорите со мной вежливо. Я не позволю говорить со мной в таком тоне.

С о л д а т. Ну, в чем дело-то?

Д о к т о р. Я не трепыхаюсь.

С о л д а т. Не знаю, что вам нужно.

Д о к т о р. Мои башмаки.

Выявляющий делает знак. Свисток.

С о л д а т. Я на службе! (*Барабанный бой.*) Следующий.

Никто не шевелится.

Д о к т о р. Это не мои башмаки.

Солдат отбирает у него башмаки.

У меня жалоба, да-да, у меня жалоба, кто-то поменял мои башмаки. Я не двинулся с места, а если на меня будут кричать, то и подавно.

С о л д а т. Чьи это башмаки?

Д о к т о р. Моя фамилия Феррер...

С о л д а т. Чьи это башмаки? (*Ставит их спереди, у рамп.*) Ну, это выяснится!

Д о к т о р. Я точно знаю, чьи.

С о л д а т. Следующий.

Никто не шевелится.

Кто это опять боится?

Они снова идут один за другим, процедура так налажена, что становится скучно. Один из тех, что прошли перед Выявляющим и сняли платок с головы, — Подмастерье.

П о д м а с т е р ь е. Что там пасчет государственной эмблемы?

К т о - т о. Сверху справа.

П о д м а с т е р ь е. Он прошел уже?

Выявляющий делает знак. Свисток.

С о л д а т. Стой!

Закутанный останавливается.

Платок долой!

Закутанный не шевелится.

Платок долой, еврей, не слышишь, что ли!

Солдат подходит к закутанному и снимает с него платок. Это Некто, оцепсневший от страха.

Этот — не. У него просто такой вид, потому что боится. Этот — не. Да не бойся же! У него совсем другой вид, когда ему весело...

Выявляющий поднялся, он обходит подозреваемого со всех сторон, осматривает долго, и, как того требует служба, безучастно-добросовестно. Некто заметно меняется в лице. Выявляющий приподнимает ему подбородок шариковой ручкой.

Выше голову, приятель, не цепеней, словно ты из них!

Выявляющий осматривает еще и ступни, садится и небрежно кивает.

Д о к т о р. Этот не ошибается. Что я говорил? Этот никогда не ошибается, у него глаз наметан...

Барабанный бой.

С о л д а т. Следующий.

Снова идут гуськом.

Что за свинство, неужели у вас нет своего платка на случай, если вспотеете, ну, скажу я вам...

Один из закутанных берет булыжник.

Эй, что он там делает?

Т р а к т и р щ и к. Я трактирщик...

С о л д а т. Зачем вам этот булыжник?

З а к у т а н н ы й. Я трактирщик... я... я...

Трактирщик остается закутан.

С о л д а т. Не надо из-за этого класть в штаны!

В толпе хихикают: так смеются над какой-нибудь излюбленной потешной фигурой. Среди этого боязливое веселья раздается тройной свисток — по знаку выявляющего.

Стой!..

Учитель снимает платок.

Не вы, а вон тот!

Закутанный не шевелится.

Платок долой!

Выявляющий поднимается

Д о к т о р. У него глаз наметан. Что я говорил? Он узнает это по походке...

С о л д а т. Три шага вперед!

Д о к т о р. У него глаз...

С о л д а т. Три шага назад.

Закутанный повинуетя.

Смейся!

Д о к т о р. Он узнает это по смеху...

С о л д а т. Смейся! А то стрелять будут.

Закутанный пытается смеяться.

Громче!

Закутанный пытается смеяться.

Д о к т о р. Вот уж еврейский смех...

Солдат толкает закутанного.

С о л д а т. Платок долой, еврей, это тебе не поможет.
Платок долой. Покажи свое лицо. А то стрелять будут.

У ч и т е л ь. Андри?!

С о л д а т. Считаю до трех.

Закутанный не шевелится.

Раз...

У ч и т е л ь. Нет!

С о л д а т. Два...

Учитель срывает с него платок.

Три...

У ч и т е л ь. Мой сын!

Выявляющий обходит и осматривает Андри со всех сторон.

Это мой сын!

Выявляющий осматривает ноги Андри, затем делает знак, так же небрежно, как прежде, но другой знак, и два черных солдата берут Андри под стражу.

С т о л я р. Пошли.

Мать выходит вперед и снимает свой платок.

С о л д а т. А ей что понадобилось?

М а т ь. Я скажу правду.

С о л д а т. Андри твой сын?

М а т ь. Нет.

С о л д а т. Слыхали? Слыхали?

М а т ь. Но Андри сын моего мужа...

Т р а к т и р щ и к. Пусть она это докажет.

М а т ь. Это правда. И Андри не бросил камень, это я тоже знаю, потому что Андри был дома, когда это произо-

шло. Клянусь! Я сама была дома. Я это помню, и я клянусь в этом Богом, клянусь Всемогущим, судьей нашим во веки веков.

Т р а к т и р щ и к. Врет она.

М а т ь. Отпустите его.

Выявляющий поднимается снова.

С о л д а т. Тихо!

Выявляющий снова подходит к Андри и повторяет осмотр, затем выворачивает у него карманы штанов. Высыпаются деньги, андоррцы отшатываются от катящихся монет, словно это раскаленная лава. Солдат смеется.

Еврейские деньги.

Д о к т о р. Этот не ошибется...

У ч и т е л ь. Почему еврейские? Ваши деньги, наши деньги... Разве у вас в карманах что-то другое?

Выявляющий ощупывает волосы Андри.

Почему ты молчишь?

Андри улыбается.

Это мой сын, он не должен погибнуть, мой сын, мой сын!

Выявляющий уходит, черные берут винтовки на караул. Солдат входит в роль руководителя.

С о л д а т. Откуда это кольцо?

С т о л я р. Драгоценности у него тоже есть...

С о л д а т. Давай сюда!

А н д р и. Нет.

С о л д а т. Давай сюда, говорю!

А н д р и. Нет... пожалуйста...

С о л д а т. А то они палец отрубят.

А н д р и. Нет! Нет! (Защищается.)

С т о л я р. Ишь как дерется за свои драгоценности...

Д о к т о р. Пошли...

Андри окружен черными солдатами. Его не видно, когда раздается его крик. Затем — тишина. Андри уводят.

У ч и т е л ь. Втяните головы в плечи. Идите домой. Вы ничего не знаете. Вы ничего не видели. Вам тошно. Идите домой, брезгливо отшатывайтесь от себя перед зеркалом.

Андоррцы расходятся в разные стороны,
каждый забирает свою обувь.

С о л д а т. Этому теперь башмаки не понадобятся.

Солдат уходит.

Н е к т о. Бедный еврей...

Т р а к т и р щ и к. Мы-то при чем.

Некто уходит, остальные направляются к кабачку.

С т о л я р. Мне рюмку водки.

Д о к т о р. Мне тоже рюмку.

С т о л я р. Вот еще его башмаки.

Д о к т о р. Пошли внутрь.

С т о л я р. С пальцем — это было чересчур...

Столяр, Доктор и Трактирщик скрываются в кабачке. На сцене темнеет, оркестрион сам собой начинает играть — все ту же музыку. Когда на сцене становится снова светло, Барблин, стоя на коленях, белит мостовую площади. Барблин острижена.

Входит Патер. Музыка умолкает.

Б а р б л и н. Я белю, я белю...

П а т е р. Барблин!

Б а р б л и н. Почему, ваше преподобие, не белить мне дом отцов моих?

П а т е р. Ты заговариваешься.

Б а р б л и н. Я белю.

П а т е р. Это не дом твоего отца, Барблин.

Б а р б л и н. Я белю, я белю.

П а т е р. Это бессмысленно.

Б а р б л и н. Это бессмысленно.

Появляется Трактирщик.

Т р а к т и р щ и к. Что она делает здесь?

Б а р б л и н. Здесь его башмаки.

Трактирщик хочет принести башмаки.

Б а р б л и н. Стой!

П а т е р. Она потеряла рассудок.

Б а р б л и н. Я белю, я белю. Что вы здесь делаете?

Если вы не видите того, что я вижу, то вы видите: я белю.

Т р а к т и р щ и к. Перестань!

Б а р б л и н. Кровь, кровь, кровь везде.

Т р а к т и р щ и к. Это мои столики!

Б а р б л и н. Мои столики, твои столики, наши столики.

Т р а к т и р щ и к. Пусть перестанет.

Б а р б л и н. Ты кто такой?

П а т е р. Я уже все перепробовал.

Б а р б л и н. Я белю, я белю, чтобы Андорра у нас была белая, белоснежная Андорра, убийцы, я обеляю вас всех... всех.

Появляется бывший Солдат.

Пусть он оставит меня в покое, ваше преподобие, он положил на меня глаз, я обручена.

С о л д а т. Пить хочется.

Б а р б л и н. Он меня не знает.

С о л д а т. Кто она такая?

Б а р б л и н. Еврейская шлюха Барблин.

С о л д а т. Исчезни!

Б а р б л и н. Ты кто такой? (*Сместся.*) Где твой барабан?

С о л д а т. Не смейся!

Б а р б л и н. Куда ты увел моего брата?

Появляются Столяр и Подмастерье.

Откуда вы пришли, вы все, куда вы идете, вы все, почему вы не идете домой, вы все, и не вешаетесь?

С т о л я р. Что она говорит?

Б а р б л и н. И этот тоже!

Т р а к т и р щ и к. Она спятила.

С о л д а т. Уберите же ее.

Б а р б л и н. Я белю.

С т о л я р. Что это значит?

Б а р б л и н. Я белю, я белю.

Появляется Доктор.

Вы видели палец?

Доктор онемел.

Вы не видели пальца?

С о л д а т. Хватит наконец!

П а т е р. Оставьте ее в покое.

Т р а к т и р щ и к. Она нарушает общественный порядок.

С т о л я р. Пусть она оставит нас в покое.

Т р а к т и р щ и к. Мы-то при чем?

П о д м а с т е р ь е. Я же предупреждал ее.

Д о к т о р. По-моему, ей место в лечебнице.

Барблин смотрит отсутствующим взглядом.

П а т е р. Ее отец повесился в спальне. Она ищет своего отца, ищет свои волосы, ищет своего брата.

Все, кроме Патера и Барблин, уходят в кабачок.

Барблин, ты слышишь, кто с тобой говорит?

Барблин белит мостовую.

Я пришел, чтобы отвести тебя домой.

Б а р б л и н. Я белю.

П а т е р. Я отец Бенедикт.

Б а р б л и н. Где ты был, отец Бенедикт, когда они уводили нашего брата, уводили, как скотину на убой, как скотину, где? Ты стал черным, отец Бенедикт...

Патер молчит.

Отец умер.

П а т е р. Я это знаю, Барблин.

Б а р б л и н. А мои волосы?

П а т е р. Я каждый день молюсь за Андри.

Б а р б л и н. А мои волосы?

П а т е р. Твои волосы, Барблин, вырастут снова...

Б а р б л и н. Как трава на могилах.

Патер хочет увести Барблин, но она останавливается
и возвращается к башмакам.

П а т е р. Барблин... Барблин.

Б а р б л и н. Тут его башмаки. Не трогайте их. Когда он вернется, башмаки будут тут как тут.

ТРИПТИХ

Три драматические картины

Triptychon
Dreiszenische Bilder

1978

© 1978 Suhrkamp Verlag
Frankfurt am Main
© Е. Колязин, перевод
на русский язык, 2000

*Готфриду Хонеггеру
дружески посвящается*

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Действующие лица

Вдова
Дочь
Роже
Франсина
Молодой пастор
Участники поминок
Инвалид
Ребенок (*без слов*)
Усопший (*без слов*)

Колокольный перезвон кладбищенской часовни. Затем тишина и свет: белое пустое кресло-качалка. Сцена погружена во мрак, за исключением площадки величиной с жилую комнату. Входят Вдова, лет шестидесяти, и первый Участник поминок.

Участник поминок. Наш Пролль!

Вдова. Да...

Участник поминок. В последний раз я его видел на Пасху в прошлом году. Он был в таком хорошем настроении.

Вдова. Да...

Участник поминок. Мы так смеялись.

Вдова. Да...

Участник поминок. Его анекдотов я никогда не забуду.

Вдова едва сдерживает слезы.

Софи?!

Вдова берет себя в руки.

Ему еще повезло. Ничего мало кто умирает дома, да и семьдесят лет, по-моему, прекрасный возраст.

В д о в а. Да...

У ч а с т н и к п о м и н о к. Вы провели рядом с ним всю ночь, вы держали его руку, Софи, до последнего мгновения.

В д о в а. Да... *(Всхлипывает.)*

Участник поминок стоит в растерянности, проходит некоторое время, прежде чем Вдова снова берет себя в руки.

Вы знаете, у меня просто в голове не укладывается. Я вижу его. Как он сидит в своем кресле. Вижу. У меня все время звучат в ушах мысли Маттиса.

У ч а с т н и к п о м и н о к *(достает трубку)*. Это я могу понять. *(Набивает.)* Молодой человек, тот, что говорил на кладбище, кто он такой? Честно говоря, мне было ужасно неловко...

Появляются другие Участники поминок, человек сорок.

Достоинством веет от молчания, которое они хранят и во время приветствий; все держится подчеркнуто вежливо.

Среди них и Молодой пастор; в руке у него черная шляпа.

Не все одеты в традиционный траур: одна из молодых женщин — в брюках, в знак траура у нее лишь черный платок на голове, она единственная, кто курит. Один из молодых мужчин — в черном свитере с высоким воротом. Все ждут.

В д о в а. Ильза? Ну где же она!

Какому-то ребенку шепотом делают выговор, пауза длится так долго, что достоинство переходит в смущение, наконец появляется Дочь с подносом, и первым, кому она предлагает угощение, оказывается молодой человек в свитере.

Р о ж е. Хочется есть! Не стану отрицать, я ужасно голоден, а ведь всего два часа назад позавтракал. *(Берет еще один бутерброд.)* Спасибо.

Дочь идет дальше.

В д о в а. У вас нет салфетки?

Р о ж е. Я никогда еще не произносил надгробных речей.

В д о в а. Я принесу вам салфетку. *(Уходит.)*

Д о ч ь. Напитки в саду.

Участники поминок не спеша угощаются.

У ч а с т н и к п о м и н о к. Что происходит с телом, когда оно лежит в земле, никому из нас рассказывать не

надо, тем более, на кладбище. Я тоже стою на почве фактов, я не верю, что мертвые воскресают. В конце концов, мы не дети. Мы не затем ходим на похороны, чтобы выслушивать то, что поведал сей молодой человек... (*Раскуривает трубку.*)

Участник поминок. Все ж таки у людей есть и душа!

Дочь обходит присутствующих, пока поднос не пустеет, затем обращается к ребенку.

Дочь. А ты? Хочешь, я угощу тебя малиновым соком? Ты любишь? Давай-ка вместе сходим на кухню. Идем! Приготовим малиновый сок. (*Берет ребенка за руку и уходит вместе с ним.*)

Участник поминок. У тебя есть спички?

Другой роется у себя в карманах.

Участник поминок. Трубка опять потухла.

Третий подносит ему спички.

Третий. Можете оставить их себе.

Участник поминок снова зажигает трубку.

Участник поминок. Я тоже не набожный, по мне не мешает, когда на кладбище говорит пастор. Понятно, это не бог весть что. Но, по крайней мере, не пошлость. (*Снова пыхтит трубкой.*)

Участник поминок. В конце концов, существуют традиции.

Тишина.

Некто. В саду есть напитки.

Молодой пастор подходит к Роже, тот жует.

Пастор. Где госпожа Пролль?

Роже. Не знаю.

Пастор. Я бы хотел проститься.

Роже вытирает палец о носовой платок.

Роже. Господин Пастор, мы бы все хотели...

Некоторое время все заняты едой, за исключением Молодого пастора, высматривающего Вдову, Роже, который уже поел, молодой женщины в брюках, которая стоит в стороне и курит, и человека с трубкой; возвращается Дочь и раздает всем бумажные салфетки.

Дочь. Напитки в саду.

Присутствующие медленно уходят, пропуская один другого вперед. Остаются: Роже и Молодой пастор и на заднем плане молодая женщина в брюках, которая курит, теперь с пепельницей в руках. В белом кресле-качалке сидит Усопший, мужчина лет семидесяти, не шевелясь, но с открытыми глазами. Его никто не замечает.

Р о ж е. Вы его лично знали?

П а с т о р. Нет.

Роже тоже закуривает сигарету.

Р о ж е. Жизнь после смерти, он в это не верил. Я его знал, господин пастор, и держал речь в его вкусе.

Молодой пастор молчит.

Я очень высоко ценил старика Пролля...

Молодая женщина выходит из глубины сцены.

Ф р а н с и н а. Возьмите пепельницу.

Р о ж е. О, большое спасибо.

Ф р а н с и н а. Другой здесь нет.

Роже стряхивает пепел.

Р о ж е. Вы верите в жизнь после смерти?

Ф р а н с и н а (*гасит сигарету в пепельнице*). Не знаю...

Роже рассматривает ее.

Не знаю!

Входит опоздавший на поминки старик, опирающийся на костыли; он оглядывается вокруг и выглядит смущенным.

Р о ж е. Я не сомневаюсь, что вечность существует. Но мне-то что с того? Это вечность минувшего.

И н в а л и д приближается к ним.

И н в а л и д. Где госпожа Пролль?

Р о ж е. Она пошла за салфеткой.

И н в а л и д (*говорит вполголоса*). Кто бы мог подумать. Так внезапно. Семьдесят лет нынче не возраст. Или он уже давно был болен? Я и не знал. (*Представляется.*) Лухзингер. (*Кивают друг другу.*) Мы с Маттисом были друзьями, можно сказать, в одном гребном клубе состояли, о Господи, сколько ж воды с тех пор утекло...

В саду первый смешок.

Господин пастор, извините меня. (*Ковыляет прочь.*)

Р о ж е. Я знаю только, что человеческого сознания без биологической основы не существует. Уже сотрясение мозга лишает меня сознания. Как может сохраниться сознание после материального разрушения мозга! К примеру, если я пушу себе пулю в лоб... Я просто хочу сказать: как биологический факт смерть — нечто тривиальное, подтверждение закона, которому подчинена вся природа. Смерть как мистификация, это другое. Я конечно не говорю, что она бессодержательна. Но мистификация. Даже если представление о вечной жизни индивидуума несостоятельно, мистификация заключается в том, что смерть в конечном счете есть правда о нашей жизни: мы живем раз и навсегда.

Ф р а н с и н а. И что это значит?

Р о ж е. Прожитое остается. Я имею в виду: отдельные события нашей жизни, каждое на своем месте во времени, не меняются. Это их вечность.

Молодой пастор молчит.

Ф р а н с и н а. Вы хотя бы однажды теряли человека, которого любили, как никого другого?

Р о ж е. Почему вы об этом спрашиваете?

Ф р а н с и н а. Вы рассуждаете так рассудочно.

Входит Дочь с Ребенком, у которого в руке стакан с малиновым соком, и провожает его в сад; Роже и Франсина следуют за ними; Молодой пастор остается в одиночестве.

П а с т о р. «А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер? Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу. То была пещера, и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень. Сестра умершего, Марфа, говорит ему: Господи! уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе. Иисус говорит ей: не сказал ли я тебе, что, ЕСЛИ БУДЕШЬ ВЕРОВАТЬ, УВИДИШЬ СЛАВУ БОЖИЮ? Итак, отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь меня; но сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал меня. Сказав это, он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет!»¹

¹ Иоанн. XI, 38 — 44.

В саду снова отдельные смешки.

«Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки мои; подай руку твою и вложи в ребра мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: Ты поверил, потому что увидел Меня; **БЛАЖЕННЫ НЕ ВИДЕВШИЕ И УВЕРОВАВШИЕ!**»¹

Входит Вдова с салфеткой.

В д о в а. Где Роже?

П а с т о р. Госпожа Пролль, я должен проститься.

В д о в а. Я хотела дать ему салфетку...

Молодой пастор подает ей руку.

П а с т о р. Истина — это истина, даже если ваш покойный муж не смог ее познать. Он ее познает, госпожа Пролль, я в этом уверен.

В д о в а. Благодарю вас, господин пастор.

П а с т о р. Придет свет, прежде нами невиданный, и придет рождение без плоти; другими, чем после нашего первого рождения, пребудем мы, потому что мы были, и без боли и без страха смерти пребудем мы, рожденные в вечности.

Вдова провожает Молодого пастора к выходу. Остается Усопший в своем кресле-качалке. Голоса в саду; негромкие, но все более непринужденные. Немного погодя проходит Дочь с Участником поминок, которому она показывает дорогу.

Д о ч ь. Дверь направо в прихожей.

Участник поминок кивает и идет дальше, Дочь возвращается к гостям. Остается Усопший в своем белом кресле-качалке. Голоса в саду. Потом возвращается Вдова и останавливается перед Усопшим.

В д о в а. Маттис, я знаю! Ты не хотел пастора. Как часто я это слышала! По-другому было нельзя.

В саду слышно, как смеются сразу несколько человек.
Сейчас все в саду.

Тишина в саду.

У тебя была хорошая смерть, Маттис. Это все говорят. Сегодня мало кто может умереть дома. Вспомни свою

¹ Иоанн. XX, 26 — 29.

бедную сестру! И семьдесят — это библейский возраст... Маттис, ты хочешь, чтобы я тебя боялась? Я не обращалась с тобой, как с дураком. Как ты мог говорить такое? Врач тоже слышал, а потом ты и врачу сказал: моя жена обращается со мной, как с последним дураком... Ах, Маттис!.. Куда ты устался. Я говорю: по-другому было нельзя. А ты мне не веришь! Я сказала молодому пастору, что ты вышел из церкви — конечно, я ему сказала!.. Почему ты на меня не смотришь? Маттис, ты ужасен. *(Пауза.)* Ах, Маттис, мой Маттис! *(Пауза.)* Сегодня уже неделя с тех пор, как ты в последний раз брал в руки удочку. Ровно неделя. И везде еще стоит твоя обувь, а я все время думаю: когда пойдет дождь, ты вернешься домой... Ты не знаешь, что это такое — быть вдовой. Честно говоря, я обрадовалась колокольному звону, все были ему рады.

Участник поминок возвращается из туалета.

Из твоих испанских ветеранов не пришел ни один. Быть может, их давно уже нет в живых — а о чем мне говорить с людьми! Всегда говорил ты...

Голоса в саду.

Пастор ведь верно сказал: так смерть должна служить нам предупреждением, чтобы мы изо дня в день встречали друг друга с любовью — и потом я сижу рядом с тобой, Маттис, всю ночь, и вдруг ты говоришь, что теперь хотел бы остаться один. Так ты сказал! А наутро, когда я принесла тебе чай, ты был мертв — всегда все было по-твоему.

Тишина.

Ты не боишься смерти. Как часто ты это говорил! Ты всегда думал только о себе...

В саду со звоном разбивается стакан.

Мы думали, придет по меньшей мере человек сто, тогда тут было бы слишком тесно, ты знаешь — к счастью, дождя сегодня нет!.. Маттис, я говорю с тобой... Маттис! — что же я тебе такого сделала? Ты не узнаешь своей Софи? Я вызвала врача, я ухаживала за тобой, Маттис, день и ночь... Разве я не жила бок о бок с тобой двадцать шесть лет? Везде еще стоит твоя обувь, а что я буду делать с твоими кристаллами, это не такая уж большая ценность, по правде говоря, а ими битком набит целый шкаф... Я всегда тебе доверяла, Маттис, другой ты меня не выносил, хватал

обычно свою удочку... Я всегда думала, ты все привел в порядок — какой там порядок!

В саду снова короткий смехок.

Все вспоминают твои анекдоты, а ты бросаешь меня совсем одну... Ах, Маттис, чего бы я только не стерпела, лишь бы ты снова вернулся домой, а теперь... ты хочешь, чтобы я боялась, ты меня не любишь, Маттис... Разве я виновата, что тебе пришлось умереть?... Маттис, ты выглядишь намного моложе, и тем не менее я тебя узнаю, я тебя знала, когда ты был моложе, Маттис, а теперь ты смотришь мимо, как будто знать меня не знаешь... Что я тебе сделала? Когда-нибудь я тоже умру.

Слышен звонок во входную дверь.

Все мы умрем.

Повторный звонок.

Впрочем, были речи и в твоем вкусе. Молодой человек не имел в виду ничего дурного, но я думаю, большинству это не понравилось.

Мимо проходит Дочь.

В твоём завещании нет ни одного ласкового слова. Помнишь? Ни одного ласкового слова... Почему я была твоей женой?... Ты хотел остаться один. Вот твое последнее слово — тебе нет дела до того, что это значит для вдовы, кроме того ты всегда рассказывал о своей матери: она расцвела, прямо-таки расцвела! Твоя мать, когда она овдовела, была на двадцать лет моложе меня... Маттис, я не жалею! Ты всегда думал, я жалею, а теперь сидишь в своем кресле и не говоришь ни слова... У меня была нелегкая жизнь, видит Бог.

Дочь возвращается.

Д о ч ь. Кто-то заказал такси. (*Направляется в сад.*)

В д о в а. Что ты так на меня уставился?

Голос дочери в саду.

Д о ч ь. Кто заказывал такси?

Голоса в саду.

Кто-то заказывал такси!

Тишина.

В д о в а. О чем же я только что говорила? — что ты издеваешься... Маттис, ты издеваешься?... Я не обращалась с тобой, как с дураком, может быть, эта твоя мым-ра обращалась с тобой, как с дураком. Смотри, смотри на меня! Я запретила ей сюда приходить. Может, мне принести этой особе соболезнования? Не могу же я запретить ей околачиваться на кладбище — с одной-единственной розочкой в руке. *(Беззвучно плачет.)* Все мне сочувствуют, только ты не сочувствуешь. *(Берет себя в руки.)* Ты хочешь меня наказать, потому что я жива! *(Плачет навзрыд.)* И как ты только можешь говорить такое, Маттис, после двадцати шести лет. Я тебе несимпатична. Ты так сказал: в интеллектуальном смысле несимпатична!

Первый Участник поминок выходит из сада.

У част н и к п о м и н о к. Софи.

В д о в а. Вы уже уходите?

У част н и к п о м и н о к. За мной такси пришло. *(Подает ей руку.)* Дорогая Софи... *(Медлит, обдумывая, что сказать.)*

В д о в а. Вам пора на поезд...

У част н и к п о м и н о к. К сожалению.

В д о в а. Я понимаю, но вы знаете, он бы очень обрадовался, что вы вообще приехали, я знаю, очень бы обрадовался.

Конец рукопожатия.

У част н и к п о м и н о к. Всего вам доброго. *(Удается.)*

В д о в а. Маттис, мне надо к гостям — в конце концов, они пришли ради меня... А я даже не поблагодарила за венки. *(Поправляет волосы.)* И пойми, Маттис: нельзя сразу кидаться к ящикам письменного стола покойника. Ты говорил об этом однажды, но чего только в эти дни не наваливается на плечи, и в похоронном бюро пристали: кремация или погребение? Ильза многое взяла на себя, Ильза могла этого и не знать. Почему ты никогда не разговаривал со своей дочерью? Вчера вечером я нашла твою записку — но было уже поздно, Маттис. Пойми. У них тоже свои планы... Куда ты устался?... И знаешь, Маттис, всегда решал ты, но одного я не позволю мне запретить: я верю во встречу на том свете.

Участники поминок входят группами.

Вы все уже собираетесь уходить?

Группа из трех мужчин.

Первый. Осенью выборы.

Второй. Чего ты ждешь от выборов?

Третий. Власть в руках у банков.

Первый. Это я знаю.

Второй. Чего вы ждете от выборов!

Первый. Я же говорю: дело просвещения. Если народ однажды поймет, что за игра пошла, то этим господам придется удалиться. Наша задача, я же говорю, это просвещение народа.

Третий. А кому принадлежит большая пресса?

Второй раскатисто смеется.

Второй. Вальтер, ты такой наивный!

Замечают Вдову и замолкают.

Вдова. Почему вы хотите так быстро уйти?

Группа из двух супружеских пар.

Мужчина. Наш сын? Представь себе: он женился. И дедушкой они меня тоже уже успели сделать.

Прощаются с Вдовой.

Женщина. Софи...

Мужчина. Госпожа Пролль... (*Уходя.*) Совершенно с вами согласен. Почему мы так редко видимся? Нельзя же встречаться только на похоронах.

Мать с Ребенком подходит к вдове.

Мать. Софи...

Вдова. Где твой муж?

Мать. Он тебе напишет. Он очень сожалеет. Как раз сегодня у них производственный совет, ты знаешь, а там каждый голос на счету. (*Ребенку.*) Поддай ручку.

Ребенок не желает.

Это еще что такое!

Подходят двое мужчин.

Первый. Взгляните на меня! Два кило на неделю. Вы можете есть, сколько хотите, только никаких углеводов. Мяса сколько хотите, даже сало. Только никакой

картошки, никакого хлеба, вообще ничего мучного. А плавание вообще не помогает.

В т о р о й. В сале больше всего калорий.

П е р в ы й. Дело не в калориях...

Подходят к Вдове.

Как договорились, Софи, летом приедешь к нам. На море мы больше не ездим. Там либо пляжа нет, топчешься на скалах, а вода кишит морскими ежами. Или пляж кишит народом. Это уже не отдых. (*Спутнику.*) Я вам рассказывал, как отравился рыбой? Еще и это! Омары! И откуда — из Канады. Три недели они лежат в Мадриде, потому что слишком дороги, а когда наконец попадают в Рим, уже воняют, продавать их можно только на побережье, где наш брат думает, будто они только что из моря. Тринадцать туристов от этого скончались. (*Опять к Вдове.*) Итак, договорились, Софи, этим летом отдыхаем в горах. Маленькое шале, но там можно гулять, Софи, не встретив ни души. (*Протягивает Вдове руку.*) Ты нам позвонишь? (*Уходя.*) Но ее сестра хорошо держалась.

В то время как остальные Участники поминок молча прощаются с Вдовой, Роже и Франсина последними выходят из сада.

Ф р а н с и н а. О нет, я не имею в виду Сведенборга и иже с ним, кто ссылается на свои галлюцинации. Я всего лишь имею в виду, что это не так просто. Нет сознания без биологической основы. Откуда вы это знаете? Душа без тела, даже Платон не приводит никаких доказательств — это верно! — и тем не менее он считает такое существование вероятным. Как, впрочем, и Блох. Есть ведь не только малая логика, есть и большая.

Инвалид подходит к Вдове.

И н в а л и д. Дорогая госпожа Пролль. (*Представляется.*) Лухзингер. Мы были друзьями, Маттис и я, состояли в одном гребном клубе, о Господи, сколько воды утекло с тех пор... живешь в одном городе, не встречаясь друг с другом... (*Протягивает ей руку.*) Госпожа Пролль.

В д о в а. Спасибо за большой венок.

И н в а л и д. Я никак не могу прийти в себя.

Конец рукопожатия.

В д о в а. Господин директор, я вас провожу.

Вдова провожает инвалида к выходу; лишь Роже и Франсина еще не простились со Вдовой.

Ф р а н с и н а. Подержите мою сумочку? *(Подает ему свою сумочку, снимает черный платок, потрянув головой, приглаживает волосы руками, прежде чем снова завязать на голове платок.)*

Р о ж е. Я должен еще раз спросить, как ваше имя.

Ф р а н с и н а. Франсина.

Р о ж е. Вы собираетесь в город? Если не возражаете, я с удовольствием вас подвезу. Мне тоже нужно в город. *(Направляясь к выходу.)* Какая тема у вашей диссертации?

Усопший один в своем белом кресле-качалке. Тишина. Усопший встает и уходит в другую сторону. Возвращается Вдова. Видит пустое кресло и цепенеет.

В д о в а. Маттис!

Дочь входит с пустыми стаканами.

Д о ч ь. Ты слышала, о чем они говорят? Как-никак у человека есть душа, дело не в калориях...

Дочь идет дальше и исчезает.

В д о в а. Маттис, где ты?

ВТОРАЯ КАРТИНА

Действующие лица

Старик
Дежурный на бензоколонке
Катрин
Молодой пастор
Сосед с поперечной флейтой
Клошар
Ксавер
Клас
Старуха
Пилот *(без слов)*
Заклученный
Молодой испанец *(без слов)*
Ильза
Господин с розами
Молодой банковский служащий
Йонас
Инвалид
Ребенок *(без слов)*

На переднем плане белое кресло-качалка.

Сцена просторная, пустая, залитая белым светом. Где-нибудь стоит старик Пролль с удочкой в руке, словно тут ручей; неподалеку от него сидит Дежурный, в комбинезоне. Слышится короткий птичий щебет. Затем тишина. На заднем плане появляется Молодой пастор; оглядывается вокруг, словно кого-то ищет, и остается где-нибудь стоять. Снова короткий птичий щебет. Снова тишина.

Белый свет не меняется.

С т а р и к. Ловлю рыбу.

Д е ж у р н ы й. Вижу.

С т а р и к. Зачем вы спрашиваете? *(Вытаскивает удочку, на которой ничего нет, и снова ее забрасывает.)*

Д е ж у р н ы й. Раньше тут росли березы...

Входит Катрин и садится в белое кресло-качалку.

К а т р и н. Здесь, да, здесь я однажды сидела... Все, что случается, уже когда-то случилось, и мне уже за тридцать. Ничего нового не добавится. В этом кресле я качалась. Ничего не добавится, чего бы я уже не испытала. И мне по-прежнему будет за тридцать. То, о чем я думаю, я давно уже передумала. То, что слышу, я уже слышала. (*Слышится щебетание птиц.*) Снова апрель.

Старик, который ловит рыбу, и Дежурный.

Д е ж у р н ы й. Раньше тут росли березы, сплошные березы. И ручей был настоящий. Не канал. В мое время. Ручей с камнями на дне.

С т а р и к. Но с тех пор прошло так много времени.

Д е ж у р н ы й. Тогда здесь водилась форель.

С т а р и к. Я знаю. (*Пауза.*) Ручей с камнями на дне, верно, и с водорослями на камнях, так что непременно поскользнешься, если захочешь пройти по камням босиком, и потом зеленые пятна на штанах... (*Вытаскивает удочку, на которой ничего нет.*)

Д е ж у р н ы й. Вы же ничего не ловите.

Старик насаживает на крючок наживку, замолкая при этом; его манипуляции свидетельствуют о близорукости.

С т а р и к. Не может быть, чтобы вы помнили березы. Когда же в таком случае построили кузовной завод? Как раз тогда и исчезли березы.

Д е ж у р н ы й. Знаю.

С т а р и к. Сколько же вам лет?

Д е ж у р н ы й. Сорок один.

Старик снова забрасывает удочку.

С т а р и к. Я тогда еще ходил в школу, и мы ловили форель руками. Без лицензии. Это было запрещено. Только отец мог ловить на удочку. Тогда ручей был настоящий...

Пауза.

Д е ж у р н ы й. Вот теперь надо было тянуть!

Пауза.

С т а р и к. Все говорили: нет новых брюк, нет новой обуви, нет мяса — кризис. Колбаса была только для отца. (*Дежурный молчит.*) Но березы на берегу вырубил-

ли задолго до войны, а вам сорок один год, быть не может, чтобы вы помнили березы и настоящий ручей.

Катрин в белом кресле-качалке;
Молодой пастор неподлеку от нее, опять слышится щебет птиц.

П а с т о р. Как тут птички щебечут!

Катрин качается.

К а т р и н. Как на кладбище... Ребенком я каждый день ходила через кладбище, это была самая короткая дорога в школу, и там, между бирючинами, стоял бронзовый бюст: какой-то господин с эспаньолкой. Не Ленин, а какой-то ботаник — потом я перестала бояться этого бюста: он только притворяется, будто смотрит на меня! Я трогала пальцами оба его глаза: он только притворяется! Я заметила: ему вообще не интересна сегодняшняя жизнь.

П а с т о р. Можно задать вам вопрос?

К а т р и н. Однажды бирючину подрезали, чтобы черный бюст не терялся в листве и можно было прочесть на цоколе годы жизни: 1875—1917. Мужчина в расцвете лет. У меня было впечатление, что он вовсе не хочет возвращаться назад, в жизнь, даже если щебечут птички.

П а с т о р. Почему вы наложили на себя руки?

К а т р и н. Интерес пропал.

Появляется Мужчина, без пиджака, в подтяжках и домашних тапочках, в руках у него поперечная флейта. Он останавливается и глядит вокруг, словно что-то потерял.

Старик, который ловит рыбу, и Дежурный.

С т а р и к. Вы что-то сказали?

Д е ж у р н ы й. Нет.

С т а р и к. Я тоже нет.

Старик вытаскивает удочку, на которой ничего нет.

Д е ж у р н ы й. Почему вы удите рыбу именно здесь?

С т а р и к. Я тут вырос. И ходил в школу. Тут была форель, вы же сами говорите. Тут мы играли в индейцев. Тут я угодил в тюрьму — было однажды такое... (*Снова закидывает удочку.*)

Появляется Молодой человек в военной форме: без фуражки и без оружия, форма поношенная и запачканная глиной. Он видит Катрин в белом кресле-качалке и останавливается поодаль.

Старик с удочкой и Дежурный.

Старик. Евреи! Мой отец всегда говорил: они скупили всю землю, у кого еще найдутся бешеные деньги, когда кругом кризис, и угробили нашу природу, евреи.

Дежурный. Но ведь так оно и есть.

Сосед с поперечной флейтой, стоящий в стороне, начинает музицировать.

Катрин. Ты слышишь, Ксавер, слышишь? Наш сосед тоже здесь. Ужасно, мертвые неисправимы.

Сосед разучивает трудный пассаж, затем проигрывает всю мелодию сначала, пока снова не делает ту же ошибку; обрывает игру.

Катрин. Господин Пролль!

Старик. Я ловлю рыбу.

Катрин. Я сижу в вашем белом кресле. Сейчас апрель. Я пришла услышать ваш совет... (*Слышится щебетание птиц.*) Вы не хотите со мной видиться, Пролль?

Появляется Клошар и садится на землю, никем не замеченный.

Старик, который ловит рыбу, и Дежурный.

Дежурный. Ваша фамилия Пролль?

Старик. Да.

Дежурный. Моя тоже.

Старик. Ваша фамилия тоже Пролль?

Впервые смотрит на сидящего рядом Дежурного.

Старик. Понимаю: ты не можешь меня узнать, ты не видел меня стариком. Я стал старше тебя, отец.

Дежурный. Ты Маттис?

Старик. Близорукость одолевает.

Оба смотрят на удочку.

Дежурный. Как ты попал в тюрьму?

Старик. Ослабление обороноспособности.

Дежурный. Что это такое?

Старик. Шесть месяцев тюрьмы. Точнее говоря: заключения в крепость. Потому что я тогда поехал в Испанию.

Дежурный. Зачем в Испанию?

Старик. Чтобы предотвратить фашизм. В то время. Ты же всего этого уже не испытал, отец.

Пауза.

Дежурный. Вот теперь-то и нужно было тянуть!

С т а р и к. Ты думаешь?
Д е ж у р н ы й. Ясное дело.

Старик вытаскивает удочку, на которой ничего нет.

Ты слишком поздно тянешь. Я всегда это говорил. Или слишком рано. Ты всегда думаешь о чем-нибудь другом. Или наживляешь плохо, десять раз тебе нужно показывать. *(Встает.)* Дай сюда! *(Проверяет удочку, старик стоит рядом, будто сын.)* До каких лет дожила мать?

С т а р и к. Ты оставил ее в долгах, сам знаешь. Ей пришлось пойти работать в универмаг. По ночам. Уборщицей. Она была прилежней, чем ты думаешь. Позже она купила киоск и каждый год ездила в путешествие. Туристкой, на автобусе. Например, в Тироль или в Венецию. После твоей смерти она буквально расцвела. Она сама говорила: «С тех пор, как я овдовела, я получаю от жизни значительно больше».

Д е ж у р н ы й. Что у тебя за наживка?

Старик наклоняется, протягивает консервную банку.

Черви. *(Берет червяка и показывает сыну, как держать удочку, наживляя крючок.)* Смотри сюда!

С т а р и к. Да, отец!

Д е ж у р н ы й. Вот как это делается.

С т а р и к. Да, отец.

Д е ж у р н ы й. И еще раз обернуть вокруг. *(Забрасывает удочку.)* Это не моя удочка?

С т а р и к. Твоя, отец.

Клошар, сидящий особняком.

К л о ш а р. Там внизу на канале сидят одиннадцать рабочих-иностранцев, но говорят они только по-турецки. Человек, который экономил на стройматериалах, так что мост потом взял и рухнул, сидит выше на канале и по-турецки ни бельмеса не понимает.

П а с т о р. Что вы хотите этим сказать?

К л о ш а р. Господин пастор, никакого суда не существует.

Дежурный, который ловит рыбу, и Старик рядом с ним.

Д е ж у р н ы й. И ты просто ушел из дома, когда мать была одна, — в Испанию!

С т а р и к. Да, отец.

Дежурный молчит, глядя на удочку.

Пешком через границу, потом поездом в Лион, где у меня был адрес, оказавшийся неправильным. Я показал свою записку, улицы с таким названием не было и в помине, но таксист явно был в курсе дела. Он провез меня бесплатно через весь город, нас накормили, дали тридцать французских франков и билет в Марсель — где я впервые увидел море. У жандармерии в Марселе тогда был приказ арестовывать таких людей. Нам пришлось шататься в гавани, пока один жандарм сам не подал нам знак. Судно было грузовое, французское, на следующее утро мы сошли на берег в Валеписии...

Джурный вытаскивает удочку, на которой ничего нет.

Две недели спустя мы были на фронте.

Катрин в белом кресле-качалке;
Молодой мужчина в военной форме смотрит, как она качается.

К с а в е р. Слышишь, Катрин, что я тебе говорю?

К а т р и н. Слышала.

К с а в е р. Я с тобой говорю, Катрин.

К а т р и н. Знаю я твои проповеди.

К с а в е р. По-моему, то, о чем я говорил, вовсе не ерунда. Из-за языка. Я не лингвист, но мы оба знаем: язык, который тебе нужен, это мужской язык. Отчего ты каждый раз цитируешь Зигмунда Фрейда? Оттого, что у вас пока нет своего языка — языка женщин. Как женщине выразить свое самоощущение посредством этого мужского синтаксиса? Когда я читаю, что пишут современные женщины, я понимаю это слово в слово, а это означает, что женщина, если хочет себя выразить, должна мыслить, как мужчина: под давлением этого синтаксиса, который мужчина создал для себя. Ни единого предложения без глагола... Ты слушаешь?.. Хотелось бы мне услышать, о чем думаешь ты, Катрин, ты сама, Катрин, ты как женщина. Вот что я имею в виду: лишь когда женщина однажды найдет свой собственный язык, когда ты сама увидишь себя и выразишь, что ты чувствуешь, ты сама, Катрин, ты как женщина, а не то, что за вас насочинял Зигмунд Фрейд или другой представитель сильного пола...

К а т р и н (*перестает качаться и смотрит на него*). Ксавер, мы мертвецы.

Он, похоже, не слышит.

К с а в е р. Десять дней я ждал тебя.

К а т р и н. Я выслушала все, что ты намеревался сказать. Мы можем повторить все еще раз, но ничего не изменится, Ксавер. Постепенно начинаешь это понимать. Ты сказал, у меня слабовато с умом, и, возможно, ты прав. Мы орал друг на друга. Мирились, чтобы начать все сначала: целовались, вместе готовили еду и вместе ездили на море, жили под одной крышей...

К с а в е р. Разве мы не мирились?

К а т р и н. Да, Ксавер, бесконечно.

К с а в е р. Несмотря на это, ты ушла.

Катрин снова качается.

Почему ты молчишь?

К а т р и н. Я поняла.

К с а в е р. Что ты поняла?

К а т р и н. Что мы только повторяемся. *(Перестает качаться.)* Мы мертвецы, Ксавер.

Дежурный удит рыбу. Молодой пастор стоит возле Дежурного.

П а с т о р. Как называется этот ручей?

Д е ж у р н ы й. Хорошо сказано! Когда-то это был ручей. До того, как построили завод. Вы гляньте разочек в воду! В мое время, бывало, посмотришь в воду, и видишь дно, хоть в пасмурную, хоть в солнечную погоду, в любое время суток. Поглядите, течет ли эта вода вообще. Я не вижу.

П а с т о р. Я хотел задать вам один вопрос.

Д е ж у р н ы й. Только покажу сыну, как ловят рыбу, а он опять возьми да уйди. Я ему уже сто раз показывал. Никогда не научится.

П а с т о р. Это был ваш сын?

Д е ж у р н ы й. Я дипломированный механик. Разве человек виноват, что он безработный? Я влез в долги, чтобы взять в аренду маленькую бензоколонку...

П а с т о р. Фирмы Шелл.

Д е ж у р н ы й. Откуда вы знаете?

П а с т о р. У вас на спине написано. *(Пауза.)* Здесь никакого времени суток не бывает.

Дежурный вытаскивает удочку, на которой ничего нет.

Как вы умерли?

Д е ж у р н ы й *(снова забрасывает удочку)*. Спросите у моего сына!

Клошар сидит особняком.

К л о ш а р. Почему он не спросит меня? Я умер по пьянке. Вероятно, замерз. По пьянке. Собственно говоря, я знал, что нас ожидает.

Старик отходит от уходящего рыбу Дежурного и останавливается перед Катрин в белом кресле-качалке.

С т а р и к. Да, фройляйн Шимански, так вы сидели — точно так! — в моем кресле. И иногда ты качалась.

Слышится птичий щебет.

К а т р и н. Хорошо вам тут живется, господин Проллы! *(Качается.)*

С т а р и к. Ты пришла услышать совет старого человека, а ведь мы даже не были знакомы, видели друг друга в первый раз.

К а т р и н. Во второй.

С т а р и к. По твоим словам, однажды ты была в моей букинистической лавке, но я тебя не заметил. В букинистический заходит много молодежи.

Смотрят друг на друга.

К а т р и н. Вы принесли вино и два бокала.

С т а р и к. Да.

К а т р и н. Вы меня спросили, как я живу, как зарабатываю на жизнь, а я сказала: отгадайте!

С т а р и к. Почему ты не захотела рассказать сама?

К а т р и н. Вы не догадались.

С т а р и к. Нет.

К а т р и н. Это меня обрадовало. *(Снимает туфли.)*

С т а р и к. Я не давал совета. Я ведь никогда не видел этого юношу. Я просто слушал: зубной врач, который хочет на тебе жениться. С университетским образованием. Так ты сказала. И что ты вообще его не любишь. Но парень хороший, и он знает, что замуж ты бы пошла только затем, чтобы не работать больше манекенщицей. Я понял: хороший парень, который не хочет делать из тебя домохозяйку. Так ты сказала. Он понимает, что ты хочешь учиться.

К а т р и н. Почему вы смотрите на мои ноги?

С т а р и к. Потому что ты сняла туфли.

К а т р и н. Я, наверное, слишком засиделась.

С т а р и к. Я раздумывал, что посоветовать молодой женщине, живущей в нашем обществе, которая не хочет

быть манекенщицей, а ты говорила, что ты хочешь изучать социологию, психологию... (*Опять слышится птичий щебет.*) Да, Катрин Шимапски, так ты выглядела!

Клошар, сидящий в одиночестве.

К л о ш а р. Я больше не стою с шапкой — мертвые не попрошайничают. И даже не бранятся. Они не мочатся, не пьянствуют и не обжираются, не дерутся, мертвые не спят с женщинами — они странствуют в вечности минувшего и обсасывают свои глупые истории, пока не обсосут до конца. (*Хихикает.*) «La mort est successive».¹ (*Видя, что никто не реагирует.*) Дидро. (*Соседу с поперечной флейтой.*) Вас я однажды стукнул, папаша. По правде-то: вы меня стукнули. Раз по заднице, раз по башке. Но тогда вы были в форме. Верно? В серой форме с белым ремнем, а флейта, которая сейчас при вас, была резиновой дубинкой.

Катрин в белом кресле-качалке и Старик.

К а т р и н. Вы не дали мне совета.

С т а р и к. Нет.

К а т р и н. Почему?

С т а р и к. Я знал, что ты не последуешь моему совету, потому и не написал тебе ни разу.

К а т р и н (*смеется*). Господин Пролль, но вы мне писали!

С т а р и к. Что же именно?

К л а с в пижаме, подбирает с пола газеты.

К а т р и н. Клас?

Клас продолжает свое занятие, как будто он один.

Ты что делаешь?

К л а с. Ничего, ничего.

К а т р и н. Я думала, ты их уже давно прочел.

К л а с. Я же ничего не говорю.

К а т р и н. Эта твоя любовь к порядку!

Клас старательно складывает газеты стопкой.

Тебе что, нечего дома делать, кроме как проверять, не валяются ли в ванной открытыми мои флаконы и тюбики и ходить по всей квартире, запирая дверцы шкафов?

К л а с. Катрин...

¹ «Смерть последовательна» (*франц.*).

К а т р и н. Я бы еще успела убрать. (*Вскакивает.*)

К л а с. Что случилось?

Катрин затыкает уши.

Катрин, я не кричу...

К а т р и н. Я действую тебе на нервы!

К л а с. Не ты, Катрин, а лишь волосы в туалете...

К а т р и н. Знаю!

К л а с. Тем не менее ты не спустила воду.

К а т р и н. Я спустила.

К л а с. Да?

К а т р и н. Это невозможно...

К л а с (*нагибается*). Тут ключи от твоей машины.

К а т р и н. Что-нибудь еще?

К л а с. Катрин, это не упрек — мы вместе, Катрин, и мы счастливы, в меланхолию я впадаю от сущих пустяков.

Молчание.

С т а р и к. Он говорит, что счастлив.

К а т р и н. Я больше не могу!

С т а р и к. Она говорит, что больше не может.

Клас уходит, нагибаясь еще раз и как можно более незаметным движением руки поднимая с пола бюстгальтер.

К а т р и н. Так мы проводили время...

Слышен шум воды в уборной.

С т а р и к. Он совсем не думал ее упрекать.

Сосед с поперечной флейтой снова репетирует пассаж, который ему никак не удастся, начинает сначала и опять натывается на трудный пассаж, прекращает играть.

Катрин в белом кресле-качалке и Старик.

С т а р и к. Действительно не помню, чтобы я тебе писал, после того как ты вышла замуж. Что же я тебе написал?

К а т р и н. Вы вселили в меня мужество. (*Снова качается.*) Мужество! Да-да, вот что... Я уж и не припомню слов. Сначала мне это письмо показалось печальным, но потом оно вселило в меня мужество: я не должна продавать себя. Так по крайней мере я это поняла. Я должна жить с человеком, которого люблю, и вообще — это было очень длинное письмо, господин Пролль, отеческое письмо.

Слышится птичий щебет.

С т а р и к. Вот и снова апрель.

Входит Медсестра с инвалидной коляской, в которой сидит
Старуха.

С т а р у х а. Здесь, да, здесь хорошо.

Медсестра уходит, Старуха в инвалидной коляске остается.

Катрин в кресле-качалке и Старик.

С т а р и к. А о чем мы сейчас разговаривали?

К а т р и н. Вы и этого уже не помните?

С т а р и к. Я опять рассказывал об Испании? (*Слышится птичий щебет.*) Ты развелась, снова апрель, у тебя есть друг, я слышал, он студент, и вы живете вместе — да... И зачем ты вернулась?

К а т р и н (*качается*). Вы рассказывали об Испании.

Старик молчит.

Каково это, господин Пролль, когда приходит старость? Хочется пережить все заново? Еще и еще раз?

Ксавер и Молодой пастор.

П а с т о р. Как вы умерли?

К с а в е р. Трагическим образом!

П а с т о р. Почему вы смеетесь?

К с а в е р. Снегопад продолжался всю ночь, свежий снег на мерзлую землю, потом фён. Не знаю, господин пастор, ориентируетесь ли вы в горах. Еще в первой половине дня мы слышали лавины. Мы предполагали, что этот крутой склон не удержится — я засмеялся, и тотчас раздалось: «Бум!» — громко, но глухо. «Бум!» — будто вся гора раскололась. Сначала снежный сход, как и опасались, снегу по пояс, стоишь как замурованный и ни с места. Как во сне. А потом пошла собственно лавина.

П а с т о р. Вы погибли за родину.

К с а в е р. Задохнулись. Наверное, и остальные девять тоже, весь патруль. Вы нас отпевали?

П а с т о р. Нет.

К с а в е р. Местные, конечно, знают этот склон, они нас предупреждали, и я твердил об этом нашему капи-

тану. Пока он не заорал: вы что, в штаны наложили! Он настоял, чтобы мы пересекли склоп — без него — с целью тренировки в повиновении. (*Оглядывается.*) Почему же люди не живут?

Клошар, сидящий в одиночестве, начинает декламировать, вытянув вперед руку, будто рассматривает какую-то вещь.

К л о ш а р. «Бедняга Йорик... Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь само отвращение тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты?»¹ (*Замечает, что никто его не слушает.*) Меня слушали! У меня была роль моей жизни, меня по двадцать семь раз вызывали на бис за вечер — а однажды утром проснулся на скамейке в городском саду, и люди не аплодировали, а проходили мимо. Не надо было больше кланяться. Не надо было идти на репетицию. Надо было помочиться, только и всего, но и немало, иначе я бы остался лежать — еще тогда... Вы слушаете меня, господин пастор? Я рассказываю, как умер. Это продолжалось тридцать лет. Мертвецом становятся не сразу.

Ксавер подходит к человеку, который сидит, изучая географическую карту, похожий на пилота в кабине самолета: в голубой рубашке с галстуком и со значками различия на плече, без фуражки, зато в наушниках.

К с а в е р. Вы жили?

Пилот ничего не слышит.

Я тогда читал сообщение управления авиации — ваш последний разговор с диспетчерской согласно магнитофонной записи, все, естественно, на-английском языке: WE HAVE TROUBLE WITH CABIN COMPRESSION, ровно через одиннадцать минут после старта, и буквально сразу же: WE HAVE FIRE ON BOARD REQUEST AN IMMEDIATE LANDING OUR NAVIGATION IS NOT O'KEY и так далее, вы получили инструкции: TURN RIGHT UNTIL I SAY STOP YOU ARE AT A VERY LOW SPEED COULD YOU INCREASE SPEED TO A HEADING EAST PLEASE INCREASE SPEED IF POSSIBLE, это вы все поняли, ALL UNDERSTOOD и бук-

¹ Шекспир В. Гамлет. Акт V, сцена 1. (*Перевод Б. Пастернака.*)

вально сразу же: GOOD BYE EVERYBODY¹, это вы сказали за шестнадцать минут до удара о землю: GOOD BYE EVERYBODY, диспетчерская повторила свои инструкции...

Пилот снимает наушники, слышен свистящий звук, пока он снова не надевает наушники.

Быть может, я сумею показать вам на карте, где вы находились в конце... Впрочем, ваше предположение подтвердилось. Эксперты, которые несколько месяцев исследовали обломки, пришли к выводу, что в хвостовом багажном отсеке была бомба, отсюда разгерметизация, огонь в багажном отсеке, дым в пассажирском салоне и позднее в кабине, I CAN'T SEE ANYTHING, вероятно, вы не последовали повторной инструкции: OPEN YOUR WINDOW PLEASE², да это и мало чем бы помогло, считают эксперты. Двигатели работали до самого конца, а вот работало ли и управление, неизвестно — об этом знаете только вы... Доклад потребовался мне для дипломной работы... Были найдены части дешевого высотомера, который не входил в оборудование самолета и, вероятно, запустил взрывное устройство, когда вы поднялись на три тысячи метров. С земли самолета не было видно, свидетели утверждают, что только слышали взрыв.

Пилот по-прежнему смотрит на карту.

Впрочем, вам-то я зачем это рассказываю!

Дежурный с удочкой; за ним наблюдает Заключенный.

Д е ж у р н ы й. Раньше тут росли березы и ручей был еще настоящий. Кузовной завод все испортил. Они скупили всю землю. Я здесь родился, а евреи родились не здесь... *(Вытаскивает удочку, на которой ничего нет.)* Раньше тут водилась форель. *(Снова забрасывает удочку.)*

З а к л ю ч е н н ы й. Я не повесился в камере, такая мысль порой приходила в голову, но я этого не сделал. Будешь вести себя примерно, дождешься помилования. Через десять лет. Так обычно бывает. И я вел себя примерно, так записано в деле. Три года на торфоразработках, шесть лет на лесопилке, пока со мной не произошел

¹ у нас проблемы с давлением в кабине... у нас пожар на борту просим немедленную посадку управление не в порядке... поворачивайте направо до тех пор пока я не скажу стоп у вас очень низкая скорость держите курс на восток пожалуйста увеличьте скорость если возможно... ясно... прощайте *(англ.)*.

² я ничего не вижу... откройте окно пожалуйста *(англ.)*.

песчастный случай. Они сказали: «Симулянт!» Потому что была суббота и доктор хотел покататься на яхте. Я и схлопотал укольчик. Ровно через год я был бы помилован. (*Поворачивается к соседу с поперечной флейтой, который как раз вытряхивает слюну из мундштука.*) Они говорят, за девять лет я исправился, и говорят правду. Я бы никогда не сделал этого опять. Я уверен. Совершенно уверен. Через год меня бы помиловали...

Катрин смеется.

Почему смеется эта особа?

Катрин в белом кресле-качалке, Старик, который стоит.

К а т р и н. Да, господин Пролль, да!

С т а р и к. Ты согласна?

К а т р и н. Да, господин Пролль, звоните!

Старик делает вид, будто говорит в трубку.

Это выход.

С т а р и к. Алло, говорит Пролль.

К а т р и н. Паспорт у меня есть.

С т а р и к. Читаю по буквам. (*Читает по буквам.*)

ПРОЛЛЬ. Верно.

Катрин показывает ему свой паспорт.

Нет, девушка, только не чартерный рейс.

К а т р и н. Боже упаси.

С т а р и к. Нам нужен воздушный шар.

Катрин качается и смеется.

Сейчас она соединит.

К а т р и н. Какой же он должен быть величины?

С т а р и к. Я спрошу, что у них есть.

К а т р и н. И какого цвета.

Старик делает вид, будто говорит в трубку.

С т а р и к. Да, девушка, нам нужен воздушный шар. Как вы сказали? Двухместная корзина. Я это знаю, девушка, воздушный шар непредсказуем. Как вы сказали? Ну разумеется, девушка: оснащенный мешками с песком, чтобы можно было снова подняться, если под тобой вдруг окажется болото или высоковольтная линия. Я об этом читал, девушка: если хочешь приземлиться, надо тянуть за веревку, например, если даме надоело сидеть в корзине. (*Катрин.*) Она должна навести справки, сколько у них мешков с песком. (*В теле-*

фонную трубку.) Да, достаточно, девушка, я думаю, достаточно. (*Катрин.*) Дюжина на человека. (*В телефон.*) Как вы сказали? Счет на фирму, как обычно: букинистическая лавка Пролля, Франкенгассе, двадцать один. Это не имеет значения, девушка, главное, что воздушный шар. Серебристо-серого цвета.

К а т р и н. Белого!

С т а р и к. Белый у вас есть?

К а т р и н. Белый как снег.

С т а р и к. Белый как снег, наполненный гелием или что там у вас имеется. (*Катрин.*) Она должна навести справки.

К а т р и н. Куда же мы полетим?

С т а р и к. Это непредсказуемо, говорит она. Куда ветер подует. Во всяком случае, нам не придется переживать из-за пробок на дороге под Пасху. Конечно, может случиться, что мы зависнем над Руром на несколько денечков и задохнемся или над Ватиканскими садами, и швейцарская гвардия поднимет тревогу...

К а т р и н. А кто будет тянуть за веревку?

С т а р и к. Равноправие, Катрин, равноправие.

К а т р и н. Договорились?

С т а р и к. Разумеется. У тебя двенадцать мешков с песком, у меня двенадцать, один взмах ножом — и снова паришь. И у каждого веревка, это ясно, и если я сошел, например, по старости, то он снова взмывает в небо, белый воздушный шар: Катрин Шимански парит дальше...

Катрин качается.

К а т р и н. Пролль, я вас люблю!

Пауза.

С т а р и к. Как было дальше?

Катрин снова надевает туфли.

К а т р и н. Я хотела идти на поезд, вы мне не поверили, а я действительно хотела исчезнуть, без воздушно-го шара.

Слышится птичий щебет.

С т а р и к. Ты еще кое-что сказала.

К а т р и н (*встает и целует Старика*). Пролль, я вас люблю. (*Встает и причесывает волосы.*) Что же я еще сказала? (*Останавливается и смеется.*) Вспомни-

ла! *(Продолжает причесывать волосы.)* Я подала вам руку и сказала: дедуля! И мы совершили прогулку.

Ксавер и Пилот, который сидит, изучая карту.

К с а в е р. Многое осталось загадкой. Несмотря на научное исследование всех сохранившихся обломков. Например, так и не выяснили, почему вы вдруг повернули налево — за двадцать километров до взлетно-посадочной полосы, которая была свободна, и пожарные уже стояли наготове, как вы потребовали. Согласно показаниям радара, вы были в эту минуту еще на высоте девяти сот метров. От черного ящика ничего не осталось, так как при ударе об землю произошел еще один взрыв. Четыре двигателя разбросало на расстоянии двух сот метров друг от друга. Лес — я сам видел только фотографии — выглядел, как после тайфуна. Согласно докладу управления авиации, удалось собрать две тысячи частей трупов, весом каждая не более килограмма, но опознать их не удалось.

Пилот снимает наушники.

Впрочем, вам-то я зачем это рассказываю.

Пилот встает, оглядывается.

Кого вы ищете?

Катрин и Старик останавливаются.

С т а р и к. Раньше тут росли березы и ручей был постоянный. В мое время. Ручей с камнями на дне и водорослями на камнях, так что поскользнешься, если пойдешь по камням босиком...

К а т р и н. Это вы рассказывали.

С т а р и к. Там был кузовной завод.

К а т р и н. Что там было?

С т а р и к. Кузовной завод, надежда моего отца, который был неисправим: каждый раз, когда он, дежурный на бензоколонке, получал чаевые, то придерсшивал дверцу машины и был доволен всем на свете, несмотря на евреев. *(Оглядывается.)* Вот этот самый был моим отцом.

К а т р и н. Мужчина в шелловском комбинезоне?

С т а р и к. А она — моя мать.

Дежурный, воткнув удочку в землю, стоит перед старухой
в инвалидной коляске.

Дежурный. Ты Анна?

Старуха. Да, Штефан, да.

Дежурный. Ты состарилась.

Старуха. Восемьдесят семь уже.

Дежурный. Я всегда думал, ты слабенькая, Анна, ты с этим не справишься.

Старуха. Трудное было время.

Дежурный. Я оставил долги.

Старуха. Да, Штефан, да.

Дежурный. Сколько же?

Старуха. Забудь об этом!

Дежурный. Наш мальчик об этом не забыл.

Старуха. Потому что он не любит тебя, и чем больше тебя он живет, тем все меньше и меньше любит. Потому что ты всегда твердил: так это делается, смотри сюда, так это делается!

Дежурный. Вот она, благодарность.

Старуха. Многое переменялось, ты знаешь, во взглядах. Они вдруг обнаружили, что получили неправильное воспитание. *(Смеется.)* Да, Штефан, вот так.

Дежурный. Я думал: если б когда-нибудь появился кузовной завод! А потом он появился, хотя я им не понадобился, хотя я тут родился и хотя я дипломированный механик. Это ты знаешь, и после я подумал: бензопилка...

Старуха. Это я знаю.

Дежурный. Я бы и с этим справился!

Старуха. Да, Штефан, да.

Дежурный. Несмотря на эти проценты.

Старуха. Штефан, ты слишком рано умер. До того, как построили шоссе. И только лишь после войны, Штефан, все пошло в гору. Я ведь всего этого даже не помню. Прямо впору подумать, будто война стоила того...

Дежурный смотрит на нее.

Дежурный. Стало быть, ты моя вдова.

Старуха. Да, Штефан, да.

Дежурный. Ты похорошела, Анна.

Катрин и Старик останавливаются.

Старик. Это Карлос!

Молодой испанец с патронташем и в берете республиканской милиции, стоя на коленях на земле, чистит старомодную винтовку. Ему восемнадцать.

К а т р и н. Что он делает?

С т а р и к. Я пережил его на тридцать лет... В первые недели у нас были только эти английские винтовки, времен первой мировой войны, иногда наши боеприпасы к ним не подходили. Он был поденщиком, я учил его писать и считать.

К а т р и н. Вы рассказывали.

Молодой испанец вынимает затвор.

С т а р и к. Потом это была моя винтовка.

Катрин и Старик продолжают прогулку.

К а т р и н. Там с вами кто-то здоровается.

На заднем плане появляется еще один Старик, который передвигается на костылях; инвалид кивает несколько раз головой.

Кажется, он хочет с вами поговорить.

С т а р и к. Пойдем!

К а т р и н. Тут такая толкотня.

С т а р и к. Ведь Пасха!

Колокольный звон, затем григорианский хорал. Слышен TE DEUM, в исполнении монахов-бенедиктинцев аббатства Св. Мориса и Св. Мора, Клерво. (Грампластинка Филипс А 02082 L, конец второй стороны.) Во время пения и колокольного звона, завершающего пение, все персонажи остаются неподвижны.

Клас в светлом пальто.

К л а с. Мы в Лондоне, Катрин, в Британском музее. Ты гладишь базальтового сфинкса. И мы рассматриваем мумии. Мы живем, Катрин, и наступила Пасха! Неправда, Катрин, что я всегда только злюсь.

Катрин и Старик продолжают прогулку.

Катрин!..

Слышен шум смывного бачка.

Это все, Катрин, о чем ты помнишь?

Молодой пастор подходит к Класу.

Я знаю, господин пастор, человека любишь таким, каков он есть, или не любишь. Тюбики и бапочки, которые она вечно не закрывает, и газеты на полу, и волосы в туалете, я знаю, это мелочи. Да я и не сказал ей больше ни слова. Разве Катрин виновата, что беспорядок повергает меня в меланхолию! Катрин другая. Господин пастор, я старался. Но она тем не менее настояла на разводе.

П а с т о р. Можно задать вам вопрос?

К л а с. В Лондоне мы были счастливы, господин пастор. Такая чудная гостиница и уютно, она пела в ванной, и мы много посмотрели, корабль Скотта, того, что замерз на Южном полюсе.

П а с т о р. Как вы умерли?

Клошар, который сидит в одиночестве.

К л о ш а р. Мертвыми становятся не сразу... Я слишком много жрал, потому он так растолстел, труп внутри меня, а когда я постился, он тощал, но я уже знал, что никогда от него не избавлюсь, от трупа во мне. Я возил его в общество, где вели разговоры, где имели мнения. И меня слушали, хотя мой труп скучал от моих мнений. Он еще не вонял, и волосы у меня были и все, что положено иметь мужчине, и женщины были влюблены в мою меланхолию. Я кланялся вечер за вечером, я подходил к рампе и преклонял труп во мне. Однажды утром, когда я проснулся на скамейке в городском саду, со мной заговорили солдаты Армии спасения, и за порцию горячего супа я спел Аллилуйя. У меня в кармане были маленькие ножницы, и еще целых тридцать лет я стриг себе ногти.

Старуха в инвалидной коляске и Дежурный.

С т а р у х а. Да-да, Штефан, да-да.

Д е ж у р н ы й. Рыбу удить и то не умеет!

С т а р у х а. Ты всегда твердил: из него ничего не получится. Ты всегда злился на нашего мальчика.

Д е ж у р н ы й. А ты всегда его защищала.

С т а р у х а. Все-таки у него есть диплом.

Д е ж у р н ы й. Типографа!

С т а р у х а. Да-да, Штефан, ты считаешь, что только ты работал, ты как отец, только ты был безработным...

Д е ж у р н ы й. Я не шлся по демонстрациям.

С т а р у х а. И все же ты был безработным.

Д е ж у р н ы й. Разве я пел «Интернационал»?

С т а р у х а. Нет.

Д е ж у р н ы й. На что же он жил?

С т а р у х а. Позднее он вместе с друзьями создал маленькую типографию, дела пошли неплохо. Он же получил образование. Но потом типографию запретили, потому что они печатали какие-то брошюры. И тогда Тис стал меня презирать, и я пролила много слез, он

приносил мне свое белье, и я ему говорила, должен же человек поесть, и как он ел: молча, потому что презирал меня! Но когда живешь за счет киоска, приходится торговать тем, что надо людям.

Пауза.

Дежурный. Да, а после войны у него была букинистическая лавка, и вдруг дела у него пошли совершенно замечательно. У него бывали книги, которых нет даже в постоянных книжных магазинах. Ты знаешь, что такое букинистическая лавка?

Господин лет тридцати, элегантно одетый, держит в руке букет роз с длинными стеблями, выглядит смущенным, потом поворачивается к Медсестре, несущей поднос с инструментами.

Господин. Сестра...

Ильза. Кого вы ищете?

Господин. Я ищу вазу.

Ильза. Потерпите немножко.

Господин. Большую вазу.

Старуха в инвалидной коляске и Дежурный.

Старуха. Ильза!

Медсестра останавливается.

Почему ты не разговариваешь с отцом?

Ильза. Я ему не нужна.

Старуха. Что ты говоришь.

Ильза. Он ведь даже не слушает.

Старуха. Но он часто ходил с тобой в пешие походы, это я видела у него в альбоме, у тебя тогда еще были косы, Ильза, и отец укрывал тебя своей штормовкой.

Ильза. О да.

Старуха. Потому что было холодно, и между скал он разложил костер, чтобы вы не замерзли.

Ильза. О да.

Старуха. Разве он тебя не слушал?

Ильза. О да, когда я была ребенком.

Старуха. Ты все это забыла?

Ильза. Нет, бабушка.

Старуха. А велосипед? Я, собственно, знаю про велосипед потому, что у твоего отца опять не было денег, и он занял их у меня, ведь тебе хотелось иметь велосипед, Ильза, и ты его получила.

Ильза. О да.

С т а р у х а. Согласись, ты несправедлива.
И л ь з а. Я ему написала, когда у меня была помолвка, и в ответ он прислал мне открытку.

С т а р у х а. Ты говорила.

И л ь з а. Открытку, и больше ничего.

С т а р у х а. И так иногда бывало.

И л ь з а. Однажды я пришла к нему на могилу, и было как всегда, когда я хотела ему что-то рассказать...
(Смотрит на Старика и отворачивается.)

Д е ж у р н ы й. Это его дочь?

С т а р у х а. Милая девочка. Иногда после школы она помогала мне в киоске. Обрезала пожницами названия непроданных газет, чтобы их не занесли в счет.

Молодой человек в опрятном строгом костюме проверяет свои ногти, манжеты, галстук.

М о л о д о й ч е л о в е к. Илья?

Медсестра, несущая поднос с инструментами, останавливается и смотрит на Молодого человека.

Не смейся! Так положено, ты знаешь: безупречная одежда, но без экстравагантности. Белая рубашка — это обязательно. И, понятное дело, никаких длинных волос. Летом, когда жарко, нам разрешается снять пиджак, но не галстук, а рубашка должна быть каждый день свежей. Рукава не закатывать! Так не годится, когда занимаешься с клиентами. Для них, для клиентов, очень важно, чтобы я выглядел как отпрыск хорошего семейства или их ровня. Банк основан на доверии. (Еще раз проверяет манжеты.) Илья, с понедельника я работаю в кассе!

Катрин и Старик.

С т а р и к. Он никогда на ней не женится. Я ей так и сказал. Если только в банке узнают, что его тесть красный... они этого не любят.

Идут дальше.

Медсестра идет дальше, Молодой человек в опрятном строгом костюме один; Молодой пастор подходит к нему.

П а с т о р. Как вы умерли?

М о л о д о й ч е л о в е к. Понятия не имею.

П а с т о р. Таким молодым?

Заклученный, из глубины сцены.

З а к л ю ч е н н ы й. Я его застрелил. (Подходит ближе.) Вы меня тоже не знаете...

Молодой человек. Нет.

Заключенный. Мы никак не рассчитывали, что в кассовом зале кто-то задержится после конца рабочего дня. Я во всем сознался. Вы вообще не защищались, я и в этом сознался, вы считали банкноты и даже не поняли, что произошло. Меня бы помиловали за хорошее поведение, ровно через год. И я бы никогда больше не совершил ничего подобного, это правда, я уверен. *(Молчание.)* Почему мне не верят? *(Молчание.)* Ваша фамилия Губахер. Эрих. Двадцать семь лет. Вы были бойскаутом и закончили коммерческое училище. Я все это знаю, ведь это зачитывается вслух. И прокурор сказал, что вы всегда были очень добросовестны и пунктуальны. Я все это слышал. Вы были помолвлены с медсестрой. *(Пауза.)* Я в вас выстрелил. Да! Сзади. Да! Теперь вы меня видите. Я просидел девять лет, ломал себе над этим голову. Девять лет! — а он даже не спросит, как меня зовут. *(Идет дальше.)* Тут меня никто не знает...

Медсестра приносит вазу.

Господин. Спасибо, сестра, большое спасибо.

Медсестра идет дальше, Господин опускает вазу на пол и ставит в нее букет роз.

Катрин и Старик останавливаются.

Катрин. Дедуля...

Старик. Что такое?

Катрин. ...мы ходим по кругу.

Старик видит Господина, ставящего розы в вазу.

Старик. Так он выглядел? Твой Кавалер Роз. А как еще мне его назвать? Ты скрывала его имя, я видел лишь розы в твоей комнате: тридцать пять штук, с длинными стеблями.

Господин поднимается и оценивающе смотрит на букет.

Почему вы не здороваетесь друг с другом?

Господин идет дальше.

Я понимаю.

Катрин. Пролль, мне был нужен мужчина.

Старик. И новое пальто.

Катрин. Вы вообще ничего не понимаете, Пролль, потому что вы буржуй, как и все остальные, все хотят мною владеть...

Господин и Молодой пастор.

П а с т о р. Я могу задать вам один вопрос? Вы принесли такие красивые розы. Вы знали эту молодую женщину?

Г о с п о д и н. Что вас интересует?

П а с т о р. Почему вы с ней не разговариваете?

Г о с п о д и н. Мы слушали пластинки. Она уселась на ковер. Я не знаю, о чем мы говорили... Мы слушали пластинки...

Катрин опять села в белое кресло-качалку. Старик стоит рядом.

К а т р и н. Хочется спать, лучше бы мне никогда не жить и не знать ни о чем — только спать. (*Закрывает глаза.*)

С т а р и к. Катрин, но ты жила.

Она молчит.

Почему ты закрываешь глаза?

Ксавер подходит к Молодому человеку, несущему чемодан и дамское пальто на руке; он ставит чемодан на землю.

Й о н а с. Катрин так и не забрала своих вещей. (*Кладет дамское пальто на чемодан.*)

К с а в е р. Буржуй! Это словечко у нее от тебя. Как только что-то не по ней, так сразу: буржуй! Один ты не буржуй, ты нет, потому что ты сидишь за пишущей машинкой и творишь революцию.

Й о н а с. Что ты мне хочешь сказать?

К с а в е р. Когда она попросту сбежала из дому, я прождал ее десять дней. И десять ночей. А потом принес ее вещи к тебе, я думал, она у тебя. Она тобой восхищалась. Твоими рассуждениями о Бакуinine. Ты открыл ей Зигмунда Фрейда и Маркузе, и что бы ты ни написал, она все принимала беспрекословно, я думал, у вас роман. Уже давно. И я нисколько не возражал, чтобы Катрин жила у тебя. Нисколько. Это ты ей внушил.

Й о н а с. Что я ей внушил?

К с а в е р. Что я хотел ею владеть.

Й о н а с. Думаешь, Катрин этого сама не замечала.

Пауза.

К с а в е р. Я видел ее в гробу.

Й о н а с. Ты любил ее как манекена, который должен продемонстрировать твою идею эмансипации. Если ее убеж-

дал кто-нибудь другой, а не ты, ты сразу ставил под сомнение ее интеллигентность, не мог поверить, что Катрин сама способна мыслить.

К с а в е р. Это по-твоему.

Й о н а с. Ксавер, ты — буржуй.

К с а в е р. Я видел ее в гробу...

Сосед с поперечной флейтой снова репетирует.

К л о ш а р. «Неужели он не сознает рода своей работы?»

С о с е д. Что вы говорите?

К л о ш а р. Я говорю то, что сказал Гамлет, принц датский, когда могильщик пел песню у гроба его Офелии. *(Поет.)*

Не чаял в молодые годы

Я в девушках души

И думал, только тем они

Одним и хороши.¹

С о с е д. Вы мне мешаете.

К л о ш а р *(декламирует)*.

Достойно ль

Терпеть без ропота позор судьбы

Иль надо оказать сопротивление,

Восстать, вооружиться, победить... *(Сбивается.)*

Скончаться! Сном забыться...

И видеть сны...² *(Забывает текст.)*

Старуха в инвалидной коляске, одна.

С т а р у х а. Тис...

С т а р и к. Да, мама.

С т а р у х а. Тис, мне еще кое-что вспомнилось.

Старик направляется к Старухе в инвалидной коляске.

С т а р и к. Что тебе еще вспомнилось?

С т а р у х а. Однажды ты сказал, что тебе охота попробовать что-нибудь такое, чего на свете не бывает. Ты повторял это снова и снова. Это какая-то сладость? — спросила я. Ты не мог сказать, чего тебе так хочется, и тогда я пошла с тобой в кондитерскую, не в ту, что у нас на углу, а в ту, что в городе. Но там ты только качал головой. А там было столько всякой всячины, которой да-

¹ Гамлет. Акт V, сцена 1. *(Перевод Б. Пастернака.)*

² Гамлет. Акт III, сцена 1. *(Перевод Б. Пастернака.)*

же твоя мать в жизни не видывала, да, а потом ты разозлился, потому что мы хохотали, продавщица и я, над твоим желанием съесть что-то такое, чего вовсе не бывает. Под конец ты затопал ногами, а дома еще и реветь принялся.

С т а р и к. Не помню.

С т а р у х а. Тебе было пять лет.

Старик ищет глазами Дежурного.

С т а р и к. Он прячется, как только я прихожу.

С т а р у х а. Да-да, мы — семья.

Старик смотрит на Старуху.

С т а р и к. Да, мама...

С т а р у х а. Что ты хочешь сказать?

С т а р и к. Ты довольна своей жизнью?

С т а р у х а. Да.

С т а р и к. Ты бы хотела прожить еще одну жизнь?

С т а р у х а. Ах, нет.

Старик берется за инвалидную коляску.

С т а р и к. Куда теперь?

С т а р у х а. К ручью. Но это уже не ручей...

Молодой пастор и Ребснок со школьным ранцем и мячом.

П а с т о р. Ты ждешь родителей. Быть может, ты перебежал дорогу, чтобы забрать мяч. Они придут, твои родители, чтобы взять тебя за руку. Я знаю. Как тебя звали? А какой у тебя красивый мяч!..

Ксавер подходит к Катрин.

К с а в е р. Тебя молодой пастор тоже спрашивал?

К а т р и н. Он всех спрашивает. Ведь это была его обязанность — готовить людей к жизни после смерти, и он не может понять, что тут у него обязанностей больше нет. *(Качается.)*

К с а в е р. Катрин!.. *(Ждет, пока она прекратит качаться.)*

К а т р и н. Мы говорим друг другу то, что однажды уже говорили. Постепенно начинаешь понимать, Ксавер, что к этому больше ничего не добавится. *(Снова качается.)*

К с а в е р. Десять дней я ждал. Потом отнес твои вещи к Йонасу, потому что думал, ты у Йонаса. Почему ты не подала никакого знака? Потом я услышал, что

ты работаешь у Пролля в его букинистической лавке...

Катрин молчит.

Мне жаль старого Пролля. Единственный человек, который видит в тебе личность! А напоследок ты его еще и соблазнила. В сущности, он тебе противен — ты делаешь над собой усилие, потому что тебе пужен кто-то, кто считает тебя интеллигентной, и господин Пролль делает над собой усилие, он старик, у него доброе сердце, потому что он старик и боится остаться один.

Катрин перестает качаться.

Ах, Катрин!

К а т р и н. Все это ты говорил мне на перроне, когда я рыдала, и я думала над тем, что ты мне сказал, Ксавер, всю ночь...

Сосед с поперечной флейтой снова репетирует.

Он не в состоянии закрыть окно, я кричала в ночь: закрой-те окно!

Сосед с поперечной флейтой репетирует дальше, пока не доходит до трудного пассажа и не замолкает.

К с а в е р. С каких пор ты стала копить снотворные таблетки?

Клошар, который сидит в одиночестве.

К л о ш а р. Ну вот, вспомнил наконец! (*Декламирует.*)

Умереть. Забыться
И не знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... И видеть сны. Вот ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Успуты! Быть может, видеть сны! Да:
Что только не привидится во сне.¹

Катрин в кресле качалке и Ксавер.

К с а в е р. Я видел тебя в гробу.

К а т р и н. Да?

К с а в е р. Целый час.

¹ Гамлет. Акт III, сцена 1. (*Перевод Б. Пастернака.*)

К а т р и н. Ты вспоминал, как я хохотала над твоими лекциями на кухне, когда ты мыл посуду, и как ты однажды дал мне пощечину, потому что я тебе дала пощечину, и как по-детски я вела себя на перроне?

К с а в е р. Я разговаривал с тобой.

К а т р и н. Я не слышала. *(Снова качается.)*

К с а в е р. Ах, Катрин.

Она перестает качаться.

К а т р и н. Итак, ты видел меня — целый час — с острым носом из алебаstra и с белыми губами, которые почти смеялись, и с этими руками, которые внезапно снова стали невинными.

К с а в е р. Я их не целовал.

К а т р и н. Спасибо.

К с а в е р. Что ты хочешь мне сказать?

Она снова качается.

К а т р и н. Мы больше не истязаем друг друга, Ксавер, мы мертвецы, Ксавер, и остается только не узнавать друг друга.

Старик с удочкой; Инвалид, который еще раньше приветствовал его кивком, стоит рядом.

И н в а л и д. Знаю, знаю, мне бы надо было объявиться раньше. Да я и собирался это сделать. Когда-то мы были друзьями. И вдруг оказалось слишком поздно. А ведь я часто о тебе думал. Хочешь верь, хочешь нет. Для меня был такой удар прочитать твой некролог. Я даже видел тебя во сне...

Старик смотрит на него.

Почему мы не поговорили по душам?

Молодой пастор возвращается.

П а с т о р. Летчик нашел своего ребенка! *(Стоит один.)*

Старик с удочкой и Инвалид.

И н в а л и д. Ты не изменился: стоишь и ловишь рыбу, а я жду, чтобы мы помирились!.. Мы были с тобой в одном гребном клубе. Ты помог мне защитить диплом. Когда ты вернулся из своей Испании, ты полгода жил у меня.

С т а р и к. За это я был тебе очень благодарен.

И н в а л и д. Вот видишь.

Старик смотрит на удочку.

Я разговаривал с Софи после твоих похорон, и я говорил открыто. Да, я действительно не раз говорил, что Пролль — сталинист, сталинистом и останется.

С т а р и к. Я не слышал.

И н в а л и д. Но тебе это навредило.

Старик вытаскивает удочку, на которой ничего нет.

Ты меня слушаешь?

Старик наживляет крючок.

С т а р и к. Когда было это восстание в Венгрии?

И н в а л и д. В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом.

С т а р и к. Прошла уже целая вечность.

И н в а л и д. Маттис, то-то и оно...

С т а р и к. Ты стал директором?

И н в а л и д. Причем тут это!

С т а р и к. Вообще я мало знаю о тебе. Позднее кто-то обронил в разговоре, что ты ходишь на костылях.

И н в а л и д. Почему ты мне ни разу не позвонил?

С т а р и к. У тебя артрит?

И н в а л и д. Как-никак ты знал, что я жив, и мы жили в одном городе.

Старик возится с удочкой.

Софи меня поняла. Трудное было время. Тогда. Я перестал звонить, когда твой телефон начали прослушивать, это правда. Но и ты не звонил. Ни разу. Ты же мог позвонить из автомата. Пойми, у меня было впечатление, что ты меня презираешь. Впрочем, потом я как-то раз написал тебе письмо, но не отправил. Однажды я даже заходил в твою букинистическую лавку...

С т а р и к. Когда?

И н в а л и д. Тебя как раз не было.

С т а р и к. Ты нашел то, что хотел? *(Снова забрасывает удочку.)*

И н в а л и д. Я хотел извиниться перед тобой, Маттис, подумал: двое разумных людей, двое взрослых мужчин, как мы, можно же поговорить друг с другом, когда-то мы были друзьями...

Старик смотрит на удочку.

Я тебе безразличен!

Катрин в белом кресле-качалке и Йонас, который вносит ее пальто и чемодан и ставит чемодан рядом с Катрин.

Й о н а с. Ксавер принес мне твои вещи. (*Кладет пальто на чемодан.*)

К а т р и н. Наступила твоя революция?

Й о н а с. Не думаю.

К а т р и н. Ты пошел на баррикады...

Й о н а с. Нет.

К а т р и н. Но у тебя кровь.

Й о н а с. Они стреляли в толпу.

Сосед с поперечной флейтой снова репетирует и прерывает игру, заметив, что Молодой пастор подходит к нему.

С о с е д. Мешает, когда я репетирую?

П а с т о р. Повторение — мать учения.

С о с е д. Такого понимания, как у вас, господин пастор, у многих соседей не найдешь. Почему я не закрываю окно! Иногда просто забываешь. (*Снова подносит флейту к губам.*) Трудное место.

П а с т о р. Можно задать вам вопрос?

С о с е д. Господин пастор, у меня маловато таланта, я знаю. Но человеку необходимо хобби. Целыми днями я на службе, а иногда и ночью. В клинике я вообще не мог репетировать.

П а с т о р. Понимаю.

С о с е д. Я выздоравливаю.

П а с т о р. Понимаю.

С о с е д. Но это не рак, иначе меня бы не отпустили домой. Теперь я снова могу репетировать.

П а с т о р. Вы верите в Бога?

С о с е д. Один ваш коллега уже спрашивал меня об этом. Католик. Клиника-то католическая.

П а с т о р. Есть только один Бог.

С о с е д. Так говорил и ваш коллега... Знаете, господин пастор, когда я пошел в полицию? Я учился на чертежника, но работы не нашел и стал гандболистом, хорошим гандболистом. А тут появился этот плакат: «Для здоровых и молодых людей — надежная мужская профессия». Тогда мою невесту коробило оттого, что я в свои двадцать шесть лет уже мечтаю о пенсии. Сегодня мы этим довольны, сами видите, сегодня мы этим довольны. (*Вытряхивает слюну из мундштука флейты.*) Я бы сказал, что-то должно быть, знаете ли. По-моему, да. Порядок должен быть. Я по должности адъютант,

и вдруг все идет кувырком до такой степени, что начинаешь радоваться приказу... Ни один человек не знает, господин пастор, в того попадают в подобной ситуации или не в того. Знает только Господь Бог. Вот что я бы сказал.

Клошар, который сидит в одиночестве.

К л о ш а р. Людей жаль. Стриндберг. Людей жаль.¹

Старик с удочкой; Ксавер смотрит.

С т а р и к. Катрин о вас рассказывала. (*Вытаскивает удочку, на которой ничего нет.*)

К с а в е р. Когда вы в последний раз что-нибудь поймали?

Старик наживляет крючок.

В гимназии мне пришлось однажды вылететь из класса и проторчать остаток урока в коридоре, потому что я спросил: не водится ли в Стиксе рыба. Мне этот вопрос казался существенным, но так как весь класс грохнул со смеху, учитель оскорбился, ведь он этого тоже не знал.

С т а р и к. Нет там рыбы. (*Снова забрасывает удочку.*) Тогда в букинистической лавке, когда вы пришли проверить, действительно ли Катрин тут работает, например, знает ли она, что в каталоге под рубрикой АНАРХИЗМ...

К с а в е р. Об этом, стало быть, вы помните?

С т а р и к. Вы хотели меня о чем-то спросить.

К с а в е р. Да.

С т а р и к. О чем же?

К с а в е р. Вы вдруг исчезли.

С т а р и к. Я вдруг впервые почувствовал, что Катрин тошнит от меня. Разве об этом забудешь.

Пауза.

К с а в е р. Так вы считали Катрин умной?

С т а р и к. Вы именно это хотели спросить? (*Смотрит на свою удочку.*)

К с а в е р. Господин Пролль, вы жили?

С т а р и к. О да — иногда... А тут уже ничего не ждешь. В том-то и разница. Например, когда вы пришли в мою букинистическую лавку... я не знаю, чего вы от этого ожидали. Быть может, вы и сами не знали. Вам

¹ Стриндберг А. Из драмы «Игра сновидений» (1902).

было любопытно, как поведет себя Катрин, как вы сами себя поведете. Все-таки вы чего-то ожидали в то утро, когда вошли в букинистическую лавку. Чуда или не чуда, или Бог весть чего. Чего-нибудь беспрерывно ждешь, пока жив, час за часом... Здесь уже нет ни ожидания, ни страха, ни будущего, потому-то все вместе взятое кажется таким ничтожным, когда кончается раз и навсегда. (*Смотрит на Ксавера.*) Катрин любила вас.

Молодой пастор подходит к Клошару.

П а с т о р. Летчик нашел своего ребенка!

К л о ш а р. Аллилуйя.

П а с т о р. Почему вы не посмотрите туда?

К л о ш а р. Я могу себе это представить.

П а с т о р. Смотрите туда.

Клошар оборачивается и смотрит.

К л о ш а р. Как будто мама сняла их кинокамерой.

П а с т о р. Вы не рады?

К л о ш а р. Вот ребенок бросает, а папа ловит, а теперь бросает папа, а ребенок ловит — нет, не ловит, но папа достает мяч и бросает снова, на сей раз ребенок ловит. И папа аплодирует. Теперь опять бросает ребенок. Но слишком низко, и папа вынужден нагнуться. В точности как было! Вот ребенок ловит, а теперь он бросает, а вот снова ловит папа. (*Больше не смотрит в ту сторону.*) Кодахром!

П а с т о р. Что вы сказали?

К л о ш а р. Они не играют в мяч, господин пастор, они играли когда-то в прошлом, а то, что было, изменить невозможно, это и есть вечность.

Катрин в белом кресле-качалке и Йонас, который стоит, оглядываясь по сторонам.

К а т р и н. Куда ты хочешь идти, Йонас? Здесь ты ни с кем не познакомишься, кого ты уже не знаешь. С Бакуниным или как их там — с ними ты никогда не сведешь знакомства...

Йонас смотрит на Катрин.

Й о н а с. Это я уже видел во сне: местность, которая мне незнакома — точно такая же! — и кого я встречаю? — Катрин Шимански, и ты такая странная. Ты все знаешь. Я вообще не испытываю перед тобой страха. Впервые в жизни. Собственно, даже и говорить нечего.

Я говорю, что я люблю тебя. Говорю, конечно, не напрямую, но ты понимаешь. О том, почему я не хотел, чтобы ты у меня жила, — ни слова. Мы просто здесь, и я вижу, как ты радуешься. Ты говоришь: нам нельзя прикасаться друг к другу! Но ты такая нежная, какой я тебя вовсе не помню... Сон был довольно длинный и сложный, и я знаю только, что вообще не боялся. Все совсем легко. Лишь когда проснулся, я снова вспомнил: ведь Катрин Шимански умерла. Год назад. Потому ты и сказала: нам нельзя прикасаться друг к другу.

Сосед с поперечной флейтой, в одной рубашке с подтяжками и в домашних тапочках, снова репетирует свою мелодию, пока не ошибается. Клошар, сидящий на земле поодаль от него, насвистывает ему правильную мелодию. Сосед смотрит на Клошара.

К л о ш а р. Парень, у нас уйма времени.

Сосед с поперечной флейтой пробует сыграть еще раз.

Старик с удочкой в одиночестве, смотрит на удочку.
Молодой испанец из республиканской милиции заряжает тем временем свою вычищенную винтовку.

С т а р и к. Так ты заряжал винтовку, Карлос, нашу английскую винтовку. Ты погиб у меня на глазах, в ноябре тридцать седьмого. Позднее я побывал в вашей деревне, на наших тамошних позициях, но от них не осталось и следа. У них сохранилась лишь одна твоя фотография, маленькая и совсем пожелтевшая: вот как ты сейчас здесь сидишь. (*Смотрит на Молодого испанца.*) Ты веришь в Сталина. (*Снова смотрит на удочку.*) Я пережил тебя на тридцать два года, но, несмотря на это, твои сестры все же меня узнали, твой младший брат, который тебя хоронил. Многих из вас расстреляли, когда у вас уже не было оружия. Другие погибли в плену, некоторые от пыток.

Йонас стоит в одиночестве.

Й о н а с. Революция грядет. Меньшинство сознает это, большинство подтверждает это своим страхом. Грядущая революция обессмертит нас, даже если мы до нее не доживем.

Клошар стоит в одиночестве.

К л о ш а р. Моя память иссякла, роли моей жизни теперь играют другие, и постепенно мертвые становятся сами себе противны.

Молодой пастор, также в одиночестве.

П а с т о р. Придет свет, прежде нами невиданный, и рождение без плоти, другими, чем после нашего первого рождения, пребудем мы, потому что мы были, и без страха смерти пребудем мы, рожденные в вечности.

Катрин одна в белом кресле-качалке; рядом с ней чемодан, на котором лежит пальто, по другую сторону ваза с розами.

К а т р и н. Дедуля!

Старик вытаскивает удочку, на которой ничего нет, и снова ее забрасывает.

Вечность банальна. (*Слышится птичий щебет.*) Вот и снова апрель.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Действующие лица

Роже
Франсина
Молодая пара *(без слов)*
Прохожие *(без слов)*
Продавец газет
Жандарм
Клошар *(без слов)*

Мраморная скамья в городском парке, рядом зеленая металлическая урна для мусора, больше ничего не видно. Ночь. На скамье Франсина и Роже в лучах дуговой лампы.

Р о ж е. Франсина, скажи что-нибудь!

Она молчит.

Перед нами, прямо, черный ренессанс, решетка парка, я не забыл: наконечники решетки позолочены. Я даже готов держать пари: это была скамейка из чугуна и дерева. И вдали светофор: тишина при красном свете, грохот при зеленом... *(Закуривает сигарету.)* Да, Франсина, здесь это было.

Вдали шум транспорта, затем тишина. Светофор, которого не видно, переключается каждые пятьдесят секунд. Очевидно, это пересечение большой улицы с маленькой; в одном направлении оживленное движение, слышен шум множества автомашин, трогającychся с места при зеленом свете, а иногда и рев автобуса, в другом направлении лишь отдельные машины, то есть шум не одинаков: он то длится дольше (до семи секунд), то — через пятьдесят секунд, — лишь непродолжительно.

Ф р а н с и н а. Не надо меня провожать, Роже.

Р о ж е. Так ты говорила.

Франсина. Иногда я тебя ненавижу, Роже, но никогда не забуду, Роже, что когда-то очень тебя любила.

Роже. Так ты говорила.

Франсина. Нам не надо было жить вместе. *(Пауза.)* В это время поезда вообще не ходят. Что тебе нужно на вокзале в это время? Не понимаю, почему ты не пойдешь в гостиницу и не отдохнешь до прихода поезда.

Роже. Так ты говорила... *(Курит.)* ...и я счел, что будет правильно пойти с тобой не в гостиницу, а на вокзал. И потом мы уже не виделись. *(Раздавливает сигарету ногой.)* Твоя семья видит во мне, так сказать, твоего убийцу. До меня доходили всякие слухи. Другие не заходят так далеко. Просто они, наши друзья, считают, что должны стать на чью-то сторону. Кто уважает Франсину, должен меня проклясть. Иногда оно меня смешило, их молчание, стоило мне произнести твое имя. Что им известно о нашей истории, я так и не узнал. Да, у них есть чувство такта, у большинства. Мне пришлось отказаться от некоторых знакомств. Наверное, ты попросила о том, чтобы мое имя больше не упоминалось в твоём присутствии...

Она достает себе сигарету.

Сегодня перед обедом, сразу после моего приезда, я встретил мадам Тэйер или как там ее зовут, твою подругу. Ее просто не узнать, сущее привидение. Что я тут делаю в Париже? И так она на меня при этом посмотрела! Как будто Париж для меня вечно запретная зона! *(Подает ей зажигалку, она прикуривает.)* Мой отец... не знаю, во что он верил на протяжении восьмидесяти лет... он не был мистиком, видит Бог, но всегда знал, что на сей счет скажет моя мать-покойница. Когда он продал дом, покойница это, несомненно, благословила. Ей незачем было знать, что он запутался в грязном деле, она была женщина благоразумная и всегда принимала сторону отца. Удобная покойница. И когда мы, сыновья, не соглашались с ним, она его оправдывала. Он был алкоголик. И наверняка она, покойница, даже читала газету, его газету, разумеется. Длинноволосые, которых она уже не застала, для него были нож острый. Когда он изменил свои политические взгляды, потому что они стали невыгодными, и вышел из партии, она, покойница, вышла тоже. Без сомнения. Я презирал его, мне было противно его обращение с покойницей...

Она курит и молчит.

Скамья была эта самая, я уверен. Единственная под дуговой лампой. Мы не хотели сидеть в темноте... Год спустя я женился. Ты никогда не видела Энн. Я познакомился с ней в Техасе, и у нас был ребенок, может быть, ты об этом слышала. Сейчас мальчик ходит в школу.

Она курит и молчит.

Расскажи что-нибудь о себе, Франсина!

Мимо проходит Молодая пара, на которую Роже и Франсина не обращают внимания; она молча курит, он смотрит на нее.

Вероятно, после разлуки мы делали одно и то же, ты оправдывала себя, я — себя, остальное — обида. Это меньше обременяет память, чем раскаяние. Твоя история с Роже, моя история с Франсиной, быть может, они даже по величине различны, только в датах совпадают...

Молчание; слышно оживленное движение, тишина, шум слабого движения.

Если б Энн сейчас шла по этой аллее, она бы удивилась, что я с тобой разговариваю. Вначале она ревновала, потому что я всегда оправдывался перед Франсиной, нередко часами. И возражаю не ей, так она считала, а тебе. Это было нелегко для Энн. Я понял потом. Хотя я никогда больше не упоминал твоего имени — она все равно ощущает твое присутствие... Энн — фотограф... Она на четыре года моложе тебя, то есть: была моложе — теперь Энн уже несколько старше тебя. Странно все это.

Прохожие идут мимо в разных направлениях.

Впрочем, видел я тебя еще один раз. Примерно как сейчас. Вряд ли я ошибся. Ты стояла на другом эскалаторе, это было в Берлине, на станции метро «Цоо», утром. Я прав? Я спускался вниз, ты одна, смотрела перед собой, не очень веселая, но и не грустная. Ты задумалась. И, по-моему, я правильно сделал, что не окликнул тебя тогда: Франсина!

Она гасит сигарету о мрамор.

Или, может быть, ты меня узнала? (Пауза.) Я никогда не бывал у тебя на могиле.

Появляется Продавец газет.

Пр о д а в е ц. «Le Monde»!

Франсина покупает газету, не по-быстрому, так как нужна мелочь и, вероятно, ей трудно без очков распознать иностранные монеты.

Наконец она находит нужную монету, и Продавец газет идет дальше.

Р о ж е. Ты купила газету... да... чтоб почитать что-нибудь, когда мы расстанемся и ты останешься в номере одна.

Она надевает очки.

Почему мы расстались?

Она пробегает глазами заголовки первой полосы.

Вьетнам... Ты раньше меня поняла, чем все это кончится, но конца уже не застала. История признала твою правоту. Когда я сегодня читаю о Чили, я наперед знаю, что думает об этом Франсина.

Она листает газету.

Эрнст Блох тоже умер...

Она кладет газету на скамью.

Будущее принадлежит страху.

Пауза.

Ф р а н с и н а. Пойдем?

Он не двигается.

Р о ж е. Позже я слышал версию — от других людей, — и другие не выдумывают, такое могло родиться только в твоей голове: будто бы я на протяжении трех лет шантажировал Франсину угрозой самоубийства!

Он засовывает в рот следующую сигарету.

Франсина, разве я тебя шантажировал?

Он щелкает зажигалкой и снова вынимает сигарету изо рта, прежде чем ее закурить.

Быть может, ты рылась в моих ящиках, я не знаю, но пис-толета ты не нашла. У меня его не было. Достаточно было прыгнуть с нашего балкона. Только я никогда не угрожал подобной чепухой. Я ходил в Доломитовые горы, это правда, но не затем, чтобы угрожать, по-моему. Что еще? А однажды после праздника, когда все напились, я пытался, как скалолаз, вскарабкаться по фасаду... (*Пытается рассме-яться.*) Это что, шантаж?

Он отбрасывает свою сигарету.

По-моему, это подлость, когда ты, Франсина, стала рассказывать это как нашу историю — будто я три года шантажировал тебя угрозой самоубийства.

Она достает сигарету одновременно со своей зажигалкой, так что он может видеть лишь, как она закуривает.

Так ты курила. А то вдруг мы начинаем мерзнуть. Позднее приходит жандарм и удивляется, почему мы не идем спать. Я никогда не забуду, как ты говорила: «*Nous attendons le matin, monsieur*»¹ — и как он приложил руку к козырьку. И потом, когда всякое движение на улице замирает, мы слышим вой сирены «скорой» вдалеке...

По-прежнему каждые пятьдесят секунд слышен шум транспорта: не слабее, но короче, так что тишины прибавляется; иногда слышен один только автобус.

Скажи что-нибудь, Франсина!

Она молча курит.

Некоторое время — после твоей смерти — я пытался осознать свою вину. Я сделал тебя своей судьей, чтобы ты заговорила. Но ты не слушаешь, когда я исповедуюсь, и смотришь на меня так, будто я все равно ничего не пойму. Ты молчишь — или только повторяешь то, что сказала тогда на этой скамейке... Франсина, в следующем году мне будет пятьдесят, а тебе все время тридцать три.

Встает и не знает, зачем он встал: она сидит неподвижно; он стоит, засунув руки в карманы пиджака.

Нам не надо было быть вместе. (*Смотрит на нее.*) Знаешь, о чем я иногда думал? Франсина любит свою любовь. И это не имеет ни малейшего отношения к мужчине, который ей встречается. Франсина принадлежит к Великим Любящим. Она любит свой экстаз, свой страх, и свою тоску, и свою печаль, свою высокомерную жертвенность, и мужчина, который относит это на свой счет, сам виноват. Франсина влюблена не в саму себя, я бы так не сказал. Она любит! — подобно Португальской Монахине. Она любит свою любовь. (*Видит, что она его не слушает.*)

Франсина. Я буду работать.

Роже. Так ты сказала тогда.

Франсина. Много работать. (*Гасит сигарету о мрамор.*)

Роже. Так ты сказала, и я понял; наша разлука — решенное дело, о чем бы мы ни говорили в эту ночь.

Она достает из сумочки губную помаду.

Почему ты не захотела ребенка?

Она подкрашивает себе губы, не глядя в зеркальце; он снова садится на скамью.

¹ «Мы ждем утро, господин!» (*франц.*)

Потом у тебя уже не было детей. Насколько я знаю. А позже у меня вдруг мелькнуло подозрение: эти, в Женеве, тогда напортачили. (*Смотрит на нее.*) Франсина, это так?

Она прячет губную помаду.

Франсина. Уже два часа, Роже, и в последнюю ночь мы тоже почти не сомкнули глаз. Будем благоразумны.

Роже. Так ты сказала.

Франсина. Что тебе нужно на вокзале в это время? Не понимаю, почему ты не пойдешь в гостиницу и не отдохнешь до прихода поезда.

Он молчит.

Что теперь будет с твоей квартирой?

Он молчит.

Ты предложил расстаться, Роже, вчера ночью. Раз в жизни ты проявил больше мужества, чем я, и я тебе за это благодарна.

Роже. Так ты сказала.

Франсина. Ты когда выпьешь, не помнишь потом, что говорил.

Роже. Мы оба пили. (*Пауза.*) Что я говорил, Франсина? (*Пауза.*)

Франсина. Роже, я ничего не требую.

Роже. Так ты сказала.

Франсина. Я могу пожить у Мари-Луиз. В любое время. Но как, по-твоему, я буду работать в ее мансарде.

Он молчит.

Роже, ты никогда мне не помогал.

Он молчит.

Ты рассуждаешь, как собственник. Переписать на твое имя. Вот твои слова: я дарю тебе квартиру, четверть часа у нотариуса — и квартира твоя собственность, включая мебель.

Роже. Это я говорил.

Франсина. Вечно ты заводишь разговор о нотариусе.

Он молчит.

Роже, у меня только одна просьба...

Роже. Я ее исполнил: не искал твоего нового адреса, не пришел к твоей двери, не позвонил.

Пауза.

Ф р а н с и н а. На что мне одной шесть комнат? (Пауза.) Как ты можешь спрашивать, что я буду делать. И при этом я уже год твержу о диссертации. Ты не принимаешь мою работу всерьез.

Он молчит.

Не беспокойся обо мне. Не нужна мне она, твоя забота. Расписание электричек я как-нибудь прочту.

Он молчит.

Что мне нужно из нашей квартиры — мои книги. Больше ничего. Прежде всего словари. И мои платья.

Р о ж е. Ты же присылала за ними.

Ф р а н с и н а. Если мне придет почта...

Р о ж е. Я всегда переправлял ее Мари-Луиз. Как договорились. Быть может, там были и счета, не знаю. И еще в первое время были звонки. Я не знал номера, который мог бы дать.

Пауза.

Ф р а н с и н а. Не смотри на меня, как овчарка.

Он молчит.

Ты поедешь в Остин, и мы, ты и я, будем радоваться, что нам ничего больше не надо доказывать друг другу.

Р о ж е. Я уехал в Остин.

Пауза.

Ф р а н с и н а. Лучше нам никогда не писать друг другу, Роже, давай пообещаем друг другу, Роже, на все будущие времена.

Он молчит.

Роже, я тебе не нужна.

Он молчит.

Кто побелил всю квартиру, когда ты уезжал в Триест, все шесть комнат, в одиночку, взобравшись на лестницу?

Он молчит.

Что мне делать в Остине?

Он молчит.

Когда мы вместе искали квартиру, ты хотел больше старую, с высокими потолками, и я согласилась, да, в уверенности, что мы не просто какая-то супружеская пара.

Р о ж е. А Франсина и Роже.

Франсина. Да.

Роже. Это же на самом деле мы.

Пауза.

Франсина. Роже, я замерзла.

Он молчит.

Тебе хочется быть нужным для меня, это ты считаешь своей любовью. Когда у тебя хватает храбрости, я для тебя тайная обуза. Ты любишь меня, когда трусишь, а я здесь не для этого, Роже.

Он молчит.

Иногда я тебя ненавижу.

Роже. Так ты говорила.

Входит Жандарм и останавливается.

Сегодня в Орли — вчера я еще не знал, что полечу в Париж, и сегодня рано утром, держа в руке билет, когда объявили посадку, я сам не мог понять, зачем лечу — лишь в Орли, ты знаешь, вот так налегке, сажусь в такси, и эта безумная уверенность: быть может, ничего не прошло, и мы встретимся на этой аллее, ты и я!.. Впрочем, никто не знает, что я сегодня в Париже. Кроме мадам Тэйер. Что вы делаете в Париже? Это я и делаю: разговариваю с покойницей.

Шум транспорта замирает, теперь слышен одинокий автобус, затем снова тишина.

Франсина. У тебя не найдется еще сигареты?

Он подает сигарету, но без зажигалки.

Роже. Случается, что я тебя забываю. Я все еще пишу часы, подаренные Франсиной. Но они мне не напоминают о тебе. Есть места, где мы бывали вместе, Страсбург, например, кафедральный собор напоминает мне о другом соборе, а не о Франсине. Это случается. Твой почерк я бы не спутал ни с каким другим, если бы я его увидел, это уж точно, только он что-то не попадает мне на глаза. И твоё тело, твоё обнаженное тело... Это ужасно! На улице, в толпе перед светофором вижу волосы, точь-в-точь твои. Я знаю: это невозможно! И не трогаюсь с места, жду, пока тебя не забуду.

Франсина. У тебя есть зажигалка?

Он подает зажигалку.

Роже. Иногда мне снится Франсина. Ты всегда другая, чем та, какой я тебя знаю, чаще всего в незнакомой мне

компании. Я хочу тебе показать, что если я расправлю руки, то могу полететь над крышами, что воспрещается. Иногда ты бываешь нежной, Франсина, в моих снах. Я знаю, это не весть о тебе, нет, все это весточка от тебя.

Пара молодых влюбленных возвращается и проходит мимо.

Быть может, мы расстались, чтобы узнать, что мы можем и обойтись друг без друга, но ведь мы это и так знали, пока ты была жива.

Она курит в задумчивости.

Ты ездила в Ханой?

Она курит.

Ты устала, Франсина.

Ф р а н с и н а. С ног валюсь.

Р о ж е. Ты так сказала.

Она курит.

Тебе знаком этот листок? (*Достает из бумажника листок бумаги.*) Как это попало ко мне в бумажник, понятия не имею. Похоже на детский рисунок. Решетка. Но за ней ничего. Это ты? Никогда не видел, чтобы ты рисовала.

Она гасит сигарету о мрамор и снова достает губную помаду из сумочки, красит себе губы, поглядывая на этот раз в маленькое зеркальце, снова слышен одинокий автобус, затем тишина.

Вероятно, ты слышала, что я ее однажды встретил, твою Мари-Луиз. На вечеринке. Стояли в очереди за закусками, и, очевидно, я поинтересовался, как поживает Франсина, — иначе бы мне не довелось услышать это: «Вы никогда никого не любили, Роже, и вы точно так же никогда никого не полюбите». Я понял, что это твой приговор, и ушел.

Она двигает губами, равномерно размазывая помаду.

Ты бы и сегодня так сказала?

Она прячет губную помаду.

О твоей жизни после нашей разлуки в ту ночь я почти ничего не знаю. Ты осталась в Париже. Я сдержал свое обещание, я тебя не искал, пока ты была жива...

Слышен шум одинокой машины.

Ф р а н с и н а. Это могло быть такси. (*Встает.*) Роже, уже два часа, и в последнюю ночь мы тоже почти не сомкнули глаз, будем благоразумны, Роже. (*Смотрит на часы.*) Половина третьего.

Он остается сидеть, рассматривает ее.

Р о ж е. Разве ты носила этот костюм?

Снова одинокий автобус, затем тишина.

Когда я услышал о твоей операции, о первой — никто не знал, что с Франсиной Кора я знаком, и рассказ был без прикрас — я написал тебе, но письмо не отправил. Не решился, Франсина. Потом, полгода спустя, когда заговорили об облучении... Я полетел в Париж, но там в Орли я знал: монахиня в белом скажет, что мой визит нежелателен. (*Кладет сигарету в рот.*) Я знал, Франсина умрет. (*Снова вынимает сигарету изо рта.*) Скажи что-нибудь, Франсина.

Тишина.

Впрочем, я снова живу один. Мальчик бывает у меня раз в месяц, раз в году — две недели подряд. А Энн живет с мужем. Может быть, она даже слышала от меня, что было сказано обо мне в очереди за закусками: ты никогда никого не любил... Такое изречение все равно что каинова печать. (*Щелкает зажигалкой и снова ее гасит.*) Я думаю, мои письма ты сожгла. Надеюсь, они не лежат у мадам Тэйер... Твои, Франсина, я не сжег, но никогда и не перечитывал. Не смог бы преодолеть страха. Тирады как из Песни песней, но они больше ничего не значат. Я их спрятал в шкатулку, твои письма, а шкатулку опечатал сургучом, как положено: свеча и печатный лак, затем капля на шнурок, палец в горячий лак, отпечаток пальца как печать. (*Зажигает сигарету.*) Ты была уже не студенткой, когда избавилась... не захотела иметь ребенка, а мне тогда стукнуло сорок. Я не настаивал на этом, нет, не настаивал. Когда мы ездили в Женеву, я спрашивал тебя еще два или три раза. Ты не заметила, что твоя решительность меня испугала. Я этого тоже не показал, наоборот, сделал вид, что очень хорошо тебя понимаю. Быть может, это тебя оскорбило, мое мужское понимание. Мы были одни в купе, ты натянула на лицо свое пальто. Но некоторое время мы еще были влюблены друг в друга...

Слышна сирена «скорой помощи», ее вой приближается, но не слишком близко, затем исчезает.

О том, что нас давно уже разделяло, мы в эту ночь не говорили. Ни слова. Ни единого. Как какая-нибудь парочка.

Она снова садится на скамейку, держа сумочку под рукой, готовая отправиться в дорогу.

О чем мы говорили до трех часов ночи?

Снова одинокий автобус, затем тишина.

Однажды во сне ты чертила или рисовала. Листок за листком. Я не мог видеть, что ты там чертишь да чертишь. Я только вижу: листок за листком, тебе так весело, взрослая женщина, но прилежна и серьезна, как дитя, и при этом тебе так весело. Мое присутствие тебе не мешало. Потом я попросил у тебя один из листков, ты не сказала «да», но разрешила мне выбрать — на этом месте я проснулся. Включил свет и просиял от счастья, я был убежден, что получу от тебя листок. Знак. Искал на ковре, на столе, в карманах пиджака — конечно, ничего я не нашел. (*Достает листок из кармана пиджака.*) Это я сам нацарапал. (*Медленно разрывает листок бумаги на части.*) Твое молчание, Франсина, — я понимал твоё молчание, пока ты была жива.

Появляется Жандарм точно так, как уже было однажды.

Ф р а н с и н а. Nous attendons le matin, monsieur.

Жандарм отдает честь и идет дальше.

Р о ж е. С покойниками разговаривать нельзя!

Она прячет газету в сумочку.

Ф р а н с и н а. Не надо меня провожать, Роже. Я знаю, прямо, потом направо через ворота, и прямо, и через другие ворота, и прямо через мост — я найду дорогу.

Р о ж е (*он раздавливает ногой сигарету*). Когда я получил извещение, печатный бланк, между прочим, текст во вкусе твоей семьи — до тех пор все-таки могло быть, что еще раз встретимся. Случайно. Ты не искала свидания, я знаю, Франсина, а я не осмеливался, и внезапно иллюзия, что мы могли бы увидеться снова, рассеялась. (*Встает.*) Но я тебя проводил!

Она не двигается с места.

Ф р а н с и н а. У нас тоже была прекрасная пора, Роже, великая пора. Я верила: мы вдвоем, ты и я, мы все переосмыслим. Все. И это должно получиться: чета, которая воспринимает себя как Первая Чета, как Изобретение Четы. Мы! И мир может расшибиться о наше высокомерие, но нам он не может причинить зла. Мы познали милость. Так я верила. Мы знали, что тут не существует собственности. И это было как пароль, Роже. Мы только никому не могли сообщить, что мы Роже и Франси-

на, переосмысливаем мир, включая его великих мертвецов. О, наши споры-оргии, Роже! И я была уверена: мы любим больше, чем друг друга, ты меня, а я тебя, это все заменимо. Разве ты не говорил? То, что незаменимо, вот что свело нас вместе. Другие — только мужчина и женщина, так мы считали, мы ведь тоже мужчина и женщина, но и сверх того: в награду так сказать. И ты знаешь, Роже, наше отчаяние, в то время, никогда не было пошлым, иногда преувеличенным, но пошлым — нет, мы могли сказать друг другу совершенно ужасные вещи — чего сегодня уже не можем... Мы тогда сняли большую квартиру. Сделали глупость, Роже, раз я и раз ты и мы оба вместе, но я тогда верила: ты можешь переосмыслить, я могу переосмыслить. Мы не были мертвецами, Роже, вот уж нет! — как сейчас.

Он молча смотрит на нее, как на человека, который не понимает, что говорит.

И знаешь, мы гордились друг другом. Не изображали ни доброты, ни сочувствия, ни претензий на доброту. Мы ощущали себя как двое избранных, да, я имею в виду: избранный — я тобой, а ты мной. Мы не сдвинули гор, и ты меня порой высмеивал за мои надежды. И знаешь, Роже, и в заблуждении мы были смелее. Мы не пользовались нежностью, чтобы заставить одного уступить другому, чтобы проверить, надежен ты или нет. Да, Роже, да, так это было. Некоторое время.

Р о ж е (*снова садится*). Продолжай.

Ф р а н с и н а. Роже, я замерзла.

Р о ж е. Я тебя слушаю.

Она молчит.

Когда память неожиданно остается одна на свете — это еще раз становится историей, Франсина, другой историей. С тех пор как ты умерла, у меня пропала потребность всегда быть правым, и неожиданно в памяти начинают всплывать совершенно другие вещи, когда я вижу тебя перед собой. (*Смотрит на нее с нежностью.*) Ты со своим узким лбом и с большими зубами, ты белокурая лошадка, с очками на носу!

Она снимает очки и прячет их в сумочку.

...и со своими водянистыми глазами! (*Пауза.*) Впрочем, ее больше не существует, нашей квартиры, дом снесли... (*Пауза.*) Недавно у меня был разговор с одной молодой

особой, я ее почти не знаю, самолюбивая девушка, она добивается стипендии, поэтому ей надо было поговорить со мной — у нее был аборт, я должен был об этом знать, по ее мнению, чтоб я не подумал, будто она вообще не соблюдает сроков. Пожалуй, ее открытость меня смутила, она очень рассчитывала на мое понимание, она сказала: так как я не знаю, кто отец... До сих пор мне никогда не приходило в голову, что это могло случиться и с нами. (Пауза.)

Франсина. Иногда ты хочешь ударить меня, Роже, по лицу. Но ты этого не делаешь, потому что знаешь: ты видишь меня в последний раз.

Роже. Так ты сказала, Франсина, потом взяла свою сумочку, держу пари: голубую...

Она берет свою белую сумочку.

Потом ты встала.

Она встает.

И мы пошли, не говоря почти ни слова: прямо, потом через ворота и снова прямо и через другие ворота, потом прямо через мост к нашей белой гостинице.

Она встает, он остается сидеть, как одинокий человек, руки в карманах, не зная, что ему делать, глядя прямо в ночь.

Не знаю, испытала ли ты это? Когда вдруг видишь: то, что ты раньше говорил, о чем ты раньше думал, совершенно неверно. Все может быть и по-другому. Иногда эта мысль пронзает меня среди дня. Мне приходят на ум, не знаю почему, слова, которые я слышал несколько лет тому назад, и вдруг они приобретают совершенно иной смысл. В последнее время со мной это случается все чаще и чаще. Без всякого повода. Я просыпаюсь от того, что мой вчерашний анекдот вообще не смешон. Или я вспоминаю слова, которые многие годы меня возмущали и это возмущение и, было причиной моих поступков, а теперь я, собственно, не понимаю, что могло возмущать в этих словах. Не понимаю своего тогдашнего поведения... Не знаю, Франсина, испытала ли ты это. (Пауза.) Знаешь ли ты, что нет ни одной фотографии Франсины, которая бы действительно напоминала мне о тебе? За исключением одной детской: маленькая Франсина, какой я тебя никогда не видел, с огромной овчаркой. (Пауза.) Скажи что-нибудь. (Пауза.) Однажды, когда ты была в Москве... помнишь, ты рассказывала? Ленин в мавзолее, тебя сразу же

стошнило... огромная голова, в которой вот уже пятьдесят лет больше нет никаких мыслей... Вот оно: мы живем в окружении мертвецов, и они ничего не переосмысливают. (Пауза.) Я с нетерпением жду поездки в Исландию с мальчиком. Я рассказывал ему, как рождаются и гибнут вулканы и глетчеры, а теперь надо доказывать, что все это существует. Он уже вышел из возраста сказок. Летом едем в Исландию. На четырнадцать дней. С палаткой и спальным мешком. (Пауза.) Франсина, скажи что-нибудь.

Франсина. Не надо меня провожать.

Роже. Нет, Франсина, скажи то, что ты тогда не сказала. О чем ты потом подумала. Что бы ты сказала сегодня. Что избавит нас от нашей истории, Франсина!

Снова вдали слышны сирены «скорой помощи», их вой приближается и затихает в противоположном направлении.

Франсина. Роже, я в самом деле замерзла.

Роже. Однажды, несколько месяцев назад, мне пришла в голову идея, что я должен выстрелить себе в висок, чтобы услышать Франсину.

Франсина. И ты тоже замерз.

Они не двигаются с места.

Роже. Франсина, скажи что-нибудь. (Внезапно кричит.) Скажи что-нибудь.

Пауза.

Франсина. Роже, мы все сказали.

Роже. Все?

Франсина. Я сказала, что буду работать. Или поеду в Ханой, если это возможно, в качестве репортера с нашей стороны. (Пауза.) Ты предложил расстаться, Роже. Тогда ты проявил больше мужества, чем я, и я тебе за это очень благодарна. (Пауза.) Нам не надо было жить вместе. (Пауза.) Как ты можешь спрашивать, что я буду делать! И при этом я уже год твержу о защите диссертации. Ты не принимаешь мою работу всерьез. (Пауза.) Не смотри на меня, как овчарка. (Пауза.) Ты поедешь в Остин, и мы, и ты и я, будем радоваться, что нам ничего больше не надо доказывать друг другу. (Пауза.) Роже, ты никогда мне не помогал. (Пауза.) На что мне одной шесть комнат? (Пауза.) Роже, я тебе не нужна. (Пауза.) Не беспокойся обо мне. Не нужна мне она, твоя забота. Расписание электричек я как-нибудь прочту. (Пауза.) Лучше нам никогда больше не писать

друг другу, Роже, давай пообещаем это друг другу, Роже, на все будущие времена. *(Пауза.)* У нас тоже была прекрасная пора, Роже...

Р о ж е. Продолжай!

Пауза.

Ф р а н с и н а. Что мне нужно из нашей квартиры — мои книги. Больше ничего. Прежде всего словари. И мои платья. *(Пауза.)* Роже, я ничего не требую. *(Пауза.)* Когда мы вместе искали квартиру, ты хотел большую и старую, с высокими потолками, и я согласилась, да, в уверенности, что мы не просто какая-то супружеская пара. *(Пауза.)* Вечно ты заводишь разговор о нотариусе. *(Пауза.)* Роже, у меня только одна просьба: чтобы ты никогда не искал мой новый адрес. Ты это обещаешь? Я не хочу, чтобы ты пришел к моей двери и позвонил. *(Пауза.)* Роже, я замерзла. *(Пауза.)* Тебе хочется быть нужным для меня, это ты считаешь своей любовью. Когда у тебя хватает храбрости, я для тебя тайная обуза. Ты любишь меня, когда трусишь, а я здесь не для этого, Роже. *(Пауза.)* Что мне делать в Остине? *(Пауза.)* Иногда я ненавижу тебя, Роже, но никогда не забуду, что когда-то тебя очень любила.

Приходит Клошар, роется в урне для мусора и нечего не находит, замечает пару и, вероятно, ждет, что его угостят сигаретой.

Р о ж е. Продолжай.

Клошар ждет напрасно и удаляется.

Продолжай!

Ф р а н с и н а. Ты никогда никого не любил, ты на это не способен, Роже, и точно так же ты никогда никого не полюбишь. *(Пауза.)*

Р о ж е. Значит, так тому и быть.

Она встает и смотрит, как он не спеша сует руку в карман своего пиджака, словно ищет зажигалку, и не спеша взводит курок пистолета. Он делает это не как опытный стрелок, а как человек, которому объяснили, как это делается. Она наблюдает за тем, как он не спеша приставляет взведенный пистолет к виску, как будто бы он совершенно один. Звука выстрела не слышно, но внезапно становится темно, затем появляется дневной свет: скамейка пуста, снова слышен шум транспорта, теперь достаточно сильный, каждые пятьдесят секунд, тишина между переменой непродолжительна.

БИОГРАФИЯ: ИГРА

Новая редакция 1984

B i o g r a f i e : E i n S p i e l

N e n e F a s s u n g 1 9 8 4

© 1984 Suhrkamp Verlag

Frankfurt am Main

© Е. Михелевич, перевод

на русский язык, 2000

Я часто думаю: что, если бы начать жизнь снова, притом сознательно? Если бы одна жизнь, которая уже прожита, была, как говорится, начерно, другая — начисто! Тогда каждый из нас, я думаю, постарался бы прежде всего не повторять самого себя, по крайней мере создал бы для себя иную обстановку жизни, устроил бы себе такую квартиру с цветами, с массой света... У меня жена, двое девочек, притом жена дама нездоровая и так далее и так далее, ну, а если бы начинать жизнь сначала, то я не женился бы... Нет, нет!

Вершинин в «Трех сестрах» Антона Чехова

Действующие лица

Ханнес Кюрман
Антуанетта Штаин
Ведущий
Ассистентка
Ассистент

ЧАСТЬ I

Сцена.

В середине стоит мебель, которая при световом занавесе создает видимость гостиной: письменный стол, тахта, кресло, часы с боем, торшер. При обычном освещении виден голый задник сцены с инженерными коммуникациями. На авансцене, слева или справа, находится режиссерский столик с неоновой лампочкой, рядом два стула. При открытии занавеса — световой занавес. Антуанетта сидит в кресле и ждет, на ней темные очки. Кюрман стоит рядом с режиссерским столиком, то есть вне сцены. Ведущий тоже стоит, ассистентка сидит на стуле; перед ней на столе лежит досье

Кюрмана.

В е д у щ и й. Пепельницы на месте?

А н т у а н е т т а. Нет.

В е д у щ и й. Почему нет пепельниц?

Ассистент входит и приносит пепельницы.

А с с и с т е н т. Извините!

Ставит три пепельницы и уходит; в это время ассистентка листает досье. Затем она читает вслух.

А с с и с т е н т к а. «Когда гости ушли, она осталась сидеть в кресле. Что делать в два часа ночи с незнакомой дамой, которая не уходит и просто сидит и молчит. Этого могло бы и не быть...»

Неоновая лампочка гаснет.

К ю р м а н. Этого могло бы и не быть.

В е д у щ и й. Дайте мне ваш пиджак, господин Кюрман.

К ю р м а н. Пожалуйста.

Ведущий надевает пиджак Кюрмана. Гонг. Ведущий выходит на сцену в роли Кюрмана.

А н т у а н е т т а. Я тоже скоро уйду.

Молчание. Он стоит в нерешительности, потом начинает убирать со стола бутылки, бокалы и пепельницы; опять останавливается в нерешительности.

В е д у щ и й. Вам нехорошо?

А н т у а н е т т а. Наоборот. *(Достает сигарету.)* Только выкурю еще одну сигарету. *(Напрасно ожидает, что он поднесет ей зажженную спичку.)* Если я вам не помешаю. *(Сама зажигает сигарету и курит.)* Я получила большое удовольствие. Некоторые из ваших гостей показались мне славными, очень интересными... *(Молчание.)* У вас есть что-нибудь выпить?

Ведущий подходит к небольшому бару и наливает виски; движения его нарочито замедленны и подчеркивают хранимое им молчание: он всего лишь выполняет обязанности вежливого хозяина дома.

В е д у щ и й. Лед? *(Протягивает ей бокал.)*

А н т у а н е т т а. А вы?

В е д у щ и й. Мне надо завтра работать.

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь?

Часы бьют два раза.

В е д у щ и й. Уже два часа ночи.

А н т у а н е т т а. Вы еще кого-то ждете?

В е д у щ и й. Напротив.

А н т у а н е т т а. Вы устали.

В е д у щ и й. Едва держусь на ногах.

А н т у а н е т т а. Почему бы вам не присесть?

Ведущий продолжает стоять и молчит. Пауза.

Собственно, я хотела только еще раз услышать, как бьют ваши старинные часы. Обожаю такие часы: эти фигурки, которые при первом же ударе начинают делать одни и те же движения, крутится один и тот же валик... И все же каждый раз чего-то ждешь. Вы нет? *(Медленно допивает виски.)*

В е д у щ и й. Еще налить?

А н т у а н е т т а *(гасит сигарету)*. Теперь я пойду.

В е д у щ и й. Машина у вас есть?

А н т у а н е т т а. Нет.

В е д у щ и й. Может вас подвезти?

А н т у а н е т т а. Думается, вы устали.

В е д у щ и й. Отнюдь.

А н т у а н е т т а. Я тоже. *(Достает новую сигарету.)* Почему вы так на меня смотрите? У вас есть спички? Почему вы так на меня смотрите?

Ведущий подносит ей зажженную спичку, потом идет к бару и наливает себе виски; он стоит к ней спиной и держит бокал в руке, но не пьет.

В е д у щ и й. Вы что-то сказали?

А н т у а н е т т а. Нет.

В е д у щ и й. Я тоже.

Молчание. Она спокойно курит, Ведущий смотрит на нее, потом опускается в кресло и кладет ногу на ногу, всем своим видом показывая, что он ждет. Молчание.

Какого вы мнения о Витгенштейне?

А н т у а н е т т а. Почему вы о нем спрашиваете?

В е д у щ и й. Просто так. *(Отхлебывает глоток.)*

Не можем же мы сидеть и молчать, пока не рассветет и не начнут щебетать птицы. *(Еще глоток.)* Что вы скажете о деле Кролевского?

А н т у а н е т т а. Кто такой Кролевский?

В е д у щ и й. Профессор Кролевский, который был здесь сегодня вечером, профессор Владимир Кролевский. Как вы относитесь к марксизму-ленинизму? Я бы мог еще спросить, сколько вам лет.

А н т у а н е т т а. Двадцать девять.

В е д у щ и й. Чем вы занимаетесь, где живете...

А н т у а н е т т а. В настоящее время — в Париже.

В е д у щ и й. При этом у меня нет потребности это знать, откровенно говоря, ни малейшей. Я спрашиваю только для того, чтобы не молчать, чтобы не показаться невежливым. В два часа ночи. Вы заставляете меня проявить интерес, которого у меня нет. Откровенно говоря. И даже это, видите ли, я говорю лишь для того, чтобы что-то сказать. Сейчас два часа ночи. *(Еще глоток.)* Знаю я эти штуки.

А н т у а н е т т а. Какие штуки?

В е д у щ и й. Чем молчаливее держится дама, тем большую ответственность за возникающую скуку ощущает мужчина. И чем больше я при этом пью, тем меньше тем для беседы приходит мне в голову; а чем меньше тем, тем откровеннее я говорю, затрагиваю все более личные стороны жизни, — просто потому, что мы с дамой одни. В два часа ночи. *(Отхлебывает виски.)* Знаю я эти штуки! *(Опять отхлебывает.)* Причем вы меня вовсе и не слушаете, поверьте, вовсе не слушаете. Вы просто курите, молчите и только ждете, когда мне больше ничего не придет в голову — кроме того, так сказать, голого факта, что мы — мужчина и женщина...

А н т у а н е т т а *(гасит сигарету)*. Почему бы вам не вызвать мне такси?

В е д у щ и й. Как только вы об этом попросите.

Пауза.

А н т у а н е т т а. Я вас в самом деле слушаю.

В е д у щ и й (*встает*). Вы играете в шахматы?

А н т у а н е т т а. Нет.

В е д у щ и й. Значит, в эту ночь научитесь.

А н т у а н е т т а. Почему?

Ведущий выходит из комнаты.

Почему вы не вызываете мне такси?

Ведущий входит, неся шахматную доску.

В е д у щ и й. Вот это — пешки. Они ходят только вперед. Это конь. Это ладьи. Это слоны. Один белый, другой черный. Это королева. Она может все. Это король. (*Пауза, во время которой он расставляет фигуры.*) Я не устал, но мы с вами больше не скажем ни слова, пока не рассветет и птицы за окном не начнут щебетать.

Она берет сумочку и встает с кресла.

Вы можете здесь переночевать, но было бы лучше, если бы вы этого не сделали. Откровенно говоря, я бы это предпочел.

Она садится на тахту, чтобы подкрасить губы.

Ведущий сидит перед шахматной доской и набивает трубку;
потом бросает взгляд на доску.

Ваш ход.

А н т у а н е т т а. Мне тоже надо завтра работать.

В е д у щ и й. Вы играете белыми, поскольку вы — гостья. (*Зажигает трубку.*) Я не пьян. Вы тоже не пьяны. Мы оба знаем, чего не хотим. (*Ему приходится зажечь еще одну спичку.*) Я не влюблен. (*Зажигает третью спичку.*) Вы видите, я уже говорю с вами совершенно откровенно, а именно этого я делать не хотел. Причем даже не знаю, как вас зовут.

А н т у а н е т т а. Антуанетта.

В е д у щ и й. Сегодня мы впервые видим друг друга: разрешите мне не называть вас по имени.

А н т у а н е т т а. Моя фамилия Штайн.

В е д у щ и й. Фройляйн Штайн...

А н т у а н е т т а (*закрывает тюбик помады*). Я не буду играть в шахматы. (*Вынимает из сумочки пудреницу.*)

В е д у щ и й. Я объясню вам, как ходить. Начинаете королевской пешкой. Хорошо. Я отвечаю тем же. Теперь вы делаете ход конем.

Она пудрится.

Фройляйн Штайн, я вас уважаю.

А н т у а н е т т а. С чего бы?

В е д у щ и й. Этого я не знаю, но если мы сейчас не начнем играть в шахматы, то я знаю, что будет дальше: я буду вас обожать так, что все кругом будут диву даваться, буду вас холить и лелеять. Это я умею. Буду носить вас на руках, вы того заслуживаете. Буду думать, что не могу жить без Антуанетты Штайн. Вы станете моей судьбой. В течение семи лет. Буду носить вас на руках, пока нам не понадобятся два адвоката...

Она закрывает пудреницу.

Давайте играть в шахматы.

Она поднимается.

Что вы ищете?

А н т у а н е т т а. Мою накидку.

В е д у щ и й (*встает и подает ей накидку*). Мы оба будем благодарны друг другу, Антуанетта, семь лет подряд, если вы сейчас разрешите вызвать для вас такси.

А н т у а н е т т а. Я даже прошу об этом.

В е д у щ и й (*подходит к телефону и вызывает такси*). Сейчас подъедет.

А н т у а н е т т а. Спасибо.

В е д у щ и й. Благодарю вас.

Пауза. Они смотрят друг на друга.

Мы словно две кошки. Мяу. Вы должны сейчас зашипеть: Ф-ф-ф... А то шипеть придется мне: ф-ф-ф-ф...

Она, стоя, достает сигарету.

Мяу — мяу — мяу.

Она закуривает.

У вас это отлично выходит: когда вы курите и прикрываете веки, получаются глаза-щелки, вот как сейчас: превосходно!

А н т у а н е т т а. Ф-ф-ф-ф.

В е д у щ и й. Мяу.

А н т у а н е т т а. Мяу.

Оба: Мя-у-у.

Смются.

Антуанетта. Шутки в сторону.

Ведущий. Шутки в сторону.

Ведущий снимает с нее накидку.

Антуанетта. Что вы делаете?

В дверь звонят.

Такси приехало.

Ведущий. Шутки в сторону. (*Снимает с нее роговые очки.*)

Антуанетта. Погасите по крайней мере свет.

Кюрман выскакивает из-за режиссерского столика.

Кюрман. Стоп! Стоп...

Загорается неоновая лампочка.

Можно мне еще раз начать именно с этого места?

Ведущий. Пожалуйста.

Кюрман. Игра в кошки — вот в чем ошибка. Идиотская игра в кошки! И снимать с нее очки тоже не надо было.

Ведущий. Это вы хотели бы изменить?

Кюрман. Непременно.

Ведущий (*возвращает Антуанетте очки*). Пожалуйста. (*Отходит к режиссерскому столику.*) Господин Кюрман, с какого момента вы хотели бы начать?

Кюрман. Когда часы бьют два.

Загорается неоновая лампочка.

Ассистентка. «Собственно, я хотела только еще раз услышать, как бьют ваши старинные часы. Обожаю такие часы: эти фигурки, которые при первом же ударе начинают делать одни и те же движения...»

Ведущий (*снимает пиджак и передает его Кюрману, тот его надевает и выходит на сцену*). Пожалуйста.

Световой занавес. Антуанетта опять сидит в кресле, а Кюрман стоит там, где стоял ведущий, когда часы пробили два.

Кюрман. Мне надо завтра работать.

Антуанетта. Чем вы занимаетесь?

Кюрман. Уже два часа ночи.

В е д у щ и й (*хлопает ладонью по столу*). Почему нет боя часов!

А с с и с т е н т (*выходит на авансцену*). Сколько часов?

В е д у щ и й. Два.

А с с и с т е н т. Зачем еще раз два часа?

В е д у щ и й. Мы возвращаемся к тому моменту.

А с с и с т е н т. Извините. (*Уходит.*)

В е д у щ и й. И накидку!

Кюрман передает Антуанетте накидку.

Именно это и хочет изменить господин Кюрман: ему не следует снимать с вас накидку и жениться на вас.

А н т у а н е т т а. Извините.

В е д у щ и й. Ведь об этом и идет речь!

А н т у а н е т т а (*надевает накидку*). Понимаю...

В е д у щ и й. Господин Кюрман не хочет, чтобы вы остались...

А н т у а н е т т а. Понимаю...

К ю р м а н. Мне надо завтра работать.

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь?

Часы бьют два раза.

К ю р м а н. Уже два часа ночи.

А н т у а н е т т а. Вы еще кого-то ждете?

К ю р м а н. Напротив.

А н т у а н е т т а. Вы устали?

К ю р м а н. Едва держусь на ногах.

А н т у а н е т т а. Почему бы вам не присесть?

Пауза.

В е д у щ и й. Дальше!

А н т у а н е т т а (*вынимает пудреницу*). Я правильно поступила? Или мне следует достать сигарету? Если он хочет, чтобы я ушла, мне кажется, правильнее будет вынуть пудреницу...

В е д у щ и й. Пожалуйста.

А н т у а н е т т а (*пудрится*). Собственно, я хотела только еще раз услышать, как бьют ваши старинные часы. Обожаю такие часы: эти фигурки, которые при первом же ударе начинают делать одни и те же движения и крутится один и тот же валик. Ты это знаешь и тем не менее каждый раз чего-то ждешь.

К ю р м а н. Да-да.

А н т у а н е т т а. А вы — не ждете?

К ю р м а н (*подходит к часам и крутит ручку, переводя стрелки; слышится хриплый бой. Он крутит и крутит, пока валик не кончается*). Чем еще могу служить? (*Подходит к бару.*) К сожалению, виски больше нет.

А н т у а н е т т а. Это не имеет значения. (*Достает сигарету.*) Какого вы мнения о Виттгенштейне?

К ю р м а н (*наливает себе виски*). Мне надо завтра работать.

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь?

Кюрман пьет.

В е д у щ и й. Почему вы не отвечаете?

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь?

К ю р м а н. Этологией. (*Пьет.*)

В е д у щ и й. Дальше!

К ю р м а н. В восемь часов придет фрау Хубалек.

А н т у а н е т т а. Кто такая фрау Хубалек?

К ю р м а н. Моя экономка.

В е д у щ и й. Стоп!

Обычное освещение.

В е д у щ и й. Этого вы не можете сказать, господин Кюрман. В два часа ночи, оказавшись наедине с молодой дамой, вы сразу же думаете о том, что в восемь утра придет ваша экономка.

К ю р м а н. Давайте начнем еще раз.

В е д у щ и й. И еще: заявив, что виски больше нет, то есть солгав, вы тут же берете новую бутылку и наливаєте себе виски.

А н т у а н е т т а. Я этого даже не заметила.

К ю р м а н. Начнем еще раз!

В е д у щ и й. С самого начала?

К ю р м а н. Пожалуйста.

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

К ю р м а н. Почему это на ней вдруг нет очков?

В е д у щ и й. В этом отношении дама вольна поступать, как пожелает. Вы не вправе в это вмешиваться, господин Кюрман. Вы можете менять только собственное поведение. Пусть вас не смущает — есть очки или нет. И не держите все время в мыслях: «Знаю я эти штуки!» Вы входите в комнату, что-то насвистывая, вы — мужчина на вершине своей научной карьеры: только что получили профессиру...

К ю р м а н. Знаю.

В е д у щ и й. Вас пришли поздравить коллеги, была вечеринка, вы впервые видите свою будущую жену — ведите себя непринужденно.

К ю р м а н. Легко сказать.

В е д у щ и й. Непринужденно и раскованно.

Кюрман выходит из комнаты.

А н т у а н е т т а. Опять сначала?

В е д у щ и й. Если не возражаете.

Неоновая лампочка гаснет.

А н т у а н е т т а. Так надеть мне очки или нет?

Световой занавес. За дверью слышатся голоса, смех, потом тишина.

Вскоре в комнату входит Кюрман. Он что-то насвистывает себе под нос и вдруг видит молодую даму, сидящую в кресле.

А н т у а н е т т а. Я тоже скоро уйду.

К ю р м а н. Вам нехорошо?

А н т у а н е т т а. Наоборот. *(Достает сигарету.)* Только выкурю одну сигарету. *(Напрасно ожидает, что он поднесет ей зажженную спичку, потом закуривает сама.)* Если я вам не помешаю. *(Курит как бы в раздумье.)* Я получила большое удовольствие. Некоторые из ваших гостей показались мне славными, очень интересными...

Кюрман молчит.

В е д у щ и й. Дальше!

Кюрман подходит к бару и наливает виски.

Не думайте в эту минуту о фрау Хубалек.

Кюрман подает ей виски.

А н т у а н е т т а. А себе?

К ю р м а н. Мне надо завтра работать.

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь?

Пауза.

В е д у щ и й. Вот вы и опять молчите.

А н т у а н е т т а *(надевает роговые очки)*. Почему вы так на меня смотрите?

В е д у щ и й. Чем дольше вы молчите, тем двусмысленнее становится ваше молчание. Разве вы этого не чувствуете? Тем более интимным неизбежно станет ваш разговор потом.

А н т у а н е т т а. Почему вы так на меня смотрите?

Часы бьют два раза.

К ю р м а н. Уже два часа ночи.

А н т у а н е т т а. Я сейчас пойду.

К ю р м а н. Машина у вас есть?

А н т у а н е т т а. Да. *(Она спокойно курит.)*

К ю р м а н. Раньше она ответила «нет», — мол, у нее нет машины, а теперь говорит «да»: чтобы я не мог звывать такси. Я никак не могу выставить ее из квартиры.

В е д у щ и й *(выходит на сцену)*. Разрешите указать вам на ошибку, которую вы делаете, причем с самого начала. Едва увидев молодую незнакомую женщину, в одиночестве сидящую в этой комнате, вы вспоминаете историю, которая с вами однажды уже случилась. Верно? Поэтому вы так испуганы, не находите, что сказать...

К ю р м а н. Я хочу, чтобы она ушла.

В е д у щ и й. Чтобы она не стала вашей женой.

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Вот видите: вы ведете себя не сообразно настоящему, а сообразно тому, что было в прошлом. В этом все дело. Благодаря прежнему опыту вам кажется, что вы уже знаете, что вас ждет в будущем. Поэтому каждый раз происходит одно и то же.

К ю р м а н. Почему она не уходит?

В е д у щ и й. Не может.

К ю р м а н. Как это — не может?

В е д у щ и й. Если она сейчас возьмет свою сумочку и встанет с кресла, это будет означать, что она догадалась, о чем вы думаете, а это ей неприятно. Почему вы не говорите о своей научной работе? На общепринятом языке. С чего вы взяли, что молодая дама хочет именно того, чего вы не хотите? Двусмысленность ситуации исходит от вас.

К ю р м а н. Гм.

В е д у щ и й. Вы считаете: что знаете женщин, потому что каждый раз с любой женщиной совершаете одну и ту же ошибку.

К ю р м а н. Дальше!

В е д у щ и й. Это по вашей вине она не уходит. *(Возвращается к столу.)* Итак...

Часы бьют два раза.

К ю р м а н. Уже два часа ночи.

А н т у а н е т т а (*гасит сигарету*). Вы еще кого-то ждете?

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Хорошо!

К ю р м а н. Но не женщину.

В е д у щ и й. Очень хорошо!

К ю р м а н. Я жду одного юношу.

Она берет в руки сумочку.

Я жду одного юношу.

В е д у щ и й. Но не повторяйте это дважды, как будто вы и сами не верите тому, что говорите. И не называйте его «юношей». Так выражаются непосвященные. Скажите: я жду студента, который хорошо играет в шахматы. Молодой и высокоодаренный человек. Вундеркинд, которого вы опекаете. Просто рассказывайте о его гениальности. Этого достаточно.

К ю р м а н. Кажется, в дверь стучат?

А н т у а н е т т а. Я ничего не слышала.

К ю р м а н. Надеюсь, с ним ничего не стряслось.

В е д у щ и й. Хорошо.

К ю р м а н. Каждую ночь я так боюсь...

А н т у а н е т т а (*мнет пустую пачку из-под сигарет*). У меня не осталось ни одной сигареты!

К ю р м а н (*зажигает трубку*). Этот студент... Такой одаренный... К сожалению, он болезненно ревнив: если он придет и застанет у меня даму в два часа ночи, он в состоянии выстрелить.

В е д у щ и й. Не перегибайте палку.

К ю р м а н. Он сицилианец... Но блондин, знаете ли, блондин с голубыми глазами... Это идет от норманнов... А рот у него, наоборот, греческой формы... Кстати, он — музыкальный вундеркинд... И вообще — правнук Пиранделло.

В е д у щ и й. А теперь вы говорите много лишнего.

А н т у а н е т т а. Надеюсь, с ним ничего не стряслось.

Кюрман лихорадочно дымит трубкой.

Вы не хотите позвонить?

К ю р м а н. Куда?

А н т у а н е т т а. Нет ли у вас сигареты?

К ю р м а н. Возьмите мою трубку. (*Обтирает рукой мундштук и протягивает ее Антуанетте.*)

А н т у а н е т т а. А как же вы?

К ю р м а н. Это легкий табак — «Early Morning Pipe».

Она пытается курить трубку.

Фройляйн Штайн, то, что я вам рассказал, останется между нами. Вы понимаете, в университете ничего об этом не знают.

Она закашливается.

Дым следует вдыхать медленно и равномерно. (*Берет у нее трубку и показывает, как ее надо курить.*) Вот так. Видите? Очень просто. (*Обтирает рукой мундштук и возвращает трубку Антуанетте.*) Медленно и равномерно.

А н т у а н е т т а (*курит, вдыхая дым медленно и равномерно*). А думать вы при этом можете?

К ю р м а н. Трубка не должна слишком нагреваться.

А н т у а н е т т а (*вдыхает дым медленно и равномерно*). Все мои друзья, — я имею в виду настоящих друзей, — живут так, как вы. (*Выдыхает клубы дыма.*) Почти все. (*Клубы дыма.*) В сущности все. (*Клубы дыма.*) Другие мужчины, знаете ли, просто ужасны; раньше или позже они — почти всегда — перестают понимать женщину.

К ю р м а н. Разве это правда?

А н т у а н е т т а. Ну конечно. (*Закашливается.*)

К ю р м а н. Медленно и равномерно.

А н т у а н е т т а (*курит медленно и равномерно*). Если бы у меня не было, например, Клода-Филиппа!

К ю р м а н. Кто такой Клод-Филипп?

А н т у а н е т т а. Мой друг в Париже. Мы живем вместе. Он настоящий друг. Я могу делать, что хочу. Могу приходить и уходить, когда хочу, он всегда относится с пониманием.

К ю р м а н. А вообще чем он занимается?

А н т у а н е т т а. Он танцовщик.

К ю р м а н. А-а.

А н т у а н е т т а. Все другие мужчины, — почти все, — ужасно скучные, даже интеллектуалы. Только останешься с ними наедине, они становятся ручными или же страшно нервничают. И вдруг им больше ничего не приходит в голову — кроме того, что я молодая женщина. Стоит им спросить, чем я занимаюсь, а мне —

начать рассказывать о своей работе, как они смотрят только на мои губы. Это ужасно. Стоит оказаться с ними наедине в два часа ночи, как они уже думают Бог знает что, — вы не можете себе представить! — и при этом сами этого боятся. В первую очередь интеллектуалы. (*Сосет трубку.*) Ну вот, теперь опять погасла.

Кюрман берет у нее трубку, чтобы зажечь.

Я рада, что встретила вас. Знаете, даже очень рада.

К ю р м а н. Почему?

А н т у а н е т т а. У меня нет братьев. (*Встает.*)

К ю р м а н. Вы хотите уже уйти?

А н т у а н е т т а. Мне тоже завтра работать.

К ю р м а н. Чем вы занимаетесь?

А н т у а н е т т а. Переводами. Ведь я родом из Эльзаса. Клод-Филипп очень мне помогает; он не знает немецкого, но так тонко чувствует язык — невероятно... (*Пауза.*) Надеюсь, с ним в самом деле ничего не стряслось.

К ю р м а н (*помогает ей надеть накидку*). Если я смогу быть вам чем-то полезен...

А н т у а н е т т а. Вы очень любезны.

Кюрман берет ее руку в свои.

В е д у щ и й. Стоп! Зачем вы берете ее руку? Вместо того, чтобы стоять перед ней, как брат, руки в карманах. Пускай вы тоже тонко чувствуете язык и все такое, но руки держите в карманах, как брат, беседующий с сестрой.

Кюрман пытается принять такую позу.

Но свободнее! (*Выходит на сцену, опять снимает с Антуанетты накидку, встает на место Кюрмана, чтобы показать, как это сделать.*) Как звучит последняя реплика?

А н т у а н е т т а. У меня нет братьев.

В е д у щ и й. А вы что сказали ей после этого?

К ю р м а н. Это была не последняя ее реплика.

А с с и с т е н т к а. «Все мои друзья, — я имею в виду настоящих друзей, друзей на всю жизнь, — гомики. Почти все. В сущности — все».

В е д у щ и й. И что вы ей на это сказали?

К ю р м а н. Она этого не говорила.

А н т у а н е т т а. Я сказала: если бы у меня не было Клода-Филиппа.

К ю р м а н. Это она говорила, но раньше — мол, в Париже у нее есть настоящий друг, танцовщик. После этого я не могу ей сказать: «Если смогу быть вам чем-то полезен».

В е д у щ и й. Какая у него была последняя реплика?

А с с и с т е н т к а. Если смогу быть вам чем-то полезен.

В е д у щ и й. А вы ему на это?

А н т у а н е т т а. Вы очень любезны.

Ведущий подаст ей накидку.

К ю р м а н. Извините, по тут что-то не вяжется. Если я только сейчас подаю ей накидку, как же мне теперь, когда она так мило держится, сунуть руки в карманы? Попробуйте-ка сами.

В е д у щ и й (*берет в руки накидку*). Итак, прошу...

А н т у а н е т т а. Я рада, что встретила вас. Знаете, даже очень рада.

В е д у щ и й. Дальше.

А н т у а н е т т а. У меня нет братьев.

В е д у щ и й. Это мы уже слышали.

К ю р м а н. Чем вы занимаетесь?

А н т у а н е т т а. Переводами.

В е д у щ и й. Нет...

А н т у а н е т т а. Ведь я родом из Эльзаса.

В е д у щ и й. ...Ваша последняя реплика до накидки!

А с с и с т е н т к а. Клод-Филипп не знает немецкого, но у него есть чувство языка.

В е д у щ и й. А вы что на это говорите?

К ю р м а н. Ничего. Просто удивляюсь, как это французы, не знающие немецкого, могут иметь чувство языка. Пауза! Признаю, что теперь я мог бы спросить: а что вы переводите?

А н т у а н е т т а. Адорно.

В е д у щ и й. Этого не было.

А н т у а н е т т а. Потому что он не спросил.

К ю р м а н. А не спросил потому, что хочу, чтобы она ушла. Я задаюсь вопросом: почему она не осталась в Париже? Правда, это меня не касается. Пауза! А поскольку я молчу, она полагает, будто я думаю о своем юноше.

А н т у а н е т т а. Надеюсь, с ним в самом деле ничего не стряслось.

В е д у щ и й. Дальше!

К ю р м а н. Вы хотите уже уйти?

А н т у а н е т т а. Мне тоже надо завтра работать.

К ю р м а н. Чем вы занимаетесь?

А н т у а н е т т а. Переводами.

В е д у щ и й. Ну, сколько можно!

А н т у а н е т т а. Я родом из Эльзаса.

В е д у щ и й (*опускает руки с накидкой*). ...Я прошу повторить последнюю реплику перед тем, как Кюрман подает ей накидку и берет ее руки в свои, чего ему делать не следует.

К ю р м а н. Почему не следует?

В е д у щ и й. Потому что рукопожатие выдает вас с головой.

А н т у а н е т т а. Все другие мужчины, знаете ли, просто ужасны, раньше или позже они — почти всегда! — перестают понимать женщину.

К ю р м а н. Разве это правда?

А н т у а н е т т а. Ну конечно.

В е д у щ и й (*подает ей накидку*). Если смогу быть вам чем-то полезен.

А н т у а н е т т а. Вы очень любезны.

В е д у щ и й (*засовывает руки в карманы, потом выходит из роли*). Поняли? Как брат с сестрой. Даже если она теперь, — что весьма возможно, — поцелует вас, не забывайте: вы ждете молодого сицилианца. В противном случае она не стала бы вас целовать. Она рада, что вы — не заурядный мужчина, господин Кюрман, даже наедине с женщиной.

К ю р м а н. Понял.

В е д у щ и й. Подайте ей еще раз накидку.

Кюрман забирает у Антуанетты накидку.

В е д у щ и й. Итак...

А н т у а н е т т а (*достает сигарету*). Оказывается, еще есть сигареты!

Кюрман подносит ей зажженную спичку.

Почему я не остаюсь жить в Париже? Мне хочется открыть небольшое издательство, мое собственное, где я смогу делать, что захочу. Поэтому я здесь. А если с издательством ничего не выйдет, придумаю что-нибудь еще. (*Курит.*) Какое-нибудь свое дело. (*Курит.*) Охотнее всего я завела бы маленький художественный салон.

В е д у щ и й. Слышите?

К ю р м а н. Почему она никогда мне об этом не говорила?

В е д у щ и й. Она хочет иметь свою жизнь, ей не нужен мужчина, который считает, что она не может жить без него и который покупает револьвер, убедившись в один прекрасный день, что она может жить без него.

А н т у а н е т т а. Если хотите знать: сюда меня привез на машине молодой человек, намного моложе Кюрмана, архитектор, который хотел уехать со мной в Бразилию. (*Смеется.*) Что мне делать в Бразилии. (*Курит.*) Потому я и сижу здесь так долго: боюсь, что он ждет меня внизу.

К ю р м а н. Откуда я мог об этом знать?

А н т у а н е т т а. Потому я и хотела вызвать такси: на случай: если он стоит возле моей машины и ждет. (*Курит.*) А я не хочу никаких сцен. (*Гасит сигарету.*) Можно мне теперь получить мою накидку?

Кюрман стоит, не двигаясь.

В е д у щ и й. О чем вы думаете?

К ю р м а н. Об Адорно.

В е д у щ и й. Опоздали. Теперь вы знаете, о чем могли бы побеседовать с молодой дамой: о Гегеле, о Шёнберге, о Кьеркегоре, о Беккете.

А н т у а н е т т а. Адорно...

В е д у щ и й. Почему вы не подаете ей накидку?

К ю р м а н (*подает*). Если смогу быть вам здесь чем-то полезен.

А с с и с т е н т к а. Вы очень любезны.

К ю р м а н (*засовывает руки в карманы*). Какой марки у вас машина?

В е д у щ и й. Хорошо!

К ю р м а н. Не забудьте сумочку.

В е д у щ и й. Если вы теперь не допустите новых ошибок, — например, в лифте, — вы достигнете своей цели: биография без Антуанетты.

К ю р м а н (*выключает верхний свет в комнате*). Я провожу вас до машины.

Она садится.

Почему вы так поблудтели?

В е д у щ и й. От вашей трубки.

Она лежит в кресле, глаза закрыты, сумочка упала на пол.

К ю р м а н. Я ей не верю.

В е д у щ и й (*выходит на сцену, чтобы пощупать у Антуанетты пульс. Кюрман в это время стоит в стороне и набивает трубку*). У нее и впрямь небольшой спазм. Все ваш хваленый табак! И не повторяйте без конца: «Знаю я эти штуки!» Лоб у нее холодный как лед.

Кюрман закуривает трубку.

Разве сейчас уместно здесь курить? Вместо того, чтобы открыть окно. Вы ведете себя безобразно, как дикарь. И знаете это.

К ю р м а н. Лучше теперь, чем через семь лет.

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

Она поднимается.

Она не сможет вести машину.

А н т у а н е т т а. Мне пужно добраться домой...

В е д у щ и й. Вы что, сами не видите?

А н т у а н е т т а. ...и поскорее лечь в постель...

В е д у щ и й. Вы ставите на карту жизнь человека.

Она сбрасывает с себя накидку.

Не изволите ли принести стакан холодной воды, раз вашей гостье дурно? Хотя бы стакан холодной воды?

Кюрман выходит из комнаты.

А н т у а н е т т а. ...Извините... (*Она расстегивает вечернее платье и ложится на тахту, чтобы не потерять сознание. Когда Кюрман возвращается со стаканом воды, она лежит на тахте.*) ...Извините...

К ю р м а н. Выпейте воды.

А н т у а н е т т а. Никогда со мной такого не было — вдруг все закружилось и поплыло перед глазами...

К ю р м а н. Вызвать врача?

А н т у а н е т т а.... Не смотрите на меня... (*Пауза.*) Мне так стыдно.

В е д у щ и й. Она простудится.

К ю р м а н. Знаю я эти штуки.

В е д у щ и й. Не хотите ли принести ей плед?

К ю р м а н. ...Принести плед, потом вынуть из кармана платок и вытереть ей лоб, виски, веки. Я уже бывал в роли милосердного самаритянина. Варю кофе, бодрствую и молчу, молчу и бодрствую, снимаю с ее ног туфли, чтобы ей было удобнее лежать, и в конце концов слышу: «Выключите по крайней мере свет!» (*Пауза.*)

Не надо стыдиться, Антуанетта, с кем не бывает, Антуанетта, не надо стыдиться. (*Снимает с ее ног туфли.*)

А н т у а н е т т а. Что вы делаете?

К ю р м а н....Чтобы вам было удобнее лежать. (*Ставит туфли на ковер.*)

А н т у а н е т т а. Выключите по крайней мере свет!

Темно.

К ю р м а н. Стоп! Кто выключил свет! Стоп!

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. Не хотите продолжать?

К ю р м а н. Нет!

В е д у щ и й. Почему вы на меня кричите? Разве это я дал ей трубку? Господин профессор, вы заявили: если бы вы могли начать жизнь сначала, вы бы точно знали, что именно в ней следует изменить...

К ю р м а н. Разумеется!

В е д у щ и й. К примеру, с Антуанеттой.

К ю р м а н. Не хочу, чтобы она здесь оставалась!

В е д у щ и й. Это мы уже знаем.

К ю р м а н. Не хочу, чтобы Антуанетта стала моей женой.

В е д у щ и й. Зачем же даете ей курить вашу трубку?

Кюрман стоит и молчит.

А н т у а н е т т а. Где же теперь мои туфли?

Кюрман протягивает ей туфли.

Он совершенно прав: этого могло бы и не быть. В тот вечер и я вовсе не была в него влюблена.

К ю р м а н. Зачем же тогда осталась?

А н т у а н е т т а. ...Да и на следующее утро тоже. (*Приводит в порядок платье.*) Нашего брака могло бы и не быть.

В е д у щ и й (*включает неоновую лампочку*). С чего, господин Кюрман, вы хотели бы еще раз начать, чтобы изменить свою биографию?

К ю р м а н. Раньше!

В е д у щ и й. Когда?

К ю р м а н. До этой ночи!

В е д у щ и й (*листает досье*). До этой ночи...

К ю р м а н (*тоже заглядывает в досье*). До того, как я стал профессором, до того, как явилась эта компа-

ния, чтобы меня поздравить, и до того, как я впервые увидел Антуанетту Штайн.

А н т у а н е т т а *(берет свою накидку)*. Всего доброго, Ханнес! *(Уходит со сцены.)*

К ю р м а н. Совершенно лишний эпизод.

В е д у щ и й. Выберите другой!

К ю р м а н. Она вовсе не была в меня влюблена...

В е д у щ и й. Это мы уже слышали.

К ю р м а н. И даже на следующее утро! *(Достает из бара бутылку виски.)* А я был влюблен. *(Наполняет бокал.)*

В е д у щ и й. Господин Кюрман, вам разрешается еще раз начать свою жизнь с любого момента и еще раз выбрать...

Кюрман выпивает бокал до дна.

Вы слишком много пьете.

К ю р м а н. С тех пор, как женился на ней.

В е д у щ и й. Вам сорок девять лет...

К ю р м а н. Скоро пятьдесят.

В е д у щ и й. И ваша биография, господин профессор, выглядит совсем неплохо. В общем и целом. Как ученого вас уважают. «Рефлекс Кюрмана» — понятие, без которого этология уже вряд ли вообще мыслима. На вас без конца ссылаются в научных трудах. В сущности, вам не хватает лишь приглашения в Америку.

К ю р м а н. Биография! *(Тупо смотрит в пустой бокал.)* Я отказываюсь верить, что наша биография — моя или ее, вообще любая — не могла бы сложиться иначе. Совершенно иначе. Нужно лишь один-единственный раз повести себя по-другому, — и я не стану профессором, а попаду, например, за решетку на три года, потом эмигрирую, например, в Канаду или Австралию. И у меня будет биография без Антуанетты Штайн.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

К ю р м а н. ...Не говоря уже о роли случая! *(Пауза. Подходит к письменному столу.)*

В е д у щ и й. Что вы хотите этим сказать?

К ю р м а н. Биография!!! *(Ударом ноги опрокидывает кресло.)* Не могу больше видеть это кресло!

В е д у щ и й. Хотите вернуться в годы полового созревания? *(Обращается к Ассистентке.)* Когда господин Кюрман защитил докторскую диссертацию?

А с с и с т е н т к а. Когда защитил?

В е д у щ и й. Ну, когда он стал профессором?

Ассистентка листает досье.

К ю р м а н. Единственный раз в жизни — как сейчас помню — мне было семнадцать, я ехал на велосипеде... Надвигалась гроза. Но дождь так и не пролился, только заполыхали вдали зарницы, пыль взвилась столбом, да запахло бузиной и смолой... Единственный раз в жизни на меня снизошло озарение. И длилось с четверть часа. Это было истинное озарение, я знаю. Я что-то понял тогда. Но — что? Я не могу этого восстановить, слишком глуп. Слишком глуп! Это и есть мое единственное желание: если мне позволено начать все сначала, то пусть у меня будет другой интеллект!

В е д у щ и й. Вы искажаете наши правила игры: вам позволено еще раз выбрать жизненный путь, но с тем интеллектом, какой у вас есть. Он — данность. Вы можете использовать его, как хотите: для предотвращения ошибок или для оправдания задним числом уже сделанных. Как вам будет угодно. Можете его специализировать в какой-то узкой области — например, в своей науке. Или же в политике. А можете и загубить, посвятив себя религии или утопив в алкоголе. Как пожелаете. Но вы не можете изменить его диапазон или — скажем так — потенцию вашего интеллекта, его уровень. Понимаете? Это — данность.

Входит Антуанетта в пальто.

К ю р м а н. Чего ей еще надо?

А н т у а н е т т а. Моя сумочка.

К ю р м а н. Что это значит?

А н т у а н е т т а. Я забыла свою сумочку.

К ю р м а н. Я сказал четко и ясно: мы начинаем раньше, чем моя жена впервые появилась в этой квартире! Значит, она не могла забыть здесь свою сумочку.

Антуанетта ищет сумочку.

Ты что, не поняла?

А н т у а н е т т а *(берет сумочку, лежавшую на тахте)*. Нашла! *(Уходит.)*

В е д у щ и й. Итак, господин Кюрман...

К ю р м а н *(набивает трубку)*. Когда я въехал в эту квартиру?

В е д у щ и й. Еще холостяком.

К ю р м а н. Не хочу въезжать в эту квартиру!
(Зажигает трубку и курит.)

В е д у щ и й. Когда господин Кюрман въехал в эту квартиру?

Ассистентка листает досье.

К ю р м а н. Начнем раньше...

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

К ю р м а н. До того, как я сюда въехал.

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

К ю р м а н. Не хочу больше видеть эту мебель!

Ведущий берет в руки досье.

А с с и с т е н т. Убрать мебель?

В е д у щ и й. Пожалуйста.

А с с и с т е н т. Легко сказать.

В е д у щ и й. Господин Кюрман не хочет ее видеть...

Кюрман стоя курит трубку,

Ведущий листает досье, ассистент в это время
вносит белые полотнища и с помощью Ассистентки
накрывает ими всю мебель.

А с с и с т е н т. Пожалуйста!

К ю р м а н (оглядывает изменившуюся комнату).
Словно зима...

В е д у щ и й (тычет пальцем в досье). Не желаете
ли вернуться в школьные годы?

Остается только обычное освещение, неоновая лампочка
на режиссерском столике выключена, зато загорается
еще один софит: в белый круг его света входит

Ассистент в засыпанной снегом шапке из волчьего меха.

Он изображает десятилетнего мальчишку,
лепящего снежок.

А с с и с т е н т.

А Кюрманчику

В меня не попасть!

Я Кюрманчику

Залеплю в пасть!

В е д у щ и й. Вы помните этого мальчишку? Его
зовут Сопля.

К ю р м а н. Его фамилия не Сопля...

В е д у щ и й. Правильно. Его фамилия Соплянер, но
вы прозвали его Сопля — за то, что он не пользуется
носовым платком.

А с с и с т е н т.
К ю р м а н ч и к, К ю р м а н ч и к,
Л ю б и м ч и к, п а й-м а л ь ч и к!
К ю р м а н. К о н ч а й.

А с с и с т е н т.
А К ю р м а н ч и к у
В м е н я н е п о п а с ь т ь!

В е д у щ и й. В а с д р а з н я т з а т о, ч т о в ы в с п о р т з а л е
з а я в и л и: к о г д а в ы р а с т е т е, с т а н е т е п р о ф е с с о р о м, п а с т о я -
щ и м п р о ф е с с о р о м...

А с с и с т е н т. Л ю б и м ч и к, п а й-м а л ь ч и к!
В е д у щ и й. П о м н и т е, ч т о п о т о м п р о и з о ш л о?
К ю р м а н. Д а.

А с с и с т е н т.
Л ю б и м ч и к, п а й-м а л ь ч и к!
К ю р м а н ч и к — п а й-м а л ь ч и к!
К ю р м а н. П р е к р а т и!

А с с и с т е н т.
А К ю р м а н ч и к у
В м е н я н е п о п а с ь т ь!
(Б р о с а е т с н е ж о к.)

А н т у а н е т т а в ы х о д и т н а а в а н с ц е н у.

А н т у а н е т т а. Х а н н е с, ч т о т ы т о г д а н а т в о р и л?
З а г о р а е т с я н е о н о в а я л а м п о ч к а.

В е д у щ и й. В ы б р о с а л и с ь с н е ж к а м и и в ы б и л и
м а л ь ч и ш к е г л а з. В а с м у ч а е т с о в е с ь т ь?

А н т у а н е т т а. Т ы н и к о г д а м н е о б э т о м н е р а с -
с к а з ы в а л.

В е д у щ и й. К о г д а э т о с л у ч и л о с ь?
А с с и с т е н т (л и с т а е т д о с ь е).

Н е п о п а с ь т ь, н е п о п а с ь т ь,
З а л е п л ю п р я м о в п а с ь т ь!

В е д у щ и й. Х в а т и т.

А с с и с т е н т к а (т ы ч е т п а л ь ц е м в д о с ь е). С о р о к
л е т н а з а д.

Н е о н о в а я л а м п о ч к а г а с н е т.

В е д у щ и й. Х о т и т е н а ч а т ь с н о в а с э т о г о д н я?
К ю р м а н (д у м а е т). Э т о з н а ч и л о б ы...

В е д у щ и й. С н о в а ш к о л а, с н о в а э к з а м е н ы н а а т т е -
с т а т з р е л о с т и.

К ю р м а н. С н о в а п о л о в о е с о з р е в а н и е.

В е д у щ и й. И это тоже.

К ю р м а н. Все это — еще раз? (*Подходит к режиссерскому столу.*) Можно мне посмотреть мое досье?

В е д у щ и й. Пожалуйста.

Ассистент откашливается.

Минуточку. Господин Кюрман еще не знает, хочет ли он повторить все это только ради того, чтобы спасти Сопле левый глаз...

К ю р м а н (*листает досье*). Когда была эта история с Элен?

А с с и с т е н т к а. Вы имеете в виду мулатку?

К ю р м а н. Когда это было?

А с с и с т е н т к а. Раньше.

А с с и с т е н т. Это было в Америке.

К ю р м а н. Знаю.

А с с и с т е н т к а. Вы имеете в виду семестр в Беркли?

К ю р м а н. Я был студентом. Почему я вернулся в Европу? (*Смотрит на Ведущего.*) Почему я не остался в Калифорнии?

В е д у щ и й (*берет в руки досье*). Вы были влюблены. Это верно. И хотели остаться с Элен.

А с с и с т е н т к а. Ханнес, what's the matter with you?¹

В е д у щ и й. Она была мулатка. У нее вы учились заниматься любовью. Целый семестр.

А с с и с т е н т к а. You are going to leave me?²

В е д у щ и й. Вы не хотели расставаться с девушкой, это верно. Но все же улетели в Европу, потому что ваша матушка была при смерти.

К ю р м а н. Элен!

В е д у щ и й. Желаете пачать с этого места?

К ю р м а н. Элен!

В е д у щ и й. Вы колеблетесь... (*Пауза.*) Тогда, господин Кюрман, вы решили покинуть Элен, чтобы увидеться с умирающей матерью.

К ю р м а н. My mother is dying, I have to go.³

В е д у щ и й. Что сказала на это Элен?

А с с и с т е н т к а. You are a liar⁴, Ханнес.

¹ Что с тобой? (*англ.*)

² Ты собираешься меня покинуть? (*англ.*)

³ Моя мать умирает, я должен ехать (*англ.*).

⁴ Ты лгун (*англ.*).

В е д у щ и й. Что она еще сказала?

А с с и с т е н т к а. Son of bitch!¹

В е д у щ и й. А что сказала ваша умирающая матушка?

К ю р м а н. Чтобы я всегда носил теплые носки, не пил спиртного, женился и всегда надевал теплые носки...

А с с и с т е н т к а. (*Выходит из светового круга.*)
Son of bitch!

В е д у щ и й. Ваш отец был булочник.

К ю р м а н. Знаю.

В е д у щ и й. Хотите еще раз увидеть своего отца?

Включается еще один софит: в тусклый круг света от него входит
Ассистент в скособоченной шляпе, ведя за руль велосипед.

Ваш отец был пьяница.

К ю р м а н. Знаю.

В е д у щ и й. В день вашего семнадцатилетия отец пришел домой с новеньким сверкающим велосипедом. У велосипеда блестело все — и спицы, и руль, и фонарь; у него было четыре передачи и звоночек.

Ассистент звонит в звоночек.

Английский велосипед.

Ассистент опять звонит.

Вы помните этот звоночек?

Ассистент звонит.

Исполнились все ваши желания. Так записано в досье. Вероятно, он купил его в долг. Такого в вашей жизни больше пикогда не было: исполнения всех желаний.

К ю р м а н. Не было.

В е д у щ и й. Хотите еще раз получить в подарок велосипед?

А с с и с т е н т. Ханнес...

В е д у щ и й. Отец вас и впрямь любит!

А с с и с т е н т. Почему господин Кюрман отворачивается?

В е д у щ и й. Потому что тогда ему вновь было бы семнадцать...

К ю р м а н (*оглядывается*). Где же Элен?

В е д у щ и й. Господин Кюрман, если вы хотите еще раз получить в подарок английский велосипед — как

¹ Сукин сын! (*англ.*)

исполнение всех желаний, — то вам всего семнадцать лет и никакой Элен еще и в помине нет...

А с с и с т е н т. А я? *(Звонит в звоночек.)*

В е д у щ и й. Хотите отсюда начать все сначала?

Ассистент звонит.

Господин Кюрман должен подумать.

Ассистент сердито ворчит что-то себе под нос.

К ю р м а н. Я не могу изменить того факта, что он был пьяница. Добродушный и безнадежный пьяница. Что мне было делать? Как я мог помешать ему свалиться с лестницы в ту ночь или в любую другую? А утром в пекарне нашли не свежие булочки, а его труп.

А с с и с т е н т. Что он говорит?

К ю р м а н. Спасибо за велосипед.

В е д у щ и й *(листает досье)*. Значит, остается.

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Игра в снежки — тоже.

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Значит, мальчишка останется без глаза...

Кюрман садится на покрытую белым полотнищем тахту,

Ведущий стоя листает досье.

А с с и с т е н т. Тахты, господин Кюрман, как бы нет.

К ю р м а н. Да знаю я!

А с с и с т е н т. Зачем же вы на нее садитесь...

Слышится колокольный звон.

К ю р м а н. По какому случаю звонят колокола?

В е д у щ и й. Может быть, вы захотите именно здесь сделать иной выбор.

Кюрман, сидевший на тахте, спрятав лицо в ладони, при звуках колокола медленно поднимает голову и видит Ассистентку в роли невесты: фата, букет цветов, счастливая улыбка.

Гутгенбюль, Бригитта, двадцать один год, блондинка с веснушками, единственная дочь местного аптекаря, — вы помните? Согласно досье вы уже в день церковной помолвки знаете, что этот брак — ошибка.

Кюрман встает.

А с с и с т е н т к а. Ханнес!..

Колокольный звон затихает.

В е д у щ и й. Ну так как? Хотите именно здесь сделать иной выбор?

Кюрман пытается набить трубку.

А с с и с т е н т к а. Почему ты молчишь?

К ю р м а н. Еще бы мне не помнить.

В е д у щ и й. Вероятно, Бригитта тоже знает, что этот брак — ошибка, и только ждет, что вы это скажете. Вы, как мужчина! Прежде, чем увидите ее в гробу. Почему вы этого не говорите? Она, возможно, зарыдает, у нее подкосятся ноги. Для нее это, конечно, удар, если вы откажетесь от нее перед помолвкой.

Раздаются звуки органа.

Господин Кюрман, мы ждем...

Орган умолкает.

Господин Кюрман, у вас опять есть возможность выбора. *(Ассистент выходит на сцену в роли священника.)* Господин Кюрман, мы готовы.

Орган вновь звучит.

К ю р м а н. Да-да: я слышу звуки органа.

В е д у щ и й. Бригитта любит вас.

К ю р м а н. Так ей кажется, о да!

В е д у щ и й. Она счастлива.

К ю р м а н. И ей этого вполне достаточно, о да. *(Сует трубку в рот, но спохватывается, что у него нет спичек, вынимает трубку изо рта и кладет ее в карман.)*

В е д у щ и й. Что вы хотите сказать?

К ю р м а н. Ничего.

В е д у щ и й. Почему вы на ней женились?

К ю р м а н. Чтобы забыть Элен.

В е д у щ и й. Но это не удалось?

К ю р м а н. Я воспользовался ею, чтобы забыть Элен, а она воспользовалась мной, чтобы иметь ребенка; вот и вся правда.

Орган умолкает.

В е д у щ и й. Почему вы не говорите этого девушке?

Кюрман отрицательно качает головой.

А с с и с т е н т к а. Ханнес?

В е д у щ и й. Может быть, это спасет ей жизнь...

А с с и с т е н т к а. Ханнес?

В е д у щ и й *(читает вслух досье)*. «Сегодня утром, во время перепалки с Бригиттой, которая все время

поровит все простить, я сказал: ну, тогда возьми и повесься! Когда я под вечер пришел домой, я увидел, что она это сделала и вот лежит теперь в гробу...»

Кюрман молчит.

Итак, это остается?

К ю р м а н. Я уже привык к своей вине.

Ассистентка и Ассистент снимают костюмы невесты и священника и подходят к режиссерскому столу. Кюрман одиноко стоит на сцене и вдруг разражается сардоническим смехом.

К ю р м а н. «У вас опять есть возможность выбора!» Каково?

В е д у щ и й (Ассистентке). Почему Бригитта повесилась?

Ассистентка берется за досье.

К ю р м а н. Может быть, если бы я на ней не женился, она, может бы, не наложила бы на себя руки. И я не был бы виноват... может быть, да-да, может быть!

В е д у щ и й. Почему вы так кричите?

К ю р м а н. А наш ребенок? (*Вновь вынимает из кармана трубку.*) Нельзя же просто сделать вид, что нет на свете этого ребенка, который родился, живет, учится в школе... Легко сказать: «У вас опять есть возможность выбора!» Ребенок есть ребенок.

В е д у щ и й. Понимаю.

Кюрман сует трубку в рот.

У господина Кюрмана опять нет спичек.

Ассистент приносит спички.

Значит, ребенок остается...

Кюрман зажигает трубку и курит.

Сколько лет ребенку?

К ю р м а н. Тринадцать.

В е д у щ и й. Девочка или мальчик?

К ю р м а н. Он не живет у меня, ее семья не захотела его отдать, но он мой ребенок, ее ребенок, наш ребенок... (*Вновь зажигает погасшую трубку.*) Я даю деньги на его содержание. (*Курит стоя.*)

В е д у щ и й. Итак, ребенок остается: он ваш, он живет на свете, этого менять вы не хотите. Я понимаю так: начать жизнь сначала вы хотите позже, то есть с событий, произошедших меньше тринадцати лет назад.

К ю р м а н. Вот именно.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

А с с и с т е н т к а (*тычет пальцем в досье*). Ребенку четырнадцать лет.

В е д у щ и й. Правильно.

А с с и с т е н т к а. Здесь указаны все даты.

Ведущий внимательно читает страницы досье.

Господин Кюрман, вашему ребенку четырнадцать лет!

В е д у щ и й. А когда появляется Антуанетта?

А н т у а н е т т а (*сидя в глубине сцены*). Это произошло семь лет назад.

В е д у щ и й. Это верно?

К ю р м а н. Верно.

В е д у щ и й. Итак...

А н т у а н е т т а (*выходит на авансцену*). Можно мне сказать?

К ю р м а н. Нет!

А н т у а н е т т а. Ханнес...

К ю р м а н. Нет!

А н т у а н е т т а. Речь идет о твоем же благе...

К ю р м а н. Нет и нет!

В е д у щ и й. Вам незачем повышать голос, господин Кюрман.

Кюрман молчит.

Итак...

Кюрман выбивает трубку о каблук.

Почему у господина Кюрмана нет пепельницы?

Ассистент подходит к столу, покрытому белым полотнищем, приподнимает полотнище, достает из-под него пепельницу и подает Кюрману.

К ю р м а н. В последний раз прошу, чтобы эта молодая дама, ставшая позже моей второй женой, больше не появлялась.

А н т у а н е т т а. Но это же ребячество!

К ю р м а н. Если уж мне разрешено еще раз начать жизнь сначала, чтобы изменить свою биографию, то это — не ребячество, а элементарная логика: я начинаю жить еще раз раньше, чем впервые увидел Антуанетту.

Антуанетта улыбается.

Прошу вернуться к весне семь лет назад!

Ассистентка листает досье.

В е д у щ и й. Что тогда было?

А с с и с т е н т к а. Минуточку, минуточку...

К ю р м а н. Где ты была весной семь лет назад?

А н т у а н е т т а. В Париже.

К ю р м а н. В Париже.

А н т у а н е т т а. Да.

К ю р м а н. Вот именно! (*Подходит к Ведущему.*)

Не можете ли растолковать ей, что Антуанетте Штайн здесь нечего делать, что она здесь ничего не потеряла — ни сумочку, ни браслет, ни гребень, — потому что Антуанетта Штайн той весной, как она сама признает, резвилась в Париже и еще ни разу не появилась в моей тогдашней квартире!

А н т у а н е т т а. Это верно.

К ю р м а н. Не можете ей это растолковать?

В е д у щ и й (*подходит к Антуанетте*). Господин Кюрман желает вернуться к весне семь лет назад.

А н т у а н е т т а. Пожалуйста.

В е д у щ и й. Он хочет избежать встречи с вами.

А н т у а н е т т а. Пожалуйста.

В е д у щ и й. Господин Кюрман волен выбирать.

К ю р м а н. Пускай другие ищут ее сумочку!

Антуанетта берет сумочку и уходит.

Слава тебе, Господи!

В е д у щ и й (*смеется*). Ученый-естественник благодарит Господа!

А с с и с т е н т к а (*читает вслух досье*). «Моя научная работа постепенно получает признание, говорят, мне собираются присвоить звание профессора и назначить директором института этологии, — при условии, что мои политические взгляды...»

Антуанетта возвращается.

А н т у а н е т т а. Если уж он имеет возможность изменить свою жизнь, то скажите моему мужу, чтобы он пошел к врачу. Причем сегодня же. Чем раньше, тем лучше. Прежде чем опять окажется слишком поздно. Потом всегда говорят: несколько лет назад можно было бы вылечить! Если бы обнаружили.

К ю р м а н. К врачу я пойду.

А н т у а н е т т а. А потом вдруг оказывается, что положение безнадежно.

К ю р м а н. Обещаю тебе это, Антуанетта.
А н т у а н е т т а. Я девять месяцев ухаживала за ним.

К ю р м а н. Да пойду я к врачу, пойду!

Антуанетта удаляется.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, что вы хотели бы изменить весной семь лет назад, прежде чем встретили эту милую молодую даму?

А с с и с т е н т к а (*читает дальше*). «...при условии, что мои политические взгляды не будут препятствовать получению профессуры».

К ю р м а н (*делает несколько шагов и останавливается*). Я отказываюсь от профессуры!

В е д у щ и й. Что-что?

К ю р м а н. Дайте мне возможность еще раз побеседовать с Кролевским, которого позже лишили кафедры.

А с с и с т е н т к а. С Кролевским?

К ю р м а н. С Владимиром Кролевским.

А с с и с т е н т к а. Он математик.

К ю р м а н. Мы беседовали у меня дома.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

Ассистент выходит на сцену и снимает белые полотенца с мебели; это длится довольно долго, так как он их еще и складывает;

Ассистентка возится с термосом.

А с с и с т е н т к а. Чашечку кофе?

В е д у щ и й. Попозже...

Полотенца убраны; Кюрман ставит на угол стола пепельницу, которую все это время не знал, куда поставить, и снимает пиджак.

А с с и с т е н т. Пепельница стояла вот здесь. (*Переставляет пепельницу на место и уходит.*)

Световой занавес.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, ваша квартира вновь в вашем распоряжении!

К ю р м а н (*оглядывается*). А это что такое?

В е д у щ и й. Ваши старинные часы с боем.

К ю р м а н. Убрать!

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

Ассистент уносит часы.

Может, желаете еще что-нибудь изменить? Стоит лишь сказать. Возможно, вам хочется передвинуть письменный стол?

К ю р м а н. Как будто это имеет какое-то значение!

Звуки расстроенного рояля.

К ю р м а н. А это — неотвратно?

В е д у щ и й. Музыка доносится из балетной школы по соседству. Помните? К сожалению, там вечно оставляют окна открытыми.

Повторение тех же тактов.

К ю р м а н. И так — каждый день?

В е д у щ и й. За исключением воскресных и праздничных дней.

К ю р м а н. Но это невыносимо!

В е д у щ и й. Вы же вынесли...

Повторение тех же тактов.

Почему бы вам не пайти себе другую квартиру?

К ю р м а н. А там что меня ждет?

В е д у щ и й. Вероятно, электропила.

К ю р м а н. И детский сад...

В е д у щ и й. И трамвай...

К ю р м а н. Или взлетная полоса аэродрома!

В е д у щ и й. Господин Кюрман, вы вольны выбирать.

Слышен грохот пневмобура.

К ю р м а н. Что это?

В е д у щ и й. Еще одна возможность.

К ю р м а н. Пневмобур!

Вновь звуки расстроенного рояля.

В е д у щ и й. Значит, вы остаетесь в этой квартире?

Кюрман валится на тахту.

Значит, вы остаетесь в этой квартире?

Кюрман ощупывает тахту.

Все так и было, господин Кюрман.

К ю р м а н. Все так и было...

В е д у щ и й. Вас удивляет собственный вкус?

Ассистентка выходит на сцену в роли фрау Хубалек — пожилой экономки с заметным акцентом и привычкой потирать руки.

А с с и с т е н т к а. К вам господин...

К ю р м а н. Профессор Кролевский?

А с с и с т е н т к а. Он так назвался.

К ю р м а н. Прошу.

Ассистентка удаляется.

В е д у щ и й. Это была фрау Хубалек.

К ю р м а н. Знаю.

В е д у щ и й. За истекшее время она тоже умерла.

Ассистент выходит на сцену в роли Владимира Кролевского: он лыс, на нем черное пальто, шляпу он все время держит в руке, у него манеры запуганного еврея и тихий голос, но интонации начальственные; при его появлении Кюрман встает, но рукопожатием они не обмениваются.

К ю р м а н. Сдается, в прошлый раз вы сидели вот тут.

Ассистент садится на краешек стула.

Вам ведь известны причины, по которым я не вступил ни в одну из партий, и мои принципиальные сомнения, так что мне нет нужды повторяться.

А с с и с т е н т. Это так.

К ю р м а н. Хотите чего-нибудь выпить?

А с с и с т е н т. Я не пью.

К ю р м а н (*наливает себе виски*). Уважаемый коллега, я переменил свое решение.

А с с и с т е н т. Какое решение, уважаемый коллега?

К ю р м а н. Помните наш разговор в этой комнате, наш мучительный разговор наедине — вы сидели там, я здесь, — вам тоже нет нужды повторяться, Кролевский, я ничего не забыл! В ваших глазах я — буржуазный интеллигент, который до некоторой степени понимает истинную сущность господствующего класса. Во всяком случае этот класс вызывает у него возмущение или, по меньшей мере, отвращение. То есть я — по-вашему — так называемый нон-конформист, ограничивающийся отвращением. Время от времени я ставлю свою подпись под каким-нибудь воззванием — обращением «за» или протестом «против» — куда совесть еще не запрещена. А в остальном, — как и всякий нон-конформист — поглощен своей буржуазной карьерой.

А с с и с т е н т. Я это говорил?

К ю р м а н. Вы высказались не так прямо, товарищ Кролевский.

А с с и с т е н т. А как?

К ю р м а н. Более конкретно.

А с с и с т е н т. Что именно я сказал?

К ю р м а н. Что работа в составе партии — это единственное средство изменить общество, чтобы спасти мир,

причем, по вашему мнению, цель оправдывает средства. Это все общеизвестно и именно по этой причине я не вступаю ни в одну из партий.

Ассистентка входит в роли фрау Хубалек с письмом в руке.

Спасибо, фрау Хубалек, спасибо.

Ассистентка уходит.

Вы сказали — работа в составе партии — и в этот момент приходит письмо от Ученого совета: запрос — готов ли я и так далее, в знак признания моих научных заслуг и так далее, с условием, что правительство и так далее...

А с с и с т е н т. Поздравляю, уважаемый коллега, поздравляю...

К ю р м а н. У меня сложилось — и запомнилось — впечатление, будто вы говорили со мной улыбаясь. А сегодня вы ни разу не улыбнулись. Как шахматист за доской. Вам кажется, что вы уже знаете мой следующий ход: я поставлю на конформизм и стану директором института этологии. (*Откидывает нераспечатанное письмо в сторону.*) Думаете ли вы, Кролевский, вы — кибернетик, думаете ли вы, что биография, которая так или иначе сложилась у отдельного человека, является неизбежной, воплощением неотвратимости судьбы? Или же я мог бы — в зависимости от случайных обстоятельств — иметь и другую: значительно отличающуюся от фактической. А та, которую мы в какой-то момент имеем, эта наша биография со всеми фактическими данными, которые нам отвратительны, — вовсе даже не обязательно наиболее вероятная: она — всего лишь возможный вариант, один из многих, которые точно так же были бы возможны при тех же общественных и исторических обстоятельствах и с теми же задатками данного индивидуума. Если посмотреть с такой точки зрения, о чем же вообще может свидетельствовать биография человека? Поймите: речь идет не о том, лучше она или хуже. Я лишь отказываюсь придавать смысл всему, что имело место, только потому, что это действительно имело место, стало историей и тем самым необратимо. Отказываюсь придавать прошлому тот смысл, которого оно не имеет.

А с с и с т е н т. Понимаю.

К ю р м а н. Понимаете?

А с с и с т е н т. Ab posse ad esse valet, ab esse ad posse non valet.¹ Но вы, кажется, хотели сказать мне нечто важное...

В е д у щ и й. Господин Кюрман, вы разговариваете с Кролевским. И вдруг перестаете слышать самого себя, продолжая говорить, выглядываете в окно и смотрите в сторону балетной школы. Вдруг становитесь каким-то рассеянным...

К ю р м а н. Я не знаю этой ученицы балетной школы.

В е д у щ и й. Но можете с ней познакомиться. Ведь вы, господин Кюрман, еще раз имеете возможность выбора: возможно, вам хочется пригласить ее поужинать с вами. А если вы поужинаете с этой девушкой, вероятно предположить, что через четыре месяца, когда фройляйн доктор Штайн приедет из Парижа, вы будете держаться совершенно иначе, господин Кюрман, — раскованнее, интеллектуальнее, остроумнее; так что фройляйн доктор Штайн в начале третьего возьмет свою сумочку и уйдет. Вот вам и биография без Антуанетты...

К ю р м а н. За кого вы меня принимаете? Словно речь идет о том, какую из баб выбрать! Если уж мне дано право выбора, то я вообще не желаю иметь дела с женщинами.

В е д у щ и й. Как вам будет угодно. Итак, дальше!

А с с и с т е н т. Ab posse ad esse valet, ab esse ad posse non valet. Но вы, кажется, хотели сказать мне нечто важное...

К ю р м а н (*присаживается на край столешницы*). Скажу вам без обиняков: вы не обязаны мне отвечать, Кролевский. Вы — член коммунистической партии, что пока никому не известно, как минимум — ее связной, вероятно даже — один из ее руководителей. Ваша специальность — математика — помогает вам скрыть этот факт. Ваши частые поездки то в Прагу, то в Париж или Мехико надежно закамуфлированы научными конгрессами. Кроме того, вы не пьете, чтобы как-нибудь не проболтаться поздней ночью. Допустим: однажды все это станет известно, и под каким-нибудь предлогом — во всяком случае, по инициативе философского факультета — университет будет вынужден отказаться от вашей

¹ Умозаключение от возможности к действительности имеет силу, от действительности к возможности не имеет силы (*лат.*).

дальнейшей педагогической деятельности, чем все мы — или некоторые из нас — будут столь же естественно, сколь и искренне возмущены: как же, нарушение свободы преподавания и так далее. Дойдет до суда: дело Кролевского. Я, нон-конформист, сам составлю текст воззвания: «Возмущенные недавними событиями в нашем университете», — текст столь же взволнованный, сколь продуманный, подписать который — дело чести и который, само собой разумеется, ровно ничего не изменит.

А с с и с т е н т. Вы исходите из собственного опыта.

К ю р м а н. Естественно.

А с с и с т е н т. Так что вы хотите мне сказать, уважаемый коллега?

К ю р м а н. Если мы имеем возможность начать все сначала, все мы знаем, что следует изменить: подписи «за», подписи «против», протесты, митинги, а также то, что при этом выясняется: интеллигенция бессильна, насилие исходит от правового государства и заканчивается террором, — расплата за то, что наш брат никогда не решается действовать. (*Сует в рот трубку.*) И вот что я должен вам сказать... (*Зажигает трубку.*) Заявляю о желании вступить в вашу партию. (*Курит.*)

А с с и с т е н т. Признаюсь, уважаемый коллега, вы меня озадачили. Вступить в коммунистическую партию! Надеюсь, вы понимаете, чем это обернется для вашей научной карьеры?

К ю р м а н. Поэтому и вступаю! (*Смеется.*)

А с с и с т е н т. Партия рассмотрит ваше заявление.

Он встает, Кюрман тоже.

К ю р м а н. Товарищ Кролевский!

Рукопожатия не происходит.

А с с и с т е н т. Что до нас с вами, уважаемый коллега: на людях мы общаемся, как прежде время от времени, встретившись во дворе университета, перебрасываемся несколькими фразами. Время от времени. И обращаемся друг к другу по-прежнему: уважаемый коллега! (*Холодно пожимает руку Кюрмана.*) Уважаемый коллега!

К ю р м а н. Уважаемый коллега...

А с с и с т е н т (*надевает шляпу*). Вы знаете, что за вами — членом нашей партии — будет установлено

наблюдение, как минимум, ваш телефон будет прослушиваться. Полиция будет знать, кто вас посещает. Если вы устроите здесь так называемую вечеринку, я в ней участия не приму.

К ю р м а н. С какой стати вдруг вечеринка?

А с с и с т е н т. Например, чтобы отметить получение вами профессуры.

К ю р м а н. Ну, до этого дело не дойдет.

Ассистент удаляется; видно, как он, едва выйдя из комнаты, снимает пальто и шляпу Владимира Кролевского.

В е д у щ и й. Хорошо.

Обычное освещение.

К ю р м а н. Можно мне еще раз заглянуть в досье?

В е д у щ и й. Пожалуйста.

К ю р м а н (*направляется к режиссерскому столу*). Когда я стал профессором?

Загорается неоновая лампочка.

А с с и с т е н т к а. Осенью этого года...

К ю р м а н. А точнее?

А с с и с т е н т к а. В октябре.

К ю р м а н. Гм.

А с с и с т е н т к а. А вечеринка состоялась в ноябре...

К ю р м а н (*смеется*). Ну, до этого дело не дойдет! (*Набивает трубку.*) Теперь это изменено. (*Зажигает трубку.*)

А с с и с т е н т к а. Не хотите ли чашечку кофе?

В е д у щ и й. Позже.

Неоновая лампочка гаснет.

Дальше! Дальше!

Ассистент, успевший снять и лысый парик Владимира Кролевского, вносит кресло — такие кресла обычно стоят в кабинетах частных врачей — и ставит его на авансцене за пределами комнаты. Взгляд вверх.

А с с и с т е н т. Прошу свет на кресло!

Софиты переносят свет на кресло.

О'кей. (*Уходит.*)

К ю р м а н. Что это значит?

В е д у щ и й. На случай, если вы решите пойти к врачу, господин Кюрман. Чем раньше, тем лучше. Возможно, это тоже изменит вашу биографию.

К ю р м а н. Я себя хорошо чувствую.
В е д у щ и й. Так вы всегда говорили. (*Листает
досье.*) Когда у вас впервые появились эти боли?

К ю р м а н. Уже при Антуанетте.

В е д у щ и й. Когда врачи наконец поймут, в чем
дело, всегда говорят: раньше можно было бы вылечить;
так, ерунда, — небольшая операция, и не было бы ника-
ких метастазов!

Кюрман в раздумье молчит.

И вдруг положение оказывается безнадежным.

К ю р м а н (*надевает пиджак*). Антуанетта права.

В е д у щ и й. Вы пойдете к врачу?

К ю р м а н. Чем раньше, тем лучше...

Световой занавес.

В е д у щ и й. Смотрите!

Ассистентка выходит на сцену в роли фрау Хубалек.

А с с и с т е н т к а. Господина доктора нет дома.

За ней в комнату входит Ассистент в роли служащего
уголовной полиции.

А с с и с т е н т к а. Что вам вообще нужно?

А с с и с т е н т. Это гостиная?

А с с и с т е н т к а. Кто вы такой? Я здесь экономка.
Разрешите узнать, кто вы такой?

А с с и с т е н т. Господин доктор живет здесь один...

А с с и с т е н т к а. Да.

А с с и с т е н т. Господин доктор холостяк...

А с с и с т е н т к а. Да какое вам дело?

А с с и с т е н т. А вы — его экономка...

А с с и с т е н т к а. Почему вы не снимаете шляпу?

Ассистент оглядывает комнату.

К ю р м а н. Что это значит?

В е д у щ и й. Обыск.

К ю р м а н. Они ничего не найдут.

Ассистент осматривает письменный стол.

А с с и с т е н т к а. Что вы ищете?

А с с и с т е н т. Какой прекрасный письменный
стол...

А с с и с т е н т к а. Господин доктор не любит, когда
трогают его бумаги. Вы поняли? Господин доктор не
выносит этого, предупреждаю вас.

А с с и с т е н т. Я ведь только смотрю.
А с с и с т е н т к а (*не дает ему просматривать бумаги*). Потом мне же от него и достанется.

А с с и с т е н т. Понимаю, понимаю.

А с с и с т е н т к а. Я вынуждена вам заявить...

А с с и с т е н т. Что именно?

А с с и с т е н т к а. По какому праву вы вообще вошли в дом? Ведь я же сказала, что господина доктора нет. Порядочные люди так не делают, уважаемый...

Ассистент выдвигает один из ящиков.

Ну и люди нынче пошли: что хотят, то и делают!

Ассистент задвигает ящик.

Господин доктор не имеет никакого отношения к наркотикам.

А с с и с т е н т (*вынимает газету из корзины для мусора*). Это газета, которую он читает?

А с с и с т е н т к а. Почему бы и нет!

А с с и с т е н т. Я просто так спросил.

А с с и с т е н т к а. Вполне приличная газета.

А с с и с т е н т. А почему он выбросил ее в мусорную корзину?

А с с и с т е н т к а. Потому что прочел.

А с с и с т е н т. Не сняв бандероль?

А с с и с т е н т к а. Может, он уже знал, что там написано...

А с с и с т е н т (*бросает газету в корзину*). Фрау...

А с с и с т е н т к а. Хубалек.

А с с и с т е н т. Скажите, фрау Хубалек...

А с с и с т е н т к а. Я уже сказала вам, что господина доктора нет дома, и в последний раз говорю, что порядочные люди так не делают.

А с с и с т е н т. Успокойтесь.

А с с и с т е н т к а. Мы ведь живем не в Советском Союзе?

Ассистент показывает ей свое удостоверение.

Чем провинился господин доктор?

Ассистент прячет удостоверение.

Я ничего не знаю.

А с с и с т е н т. Откуда вы родом, фрау Хубалек?

А с с и с т е н т к а. Из ГДР.

А с с и с т е н т. Ага, из ГДР.

Ассистентка. Почему бы и нет?

Ассистент. У вас есть родственники...

Ассистентка. ...В ГДР? Да, есть.

Ассистент. В ГДР.

Ассистентка. При чем здесь господин доктор?

Ассистент. Отвечайте на мои вопросы.

Ассистентка. Я ничего не знаю.

Ассистент. Часто ли навещаете ваших родственников в ГДР?

Ассистентка. Никогда не навещаю.

Ассистент. Маловато.

Ассистентка. Мне хватает.

Ассистент. Не ездите туда-обратно?

Ассистентка горько смеется.

Скажите фрау...

Ассистентка. Хубалек.

Ассистент. Нет ли у господина доктора Кюрмана библиотеки?

Ассистентка. Она в той комнате.

Оба уходят: первым Ассистент, за ним Ассистентка; сцена остается пустой. Слышны звуки расстроенного рояля.

Ведущий. Хорошо.

Световой занавес гаснет. Загорается обычный свет, но звуки рояля все еще слышны.

Стоп!

Тишина.

Кюрман. Обыск в моей квартире...

Ведущий. Видите, господин Кюрман, пошло-поехало.

Кюрман. Они ничего не найдут...

Ведущий (*указывает на кресло, стоящее в круге света*). Вам придется снять пиджак.

Кюрман. Почему?

Ведущий. Полагаю, вы собираетесь пойти к врачу?

Кюрман снимает пиджак.

Присаживайтесь.

Кюрман садится в кресло.

И оголите руку до плеча.

Кюрман (*закатывает рукав*). Сколько раз я уже это делал?

В е д у щ и й. Столько, сколько мы все, господин Кюрман!

К ю р м а н. Пока положение не стало безнадежным...

Ассистентка входит в роли медсестры.

А с с и с т е н т к а. Господин профессор сейчас придет. (*Берет кровь на анализ.*) Прижмите ватку. (*Уходит.*)

К ю р м а н. Обыск в моей квартире.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, думается, вы этого и хотели, чтобы не получить профессуру, чтобы не состоялась вечеринка, после которой Антуанетта Штайн просто осталась сидеть в гостинной.

К ю р м а н. Где она находится в это время?

В е д у щ и й. Во время обыска?

К ю р м а н. Пока я у врача.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. Фройляйн Штайн в этот час находится еще в Париже. Сегодня она укладывает вещи и собирается уехать.

К ю р м а н. Зачем?

В е д у щ и й. Этого вы не можете изменить, господин Кюрман.

К ю р м а н. Гм.

В е д у щ и й. Прижмите ватку!

Ассистентка в роли медсестры возвращается.

А с с и с т е н т к а. Господин профессор сейчас придет. (*Наклеивает пластырь на ранку и уходит.*)

К ю р м а н. Обыск в моей квартире...

В е д у щ и й. Они ничего не найдут, но вы не беспокойтесь: подозрение останется. Этого достаточно, господин Кюрман, этого достаточно. Вы ни разу не бросали камень в полицейского, но попробуйте доказать полиции, что никогда не будете становиться ей поперек дороги!

К ю р м а н. Вы считаете, этого достаточно?

В е д у щ и й. На сегодняшний день...

К ю р м а н. Это меня устраивает.

В е д у щ и й. Вас подозревают в том, что вы хотите улучшить мир — и никто не догадается подозревать вас в том, что вам хочется изменить всего лишь собственную биографию.

Ассистент появляется в белом халате врача.

А с с и с т е н т. Ничего страшного нет.

К ю р м а н. Нет?

А с с и с т е н т. У вас хорошая электрокардиограмма. (*Рассматривает пленку.*) Просто прекрасная.

К ю р м а н. Спасибо.

А с с и с т е н т. Но ваша моча мне не нравится.

К ю р м а н. Почему?

А с с и с т е н т. Есть у вас личные неприятности?

К ю р м а н. В настоящее время нет...

А с с и с т е н т. Можете надеть пиджак, господин Кюрман.

Ассистентка подает ему пиджак, но Кюрман не надевает его, а кладет себе на колени.

К ю р м а н. Господин профессор, скажите мне все откровенно.

А с с и с т е н т. Я это и делаю.

К ю р м а н. Я вас очень прошу.

А с с и с т е н т. Бывают у вас боли?

К ю р м а н. Где?

А с с и с т е н т. Об этом я вас спрашиваю, господин Кюрман.

К ю р м а н. Когда-то, еще в детстве, у меня была свинка, потом корь. Но в остальном — в последнее время — только головные боли. Я уже говорил: когда выпью, бывают головные боли.

А с с и с т е н т (*вполголоса Ассистентке*). Скажите, что я сейчас приду!

Ассистентка удаляется.

Со стулом — все в порядке?

К ю р м а н. Как правило, да.

А с с и с т е н т. В том-то и дело, что как правило.

К ю р м а н. Что вам не нравится в моче?

А с с и с т е н т. Не беспокойтесь! Как я уже сказал, ничего страшного. Все же вам следует побережиться, господин Кюрман, в последний раз мы об этом уже говорили: с печенью шутки плохи.

К ю р м а н. Знаю-знаю, никаких стрессов.

А с с и с т е н т. Я бы добавил: ни перца, ни горчицы, вообще никаких острых специй и приправ, никаких устриц по-бургундски, ничего жирного, никаких гусиных печенок. Морская рыба исключается.

В е д у щ и й. Я записываю.

Неоновая лампочка зажигается.

А с с и с т е н т. Никаких косточковых: ни абрикосов, ни вишен, ни слив, ни персиков. Чеснок тоже нельзя. Ничего пучащего! Творог в любое время и как можно больше.

В е д у щ и й. А овощи?

А с с и с т е н т. Капусту исключить...

В е д у щ и й. Ничего пучащего.

А с с и с т е н т. Никаких бобов, лука и так далее. Овощи только без соли.

В е д у щ и й. А картофель?

А с с и с т е н т. Пшенная и манная каша, овсяные хлопья...

В е д у щ и й. Но без соли!

А с с и с т е н т. И ничего холодного!

В е д у щ и й. Родниковую воду тоже нельзя?

К ю р м а н. Да где ее взять.

В е д у щ и й. Если вы отправитесь на природу...

А с с и с т е н т. Пиво исключить.

В е д у щ и й. Вы имеете в виду — холодное пиво?

А с с и с т е н т. Виски, водку и так далее, джин, вишневую и малиновую настойки и так далее, можжевельную водку, граппу и так далее, коньяк, кальвадос, дешевый коньяк из выжимок и так далее: ни в коем случае.

В е д у щ и й. Как насчет шампанского?

А с с и с т е н т. Боже сохрани.

В е д у щ и й. Даже на свадьбе нельзя?

А с с и с т е н т. Печень знать не знает о свадьбах.

К ю р м а н. А как с обычными винами?

А с с и с т е н т. Главное — белые вина исключить.

В е д у щ и й. А красные?

А с с и с т е н т. Вообще ничего спиртного.

К ю р м а н. Что же пить?

А с с и с т е н т. Молоко.

В е д у щ и й. Пастеризованное?

А с с и с т е н т. В любое время.

В е д у щ и й. А минеральную воду?

А с с и с т е н т. Но без углекислого газа.

В е д у щ и й. Ничего пучащего!

А с с и с т е н т. Чай можно. Но, разумеется, не черный. Очень рекомендую настой ромашки, липового цве-

та, шиповника, перечной мяты и тому подобное. Кофе ни в коем случае. Вы любите йогурт?

В е д у щ и й. Доктор спрашивает, любите ли вы йогурт?

А с с и с т е н т. Йогурт в любое время.

В е д у щ и й. Но не холодный!

А с с и с т е н т. Итак: побольше творогу, поменьше яиц, овощи в любое время, но без соли, никакой морской рыбы...

В е д у щ и й. Уже записано.

А с с и с т е н т. Но отварную форель можно.

В е д у щ и й. Хоть что-то, господин Кюрман, хоть что-то.

А с с и с т е н т. Но без сливочного масла.

В е д у щ и й. А омаров?

А с с и с т е н т. Омаров? Боже сохрани.

В е д у щ и й. Как насчет мяса?

А с с и с т е н т. Вареное можно. Но без ничего. Без жира. Не тушеное и не копченое. Вареное или жареное в гриле, но без соли. И без пряностей, как я уже сказал. Никаких колбас и прочего в том же роде...

В е д у щ и й. А хлеб?

А с с и с т е н т. Хрустящие хлебцы.

В е д у щ и й. Свежие булочки пельзя?

А с с и с т е н т. Ничего пучащего!

В е д у щ и й. Итак: побольше творогу...

Ассистентка вновь входит.

А с с и с т е н т. Сейчас иду...

А с с и с т е н т к а (*обращаясь к Ведущему*). Сказать ему, кто его ждет?

В е д у щ и й. Зрителям до этого нет дела.

А с с и с т е н т к а. His girl friend!¹

Ведущий дает ей знак замолчать.

Она хочет пойти покататься на серфинге.

Ведущий повторяет тот же жест.

Она держится как эмансипе.

В е д у щ и й. Это тоже может быть вынужденной позой...

Ассистентка снимает с себя белый халат медсестры и направляется к режиссерскому столу, садится на стул и берется за термос.

¹ Его подруга! (*англ.*)

К ю р м а н. Господин профессор, что вы мне еще посоветуете?

А с с и с т е н т. Потеть, как можно больше потеть.

К ю р м а н. Как этого добиться?

А с с и с т е н т. Пешие прогулки, сауна... (*Протягивает Кюрману руку.*) Ничего страшного, господин Кюрман, небольшое увеличение печени, больше абсолютно ничего не нахожу. Прежде всего важно: никаких волнений, как я уже сказал, никаких стрессов.

Софит гаснет, Ассистент исчезает.

В е д у щ и й. Хорошо.

Обычное освещение.

Можете надеть пиджак.

К ю р м а н. О раке ни слова?

В е д у щ и й. Нет.

К ю р м а н. Как можно больше творогу?

В е д у щ и й. Да.

К ю р м а н. О раке ни слова...

Долгая пауза.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, о чем вы думаете?

Кюрман продолжает сидеть, пиджак по-прежнему лежит у него на коленях, слышны голоса, общий шум и смех, как бывает, когда расходятся гости после вечеринки: все громко разговаривают, но неразборчиво.

К ю р м а н. Кто эти люди?

В е д у щ и й. Ваши друзья.

К ю р м а н. Что они хотят?

В е д у щ и й. Они пришли вас поздравить.

К ю р м а н. С чем?

В е д у щ и й. Владимира Кролевского среди них нет...

К ю р м а н. С чем меня поздравлять?

В е д у щ и й. Вы стали профессором.

К ю р м а н (*вскакивает*). Но это невозможно!

В е д у щ и й. Я тоже удивлен.

К ю р м а н. В нашей стране член коммунистической партии не может стать профессором. Это невозможно!

В е д у щ и й. ...Невероятно.

За сценой смех.

Наденьте пиджак, господин Кюрман, и покажите вашим подвыпившим друзьям, где лифт.

Кюрман надевает пиджак.

Мне нет нужды объяснять вам, господин профессор, что ни одна система не гарантирует от невероятного в каждом отдельном случае...

Ассистент входит в роли пьяного гостя; на нем плащ.

А с с и с т е н т. Господин профессор...

К ю р м а н. Вон!

А с с и с т е н т. ...Мы собрались домой, господин профессор.

К ю р м а н. Вон!

Ассистентка входит в шубке.

А с с и с т е н т к а. Ханнес...

К ю р м а н. Вон! Я сказал: вон отсюда!

А с с и с т е н т к а. Что это с ним?

К ю р м а н. Вон!

А с с и с т е н т к а (*обвивает руками его шею*).
Миленький мой профессор!

Он отвешивает ей пощечину.

А с с и с т е н т. Ханнес... Ты это всерьез?

К ю р м а н. Вон!

А с с и с т е н т. Этого моя жена не потерпит.

К ю р м а н. Вон!

А с с и с т е н т. Моника — моя жена!

К ю р м а н. Я сказал: вон!

А с с и с т е н т к а. И ты это терпишь?

А с с и с т е н т. Моника, ты слышала, что он сказал?

К ю р м а н. Вон! (*Бьет гостя по щеке.*)

А с с и с т е н т. Тоже мне профессор...

Ассистентка в шубке рыдает.

Идем отсюда, Моника.

К ю р м а н. Этого я и добиваюсь.

А с с и с т е н т. Профессор профессором, но это уже елишком!

К ю р м а н. Вон! (*Уходит со сцены вслед за ними.*)

В е д у щ и й. Вот это да...

Световой занавес.

В е д у щ и й (*читает вслух досье*). «Когда гости ушли, она осталась сидеть в кресле. Что делать в два часа ночи с незнакомой дамой, которая не уходит и просто сидит и молчит».

Антуанетта сидит в кресле, как в начале действия.

Ассистентка. «Этого могло бы и не быть».

Кюрман возвращается в комнату и видит Антуаннету.

Антуанетта. Я тоже скоро уйду.

Кюрман валится на тахту.

Антуанетта. Вам нехорошо?

Кюрман закрывает ладонями лицо.

Антуанетта. Я тоже скоро уйду.

Пауза.

Ведущий. Дальше!

Антуанетта (*достает из сумочки сигарету*).
Только выкурю еще одну сигарету.

Кюрман бросает на нее взгляд.

Нет ли у вас спичек?

Кюрман. Нет.

Антуанетта. Как же вы зажигаете трубку?
(*Щелкает своей зажигалкой.*) Собственно, я хотела еще
раз услышать, как бьют ваши старинные часы. Обожаю
такие часы...

Зажигается неоновая лампочка.

Ведущий. Часы с боем мы вычеркнули.

Неоновая лампочка гаснет.

Антуанетта. Я получила большое удовольствие.
Некоторые из ваших гостей показались мне очень слав-
ными, очень интересными... (*Курит.*)

Кюрман. Машина у вас есть?

Антуанетта. Да.

Кюрман. А то бы я мог вас подвезти.

Она молча курит.

Вы родом из Эльзаса?

Антуанетта. Как вы догадались?

Часы бьют два раза.

Кюрман. Уже два часа ночи.

Антуанетта. Вы устали?

Кюрман. Завтра мне надо работать.

Антуанетта. Чем вы занимаетесь?

К ю р м а н (*встает и поворачивается к ней спиной*). Этологией. (*Оборачивается к ней и смотрит ей прямо в лицо.*) В восемь часов придет фрау Хубалек.

А н т у а н е т т а. Кто такая фрау Хубалек?

К ю р м а н. Моя экономка...

Ведущий тяжело вздыхает.

В е д у щ и й. И так далее и тому подобное!

Загорается неоновая лампочка.

Есть еще кофе?

Ассистентка наливает кофе в бумажный стаканчик.

А н т у а н е т т а. Почему вы не погасите свет?

Световой занавес исчезает.

В е д у щ и й. Перерыв!

Занавес.

ЧАСТЬ II

Свстовой занавес.

Ассистентка в роли фрау Хубалек убирает комнату. Она явно не в настроении. Обнаруживает пару дамских туфель, разглядывает их и ставит на письменный стол. Появляется Кюрман в халате.

К ю р м а н. Фрау Хубалек, добрый день! Будьте добры, фрау Хубалек, приготовьте завтрак. (*Вскрывает лежащие на столе письма.*) Две чашки! (*Читает письма.*) Фрау Хубалек, я просил вас приготовить завтрак.

Ассистентка в роли фрау Хубалек уходит.

К ю р м а н. Я точно знаю, что вы сейчас думаете. Но вы ошибаетесь. Вы думаете, что я сделаю то же самое, даже если мне дать возможность сто раз начать жизнь сначала... (*Читает.*) Поздравления! (*Бросает пачку писем в мусорную корзину.*) Но вы ошибаетесь. Мы не поедем за город. Не познакомимся ближе друг с другом. Это будет наш первый и последний завтрак.

В е д у щ и й. Как вам будет угодно.

К ю р м а н. Ничего у нее не получится.

В е д у щ и й. Чего именно?

К ю р м а н. Мы не поженимся.

В е д у щ и й. Выбор все еще в вашей воле.

К ю р м а н. Еще поздравления... И еще... (*Бросает письма в мусорную корзину. Потом замечает на столе дамские туфли и ставит их на пол.*) Какой сегодня день недели?

В е д у щ и й. Четверг.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. В одиннадцать часов у вас заседание — помните, очень важное заседание, которое вы тогда пропустили из-за фройляйн Антуанетты...

Антуанетта появляется в вечернем платье.

А н т у а н е т т а. Я воспользовалась вашей зубной щеткой.

К ю р м а н. Вот твои туфли.

Она берет туфли и садится.

Забыл спросить: кофе или чай? Может, ты предпочитаешь кофе? (*Идет к двери.*)

А н т у а н е т т а. Нет. (*Надевает туфли.*) Кстати, который час?

К ю р м а н. В одиннадцать часов у меня заседание.

А н т у а н е т т а (*роется в сумочке*). Хотела бы я знать, где я поставила машину. Ключи у меня здесь! Помню только, она стоит в какой-то аллее...

К ю р м а н. Тут поблизости нет аллей.

А н т у а н е т т а. Странно...

К ю р м а н. Может быть, ты хочешь яйцо всмятку?

А н т у а н е т т а. Каждый раз удивляюсь, как это мне удается найти свою машину.

Ассистентка в роли фрау Хубалек накрывает на стол. Кюрман и Антуанетта молчат, пока она не уходит.

Вы знаете Штахеля? Так зовут молодого человека, который вел мою машину, когда я сюдаехала. Не захотел подняться в квартиру, он ужасно стеснительный. А насчет аллеи я сейчас вспомнила: это было в прошлый раз.

Часы бьют десять раз.

Десять часов?

К ю р м а н. Да.

А н т у а н е т т а. Ради Бога... (*Берет накидку с тахты.*)

К ю р м а н. Ты уже уходишь?

А н т у а н е т т а. Десять часов!

К ю р м а н. Без завтрака?

А н т у а н е т т а. Мне тоже надо работать. О Боже! Ведь нужно еще переодеться! У меня на десять часов назначена встреча.

Кюрман смотрит, как она надевает накидку.

Выбросьте это из головы!

К ю р м а н. Почему ты смеешься?

А н т у а н е т т а. Потому что знаю, о чем вы думаете. О том же, что и все мужчины. Я не сплю со всеми под-

ряд, но если это случается, я всякий раз радуюсь, что потом я опять свободна, опять сама по себе, — точно так же, как и вы, Ханнес. (*Целует его в щеку.*) Где же я была свои часы?

К ю р м а н. Я полагаю, в ванной.

Антуанетта выходит.

Так ли все было?

В е д у щ и й. Именно так.

К ю р м а н. Ни слова о том, чтобы вновь увидеться?

В е д у щ и й. Ни слова...

К ю р м а н. Не понимаю...

В е д у щ и й. Ваша память, господин Кюрман, много чего присочинила: никто не садился к вам на колени, никто не обвивал руками вашу шею, не целовал, вызывая на ответную нежность. Ничего подобного не было. У нее тоже назначена встреча.

К ю р м а н. ...Вот как все было...

В е д у щ и й. Она ни разочарована, ни смущена, — напротив, ночь с вами ей, судя по всему, пришлось по вкусу, но что прошло, то прошло, она даже не настаивает на ночном интимно-доверительном обращении на «ты».

К ю р м а н. Не понимаю...

В е д у щ и й. Но это было так, господин Кюрман.

К ю р м а н. Тогда почему же я все-таки пропустил заседание?

Ассистентка в роли фрау Хубалек накрывает на стол.

Что она там делает столько времени?

А с с и с т е н т к а. Ищет свои часы.

Антуанетта возвращается и застегивает на руке ремешок часов.

А н т у а н е т т а. Уже четверть одиннадцатого... Сегодня я хочу еще раз посмотреть эти комнаты. Для моего будущего салона. Жаль, в доме нет лифта, это его единственный недостаток. Но сами по себе комнаты великолепны. Именно то, что я уже несколько лет ищу. Вполне можно провести верхний свет. Поэтому я и собираюсь сегодня встретиться с этим молодым архитектором.

К ю р м а н. Со Штахелем.

А н т у а н е т т а. И расположен дом просто уникально. (*Стоя выпивает чашку чая.*)

В е д у щ и й. Вам осталось лишь проводить ее до лифта.

Неоновая лампочка гаснет.

Без всяких там жарких поцелуев.

А н т у а н е т т а. Надеюсь, все пройдет удачно.

К ю р м а н. Да...

А н т у а н е т т а. Пожелайте мне ни пуха, ни пера!

Антуанетта уходит в сопровождении Кюрмана. Слышатся звуки расстроенного рояля. Ассистентка в роли фрау Хубалек приносит к завтраку свежие булочки.

А с с и с т е н т к а. Нужны еще булочки?

В е д у щ и й. Может быть, он проголодался...

Кюрман возвращается.

Она ушла?

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Это что-то новенькое.

К ю р м а н. А теперь что будет?

В е д у щ и й. Биография без Антуанетты...

Кюрман стоит и молчит.

Господин Кюрман, как вы себя чувствуете?

Кюрман берет булочку и ест.

Вы помните, что на том заседании в четверг речь шла об избрании нового ректора. Важно было — в том числе и для вас, господин Кюрман, — чтобы не выбрали коллегу Хорнахера. Его образ мыслей на посту ректора сделает все, чтобы вы, господин Кюрман, поскорее исчезли из своего института...

Кюрман берет вторую булочку.

Вы меня слушаете?

Кюрман стоя ест и думает.

В первом варианте вашей биографии вы пропустили сегодняшнее заседание, поскольку не могли себе представить, что женщина, проведшая ночь с вами в постели, на следующее же утро тоже захочет быть сама по себе. Вы считали, что вам следует поехать с фройляйн Штайн за город, отвезти только что выловленной рыбы, распить бутылочку вина и проявить интерес к ее планам. В то утро ректором был избран Хорнахер.

К ю р м а н. Еле-еле набрал большинство.

В е д у щ и й. Тогда вы очень раскаивались, что пропустили заседание.

Кюрман берет третью булочку.

Ректор Хорнахер — в первом варианте вашей биографии — не смог вам сильно навредить, ведь тогда вы не были членом коммунистической партии.

Кюрман слушает.

О чем вы сейчас думаете?

К ю р м а н (*наливает себе чай*). Я недооценил Антуанетту как личность.

В е д у щ и й. Конечно.

К ю р м а н. Как она поступит теперь? (*Стоя пьет чай.*)

В е д у щ и й. Не тревожьтесь за нее, такая энергичная и умная женщина добьется своего и без вас, господин Кюрман. Будьте спокойны. Эта женщина знает, чего хочет.

К ю р м а н. О да.

В е д у щ и й. Она внешне вполне привлекательна.

Кюрман пьет чай.

Она откроет художественный салон — ГАЛЕРЕЯ АНТУАНЕТТЫ, либо небольшое издательство — ИЗДАТЕЛЬСТВО АНТУАНЕТТЫ, либо еще что-нибудь, например, — МОДНЫЙ МАГАЗИН АНТУАНЕТТЫ. А если ничего не получится, она в любое время может вернуться в Париж.

К ю р м а н. К своему танцовщику.

В е д у щ и й. Нынче утром она встречается с молодым архитектором, чтобы выяснить, во сколько обойдется верхний свет, а может — почему знать? — в один прекрасный день родить ребенка, что опять изменит ее планы. Но все это не должно вас заботить: Антуанетта ушла.

Кюрман садится.

Позаботьтесь лучше о своем институте!

Бой часов.

Вам пора одеваться, господин Кюрман, чтобы во второй раз не пропустить заседание. Сейчас половина одиннадцатого.

К ю р м а н (*встает*). Можно еще раз вернуться назад?

В е д у щ и й. Вернуться?

К ю р м а н. Я недооценил эту женщину.

Обычное освещение.

В е д у щ и й. Господин Кюрман хочет еще раз вернуться назад.

К ю р м а н. К тому моменту, когда часы бьют десять.

В е д у щ и й. Пожалуйста. *(Тяжко вздыхает и садится.)*

А с с и с т е н т. Антуанетта еще дома?

Появляется Антуанетта.

А н т у а н е т т а. Что случилось?

В е д у щ и й. Нам придется еще раз вернуться назад.

А н т у а н е т т а. Почему?

В е д у щ и й. Господин Кюрман вас недооценил.

Световой занавес.

В е д у щ и й. Итак, прошу.

А н т у а н е т т а *(стоя пьет чай)*. Надеюсь, все пройдет удачно.

К ю р м а н. Ты уже уходишь?

А н т у а н е т т а. Пожелайте мне ни пуха ни пера!

К ю р м а н. Без завтрака?

Часы бьют десять.

В е д у щ и й. Стоп!

Загорается неоновая лампочка.

Неправильно. Когда часы бьют десять, она берет накидку с тахты, чтобы показать, что хочет уйти...

А н т у а н е т т а. Да.

В е д у щ и й. Значит, ваша накидка должна лежать на тахте.

А н т у а н е т т а. Правильно! *(Снимает накидку.)* Мне тоже надо работать.

Часы бьют десять.

К ю р м а н. Ты уже уходишь?

А н т у а н е т т а. Десять часов!

К ю р м а н. Я хочу тебе кое-что предложить...

А н т у а н е т т а. Мне тоже надо работать. *(Берет свою накидку с тахты.)*

В е д у щ и й. Правильно.

Неоновая лампочка гаснет.

А н т у а н е т т а. Мне тоже надо работать. О Боже! Ведь нужно еще пересодеться. У меня на десять часов

назначена встреча. *(Надевает накидку. Молчит, не зная, что говорить дальше.)*

А с с и с т е н т к а *(по досье)*. «Я не сплю со всеми подряд...»

А н т у а н е т т а. Я не сплю со всеми подряд, но если это случается, я всякий раз радуюсь, что потом я опять свободна и сама по себе, — точно так же, как и вы, Ханнес.

К ю р м а н. Мне кажется, мы перешли на «ты».

А н т у а н е т т а *(целует его в щеку)*. Где же я забыла свои часы?

К ю р м а н. Я полагаю, в ванной.

Антуанетта выходит.

В е д у щ и й. Откровенно говоря, не вижу большого отличия, господин Кюрман. Вы хотите позавтракать вдвоем или не хотите?

Ассистентка в роли фрау Хубалек входит с подносом в руках.

К ю р м а н. Спасибо, фрау Хубалек, спасибо...

Антуанетта возвращается и застегивает на руке ремешок часов.

А н т у а н е т т а. Сегодня я хочу еще раз посмотреть эти комнаты. Для моего будущего салона. Дом расположен просто уникально. Именно то, что я уже несколько лет ищу. Вполне можно провести верхний свет...

К ю р м а н. Поэтому ты встречаешься с этим архитектором?

А н т у а н е т т а. Вы знакомы со Штахелем?

Кюрман снимает с нее очки.

Что это значит?!

К ю р м а н. Я тебя не отпущу.

А н т у а н е т т а. У вас же заседание...

К ю р м а н. Хорнахера все равно изберут!

А н т у а н е т т а. Верните мне очки!

К ю р м а н. Я предлагаю...

А н т у а н е т т а. Seriously, Ханнес, прошу тебя...

К ю р м а н. Я пропущу заседание, будь что будет, но и ты забудешь про этого молодого архитектора с его верхним светом: мы с тобой поедem за город.

А н т у а н е т т а. Куда глаза глядят. На лоно природы!

К ю р м а н. Прекрасный денек нынче.

А н т у а н е т т а. Рука об руку сквозь камыши?

К ю р м а н. Не обязательно топать пешком — посидим в загородном ресторанчике на берегу озера, отведаем рыбки и разопьем бутылочку легкого вина — к примеру «Фендан».

Она улыбается.

Вот что я хотел вам предложить.

А н т у а н е т т а. Что это за вино — «Фендан»?

К ю р м а н. Антуанетта, я вас очень прошу.

А н т у а н е т т а. Я думала, мы на «ты».

Кюрман возвращает ей очки.

Спасибо.

К ю р м а н. Почему вы смеетесь?

А н т у а н е т т а. Я-то думала, вы хотите от меня избавиться.

Обычное освещение.

В е д у щ и й. Итак, все остается по-старому. (*Включает неоновую лампочку.*) Вновь идет первый вариант: обед в отеле «Лебеди», дискуссия об астрологии и фашизме, вечером — дома в одиночестве, известие, что Хорнахер избран ректором...

К ю р м а н. Как мне это изменить?

В е д у щ и й. Субботнее утро: второй завтрак с фройляйн Штайн. Потом она уезжает на выходные дни — навестить своих родителей. В понедельник днем вы в институте, ближе к вечеру — аперитив с фройляйн Штайн, вечер у вас обоих занят, но после полуночи — звонок по телефону: верхний свет ей не по карману.

К ю р м а н. И так далее!

В е д у щ и й. Среда: Антуанетта летит в Париж...

А н т у а н е т т а. Этого я не помню.

В е д у щ и й. Вечером ваш доклад об этологии и дарвинизме, в четверг опять боли в области желудка, в выходные дни вы вместе в Париже, отель «Понт Ройаль»...

К ю р м а н. И так далее и тому подобное!

В е д у щ и й. Вы помните, что за этим следует?

К ю р м а н. Путешествие.

В е д у щ и й. Счастье в Страсбурге, аборт, счастье в Лондоне, гепатит, счастье в Тараспе...

К ю р м а н. Зачем вы все это нам зачитываете?

Ведущий листает досье дальше.

Что будет через год?

В е д у щ и й (*вынимает из досье пригласительный билет*). «АНТУАНЕТТА ШТАЙН — ХАННЕС КЮРМАН: МЫ ВСТУПАЕМ В БРАК».

Кюрман выбивает трубку.

Итак, это остается?

Кюрман набивает трубку.

Господин Кюрман, вы еще раз волены сделать иной выбор.

К ю р м а н. И для этого должны все повторить? И то, что вовсе не хотим изменить: и наше счастье, и наши ласки, все это еще раз? Но это же невозможно.

А н т у а н е т т а. Невозможно.

К ю р м а н. ...И радости, и надежды... И вообще: наши разговоры, наши искрящиеся счастьем разговоры... Как это повторить, если все тайны открыты? Как вы себе это представляете? Мои и ее шутки: кто будет им еще раз смеяться?

А н т у а н е т т а. Нельзя ли все это опустить?

К ю р м а н. Да, нельзя ли все это опустить?

В е д у щ и й. Опустить все радостное?

А н т у а н е т т а. Попробуйте-ка обрадоваться повторно.

К ю р м а н. Попробуйте радоваться, если уже знаете, что за этим последует!

В е д у щ и й (*листает досье*). Что же вам хотелось бы изменить?

А н т у а н е т т а (*смеется*). Ему хотелось бы изменить мой характер.

В е д у щ и й (*тычет пальцем в досье*). Может быть, отменим аборт?

Кюрман и Антуанетта обмениваются взглядом, колеблются, потом оба отрицательно качают головой.

Тогда что же?!

К ю р м а н. Я знаю, что изменить. (*Подходит к режиссерскому столику.*) Вот здесь.

В е д у щ и й. Сцену с пощечиной?

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

Кюрман возвращается на сцену.

В девять часов утра, фрау Кюрман, вас все еще нет дома. Господин Кюрман не знает, где вы находитесь со вчерашнего вечера... Он вас ждет.

Антуанетта уходит со сцены.

В е д у щ и й. Дальше!

Световой занавес.

Вы провели бессонную ночь, не знаете, где Антуанетта.

Кюрман зажигает трубку.

Не имеете ни малейшего представления?

Где-то поблизости звучит фисгармония.

К ю р м а н. Это еще что такое?

В е д у щ и й. Фисгармония.

К ю р м а н. Откуда она взялась

В е д у щ и й. Вспомните-ка: балетная школа прогорела. Дом взяли в аренду какие-то сектанты. Этого вы не можете изменить, господин Кюрман. И к сожалению, вечно оставляют окно открытым.

Звуки фисгармонии дополняются пением «Алиллуйи».

Если вы этого не выносите, почему не подыщите себе другую квартиру?

Ассистентка появляется в роли фрау Хубалек.

А с с и с т е н т к а. Вас спрашивает какой-то господин. *(Вручает Кюрману визитную карточку и уходит.)*

К ю р м а н. Хорнахер?

В е д у щ и й. Это что-то новенькое.

К ю р м а н. Что ему от меня надо?

В е д у щ и й. Вы вступили в коммунистическую партию, чтобы изменить свою биографию, вот она и изменилась, господин Кюрман: в должности профессора вы теперь неприемлемы.

Ассистент появляется в роли ректора Хорнахера.

К ю р м а н. Я понимаю, ваше превосходительство, я все понимаю. *(Жестом приглашает его сесть в кресло.)*

А с с и с т е н т. Благодарю, уважаемый коллега. *(Не садится.)* Прошу прощения, что прервал ваш завтрак, но я почел своим долгом лично выяснить у вас кое-что, прежде чем выступить по этому поводу на Ученом совете.

К ю р м а н. Ваше превосходительство, я — член коммунистической партии. Это верно. Я признаю марксизм-ленинизм и прошу Ученый совет сделать соответствующие выводы.

Ассистент надевает шляпу.

В е д у щ и й. Подождите!

А с с и с т е н т. Ответ ясен.

В е д у щ и й. Может быть, господин профессор Кюрман, услышав, что он сказал, захочет ответить по-другому. Может быть, собственный ответ покажется ему упрощенным.

Ассистент снимает шляпу.

К ю р м а н. Ваше превосходительство...

А с с и с т е н т. Я вас слушаю.

К ю р м а н. Я не верю в марксизм-ленинизм. Что, разумеется, не означает, что революция в России была напрасной. Я не верю в марксизм-ленинизм как в благотворную теорию, годную на все времена. Вот что я хотел сказать. Правда, я не верю также и в благотворность вашей теории свободного предпринимательства. В это я верю еще меньше. Чтобы поставить точки над *i*: я не признаю за Западом морального права на Крестовый поход... *(Обращаясь к Ведущему.)* Думаю, этого будет достаточно.

А с с и с т е н т. Я тоже так думаю.

К ю р м а н. Причем этот ответ тоже не совсем верен.

Ассистент надевает шляпу.

В е д у щ и й. Подождите!

К ю р м а н. Зачем мне объясняться с этим дерьмуком!

В е д у щ и й. Снимите еще раз шляпу.

Ассистент снимает шляпу.

К ю р м а н. Может, стоит ему сказать, что мне известно о его прошлом. Он дал ложную клятву, дабы сделать научную карьеру. Это доказано, но не смущает наш Ученый совет... *(Смеется, потом вновь переходит на официальный тон.)* Благодарю за беседу, ваше превосходительство, и прошу Ученый совет сделать выводы, которых я ожидал и которые меня ничуть не удивят. Впрочем, я ожидал их немного раньше. *(Садится на тахту.)*

А с с и с т е н т. Можно мне теперь надеть шляпу?

К ю р м а н. Прошу вас.

Ассистент надевает шляпу и уходит.

Уеду из этой страны! *(Наливает себе чай.)*

В е д у щ и й. Почему же не едете?

Кюрман пьет чай.

Потому что ждете Антуанетту?

Ассистентка в роли фрау Хубалек приносит почту.

К ю р м а н. Моя супруга вернулась?

А с с и с т е н т к а. Нет еще.

К ю р м а н. Спасибо, фрау Хубалек, спасибо.

Ассистентка уходит.

В е д у щ и й. Почему вы не читаете письма?

Кюрман протягивает руку к телефону и набирает номер.

Почему вы ничего не говорите?

К ю р м а н. Потому что в трубке каждый раз щелкает.

В е д у щ и й. Тем не менее вы можете говорить.

К ю р м а н. А почему каждый раз щелкает?

В е д у щ и й. Потому что ваш телефон прослушивается.

Кюрман кладет трубку.

Кое-что уже изменилось.

Кюрман встает.

Вы опять ждали ее всю ночь, сейчас десять часов утра, вы опять стоите в старом халате у окна и не отрываете глаз от улицы...

К ю р м а н. Что изменилось?

В е д у щ и й. Вы уже не пропустите лекцию, ожидая Антуанетту: вас лишили профессуры. И виски уже нет в доме. В первом варианте вы довольно много пили, когда поджидали Антуанетту. Врач убедил вас, что дело в печени, и теперь вы чувствуете себя намного лучше, чем при первом варианте.

Антуанетта входит.

А н т у а н е т т а. Извини. (*Садится за стол, накрытый к завтраку.*) Шнайдеры передают тебе привет. (*Наливает себе чай.*)

К ю р м а н. Чай остыл.

А н т у а н е т т а. Все очень сожалели, что ты не пришел. Я получила большое удовольствие. Некоторые гости показались мне славными, очень интересными... (*Пьет чай.*) Шнайдеры передают тебе привет.

К ю р м а н. Это ты уже сказала.

А н т у а н е т т а. Ты позавтракал?

К ю р м а н. Сейчас десять часов.

Она пьет чай.

Доброе утро!

А н т у а н е т т а. Хенрик тоже передает тебе привет.

К ю р м а н. Кто?

А н т у а н е т т а. Хенрик.

К ю р м а н. Удивляюсь.

А н т у а н е т т а. Почему ты удивляешься?

К ю р м а н. Потому что Хенрик в настоящее время в Лондоне.

А н т у а н е т т а (*оборачивается и глядит на него*).
Ханнес...

К ю р м а н. Доброе утро!

А н т у а н е т т а. Что случилось?

К ю р м а н. Об этом я тебя спрашиваю.

А н т у а н е т т а. Я прихожу домой...

К ю р м а н. В десять часов утра.

А н т у а н е т т а. Передаю тебе привет от Хенрика...

К ю р м а н. Который находится в Лондоне.

А н т у а н е т т а. ...И это означает, что я лгу?

К ю р м а н (*обращаясь к Ведущему*). Когда я дал ей пощечину?

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. Позже.

Лампочка гаснет.

К ю р м а н. Кто еще передает мне привет?

Входит Ассистентка в роли фрау Хубалек.

Доброе утро, фрау Хубалек, доброе утро.

А с с и с т е н т к а. Приготовить свежий чай? (*Берет кувшинчик и уходит.*)

А н т у а н е т т а. Пришли твои корректуры? (*Сидя закуливает.*)

В е д у щ и й. Она имеет в виду корректурные оттиски брошюры «Этология для всех и каждого», которую вам пришлось написать ради заработка.

Часы бьют десять.

К ю р м а н. Где твои часы?

Она глядит на свою руку: часов нет.

Я просто спрашиваю.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. В эту минуту вы завопили. Сперва разбили чашку, потом завопили и дали ей пощечину.

Лампочка гаснет.

К ю р м а н. Оттиски пришли... (*Стоя берет в руки свою пустую чашку.*)

А н т у а н е т т а. Прошло два года, как мы поженились, и каждый раз, как я возвращаюсь из гостей, каждый раз ты проверяешь, есть ли у меня на руке часы. Хотелось бы знать, что ты, собственно, обо мне думаешь!

К ю р м а н. Я же просто спросил.

А н т у а н е т т а. Знаю я, что ты думаешь!

Он помешивает ложечкой в пустой чашке.

Вечно вспоминаешь, что когда-то я забыла их в твоей ванной... (*Встает.*) Ханнес, если хочешь, я уйду. Сейчас же. Мы живем не в девятнадцатом веке. И я не позволю мужчине на меня орать.

К ю р м а н. Разве я орал?

Ассистентка в роли фрау Хубалек приносит чай.

Спасибо, фрау Хубалек, спасибо.

Ассистентка уходит.

А н т у а н е т т а. Два года, как мы поженились, и я впервые провела ночь не дома, впервые. Но каждый раз ты устраиваешь мне сцену.

К ю р м а н. Антуанетта...

А н т у а н е т т а. Каждый раз!

К ю р м а н. Это ты устраиваешь сцену, Антуанетта, а не я. Что я делаю? Слушаю тебя, стою и пью чай.

А н т у а н е т т а. Чай?

К ю р м а н. Да, чай.

А н т у а н е т т а. Из пустой чашки!

Пауза.

К ю р м а н. Почему она плачет?

В е д у щ и й. Вы правы: в первом варианте она не плакала. Потому что в первом варианте вы на нее накричали, господин Кюрман. А теперь она плачет потому, что не могут же оба партнера одновременно ощущать свое моральное превосходство.

А н т у а н е т т а. Этого я не потерплю! (*Рыдает.*)

К ю р м а н. Антуанетта... *(Подходит к ней.)* Я так беспокоился. Пытался работать. Читал корректуры. Потом позвонил. В два часа ночи. Шнайдеры были уже в постели. Сказали, что вы уже ушли...

Она что-то вынимает из сумочки.

А н т у а н е т т а. Вот мои часы.

Он подходит к столу и наливает себе чай.

Могу тебе только сказать, что ты ошибаешься.

К ю р м а н. Ну, вот и хорошо.

А н т у а н е т т а. Ничего хорошего я тут не вижу, Ханнес; для меня это невыносимо. Такой человек как ты, интеллектual, да еще в твоём возрасте... Я хотела сказать: с твоим жизненным опытом...

К ю р м а н. Что ты хотела сказать?

А н т у а н е т т а. Я считаю, что это возмутительно.

К ю р м а н. Антуанетта, ты ведешь себя сейчас, как будто я в самом деле дал тебе пощечину за то, что ты всю ночь отсутствовала. *(Прихлебывая горячий чай.)* Что ты считаешь возмутительным?

А н т у а н е т т а. Два года, как мы поженились...

К ю р м а н. Почему ты не позвонила?

А н т у а н е т т а *(застегивает на руке часы)*. Тебе что, больше не о чем думать в этой жизни? Спала я с кем-то или нет — разве это твоя забота? *(Берет в руки сумочку.)* Допустим, я спала с мужчиной в эту ночь или даже каждый раз, когда тебе так кажется: что с того? Прошу покорно. Разве от этого мир перевернется?

К ю р м а н. Сейчас ты несешь полную чушь.

А н т у а н е т т а. Да, я провела ночь в постели с мужчиной.

Пауза.

К ю р м а н. Хочешь еще чаю? *(Наливает чай в ее чашку.)*

А н т у а н е т т а. Мне надо переодеться.

К ю р м а н. Кто тебе мешает?

А н т у а н е т т а. Я приглашена на обед. *(Уходит.)*

В е д у щ и й. Теперь вы все знаете.

Звучит фисгармония.

На этот раз вы не накричали на нее, господин Кюрман, ничего похожего. И до пощечины дело не дошло, хотя

Антуанетта этого ждала. Вы вели себя как пастоящий мужчина.

К ю р м а н. А что от этого изменилось?

В е д у щ и й. Ситуация остается прежней.

К ю р м а н. Да, ситуация остается прежней.

В е д у щ и й. Но вы чувствуете себя лучше...

Кюрман швыряет чашку на пол.

Вы знаете, как дела пойдут дальше?

Входит Антуанетта в пальто.

А н т у а н е т т а. Ханнес, я ухожу.

К ю р м а н. Куда?

А н т у а н е т т а. В город.

К ю р м а н. В город...

А н т у а н е т т а. Я тебе сказала, что я приглашена на обед. Во вторую половину дня я буду, как всегда, в библиотеке. Тебе это известно. Вечером я дома.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, в первом варианте вы именно после этих слов просили у Антуанетты прощения за пощечину. Но теперь это отпадает.

Лампочка гаснет.

К ю р м а н. Разреши узнать, как его зовут?

А н т у а н е т т а. Я требую, чтобы ты сейчас же оставил меня в покое. Это все, что я могу тебе сказать, Ханнес. Это — мое личное дело. Если между нами что-то изменится, Ханнес, я сама об этом сообщу. *(Уходит.)*

К ю р м а н. Она не говорит, как его зовут. Хотя пощечины и не было.

В е д у щ и й. Но вы чувствуете себя лучше, чем в первом варианте, господин Кюрман. На этот раз вам не в чем себя упрекнуть.

Кюрман убирает осколки своей чашки.

Разве вы не чувствуете себя лучше?

Слышны звуки фисгармонии и пение «Алилуйи».

К ю р м а н. Дальше!

Ассистентка в роли фрау Хубалек приносит почту.

Спасибо, фрау Хубалек, спасибо.

Ассистентка убирает со стола.

В е д у щ и й. Прошла еще неделя; вы вскрыли письмо, адресованное Антуанетте, чтобы узнать, на каком вы свете. Помните? После чего она абониrowала ящик на почте.

К ю р м а н. Фрау Хубалек! *(Протягивает ей письмо.)*
Срочное письмо моей супруге.

Ассистентка берет письмо и поднос и уходит.

В е д у щ и й. Вот видите, можете и по-другому!

Кюрман валится на тахту.

Вы ведете себя безупречно. Антуанетта будет вас уважать. Вероятно, она все же абонирует ящик на почте. Но не из недоверия к вам, а из деликатности.

Звучит фисгармония.

К ю р м а н. Что будет через месяц?

Неоновая лампочка загорается.

В е д у щ и й. Вы все еще живете вместе.

Лампочка гаснет.

Господин Кюрман, почему вы не работаете?

Антуанетта входит в пальто и с чемоданчиком,
который она опускает на пол, чтобы надеть перчатки.

А н т у а н е т т а. Хапнес, я ухожу.

К ю р м а н. Ты все взяла?

А н т у а н е т т а. Через неделю я вернусь.

К ю р м а н. Паспорт не забыла?

А н т у а н е т т а. Самое позднее через неделю.
(Ищет паспорт в сумочке.)

К ю р м а н. Ехать надо очень осторожно. Я читал сводку погоды: Готардский перевал открыт для движения, но из Италии сообщают о наводнениях.

А н т у а н е т т а. Мы летим.

К ю р м а н. Тогда я спокоен.

А н т у а н е т т а. У Эгона всего неделя на отдых.

Пауза.

К ю р м а н. Когда вылет?

А н т у а н е т т а. В час, кажется.

Он смотрит на часы.

Деньги на хозяйство у фрау Хубалек есть.

К ю р м а н. Знаю, я сам их ей давал.

А н т у а н е т т а. А ты чем займешься?

К ю р м а н. Корректурами...

Она берет в руку чемоданчик.

У тебя еще есть время, Антуанетта, много времени. До аэродрома всего сорок минут езды. Максимум. А сейчас десять часов. Даже и того нет. *(Набивает трубку.)* Почему она так нервничает?

В е д у щ и й. Вы ведете себя безукоризненно. А она на это не рассчитывала. В первом варианте вы больше часа ссорились. Вам пришлось признаться, что вскрыли письмо, адресованное Антуанетте. Она вышла из себя. Вам пришлось без конца извиняться и просить прощения, прежде чем Антуанетта наконец взяла в руку чемоданчик.

К ю р м а н. Но теперь она слишком рано приедет на аэродром.

В е д у щ и й. Потому что ей не за что вас прощать.

Часы бьют десять.

А н т у а н е т т а. Ханнес, мне пора. *(Наскоро целует Кюрмана.)*

К ю р м а н. Ехать надо очень осторожно!

Антуанетта уходит.

Я хотел сказать: лететь осторожно! *(Зажигает трубку.)* Эгон, его зовут Эгон...

В е д у щ и й. Что вы имеете против этого имени?

К ю р м а н. Эгон!

В е д у щ и й. Вы уже слышали это имя несколько лет назад, но не обратили внимания. Люди — большей частью те, кто еще не знает, что он любовник Антуанетты, — без конца упоминают его имя: Эгон или Штахель. Кажется, об этом молодом человеке все очень хорошо отзываются — как об архитекторе, но и как о человеке.

Кюрман направляется к бару.

В доме больше не бывает виски. Я уже вам напоминал: это вы сами изменили, господин Кюрман.

Кюрман растерянно останавливается.

Почему вы не работаете?

Кюрман разражается смехом.

Что вас так рассмешило?

К ю р м а н. Его зовут Эгон...

В е д у щ и й. Господин Кюрман, этого вы не можете изменить.

К ю р м а н. Эгон... *(Перестает смеяться.)*

В е д у щ и й. Если бы вы могли начать жизнь сначала, вы бы точно знали, что в ней следует изменить, — так вы сказали! Но изменить вы можете только свое собственное поведение, господин Кюрман.

Загорается неоновая лампочка.

В первом варианте — помните? — произошла ваша встреча с господином Штахелем. Это вы на ней настояли! Между вами состоялся, что называется, мужской разговор.

Появляется Ассистент в роли Эгона.

Хотите его изменить?

Кюрман разглядывает Ассистента.

Согласно досье разговор прошел достаточно достойно, хотя вы, господин Кюрман, выпили тогда не меньше трех бокалов виски...

А с с и с т е н т *(в роли Эгона подходит к Кюрману).*
Ханнес!

К ю р м а н. Разве мы с вами на «ты»?

А с с и с т е н т. Право, не знаю...

К ю р м а н. Садитесь, господин Штахель.

А с с и с т е н т *(садится)*. Я, наверное, сел в ваше кресло?

К ю р м а н. Не имеет значения.

А с с и с т е н т. Извините! *(Делает движение встать.)*

К ю р м а н. Прошу вас!

Ассистент остается в кресле, Кюрман тоже садится.

Господин Штахель, я благодарен вам за то, что вы приняли мое приглашение. Вот уже несколько лет мы слышим друг о друге, и я подумал, что пора нам познакомиться.

А с с и с т е н т. Благодарю вас за письмо.

К ю р м а н. Хотите кофе?

А с с и с т е н т. Спасибо, нет.

К ю р м а н. Может быть, чаю?

Ассистент делает рукой отрицательный жест.

Антуанетты нет дома.

А с с и с т е н т. Я знаю.

К ю р м а н. Знает ли она, что вы здесь?

А с с и с т е н т. Я ей сказал...

Пауза.

К ю р м а н. Вы впервые в этой квартире?

А с с и с т е н т. Что вы хотите сказать этим вопросом?

К ю р м а н. Иногда я бываю в отъезде.

А с с и с т е н т. Господин Кюрман...

К ю р м а н. Мы можем говорить друг с другом откровенно.

А с с и с т е н т *(достает сигарету)*. Я впервые в вашей квартире. *(Закуривает.)*

В е д у щ и й. Дальше! *(Пауза.)* Дальше!

А с с и с т е н т. Вас не раздражает, что я курю?

К ю р м а н. Никоим образом.

А с с и с т е н т. Мы можем говорить откровенно...

Пауза.

В е д у щ и й. Почему же вы молчите?

Загорается неоновая лампочка.

А с с и с т е н т к а *(по доске)*. «Вот уже несколько лет мы слышим друг о друге...»

В е д у щ и й. Это мы уже знаем.

А с с и с т е н т к а. «Мне не в чем вас упрекнуть. Мы оба любим одну и ту же женщину. Я вас понимаю. Ведь женщина — не собственность мужчины. Думается, нам нет нужды растолковывать друг другу такие вещи. И Антуанетта вас любит. Это так. Что касается меня, повторяю: мне абсолютно не в чем вас упрекнуть».

В е д у щ и й. Кто из них это говорит?

А с с и с т е н т к а. Господин Кюрман.

В е д у щ и й. А что говорит второй?

А с с и с т е н т к а. «Эгон только улыбается».
(Улыбается.)

К ю р м а н. Вероятно, это покажется смешным, да я и сам знаю, что нам не о чем договариваться. С другой стороны, я счел, что будет не менее смешно, если мы вообще никогда не встретимся. Почему, собственно? Живем в одном и том же городе...

А с с и с т е н т. Это верно.

К ю р м а н. И любим одну и ту же женщину...

Ассистент встает.

Или это не так?

А с с и с т е н т (*берет пепельницу с письменного стола*). Разрешите? (*Вновь садится.*) Мы с вами любим одну и ту же женщину, господин Кюрман, я знаю об этом уже давно. Мы оба это знаем. Не проходит недели, чтобы я не услышал ваше имя: Ханнес теряет профессуру, Ханнес и его гастрит, Ханнес едет в Советский Союз...

К ю р м а н. А я мало о вас слышу.

А с с и с т е н т. Я тоже решил, что такой разговор назрел...

К ю р м а н. Вы архитектор и католик.

А с с и с т е н т. Так сказать.

К ю р м а н. И тоже женаты.

А с с и с т е н т. Оставим в покое мою жену.

К ю р м а н. Она ничего не знает об Антуанетте?

А с с и с т е н т. Я тоже решил, что такой разговор назрел; вы совершенно правы, мы живем в одном и том же городе: почему бы нам не встретиться и не познакомиться? Почему, собственно? Я уже давно ощущал потребность откровенно поговорить с вами как мужчина с женщиной. Даже если это ничего не изменит.

К ю р м а н. Но позвонить вы ни разу не решились.

А с с и с т е н т. Я хотел вам написать.

К ю р м а н. Что вам помешало?

А с с и с т е н т. Вы же знаете Антуанетту.

К ю р м а н. Что вы этим хотите сказать?

А с с и с т е н т. Вы женаты на этой женщине...

К ю р м а н. Это еще не значит, будто я ее знаю.

А с с и с т е н т. Ханнес, вы и представить себе не можете, сколько раз я просил вашу жену, чтобы она наконец рассказала вам о нашей связи. Поверьте, для меня эта связь очень много значит. Я умолял Антуанетту. Но она никак не могла решиться. Я настаивал, чтобы вы, ее муж, обо всем узнали, еще когда вы только что поженились.

К ю р м а н. Когда мы только что поженились...

А с с и с т е н т. Я настаивал, но Антуанетта не хотела также, чтобы об этом сказал вам я. Мол, тогда будет все кончено. Между нами. Мол, она не может причинить боль человеку, которого глубоко уважает.

К ю р м а н. Когда мы только что поженились...

А с с и с т е н т. Антуанетта вас очень уважает.

К ю р м а н. Но она мне все же сказала.

А с с и с т е н т. Только когда я пригрозил, что пошлю вам письмо! Оно уже лежало на столе. Я поставил Ан-

туанетту перед выбором: либо ты поговоришь с Ханпесом — сегодня же! — либо я отошлю письмо. Заказным.

К ю р м а н. Когда это было?

А с с и с т е н т. Я больше не мог это вынести.

К ю р м а н. Вполне вам верю, Эгон.

А с с и с т е н т. Это было, кажется, года полтора назад. Антуанетте было очень тяжело, но я настоял. И после этого ей тоже полегчало. Покончено с этим враньем! У нас тогда словно камень с души свалился, поверьте, наши отношения стали гораздо светлее.

К ю р м а н. Полтора года назад...

А с с и с т е н т. Намного светлее.

К ю р м а н. ...Но сказала она мне всего месяц назад.

Пауза.

В е д у щ и й. Дальше, господа, дальше!

Ассистент поднимается с кресла, стоит, засунув руки в карманы, и глядит в окно.

К ю р м а н. К сожалению, в доме нет виски.

А с с и с т е н т. Понимаю!

К ю р м а н. Я больше не пью.

А с с и с т е н т. ...Потому она и не соглашалась, чтобы я встретился с вами сегодня. Именно поэтому! Мне она полтора года назад сказала, что теперь Ханпес все знает. (*Смеется.*) Видит Бог, мы любим одну и ту же женщину.

Пауза.

В е д у щ и й. Дальше, господа, дальше!

К ю р м а н (*подходит к ведущему*). Я отказываюсь от этого разговора.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

К ю р м а н. Без виски он не клеится.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й. Господин Кюрман отказывается от разговора.

Ассистент уходит со сцены.

Это означает... (*Листает досье.*) Вы не встретились с господином Штахелем, вы не знаете, как он страдал с тех пор, как вы с Антуанеттой поженились. И вы с Эгоном не подружились.

К ю р м а н. Без виски разговор не клеится.

В е д у щ и й. Итак, это отпадает. (*Вырывает из доске несколько страниц и выбрасывает их.*) Пожалуй-ста.

Неоновая лампочка гаснет.

К ю р м а н (*сидя за письменный стол*). Фрау Хубалек!

Слышны звуки фисгармонии.

Фрау Хубалек!

В е д у щ и й. Почему вы кричите?

Ассистентка появляется в роли итальянки — новой экономки Кюрмана.

А с с и с т е н т к а. Professore?

В е д у щ и й. Фрау Хубалек скончалась.

А с с и с т е н т к а. Che cosa desidera?¹

К ю р м а н. Как по-итальянски пепельница?

В е д у щ и й. Portacenere.

К ю р м а н. Per favore.²

В е д у щ и й. Ее зовут Пина, она родом из Калабрии.

К ю р м а н. Come sta³, Пина?

А с с и с т е н т к а. Meglio, Signore, un po meglio.⁴
(*Берет со стола пепельницу, полную золы.*)

К ю р м а н. Brutto tempo in questo paese.⁵

А с с и с т е н т к а. Eh!⁶

К ю р м а н. Eh!

Ассистентка уходит.

В е д у щ и й. Вы делаете успехи в итальянском.

К ю р м а н. Еще кто-нибудь скончался?

В е д у щ и й. В вашем доме — нет.

Ассистентка приносит чистую пепельницу.

К ю р м а н. Grazie⁷, Пина.

В е д у щ и й. Пина!

К ю р м а н. Пина, mille grazie!⁸

Ассистентка уходит.

¹ Что вы желаете? (*итал.*)

² Будьте добры (*итал.*).

³ Как вы себя чувствуете? (*итал.*)

⁴ Лучше, немного лучше (*итал.*).

⁵ Скверный климат в этой стране (*итал.*).

⁶ Это уж точно! (*итал.*)

⁷ Спасибо (*итал.*).

⁸ Большое спасибо (*итал.*).

Что еще произошло?

Антуанетта входит в другом пальто.

А н т у а н е т т а. Ханнес, я ухожу.

В е д у щ и й. Она купила себе новое пальто.

К ю р м а н. Во второй половине дня ты в библиотеке.

А н т у а н е т т а. Да, во второй половине дня я в библиотеке.

К ю р м а н. Вечером ты дома.

А н т у а н е т т а. Этого я еще не знаю. *(Наскоро целует его.)*

К ю р м а н. ...Этого она еще не знает!

Антуанетта делает движение уйти.

Стоп!

Антуанетта застывает на месте.

Это я хотел бы изменить.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

К ю р м а н. Раз и навсегда.

В е д у щ и й. Господин Кюрман хочет что-то изменить.

А н т у а н е т т а. Пожалуйста. *(Возвращается в комнату.)* Ханнес, я ухожу.

К ю р м а н. Почему мы не разводимся?

А н т у а н е т т а. Во второй половине дня я в библиотеке.

К ю р м а н. Я тебя о чем-то спросил.

А н т у а н е т т а. Вечером я дома.

К ю р м а н. Почему мы не разводимся?

Пауза.

В е д у щ и й. В первом варианте вы в это утро дали следующее обоснование...

Кюрман садится на край письменного стола.

А с с и с т е н т к а *(по доске)*. «Мне жаль, что пропали годы нашей жизни, Антуанетта. Я люблю тебя, но мне жаль, что пропали годы нашей жизни».

Пауза.

К ю р м а н. Жаль, что пропали годы... *(Подходит к окну и смотрит на улицу.)*

А с с и с т е н т к а. «Мы живем лишь один раз, Антуанетта».

К ю р м а н. Это мои слова?

В е д у щ и й. Тривиально, но прочувствованно!

Кюрман опять садится на край письменного стола.

А с с и с т е н т к а. «Однажды, несколько лет назад, — сама, наверное, помнишь? — ты сказала: если между нами что-то изменится, ты мне об этом сообщишь».

Антуанетта молчит.

К ю р м а н. Помнишь свои слова?

В е д у щ и й. Мы помним.

К ю р м а н. Но ничего не изменится. Эгон католик. Он не может развестись. Это делает и наш брак нерушимым.

Антуанетта молчит.

Знаю, что ты не позволяешь говорить с тобой в таком тоне. Тем не менее я за то, чтобы мы развелись.

Антуанетта молчит.

Причем немедленно!

Антуанетта молчит.

Ты меня слушаешь?

А н т у а н е т т а (*садится*). Ты уже говорил с адвокатом?

К ю р м а н. Нет.

А н т у а н е т т а. А я говорила... (*Закуривает.*) Нам было бы проще нанять одного и того же адвоката. Так он считает. Потому что если процесс примет характер разбирательства, он займет не меньше года и обойдется тебе дороже, считает он.

К ю р м а н (*подходит к режиссерскому столику*). Что будет через год? (*Слышен плач младенца.*) Ребенок?

В е д у щ и й. Да.

К ю р м а н. От Эгона?

В е д у щ и й. Нет.

К ю р м а н. От меня?

В е д у щ и й. Ребенок родится у молодой итальянки.

Младенец умолкает.

К ю р м а н. Что еще произойдет?

В е д у щ и й. Ну например: вы побываете в Москве.

К ю р м а н. А еще что?

В е д у щ и й. О своей поездке вы ничего не рассказываете. Из вашего молчания некоторые делают вывод, что Советский Союз вас разочаровал.

А н т у а н е т т а. Так оно и есть.

К ю р м а н. С чего ты взяла?

А н т у а н е т т а. Эгон тоже съездил в Россию.

К ю р м а н. Эгон!

А н т у а н е т т а. Он рассказывал.

К ю р м а н. Эгон — реакционер.

А н т у а н е т т а (*гасит сигарету*). Ханнес, я ухожу.

К ю р м а н. Что будет между нами через год?

В е д у щ и й. Вы по-прежнему будете хотеть развестись...

А н т у а н е т т а (*смотрит на свои часы*). Мы уже все сказали друг другу. Либо мы идем наконец к адвокату, либо больше никогда не говорим о разводе. (*Встает.*) Во второй половине дня я в библиотеке.

К ю р м а н. Во второй половине дня она в библиотеке...

А н т у а н е т т а. Вечером я дома.

К ю р м а н. Вечером она дома...

А н т у а н е т т а. Если что-то изменится, я позвоню.

К ю р м а н. Если она не придет, то позвонит... (*Выдвигает ящик письменного стола, вынимает револьвер и в раздумье его рассматривает.*)

В е д у щ и й. Однажды вы уже доходили до этой мысли. (*Зажигает неоновую лампу.*) Вы хотели застрелиться, потому что любили эту женщину и думали, что не в силах это изменить...

Кюрман снимает револьвер с предохранителя.

Господин Кюрман, револьвер заряжен.

Кюрман тупо смотрит в одну точку.

Откровенно говоря, мы, естественно, тоже ожидали чего-то другого, более смелого, что ли...

К ю р м а н. Да.

В е д у щ и й. ...Может, ничего особо выдающегося, но все же чего-то другого, чего в вашей жизни еще не было. По меньшей мере — другого. Почему вы, например, не эмигрировали? Раз уж вам дано право выбирать... Вместо этого: та же квартира, та же история с Антуанеттой. Только без пощечины. Это вы изменили. А что еще? Не употребляете спиртного. Вот и все, что вы

изменили в своей жизни. И ради таких пустяков мы устроили целый спектакль!

К ю р м а н. Я люблю ее.

Неоновая лампочка гаснет.

В е д у щ и й. Пожалуйста.

Антуанетта входит в пальто.

А н т у а н е т т а. Хапнес, я ухожу.

Кюрман направляет на нее револьвер.

Я еду в город.

Выстрел.

Во второй половине дня я в библиотеке.

Выстрел.

Вечером я дома.

Выстрел.

Хапнес...

К ю р м а н. Она думает, мне это снится.

Выстрел.

А н т у а н е т т а. Ты меня не слышишь?

Выстрел. Антуанетта падает.

В е д у щ и й. Да, господин Кюрман, теперь вы и впрямь выстрелили!

К ю р м а н. Я?

Антуанетта неподвижно лежит на полу; Ведущий подходит и наклоняется над ней. Кюрман стоит, словно окаменев, и только смотрит на нее. Ассистент и Ассистентка хлопчут вокруг Антуанетты.

К ю р м а н. Нет! Нет...

В е д у щ и й. Вы пять раз выстрелили в вашу супругу Антуанетту Кюрман, урожденную Штайн. Пятый выстрел — в голову — был смертельным... Находясь в следственной тюрьме, вы заявили, что и сами удивлены, не ожидали, что способны на такое...

Кюрман молчит.

К ю р м а н. Разрешите задать вам вопрос?

Пауза.

В е д у щ и й. Не думаете ли вы в связи с этой биографией — или, вернее, не чувствуете ли, не ощущаете ли теперь, находясь в этой камере, — некой склонности, по-

требности или готовности — не знаю уж, как это лучше назвать — какой вы прежде не знали и возникшей лишь из сознания вины: готовности к раскаянию?

К ю р м а н. Готовности к чему?

В е д у щ и й. Господин Кюрман, вам сейчас сорок девять лет. Сокращения срока — как известно, при безупречном поведении сие не исключено — вряд ли можно ожидать раньше, чем через двенадцать лет. К тому времени вам перевалило бы за шестой десяток, да и то, если доживете... Вы понимаете, в чем мой вопрос?

К ю р м а н. Вы считаете: чтобы вынести такую перспективу, мне следует задуматься — в чем же смысл того, что произошло?

В е д у щ и й. Я спросил то, что спросил.

К ю р м а н. И этот смысл, дескать, состоит в том, что я должен поверить: все должно было произойти именно так, а не иначе. Судьба. Провидение.

В е д у щ и й. Назовем это так.

К ю р м а н. А я знаю, как это произошло.

В е д у щ и й. ...Случайно?

К ю р м а н. Этого могло бы и не быть.

Пауза.

В е д у щ и й. Господин Кюрман, вы вольны выбирать.

К ю р м а н. Верить или не верить.

В е д у щ и й. Да.

Кюрман молчит.

К ю р м а н. А она? Антуанетта? Верю я или нет — что для нее меняется? Ее жизнь — не моя... Что ей, мертвой, от того, что я, ее убийца, обклею свою камеру судьбой? Я отнял у человека жизнь, именно у нее отнял — чего же тут еще выбирать? Ее нет в живых, ее нет, а я буду выбирать: верить в судьбу или не верить. Раскаяние! Что люди понимают под раскаянием...

В е д у щ и й. Что Антуанетта могла бы жить — если бы этого не произошло — могла бы жить, то есть смеяться, есть, мечтать о своем несбыточном салоне, родить от кого-нибудь ребенка, лгать, спать, носить новое платье. В общем — жить. В таком случае, давайте еще раз вернемся назад.

К ю р м а н. Пожалуйста.

В е д у щ и й. Вы вольны выбирать что-то другое, господин Кюрман.

К ю р м а н. Без револьвера.

В е д у щ и й. Выстрелы отменяются.

А н т у а н е т т а (*поднимается с пола*). Спасибо.

В е д у щ и й. Хорошо, без револьвера. Как вам будет угодно.

К ю р м а н. Спасибо.

Световой занавес; в комнате — небольшая теплая компания
в сильном подпитии.

А с с и с т е н т. Куда девался Кюрман? Хочу ему сообщить: его Антуанетта — гений! Кюрман, ау, где ты?

А с с и с т е н т к а. Не ори, не в лесу.

А н т у а н е т т а. Я столько лет не садилась за клавикорды.

А с с и с т е н т. Хочу ему сообщить: его Антуанетта — гений! Так что же случилось с садовыми гномами?

А н т у а н е т т а. Может, мне следует сварить затируху?

А с с и с т е н т. Этот вопрос слышу уже битый час...

Тишина.

А с с и с т е н т к а. Ангел пролетел.

А с с и с т е н т (*кричит кому-то, находящемуся в другой комнате*). Эй, Шнайдер, хочешь затирухи?

А с с и с т е н т к а. Так что же случилось с гномами?

А н т у а н е т т а. Кто хочет затирухи?

А с с и с т е н т к а. Давай про гномов, Антуанетта! (*Тянется шепнуть ей что-то на ухо.*)

А с с и с т е н т. Нечего вам тут секретничать! Как насчет затирухи?

К ю р м а н. Я пойду и сварю затируху.

А с с и с т е н т. Кюрман воскрес! Твоя жена — классная женщина, чтоб ты знал, Кюрман, такой жены ты не стоишь...

К ю р м а н. Но это займет какое-то время.

А с с и с т е н т. И ты, Антуанетта, такого мужа не стоишь, чтоб ты знала, вы оба друг друга не стоите!

А с с и с т е н т к а (*уходя*). Пусть Антуанетта еще поиграет.

А с с и с т е н т (*уходя*). Магги, почему ты не гений?

А с с и с т е н т к а. Не ори так (*Из-за двери.*) Ребята, пора по домам.

Появляется Кюрман.

В е д у щ и й. Я думал, вы варите затируху. Что случилось? Вам нехорошо? Ваши друзья ждут затируху.

К ю р м а н. А что будет через год?

В е д у щ и й. Вы в самом деле хотите знать?

К ю р м а н. Так что будет через год?

Световой занавес.

В е д у щ и й. Антуанетта поехала в город. Сейчас одиннадцать часов утра, господин Кюрман, а вы все еще в халате.

Кюрман садится за письменный стол.

Вы слишком много думаете об Антуанетте...

Слышен пронзительный плач младенца.

К ю р м а н. Пина? Где же Пина?

В е д у щ и й. Вероятно, пошла за покупками.

К ю р м а н. Пина!

Младенец умолкает.

В е д у щ и й. Можно мне присесть? (*Садится; Кюрман не поднимает на него глаз.*) Вы в отчаянии... Миллионам ваших современников живется хуже, чем Ханнесу Кюрману, и вы это понимаете. И все же вы в отчаянии, мне это понятно: вы не знаете, что делать со свободой выбора! Кое-что изменили. Ханнес Кюрман не берет в рот спиртного. Bravo. Он решился на развод, но нужно, чтобы и она решилась. Тем не менее, он остается при своем решении. Bravo. А что еще? Ханнес Кюрман больше не входит в так называемый преподавательский корпус университета. Bravo. Вы выбрали независимость...

К ю р м а н. Прекратите!

В е д у щ и й. Через полгода вам стукнет пятьдесят.

Кюрман поднимает глаза.

Вы в отчаянии из-за самого себя.

К ю р м а н (*смеется*). Что же мне — йогой заняться, что ли?! (*Встает, Ведущий продолжает сидеть.*)

В е д у щ и й. Существует много учений...

К ю р м а н. Сумма банальностей неизменна.

В е д у щ и й. Звучит, как афоризм.

К ю р м а н. Это — истина.

Опять слышен плач младенца.

В е д у щ и й. Да-а...

Младенец умолкает.

Вы хотели что-то сказать?

Доносятся звуки фисгармонии

Да-а...

Фисгармония умолкает.

Я понимаю вас! У вас была возможность изменить свою биографию. Иногда люди мечтают об этом, а что получается: вариации все той же банальности.

К ю р м а н (*вопит*). Что мне делать?!

Младенец плачет.

В е д у щ и й. Да-а...

Младенец умолкает.

Почему бы вам не заняться йогой?

К ю р м а н. Йогой...

В е д у щ и й. Теперь многие увлекаются «йогой по-американски» — особенно те, кто страдает от банальности своей биографии. (*Встает.*) Попробуйте!

К ю р м а н. Йогой...

В е д у щ и й. Почему бы не попробовать? (*Смотрит на часы.*) Но у вас остается не так уж много времени. (*Возвращается к столу.*)

Кюрман стоит один посреди комнаты.

Г о л о с и з д и н а м и к а. Почувствуйте, как дышит тело.

Ваше тело.

Как оно дышит.

Помимо вашей воли.

Почувствуйте это дыхание всем своим телом, и нет больше ничего, кроме этого дыхания, происходящего помимо вашей воли.

Чувствуете?

К ю р м а н. Да.

Г о л о с и з д и н а м и к а. И нет больше ничего, кроме этого дыхания.

К ю р м а н. О да.

Г о л о с и з д и н а м и к а. Расслабьтесь.

Почувствуйте, как ваше тело стоит.

Помимо вашей воли.

Как оно стоит и дышит,

Ваше тело.

Не думайте ни о чем больше.

Это — важно.

Чувствуете ли вы свое тело?

К ю р м а н. Да.

Г о л о с и з д и н а м и к а. Расслабьте все мышцы. Попробуйте.

Только обязательно все.

Поначалу это нелегко, я знаю, пока вы не поверите, что тело не упадет, если вы расслабите все мышцы и если не будете знать, о чем вы думаете.

Ваше тело.

Ничего больше не чувствуйте.

Попробуйте.

Свет софитов направлен на авансцену перед декорацией комнаты: в круге света появляется Ассистентка в роли медсестры и ввозит кресло-каталку.

А с с и с т е н т к а. Вам нельзя вставать, господин Кюрман, в течение двух недель после операции. Придется потерпеть, господин Кюрман, придется потерпеть. (*Подводит Кюрмана к креслу-каталке.*) Господин профессор сейчас придет. (*Уходит.*)

К ю р м а н. Это печень?

В е д у щ и й. По-видимому, нет.

К ю р м а н. А что?

В е д у щ и й. Ведь печень вы так оберегали.

К ю р м а н. Почему вдруг операция?

Ассистентка в роли медсестры приносит букет цветов.

А с с и с т е н т к а. Видите, господин Кюрман, цветы от вашего сына из Америки. Одни дельфиниумы, господин Кюрман, так много дельфиниумов.

К ю р м а н. Сестрица...

А с с и с т е н т к а. Агнес.

К ю р м а н. Можно мне поговорить с главным врачом?

А с с и с т е н т к а (*ставит цветы в воду*). Сейчас, господин Кюрман, сейчас. (*Уходит.*)

В е д у щ и й. У вас боли?

К ю р м а н. Сейчас нет.

В е д у щ и й. Благодаря морфию.

Ассистент появляется в роли господина с черным моноклем.

Вы хотите принимать посетителей?

А с с и с т е н т. Ханнес...

В е д у щ и й. Это Соплянер. Помните ту злополучную игру в снежки? Он вполне нашел свое место в этом мире. Как вы видите — и без левого глаза. Он теперь торговый атташе. И хочет рассказать вам о Южной Африке.

Кюрман отворачивается.

Сегодня ему не хочется никого видеть.

Ассистент удаляется.

К ю р м а н. Давно я в этой клинике?

В е д у щ и й. С февраля.

К ю р м а н. А сейчас май?

В е д у щ и й. Июнь.

К ю р м а н. Врачи знают, что у меня?

В е д у щ и й. Главный врач считает, что у вас гастрит...

К ю р м а н. Что это такое?

В е д у щ и й. Бывает какой-то хронический гастрит... *(Берет стул, стоящий у режиссерского столика, и ставит его в световой круг рядом с креслом-каталкой, в котором сидит Кюрман.)*

К ю р м а н. Я хотел бы побродить по саду...

В е д у щ и й. Понимаю.

К ю р м а н. Наступило лето.

В е д у щ и й. Да, уже появились дельфиннумы.

К ю р м а н. Когда я смогу выписаться?

В е д у щ и й. Это лучше спросить у главного врача... *(Возвращается к режиссерскому столику.)* Нельзя ли дать свет поярче?

Свет тускнеет.

Я просил поярче!

Свет становится ярче.

Может, вам хочется, чтобы занавески были задернуты, когда солнце палит, как сегодня?

Кюрман отрицательно кивает головой.

Хорошо.

Ассистент в роли Эгона садится на стул рядом с каталкой.

А с с и с т е н т. Ну и жара нынче... *(Снимает галстук и расстегивает воротничок.)*

В е д у щ и й. Вы помните, господин Кюрман: от прежней встречи с господином Штахелем — так называемого мужского разговора — вы в новом варианте от казались. Иными словами: теперь это ваша первая бе седа с Эгоном Штахелем.

К ю р м а н. Почему бы вам не снять пиджак?

А с с и с т е н т. Здесь немного прохладнее... *(Пауза.)* Я не виделся с Антуанеттой около года. Нет, я не от нее узнал, что ты находишься в этой клинике... Это меня так ошеломило, Ханнес. Даже не помню, кто мне это сказал. *(Достает сигарету.)* Как поживает Антуанетта? *(Достает зажигалку.)* Мы с ней уже и не переписываемся.

К ю р м а н. Около года?

А с с и с т е н т. Я думал, ты знаешь?

К ю р м а н. Антуанетта очень замкнута. *(Пауза.)* В самом деле, почему бы вам не снять пиджак?

А с с и с т е н т *(закуривает)*. Кажется, это Лора мне сказала.

К ю р м а н. Кто это — Лора?

А с с и с т е н т. Моя жена.

К ю р м а н. Что она вам сказала?

А с с и с т е н т. Что у тебя рак желудка. *(Пауза.)* Откровенно говоря, я был рад, что ты отказался от встречи со мной. Тогда. Что мы могли сказать друг другу? Два мужика, которые любят одну и ту же женщину... Ханнес, тебе не мешает, что я тут курю?

К ю р м а н. Здесь нет пепельницы.

А с с и с т е н т. Я могу загасить. *(Затаптывает сигарету.)* Она мало о тебе рассказывала и все-таки с годами у меня появилось такое ощущение, будто я тебя знаю, Ханнес, лучше, чем моих собственных приятелей... Да... В мыслях я часто с тобой разговаривал, Ханнес, откровеннее, чем с Антуанеттой. *(Достает еще одну сигарету и сует ее в рот.)* Она — несчастная женщина.

К ю р м а н. Почему это?

А с с и с т е н т. Сначала я думал, что дело в тебе...

Ассистентка в роли медсестры входит с медицинским столиком на колесах.

А с с и с т е н т к а. Здесь не курят.

А с с и с т е н т. Простите.

А с с и с т е н т к а. Господин профессор сейчас придет. *(Уходит.)*

А с с и с т е н т. Боли бывают?

К ю р м а н. Да.

А с с и с т е н т. Я ухожу... Собственно, я не собирался говорить с тобой об Антуанетте... Ведь ты ее любишь... *(Встает.)* Я знаком с профессором Финком. Строил ему виллу. Говорят, он хороший врач.

К ю р м а н. Я был у него на приеме несколько лет назад.

Пауза.

А с с и с т е н т. Хаинес, мне будет тебя не хватать. *(Протягивает Кюрману руку.)*

К ю р м а н. Что ты хочешь этим сказать?

А с с и с т е н т. Ты и сам знаешь.

К ю р м а н. Ты — единственный, кто говорит мне правду.

В дверь стучат.

Благодарю вас, Эгон.

В дверь опять стучат.

Войдите!

Входит Антуанетта в пальто и с большой сумкой в руке.

А н т у а н е т т а. А-а.

Антуанетта и Ассистент молча кивают друг другу, после чего Ассистент уходит.

Я нашла те книги, что ты просил. *(Вынимает книги из сумки.)*

К ю р м а н. Здесь был Эгон.

А н т у а н е т т а. Мы с ним поздоровались.

К ю р м а н. Разве?

А н т у а н е т т а *(садится на стул)*. Тебе больно?

К ю р м а н. Сейчас сделают мне укол.

Антуанетта берет его руку в свои.

Сегодня я хотел побродить по саду...

Входит Ассистент в белом халате.

А с с и с т е н т. Ну-с, господин Кюрман, как дела?

Антуанетта встает.

А с с и с т е н т. Господин Кюрман уже хочет гулять!

А н т у а н е т т а. Я только что об этом услышала.

А с с и с т е н т. Как сегодня спали? *(Щупает пульс.)*

К ю р м а н. Господин профессор...

А с с и с т е н т. Пульс уже получше.

К ю р м а н. Можно мне поговорить с вами наедине?

А с с и с т е н т. Господин Кюрман, нам всем следует набраться терпения. Вы знаете, что слабость у вас — от облучения; это еще ни о чем не говорит.

А н т у а н е т т а. Я похожу в коридоре. *(Уходит.)*

А с с и с т е н т. Пульс лучше, намного лучше.

К ю р м а н. Вы уже знаете, что у меня?

А с с и с т е н т. Гастрит. *(Снимает очки и протирает стекла.)* Особо тяжелый хронический гастрит. *(Держит очки против света.)* Знаю, господин Кюрман, прекрасно знаю, что вы думаете, что вообще все нынче думают, когда речь заходит об облучении. *(Надевает очки.)* Не надо зря ломать себе голову.

К ю р м а н. Мне бы очень хотелось, чтобы вы сказали мне правду.

А с с и с т е н т. Надо набраться терпения.

К ю р м а н. Разве при гастрите оперируют?

А с с и с т е н т. Вас не оперировали, господин Кюрман.

К ю р м а н. Почему же мне говорят...

А с с и с т е н т. Кто говорит?

К ю р м а н. Сестра Агнес.

Ассистент берет со стула книгу.

А с с и с т е н т. Что это вы читаете? *(Листает, не глядя.)* Конечно, мы тоже об этом думали, иначе не было бы и речи об операции. Не буду от вас скрывать: облучение — вещь малоприятная, мы это знаем. Но пока вы здесь, — я хотел сказать, — пока мы не убедимся, что этот гастрит не дает рецидива... Вероятно, гастритом вы страдали уже давно — бывали боли в области желудка, но вы думали, что дело в печени.

К ю р м а н. Таков был прежний диагноз.

А с с и с т е н т *(читает на обложке название книги)*. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ. *(Откладывает книгу.)* Вам хотелось бы знать, когда вы сможете отправиться в путешествие. Мне это понятно, господин Кюрман, вполне понятно.

К ю р м а н. Мы хотим поехать в Тоскану.

А с с и с т е н т. Тоскана и осенью очень хороша.

Кюрман молчит.

Как я уже сказал вам, господин Кюрман...

К ю р м а н. Это рак?

А с с и с т е н т. Некоторая опасность в вашем возрасте, естественно, существует, это доказывает статистика. Во всяком случае, с нашей стороны было бы безответственно не облучать.

К ю р м а н. Я просто боюсь.

А с с и с т е н т. Чего? Облучения?

К ю р м а н. Медленного умирания.

Пауза.

А с с и с т е н т. Какие роскошные цветы преподнесли вам нынче!

К ю р м а н. Да.

А с с и с т е н т. Господин Кюрман... *(Протягивает Кюрману руку.)*

К ю р м а н. Моя жена знает.

А с с и с т е н т. До завтра, господин Кюрман, до завтра.

Ассистент уходит, Антуанетта возвращается.

К ю р м а н. Он говорит, что Тоскана и осенью очень хороша...

А н т у а н е т т а *(берет со стула книгу и садится)*. Где мы остановились?

К ю р м а н. Decima Lezione.¹

А н т у а н е т т а. Что господину угодно?

К ю р м а н. Che cosa desidera, Signore?

А н т у а н е т т а. Signore desidera.

К ю р м а н. Vorrei una cravatta.²

А н т у а н е т т а. Где зеркало?

К ю р м а н. Dove si trova il specchio?³

А н т у а н е т т а. Lo specchio.⁴

К ю р м а н. ...lo specchio, lo studio, lo spazio.⁵

А н т у а н е т т а. А во множественном числе?

К ю р м а н. Gli specchi.⁶

А н т у а н е т т а. Урок одиннадцатый.

К ю р м а н. Я хотел тебе написать. Но когда ты здесь, они каждый раз делают мне укол, и я забываю, что хотел написать.

¹ Урок десятый *(итал.)*.

² Мне нужен галстук *(итал.)*.

³ Где тут зеркало? *(итал.)*

⁴ Зеркало *(итал.)*.

⁵ Зеркало, кабинет, пространство *(итал.)*.

⁶ Зеркала *(итал.)*.

Загорается неоновая лампочка.

В е д у щ и й (*читает по досье*): «Антуанетта, мы принизили друг друга. Почему мы всегда принижали друг друга? Я тебя, ты меня. Почему мы так принизили все, что было бы возможно между нами. Мы знаем друг друга только приниженными».

Неоновая лампочка гаснет.

А н т у а н е т т а. Урок одиннадцатый.

К ю р м а н. Undicesima lezione.

Входит Ассистентка в роли медсестры.

А с с и с т е н т к а. Господин Кюрман...

К ю р м а н. Ну вот, опять укол.

А с с и с т е н т к а. Вы сейчас почувствуете себя лучше. (*Делает укол.*) Сейчас господин Кюрман почувствует себя лучше. (*Промакает место укола тампоном.*) Придержите ватку. (*Выкатывает столик.*)

К ю р м а н. Ты бывала в Тоскане?

А н т у а н е т т а. Да, Ханнес, да.

К ю р м а н. А я нет.

Ассистентка в роли медсестры возвращается.

Они хотят меня опять облучать.

Ассистентка выкатывает кресло с Кюрманом в коридор.

А н т у а н е т т а. Во второй половине дня я опять приду! (*Бросает взгляд на Ведущего.*) Как вы думаете: он знает?

В е д у щ и й. Временами.

Антуанетта рыдает.

Это может длиться несколько месяцев; вы приходите к нему ежедневно, теперь уже дважды в день. Но и вы не в силах его спасти, фрау Кюрман, и вы это знаете.

А н т у а н е т т а. Да.

В е д у щ и й. Через несколько лет — почем знать! — возможно, найдут какое-то средство, но покамест это только судьба.

Антуанетта хочет уйти.

Фрау Кюрман! (*Подходит к Антуанетте.*) Вы сожалеете о годах, проведенных с Ханнесом?

Она непонимающе глядит на него.

Вы, разумеется, тоже вольны сделать свой выбор, вы тоже можете еще раз начать жизнь сначала, — если знаете, что хотели бы в ней изменить.

А н т у а н е т т а. Еще бы мне не знать!

В е д у щ и й. С какого момента вы хотели бы начать?

А н т у а н е т т а. С двух часов ночи. Семь лет назад.

В е д у щ и й. Пожалуйста, фройляйн Штайн, прошу вас.

Софиты гаснут.

Обычное освещение.

Все назад!

А с с и с т е н т. Часы с боем понадобятся?

В е д у щ и й. Конечно.

Ассистент вносит часы.

Пепельницы тоже на месте?

А с с и с т е н т. Да. *(Уходит.)*

В е д у щ и й. Мы готовы.

Световой занавес.

Фройляйн Штайн!

Антуанетта входит в вечернем платье, садится в кресло и ждет; на ней темные очки. За дверью голоса, смех, потом тишина; вскоре входит Кюрман, одетый, как в начале спектакля.

Растерянно останавливается.

А н т у а н е т т а. Скоро я тоже уйду.

К ю р м а н. Вам нехорошо?

А н т у а н е т т а. Наоборот. *(Достает сигарету.)* Только выкурю еще одну сигарету. *(Напрасно ожидает, что он поднесет ей зажженную спичку.)* Если я вам не помешаю. *(Сама зажигает сигарету и курит.)* Я получила большое удовольствие. Некоторые из ваших гостей показались мне очень славными, очень интересными...

Часы бьют два раза.

К ю р м а н. Уже два часа ночи.

А н т у а н е т т а. Вы устали?

К ю р м а н. Завтра мне надо работать.

А н т у а н е т т а. Чем вы занимаетесь? *(Пауза.)* Собственно, я хотела только еще раз услышать, как бьют ваши старинные часы. Обожаю такие часы: Эти фигурки, которые при первом ударе начинают делать одни и те же движения...

Кюрман подходит к часам и крутит ручку, переводя стрелки;
слышится хриплый бой.

Он крутит и крутит, пока валик не кончается.

Теперь я пойду.

К ю р м а н. Машина у вас есть?

А н т у а н е т т а. Да. *(Встает с кресла и берет в руки свою накидку.)* Почему вы так на меня смотрите? *(Надевает накидку.)* Почему вы так на меня смотрите? *(Берет сумочку.)* Мне тоже надо завтра работать. *(Она готова к выходу. Кюрман провожает ее до двери и тотчас возвращается в комнату.)*

К ю р м а н. А теперь что?

В е д у щ и й. Она ушла.

К ю р м а н. И что будет?

В е д у щ и й. Теперь вы свободны.

К ю р м а н. Свободен...

В е д у щ и й. Биография без Антуанетты.

Загорается неоновая лампочка.

А с с и с т е н т к а. «Когда гости ушли, она осталась сидеть в кресле. Что делать в два часа ночи с незнакомой дамой, которая не уходит и просто сидит и молчит. Этого могло бы и не быть».

Неоновая лампочка гаснет.

В е д у щ и й. Вы свободны, господин Кюрман — у вас впереди еще семь лет.

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

САНТА-КРУС

Пьеса-романс

Перевод Ю. Архипова 5

ОПЯТЬ ОНИ ПОЮТ

Пьеса-реквием

Перевод А. Карельского 65

ГРАФ ЭДЕРЛАНД

Страшная история в двенадцати картинах

Перевод Ю. Архипова 117

ДОН ЖУАН, или ЛЮБОВЬ К ГЕОМЕТРИИ

Комедия в пяти действиях

Перевод К. Богатырева 183

БИДЕРМАН И ПОДЖИГАТЕЛИ

Назидательная пьеса без морали

Перевод А. Карельского 249

АНДОРРА

Пьеса в двенадцати картинах

Перевод С. Апта 329

ТРИПТИХ

Три драматические картины

Перевод Е. Колязина 407

БИОГРАФИЯ: ИГРА.

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ 1984

Перевод Е. Михелевич 469

По вопросам оптовой покупки книг
"Издательской группы АСТ" обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги "Издательской группы АСТ" можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – "Книжки по почте"

Литературно-художественное издание

ФРИШ Макс

ТРИПТИХ

Пьесы

Перевод с немецкого

Главный редактор *В. И. Галий*
Ответственный за выпуск *В. В. Гладнева*
Художественный редактор *Б. Ф. Бублик*
Компьютерное оформление переплета *А. А. Кожанова*
Компьютерная верстка *Н. А. Побигайло*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *В. В. Евминова*

Издательство «Фолио»
благодарит издательство «КАНОН-пресс»
за помощь в подготовке издания

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.08.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура *Peterburg*.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 30,34.
Уч.-изд. л. 35,7. Тираж 5000 экз. Заказ 1833.

«Фолио»
61002, Харьков, ул. Артема, 8

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220005, Минск, ул. Красная, 23.

